

В.И. Дашичев

ОТ СТАЛИНА ДО ПУТИНА

*Воспоминания и размышления
о прошлом, настоящем и будущем*

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2015

УДК 94(47).084:821.161-94
ББК 63.2(2)+84(2=411.2)6-49
Д21

Дашичев, В.И.

Д21 От Сталина до Путина. Воспоминания и размышления о прошлом, настоящем и будущем. / Дашичев В.И. – М. : Новый Хронограф, 2015 – 608 с. – ISBN 978-5-94881-267-0.

В книге представлено авторское восприятие узловых проблем политического, экономического и духовно-нравственного развития Советского Союза и России, их исторического места и роли на международной арене. Это в первую очередь: сравнительная характеристика их социально-политических и экономических систем, их положительных и отрицательных сторон, достижений и неудач, причины и последствия распада советской державы. Много внимания уделено международным отношениям: пагубной роли политики господства как основной причины мировых войн и вопросам противодействия ей. Значительное место в книге отведено раскрытию угроз для России и мира в целом, исходящих от политики мирового господства США. Заключительная часть книги посвящена рассмотрению перспективных путей развития России.

УДК 94(47).084:821.161-94
ББК 63.2(2)+84(2=411.2)6-49

ISBN 978-5-94881-267-0 @ Дашичев В.И., автор. 2015
@ Издательство «Новый Хронограф», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
II. Юношеские годы: постижение сталинизма	8
III. В годы суровых испытаний	15
IV. В терниях исторической науки	19
V. В Академии наук	34
VI. Приоритет в моих научных исследованиях	41
1. Политика господства в судьбах человечества. От XX – к XXI веку	41
2. К чему ведут великодержавные коллизии. Уроки предвоенного политического кризиса 1939 г.	58
3. Как Европа проиграла XX век Соединенным Штатам Америки	75
VII. Невыполнимая миссия советской внешней политики	90
1. Четырехкратный грех советской внешней политики. Об одной аналитической записке Л. Брежневу	91
2. Как устранить опасную эскалацию напряженности в отношениях Восток – Запад. Аналитическая записка, представленная на рассмотрение А. Громыко	102
3. О закономерностях международных отношений. Аналитическая записка генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. Андропову	115
VIII. Перестройка внешней политики Советского Союза	142
1. Пересмотр внешнеполитических ценностей	142
2. Об анализе ошибок во внешней политике и их предупреждении	146
3. Восход и закат международного проекта «Звезда»	156
4. Европа не должна существовать между молотом и наковальней. Советско-американские дискуссии в 1988 и 1989 годах.	182
IX. От раскола – к объединению Германии	222
1. Зигзаги советской политики в германском вопросе	222
2. Загадки ноты Сталина западным державам от 10 марта 1952 года	227
3. Германский вопрос на заседании Научно-консультативного совета при МИД СССР 27 ноября 1987 г.	235
4. Мой меморандум по германскому вопросу	245
5. Накануне перелома	250
6. Мои беседы с советским послом в ГДР В. Кочемасовым	257
7. Немецкий народ должен сам определять свою судьбу.	262
8. «Мы единый народ!»	272
9. Мальтийская встреча Горбачева и Буша	283

10. Разногласия в Москве по поводу объединения Германии	285
11. Объединение Германии и окончание холодной войны	295
12. Размышления post factum	311
X. Парижская хартия – несбывшийся исторический проект новой Европы мира, демократии и общеевропейского сотрудничества	324
1. Новые принципы построения общеевропейского дома	324
2. Почему провалился проект создания новой Европы	327
XI. Переход США к широкомасштабной политике глобального господства	330
1. «Проект нового американского века» – вызов мировому сообществу.	330
2. Билл Клинтон против Иммануила Канта	338
3. Свобода против нравственности.	348
4. Приемы мотивации американской политики господства	355
5. Американская политика господства под судом общественности	373
XII. Россия под прицелом политики США	383
1. Доктрина «нового сдерживания» России	383
2. Американская политика на постсоветском пространстве в исторических сравнениях и сопоставлениях.	394
3. Откуда идет угроза национальной безопасности России	406
4. В треугольнике США – Украина – Россия	419
5. В геополитическом треугольнике США–Россия–Китай	429
6. Какая «перезагрузка» американо-российских отношений нужна России.	436
7. Провалилась ли политика Запада в отношении России?	442
8. Украинская трагедия и новая холодная война США против России.	456
XIII. Россия во мгле	477
1. Как и почему был разрушен Советский Союз.	477
2. Модель дикого капитализма, навязанная России, оказалась гибельной	494
3. Обвал России. Причины и последствия	502
4. Выдержит ли Россия дальнейшее испытание на прочность?	521
Эпилог: О путях России в будущее	528
Приложение	562
Список публикаций В.И. Дашичева (С 1953– 2014)	562
Монографии, отдельные труды, главы в коллективных трудах.	562
Статьи и интервью	571
Статьи и материалы на мультипортале KM.RU (публицистика, спецпроекты, 2009–2014).	590

I. ПРЕДИСЛОВИЕ

«Умом Россию не понять...» Эти слова из стихотворения Ф.И. Тютчева невольно вспоминаются, когда задумываешься о пути, пройденном нашей страной в XX – начале XXI в. Действительно, трудно представить себе, как на протяжении одного XX века она умудрилась совершить головокружительные социально-политические кульбиты от монархии к социализму и от социализма – к капитализму, строя, не имеющему по всем признакам будущего. В результате обоих исторических поворотов России так и не удалось создать устойчивое общественное устройство всеобщей социальной удовлетворенности и справедливости для ее граждан. Правящая элита нашей страны, дважды на протяжении века изменявшая свой социально-политический облик и персональный состав, каждый раз оказывалась не на высоте положения. Трудно понять, как в стране, самой богатой в мире природными ресурсами, народ обречен на то, чтобы влачить жалкое существование.

Два социально-экономических эксперимента – социалистический и капиталистический, проведенных в России на протяжении без малого 100 лет, нанесли тяжелейший урон ее людскому потенциалу. Особенно пострадал ее интеллектуальный генофонд – фактор, определяющий жизнеспособность нации. Это во многом предопределило низкий уровень государственного мышления советской элиты и ее неспо-

способность сохранить в стране строй социальной справедливости и успешно завершить создание цивилизованного социализма. А в наше время это нашло отражение в жалком духовно-нравственном состоянии российской буржуазной власти, которой чужды понимание национальных интересов народа и служение ему, отсутствие у нее знаний закономерностей социально-экономического развития общества, стратегического и геополитического видения и даже человеческой порядочности.

Во имя создания социалистического общества справедливости, служащего интересам всего народа, были принесены колоссальные жертвы, но и достигнуты ощутимые результаты. Советский Союз избавился от «догоняющего развития», которым веками страдала Русь, и вышел на передовые рубежи экономического и научно-технического прогресса в мире. Однако эти грандиозные успехи советского народа оказались совершенно напрасными: Ельцин и его окружение, незаконно захватившие власть в стране, наплевали на них и перечеркнули своей политикой все прошлое и грядущее развитие нашей страны. Во имя чего? Чтобы ввергнуть ее в состояние капиталистического хаоса и развала, чтобы перелить народные богатства в карманы кучки проходимцев, образовавших клан олигархов. Это явилось не только громадным психологическим шоком и духовным потрясением для народа, но и ввергло его в небывалую материальную нищету. Кроме того, навязав России капиталистический путь развития, режим Ельцина и его последователей разрушили ее экономический и технологический потенциал, нанесли тяжелый ущерб ее образованию, науке, культуре, нравственному состоянию общества, подорвали геополитические позиции страны в мире. Вот почему мы можем по прошествии более чем 20 последних лет развития России поставить вопрос: «А выдержит ли она дальнейшее испытание на прочность?»

Первоначальный толчок капиталистическому преобразованию России, ее «хождению по буржуазным мукам» был

задан внешней силой – правящей элитой США. Она прекрасно понимала, как для нее жизненно важно перекрыть дорогу развитию и совершенствованию социалистической системы как успешной антитезы капитализму. С помощью советских ренегатов и перерожденцев, пошедших в услужение дяде Сэму, эта цель была достигнута после государственного переворота Ельцина в декабре 1991 г. Американской правящей элите удалось повергнуть навзничь советскую державу, не сделав ни единого выстрела и не пролив ни единой капли крови своих солдат. Затем было осуществлено «тихое завоевание» России. Главную роль в этом сыграли скрытые подрывные методы воздействия. Для политики США не составило большого труда провести «капиталистическую трансформацию» России, устранить ее как главную помеху для осуществления глобальных планов США.

Об этой печальной и трагической истории нашей страны и ее народа уже издано множество исследований. Но еще многое из тех событий, которые пережил российский народ, остается тайной. Потребуется немало времени, чтобы тайное стало явным. Собственно, так всегда происходило в человеческой истории.

Оглядываясь назад, не могу отделаться от впечатления, что вся моя жизнь, как и жизнь моих сверстников, а также предшествующих поколений граждан страны, прошла в непрерывной смуте, которая привела в конце концов к трагическому развалу Советского Союза и к небывалой нравственной, политической, экономической, научной, технологической и культурной деградации России в 1990-е годы XX – начале XXI века. Кто же повинен в этом – народ или правители страны? Или внешние силы? Или совокупность этих факторов? Важно найти правильные ответы на эти вопросы и извлечь уроки из прошлого, чтобы уберечь Россию от худшего.

II. ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ: ПОСТИЖЕНИЕ СТАЛИНИЗМА

Родился я 9 февраля 1925 г. в Москве. Мой отец, Дашичев Иван Федорович – уроженец Брянска, участвовал в Первой мировой войне, дослужился до младшего офицера и во время революции перешел по идейным соображениям на сторону Красной Армии, стал героем Гражданской войны (см. первое издание БСЭ, т. 20), будучи удостоенным за проявленное мужество и боевые заслуги трех орденов Красного Знамени (тогда всего лишь в числе 30 человек!).

В 1930-е годы юношей я наблюдал, как под жерновами сталинских чисток один за другим исчезали его соратники. В середине 1930-х годов отец возглавлял штаб элитного 1-го стрелкового корпуса в Москве. Помню, как он был потрясен, когда командир корпуса комкор И.С. Кутяков – в Гражданскую войну начальник штаба дивизии Чапаева, а затем после его гибели ее командир – был арестован в 1936 г. и расстрелян. Потом последовали новые страшные потрясения. После расстрела комкора И.С. Кутякова отец был переведен в 1936 г. на Дальний Восток и принял командование Сибирской стрелковой дивизией в г. Бикин под Хабаровском. Дивизия входила в состав Хабаровского стрелкового корпуса, которым командовал комкор М.В. Калмыков. Не прошло и года после вступления отца в новую должность, как Калмыков был арестован. Во время ареста он покончил жизнь самоубийством, выбросившись в лестничный пролет многоэтажного дома с криком: «Да здравствует социализм!». Отец был в полном смятении. Невозможно было понять, за что так расправились с Калмыковым.

Затем последовала очередь маршала В.К. Блюхера, командовавшего Дальневосточным военным округом. С ним у отца сложились дружеские отношения, и он часто бывал в нашем доме. Отец был в ужасе, узнав, что его арестовали и расстреляли. Он говорил мне, что Блюхер был честным и преданным стране и партии человеком. В Сибирской

стрелковой дивизии в 1937 году были арестованы начальник штаба, замполит, два командира полка. Да и сам отец едва не угодил в тюрьму. Спасло его то, что его начальник штаба, находясь в тюрьме, отказался, даже под пытками, подписать заявление, что Дашичев является врагом народа.

В 1938 г. отец был отозван в Москву. Помню, когда мы ехали в поезде с Дальнего Востока, отец каждый раз вздрагивал при стуке в дверь купе. На случай ареста он держал при себе маленький чемодан со всем необходимым. Восемь месяцев он находился в резерве Главного управления кадров Красной Армии. Решался вопрос: либо «посадить» его, либо дать новое назначение. Можно представить, в каком психическом состоянии находился отец и я с сестрой и матерью. А в таком положении, как он, в армии были десятки тысяч. В конце концов, его назначили в 1939 г. командиром корпуса, дислоцировавшегося в город Великие Луки. Начальником штаба корпуса был генерал-майор Т.В. Кудрявцев. С его дочерью Александрой я учился в шестом и седьмом классах средней школы. Мы полюбили друг друга. Я пронес эту любовь через Великую Отечественную войну, которую прошел от Ростова до Праги. После ее окончания мы поженились.

Вскоре отцу пришлось перенести новые испытания. Его корпус был брошен в позорную, преступную и совершенно ненужную финскую войну. Перед ним была поставлена задача, наступая на г. Оулу, перерезать Финляндию пополам. Однако в связи с полным бездорожьем на этом направлении, чрезвычайно глубоким снегом, отсутствием соответствующих транспортных средств и лыж в войсках, их низкой боеспособностью, неготовностью воевать в непривычных, чрезвычайно суровых зимних условиях, отец отказался проводить наступление. Оно грозило большими потерями и провалом. Прибывший в расположение корпуса Лев Мехлис – в то время начальник Главного политического управления Красной Армии и одновременно член Военного совета Ленинградского фронта, «цербер Сталина», как его называли, – приказал отцу немедленно начать

наступление. Отец отказался, заявив, что это приведет к гибели корпуса. Л. Мехлис под угрозой его ареста продолжал настаивать на своем. Тогда отец предложил ему, как члену Военного совета фронта, лично написать приказ на наступление, что он и сделал. В результате начатого наступления одна дивизия корпуса, которой командовал генерал Виноградов, была окружена мобильными частями финнов в непроходимых заснеженных лесах и потерпела поражение. Л. Мехлис повел себя непристойно. Во всем он обвинил отца. Последовало его разжалование в полковники. То же самое ожидало генерала Т.В. Кудрявцева. Но его от этой участи спас отец, взяв всю ответственность за гибель дивизии на себя. В распоряжение Военного совета Ленинградского фронта он представил донесение о том, что отказался от совершенно бесперспективного и опасного для наших войск наступления на г. Оулу и сделал это только по письменному категоричному приказу Л. Мехлиса. Он был оправдан и восстановлен в звании. Не трезвый расчет, не военное искусство, основанное на стремлении добиться выполнения задач с минимальными людскими потерями, с бережным отношением к имеющимся кадрам, а «большевистский наскок» – таков был дух, насаждавшийся в армии военными невеждами вроде Л. Мехлиса.

Из рассказов отца и трагических событий тех лет я вынес мои юношеские впечатления о состоянии наших вооруженных сил накануне Великой Отечественной войны. Впоследствии, в хрущевскую оттепель, когда я работал в Военно-научном управлении Генштаба, мне стало известно из документов, что в период сталинских чисток были репрессированы 42 тысячи военнослужащих из высшего и среднего командного состава. Накануне смертельной схватки с германским нацизмом Красная Армия была обезглавлена.

Это, в частности, объясняет, почему Сталин панически боялся войны с Германией и даже запретил проводить мероприятия по приведению наших вооруженных сил в со-

стояние боеготовности накануне 22 июня 1941 г., дабы, как он полагал, «не спровоцировать» наступления вермахта. Большой политической шизофреничности, близорукости и глупости трудно себе представить. А в обстановке созданного массовыми репрессиями всеобщего страха никто не осмеливался перечить Сталину. Как стало впоследствии известно из агентурных и прочих донесений о том, что вермахт готов вот-вот начать наступление, начальник Главного разведывательного управления генерал Ф. Голиков налагал на донесениях угодливо резолюцию: «Это провокация». На этом фоне смехотворными выглядят попытки беглого советского разведчика В. Суворова (Резуна) доказать, что Сталин якобы намеревался начать «превентивную войну» против Гитлера в 1941 г. Кстати, в период моей работы в Военно-научном управлении Генштаба мне были доступны многие документы, связанные с советским военно-стратегическим планированием. Среди них я не видел документов, свидетельствующих о подготовке советским командованием превентивной войны против Германии.

Уже в зрелом возрасте для меня стали понятны причины массовых сталинских репрессий в отношении не только военной, но и партийной, управленческой, научной, преподавательской, инженерной, сельскохозяйственной и религиозной элит страны. Речь шла совсем не о «врагах народа». С самого начала возникновения Советского государства развернулась жестокая борьба за политическую власть. Это объяснялось тем, что Советское государство не обладало легитимностью, исходящей из воли народа, а основывалось на господстве раздираемой противоречиями, личными амбициями и интригами высшей партийной номенклатуры – фактически сектантской, заговорщической организации, действовавшей от имени мессианских догм марксизма, а позже ленинизма и сталинизма. На вершине власти оказывались отнюдь не способные по своим знаниям, образованию, политической и общей культуре, по состоянию здоровья заниматься государственным управлением. Это все

относилось и к Сталину, страдавшему паранойей со всеми вытекавшими отсюда последствиями для народа и страны, для социализма и его будущего.

Развязанная Троцким, Лениным и их единомышленниками Гражданская война и первые «чистки» обернулись для русского народа как титульной, государствообразующей нации громадными, невосполнимыми потерями, особенно – интеллектуальной элиты. В интересах своей единоличной, ничем и никем не ограниченной диктатуры Сталин создал в стране атмосферу всеобщего страха и повиновения. Ради этого он прибегнул к геноциду народа. На его совести гибель миллионов «культуртрегеров» нации, уничтожение духовного генофонда народа. Вот почему у кормила власти в стране оказались невежественные руководители и сотни тысяч таких же невежественных партийных чиновников рангом пониже. Наиболее ярким их воплощением стала впоследствии фигура Бориса Ельцина, сыгравшего самую постыдную роль в российской истории.

Как и многим миллионам советских граждан, отцу тоже не удалось избежать ареста. Это случилось уже во время войны. С началом военных действий он командовал 35-м стрелковым корпусом, который успешно отражал наступление противника в Молдавии. В конце 1941 г. он вступил в командование 9-м стрелковым корпусом Крымского фронта, а во время Керченско-Феодосийской десантной операции – 44-й армией после гибели ее командующего. Армия находилась в отчаянном положении, ведя арьергардные бои. В боевой характеристике отца того времени значилось: «Проявил себя подготовленным опытным командиром, в совершенстве владеющим навыком командования частями в бою. Выдержан, тверд, политически развит хорошо. С массой командиров и бойцов связан, пользуется авторитетом»¹.

Тем не менее в начале 1942 г. он стал жертвой новой кампании арестов десятков генералов, проводившейся по

¹ Командармы. Военный биографический словарь. М., 2005. С. 66.

указанию Сталина со старой целью запугивания, а на этот раз и поиска «козлов отпущения» за сталинские грехи – тяжелые поражения в начальный период войны. К гонению на отца, по иронии судьбы, снова оказался причастным Л. Мехлис, являвшийся членом Военного совета Крымского фронта со всеми вытекавшими отсюда отрицательными последствиями для ведения операций. В июле 1942 г., при следовании из Крыма в район Калинина для принятия новой должности заместителя командующего Калининским фронтом И.С. Конева, отец был арестован. Ему было тогда 45 лет! Причиной послужил не только доклад Л. Мехлиса Сталину, в превратном свете представивший причины провала Керченско-Феодосийской операции, но и донесение «стукача» – полковника Ложкина, в разговоре с которым отец резко критиковал Сталина за стратегический провал 1941 года. Ему пришлось отсидеть в тюрьме, в одиночной камере, вплоть до марта 1953 г. После смерти Сталина он был освобожден и работал чернорабочим на канатном заводе в Рыбинске. 31 июля 1953 г. «дело по обвинению И.Ф. Дашичева решением Особого Совещания при МВД СССР было прекращено за отсутствием состава преступления с полной его реабилитацией»¹. Но здоровье отца было сильно подорвано, и он не смог больше продолжать предложенную ему службу в армии. Так, вместо того, чтобы использовать его незаурядные военные знания и опыт в войне против вермахта и в послевоенное время, его продержали в тюрьме без суда и следствия десять лет. «Где же была государственная мудрость Сталина и других советских правителей того времени?» – думал я. Об аресте отца я узнал лишь в конце 1944 г. Я думал тогда, что он, как и многие, где-то партизанит или выполняет спецзадание.

Я пишу все это для того, чтобы показать, насколько ненормальной и ущербной была обстановка в стране в те годы. Сталин, как никто другой, своей жестокостью, неразборчи-

¹ Командармы. Военный биографический словарь. М., 2005. С. 66.

востью в средствах удержания своей власти и достижения своих целей, диктаторскими действиями, не совместимыми с законом, моралью и социалистическими ценностями, сильнейшим образом скомпрометировал социалистический строй. По сути дела, он вызвал в народе глубокое разочарование в существовавших в Советском Союзе порядках и заложил основы его падения в 1991 г. Этим не преминули воспользоваться правители США и предательские внутренние силы в стране. И никто тогда не пошевелил пальцем, чтобы воспротивиться гибели СССР.

Но и в смутное время сталинского террора я несколько не сомневался в справедливости социалистических идей и ценностях социалистического пути развития. Сталинизм я в душе рассматривал как чудовищное извращение и отклонение от правильного пути, которые со временем будут непременно преодолены.

Каковы же были важнейшие этапы и события моей жизни, которое оказали большое влияние на мои мировоззренческие позиции, научную и публицистическую деятельность, тесно связанную с политическими перепутьями нашей страны?

III. В ГОДЫ СУРОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

В декабре 1942 года я был призван прямо из десятого класса средней школы в армию и направлен в Военный институт иностранных языков, находившийся в Ставрополе на Волге. Но, поскольку я уже прилично знал немецкий язык, углубленно изучая его, по настоянию родителей, несколько лет с учителем дома, я подал рапорт об отправке меня на фронт. Мой рапорт был удовлетворен.

С 1943-го по 1945 год я участвовал в Великой Отечественной войне в качестве офицера разведотдела штаба 4-го Украинского фронта. Отдел возглавлял генерал-майор Грязнов, большой знаток своего дела, пользовавшийся высоким авторитетом у подчиненных. Под его началом я прошел боевой путь от Ростова до Праги и закончил войну в звании старшего лейтенанта. В мою задачу входило снабжение нашего командования информацией о противнике, полученной различными путями, особенно от военнопленных и из захваченных немецких документов.

Яркое воспоминание осталось в памяти от прорыва нашими войсками Перекопского перешейка и освобождения Крыма в мае 1944 г. В то время я получил задание командования продвигаться на мотоцикле вместе с танковыми и моторизованными войсками вглубь полуострова, незамедлительно допрашивать на месте взятых в плен немецких офицеров и солдат и быстро докладывать в разведотдел полученную информацию о противнике: его группировке, ее численности и вооружении. Кроме того, я должен был вместе с подвижными войсками войти в Симферополь, найти штаб 17-й немецкой армии, оборонявшей Крым, и захватить оставленные в нем документы. Это задание было выполнено. Затем мне пришлось иметь дело с захваченным в плен под Симферополем командующим 17-й армией генерал-лейтенантом Беме и несколькими полковниками из его штаба. От них удалось получить ценную информацию о состоянии немецкой армии.

Не обошлось и без тягостных впечатлений. Во время продвижения вглубь Крыма нам навстречу попадались колонны служивших в немецкой армии крымских татар и выходцев с Кавказа и из Средней Азии, плененных немцами. Из них были сформированы германским командованием «туркестанские батальоны», занятые в основном на тыловых работах. Они шли навстречу нам с поднятыми вверх руками. Танкисты останавливались при виде предателей, вылезали из танков и плевали в их сторону. Иногда дело доходило и до мордобоя, и до более тяжелых инцидентов. А вот в Прикарпатье, куда был переброшен 4-й Украинский фронт после взятия Крыма, мне пришлось столкнуться с более серьезной опасностью, связанной с нашими фальшивыми «соотечественниками». Дважды, под Львовом и Станиславом, я чуть не погиб, будучи обстрелянным из засад при движении по дорогам украинскими националистами – бандеровцами.

В разведотделе мне пришлось заниматься под руководством опытного разведчика полковника Сапогова и более «тонкой» работой. Было много немецких военнопленных, готовых работать и сражаться вместе с Красной Армией против гитлеровского режима за демократическую Германию. Из их числа мы подготовили много агентурных работников. Они забрасывались в тыл немецкой армии с поддельными документами и составленными нами весьма правдоподобными легендами. Когда под Никополем в конце 1943 г. была окружена немецкая армейская группа генерала Холлидта, мы направили ему через нашего немецкого «фельдегеря» послание командующего фронтом Ф.И. Толбухина с предложением сдаться. Послание было под расписку сдано в приемный пункт фельдегерской службы германской армии, а наш «фельдегерь» благополучно вернулся к нам. Но генерал Холлидт так и не сдался и сумел вывести свои войска из окружения.

Помню, как один из наших немецких агентов прислал нам из Вены по радио где-то в феврале 1945 г. шифровку о том, что гитлеровское командование готовится к взрыву

бомбы громадной мощности на основе, как он писал, «расщепления атома». Как впоследствии выяснилось, немецкая атомная бомба была действительно взорвана в марте 1945 г. в Тюрингии, а до того на острове Рюген, т. е. раньше, чем это сделали американцы в июле 1945 г. Но Гитлер, к счастью, так и не смог воспользоваться атомным оружием. Для этого уже не было ни времени, ни средств. Нацистская Германия быстро катилась к катастрофе. Было уже не до атомного оружия. Об «атомной истории» Германии в 2005 г. опубликована интересная книга немецкого историка Райнера Карлша «Бомба Гитлера».

С другими фактами и событиями, связанными с немецкой атомной бомбой, я столкнулся впоследствии, уже после войны. Оказывается, Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии через своих агентов было подробнейшим образом осведомлено о состоянии немецких атомных разработок. Было даже известно устройство немецкой атомной бомбы. Начальник ГРУ генерал Ильичев информировал об этом советское руководство. Это было удивительным достижением нашей разведки! На уровне фронтовой разведки мы, конечно, не могли знать об этом.

На заключительном этапе войны наши спецподразделения захватили не только совершенно секретную документацию по немецким атомным разработкам, но и секретный фильм взрыва немецкой атомной бомбы. Своеобразным апофеозом всей этой истории явился «большой блеф» Сталина. В июле 1949 г. в Москве пребывала представительная китайская партийно-правительственная делегация во главе с Лю Шао Ци. Сталин продемонстрировал ей захваченный немецкий фильм, выдав его за съемку взрыва советской атомной бомбы, который, как известно, был произведен значительно позже, в августе 1949 г. Весьма любопытный штрих к портрету Сталина...

Война явилась для меня великой школой жизни и закалкой воли, характера и любви к Родине. Пришлось пережить

ужасы войны, испытать дыхание смерти, страшные страдания людей. Именно в эти, чрезвычайно опасные для нашей страны и для нашего народа годы я задался целью разгадать тайну возникновения войн и найти ответ на вопрос – неужели войны фатально неизбежны или их все же можно предотвратить и укротить? Именно тогда у меня возникла мечта и решение серьезно заняться, если останусь в живых, историей войн и международных отношений. Агрессия фашистской Германии против Советского Союза и других стран Европы с целью порабощения их народов натолкнула меня на мысль, что главной причиной войн выступает политика господства, и я поклялся посвятить свои силы борьбе против этой политики, от кого бы она ни исходила. Это стало девизом моей последующей научной деятельности. Пагубность политики господства – и для самих ее носителей! – я раскрыл в ряде моих монографических исследований¹.

За участие в войне и за последующую службу в армии я был награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, 18 медалями, в том числе «За боевые заслуги», медалью ЧССР «За участие в словацком народном восстании».

¹ Среди них можно назвать книги «Совершенно секретно! Только для командования! Операция “Барбаросса”». М.: Наука, 1967; «Банкротство стратегии германского фашизма. 1933–1945 гг.» в 2 т. М.: Наука, 1957; «Moskaus Griff nach der Weltmavfcht. Die bitteren Früchte hegemonialer Politik», Bonn, Hamburg, Berlin, Verlag «Mittler & Sohn», 2002; «Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе» в 4 т. М.: Наука, 2005.

IV. В ТЕРНИЯХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

После окончания войны 4-й Украинский фронт был преобразован в Прикарпатский военный округ. Его штаб, в котором я остался служить, был дислоцирован в г. Черновцы. Здесь я решил осуществить мою юношескую мечту, навеянную увиденными ужасами войны, – заняться изучением войн, причин их возникновения, возможностей их предотвращения и устранения из жизни человеческого общества. Так я стал, не теряя времени, студентом-заочником исторического факультета Черновицкого университета. После моего назначения в конце 1945 г. в Военную академию им. М.В. Фрунзе я автоматически перевелся в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, став студентом-заочником исторического факультета. Впервые и единственный раз в жизни я нарушил приказ – в данном случае запрет для военнослужащих учиться в гражданских вузах. О моей заочной учебе никто не знал.

Так работу в академии в качестве преподавателя разведывательного факультета мне пришлось совмещать с учебой в университете. Ведь отец мой находился в тюрьме, и я взял на себя материальную и моральную заботу о матери и малолетней сестре. Это позволило сестре окончить среднюю школу и географический факультет МГУ. Впоследствии она стала лауреатом Государственной премии за важное геологическое открытие.

В то время над нами постоянно висел призрак депортации из Москвы в далекие края, как это было сплошь и рядом с родственниками репрессированных. Но, к счастью, мы избежали этой участи. Может быть, потому что начальник академии генерал-полковник Н.Е. Чибисов – друг и боевой соратник моего отца – проявлял большую заботу о нас. Он был чрезвычайно независимым, смелым и порядочным человеком, имевшим мужество действовать, не оглядываясь на «органы». В дальнейшем это пагубно отразилось на его военной карьере. А может, нас спасло и то обстоятельство,

что при призыве в армию в конце 1942 г. я в своей биографии для отдела кадров написал, что учился в 9–10-м классах вместе со Светланой Сталиной. Не исключаю, что поэтому связываться со мной посчитали рискованным делом.

В 1950 г. я окончил истфак МГУ, а в 1953 г. – аспирантуру с последующей защитой кандидатской диссертации на тему: «Агрессия фашистской Германии против Франции. 1939–1940 гг.». Эта работа помогла мне стать в 1953 г. по рекомендации доктора исторических наук полковника В.М. Кулиша научным сотрудником отдела зарубежной военной истории и теории редакции журнала «Военная мысль». Его главным редактором был тогда сначала видный советский военный теоретик генерал Таленский, а затем – генерал Радецкий. В 1953 г. в этом журнале вышла моя первая статья, посвященная заговору против Гитлера 20 июля 1944 г. За нею последовал ряд других статей, в том числе статья о военной доктрине США, написанная на основе анализа американской военной печати, в изобилии имевшейся в Военно-научной библиотеке Генерального штаба. Статья была удостоена высокой оценки со стороны Главного разведывательного управления Генерального штаба. Шестилетний труд в журнале «Военная мысль» позволил мне основательно познать «тайнства» военной стратегии и военной политики.

В 1959 г. после многолетнего перерыва был восстановлен «Военно-исторический журнал», входивший, как и «Военная мысль», в состав Военно-научного управления Генерального штаба. Я считал, что мне было бы интересней и плодотворней работать в этом журнале, и подал рапорт об этом начальству. Вопрос был решен положительно. Так я стал в 1959–1968 гг. редактором по разделу зарубежной военной истории редакции «Военно-исторического журнала». В то же время, в 1963–1965 гг., мне выпала честь по совместительству читать лекции и вести спецкурс на истфаке Московского государственного университета на тему: «Германия во Второй мировой войне».

Наряду с «Новым миром», «Военно-исторический журнал» стал рупором «шестидесятников» и был очень популярен в советской военной и гражданской читательской среде. Главным редактором журнала был назначен генерал-лейтенант Н.Г. Павленко. Работать с ним было – одно удовольствие. Это был человек кристально чистой души, высокой нравственности, великий правдолюбец и непревзойденный знаток истории Великой Отечественной войны. До этого он более 10 лет служил в военно-историческом отделе Военно-научного управления ГШ и как никто иной знал документы Ставки Верховного главнокомандования и штабов фронтов. Он обладал еще одним важным для главного редактора качеством – научной смелостью. Под его руководством коллектив редакции сполна использовал хрущевскую оттепель, чтобы восстановить правду о Гражданской и Великой Отечественной войнах, устранить сталинские искажения истории, в сотнях статей посмертно извлечь из небытия и отдать дань уважения невинным жертвам сталинского террора – крупным советским военачальникам и государственным деятелям, а также рядовым воинам. Это была увлекательная, благодарная работа, окрашенная сильными положительными эмоциями.

В центре внимания журнала, конечно, находилось исследование истории Второй мировой и Великой Отечественной войны. Страницы журнала были предоставлены, в первую очередь, воспоминаниям и статьям выдающихся советских полководцев, военачальников и государственных деятелей – организаторов нашей победы. Были сохранены для потомков их личные оценки как войны в целом, так и отдельных ее операций и кампаний, вопросов экономического и военно-технического обеспечения армии, работы тыла. Большой вклад в это дело внесли советские историки. С момента воссоздания журнала в 1959 г. и вплоть до окончания «оттепели» в 1964 г. перед ними была открыта возможность максимально объективно, без политической предвзятости и давления подчас невежественных аппаратных деятелей

подойти к исследованию минувшей войны. А это требовало критической оценки не только действий и решений на всех уровнях военного руководства, но и многочисленных отступлений от правды, «невзирая на лица». Например, редакция взяла на себя смелость покритиковать маршала А.И. Еременко. Во время битвы под Москвой он командовал Брянским фронтом, прикрывавшим столицу с юго-запада. В своей книге «На Западном направлении» он изобразил себя чуть ли не спасителем Москвы на том основании, что его войска якобы нанесли такой удар по 2-й танковой армии Гудериана, что она вынуждена была откатиться далеко на юг. На самом деле, по плану германского генштаба сухопутных сил, эта армия не предназначалась для участия в Московской битве, а должна была повернуть от Москвы на юг и влиться в состав немецкой группы армий «Юг», осуществлявшей разгром советских войск в Украине. Оборонительная Орловско-Брянская операция, которой руководил А.И. Еременко, закончилась неудачей. Значительная часть Брянского фронта попала в окружение. Обо всем этом было сказано в рецензии на книгу маршала, не умаляя в целом его заслуг в нашей победе.

Редакция много внимания уделяла исследованию проблем ведения войны нацистским руководством в стратегической, экономической, военно-технической и пропагандистско-идеологической сферах. В эти исследования немалый вклад пришлось внести и мне. В журнале был опубликован ряд моих статей, среди них: «К вопросу о подготовке Германии к войне против Советского Союза» (2, 1959), «Из истории капитуляции Германии» (5, 1959), «Операция “Вайс”». Война против Польши» (9, 1959), «Генеральный план “Ост”» (1, 1960), «Планирование фашистской агрессии против Франции» (10, 1960), «Операция “Кремль”» – план захвата Москвы» (8, 1961), «Банкротство нацистской стратегии» (9, 1961), «Агрессия Германии против Польши и позиция западных держав» (12, 1961), «Почему немецкие танки были остановлены перед Дюнкерком (6,1962), «Ге-

нерал-фельдмаршал Паулюс о книге Гальдера «Гитлер как полководец»» (5, 1962), «Германия и проблема войны на два фронта (12,1964), «Экономическое планирование войны верховным командованием германского вермахта (7, 1967) и др. Многие мои статьи по этой проблематике были опубликованы и в журнале «Новая и новейшая история». В начале 1966 года в моем распоряжении оказался очень интересный документ – распоряжение главнокомандующего сухопутными войсками вермахта генерала Браухича от 18 декабря 1938 года о воспитании немецких офицеров. В этом распоряжении, в частности, говорилось: «Адольф Гитлер, гениальный вождь, который соединил учение о фронтовой борьбе с мировоззрением национал-социализма, создал нам новую Великую Германскую империю и обеспечил ее безопасность. Только тот, кто сможет постичь день вчерашний, сегодняшний и завтрашний в его величии, сумеет осознать важность исторического деяния этого человека. Произошли просто гигантские изменения во всех областях. В Третьей империи вырос новый немецкий человек, наполненный новыми идеями по сравнению с предшествовавшими поколениями. Создана новая уникальная народная общность, стершая границы классов и сословий, к которой принадлежим мы все – народ, вооруженные силы и партия. Непоколебима наша верность, крепка наша вера в этого человека, который создал все это, который сотворил это чудо своей верой и своей волей (...) Офицерский корпус не должен позволить кому-либо усомниться в чистоте и величии национал-социалистического мировоззрения. Он является тем знаменосцем, который остается непоколебимым даже тогда, когда все остальное ушло в прошлое. Само собой разумеется, что офицер в любой ситуации действует в соответствии с принципами Третьей империи...»

Поразительно, насколько содержание данного распоряжения было похоже на повседневную советскую практику воспитания народа в духе «культы личности». Главный редактор генерал Н. Павленко и члены редакции были гото-

вы опубликовать этот документ. Они подписали набранную верстку статьи. Но куратор журнала в Главном политическом управлении Советской армии генерал-полковник Рытов наложил свое вето на публикацию. Он усмотрел в циркуляре Браухича сходство с определенными чертами советской действительности... В конце шестидесятых годов, после того, как был снят со своего поста Хрущев, в стране наступила брежневская эра некоего неосталинизма. Канал критики «культ личности» был перекрыт. Дело дошло до смехотворного: главный идеолог А. Суслов распорядился прекратить публикации, раскрывающие особенности тоталитарной власти Германии, чтобы у читателей, как указывалось, не возникали «неконтролируемые ассоциации»(!). Но он не учитывал, что если между диктаторской властью Гитлера и Сталина существовало определенное сходство, то в характере социально-экономической системы, в принципах и целях внутренней и внешней политики нацистской Германии и Советского Союза существовали коренные различия. А в этом было главное. Но «культ личности» бросал мрачную тень на социалистический строй. И с ним надо было бороться как с явлением, чуждым социализму.

Стоит упомянуть здесь весьма интересный эпизод из жизни журнала, связанный с историей падения Третьей империи. На протяжении многих лет после войны довольно широкое распространение получили мифы о том, будто Гитлеру удалось спастись от возмездия, сбежать из Германии на подводной лодке и укрыться где-то в Южной Америке. Чтобы дезавуировать эти мифы, журнал опубликовал две мои статьи: «Последние недели фашистской Германии» (6, 1960) и «На обломках Третьей империи» (5, 1961). Но все же в них недоставало убедительных фактов и аргументов, чтобы навсегда положить конец легенде о бегстве Гитлера.

В 20-ю годовщину победы над фашистской Германией в редакции возникла идея снова вернуться к этому вопросу и опубликовать интервью с бывшим председателем Комитета госбезопасности, впоследствии ставшим начальником

Главного разведывательного управления Генерального штаба генералом армии Серовым. В конце войны он являлся уполномоченным НКВД по 1-му Белорусскому фронту под командованием Г.К. Жукова и, конечно, был посвящен во все таинства гибели имперской канцелярии фашистской Германии, где находился бункер Гитлера. Редакции было известно, что Серов был снят в 1963 г. с должности начальника ГРУ в связи с делом видного сотрудника этого управления полковника Пеньковского, купленного американской разведкой и нанесшего большой ущерб национальным интересам Советского Союза. Пеньковский был фаворитом Серова и даже был вхож в его семью. В результате этого дела Серов был не только снят с должности начальника ГРУ, но и понижен в звании до генерал-майора и назначен заместителем командующего войсками Приволжского военного округа по военным учебным заведениям. Но для редакции журнала было важно получить от него подлинную картину того, что произошло при падении Берлина и захвате ставки Гитлера. Серов, как никто другой, мог рассказать о многом неизвестном. Провести интервью с ним было поручено мне. Серов согласился дать его, и я отправился, насколько мне помнится, в начале 1965 г. на встречу с ним в Куйбышев. Вот что он рассказал мне.

В конце войны Сталин лично дал ему задание захватить живыми или мертвыми фашистских главарей в Берлине. Для проведения этой операции он создал спецотряд захвата в составе 200 человек. 31 апреля бойцы отряда подошли вплотную к имперской канцелярии, где находилась ставка Гитлера, и в ночь на 2 мая, когда гарнизон Берлина капитулировал, первыми проникли в нее. Во дворе ставки в воронке от разорвавшейся бомбы или снаряда они обнаружили два обгоревших трупа мужчины и женщины. Это были Гитлер и Ева Браун. То, что это были действительно они, подтвердили захваченные в плен личный адъютант Гитлера – штурмбанфюрер СС Отто Гюнше и личный камердинер «фюрера» Гейнц Линге. Гюнше вместе с личным шофером Гитлера

Эрихом Кемпке сожгли оба трупа, поливая их бензином из автомобильных канистр. Неподалеку были обнаружены и обожженные трупы Геббельса и его жены. Трупы шести их детей, отравленных с невероятной жестокостью матерью цианистым калием, лежали в бункере. Во дворе имперской канцелярии нашли и мертвого двойника Гитлера с простреленной головой. Фотография его трупа была позже широко растиражирована в печати. Идентификация трупа Гитлера была подтверждена и на основе его медицинской книжки, захваченной в бункере. В ней имелась запись личного протезиста Гитлера и изображение его челюсти. Оно полностью совпало с челюстью на трупе, обнаруженном в саду имперской канцелярии. Не вызывало никаких сомнений, что это был труп «фюрера» Третьей империи.

По словам Серова, останки Гитлера были вскоре по указанию Москвы тайно захоронены во дворе штаба Советской армии, дислоцированной во Франкфурте на Одере. В его могилу был врыт стол, и советские солдаты играли на нем в шахматы и домино, не зная, что под их ногами лежит мертвый главарь Третьей империи. Во время Потсдамской конференции Серов поинтересовался у Сталина и Молотова, не хотели бы они взглянуть на труп Гитлера. Но Сталин, по его словам, отказался. Таковы вкратце сведенья о жалком конце Гитлера, почерпнутые мною из разговора с генералом Серовым. Нет никаких оснований не доверять им. За их достоверность Серов отвечал головой перед Сталиным.

Плененному Гюнше, как рассказал Серов, было приказано подготовить что-то вроде отчета или воспоминаний о жизни в ставке Гитлера. Он работал над этими воспоминаниями много месяцев, находясь на Лубянке в здании КГБ, и в результате создал труд размером около тысячи страниц. В нем была воссоздана и картина смерти Гитлера. Серов сказал, что только членам Политбюро было разрешено ознакомиться с этими «секретными» воспоминаниями, и советские руководители весьма охотно читали их. Для них был специально подготовлен их сокращенный вариант

перевода. Впоследствии, уже в наше время, он какими-то неведомыми путями попал в ФРГ и был в 2004 г. опубликован там. Самого Гюнше отпустили домой, и он жил до своей смерти, насколько мне известно, поблизости от Бонна. Кстати, и личный шофер Гитлера Кемпке опубликовал в ФРГ свою книгу «Я сжег Гитлера».

Свидетельства Серова нашли впоследствии подтверждение и в воспоминаниях Гертруды Юнге, являвшейся с 1942 г. по апрель 1945 г. личной секретаршей Гитлера. Как и Гюнше, она попала в советский плен и вскоре была отпущена в ФРГ. В 1947 г. она закончила свои мемуары «До последнего часа. Секретарша Гитлера рассказывает о своей жизни», но долгое время не решалась опубликовать их. Лишь в 2003 г. они увидели свет. Вот как она описывает со слов Гюнше конец в гитлеровской ставке: «Мы еще раз поприветствовали фюрера, после этого он отправился с Евой Браун в свою комнату и закрыл дверь. Геббельс, Аксман, Гевель, Кемпке и я стояли в коридоре в ожидании. Прошло примерно 10 минут, которые показались вечностью. Тишину разорвал выстрел. Через несколько секунд Геббельс открыл дверь, и мы вошли в комнату. Фюрер выстрелил себе в рот и, кроме того, раскусил ампулу с ядом. Череп был разворочен и выглядел страшно. Ева Браун не воспользовалась своим пистолетом. Она приняла яд. Мы обвернули голову фюрера одеялом. Геббельс, Аксман и Кемпке вынесли труп вверх по лестнице в парк. Я взял тело Евы Браун. Никогда не подумал бы, что эта изящная женщина может быть такой тяжелой. Наверху, в парке, в нескольких шагах от входа в бункер, мы положили оба трупа рядом. Подальше мы не могли отойти – такой силы был обстрел. Поэтому нашли ближайшую воронку от снаряда. Затем я вместе с Кемпке полили тела бензином и бросили на них из входа в бункер горящую тряпку. Мгновенно оба трупа охватило пламя»¹. Этот рассказ

¹ *Junge T. Bis zur letzten Stunde. Hitlers Sekretärin erzählt ihr Leben. München, 2003. S. 209-210.*

о конце Гитлера совпадает с тем, о чем поведал мне Серов. К сожалению, напечатать интервью с ним так и не удалось. На его публикацию был наложен запрет Главным политическим управлением в связи с тем, что он оказался в глубокой опале и даже был в 1965 г. исключен из партии.

Запрет на публикацию интервью с Серовым было мелким эпизодом по сравнению с тем, что редакции пришлось испытать при изложении принципиально важных вопросов истории Великой Отечественной войны. Помню, сколько неприятностей редакции пришлось вынести за публикацию статьи об участии советских людей в движении сопротивления во Франции и Италии. К нам пришла бумага из ЦК КПСС, в которой редакция обвинялась в «прославлении предателей Родины», т. е. советских пленных, бежавших из немецких лагерей и боровшихся с оружием в руках против нацистских оккупантов во Франции и Италии. Многие из них были награждены высшими орденами этих стран, в том числе лично де Голлем. А по возвращении в Советский Союз их поместили на долгие годы в ГУЛАГи. Поскольку я вел статью, мне пришлось взять на себя ответственность за ее публикацию и отвести от редакции эти вздорные обвинения. Меня вызвали «на ковер» в Отдел партийного контроля ЦК и предложили написать объяснительную записку. Я обратился от имени редакции в ЦК французской и итальянской компартий с просьбой прислать нам имеющиеся у них сведения об упомянутых в статье лицах. Получили отличные характеристики. Из правительственных органов Франции и Италии пришли тоже блестящие отзывы. Такие же ответы редакция получила с мест работы, где эти герои трудились чернорабочими после отбытия «наказания» у себя на Родине. Но и это не удовлетворило работников ЦК. Они ссылались на приказ Сталина рассматривать всех советских военнослужащих, попавших в немецкий плен, как предателей Родины.

Эта изнурительная для меня и редакции история длилась около четырех месяцев, и я уже думал, что не «отмо-

юсь», и рассчитывал на худшее. Какова же была наша радость, когда, открыв в один прекрасный день свежий номер «Правды», мы увидели в ней указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 ноября 1965 г. о награждении Г.В. Шибанова, В.А. Оболенской, И.И. Трояна, К.А. Радионова и других советских героев французского и итальянского движения Сопротивления орденом Отечественной войны и медалью «За боевые заслуги». Правда восторжествовала! В редакции все мы ликовали. Кому же мы были обязаны этим? По всем признакам, инициатива исходила тогда явно из секретариата Хрущева.

А вот стиль брежневского руководства я очень остро почувствовал в другой раз. Дело было так. В своей книге «Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР», опубликованной издательством «Наука» в 1967 г., я упомянул тот факт, что с июня 1941 г. по февраль 1942 г. в немецкий плен попали три с половиной миллиона советских солдат и офицеров. Вскоре в редакцию из ЦК пришло письмо с отрезанной подписью, в котором говорилось, что эта цифра наших военнопленных – вопиющее извращение фактов, что я порочу советское командование и героизм наших войск и т. д. Снова меня вызвали в Отдел партийного контроля ЦК КПСС и снова предложили написать объяснение. Мои ссылки на немецкие документы, подтверждающие эту цифру, не были приняты во внимание. Я оказался в дурацком положении. И опять меня спасла газета «Правда»! В ней была опубликована статья главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Р.А. Руденко, в которой подтверждалось это число советских военнопленных. Оказывается, оно фигурировало еще в Нюрнберге на процессе над главными нацистскими преступниками. Как выяснилось, письмо в ЦК КПСС было подписано генералом армии П.И. Батовым.

Аналогичные удары сотрудникам редакции пришлось испытать неоднократно. Особенно В.М. Кулишу и В.Д. Поликарпову, возглавлявшим, соответственно, отдел крити-

ки и отдел истории Гражданской войны. Натиску «сверху» приходилось часто противостоять и ответственному секретарю редакции Я.Д. Зимину, и редактору отдела Великой Отечественной войны В.М. Кравцову. Но главный редактор Н.Г. Павленко непоколебимо вел свой корабль. Обстановка для «Военно-исторического журнала», как и для всех других органов печати, очень осложнилась после свержения Хрущева партийным кланом Брежнева–Суслова. На очищение социалистического строя и истории от сталинских извращений и преступлений было наложено вето. Новое руководство, само того не сознавая, вступило на ложный путь. Оно все больше подрывало доверие к партии и к ее пропаганде, теряло поддержку в массах, особенно в научных кругах. Рассудку вопреки ставка делалась лишь на принуждение и, как и в прошлом, на запугивание. «Никаких изменений в системе, в идеологии, в пропаганде, в трактовке истории!» – таково было требование сверху.

Дело доходило до абсурда. Например, редакция планировала опубликовать в 1965 г. отрывки из воспоминаний военных лет Константина Михайловича Симонова – любимого народом советского писателя и поэта. Это было поручено мне. Константин Михайлович с радостью откликнулся на предложение редакции, предоставил мне возможность ознакомиться с его дневниками и выбрать из них нужное. Я несколько дней читал у него дома его летопись войны и выбрал из нее несколько отрывков для журнала. Каково же было наше разочарование и возмущение, когда начальник Главного политического управления Советской армии генерал армии А.А. Епишев, слывший рьяным приверженцем и хранителем сталинского прошлого, наложил запрет на их публикацию. Уму непостижимо: по его приказу из всех военных библиотек были даже изъяты произведения Константина Симонова, осмелившегося сказать правду об ошибках Сталина в войне, обернувшихся бедствием для народа и армии в 1941 г. Впоследствии, когда было снято дурацкое «вето» и его книга «Разные дни войны. Дневник

писателя» была опубликована в 1977 г. издательством «Молодая гвардия», он подарил мне ее с посвящением: «Вячеславу Ивановичу Дашичеву с благодарностью за товарищескую помощь».

Невзирая на запрет публикаций из военных дневников К.М. Симонова, журнал продолжал упорно отстаивать правду истории. Его главный редактор Н.Г. Павленко сыграл решающую роль в вызволении нашего выдающегося полководца, четырежды Героя Советского Союза маршала Г.К. Жукова из плена забвения и политического ostrакизма, в которые он был ввергнут после войны при Сталине, Хрущеве и Брежневе вплоть до 1965 г. Как известно, Сталин сослал его в «ссылку», назначив сначала командующим Одесским, а затем Уральским военным округом. Хрущев уволил его в отставку и запретил какое-либо упоминание в СМИ об «этом Георгии Победоносце на белом коне». При Брежневе эта линия в отношении Жукова была продолжена. Уж очень боялись советские правители его большого авторитета и популярности в народе.

И вот в 20-летнюю годовщину нашей победы над фашистской Германией перед редакцией журнала встал вопрос: кому поручить написать передовую статью к этой знаменательной дате? На редколлегии Н.Г. Павленко сделал предложение, повергшее всех в изумление и в восторг: поручить это Г.К. Жукову. Как, разве это возможно? Ведь его имя не должно было нигде появляться – ни в прессе, ни на телевидении, ни на совещаниях и заседаниях. Павленко настоял на своем. На его запрос Г.К. Жуков предложил для публикации главу из написанных им воспоминаний – о Берлинской битве.

Дальше последовала изнурительная процедура согласования этой публикации с ЦК КПСС и Главным политическим управлением Советской армии и проталкивания ее в печать. Когда пришли гранки статьи, Н.Г. Павленко связался с секретариатом Епишева. Оттуда ему сообщили, что Главпур против публикации и что за нее Павленко будет нести «лич-

ную ответственность». В этом же духе ответил секретариат тогдашнего главного советского идеолога Суслова. Ну и что же? Н.Г. Павленко взял на себя эту «личную ответственность» и подписал журнал со статьей Г.К. Жукова к печати. Прошли две недели после его выхода в свет. Вся редакция напряглась в ожидании: «Что-то будет?» Но, к счастью, все обошлось без «оргвыводов». «Наверху» пришлось смириться с публикацией. Трудно и рискованно было ее запретить, не войдя в историю мракобесием. Так была прорвана блокада забвения вокруг Г.К. Жукова. После этого его имя постепенно стало появляться в средствах массовой информации. Ему разрешили издать мемуары, правда, в весьма сокращенном и искаженном цензорами виде.

Роковую роль в судьбе журнала и моей лично сыграло следующее событие, переполнившее чашу терпения у руководства Главпура и ЦК. Летом 1967 г. в Институте марксизма-ленинизма состоялось совещание историков и обществоведов, на котором рассматривался вопрос о начальном периоде Отечественной войны, в том числе о роли в нем Сталина. Поводом для этого обсуждения послужила книга А.М. Некрича «22 июня 1941 года». От «Военно-исторического журнала» на совещании выступил наряду со мной полковник В.М. Кулиш, от Военно-научного управления ГШ – полковник В.А. Анфилов. Был широко представлен гражданский сектор историков. Все выступавшие объективно оценили роль Сталина в событиях 1941 года и возложили на него главную вину за тяжелые поражения и потери Красной Армии в этот период. Реакция «сверху» не заставила себя долго ждать. Некоторые из выступавших лишились партийных билетов, другие отделались выговорами и взысканиями. Это не прошло бесследно и для нашего журнала. В Главпуре отметили, что два его представителя в своих выступлениях резко критиковали сталинскую политику в 1941 году.

Стремление избавиться от сталинских извращений, отстаивание правды, необходимой как воздух для здорово-

го развития социалистического общества, не говоря уже об исторической науке, закончились для нашей редакции очень плачевно. В 1968 г. по решению генерала армии А.А. Епишева научный состав «Военно-исторического журнала» во главе с главным редактором Н.Г. Павленко был уволен и полностью заменен новыми лицами. Неформальным предлогом для разгона редакции послужила констатация: «Журнал слишком долго задержался на критике культа личности Сталина».

На этом фоне весьма показательно выглядела реакция начальника Генерального штаба маршала Советского Союза М.В. Захарова на меры Епишева против журнала. Он демонстративно выразил несогласие с демаршем начальника Главпура. Разве не поразительно, что я в то же самое время был удостоен ценной награды – фотокамеры «Зоркий-4» с надписью: «Полковнику В.И. Дашичеву в день 50-летия Советских Вооруженных Сил от начальника Генерального штаба». Аналогичные награды были вручены и другим сотрудникам редакции. Было приятно сознавать, что мы были не одиноки в стремлении освободить нашу историю от наслоений неправды и лжи, которые ничего, кроме вреда, для нашей социалистической страны, ее общественного мнения и даже для власти не приносили.

Не без влияния начальника Генерального штаба я был назначен после разгона редакции журнала на должность старшего научного сотрудника в Военно-научное управление Академии Генерального штаба. Но и здесь меня настигло преследование Епишева. В конце 1969 г. по его указанию я был уволен из армии. Еще ранее такая же участь постигла полковников В.М. Кулиша и В.А. Анфилова. На протяжении почти 20 лет жизни я много усилий посвятил честному служению исторической науке и исследованию истории Второй мировой войны. Далее работать в этой области стало бессмысленно и противно. Можно было писать только то и так, что и как было угодно чиновникам от идеологии и истории, смотревшим в рот высшему начальству.

V. В АКАДЕМИИ НАУК

1970 год стал для меня очень важным и счастливым рубежом жизни. Я вступил в лоно Академии наук с ее необычной для тогдашних советских условий либеральной атмосферой и протрудился в ней без малого полвека. Академик Н.Н. Иноземцев – надо отдать ему должное – не испугался взять меня, «опального полковника» и «еретика», ведущим научным сотрудником в свой Институт мировой экономики и международных отношений. Здесь я нашел настоящее научное и творческое пристанище, хотя мне пришлось переqualificироваться на международные отношения с уклоном на европейскую безопасность и германскую тематику. Я попал в дружный коллектив таких специалистов высокого класса, как Д.М. Меламид, Д.М. Томашевский, Ю.М. Рубинский, В.В. Размеров, А.Д. Никонов и многие другие. От них я многому научился. Опыт работы в «Военной мысли» и в «Военно-историческом журнале», где постоянно приходилось иметь дело с военной и политической стратегией, с международными отношениями, помог мне быстро перестроиться. Поскольку ИМЭМО АН являлся академическим советником ЦК КПСС и правительства по международным и экономическим вопросам и постоянно получал от них задания, мне вскоре тоже пришлось впервые приобщиться к написанию так называемых аналитических записок и докладов «по начальству». Это было непростым, хотя и очень интересным и ответственным делом. В центре моего внимания оказались вопросы отношений Восток – Запад, проблемы войны и мира. Это было как раз то, чем я мечтал заняться в мои фронтовые годы.

С большим сожалением мне пришлось в конце 1972 г. расстаться с ИМЭМО. Директор Института экономики мировой социалистической системы АН академик О.Т. Богомолов и его заместитель профессор И.И. Орлик предложили мне сформировать и возглавить в институте сектор внешнеполитических проблем. Я принял это заманчивое предложение и сформировал сектор. Его костяк составили такие

высококласные специалисты, как Б.А. Шмелев, А.А. Язькова, А.Е. Липский, А.Б. Альтшулер, А.А. Мурадян, А.В. Вахрамеев и др. Он вошел в отдел политических и идеологических исследований, которым руководил А.П. Бутенко – исключительно талантливый человек, совмещавший в себе верность социалистическим идеям и творческий, критический, без идеологической зашоренности подход к оценке нашего прошлого и к решению наболевших проблем социалистического развития. Его многочисленные философские статьи с критикой отживших теоретических и идеологических догм неизменно вызывали большой резонанс, хотя и далеко неоднозначный, в наших научных и политических кругах.

В апреле 2013 г. на Ученом совете института, посвященном 90-летию А.П. Бутенко, я прочитал доклад «Борец за подлинные социалистические ценности». Позволю себе привести его здесь, поскольку в нем отражены узловые вопросы развития Советского Союза – предмет наших тогдашних тревог и дум:

«Я имел большое счастье работать с доктором философских наук, профессором, заслуженным деятелем науки Анатолием Павловичем Бутенко “в одном строю” и “плечом к плечу” более 30 насыщенных творчеством лет. Для меня не потребовалось много времени, чтобы понять, с кем мне придется трудиться. В моих глазах Бутенко предстал как человек, обладавший незаурядным творческим, аналитическим умом, большой эрудицией, прекрасно знавший труды классиков теории коммунизма и социализма и вместе с тем совершенно свободный от догматизма, нетерпимый к отжившим теоретическим постулатам и извращениям теории и политической практики, чуждым природе социализма, наносящим вред советской социалистической системе, ее престижу и привлекательности в международном сообществе и в собственной стране. Для того чтобы отстаивать новые идеи и принципы в той политической атмосфере, которая царилла тогда в Советском Союзе, надо было иметь большое научное мужество и человеческую смелость. Анатолий Пав-

лович сполна обладал этими качествами. Высокопоставленные жрецы коммунистической идеологии, боровшиеся за мнимую “чистоту” марксистско-ленинской теории, приклеивали ему ярлык “ревизиониста”. Это было серьезным обвинением, грозившим тяжелыми последствиями. Но А.П. Бутенко всегда успешно боролся за свою научную правоту. Об этих идеологических баталиях он написал в своей книге “Наука, политика и власть” (М., 2000, с. 73–78).

Кроме научного мужества, я по достоинству оценивал и другие черты характера Анатолия Павловича – его жизнелюбие и трудолюбие, жизнерадостность и оптимизм, благожелательность и уважительное отношение к сотрудникам отдела наряду с высокой научной требовательностью к ним. Он был прекрасным организатором научных исследований. Все это принесло ему большое уважение не только в институте, но и широких научных кругах.

Следует назвать и такой штрих из его жизни. Когда началась Великая Отечественная война, ему исполнилось 16 лет. Но он был полон решимости пойти на фронт защищать Родину. Для этого приписал к своему действительному возрасту два года. Это был отнюдь не обман, а достойный уважения подвиг! Юноша добился своего – его отправили на фронт. Он поступил как настоящий патриот. В душе молодого Анатолия переплеталась любовь к Родине и стремление защитить любой ценой первый в человеческой истории социалистический строй, утвердившийся в нашей стране.

А.П. Бутенко внес очень большой вклад в развитие общественных наук. Его перу принадлежат 445 опубликованных работ. Многие из них переведены на английский, немецкий, французский, болгарский, венгерский, румынский, польский и другие языки. Среди его трудов следует назвать книги: “Власть народа посредством самого народа. О социалистическом самоуправлении”. М., 1988; “Современный социализм. Вопросы теории”. М., 1989; “Откуда и куда идем. Взгляд философа на историю советского общества”. Л., 1990; “Неравномерность развития и историческое забегание. Срав-

нительный анализ развития СССР, России, Китая и Вьетнама”. М., 2000; “Наука, политика и власть. Воспоминания и раздумья”. М., 2000; “О скрытых формах изменения социальной природы власти”. М., 2004.

33-летний период моей совместной с Бутенко деятельности был заполнен историческими событиями, имевшими крупнейшее значение для судеб нашей страны и всего человечества. На повестку дня советской политики уже с 50-х годов, после смерти Сталина, властно выдвинулся вопрос об укреплении социалистической системы, повышения ее политической, социальной и экономической эффективности, привлекательности и жизнестойкости, устранения ее деформаций и извращений. С громадным запозданием, лишь в 1985 г. началось решение этого вопроса. Он занял центральное место в научных исследованиях Бутенко. В его книге “Откуда и куда идем”, изданной в разгар перестройки в Советском Союзе, проанализированы специфические черты и противоречия развития советской социалистической системы при Ленине, Сталине, Хрущеве, Брежнев и других советских руководителях. В ней содержится осуждение сталинизма и созданного им казарменного социализма. “Утрата социальных критериев и нравственных ориентиров, – писал он, – постоянно поддерживаемая духовными жрецами сталинизма, глубоко вошла в сознание не только служителей сталинской командно-административной системы, но и подвергла эрозии сталинизма многих труженников, отождествлявших реализацию сталинизма со строительством социализма. В свою очередь, отождествляемый со строительством социализма реализованный сталинизм своими жестокостями и беззаконием глубоко дискредитировал социалистический идеал, подорвал веру многих труженников, рабочих, крестьян, интеллигентов в возможность построения социалистического общества”¹.

¹ Бутенко А.П. Откуда и куда идем. Взгляд философа на историю советского общества. М., 1989. С. 103.

По сути дела, А.П. Бутенко назвал главную системную деформацию тогдашнего социализма, которая привела к тому, что судьба страны и каждого отдельно взятого гражданина была поставлена в зависимость исключительно от волюнтаристских решений одной личности, венчавшей пирамиду власти. Крайней формой такого государственного правления стал культ личности. Советское общество оказалось открытым для произвола, невежества, беззакония, террора и даже преступлений государственной власти, что имело пагубные последствия для страны и социализма. «Сталинизм увел советское общество в сторону от социалистического пути»¹. Произошла серьезная дискредитация советского строя не только внутри страны, но и за рубежом. По мнению А.П. Бутенко, влияние инерции сталинских извращений на общество и на многих его высокопоставленных представителей, усомнившихся вообще в возможностях социалистического строя, служат «разгадкой того, почему пробуксовывает перестройка, почему все планы обновления советского общества в наше время все еще не дают ожидаемых результатов»². С этим связан и другой поразительный феномен – почему разрушение Советского Союза в результате государственного переворота Ельцина было без всякого сопротивления, молчаливо воспринято советским обществом. Никто не встал на защиту гибнущего социалистического строя, отождествляемого с именем Сталина.

И до сего времени дискредитация советского строя широко используется в пропагандистских технологиях либеральных «строителей капитализма» в России и их покровителей за рубежом. Наблюдающийся в последнее время в России «ренессанс» Сталина объясняется очень просто: установленный в России буржуазный режим и созданный им капиталистический строй привели ее к небывалому обвалу в социальной, экономической, духовно-нравственной,

¹ Бутенко А.П. Откуда и куда идем. Взгляд философа на историю советского общества. М., 1989. . С. 104.

² Там же. С. 105.

научной, технической и военной сферах. И чем дальше, тем хуже идет развитие страны. Не удивительно, что в обществе возникла ностальгия по прошлому, даже по сталинским временам.

А.П. Бутенко возлагал большие надежды на перестройку и создание в ее ходе нового цивилизованного социализма. «Чем шире и глубже разворачивается процесс перестройки в советском обществе, – писал он, – тем очевиднее становится, что речь идет не о косметическом ремонте, а весьма глубоком революционном перевороте, призванном придать социализму новое качество»¹. В своей книге «Откуда и куда идем» он в уже в 1990 г. предупреждал об опасностях для перестройки, исходивших как от буржуазных перерожденцев, так и от заскорузлых догматиков партийной номенклатуры. Всесторонний анализ хода и исхода горбачевских реформ Анатолий Павлович дал в 2004 г. в книге «О скрытых формах изменения социальной природы власти». «Неудача перестройки, – писал он, – означала провал борьбы за *власть народа*». На обломках социализма к власти пришли «пробуржуазные силы во главе с Б. Ельциным»².

Анатолий Павлович Бутенко был замечательным человеком и ученым. Он живет в памяти тех, кто с ним вместе работал. Его научное наследие является бесценным источником для осмысления исторического пути, пройденного Советским Союзом, и понимания причин и ужасных последствий разрушения социализма в нашей стране.

Вскоре после моего перехода в ИЭМСС мой сектор был выделен в самостоятельную научную единицу – отдел международных отношений, главой которого я оставался до конца 1990 г. Это были, пожалуй, самые счастливые годы моей творческой жизни в замечательном, дружном научном коллективе. Прекрасный организатор науки, неординарно мыслящий крупный ученый, человек высокой нравствен-

¹ Бутенко А.П. Откуда и куда идем. Взгляд философа на историю советского общества. М., 1989. С. 274.

² Там же. С. 241, 243.

ности и научной добросовестности О.Т. Богомолов создал и поддерживал в институте атмосферу моральной чистоты и творческого горения. Мне очень повезло в жизни, что я работал с такими замечательными людьми, как Н.Г. Павленко и О.Т. Богомолов.

В ИЭМСС, переименованном после разрушения Советского Союза в Институт международных экономических исследований, мне представилась прекрасная возможность еще более углубленно заняться проблемами войны и мира и поисками путей смягчения, а возможно, и устранения конфронтации между двумя мировыми системами, между США и СССР. Ведь эта конфронтация, тем более в ядерный век, могла привести к гибели человеческой цивилизации. В двух берлинских и в кубинском кризисах мир висел буквально на волоске. Вот почему я считал исследование этих вопросов приоритетной задачей. Для ее решения надо было, в первую очередь, разобраться в тенденциях развития международных отношений в условиях мультиполярности, биполярности и однополярности, в особенностях и целях политики великих держав – США, Германии, Англии и Франции, а также их международных организаций – НАТО и ЕС, определить роль и место Советского Союза в системе международных отношений, выявить характер угроз, которым он подвергался, и установить, какие внутренние и внешние факторы привели к разрушению советской державы.

VI. ПРИОРИТЕТ В МОИХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В XX веке перед человечеством встал судьбоносный вопрос – каковы же причины и истоки возникновения мировых войн? Неужели они фатально неизбежны? Разве нельзя остановить это безумие? Особое значение этот вопрос приобрел в ракетно-ядерный век, ибо новая мировая война неизбежно принесет самоуничтожение рода людского. Я пришел к выводу: чтобы предотвратить смертельную угрозу для нашей цивилизации, надо избавить ее от политики господства. Этот вопрос стал предметом особого внимания в моих исследованиях.

1. Политика господства в судьбах человечества. От XX – к XXI веку

Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее.

Гегель¹

Опыт истории XX века неопровержимо свидетельствует о том, что политика гегемонии великих, а тем более супердержав, их стремление добиться континентального или глобального господства накладывали неизгладимый отпечаток на развитие мира в целом и отдельных народов, определяли «дух времени» и выступали носителями самых деструктивных и разрушительных явлений в сфере международных отношений. Политика господства явилась главной причиной двух «горячих» и одной «холодной» мировой войны. В век распространения средств массового поражения она превратилась в угрозу существованию человеческой цивилизации.

¹ Гегель Г. Философия истории. Сочинения. Т. 8. М.-Л. С. 7–8.

Марксистско-ленинская теория не смогла дать ясного ответа, как возникают мировые войны. Классовый подход к этой проблеме не объяснял многих сложных явлений международной жизни. Так, например, было бы неверно утверждать, как это делалось у нас ранее, что политика гегемонии свойственна только капиталистическим странам. Понятно, что борьба за рынки сбыта, источники сырья, сферы влияния во многом определяла и определяет политику господства капиталистических держав, их финансовых олигархий.

Но ведь и советской политике было не чуждо гегемонистское стремление к расширению сферы господства в мире. В основе этого стремления лежали мессианско-идеологические мотивы «осчастливливания» человечества новой, справедливой социальной системой. Отсюда вытекала наступательная стратегия Советского Союза, направленная на утверждение в мире социализма в противовес западным державам. Следовательно, советская политика, как и капиталистическая, сплошь и рядом выступала на международной арене как деструктивный фактор, порождавший ответную реакцию стран Запада и ставивший под угрозу международный мир и стабильность. Правда, в данном случае решающую роль играли субъективные соображения, искаженное, крайне идеологизированное восприятие задач, стоявших перед государственным руководством.

Стремление к господству на мировой арене обусловлено различными причинами и может принимать разные обличья – ярко выраженную империалистическую, мессианско-идеологическую, националистическую, экономическую, финансово-олигархическую – или же выступать под видом сочетания отдельных этих форм.

В XX веке главными носителями политики гегемонии в двух мировых войнах выступили правящие круги Германии. В начале прошлого века ярко выраженная гегемонистская политика была представлена кайзеровской Германией. Она стремилась к установлению континентального господ-

ства и переделу колоний и сфер влияния в мире. Разрастание противоречий между ее политикой и интересами других европейских держав привело к Первой мировой войне, ставшей поворотным пунктом в развитии Европы по ложному и разрушительному пути.

Стратеги нацистской Германии выдвинули намного более радикальные и далекоидущие планы экспансии. Образ мыслей и психологии вершителей политики господства очень отчетливо выразил Гитлер в выступлении перед германскими генералами 23 ноября 1939 г.: «Я вижу в борьбе судьбу всего живого. Никто не может уйти от борьбы, если он не хочет погибнуть... Важно осознать следующее: государство лишь тогда имеет смысл, если оно будет служить сохранению нации. У нас речь идет о 82 миллионах человек. Это накладывает на нас величайшую ответственность. Тот, кто не принимает на себя эту ответственность, не должен быть членом нации. Это дало мне силы для борьбы. Это извечная проблема приведения численности германской нации в соответствие с территорией. Необходимо обеспечить нужное жизненное пространство. Никакое умничание здесь не поможет, решение возможно лишь с помощью меча. Борьба стала сегодня иной, нежели 100 лет тому назад. Сегодня мы можем говорить о расовой борьбе. Сегодня мы ведем борьбу за нефтяные источники, за каучук, полезные ископаемые и т. д... Я поднял немецкий народ на большую высоту, хотя нас и ненавидят во всем мире. Это дело я ставлю на карту. Я должен сделать выбор между победой и поражением. Я выбираю победу»¹.

Нацистские правители рассматривали создание «нового европейского порядка» под эгидой Германии как основу для развертывания полномасштабной мировой экспансии. Непременным условием для этого считалось завоевание «восточного пространства» путем разгрома СССР, уничтожения российской государственности, расчленения русской

¹ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. М., 1973. С. 482.

нации и подрыва ее «биологической силы». Об этом весьма убедительно свидетельствуют документы нацистского руководства по стратегическому планированию войны, в частности директива Верховного главнокомандования вермахта № 32 от 11 июня 1941 г. «Подготовка к периоду после осуществления плана “Барбаросса” и Генеральный план «Ост» – один из самых позорных документов человеческой истории, разработанный в недрах ведомств Гимmlера и Розенберга.¹ Цель Генерального плана «Ост» была сформулирована предельно просто: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве... Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их»². Большую часть населения России планировалось переселить за Урал, на Кавказ, в Африку и Южную Америку, а освободившиеся земли заселить немцами. Накануне нападения на Советский Союз Гимmlер проинформировал высших руководителей СС на совещании в Везельсбурге, что одной из задач похода на Восток является уничтожение 30 млн славян, а Геринг заявил в ноябре 1941 г. министру иностранных дел Италии: «В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдет; ведь некоторые народы необходимо сокращать»³.

Лишь очень немногие немецкие государственные и военные деятели поняли всю авантюристичность, аморальность и неосуществимость планов установления германского господства над народами, особенно над русским народом, их гибельность для самой Германии. Об этом писал еще Клаузевиц: «Россия своей кампанией 1812 г. засвидетельствовала, во-первых, что государство с большой территорией не может быть завоевано (что, впрочем, можно было бы знать и заранее) и, во-вторых... именно в сердце своей страны

¹ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М., 1973. С. 15-41, 42-56.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 21.

обороняющийся может оказаться всего сильнее, когда сила наступления противника уже истощится, а оборона с невероятной мощью вдруг перейдет в наступление»¹. Но руководители нацистской Германии проигнорировали исторические выводы Клаузевица и пренебрегли незыблемым правилом, которого должны придерживаться государственные деятели: «Прежде чем сделать первый шаг в политике, надо подумать о последнем».

Кто оказался верным последователем учения Клаузевица, так это начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Людвиг Бек. В 1938–1939 гг. он мужественно вступил в борьбу против планов развязывания Германией войны в Европе, которая, как он писал в своих записках политическому и военному руководству, неизбежно перерастет в мировую войну, приведет к образованию мировой антигерманской коалиции и поставит Германию перед необходимостью вести совершенно бесперспективную для нее войну на два фронта – одновременно против западных держав и Советского Союза. Бек совершенно правильно предсказал, что в такой войне Германия потерпит полное поражение и «будет предоставлена на милость или немилость победителей».

Как же реагировало руководство Германии на предупреждения генерала Бека? Гитлер назвал его «нытиком» (Heulboje). В августе 1938 г. Бек вынужден был уйти в отставку. В обстановке военного угара, охватившего правящую верхушку Германии после разгрома Польши, он сохранил трезвость суждений и писал в конце сентября 1939 г., что победа над Польшей – это лишь первый большой шаг Германии к пропасти поражения, что в последующем ей неизбежно придется столкнуться с мировой коалицией держав, в которой особую, а «при определенных обстоятельствах – смертельную опасность» для нее будет представлять Советский Союз².

¹ Клаузевиц К. О войне. Т. 1. М., 1941. С. 211-212.

² Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. С. 357.

Призывы генерала Бека к благоразумию в политической и военной стратегии Германии не возымели тогда действия. Но правда оказалась на его стороне. Агрессия Гитлера не осталась безнаказанной. Вместо «Тысячелетней империи» господство нацистов было ограничено «двенадцатилетним рейхом». Гитлеровский «новый порядок в Европе» рухнул под ударами Красной Армии и союзных войск. Разгром Российского государства, «расчленение русского народа» и подрыв его «биологической силы» с треском провалились. Сам немецкий народ был ввергнут Гитлером в небывалую национальную катастрофу.

Жестокое поражение Германии в двух мировых войнах явственно продемонстрировало, что всякое стремление к глобальному господству ведет в нашем тесно взаимосвязанном мире к «ответной защитной реакции» отдельных государств и мирового сообщества в целом и образованию мощного движения, направленного против гегемонистской державы. Такова объективная закономерность, действующая в системе международных отношений. Она ясно просматривается еще со времен Наполеона.

Эта закономерность, к сожалению, не нашла понимания в политике советского руководства, что ярко проявилось в его мессианском стремлении придать расширению сферы господства коммунистического строя советского образца глобальный характер. Период с 1918 по 1923 год явился первоначальной, пробной фазой советской экспансии. Уже тогда Москва вступила на опасный и ложный путь подчинения внутренней политики и экономики иллюзорным планам «классовой борьбы на международной арене» и расширения сферы господства социалистической системы в Европе. В эти годы, характеризовавшиеся послевоенными потрясениями во многих европейских странах, советское руководство попыталось использовать политически и социально нестабильную ситуацию, чтобы с помощью местных коммунистов насильственно насадить советскую систему в странах Восточной и Центральной Европы.

Развязанная в 1920 году война с Польшей принесла советскому руководству первое серьезное разочарование. Оно смогло убедиться, что польский народ и даже польские рабочие – а это с точки зрения марксистской теории выглядело особенно обескураживающе – не поддержали Красную Армию и оказали ей упорное сопротивление. Национальное самосознание оказалось намного сильнее классового. «Осчастливливание» Польши не состоялось.

Намного важнее для Москвы казалась тогда поддержка революционного движения в Германии. Но поражение Ноябрьской революции и провал создания Республики советов в Мюнхене в 1923 г. побудили советское руководство пересмотреть задачи стратегии и тактики мирового коммунистического движения.

В эру относительной стабилизации в Европе стратеги классовой борьбы перенесли центр тяжести их деятельности на разыгрывание в своих интересах карты «межимпериалистических противоречий», в первую очередь, между Германией и западными державами. Наступил второй этап советской экспансии. 23 августа 1939 г. был подписан пакт о ненападении между фашистской Германией и Советским Союзом и секретное приложение к нему о разделе сфер влияния между сторонами. Он позволил Гитлеру начать войну против Франции, не беспокоясь за свой тыл на Востоке, и в молниеносной войне разгромить и оккупировать ее. А Советский Союз осуществил в 1939–1940 годах в своей «сфере влияния» – Восточной Европе – захват части Польши, Эстонии, Латвии, Литвы и Молдавии. Позорная война против Финляндии окончилась поражением. Сделав первый шаг на пути экспансии, нельзя было больше удержаться от последующих.

После Второй мировой войны начался третий этап советской экспансии. Теперь она не ограничилась одной Восточной и Центральной Европой, а распространилась на другие регионы мира, приняв глобальный характер. Расширение господства Советского Союза на Восточную и Централь-

ную Европу разрушило европейский баланс сил и создало геополитическую угрозу западным державам. Это стало одной из важнейших причин возникновения холодной войны и создания мировой антисоветской коалиции во главе с США. Так снова в системе международных отношений сработала закономерность «ответной защитной реакции» на расширение сферы господства экспансивной державы, на этот раз против Советского Союза. В основу политики западных держав, ведомых США, легли сначала доктрина «сдерживания», затем «отбрасывания» советской экспансии и «гибкого реагирования» на нее. Наряду с ними американская «закулиса» разработала и стала активно применять концепцию разрушения Советского Союза изнутри посредством тайных подрывных действий – подкупом и вербовкой должностных лиц в государственных структурах, использованием предателей, созданием в стране своей «пятой колонны» и пр. С помощью «тайной войны» политики США надеялись сокрушить Советский Союз без применения военной силы, и их надежды оправдались.

Холодная война оказалась очень выгодной для США. Она позволила им мобилизовать против советской державы крупные силы и ресурсы, а главное – установить свое господство над Западной Европой и превратить ее в постоянный плацдарм для продвижения своих интересов на Ближнем и Среднем Востоке, в Евразии и в Северной Африке.

Для Советского Союза холодная война означала непосильное бремя конфронтации с намного превосходящими силами Запада. Она тяжелейшим образом отразилась на благосостоянии народа, на экономическом развитии страны и стала препятствием для проведения давно назревших реформ советской системы. Но в Кремле не осознавали этого. Не наблюдалось никакого отхода и от политики мессианской гегемонии. Ее последними всплесками были абсурдные решения о развертывании ракет средней дальности СС-20 в странах Восточной Европы и вторжении в Аф-

ганистан. Страна все глубже погружалась в порочный круг конфронтации с Западом. К чему это в конце концов привело, написал видный итальянский политический деятель и публицист Джульетто Кьеза. Он дал советской политике противоборства с Западом такую оценку: «Советский Союз все потерял в гонке вооружений, в борьбе с Соединенными Штатами за военное господство... Русские совершили убийственную ошибку, когда вступили в эту гонку, они слишком поздно поняли, что проиграли ее. В определенный момент система рухнула»¹.

В период холодной войны было широко распространено мнение, что столкновение двух мировых коалиций является отражением борьбы между двумя противоположными социально-политическими системами и непримиримыми идеологиями, между социализмом и капитализмом, что эта борьба определяет конфронтационный характер эпохи. Но это мнение было некорректным. В ходе перестройки в Советском Союзе было практически покончено с советской тоталитарной системой и мессианской политикой. А после государственного переворота команды Ельцина России был навязан капиталистический путь развития. Тем не менее это привело к значительному усилению масштабов и интенсивности политики гегемонии Соединенных Штатов, теперь уже в одностороннем порядке.

Политика господства Москвы выявила свою ущербность и в сфере взаимоотношений с социалистическими странами. Реальность жизни очень скоро развеяла надежды советского руководства и на то, что на основе марксистско-ленинской идеологии удастся создать монолитную сплоченность социалистического лагеря вокруг Советского Союза. Вместо этого Кремль столкнулся со все усиливающимися центробежными процессами. Закономерность «ответной защитной реакции» начала действовать не только

¹ Кьеза Дж. Война империй. Восток – Запад. Радел сфер влияния. М.: Эксмо, 2006. С. 38.

в сфере отношений Восток – Запад, но и внутри «социалистического содружества». Советский диктат натолкнулся на растущее сопротивление и волю к самостоятельности правящих кругов социалистических стран, отнюдь не желавших быть бессловесными вассалами Москвы¹.

Стремление оппозиционных сил восточноевропейских стран освободиться от советской опеки (восстание берлинских рабочих 17 июня 1953 г., венгерская революция 1956 г., волнения в Польше в том же году, Пражская весна 1968 г. и пр.) жестоко подавлялись. Отношения Москвы с Югославией, Албанией, Польшей, Румынией, Китаем постоянно омрачались напряженностью и даже враждебностью, перешедшей в случае с Китаем в вооруженный конфликт.

Гегемонистские притязания Кремля не позволяли развивать гармоничные, партнерские отношения с социалистическими странами. «Доктрина ограниченного суверенитета» социалистических стран, принятая при Брежневе, стояла на страже сталинской модели социализма и напрочь заблокировала путь к новому «социализму с человеческим лицом» – демократической альтернативе советскому тоталитаризму. Надвигался глубокий политический, экономический и моральный кризис советской системы. Здравый смысл требовал новых решений. В конце 1970-х и начале 1980-х годов из научных и административных кругов шли сигналы советскому руководству отойти от ущербной политики гегемонии². Даже аналитическое управление КГБ, возглавлявшееся генерал-лейтенантом Николаем Леоновым, направило в ЦК КПСС и правительству аналитическую записку, в которой говорилось о необходимости прекратить внешнюю экспансию и недопустимое «перенапряжение

¹ См. *Daschitschew Wjatscheslaw. Moskaus Griff nach der Weltmacht. Die bitteren Früchte hegemonialer Politik.* Hamburg-Berlin-Bonn, 2002, S. 61-69.

² См. *Daschitschew W. Moskaus Griff nach der Weltmacht, Die bitteren Früchte hegemonialer Politik.* Berlin-Bonn, Hamburg, 2002, S. 78-112.

сил», угрожавшие стране развалом¹. Известно также, что советский Генеральный штаб был против вторжения советских войск в Афганистан и безумных планов обратить народ этой страны в коммунистическую веру. Этой же позиции придерживался Институт экономики мировой социалистической системы АН. В целом ряде докладных записок в ЦК КПСС он призывал советское руководство отказаться от губительной для страны политики мессианской гегемонии².

Лишь с марта 1985 года, с приходом к власти М. Горбачева, начался постепенный, очень болезненный и противоречивый процесс перехода к «новому мышлению» во внешней политике и самоосвобождения Советского Союза от оков мессианско-имперских амбиций. Этот процесс завершился в основном к концу 1989 – началу 1990 года. К этому времени было официально покончено с «доктриной Брежнева», начали оформляться новые принципы советской внешней политики. На их основе удалось добиться соглашения с Западом о прекращении холодной войны и гонки вооружений, восстановить единство Германии, заложить на обозримое будущее предпосылки к объединению всей Европы. Все это нашло отражение в Парижской хартии, подписанной всеми европейскими странами, США и Канадой в ноябре 1990 г.³

Но дальнейшее движение к новому мирному порядку в Европе было снова прервано, на этот раз – правящей элитой США. До поры до времени она придерживалась «доктрины Монро» – Америка для американцев, набиралась сил и ждала своего шанса. Этот шанс наступил, в ее представлении, во второй половине XX века, когда Европа оказалась сильно ослабленной в результате непрерывной «европей-

¹ Об этом генерал-лейтенант Леонов заявил в телевизионной передаче «Русский дом». 24 сентября 2003 г.

² Об этом подробно см.: *Daschitschew W. Moskaus Griff nach der Weltmacht. S. 189-196, Дашичев В.И. Афганистан: взгляд из 1980 года. «Московские новости», 23.7.1989.*

³ Подробнее об этом см. главу о Парижской хартии.

ской смуты», особенно двух мировых войн, а главное – распада Советского Союза¹.

Биполярный мировой порядок, установившийся в холодной войне, все же как-то обеспечивал глобальную стабильность, когда одна экспансивная супердержава уравновешивалась другой, и «равновесие ядерного страха» не позволяло ни одной из них переступить определенные грани конфронтации. Но это состояние не спасало мир от локальных войн. Когда же в результате распада одной супердержавы – СССР, проводившей глобальное наступление на позиции капиталистического Запада, образовался громадный вакуум силы, другая супердержава – США, осуществлявшая политику глобального сдерживания советской экспансии, не преминула воспользоваться новой ситуацией и новой расстановкой сил на международной арене для установления своего планетарного господства. Открывшаяся для США вседозволенность в действиях сделала страны международного сообщества уязвимыми для политического и военного давления со стороны единственной супердержавы. Как это ни парадоксально, мир стал более хрупким, чем в годы холодной войны.

Политика глобального господства США сопровождалась серией агрессивных актов против ряда стран. Ведь и Первой, и Второй мировым войнам предшествовал захват малых стран со стороны державы, стремящейся к господству. Надеяться на то, что правящая элита США одумается и отойдет от опасной политики, не приходится. В ежегодном послании Буша о положении нации, представленном конгрессу 22 января 2004 года, говорилось, что США будут и впредь проводить свой внешнеполитический курс и вести войны даже без санкции СБ ООН. Не произошло видимых изменений в этом курсе и при преемнике Буша Бараке Обаме.

¹ *Дашичев В.* Европа проиграла XX век Соединенным Штатам Америки // Мир и политика. № 10, 2013.

В условиях, когда администрация США не имеет на международной арене противовесов, шансы на мир существенно уменьшились. Сдерживающие факторы, действовавшие в период холодной войны, стали призрачными. Опасность ситуации усугубляется еще тем, что отдельные страны, которым угрожают США, ищут спасения в обладании ядерным оружием. Это грозит перерастанием очередных американских актов агрессии, особенно на Ближнем или Среднем Востоке, в крупномасштабные войны с тяжелыми последствиями для всего мира.

Уже в начале XXI века США подвели международное сообщество вплотную к предвоенному политическому кризису. По опыту Первой и Второй мировых войн, к признакам этого кризиса можно отнести:

- резкое нарушение геополитического баланса сил в мире в результате действий экспансивной державы, стремящейся к установлению своего регионального, а затем и глобального господства;
- критическое обострение политических и военно-стратегических противоречий между этой державой и окружающим миром;
- эскалация военного насилия со стороны экспансивной державы;
- игнорирование ею международного права, международных норм и организаций;
- решимость правящих кругов экспансивной державы, несмотря ни на что и не останавливаясь ни перед чем, продолжать политику военных захватов;
- стремление этой державы создать коалицию из зависимых стран для поддержки своего курса;
- возникновение и расширение антикоалиции стран, чьи национальные интересы поставлены под угрозу экспансивной державой.

Огромное влияние на протекание предвоенного политического кризиса оказывают факторы внутреннего развития,

типичные для экспансивной державы. Прежде всего, к ним можно отнести:

- сверхвооружение и милитаризацию страны, ставку на силу;
- манипуляцию общественным мнением и пропагандистско-психологическое воздействие на народ, чтобы увлечь его в военные авантюры преднамеренным созданием ложных «образов врага» и внушением наличия «внешней опасности» (например, теракт 11 сентября 2001 г. в торговом центре Нью-Йорка, организованный секретными службами США¹);
- ограничение или полный демонтаж демократических свобод, установление жесткого контроля над обществом;
- низкий интеллектуальный и моральный уровень правящей элиты страны;
- стремление правящих кругов разрешить внутренние экономические трудности на путях внешней агрессии.

Как видим, все эти признаки предвоенного политического кризиса накладывались на американскую политику. Это было и открытое притязание США на мировое господство, и их небывалая милитаризация, и американская эскалация военного насилия, глобализация НАТО в интересах политики США, деформация и игнорирование международного права, начатки объединения против США других центров силы, искусственное создание «угрозы» безопасности США со стороны исламского мира, урезание демократических свобод, опасная воинственность правящей элиты США.

Оказавшись единственной супердержавой в мире, Соединенные Штаты полностью завладели «эстафетой» политики глобального господства. Ее сущность была изложена

¹ См. *Дашичев В.И.* Загадки американской трагедии. О теракте 11 сентября. *Власть*, 2/2004 г.

в «Проекте нового американского века», открыто провозглашенном 3 июня 1997 года администрацией США¹. (Подробнее об этом речь пойдет ниже, в главе XI.)

Архитекторы американской политики не сделали для себя правильных выводов из трагедий, пережитых человечеством в XX веке под воздействием политики господства, и из тех национальных катастроф, которые постигли великие державы, проводившие такую политику. Они снова пошли роковым путем, который привел каждую из европейских держав, страдавшую синдромом господства, к национальной катастрофе. У нее не хватило мудрости и ответственности, чтобы покончить с такой политикой. Пагубные последствия этого для международного сообщества и для самих США очевидны. Следует сказать здесь, что они обстоятельно исследованы в фундаментальном двухтомном труде генерала А.И. Владимирова «Основы общей теории войны»² (1805 страниц!). В нем речь идет не только о военной и национальной стратегии, но и об искусстве управления государством. Касаясь политики господства, автор пишет: «... ошибки великих держав в выборе национальной стратегии как модели исторического поведения и национального бытия в конечном счете всегда кончались их национальным (геополитическим) крахом... Примером правоты этой констатации является сама история человечества, в которой появление, развитие и гибель всех империй – от империи Александра Македонского до краха нацистской Германии и СССР – было предопределено ошибками их национальной стратегии. Сегодня таким ярким примером являются США, которые также приближаются к собственному национальному краху, обусловленному

¹ Project for The New American Century, Statement of Principles, *Washington D. C.* 3. 6. 1997, <http://www.newamericancentury.org>.

² *Владимиров А.И.* Основы общей теории войны. Т. I «Основы теории войны». Т. 2 «Теория национальной стратегии. Основы теории, практики и искусства управления государством». Издательство «Университет Синергия», М., 2013. С. 39.

нравственной порочностью и ошибками собственной национальной стратегии»¹.

Уже давно назрела необходимость обуздать политику господства и поставить ее вне закона и под запрет международного сообщества. В июле 2007 г. мною был разработан проект обращения к общественности стран-членов ООН под названием «Политику глобального господства под запрет». Он был направлен на рассмотрение Президиума РАН. Я полагал, что он будет опубликован в российских средствах массовой информации за подписью видных представителей российской политики, науки, культуры, образования. Но ему, к сожалению, так и не был дан ход.

Тогда на основе предыдущего проекта мною был разработан проект «Международной конвенции о запрете политики глобального господства». Он был доведен до сведения российского МИД. Я рассчитывал, что его представят от имени России Генеральному секретарю ООН и предложат обсудить на ближайшем заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Текст этого международного проекта выглядел так:

«Мы, страны-члены Организации Объединенных Наций,

1. Принимая во внимание, что политика господства великих держав привела на протяжении XX века к трем мировым войнам, стоившим человечеству неисчислимых человеческих жертв и громадных материальных потерь, к разрушению бесценных творений мировой культуры, милитаризации экономики, сознания и жизни народов, к возникновению труднопреодолимых “образов врага”, к послевоенной нищете, разрухе, отчаянью и ожесточению людей, к регрессу производства и науки, предназначенных для мирных целей;

2. Сознывая, что после каждой мировой войны вновь появлялась великая держава, начинавшая политику имперско-мессианского господства и ставившая под угрозу нацио-

¹ Владимирова А.И. Основы общей теории войны. Т. I «Основы теории войны». Т. 2. Теория национальной стратегии. Основы теории, практики и искусства управления государством. Издательство «Университет Синергия», М., 2013. С. 39.

нальные интересы и свободу народов, которые объединялись в противостоянии этой угрозе;

3. Учитывая, что в ракетно-ядерный век новая мировая война как следствие политики господства приведет к гибели человеческой цивилизации;

4. Будучи убеждены, что политика гегемонии всегда была неразрывно связана с экспансией и выступала самым деструктивным и опасным фактором в системе международных отношений, резко противоречила принципам демократизма и моральности внешней политики, не считалась с такими нормами международного общежития, как “соблюдение государственного суверенитета народов”, “единство в многообразии”, “живи и давай жить другим”;

5. Глубоко сознавая насущную необходимость ликвидировать материальную основу политики господства путем ограничения военных расходов стран-членов ООН нормой не более 0,5 % валового внутреннего продукта;

6. Объявляем о своем решении поставить под международный запрет политику, преследующую цель установления господства над народами, и считать ее преступлением против человечности».

Принятие этой конвенции Генеральной Ассамблеей ООН могло бы послужить серьезным сдерживающим фактором в противодействии мирового сообщества политике гегемонии, диктата и опасного военного произвола на международной арене. Однако и эта инициатива не нашла поддержки в российском МИДе, даже после того, как проект конвенции был опубликован в журнале российского парламента «Российская Федерация сегодня» (№ 18, 2008 г.) и в «Экономической и философской газете» (№ 37, октябрь 2008 г.).

Как это ни странно, со стороны российского руководства практически ни разу не предпринимались эффективные демарши и меры противодействия американской экспансии как с трибуны ООН, так и в средствах массовой информации. Хотя для этого имелись очень благоприятные возможности, которые предоставляла сама политика США.

С 1992 г. российское правительство ни разу не выступило с инициативами, направленными на устранение угроз мирному развитию, на обуздание гонки вооружений. Больше того, своими действиями оно содействовало этим процессам. Так, Россия была превращена в одного из крупнейших экспортеров вооружений в мире. Она заняла второе место после США по объемам продажи оружия. Эта статья ее внешней торговли приносит наибольший доход после экспорта газа и нефти.

2. К чему ведут великодержавные коллизии. Уроки предвоенного политического кризиса 1939 г.

В советские времена у нас безраздельно господствовали навязанные «сверху» официальные трактовки политических решений и событий и их роли для страны. Никто не смел подвергнуть их сомнению. Но вот наступила перестройка, и перед исследователями открылась возможность объективно рассмотреть и осветить советскую политику, особенно в сталинский период, и очистить ее историю от искажений. В те времена появился остроумный афоризм: «Наше прошлое непредсказуемо». Сколько же «невероятного» в развитии страны открыли для себя советские граждане! Сколько имен политиков, писателей, поэтов, художников, ученых, военачальников, которые были вычеркнуты во времена Сталина из народной памяти, снова заняли подобающее им место в сокровищнице нашей истории и культуры.

Перечисление подобных «открытий» можно было бы продолжать долго. Без сомнения, они очень болезненны и неприятны для нашего национального самосознания, но без очищения истории от неправды невозможно было движение по пути нравственного очищения и совершенствования нашего общества. И не только это. Давно известно, что народ, который не знает своей истории, обречен на то, чтобы пережить ее снова.

Несмотря на то, что в хрущевскую оттепель наше общество узнало очень многое из своей недавней истории, в ней осталось еще немало «белых пятен». Одним из них явились события, связанные с заключением советско-германского пакта о ненападении, подписанного 23 августа 1939 г. в Москве от имени Германии Риббентропом, а от имени Советского Союза – Молотовым. В нем, как в зеркале, отразился клубок противоречий и коллизий между Англией, Францией и Советским Союзом в предвоенный политический кризис 1939 г., противоречий, не позволивших им объединить свои усилия против гитлеровской агрессии и не допустить Второй мировой войны. Вокруг этого пакта в советские времена была воздвигнута масса неправды. Она проникла в школьные учебники, в исследования и научные работы, пустила глубокие корни в общественном сознании.

Рассмотрим же важнейшие аргументы, которые призваны были служить оправданием пакта. К ним можно отнести следующее:

- Мюнхенский сговор 1938 года преследовал цель направить агрессию Гитлера против Советского Союза. И если бы не существовало пакта о ненападении, то возник бы единый антисоветский фронт фашистской Германии и других западных держав.
- После поражения Польши Гитлер мог напасть с молчаливого согласия Англии и Франции на Советский Союз, но наличие пакта 1939 года предотвратило такое развитие событий.
- Агрессия Гитлера против СССР сопровождалась бы открытием Японией второго антисоветского фронта на Дальнем Востоке.
- Советско-германский пакт был необходим, так как Франция и Англия не стремились к союзу с СССР и провалили в августе 1939 года переговоры в Москве.
- Пакт 1939 года дал Советскому Союзу возможность отодвинуть начало войны и укрепить свою обороноспособность.

- С 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г. Вторая мировая война носила с обеих сторон империалистический характер, а пакт 1939 г. дал Советскому Союзу возможность держаться в стороне от этого империалистического конфликта.
- Утверждения о разделе Европы на сферы влияния между Сталиным и Гитлером, который якобы содержался в секретном дополнительном протоколе к пакту от 23 августа 1939 года, лишены всякого основания. В советских архивах такой протокол не найден, а на Западе существует только копия, но не оригинал.

На самом же деле ни один из этих аргументов не выдерживает критики. Они не нашли подтверждения фактами, документами и ходом событий. Прежде всего, пакт 1939 г. был в высшей степени аморальным соглашением с самым кровавым агрессором в истории человечества, который угрожал всем народам Европы порабощением. Заключением пакта о невмешательстве в агрессию Гитлера против европейских народов Сталин и Молотов подписали приговор и Советскому Союзу. У Гитлера были развязаны руки для завоевания Польши, затем Франции и других западных государств, то есть для ведения войны на одном фронте – то, о чем могли только мечтать Шлиффен, Людендорф, Гинденбург и другие немецкие генералы. Гитлер полностью использовал эту уникальную возможность. А Сталин подорвал стратегические позиции Советского Союза в Европе. К 22 июня 1941 г. наша страна оказалась один на один с небывало окрепшей нацистской Германией, захватившей пол-Европы.

Чем же руководствовался Сталин при заключении пакта? Ответ надо искать в следующем. Будучи убежденным приверженцем «классовой борьбы» и рассматривая ее как идейную основу советской внешней политики, он не учитывал, что практика «классовой борьбы», поставленная на службу государства, ведет к нарушению законов геополитики и может быть ущербна для национальных интересов собственной страны. Поэтому его планы и действия вытекали из

ложной внешнеполитической концепции. Она возникла не в 1938-м и не в 1939 году, а уходит своими корнями в начало 1930-х годов, когда над Германией возникла опасность нацистского господства. Положение дел требовало тогда совместных усилий коммунистов и социал-демократов для предотвращения прихода Гитлера к власти. Вместо этого Сталин навязывал компартии Германии роковой образ действий, в результате чего она должна была вести борьбу не против нацистов, а против «главных врагов» – социал-демократов. Тем самым он помог Гитлеру стать «фюрером» Третьего рейха.

В 1932 г. в Кремле состоялся примечательный разговор между Сталиным и членом Политбюро КПП, депутатом рейхстага Хайнцем Нойманном (который пал в 1937 г. жертвой сталинских репрессий, как и многие другие иностранные коммунисты). По свидетельству жены Нойманна, Сталин сформулировал свои мысли следующим образом: если в Германии придут к власти национал-социалисты, то они займутся борьбой на Западе против Франции, оставив в стороне Советский Союз. Сталин, конечно, знал, что Гитлер еще в своей книге «Майн кампф» – катехизисе германского фашизма – провозгласил первоочередной целью своей политики уничтожение своего «заклятого врага» – Франции. Но это рассматривалось им как неизбежное условие выполнения основной миссии – «Дранг нах Остен» – уничтожения Советского Союза и завоевания «жизненного пространства» в Восточной Европе.

Против этих планов Гитлера было только одно противоядие – система коллективной безопасности, которая базировалась бы на союзе Англии, Франции и Советского Союза, к которому неминуемо примкнули бы малые государства Европы. Этого требовали национальные интересы всех стран, оказавшихся под угрозой нацистской агрессии. Гитлер мог реализовывать свои планы только путем блицкрига поочередно на одном из фронтов, разбивать одного за другим своих противников на Западе и на Востоке. Коалицию западных держав с Советским Союзом Германия победить была не в состоянии. Это наглядно показал опыт Первой мировой войны.

Поэтому безопасность Советского Союза была геополитически неразрывно связана с безопасностью Англии и Франции.

Этими соображениями руководствовались народный комиссар иностранных дел Максим Литвинов и его соратники, когда они предложили в конце 1933 года концепцию коллективной безопасности, дополненную в 1935 году принципом неделимости мира. Но это шло вразрез с линией Сталина, план которого по сраиванию нацистской Германии с Западом стал для него навязчивой идеей. В то время он еще не мог открыто навязать свою линию народному комиссариату иностранных дел. Это стало возможным лишь позже, в 1937–1938 гг., когда в огне террора погибли лучшие советские дипломаты. На их место пришли выскочки с низкой квалификацией, которые были безвольными и послушными исполнителями повелений Сталина.

Открытый отход от концепции коллективной безопасности Сталин совершил в своей речи на XVIII съезде КПСС 10 марта 1939 года. Вместо того чтобы выразить готовность вести борьбу совместно с Англией и Францией против нацистской угрозы, он демагогически заявил, что не намерен таскать из огня каштаны для Запада. В этой речи он выставил главным поджигателем войны не нацистскую Германию, а Великобританию и Францию. Это было полностью искаженное представление о реальной ситуации в Европе. В Берлине совершенно верно поняли, что эти слова Сталина означали поворот советской политики в направлении сближения с нацистской Германией. Характерно, что М. Литвинову не дали выступить на XVIII съезде КПСС.

Но, может быть, для советской политики после Мюнхенского сговора просто не было другой возможности? Я далек от мысли преуменьшать ущербность данного соглашения для мира в Европе. Оно было непродуманным шагом англо-французской дипломатии, выгодным для Гитлера. Но было бы неправильно выставлять его исключительно антисоветским актом. В первую очередь, это соглашение было направлено на «умиротворение» Гитлера, ибо Франция и Англия не могли

вступить в войну с Германией из-за Судетской области. В геостратегической перспективе им не хватало для такой войны третьего «звена» на Востоке – Советского Союза.

Как свидетельствуют документы генеральных штабов Англии и Франции, они не могли воспринимать Советский Союз в качестве надежного и ценного союзника после того, как Сталин подверг репрессиям цвет руководящего состава Красной Армии. И к самой личности Сталина правящие круги в Англии и Франции не питали никакого доверия. С их точки зрения, в 1930-х гг. он проводил типичную политику государственного произвола, развязав террор против своих мнимых и истинных противников и оппонентов, против инакомыслящих и совсем невинных людей. Для западных держав Сталин стал в высшей мере одиозной фигурой, человеком, с которым было сложно и опасно идти на сближение. Сталин, конечно, не мог не учитывать этого. Он все больше убеждался в том, что ему намного легче и быстрее найти общий язык с Гитлером.

А «фюрер» Третьей империи, используя противоречия и несовместимость политических позиций по европейской безопасности между Советским Союзом, с одной стороны, Англией и Францией – с другой, без труда наращивал свою экспансию. В марте 1938 Германия осуществила «аншлюс» Австрии, в октябре того же года, используя Мюнхенское соглашение, отторгла от Чехословакии Судетскую область, а 15 марта 1939 г. оккупировала и всю Чехословакию. На очереди была Польша. 3 апреля 1939 г. начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Кейтель отдал приказ о разработке плана нападения на нее (операция «Вайс»). В приказе была установлена дата проведения операции – 1 сентября 1939 г. Она была выдержана и стала началом Второй мировой войны.

После захвата Германией Чехословакии в Европе возник предвоенный политический кризис. В Лондоне и Париже поняли, что политика умиротворения потерпела крах и что на пороге стоит война, которая грозит их жизненным интересам. Поэтому там все чаще с надеждой смотрели на Со-

ветский Союз, рассчитывая, что, несмотря ни на что, они все вместе смогут поставить преграду агрессивным замыслам Гитлера и сумеют заключить договоренность о совместных действиях на случай войны. Обеспокоенность Англии по поводу аннексии Гитлером Чехословакии была столь высока, что английский премьер-министр Чемберлен лично – беспримерный случай! – посетил советское посольство, давая тем самым понять, что его правительство готово принять меры против Гитлера совместно с Советским Союзом. Также французский премьер-министр Даладье занял четко выраженную антигерманскую позицию. Только слепой не мог видеть, какую цель преследовал Гитлер.

В апреле 1939 года Гитлер заявил о расторжении германо-британского морского соглашения, открыто заявил о претензиях на английские колонии и заключил в мае «стальной пакт» с Муссолини, который был направлен против Англии и Франции. В записи выступления Гитлера на совещании с генералами 23 мая 1939 г. говорится: «Фюрер сомневается в возможности мирного урегулирования с Англией. Необходимо готовиться к столкновению с нею. Англия видит в нашем развитии закладку основ той гегемонии, которая лишит ее силы. Поэтому Англия – наш враг, и столкновение с ней будет не на жизнь, а на смерть»¹.

Для советской политики представилась реальная возможность осуществления идеи коллективной безопасности. Для этого было необходимо постепенно, терпеливо и целеустремленно искать сближения с Англией и Францией. В пользу этого говорили сильные антинацистские настроения общественности этих стран и требования – в том числе через парламент – заключить с Советским Союзом соглашение, направленное против Германии.

Сталин не воспользовался этим шансом. С марта 1939 года он вел курс на соглашение с Гитлером. Переговоры, на-

¹ См. International Military Tribunal. Vol. XXXVII. Doc. L-79. P.546-556. *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера. Путь к Катастрофе. 1933-1945. М.: Наука, 2005. С. 181.

чатые с Англией и Францией, служили только прикрытием для его истинных замыслов и в качестве средства нажима на Гитлера. Гитлер также оказывал с помощью «тайных» параллельных переговоров с Англией давление на Сталина. Как только два диктатора договорились, переговоры Советского Союза с Англией и Францией были прерваны. Они были прекращены по указанию Сталина, хотя для этого не было никаких видимых причин. Факты свидетельствуют о том, что в 1939 году не существовало никакой опасности образования единого антисоветского фронта западных держав вместе с Германией. Помимо этого, для нас не существовало опасности того, что Гитлер после разгрома Польши нападет на СССР. Для такой войны у германского командования еще не было стратегического плана. Его разработка (план «Барбаросса») началась лишь в июле 1940 года. 18 декабря 1940 года он был утвержден Гитлером. К тому же в 1939 году фашистская Германия еще не была достаточно сильна для войны с Советским Союзом.

Опасности же возникновения второго фронта на Дальнем Востоке для Советского Союза в то время не существовало. Военно-стратегические планы Японии были направлены на экспансию в сторону юго-восточной Азии, Китая и южной части Тихого океана. Сталину было это известно. Несмотря на постоянные призывы Гитлера к японскому руководству, Япония не напала на Советский Союз даже в тяжелейшую для Германии фазу войны в 1941–1942 гг. И еще меньше следовало ожидать, что Япония совершит нападение в 1939–1940 гг.

Итак, благодаря заключению пакта:

- Гитлер смог развязать Вторую мировую войну при самых благоприятных для него условиях, когда ему не нужно было беспокоиться о ведении войны на два фронта;
- руководство нацистской армии смогло реализовать свои планы по разгрому Польши, затем обрушиться всей своей мощью (95 % вооруженных сил) на Фран-

- цию и, разгромив ее, обеспечило себе тем самым тыл для войны против СССР;
- Советский Союз стал не только безмолвным очевидцем того, как Гитлер поработщает народы Европы, но и соучастником фашистской агрессии, поставляя Германии стратегические материалы и даже предоставляя вермахту опорные пункты для ведения боевых действий на своей территории;
 - международное коммунистическое и рабочее движение, а также все левые либералы оказались дезориентированы и ошеломлены и тем самым был нанесен огромный вред антифашистской борьбе и движению Сопротивления;
 - Советский Союз оказался в полной международной и военно-стратегической изоляции на пороге немецкого нападения.

Это еще далеко не все трагические последствия пакта 1939 года. Он явился классическим примером того, как не следует проводить внешнюю политику. На нем виден отчетливый отпечаток коварной личности Сталина. Ему явно не хватало и опыта в области внешней политики, знаний законов геополитики. Народы, особенно советский, вынуждены были заплатить за пакт 1939 г. потоками крови и невиданными страданиями и разрушениями. Нет сомнения, что между 23 августа 1939 года и 22 июня 1941 года существует прямая взаимосвязь.

При анализе процессов, развернувшихся в Европе накануне Второй мировой войны, приходится констатировать, что пакт 1939 года отнюдь не был неизбежным. 15 марта 1939 года, когда мир оказался после захвата Чехословакии фашистской Германией в предвоенном политическом кризисе, существовали международные и военно-стратегические предпосылки для сближения Советского Союза с Англией и Францией в целях отражения гитлеровской агрессии. Об этом свидетельствуют следующие факты из событий 1939 года:

- 21 марта правительство Англии предложило советскому руководству принять декларацию СССР, Англии, Франции и Польши о совместном сопротивлении гитлеровской экспансии в Европе;
- 31 марта Англия и Франция взяли на себя гарантии безопасности и независимости Польши; советское правительство могло присоединиться к этим гарантиям без всяких условий, но не сделало этого, что свидетельствовало об иных планах Сталина, связанных уже с ориентацией на нацистскую Германию;
- в ответ на гарантии западных держав Польше Германия расторгла англо-германское морское соглашение 1935 г., польско-германское соглашение 1934 г. и потребовало от Англии возвращения колоний;
- 6 апреля односторонние английские гарантии Польше были заменены англо-польским соглашением о взаимопомощи в случае германской агрессии;
- 7 апреля Италия захватила Албанию, усилив угрозу позициям Англии и Франции в Восточном Средиземноморье и на Балканах;
- 13 апреля Англия и Франция предоставили гарантии безопасности Греции и Румынии;
- во второй половине апреля Англия и Франция независимо друг от друга направили советскому руководству проекты соглашений о взаимопомощи и поддержке на случай, если в результате осуществления гарантий Польше и Румынии западные державы окажутся втянутыми в войну с Германией;
- 12 мая договор о взаимопомощи с Турцией в случае германской агрессии заключила Англия, а 23 июня – Франция;
- 22 мая Германия и Италия заключили «Стальной пакт» – военный союз, направленный против Англии и Франции;
- в мае французский и английский генеральные штабы разработали совместный план военной полити-

ки противодействия германской экспансии, который предусматривал, в частности, создание протяженного, сильного и прочного фронта в Восточной Европе из сил Польши, Румынии и других Балканских государств. Для этого необходимо, говорилось в плане, чтобы Польша и Румыния получили помощь от России хотя бы в виде оружия, боеприпасов и танков, поскольку боеспособность Красной Армии считалась сомнительной, а Польша и Румыния не согласились бы пропустить через свою территорию советские войска¹.

Создавалось парадоксальное положение – Англия и Франция проявляли высокую активность для возведения восточного вала против гитлеровской агрессии, а руководство Сталина не воспользовалось этим для объединения усилий с ними в противостоянии нацистской Германии. Это объясняется просто. Сталин уже в начале 1939 г. взял курс на достижение соглашения с Гитлером. Об этом красноречиво свидетельствует следующий факт. Сразу после подписания пакта в Кремле в ночь с 23 на 24 августа состоялась беседа между Сталиным, Молотовым и Риббентропом. В официальной немецкой записи этой беседы среди прочего говорится: «Затем господин Молотов произнес тост в честь Сталина и отметил при этом, что Сталин в своей речи 10 марта этого года (на XVIII съезде КПСС), которую в Германии правильно поняли, заложил основы для поворота в советско-германских отношениях»². Это опровергает тезис, что заключение пакта было якобы вынужденной мерой, принятой советской политикой после провала переговоров с Англией и Францией в Москве в августе 1939 г.

¹ *Батлер Дж.* Большая стратегия. М., 1959. Т. 1. С. 32–33.

² ADAP (Архив немецкой внешней политики). Serie D, Band VII, Doc. 11229, S. 202–203.

Послесловие

С началом перестройки в 1985 г. терпеть неправду в трактовке причин заключения пакта 1939 г., его роли и последствий для Советского Союза и всего международного сообщества было нельзя. Не освободившись от сталинского внешнеполитического наследия, не показав всю пагубность политики господства, выступавшей на протяжении всего XX века как главная причина мировых войн, нельзя было заложить основы новой внешней политики нашей страны. Поэтому в своих выступлениях я попытался, как только для этого представились возможности, раскрыть истинные мотивы и цели политики Сталина и показать ее ошибочность в критические месяцы накануне войны. Это потребовало больших усилий и нервных перегрузок в преодолении сопротивления со стороны неисправимых советских консерваторов. Даже в годы перестройки и демократических преобразований в Советском Союзе оказалось очень трудно искать и отстаивать правду истории. Несмотря на это, мне удалось опубликовать ряд статей, посвященных пакту 1939 г.¹

Не обошлось и без серьезных столкновений. Так, 1 сентября 1988 г. по советскому радио транслировалось мое вы-

¹ К числу этих работ относятся: Вчера и сегодня: уроки истории. Интервью // Комсомольская правда. 1989. 23 марта; Pakt zwischen Hitler und Stalin // Reinischer Merkur. 1989. 21, 28 April; Как же это было? Уроки истории // Комсомольская правда. 1989. 8 авг.; Сталин в начале 39-го // Московские новости. 1989. 27 авг.; Planungen und Fehlschläge Stalins am Vorabend der Kriege // 1939. An der Schwelle zum Weltkrieg. В., 1990; Пакт: пагубность и неизбежность // Знания – сила. 1989. Авг.; Планы и просчеты Сталина накануне войны // 1939 год: На пороге мировой войны. Берлин, 1990 (на нем. яз.); Пакт Гитлера – Сталина: Мифы и реальность // Историки отвечают на вопросы / Сост. В.В. Поликарпов. М., 1990; Предисловие к книге: Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939-1941; и др.

ступление в связи с началом Второй мировой войны. Через несколько дней я получил из отдела пропаганды ЦК КПСС письмо с просьбой ответить на отклик одного из слушателей на это выступление, направленный секретарю ЦК КПСС Е.К. Лигачеву. В этом отклике мое выступление подверглось разностной критике. В нем говорилось:

«Я обращаюсь непосредственно к Вам в связи с возмутительной фальсификацией советской внешней политики перед Второй мировой войной, которая прозвучала по радио в передаче 1 сентября с.г. В этот день утром вся страна и весь мир прочитали в “Правде” пространную и аргументированную политическую статью “Так начиналась война”, в которой расставлены все политические акценты в рассмотрении предвоенной ситуации в Европе.

В ней четко указано:

- причиной возникновения Второй мировой войны явилось нежелание западных стран обуздать агрессора; они отказались принять коллективные, с участием СССР, меры безопасности;
- пакт 1939 г. между СССР и Германией – это вынужденная мера СССР с целью оттянуть начало войны с Германией;
- советское руководство не заблуждалось в истинных стратегических намерениях фашистской Германии;
- вступив в Польшу, Красная Армия выступила в защиту украинского и белорусского населения в западных областях Польши;
- нет доказательств о существовании каких-то секретных документов или протоколов между СССР и Германией, которые предусматривали раздел Польши, и т. д.

И в тот же день в 18 ч. 45 м. вечера я услышал по радио прямо противоположные высказывания. Ниже я привожу ряд высказываний некоего “историка”, которые я успел записать дословно:

- пакт 1939 г. о ненападении с Германией имеет одиозное значение;

- пакт 1939 г. стимулировал развязывание Второй мировой войны;
- Сталин не хотел заключения соглашения с Англией и Францией, он хотел соглашения с Германией;
- за рубежом давно напечатаны копии секретных протоколов к пакту 1939 г., и только мы стыдливо о них умалчиваем;
- показания Гальдера¹ на Нюрнбергском процессе невозможно (?) отвергать.

Если бы подобное мы услышали от буржуазной желтой прессы Запада, то наверняка расценили бы это как политическую провокацию против нашей страны! Но, к сожалению, мы и весь мир услышали это по советскому радио. Это уже не гласность, а политическая безответственность и распущенность, если не сказать прямее.

Как член партии полагаю, что подобное “явление” не может не остаться без политических выводов ЦК КПСС. Мне представляется, что секретариату ЦК КПСС необходимо прослушать пленку с записью всей этой возмутительной передачи по радио».

Мой ответ, направленный автору письма и в ЦК КПСС, гласил:

«Меня ознакомили с Вашим письмом по поводу моего выступления по радио 1 сентября с.г. Вы считаете, что в исторической науке, в оценке прошлого все должно быть унифицировано, подчинено одной точке зрения. Но такой подход – это гибель для науки, политики, да и для общества в целом. И мы с Вами испытали это на собственном опыте. Почему Вы считаете, что авторы статьи в “Правде” Ржешевский и Ковалев представляют “истину в последней инстанции”, а моя точка зрения ложна? Ржешевский – специалист по американской истории, Ковалев – вообще не историк. А я более 20 лет занимался исследованием Вто-

¹ Бывший начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии.

рой мировой войны, политики и стратегии фашистской Германии, в 1973 г. издал двухтомный труд “Банкротство стратегии германского фашизма. 1933–1945 гг.” (а всего около ста публикаций по этим вопросам). Так почему же Вы отказываете мне в праве высказать свои соображения относительно пакта 1939 г.? Да еще требуете подвергнуть меня политическому ostracismu.

Могу Вам сказать одно – ни политика, ни наука не могут основываться на лжи. Рано или поздно это приводит к краху. Что касается сталинской аргументации мотивов заключения пакта с Гитлером, которой придерживается и Ржешевский, то факты и документы свидетельствуют, что в 1939 г. не было никакой угрозы образования единого фронта империалистических держав – Германии, Англии и Франции – против СССР, что не существовало ни угрозы нападения Германии на Советский Союз после разгрома Польши, ни создания второго фронта против СССР на Дальнем Востоке. После захвата Германией Чехословакии в марте 1939 г. и разрыва ею Мюнхенского соглашения Англия и Франция стали искать в лице СССР союзника против угрожавшей и им фашистской агрессии. Сталин же стал ориентироваться только на соглашение с Германией. В этом была его величайшая ошибка и наша трагедия. Заключив 23 августа пакт с Гитлером, он тем самым подписал и приговор Советскому Союзу. Пакт позволил Гитлеру оккупировать почти всю Западную Европу, а потом обрушиться на СССР. Если Вы хотите подробнее познакомиться с этими событиями, почитайте указанную выше книгу. В ней я, между прочим, не грешу против своей научной совести: из 1500 страниц труда я ни одной страницы не посвятил пакту 1939 г., ибо тогда, в мрачные годы ресталинизации, правду о нем сказать было невозможно. А Вы хотите, чтобы все опять вернулось вспять и наша страна продолжала загнивать и в духовном, и в экономическом,

в культурном и нравственном отношении, а может, даже вернулась бы и к репрессиям. На такие грустные выводы наводит Ваше письмо»¹.

Помнится еще одно событие, связанное с идейными баталиями вокруг пакта 1939 г. В конце августа 1989 г. в Берлине состоялась международная конференция на тему: «Развязывание Второй мировой войны и международная система» с участием более ста ученых из 15 стран. На ней присутствовали канцлер ФРГ Гельмут Коль и президент бундестага Рита Зюсмут. Я выступил с докладом о политике Сталина накануне войны. 27 августа 1989 г. он был напечатан в газете «Московские новости». А еще ранее, 25 августа, газета «Правда» опубликовала сообщение с положительной оценкой итогов конференции. В нем, в частности, говорилось: *«Советские ученые дали на форуме критическую оценку “сталинской дипломатии” накануне Второй мировой войны, которая нанесла ущерб международному престижу СССР. Подписание договора о ненападении с фашистской Германией, несмотря на вероломную политику западных держав, явилось грубым нарушением ленинских принципов советской внешней политики. Надежным заслоном против повторения аналогичных ошибок прошлого может быть только строгий парламентский и демократический контроль за внешней политикой правительства и дипломатическими акциями... Открытое и заинтересованное обсуждение учеными различных стран одной из спорных проблем предвоенной истории свидетельствует о “новом уровне гласности” в отношениях между Востоком и Западом».*

Через три дня в «Правде» появилось грозное «Заявление Агентства печати «Новости»: *«Газета “Московские новости” в 35-м номере опубликовала статью доктора исторических наук, профессора В. Дашичева “Сталин в начале 39-го”. Ее автор фактически пытался приукрасить политику умиротворения, проводившуюся Англией и Францией*

¹ Из личного архива.

в отношении гитлеровской Германии и их отказ наладить отношения сотрудничества с Советским Союзом.

Каждый историк имеет право на свое прочтение фактов. Но ни историка, ни любого объективного человека не украшает искажение фактов и реальных событий. Между тем в статье вопреки подлинным и ныне известным фактам утверждается, что Англия и Франция будто бы предложили все зависящие от них меры для достижения согласия с Советским Союзом летом и осенью 1939 г., а советское руководство сознательно потопило “проекты и предложения западных держав, используя для этого любые предлоги”.

Исторической правде не соответствует утверждение автора о том, что Советский Союз был заинтересован в развязывании Второй мировой войны, которая якобы нужна была Сталину для того, чтобы “раздуть мировой революционный пожар в Европе” и экспортировать революцию в одну или несколько стран. Подобные домыслы не позволяют себе даже недоброжелатели Советского Союза...

Агентство печати “Новости” не может не выразить решительное несогласие с публикацией газеты. Как издатель газеты “Московские новости”, агентство выражает недоумение в связи с тем, что редакция не удосужилась разобраться в существе дела и тем самым ввела в заблуждение читателей, проявила неуважение к историческим фактам».

В аналогичном духе несколько позже в большой статье с резкой критикой моей позиции выступила газета «Красная Звезда»¹. К чести редакции «Московских новостей», она опубликовала в своей газете ответ Агентству печати «Новости» и дискуссию: «На пути к исторической истине»². Это был фактический отвод предъявленных к ней претензий.

¹ Анфилов В., Бобров Л. Кто же сказал «нет»? // Красная Звезда. 06.10.1989.

² Смирнова Н. Необходимые уточнения; Кулиш В. Был ли выбор? // Московские новости. 03.09.1989.

Точку в дискуссиях поставил съезд народных депутатов СССР. Комиссия съезда выработала проект постановления: «О политической и правовой оценке советско-германского пакта о ненападении от 1939 года», в котором политика Сталина нашла осуждение. 24 декабря 1989 г. съезд принял это постановление¹.

Вскоре в архиве МИД был найден и подлинник секретного приложения к пакту о разделе сфер влияния в Европе между Германией и Советским Союзом. В соответствии с этим разделом советское руководство приступило в 1940 г. к захвату прибалтийских стран, Молдавии и развязало позорную войну против Финляндии с целью ее захвата. А гитлеровское руководство стало «хозяйничать» в своей сфере влияния, захватив Данию и Норвегию и подчинив себе фактически все другие страны Центральной и Западной Европы с их людским и экономическим потенциалом, который был использован в войне против СССР.

Но опыт истории неопровержимо свидетельствует о том, что политика господства, под какими бы мотивами и лозунгами она не осуществлялась, неизменно ведет проводящую ее державу к национальной катастрофе. Так было с наполеоновской Францией, кайзеровской и гитлеровской Германией. Этой участи не избежал и Советский Союз. Извлекут ли для себя уроки из этого опыта истории нынешние носители политики глобального господства США?

3. Как Европа проиграла XX век Соединенным Штатам Америки²

Европа, как ни один другой континент, была подвержена на протяжении своей истории многочисленным войнам. А в XX столетии эта особенность ее развития обернулась для

¹ Известия, 27.12.1989.

² Мир и политика, № 10, 2013 г.

нее поистине роковыми разрушительными последствиями. Она стала главным полем брани в двух «горячих» и в одной «холодной» мировой войне, до основания потрясших социальные, национальные и экономические структуры проживающих на ее территории народов. В результате Европа, запутавшись в великодержавных амбициях ее правящих элит и их жажде господствовать, проиграла в геополитическом отношении XX век Соединенным Штатам. Эта заморская держава превратилась в патрона европейских стран. Как же это произошло?

Поворотным пунктом в европейском развитии явилась Первая мировая война. Ее активными участниками были все европейские державы, а также внешние силы, в первую очередь США. Впервые в человеческой истории она приняла тотальный и глобальный характер. В кровавой бойне на полях сражений Европы участвовали более 60 миллионов солдат пяти континентов. Ежедневно война уносила 6000 жизней. В мясорубке Вердена и на полях смерти Фландрии погибло в четыре раза больше французов, в три раза больше бельгийцев и в два раза больше англичан, чем во Второй мировой войне. Лишь в грандиозном сражении на Западном фронте в июле 1916 г. были убиты 60 000 английских солдат.

- Применение новых убойных видов оружия приобрело уже в Первой мировой войне невиданные масштабы. Немецкая пушка «Большая Берта» стреляла по Парижу с расстояния 130 км. Американский пулемет марки «Максим» был способен производить 600 выстрелов в минуту. Только в одном наступлении 12 сентября 1918 г. американцы выпустили по немецким войскам 1,1 миллиона снарядов¹. Впервые на полях сражений были применены танки и отравляющие вещества.

Вызванные Первой мировой войной социально-политические и экономические потрясения, революции,

¹ *Hirschfeld G., Krumeich G., Renz I. (Hg.) Enzyklopädie Erster Weltkrieg. Padeborn, 2003.*

злополучный Версальский мир, возникновение реваншизма побежденных, становление тоталитарных и диктаторских режимов в Германии, Италии и других европейских государствах проложили прямой путь ко Второй мировой войне. 31 межвоенный год после заключения Версальского мира прошел фактически под знаком теоретической, материальной, дипломатической и пропагандистской подготовки великих держав к новому мировому конфликту. По определению немецкого историка Велера, Первая мировая война положила начало «Второй Тридцатилетней войны» в Европе¹. Его известный коллега Эрнст Нольте назвал период в развитии Европы с 1917-го по 1945 год «гражданской войной» между национал-социализмом и большевизмом². На самом деле для названного исторического периода были характерны не только конфликт между двумя социально-политическими системами, но и геополитическая борьба за господство между европейскими державами, в том числе между Германией, с одной стороны, Англией и Францией – с другой. Европейскую «междоусобицу» весьма искусно использовали США для повышения своего геополитического и экономического веса в мировых делах, особенно в Европе.

Вторая мировая война по размаху, напряженности и ожесточенности боевых действий, по числу участвовавших в ней людей, по количеству использованной

¹ *Wehler H-U.*, Der zweite Dreißigjährige Krieg. Spiegel Spezial, 1/2004.

² *Nolte E.* Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. National-Sozialismus und Bolschewismus. Frankfurt/Main, Berlin, 1989. Российский исследователь И.В. Дьяков в своей книге «Великая гражданская война 1941–1945 гг.» (М., 2002) тоже склоняется к выводам Нольте, ограничивая, однако, исторические рамки этой гражданской войны только борьбой на советско-германском фронте.

боевой техники, колоссальным человеческим жертвам и материальным разрушениям не знала себе равных за всю многовековую историю человечества. В нее было втянуто 61 государство с населением в 1,7 млрд человек. Под ружье было поставлено 110 млн человек, боевые действия охватили территорию 40 государств. Война поглотила громадные производственные ресурсы. Только Германия, США, Англия и СССР произвели в военные годы около 653 тыс. самолетов, 287 тыс. танков, 1041 тыс. орудий. Общие расходы на войну, включая прямые военные ассигнования и ущерб от материальных разрушений, достигли астрономической цифры в 4 триллиона долларов. Материальные потери Советского Союза составили треть его национального богатства. Война унесла 50 млн человеческих жизней, из них на долю советского народа пришлось почти 30 млн человек. Такова страшная дань, которую человечество, и в первую очередь Европа, вынуждены были заплатить за мировой военный конфликт. Вторая мировая война возвестила наступление качественно нового этапа в развитии международных отношений, зловещим символом которого стали Хиросима и Нагасаки. Отныне война между великими державами перестала быть рациональным средством достижения политических целей. Находящиеся в их распоряжении убойные средства были настолько усовершенствованы, что достигли предела в своем развитии – появилось ракетно-ядерное оружие, массовое применение которого неизбежно привело бы к гибели человеческой цивилизации. И тем не менее, вскоре после разгрома Германии и Японии в 1945 г. человечество снова оказался перед лицом мировой войны, на этот раз «холодной». Она не переросла во всеобщую «горячую» только благодаря тому, что хрупкий мир держался на биполярном «равновесии ядерного страха» между США и Советским Союзом. Для США на

передний план в геополитическом противоборстве выдвинулись тайные, не прямые средства борьбы для подрыва изнутри государственных структур, экономики и духовного состояния советского народа.

- Одной из главных причин холодной войны явилась мессианская коммунистическая экспансия, наступление на позиции Запада, начатые сталинским руководством после разгрома Германии и приведшие к захвату Советским Союзом Восточной и Центральной Европы и резкому нарушению глобального и европейского баланса сил. Западные державы вынуждены были перейти к политике сдерживания, а затем отбрасывания советской мессианской экспансии. Со стороны советского руководства это была в корне порочная и совершенно ненужная политика, навлекшая на страну непосильное бремя борьбы с объединенным фронтом западных держав во главе с США. Расширение зоны социализма советского образца и навязывание его силой другим странам явилось одной из важных причин ослабления и падения СССР.

Итак, три мировые войны потрясли до основания Европу. Миллионы павших, раненых, отравленных, замученных, изгнанных, несчастных вдов, осиротевших детей, сотни тысяч превращенных в развалины городов и деревень, безжалостное уничтожение промышленного и научного потенциала Европы, милитаризация сознания и жизни народов, вражда, ненависть, духовное и идеологическое одичание, приведшее к тоталитаризму, диктатурам, концлагерям, распаду морали и нравственности – все эти роковые явления сопровождали развитие Европы в прошлом столетии. Промежутки между войнами использовались для подготовки новых кровавых конфликтов. Им постоянно сопутствовали раскол Европы и создание все новых и новых разделительных линий между народами. Причиной всех этих несчастий был синдром господства, которым попеременно болели правители европейских великих держав.

Из войн и вражды между европейскими державами Соединенные Штаты извлекали громадные геополитические выгоды. Они были заинтересованы в разжигании этих войн, провоцировали их и финансировали их подготовку. Причем американская территория на всем протяжении XX века совершенно не пострадала, оставаясь вне зоны боевых действий.

В дополнение к использованию «европейских междоусобиц» и войн американская правящая элита прибегла к глобальному финансовому обману, который позволил США баснословно обогатиться за счет других стран и занять господствующие позиции в мировой экономике. Для этого Федеральная резервная система – Центральный банк США, находящийся в руках частных корпораций – по определению Дж. Гриффина «самое страшное чудовище, которое когда-либо создавал международный крупный капитал»¹, – вышел в 1971 г. из заключенного в 1944 г. Бреттон-Вудского международного соглашения, установившего золотой стандарт для финансовых расчетов на мировом рынке, и стал по своему усмотрению, бесконтрольно и в громадных количествах печатать доллары². По подсчетам директора немецкого Института исследования проблем среднего класса профессора Хамера за 30 лет, с 1971 г. до начала 2000 г., товарная масса на мировом рынке увеличилась вдвое, а де-

¹ *Griffin G. Eduard. Die Kreatur von Jekyll Island. Die Notenbank, Federal Reserve. Das schrecklichste Ungeheuer, das die internationale Hochfinanz schuf. Berlin, 2003.*

² Председатель Русского экономического общества В. Катасонов дал этому надувательству такое определение: «ФРС делает деньги из воздуха. Эмиссионный доход составляет 99, 9999999 процентов. Все затраты хозяев печатного станка сводятся к затратам на бумагу и краску. На напечатанные «фантики» происходит скупка реальных активов и ресурсов по всему миру. Центральный банк РФ включен в мировую иерархию в качестве одного из сборщиков дани для хозяев ФРС» // Литературная газета. № 47, 27 ноября – 3 декабря 2013 г.

нежная масса возросла в 40 раз, главным образом в результате громадного увеличения в ней доли доллара¹.

С помощью печатного станка США начали расплачиваться за нефть, газ и другие товары, скупать за рубежом все, в чем они нуждались, привлекать в страну видных представителей науки, техники, культуры и искусства. Больше того, они получили возможность ставить в вассальную зависимость многие страны Европы и других регионов мира, влиять на их экономическое развитие и даже провоцировать в них финансовые кризисы, если это было выгодно американской правящей элите. Профессор Хамер писал в связи с этим: «Доллар, приватизированный Федеральной резервной системой, занимает доминирующие позиции в мире в количественном отношении. На его долю приходится более 75 % всей мировой денежной массы. Крупный финансовый капитал вынудил контролируемые им сырьевые рынки продавать сырье только за доллары. Кто захочет продавать свою нефть не за ничего не стоящие доллары, а за евро, тот объявляется террористом (Саддам). Центральные банки других стран тоже принуждаются к тому, чтобы во все больших количествах (Евробанк более 90 %) принимать доллары как резервную валюту. Остальные валюты, как и евро, основывают свою стоимость более чем на 90 процентов на ничего не стоящих долларовых бумажках, поддерживаемых могуществом и волей крупного финансового капитала США... Таким образом, последний управляет через принадлежащую ему Федеральную резервную систему денежными потоками и валютой всего мира. Доллар является валютой, находящейся в частной собственности крупного финансового капитала США. Никто, кроме него, не может гарантировать его стоимостное содержание, злоупотреблять им по мере сил и наращивать его численность. Доллар служит инструментом его мирового господства и средством для грабежа

¹ Prof. Dr. *Hamer E.* *Der Welt-Geldbetrug.* Hannover, 2004. С. 2. <http://www.mediawatch.ch/hintergrund/ geldbetrug.htm>

важных видов сырья и товаров на мировом рынке»¹. К сожалению, европейские страны, в том числе Советский Союз, а затем и Россия, не смогли ничего противопоставить этому глобальному надувательству правящей элиты США.

Одним из крупных зол для Европы XX века стал раскол немецкой нации, совершенный по настоянию западных держав, хотя на Потсдамской конференции Советский Союз возражал против этого и выступал за сохранение единой Германии. США были заинтересованы в том, чтобы «осесть» в Европе и занять свою оккупационную зону в Западной Германии и превратить ее со временем в свой протекторат. В результате произошла американизация Западной и советизация Восточной Европы. Внеевропейская мировая держава США превратилась после мая 1945 года в фактор постоянного военно-политического присутствия и американского гегемониального влияния в Европе, чуждого интересам европейских народов.

После объединения Германии, положившего конец холодной войне, на короткое время наступила эра прозрения европейцев. Они вдруг осознали, что по-старому жить нельзя и опасно, что Европа нуждается в новой концепции мирного развития без диктата и насилия со стороны великих держав, без разъединительных линий и вражды. Иначе грозил окончательный закат Европы, как предрекал еще Освальд Шпенглер. Новая концепция европейского развития нашла свое воплощение в Парижской хартии, подписанной представителями верховной власти всех европейских стран, США и Канады 21 ноября 1990 г.² Казалось, перед европейскими народами, пережившими в XX веке две «горячих» и одну «холодную» войну с их невообразимыми ужасами и потерями, открылись радужные перспективы создания совершенно новой Европы мира, стабильности и сотрудниче-

¹ Prof. Dr. *Hamer E.* Der Welt-Geldbetrug. Hannover, 2004. С. 3. <http://www.mediawatch.ch/hintergrund/geldbetrug.htm>

² См. раздел о Парижской хартии.

ства. Фактически впервые в истории Европы был достигнут общеевропейский консенсус, отвечавший национальным интересам всех европейских народов. Но, увы, этому проекту не суждено было сбыться.

Большие надежды на умиротворение Европы связывались с ее экономической и политической интеграцией. Вскоре после Второй мировой войны в Западной Европе было образовано Европейское экономическое сообщество, переросшее затем в Европейский союз. На Востоке возникло другое интеграционное содружество – СЭВ. Они олицетворяли собой две противоборствующие экономические стороны в конфронтации Восток – Запад. О сотрудничестве между ними вплоть до 1980-х годов не могло быть и речи. Уж очень большие политические и экономические различия пролегали между двумя системами.

Но все-таки идея общеевропейской интеграции не оставляла своей привлекательности в головах многих политиков и общественных деятелей. В семидесятых годах в Германии появилась концепция «Изменение через сближение». Она предусматривала смягчение конфронтации Восток – Запад и углубление общеевропейского сотрудничества, в результате чего произошли бы демократические преобразования в странах Восточной Европы. В 1980-х годах, особенно с началом перестройки в СССР, в повестку дня стала выдвигаться новая концепция – «Сближение через изменение», рассчитанная на успешное осуществление глубоких реформ в Советском Союзе и других восточноевропейских странах и создание благоприятных условий для общеевропейской интеграции. Обе концепции исходили из теории конвергенции, т. е. эволюционного сближения политических и социально-экономических структур двух систем. Они сыграли определенную положительную роль для разрядки напряженности в Европе. В Советском Союзе возникла встречная концепция общеевропейского дома, реализовать которую мыслилось в ходе успешного проведения перестройки. Но все эти благие намеренья отнюдь не вписывались в планы США.

Разрушение Советского Союза создало совершенно новую геополитическую ситуацию на европейском континенте. Варшавский договор и СЭВ прекратили свое существование, в то время как НАТО и ЕС не только сохранились, но и расширились за счет восточноевропейских стран. Россия, возникшая на обломках Советского Союза, утратила статус великой державы вследствие резкого ослабления ее экономического потенциала и упадка во всех жизненно важных сферах в «ельцинское лихолетье» и в последующее правление Путина – Медведева. Для Запада исчезла «угроза с Востока». Стали исчезать и структурные различия двух систем, поскольку новый правящий режим России повернул страну на капиталистический путь развития.

В коренным образом изменившейся обстановке движущей силой общеевропейской интеграции мог бы стать Европейский союз. В декабре 2012 г. он был удостоен Нобелевской премии. Впервые эта премия было присуждена не отдельному выдающемуся человеку, а международной организации, в том числе за ее содействие мирному развитию Европы. Лоббист этой премии Т. Ягланд писал в связи с этим событием: «Чего добился наш континент – поистине фантастично. Из континента войны он превратился в континент мира»¹.

Однако такое утверждение было сделано преждевременно. С распадом Советского Союза для американской правящей элиты возникла уникальная возможность для осуществления ее мечты – установления глобального господства США. Этому противоречили принципы Парижской хартии. Поэтому Белый дом сделал все, чтобы она была выброшена за борт. США вернулись к старой триаде своей европейской политики, озвученной в начале 50-х годов генеральным секретарем НАТО лордом Исэмем – «держат американцев в Европе, держат немцев в узде, держат рус-

¹ *Piehenbrink E.* Editorial. Aus Politik und Zeitgeschichte, 4. Februar 2013.

ских вне Европы» (to keep Americans in, to keep Germans dawn, to keep Russians out).

Эта триада продолжала играть в европейской политике США главенствующую роль и была значительно модифицирована. Она стала выглядеть на деле так – «сохранять и укреплять господство США в Европе, поставить европейские страны на службу глобальным интересам США, максимально ослабить Россию и держать ее подальше от Европы».

Глобальные цели политики США были изложены еще в официальном «Проекте нового американского века» («Project for the New American Century» – PNAC), разработанном администрацией президента Буша-младшего. В нем ставилась задача обеспечить «глобальную руководящую роль Америки», «преобразовать новый век в духе американских принципов и интересов»¹.

Американское руководство стало снова искать для себя выгоды в расколе Европейского континента и сохранении определенного уровня противостояния между Россией и остальной Европой. Инерцию борьбы против СССР Вашингтон перенес на Россию. На этот раз эта борьба приняла характер «тайной войны» с опорой на проамериканскую «пятую колонну», олицетворением которой стал Ельцин и его окружение.

Главным инструментом господства США в Европе продолжает оставаться НАТО, но уже с новыми «глобальными функциями»: вместо «сдерживания» и «отбрасывания» советской мессианской коммунистической экспансии – превращение НАТО в организацию, обслуживающую американские глобальные интересы.

Неизменное присутствие США в Европе символизирует дислокация крупных контингентов американских войск и военной техники в Германии и других европейских странах. Спрашивается – зачем это надо в мирное время, когда Европе никто не угрожает? Германия остается фактиче-

¹ <http://www.newamericancentury.org>

ски оккупированной страной. На ее территории находятся около 40 тыс. войск США. НАТО и дальше продолжает быть удобным инструментом, чтобы «держать немцев в узде» и заставлять их плыть в фарватере американской политики. И после объединения Германия остается фактически протекторатом США. Белый дом влияет на кадровые назначения в высших эшелонах власти страны, на деятельность ее средств массовой информации. Не без его участия национально мыслящие немецкие политики, журналисты и общественные деятели подвергаются остракизму под предлогом несоблюдения «политической корректности».

Под давлением США правительство ФРГ грубо нарушило заключенные им в 1990-е гг. договора и международное право, бросив войска бундесвера в американскую войну против Югославии. К этому же «сюжету» относится своеобразная задача, поставленная министром обороны ФРГ Штруксом перед бундесвером: защищать национальные интересы Германии у Гиндукуша (?!). Так немецкие войска оказались в Афганистане. На деле эта акция была проведена под давлением США и соответствовала исключительно американским интересам. И это несмотря на то, что в Парижской хартии, подписанной и представителем ФРГ, сказано: «Никогда больше из Европы не должна исходить угроза войны».

Только во время военного вторжения в Ирак администрации Буша не удалось навязать свою волю германскому правительству Шредера и заставить его послать в эту страну войска бундесвера. Уж слишком очевидно было сильное протестное движение в Европе, особенно в Германии, против этой авантюры администрации Буша. Правительство ФРГ не могло не учитывать мнение общественности, 84 процента которого, по опросам Алленбахского демократического института, осудили агрессию США против Ирака.

Но многие другие европейские страны, в первую очередь восточноевропейские, в которых к государственному управлению пришли услужливые ставленники США, отпра-

вили в Ирак свои воинские контингенты. Белый дом вынудил даже Украину Кучмы присоединиться к этой акции. Во всем этом явственно проявились американские замыслы «военной глобализации» европейских стран, т. е. их подчинения интересам американской мировой экспансии.

Наряду с НАТО, Вашингтону удалось поставить под свой контроль ОБСЕ. И Европейский союз продолжает проводить в своей политике американскую линию в отношении России и других стран СНГ. Особенно отчетливо это показали события в Украине во время президентских выборов 2004 г., в которые произошло массированное и наглое вмешательство ЕС в лице его председателя Салана в поддержку Ющенко.

Таким образом, в XX веке США добились американизации Европы. Она остается расколотой. В ней не создана общеевропейская система безопасности и сотрудничества. Интересам правящей элиты США отвечает наличие в ней международной напряженности, конфликтных и кризисных ситуаций, в том числе в финансово-экономической сфере. Об этом очень ярко свидетельствует беспрецедентный банковский кризис на Кипре. Он возник не без воздействия американского финансового капитала и принял антироссийскую направленность. России он стоил экспроприации под диктовку комиссии ЕС крупных оффшорных денежных средств, размещенных без всякого противодействия Кремля на Кипре российскими олигархами и недобросовестными предпринимателями. Громадные суммы денег были потеряны для развития российской промышленности. Запад произвел «грабеж награбленного», т. е. отчуждение части наворованных богатств русского народа, спрятанных финансовыми проходимцами на Кипре.

США явно стараются перенести опыт развития Европы в XX веке на XXI век и сохранить свое доминирующее положение на Европейском континенте. Но, как неопровержимо свидетельствует история, политика господства неизбежно кончалась крахом и национальной катастрофой для всех ее

носителей. Американская правящая элита не сделала правильных выводов из этого очевидного факта. Ей не удастся избежать той же участи, какая постигла европейских любителей господствовать. Признаки «имперского перенапряжения» и ослабления глобальной роли США уже налицо. И эта тенденция будет нарастать.

Недалеко то время, когда европейским политикам придется задуматься над тем, как произвести европеизацию Европы в XXI веке. Уже выдвигаются различные проекты. 17 октября 2012 г. в Вене была проведена конференция на тему: «Европа отечеств или отечество Европа?». Эта тема навеяна серьезными структурными трудностями и кризисными явлениями в развитии забюрократизированного Европейского союза, не вышедшего еще из-под влияния США, и поисками более плодотворных путей развития Европы. На повестку дня все чаще выносятся вопрос о месте и роли России в европейском концерте сил.

Один из центральных вопросов, который должен быть решен при создании единой и мирной Европы, поставил опытный европейский политик Ганс-Дитрих Геншер, 18 лет возглавлявший Министерство иностранных дел ФРГ и видевший свою задачу в том, чтобы содействовать преодолению раскола Германии и Европы и прекращению холодной войны. В своем выступлении в Берлине в Доме им. Вилли Брандта 10 ноября 2012 г. на тему: «Ответственность немцев перед Европой» он особо подчеркнул, что важнейшим условием создания новой Европы является прекращение навсегда политики господства. Еще ранее, 18 мая 2012 г., он опубликовал в ФРГ статью «Не конфронтация, а сотрудничество с Россией»¹. В ней он писал: «Сегодня дело идет о том, чтобы Америка, Европа и Россия совместно определили свои общие интересы. Они совпадают мно-

¹ *Genscher H. D.* «Nicht Konfrontation, sondern Kooperation mit Rußland», «Tagesspiegel» 19.05.2012. Статья была перепечатана в России в журнале «Пространство и время». №1. 2013.

го больше, чем думают иные бюрократы от безопасности в Брюсселе и им подобные в кабинетах Вашингтона... Дело идет также об отношении к нашему великому соседу на Востоке и об использовании шансов сотрудничества Восток – Запад. В сложившейся обстановке требуется государственная мудрость. А это значит – прекращение конфронтации и недопущение угрозы новой конфронтации... И важно, чтобы Европа выполнила великие начертания Европейской хартии 1990 г. Все это и решение больших проблем нашего времени возможно совместно с Россией, но ни в коем случае не вопреки нее»¹.

В этом, собственно, заключается главный вывод из истории развития Европы в XX веке. В XXI веке ей, чтобы выжить, нужна новая философия мира и сотрудничества, ставящая вне закона политику господства и конфронтации.

¹ Пространство и время. № 1, 2013. С. 13.

VII. НЕВЫПОЛНИМАЯ МИССИЯ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В Советском Союзе существовала чрезвычайно высокая востребованность науки со стороны ЦК КПСС, правительства и различных государственных органов. Особая роль в этом отводилась Академии наук и ее институтам. Объясняется это тем, что наука фактически служила легитимизацией советского строя. Развитие человечества рассматривалось под углом зрения последовательной смены общественных формаций от рабовладельческого строя через феодализм и капитализм к социализму, впервые в истории возникшему в России. Это происходило не на основе «отрицания отрицания». Каждая новая формация заимствовала от старой жизненно необходимые цивилизационные ценности. Так проявляла себя закономерность конвергенции в развитии человеческого общества. Это был сложный процесс. На него накладывали глубокий отпечаток национальные особенности стран, вступивших на путь социализма, и интеллектуальный уровень представителей их правящих элит. Здесь были неизбежны крупные ошибки и извращения принципов социализма. В его развитии центральное место занимал вопрос о характере собственности и ее роли в обществе. Для решения всех этих задач построения новой социальной модели общественного устройства советские руководящие органы нуждались в советах и рекомендациях ученых при выработке и проведении внутренней и внешней политики. В области внешней политики главными академическими советниками для руководящих органов служили Институт мировой экономики и международных отношений, Институт экономики мировой социалистической системы, Институт США и Канады, Институт Востока и др. Возглавляемый мною отдел международных отношений ИЭМСС очень часто получал задания «сверху» представить свои соображения по тому или иному вопросу советской внешней политики. Наряду с этим, мы по собственной инициативе разрабатывали

для руководящих органов аналитические доклады и записки на актуальные темы. Многие из них направлялись «первым лицам» – Брежневу, Громыко, Андропову, Горбачеву. Их написание требовало не только больших знаний и творческого подхода, но и мужества говорить правду и критиковать просчеты и ошибки, допущенные во внешней политике. Ниже приводятся некоторые из моих аналитических записок, направленных Брежневу, Андропову и Громыко. Они сопровождаются моими комментариями .

1. Четырехкратный грех советской внешней политики. Об одной аналитической записке Л. Брежневу

Советское руководство никак не могло понять, что практика доминирования или, что еще хуже, господства, независимо от того, от кого она исходит – от социалистической или капиталистической страны, – входит в противоречие с вечным стремлением человека, народа или правящей политической элиты к суверенности и свободе, неизбежно вызывает ответную негативную реакцию. В системе международных отношений данная практика вызывает международную напряженность и войны. Она не в состоянии установить между странами гармоничные взаимоотношения и разрешать проблемы межгосударственных отношений к взаимовыгодному интересу.

Глубоко укоренившийся в среде советской партийной номенклатуры синдром диктатуры и централизма как методов государственного управления был перенесен в область взаимоотношений Советского Союза с социалистическими странами. Кремлевские вожди от Сталина до Черненко были убеждены, что модель «повелитель – верноподданный» лучше всего подходила для отношений Советского Союза с социалистическими странами, для консолидации коммунистически ориентированных сил в «классовой борьбе против капитализма». В этом ключе самым тесным образом

переплеталось советское мессианское сознание с претензиями СССР на единоличную господствующую роль в социалистическом лагере и с советскими имперскими амбициями. Не говоря уже о том, что такое идеологизированное мышление и основанная на нем внешнеполитическая практика породили конфронтацию Восток – Запад, они сеяли раздор между Москвой и ее социалистическими партнерами.

Гегемонистская политика имела еще один серьезный недостаток, который не был учтен советским руководством. Монополизация и централизация власти всегда душат конкуренцию и разнообразие, делая невозможным раскрытие и развитие лучших, наиболее жизнеспособных форм организации общества. Стремление Москвы ограничить социализм советской моделью блокировало пути к его развитию и совершенствованию.

Таким образом, советская внешняя политика совершала «четырёхкратный грех»: а) установив господство над Восточной и Центральной Европой и нарушив баланс сил на Европейском континенте, она спровоцировала конфронтацию Запад–Восток, которая часто принимала характер, крайне опасный для сохранения мира; б) стала причиной конфликтов внутри социалистического лагеря и в) блокировала развитие социализма и его преобразование в цивилизованное, демократическое общественное устройство, которое могло бы превзойти достигнутые политические и социальные стандарты Западной Европы; г) взвалила непосильное бремя конфронтации со всеми западными державами на советскую экономику и советское общество.

Противоестественный и ущербный характер такой политики был очевиден. Для советского руководства прежде всего было необходимо очистить отношения Советского Союза с социалистическими странами от сталинских извращений. Этому вопросу был посвящен мой конфиденциальный аналитический доклад для советского руководства, разработанный в сентябре 1979 г. Повод для этого представился в связи с обострением советско-китайских противоречий.

Директор института Олег Богомолов счел доклад весьма актуальным и предложил предоставить его на рассмотрение Л. Брежнева в качестве совместного документа Института экономики мировой социалистической системы и Института США и Канады. Это придало бы нашему совместному демаршу особый вес. Я счел это предложение целесообразным. Большую роль здесь играли и тактические соображения: Л. Брежнев весьма благоволил директору Института США и Канады Георгию Арбатову. Поэтому можно было надеяться на то, что идеи доклада смогут найти понимание у генерального секретаря. Но меня ожидало горькое разочарование: Г. Арбатов отказался подписать доклад, посчитав, что нестандартные оценки и идеи, содержащиеся в нем, не найдут у Л. Брежнева понимания и только вызовут его раздражение. Хотя я сделал все, чтобы приспособить специфические особенности текста к образу мышления Брежнева и его окружения.

Но все же эта инициатива не пропала даром. Доклад был передан руководителю Отдела социалистических стран в ЦК КПСС, секретарю ЦК Константину Катушеву. Ниже приводится полный текст доклада¹:

***О некоторых аспектах конфликта
в Юго-Восточной Азии***

Военно-политический конфликт, разразившийся между социалистическими странами в Юго-Восточной Азии, глубоко затронул всю структуру взаимоотношений между государствами мировой социалистической системы, обнажив основные узлы противоречий между ними. Он выдвинул ряд острых политических и идеологических проблем перед каждой коммунистической и рабочей партией, от правильного решения которых в сильной степени зависит дальнейшее развитие мирового коммунистического движения. События в Индокитае во весь рост поставили вопрос – будет ли наблюдавшаяся на протяжении последних 10–15 лет тенден-

¹ Из моего личного архива.

ция роста напряженности внутри мировой социалистической системы и дальше набирать силу или, наконец, удастся ограничить ее действие и тем самым ликвидировать четко обозначившийся раскол между социалистическими странами или, по меньшей мере, предотвратит дальнейшее отчуждение между ними. Вместе с тем, рассматриваемый конфликт отразил сдвиги в расстановке сил на международной арене, вызревавшие на протяжении многих предшествующих лет в ущерб интересам советской политики. Все это в перспективе может оказать значительное влияние на международно-политические, идеологические и военно-стратегические позиции Советского Союза.

1) Правильно понять суть конфликта, определить его последствия и наметить меры по нейтрализации его отрицательного эффекта невозможно без выяснения причин его возникновения. В широком плане он явился логическим результатом развития и накопления политических противоречий внутри социалистической системы. Проявления этих противоречий постоянно нарастали и усложнялись. От споров и трений по идеологическим, национальным и территориальным вопросам дело дошло до вооруженных столкновений и войн между социалистическими странами.

Ось этих противоречий пролегает в сфере взаимоотношений Советского Союза с Китаем, Югославией, Албанией, Румынией и КНДР. Хотя в каждом отдельном случае эти противоречия имеют свою отчетливую страновую окраску и различную степень и характер воздействия на положение дел внутри мировой социалистической системы, а также на соотношение и расстановку сил между социализмом и капитализмом на международной арене, тем не менее нетрудно заметить, что все названные страны объединяет одно общее – стремление противостоять приписываемым советскому руководству притязаниям на роль руководящего центра в мировой социалистической системе и коммунистическом движении, противодействовать «советскому гегемонизму», «советской экспансии», планам «подчинения

контролю» всех социалистических стран и т. п. В этом основном пункте политические позиции указанных стран довольно тесно соприкасаются не только с платформой ряда компартий Западной Европы, но и с политикой Запада. На этой общей почве все чаще и шире возникает взаимодействие КНР, СФР, СРР как между собой, так и с западными державами в противостоянии Советскому Союзу.

Логика борьбы против «советского гегемонизма» привела китайское руководство к практике неразборчивого использования любых противовесов советской политике, даже режима Пиночета и НАТО. Эта тенденция проявляется, хотя и в осторожной форме, во внешнеполитическом курсе Румынии и Югославии. В этом смысле симптоматичны также позитивные оценки роли НАТО со стороны некоторых западноевропейских компартий.

Во внутренней политике те же соображения толкают руководство названных социалистических стран на разжигание национализма и шовинизма с антисоветским, антирусским оттенком, на пресечение любого влияния Советского Союза на внутреннюю жизнь этих стран, на ужесточение режима власти и ограничение социалистической демократии, устранение из государственных органов всех лиц, в какой-то степени связанных с Советским Союзом или симпатизирующих ему и пр. Все эти тенденции все больше усиливаются, оказывая пагубное, с точки зрения интересов социализма, влияние на население указанных стран, особенно на молодое поколение.

Наша политика пока не нашла правильных подходов к устранению этих отрицательных явлений из жизни социалистического сообщества, оказывающих исключительно сильное деструктивное воздействие на развитие мирового социализма. Проводимая в духе старых традиций политика укрепления единства социалистических стран отвергается не только названными «оппозиционными» государствами, но и влиятельными компартиями Запада, ибо она воспринимается как средство утверждения «советского гегемо-

низма» и как пережиток прошлого, не соответствующий новым потребностям и реальностям развития коммунистического движения. Ее эффективность, с точки зрения преодоления раскола среди социалистических стран, крайне низка и в перспективе, судя по всему, положение в этой области не изменится к лучшему, а может только ухудшиться, если не будут приняты радикальные контрмеры и взаимоотношения социалистических стран не будут поставлены на новую политическую основу, приемлемую для всех коммунистических и рабочих партий.

2) Возникшая внутри мировой социалистической системы ситуация исключительно выгодна для проведения антисоциалистического антисоветского курса империалистических держав. Она невольно напоминает обстановку классовой и межпартийной борьбы в Германии в 1930–1933 годах, когда фашизм рвался к власти. Глубокий раскол в немецком рабочем движении, ошибочная политическая стратегия германской компартии, наносившей главный удар по социал-демократии, подорвал усилия этих двух партий в противостоянии фашизму, что позволило германской реакции установить диктатуру и разгромить рабочее движение Германии.

Ныне происходит нечто подобное, но на совершенно другом, международном уровне. Глубокий антагонизм между СССР и КНР, вылившийся уже в военную конфронтацию и отвлекший громадные силы и средства от решения основных задач, привел к существенному ослаблению мирового социализма перед лицом Соединенных Штатов и их классовых союзников. В этих условиях империалистическая политика возлагает серьезные надежды на то, что даже без ее особого участия мировая социалистическая система в конце концов рухнет под тяжестью собственных внутренних противоречий и конфликтов. При этом Запад вынужден опасаться единственного – как бы конфликтная ситуация между СССР, КНР и другими социалистическими странами не привела к резкому нарушению международной стабиль-

ности и мировой термоядерной войне, которая поглотит и западные державы.

В обстановке усиления трений и роста напряженности внутри мировой социалистической системы западные державы все больше переходят от дифференцированной политики в отношении социалистических стран к неприкрытой игре на противоречиях между ними и к блокированию с некоторыми из них на антисоветской почве. В связи с этим диапазон воздействия империалистической политики на положение отдельных социалистических стран и всей социалистической системы значительно расширился. Особо опасный характер это может принять для Советского Союза, учитывая планы его внешнеполитического окружения с участием Китая и, возможно, некоторых других социалистических стран.

3) Китайско-вьетнамский конфликт открыл новые горизонты для подобного рода политики. Симптомы этого конфликта наметились еще в период американской агрессии против Вьетнама. Они проявились в двойственной политике китайского руководства в вопросах отражения агрессии США. С одной стороны, Пекин опасался чрезмерного усиления американских позиций в Юго-Восточной Азии, а с другой – в еще большей степени стремился не допустить расширения советского влияния в этом регионе через Вьетнам и соседние с ним страны. Отсюда – попытки КНР затруднить советскую помощь Вьетнаму, желание затянуть войну, чтобы по возможности больше ослабить Вьетнам, умеренное противодействие американской агрессии наряду с планами сохранить определенный уровень военного присутствия США в Юго-Восточной Азии в качестве противовеса Советскому Союзу, усиление политической и пропагандистско-идеологической конфронтации с Советским Союзом и пр. Очевидно, в Вашингтоне слишком поздно осознали, что уход США из Вьетнама откроет перед американской политикой заманчивые возможности извлекать из ничем не ограниченного столкновения интересов СССР и КНР громадные поли-

тические, идеологические и военно-стратегические выгоды. Последующие события в этом регионе действительно стали развиваться под знаком борьбы китайского руководства против «советской экспансии», укрепления позиций Советского Союза в «подбрюшьи» Китая. На этой почве началось быстрое сближение между КНР и США, которому сопутствовало заключение японо-китайского договора с антисоветской направленностью. Имея за спиной столь мощную опору, Пекин смог перейти к более решительным действиям в этом регионе. Не трудно было предвидеть, что после подписания советско-вьетнамского договора и последующего вступления вьетнамских войск в Кампучию, что расценивалось не иначе как распространение сферы влияния Советского Союза на Индокитайский полуостров, КНР предпримет ответные акции. Это вылилось в нападение на Вьетнам, проходившее под лозунгом отпора «большому (советскому) и малому (вьетнамскому) гегемонизму». Узлы противоречий в мировой социалистической системе затянулись еще туже.

4) Конфликт в Юго-Восточной Азии впервые после Карибских событий 1961–1962 гг. поставил мир перед лицом опасной ситуации, приближающейся по определенным признакам к состоянию предвоенного политического кризиса. Он резко затронул политические и военно-стратегические интересы СССР и других социалистических стран, США, западноевропейских государств, Японии, стран-участниц движения неприсоединения. В ходе его развития произошло дальнейшее закрепление неблагоприятно складывающегося для СССР баланса и расстановки сил на мировой арене. Реальностью стало то, что Советский Союз вынужден нести бремя глобального соперничества в политической, экономической и военно-стратегической сферах одновременно с США, государствами Западной Европы, Китаем, Японией, Австралией и другими государствами. К этому следует добавить, что подавляющее большинство стран-участниц движения неприсоединения осудило Вьетнам, а косвенно и Советский Союз, за военные акции в Кампучии. Специальные заявления

в аналогичном духе сделали страны АСЕАН и Индия. Хотя Китай в результате своего нападения на Вьетнам также понес существенные моральные издержки, тем не менее он и впредь найдет понимание и поддержку со стороны США и других стран НАТО на почве совместного противодействия Советскому Союзу в Юго-Восточной Азии, в Африке, в других регионах. Серьезным следствием конфликта является также то, что он создал новые осложнения в отношениях Югославии, Румынии и КНДР с Советским Союзом. Эти страны склонны занять сторону Китая. Особую тревогу вызывает смыкание позиций Югославии и Китая в стремлении дискредитировать в глазах неприсоединившихся стран политику Советского Союза, приписывая ей попытки подорвать движение неприсоединения изнутри с помощью Кубы, Вьетнама и некоторых других государств. Это может нанести урон авторитету и влиянию Советского Союза среди неприсоединившихся государств.

Если сопоставить все эти обстоятельства с предполагаемыми военно-стратегическими выгодами, полученными Советским Союзом в результате закрепления в «подбрюшье» Китая, не трудно увидеть их очевидное несоответствие. Издержки намного превышают выигрыши. Главное же заключается в том, что Советский Союз будет не в состоянии длительное время выдерживать усиливающееся глобальное соперничество одновременно с США и странами Западной Европы, Китаем и Японией, совокупный потенциал которых намного превосходит наши возможности.

5) Для Запада было бы выгодно по возможности дольше сохранять тлеющий очаг напряженности между социалистическими странами в Индокитае, поскольку он будет поглощать их силы и средства и еще больше расшатывать мировую социалистическую систему, сталкивать Советский Союз и движение неприсоединения. Что касается Пекина, совершенно очевидно, что он не смирится с создавшимся на Индокитайском полуострове положением вещей и не успокоится, пока, с одной стороны, не добьется сведения к ми-

нимуму советского влияния на Вьетнам, Кампучию и Лаос, а с другой – не расстроит планы создания под эгидой Вьетнама союза этих трех индокитайских государств в той или иной форме. Эти устремления Китая, скорей всего, получают поддержку Запада, заинтересованного в том, чтобы удержать Китай на антисоветской орбите. Однако эта поддержка будет осторожной и ограниченной, учитывая опасения США и их союзников по поводу возможности опасной эскалации конфликта. Кроме того, западные державы вполне устраивало бы сохранение советского присутствия в Индокитае, для поддержки которого от Советского Союза и других стран СЭВ потребовалось бы бросить громадные средства в «бездонную бочку» экономической помощи Вьетнаму, Лаосу и Кампучии. Связанное с этим перенапряжение сил могло бы привести к серьезным политическим трениям между Советским Союзом и его партнерами по СЭВ, не говоря уж об общем ослаблении социалистического содружества.

Несмотря на военно-техническую слабость Китая, Вьетнам не может не считаться с оказываемым на него китайским давлением по военной, политической и пропагандистско-идеологической линии. Под воздействием этого давления он вынужден будет проводить более осторожную и осмотрительную политику и может в конце концов склониться к статусу, напоминающему северокорейскую внешнеполитическую модель лавирования между СССР и КНР, модель, которая выдержала испытание временем в известной степени устраивает все стороны, даже Запад. Продолжение внешнеполитической активности Вьетнама в северо-западном направлении, в сторону Кампучии и Лаоса неизбежно будет сталкивать его с КНР и вести к обострению советско-китайских отношений. Ослаблению напряженности с Китаем способствовала бы постепенная переориентация внешнеполитической активности Вьетнама на юг, в сторону АСЕАН. Важным шагом на пути к этому могло бы послужить установление деловых контактов между СЭВ и АСЕАН. В лице стран АСЕАН Вьетнам, Лаос и Кампучия

могли бы найти весьма выгодных политических и экономических партнеров, способных оказать существенную политическую помощь в противостоянии Китаю и экономическое содействие в развитии народного хозяйства. Это сняло бы значительное бремя со стран СЭВ и позволило бы снизить трения во взаимоотношениях Советского Союза со странами-участницами движения неприсоединения. Подобный вариант развития внешней политики Вьетнама, Лаоса и Камбоджи предполагает занятие ими позиции определенного дистанцирования от СССР и КНР, наподобие КНДР. В этом случае появились бы возможности для достижения компромиссов между СССР и КНР, что послужило бы уменьшению или привело бы в последующем к ликвидации основного источника напряженности внутри мировой социалистической системы. В тактическом отношении было бы весьма целесообразно воспользоваться создавшейся в Индокитае ситуацией, чтобы начать с китайским руководством диалог по широкому кругу вопросов и проблем, разделяющих обе державы, и приступить к постепенному демонтажу существующих между ними противоречий. Это было бы к выгоде не только СССР и КНР, но и трех индокитайских государств. Конфликт в Юго-Восточной Азии, нанесший столь чувствительный политический и идеологический ущерб мировому социализму, мог бы послужить поворотным пунктом в советско-китайских отношениях, подобно тому как Карибский кризис явился важной вехой в оздоровлении советско-американских отношений. Разумеется, все это потребует больших усилий, трезвых, взвешенных решений, гибких подходов. Для начала можно было бы по закрытым каналам предложить китайскому руководству строить отношения между СССР и КНР исходя из принципа ненанесения ущерба интересам друг друга как на международной арене, так и во внутренней жизни. Это позволило бы постепенно нормализовать отношения между двумя странами и улучшило бы виды на урегулирование разногласий между ними. В сочетании с последовательным курсом на политическую

и военную разрядку в отношениях с Западом это привело бы к существенному улучшению международных позиций Советского Союза, к благоприятным для него сдвигам в соотношении и расстановке сил на мировой арене. Тем самым наша страна получила бы возможность сконцентрировать основные усилия на решении неотложных внутренних задач.

* * *

К сожалению, этот аналитический доклад не достиг своей цели. Это имело, помимо всего прочего, много субъективных причин. Брежнев не благоволил Китаю. На его мнение по этому вопросу оказывал влияние заместитель заведующего отделом социалистических стран в ЦК КПСС Рахманин. Последний сыграл отрицательную роль в формировании советской политики по отношению к социалистическим странам. Он был автором концепции «ограниченного суверенитета» социалистических стран, принятой на вооружение советской внешней политикой во время «Пражской весны». В эскалации конфронтации с Китаем он имел личный интерес: в основу его кандидатской диссертации был положен ложный тезис о том, что для России крупная опасность, среди прочих, исходит со стороны Китая.

Важнейшей причиной неудачи доклада была неспособность тогдашнего советского руководства отказаться от коммунистического мессианского сознания и вытекавшей из него гегемонистской политики. Такая политика, как свидетельствует история развития международных отношений, всегда кончается банкротством для ее инициаторов и носителей.

2. Как устранить опасную эскалацию напряженности в отношениях Восток – Запад. Аналитическая записка, представленная на рассмотрение А. Громыко

В августе 1982 года я подготовил аналитическую записку для министра иностранных дел Громыко. Повод для этого был более чем серьезный. Когда советское руководство на-

чало размещать в 1977 году ракеты средней дальности SS-20 в странах Варшавского договора и на территории Советского Союза, оно ввергло взаимоотношения Востока и Запада в новый кризис политики безопасности, который год от года только обострялся. Оно вело опасную азартную игру, которая могла иметь фатальные последствия для Европы. Ракеты SS-20 были оснащены тремя ядерными боеголовками и могли одновременно поражать три цели. В отличие от устаревших ракет типов SS-4, SS-5, которые имели только одну боеголовку и базировались стационарно, ракеты SS-20 были мобильными, и для их запуска могла многократно использоваться одна пусковая установка. Их разрушительная сила в десять раз превосходила мощность хиросимской бомбы. При их дальности в 5000 километров они не могли угрожать Америке из Европы, но были в состоянии поражать даже с позиций по ту сторону уральских гор цели в Западной Европе. Таким образом, это оружие предназначалось не против главного соперника Советского Союза – США, а против европейцев. Это было своеобразное решение советского руководства, которое вряд ли могло соответствовать стратегическим интересам собственной страны. Оно вызвало среди европейцев глубокую озабоченность. Приведем мнение известного немецкого журналиста Фритьофа Мейера: «...ни один вид вооружений Советского Союза – ни их танковые армады, ни его военно-морской флот – не вызывал одним своим присутствием на Западе столько опасений и не приводил к таким последствиям в общей политике альянсов и безопасности, как ракеты SS-20. Они символизируют собой исходную точку обрушения мирового политического климата в конце 1970-х гг., они символизируют – так же, как американские «Першинги», – гонку вооружений, и готовность развязать войну, и, возможно, конец любой политики». Даже если едва ли можно было всерьез предположить, что это оружие будет использовано, оно могло служить эффективным средством политического шантажа.

Тогдашний федеральный канцлер Гельмут Шмидт написал в своих воспоминаниях об этом решении советского ру-

ководства следующее: «Мне было неясно, знал ли Брежнев о том, было ли в состоянии военное руководство Советского Союза дать в руки своей стране подобные инструменты шантажа. Могло быть, что он и члены Политбюро поддались на уговоры военных принять решение о постановке на вооружение ракет SS-20, аргументировавших это обычной модернизацией, не понимая политических последствий такого шага. Но могло быть и так, что Политбюро, принимая это, кстати очень дорогое, решение, прекрасно осознавало, что оно тем самым угрожает всей Западной Европе, прежде всего Германии». В представлении правительства ФРГ продолжающееся наращивание арсенала ракет SS-20 могло создать возможность для политического вымогательства в отношении немцев. Поэтому Гельмут Шмидт настоятельно требовал от Запада контрмер.

Во время визита Брежнева в Бонн в начале мая 1978 года немецкая сторона сделала центральной темой переговоров проблему ракет средней дальности. Гельмут Шмидт выразил своему советскому коллеге обеспокоенность по поводу количественного превосходства Советского Союза в танках, самолетах и прежде всего в ракетах средней дальности, оснащенных ядерными боеголовками. Брежнев выразил мнение, что в Европе, по его словам, существует «относительный паритет безопасности».

В течение переговоров по настоянию Шмидта в текст совместного заявления был включен тезис о том, что «обе стороны считают важным, чтобы никто не стремился к военному превосходству... Они исходят из того, что для обеспечения обороноспособности достаточно приблизительного равновесия и паритета». В действительности кремлевское руководство располагало тогда многократным превосходством над НАТО в сухопутных войсках. Однако оно упорно отказывалось в течение многих лет признавать этот факт во время переговоров о сокращении ракет средней дальности (MBFR) в Вене. Такая позиция Москвы не позволяла тогда предпринять существенное сокращение сухопутных сил

обоих блоков – НАТО и Варшавского договора – и вывести безопасность в Европе на новый, одинаковый для обеих сторон уровень. Брежневское руководство никак не собиралось придерживаться принципа равновесия в обычных вооружениях. Так, оно увеличивало число ракет SS-20 на позициях каждый год на десятки новых. В Кремле совсем не думали о том, что Запад вынужден будет ответить на эти действия новым витком гонки вооружений в области ракет средней дальности и усилит свое давление на Советский Союз.

И действительно, этот процесс не заставил себя долго ждать. В начале 1979 года на четырехсторонней встрече в Гваделупе, на которой присутствовали Картер, Каллагэн, Жискара д'Эстэн и Шмидт, было принято решение о начале переговоров с Москвой о ракетах средней дальности и в случае их провала разместить такие ракеты США на территории Германии. Кремль был поставлен в известность об этом решении. И тем не менее он продолжал наращивать свой арсенал SS-20. При этом советское руководство возлагало надежду на то, что общественное мнение западноевропейских стран, сильно обеспокоенное ракетной гонкой, затруднит реализацию планов, выработанных в Гваделупе. Кроме того, оно считало, что американцы достаточно сдержанно отнесутся к проблеме ракет средней дальности, исходя из того, что их беспокоила прежде всего собственная безопасность, которую они стремились обеспечить на основе заключенного с Москвой договора СНВ-2 о сокращении стратегических наступательных вооружений. Это соглашение было подписано в Вене 18 июня 1979 года после длительных, сложных переговоров.

Американцы действительно пытались на тот момент не осложнять переговоры СНВ-2 новыми проблемами, которые возникали в связи с ракетами SS-20. Во время трехчасовой встречи Шмидта с главой советского правительства Косыгиным, его заместителем Тихоновым и Громыко 25 июня 1979 года в московском аэропорту Внуково один

из советских участников встречи высказал следующее соображение: «Господин федеральный канцлер, мы Вас не понимаем. Ни президент Картер, ни кто-нибудь иной из американцев вообще не упоминали в разговоре в Вене ракеты средней дальности!» Шмидт далее добавляет: «Мне пришлось проглотить эту реплику. В глубине души я был глубоко ошеломлен. Вскоре после встречи в Гваделупе я вообще представить себе не мог такого течения переговоров. На следующий день в Токио Кир Вэнс [госсекретарь США] подтвердил мне, что данное утверждение советской стороны более чем соответствовало истине: проблема ракет средней дальности упоминалась всего один раз, да и то вскользь».

Но со стороны Советского Союза было непростительно наивно полагать, что позиция американцев по этому вопросу останется неизменной. Тем более после того, как Картер взялся за реализацию решений встречи в Гваделупе. Дальнейшее развитие событий полностью перечеркнуло расчеты руководства Советского Союза.

Принятое «ответное решение» стран-членов НАТО вызывало у советского руководства колебания и опасения. Оно уже так далеко зашло с наращиванием присутствия ракет SS-20, что их отвод привел бы к сильной потере престижа страны. К тому же размещение в Европе ракет «Першинг-2» очень подрывало бы безопасность Советского Союза. Данная ситуация заставляла Кремль искать компромиссный вариант решения проблемы.

В своем выступлении 6 октября 1979 года Брежнев, затронув предстоящее «ответное решение» НАТО, заявил, что если американцы разместят свое ракетное оружие в ФРГ, что в корне изменит стратегическое положение в Европе, то Советский Союз примет дополнительные меры по укреплению своей безопасности. Но наряду с этими угрозами Брежнев объявил и о готовности обсудить проблему ракет средней дальности в рамках переговоров СНВ-2. Он пообещал также сократить количество советских ракет средней

дальности на Западе (но не по ту сторону Уральского хребта!) при условии, что в Западной Европе не будут размещаться дополнительные ракетные системы средней дальности. В последовавших за этим визитах Геншера в Москву и Громыко в Бонн в конце ноября 1979 года немецкая сторона установила, что кремлевское руководство помышляло только об усовершенствовании собственной системы безопасности и не понимало или не учитывало обеспокоенности и опасений своих западноевропейских соседей относительно советского превосходства в силах.

Советскому руководству явно не хватало дальновидности, а также политической гибкости и умения, чтобы предотвратить далекоидущими уступками и компромиссами принятие «ответного решения» НАТО и эскалацию гонки вооружений. 12 декабря 1979 г. такое решение было принято министрами иностранных дел и министрами обороны стран-членов НАТО. Его реализация угрожала поставить Советский Союз в крайне щекотливое и опасное положение в плане политики безопасности.

Два дня спустя в сообщении ТАСС было опубликовано заявление советского руководства, что данное решение НАТО сделало невозможными дальнейшие переговоры о ракетах средней дальности. Едва прошли две недели с момента принятия двойной резолюции, как кремлевское руководство ввергло собственную страну в очередную безумную авантюру. 27 декабря 1979 года узкий круг членов Политбюро – Брежнев, Устинов, Андропов и Громыко – своевольно, не проинформировав других представителей советского руководства, не обращая внимания на отрицательное отношение Генерального штаба к этой афере, отдало приказ о вводе советских войск в Афганистан. После этого мосты для переговоров были сожжены на много лет вперед. Советский Союз оказался в глубокой изоляции и был объявлен «империей зла». 5 января 1980 года президент Картер объявил о том, что ратификация договора СНВ-2 будет заморожена. Разрядка была поставлена под вопрос. Казалось, что

на горизонте отношений Востока и Запада нет ни одного луча надежды. Когда американцы начали массовое размещение в Западной Европе своих ракет «Першинг-2», которые были намного эффективнее, чем SS-20, уязвимость Москвы и прочих стратегических объектов в Советском Союзе выросла в десять раз. Ситуация стала напоминать кризис, непосредственно предшествующий войне. Виновато в этом было само советское руководство. Какой же лихой трюк оно могло еще себе позволить?

В апреле 1982 года я сформулировал свои мысли о текущем моменте в аналитической разработке «К оценке состояния отношений Востока и Запада». В мае данная разработка была представлена Институтом в ЦК. В ней, помимо всего прочего, говорилось:

«Решение НАТО от 12 декабря 1979 года не только вызвало опасность дестабилизации всего военно-стратегического положения в Европе и на глобальном уровне, но и непосредственно инициировало движение в направлении политического кризиса, предшествующего войне. Оно может оказаться своеобразной точкой отсчета данного кризиса, а именно по следующей причине. Американцы, которые участвовали в принятии данного решения, отдавали себе ясный отчет в том, что расположение ракет средней дальности в Западной Европе так же неприемлемо для Советского Союза, как и расположение советских ракет на Кубе в 1961–1962 гг. для США. Эти ракеты через 5–6 минут после старта могут не только уничтожить центры военного и политического руководства, а также экономические объекты, но и места дислокации межконтинентальных ракет наземного базирования на территории европейской части СССР.

Если принять во внимание дальнейшие планы НАТО по увеличению численности данных ракет в Западной Европе с 572 до нескольких тысяч, а также по увеличению их дальности до 4000 километров, то из этого вытекает, что осуществление данного решения НАТО сводит на нет многолетние усилия Советского Союза по достижению стратегического

паритета с Соединенными Штатами. Ибо в этом случае Вашингтон будет в состоянии уничтожить значительную часть советского потенциала ответного удара и держать нашу страну тем самым под постоянной угрозой ядерной войны и политического шантажа. Совершенно очевидно, что наши ракеты средней дальности, расположенные на территории Советского Союза, не в состоянии выполнить аналогичные функции. Тем самым наша страна была поставлена в невыносимые условия, которые, если нам не удастся найти компромисс, могут привести к новому варианту Карибского кризиса.

Примечательно, что представители бывшей администрации США воздержались от идеи разместить вышеуказанные ракеты в Западной Европе, поскольку они осознавали, что подобный шаг мог создать реальную опасность глобальной ядерной войны. Не так давно в этом ключе высказался Генри Киссинджер и предложил ограничиться ракетами морского базирования такого типа».

Азбучная истина гласит: когда политики делают первый шаг, они должны думать о последнем. Как обычно, советское руководство игнорировало подобное правило, также в случае с размещением ракет SS-20. Как можно было выбраться из этой сложной ситуации? В аналитической записке указывалось на следующее: «В создавшейся ситуации было бы в наших интересах полностью принять инициированное Западом предложение нулевого варианта, т. е. полностью изъять ракеты средней дальности из arsenалов Советского Союза и стран НАТО... С данной инициативой советское руководство должно было бы выступить еще в 1976–1978 гг. или, самое позднее, в 1980 году. Теперь данную инициативу перехватил Запад. Для него в настоящее время она имеет пропагандистское значение, для нас же это вопрос жизни и смерти»¹.

¹ Аналитическая записка «К оценке состояния отношений Восток – Запад» от 22 апреля 1982 г. С. 6.

Брежнев и его окружение прозевали этот шанс и даже позднее не вернулись к нему. Проигравшей стороной оказался, прежде всего, сам Советский Союз. Таким образом, у кремлевских вождей явно не хватало здравого смысла. Они были непредсказуемы в своих действиях; от них можно было ожидать и прочих глупостей на государственном уровне. Это было особенно опасно, поскольку речь шла о войне и мире. Исходя из этого, при анализе данной проблемы внимание ответственных политиков было обращено на все те опасности, которые нас подстерегали. Вывод аналитической записки гласил: «По многим критериям данная ситуация приближается к состоянию кризиса, предшествующего началу войны»¹.

Все это было тогда свойственно состоянию взаимоотношений между Востоком и Западом. Администрация Рейгана многократно угрожала применить крайние политические средства в том случае, если бы Советский Союз продолжал стремиться изменить глобальное и европейское соотношение сил в свою пользу в политическом и военном плане. Эта администрация преследовала цель ликвидировать стратегическое превосходство Советского Союза и оказать на советскую экономику сильное давление массивной гонкой вооружений в неблагоприятной для Советского Союза ситуации². Будет ли советское руководство вести себя в этих условиях сдержанно – на этот вопрос трудно было дать ответ.

Данная ситуация требовала неординарных мер и решений. Прежде всего необходимо было найти совсем иные пути обуздания гонки вооружений и реального укрепления безопасности в Европе. Представители советского руководства любили хвастаться тем, что в 1947–1977 гг. Советский Союз выступил более чем с сотней предложений по раз-

¹ Аналитическая записка «К оценке состояния отношений Восток – Запад» от 22 апреля 1982 г. С. 7–8.

² *Rowen Henry S., Wolf Charls (Ed). The impoverished Superpower. Jr. ICS Press, San Francisco, 1989, P. XIV.*

личным аспектам ограничения вооружений и контроля над ними¹. После 1977 года Западу было опять сделано несколько десятков подобных предложений. Но они носили чаще всего пропагандистский характер. Эффект от них практически всегда был нулевым. Не было ли, учитывая этот неудачный опыт, для Москвы более целесообразно объявить о своей готовности принять серьезный план Запада по обеспечению безопасности и ограничению вооружений и таким образом продемонстрировать свою волю идти с ним совместным путем в обеспечении мира? Такая возможность представилась, когда Эгон Бар предложил в мае 1982 года свой план по укреплению европейской безопасности. Идеи, содержащиеся в этом плане, очень хорошо отвечали внешнеполитическим интересам Советского Союза. Имело смысл поддержать оригинальные идеи Эгона Бара из Москвы и продемонстрировать западноевропейской общественности, что советская политика честна и открыта в своем стремлении к безопасности и разоружению. Так возникла моя аналитическая записка «Предложения Эгона Бара в области европейской безопасности», которая была направлена директором института О.Т. Богомоловым 1 сентября 1982 года министру иностранных дел Громыко. Ниже приводится ее полный текст:

О предложениях Бара в области европейской безопасности

«Советский Союз и другие страны Варшавского договора выдвинули в последние годы большое количество инициатив, направленных на снижение уровня военной конфронтации и военной угрозы в Европе. Однако под воздействием США они не были приняты Западом.

Создавшаяся ситуация требует поиска новых инициатив и подходов к проблеме военной разрядки в Европе. В этой

¹ Громыко А.А., Пономарев Б.Н. История внешней политики Советского Союза. Т. 2. М., 1981. С. 580.

связи обращает на себя внимание план укрепления безопасности, который был выдвинут в мае с. г. членом правления СДПГ Эгоном Баром. Этот план получает все большую поддержку в широких кругах западной общественности. В духе идей плана в июне с.г. выступили члены комиссии У. Пальме, группа «Генералы за мир и разоружение», отдельные американские сенаторы. В Свободно-демократической партии ФРГ выдвинуто требование об обсуждении связанных с этим планом вопросов на предстоящем в ноябре с.г. партийном съезде.

Сущность плана Э. Бара вкратце сводится к следующему:

1. Надо вывести все ядерное оружие из европейских стран, которые не владеют им;
2. Параллельно в области обычных вооруженных сил установить примерное равновесие между НАТО и Организацией Варшавского договора;
3. Оба блока с их обязательствами и гарантиями по-прежнему сохраняются.

В основу плана положена идея коллективной и равной безопасности стран НАТО и ОВД, а также всех остальных государств Европы. Предполагается, что реализация плана приведет к созданию в Европе обширной безъядерной зоны в Центральной, Северной и Южной Европе, гарантированной ядерными державами – СССР, США, Англией и Францией, и одновременному сбалансированному понижению уровня обычных вооруженных сил и заключению между НАТО и ОВД договора о ненападении первыми ядерного удара. По мнению Э. Бара, это значительно укрепит военно-стратегическую стабильность на континенте и улучшит общий политический климат в отношениях Восток – Запад. Не исключено, что инициатива Э. Бара предпринята с ведома г. Шмидта, чтобы предложить Советскому Союзу на неофициальном уровне компромиссный выход из опасной тупиковой ситуации, в которой ныне оказалась военная разрядка в Европе. В официальном порядке правительство ФРГ не смогло бы выступить с таким предложением, учитывая его связи с США и НАТО.

Инициатива Бара вписывается в концепцию “новой восточной политики” коалиционного правительства ФРГ с ее целеустановкой на создание “мирного порядка” в Европе для эволюционного осуществления германского воссоединения где-то в отдаленном будущем. Она носит в своем существе антирейгановский характер, отражает серьезную обеспокоенность западноевропейцев опасным военным экстремизмом нынешней администрации США и их стремление осадить Пентагон, стабилизировать военно-стратегическую ситуацию в Европе на основе равной безопасности, повышения ядерного порога и дальнейшего ограничения угрозы ядерной войны.

Выдвижение плана призвано, очевидно, повысить морально-политический престиж СДПГ у общественности ФРГ, укрепив в ней убеждение, что эта партия и в условиях обострения отношений Восток – Запад не ослабляет усилий для поиска реалистичных путей повышения безопасности страны и всего Европейского континента.

О реакции официальных кругов на Западе на инициативу Бара пока еще трудно судить. Среди малых западноевропейских стран план Бара может получить широкую поддержку, ибо в нынешней ситуации он соответствует их национальным интересам безопасности. Эти страны могут на индивидуальной или коллективной основе официально выступить с обращением к ядерным державам в духе идей названного плана.

Можно предположить, что в случае отказа правительства Соединенных Штатов выступить, после того как это сделал бы Советский Союз, в поддержку указанного плана, Вашингтон понесет морально-политический урон, в Западной Европе могут усилиться антиамериканские настроения и обостриться противоречия в НАТО по вопросам безопасности и политики в отношении Советского Союза.

Нельзя не считаться и с возможностью того, что Белый дом перехватит инициативу Бара, трансформировав ее в соответствии со своими интересами. Так было уже с “нулевым

вариантом” решения вопроса об оружии средней дальности в Европе, выдвинутым Брандтом и Баром летом 1981 г. и присвоенным затем Рейганом. От нас потребовались длительные пропагандистские усилия, чтобы нейтрализовать вызванный этим ущерб, дезавуировать в общественности рейгановский “нулевой вариант” и оправдать позицию советской политики по этому вопросу.

Принимая во внимание сказанное, в интересах Советского Союза было бы выступить в индивидуальном порядке или на коллективной основе в рамках Варшавского договора в поддержку упомянутых идей, изложенных в плане Бара и заявлениях ряда миролюбивых организаций Западной Европы.

Эти идеи не расходятся с нашими политическими и военно-стратегическими интересами. Они тесно переплетаются с прежними инициативами Советского Союза и других социалистических стран (например, с планом Рапацкого).

Для нас было бы очень выигрышно предпринять очередную акцию в пользу военной разрядки в Европе не в обычной форме собственной инициативы – к этому западная общественность уже привыкла – а путем оказания широкой поддержки плану Э. Бара. С этим связаны для нас очевидные преимущества:

1. Соединенные Штаты и их союзники не смогли бы объявить подобный шаг очередной пропагандистской мерой Советского Союза, не отвечающей интересам повышения безопасности Запада.

2. Это затруднило бы осуществление военных замыслов Вашингтона в Европе (реализацию решения НАТО от 12 декабря 1979 г. относительно размещения в западноевропейских странах американских ракет средней дальности, развертывания нейтронного оружия, малых ядерных боеприпасов и т. д.).

3. Укрепились бы авторитет и внутривнутриполитические позиции СДПГ в противовес правым силам в ФРГ, что могло бы оказать благоприятное для нас влияние на исход предстоящих выборов в бундестаг.

4. Это способствовало бы разоблачению вымыслов буржуазной пропаганды о “советской военной угрозе” и росту морально-политического авторитета СССР у западной общественности; положительное воздействие это оказало бы и на население социалистических стран Восточной Европы, нейтрализовав проникшие с Запада мнения о равной ответственности двух сверхдержав – США и СССР – за обострение военной напряженности; новые стимулы получило бы массовое движение западноевропейской общественности за мир и разоружение, против опасности войны».

К сожалению, данный меморандум не нашел понимания у А. Громыко. Он не мог себе представить, чтобы советская внешняя политика могла принять чужой план. Таким образом, вплоть до начала эры Горбачева проблемы равновесия вооруженных сил и одинаковой безопасности для стран НАТО и Варшавского договора, а также нулевого решения в сфере ракет средней дальности оказались нерешенными.

3. О закономерностях международных отношений. Аналитическая записка генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. Андропову

Резкое обострение конфронтации между Советским Союзом и коалицией западных держав в конце 1970-х годов поставило перед советским руководством ряд кардинальных вопросов совершенствования советской внешней политики. Наступление на позиции Запада требовало громадного напряжения материальных и духовных ресурсов страны, превышавшего ее возможности. Для обеспечения коммунистической мессианской экспансии и ведения холодной войны Советский Союз расходовал от 15 до 30 процентов своего ВВП (США примерно 5 процентов). Это грозило подорвать экономические основы существования страны. Советское руководство грубо нарушало фундаментальный принцип внешней политики, сформулированный

еще Клаузевицем – поставленные внешнеполитические цели должны строго соответствовать имеющимся материальным ресурсам и международным условиям.

Однако вместо того, чтобы смягчить напряженность в отношениях с Западом и снизить давление не только на экономику Советского Союза, но и его партнеров по Организации Варшавского договора, Кремль пошел в конце 1970-х годов на обострение этой напряженности. Размещение на позициях советских ракет SS-20 в Европе и последовавшее ответное решение НАТО от 12 декабря 1979 г. об установке в Европе американских ракет «Першинг-1» и «Першинг-2», а также крылатых ракет, способных долететь до Москвы в считанные минуты, ввод советских войск в Афганистан, попытки Кремля расширить советское влияние в третьем мире – все это привело к подрыву разрядки и резко обострило политическую и военную конфронтацию. Лишь угроза взаимного уничтожения удерживала стороны от открытого столкновения.

Критическая оценка этих неразумных шагов советского руководства, их влияния на международную ситуацию и на положение стран социалистического содружества была дана в моей аналитической записке «Некоторые соображения о внешнеполитических итогах 1970-х годов». 15 января 1980 г. она была отправлена директором Института экономики мировой социалистической системы АН академиком О. Богомоловым в ЦК КПСС. Особое внимание в ней было уделено войне в Афганистане, начатой в конце декабря 1979 года:

«Введением войск в Афганистан наша политика, очевидно, перешла допустимые границы конфронтации с Западом в третьем мире. Выгоды от этой акции оказались незначительными по сравнению с ущербом, который был нанесен нашим интересам:

1. В дополнение к двум фронтам противостояния – в Европе против НАТО и в Восточной Азии против Китая – для нас возник третий опасный очаг военно-политической на-

пряженности на южном фланге СССР, в невыгодных географических и социально-политических условиях, где нам придется иметь дело с объединенными ресурсами США и других стран НАТО, Китая, мусульманских государств и повстанческой армии афганских феодально-клерикальных кругов, обладающих сильнейшим влиянием на афганский народ. Впервые после Второй мировой войны мы оказались перед возможной перспективой локального военного конфликта, в котором, в отличие от корейского, вьетнамского и других, нам придется воевать собственными войсками. В связи с этим возрастает угроза военной эскалации;

2. Произошло значительное расширение и консолидация антисоветского фронта государств, опоясывающего СССР с Запада до Востока;

3. Значительно пострадало влияние СССР на движение неприсоединения, особенно на мусульманский мир;

4. Заблокирована разрядка и ликвидированы политические предпосылки для ограничения гонки вооружений;

5. Резко возрос экономический и технологический нажим на Советский Союз;

6. Западная и китайская пропаганда получила сильные козыри для расширения кампании против Советского Союза в целях подрыва его престижа в общественном мнении Запада, развивающихся государств, а также социалистических стран;

7. Афганские события, как и кампучийские, надолго ликвидировали предпосылки для возможной нормализации советско-китайских отношений;

8. Эти события послужили катализатором для преодоления кризисных отношений и примирения между Ираном и США;

9. Усилилось недоверие к советской политике и дистанцирование от нее со стороны СФРЮ, СРР и КНДР. Даже в печати ВНР и ПНР впервые открыто обнаружилось признаки сдержанности в связи с акциями Советского Союза в Афганистане. В этом, очевидно, нашли свое отражение настроения

общественности и опасения руководства указанных стран быть вовлеченными в глобальные акции Советского Союза, для участия в которых наши партнеры не обладают достаточными ресурсами;

10. Усилилась дифференцированная политика западных держав, перешедших к новой тактике активного вторжения в сферу отношений между Советским Союзом и другими социалистическими странами и открытой игре на противоречиях и несовпадении интересов между ними;

11. На Советский Союз легло новое бремя экономической помощи Афганистану.

Таким образом, эскалация противоборства между СССР и западными державами, а также Китаем в третьем мире поставила к концу 1970-х годов под угрозу важнейшие завоевания политики разрядки. На дальнейшее наращивание нашего военно-политического наступления в третьем мире Запад будет отвечать все большим сползанием назад в холодную или «полугорячую» войну и резким усилением давления на Советский Союз по всем линиям – политической, экономической, военно-стратегической и пропагандистско-психологической. Постепенному возвращению к политике разрядки могло бы способствовать свертывание нашей военной активности в третьем мире, если, конечно, кризисные ситуации не перекинутся на другие регионы, особенно в Восточную Европу. Принятие подобного курса предполагает значительное расширение экономических, научно-технических и культурных отношений с развивающимися странами, т. е. перенос центра тяжести на использование мирных средств повышения влияния социализма в «третьем мире» и поддержки молодых развивающихся государств.

В создавшейся ситуации дальнейшее развитие процессов разрядки представляется маловероятным без решения афганского кризиса на компромиссной основе. Можно предполагать, что Вашингтон, продолжая показную пропагандистскую кампанию против «советской интервенции», вместе с тем постарается максимально использовать

присутствие советских войск в Афганистане для подрыва международных позиций СССР. В таком случае США рассчитывают получить редкостную возможность навязать Советскому Союзу затяжную изнурительную войну с афганскими повстанцами в исключительно неблагоприятных для них условиях, оставаясь сами в положении “третьего радующегося”. В этом, однако, позиции Вашингтона расходятся с мнением правительств Франции, ФРГ и других западноевропейских государств, считающих, что подобный курс в корне подорвет разрядку и что поэтому надо искать взаимоприемлемое урегулирование афганского вопроса, пока для этого имеются еще предпосылки, создав для Советского Союза условия для вывода войск без потери престижа. В случае неуступчивости в этом вопросе с нашей стороны Соединенным Штатам удастся навязать Западной Европе свой курс.

Сейчас особое значение приобретает фактор времени. До весенней распутицы в Афганистане мы еще располагаем свободой политического маневра. С началом лета и активных действий афганских повстанцев, если наши войска будут втянуты в серьезные бои, такая возможность исчезнет».

Вскоре мне стало известно, что и наш Генеральный штаб придерживался примерно такой же позиции и возражал против ввода советских войск в Афганистан. Больше того, оказалось, что советскому вторжению в эту страну во многом содействовала политика США. Советник американского правительства Збигнев Бжезинский разработал весьма коварный провокационный план. По секретным каналам до сведения советского руководства была доведена ложная информация о якобы планирующейся высадке войск США в Афганистан. Это послужило поводом для Политбюро ЦК КПСС принять решение об упреждении американской высадки. Для США война Советского Союза в Афганистане принесла серьезный выигрыш в геополитическом, экономическом и пропагандистско-психологическом отношении.

Очень скоро это стало очевидным и для советского руководства. Вероятно, именно поэтому в конце 1982 года мне поручили подготовить для Ю.В. Андропова аналитическую записку об основных вопросах отношений Советского Союза со странами социалистического лагеря, Запада и третьего мира. К тому времени я хорошо освоился с этой проблематикой и составил представление о том, насколько неадекватным и ущербным для национальных интересов Советского Союза был тогдашний внешнеполитический курс нашей страны. Мне уже в течение десяти лет довелось руководить отделом международных отношений в Институте экономики мировой социалистической системы АН и наблюдать, что и как готовилось на нашей «государственной внешнеполитической кухне».

ИЭМСС безуспешно пытался с помощью многочисленных аналитических записок внушить Брежневу, Громыко и другим руководящим лицам, что внешнеполитический курс, выработанный еще во времена Сталина, не отвечает современным реалиям. Подготовка этих материалов была своеобразным «искусством возможного» для советников руководства на всех уровнях политического планирования. Лишь немногие храбрецы могли решиться перейти «грань дозволенного» и открыто, без обиняков высказать руководству свое мнение. Для некоторых это оканчивалось изгнанием из руководящих органов, как это было, например, с руководителем группы консультантов при отделе социалистических стран ЦК КПСС Александром Бовиным.

Мне было известно, что Андропов несравненно более терпимо, чем Брежнев, относился к новым, непривычным идеям и даже поощрял их постановку. Это побудило меня высказать в записке все, что я думал тогда о советской внешней политике. Это было нелегкой задачей. Но ее необходимо было выполнить, учитывая тот внешнеполитический и экономический тупик, в котором Советский Союз оказался на рубеже 1970-х и 1980-х годов. Серьезность положения

побуждала откровенно написать об устаревших, ошибочных концепциях советской внешней политики.

10 января 1983 г. записка была отправлена в секретариат Андропова. На основе исторического опыта XX века в ней была сформулирована универсальная закономерность возникновения и развития глобальной конфронтации – «обратная отрицательная связь», или «защитная реакция», которая срабатывает всякий раз, когда какая-либо великая держава пытается навязать свои ценности и свой порядок другим государствам и установить свое господство. Эта закономерность сохранила свое значение и поныне.

В центре записки стояли проблемы вывода Советского Союза из состояния ненужной и опасной конфронтации с Западом, которая поглощала лучшие силы нашей страны и делала невозможным решение более важных задач внутреннего развития. Собственно, речь шла о путях прекращения холодной войны. Подобная историческая задача могла быть решена только радикальным пересмотром идеологических принципов тогдашней политики, прежде всего, путем отказа от «классовой борьбы» на международной арене и от мессианской роли Советского Союза как «движущей силы» «коммунистического и национально-освободительного движения», что служило основанием для советской экспансии и вмешательства во внутренние дела государств. Это должно было привести к значительным переменам – к отказу от брежневской доктрины «ограниченного суверенитета» и от концепции «стратегического паритета» с Западом, к установлению равноправных партнерских отношений с социалистическими странами Восточной Европы и других регионов. Только так можно было ослабить интенсивность «обратной отрицательной связи» западных держав в противодействии советской экспансии и создать условия для сбалансирования политических интересов с Западом, для реального процесса разоружения, устранения угрозы ядерной войны и преодоления холодной войны.

Аналитическая записка носила, на первый взгляд, сугубо абстрактное название: «Методологические аспекты определения степени угрозы возникновения войны». В действительности же за этим названием скрывалось рассмотрение острейших вопросов тогдашней советской политики и выдвижение целого ряда предложений по ее кардинальному изменению. В принципе, для того времени это выглядело довольно вызывающим фрондерством, облеченным в теоретическую форму.

При Брежневе, который крайне болезненно реагировал на все новаторские идеи и старался не отходить от сталинских внешнеполитических концепций, невозможно было и подумать о представлении на его рассмотрение подобных идей. Но после того, как генеральным секретарем ЦК КПСС в ноябре 1982 года был избран Андропов, многое пришло в движение. Будучи много лет председателем КГБ (1967–1982 гг.), он лучше других знал, что за брежневским фасадом кажущейся стабильности развивались процессы, которые могли иметь разрушительные последствия для тогдашнего советского общества. Для него было ясно, что экономическая и социальная эффективность существовавшей в Советском Союзе системы никак не отвечала тогдашним стандартам общественного развития и грозила обернуться политической угрозой для советской власти. По многим критериям Советский Союз был не в состоянии состязаться с Западом.

Было очевидно, что сверхцентрализованное планирование и всесильный бюрократический аппарат тормозили здоровое развитие общества. В эпоху Брежнева к этому добавились зачатки разложения морали, этики, дисциплины и ответственности, широкое распространение цинизма, халатности и отступление от социалистических ценностей. Исчезал былой коммунистический пуританизм.

Будучи убежденным коммунистом и творческим человеком, Ю.В. Андропов был настроен устранить недостатки, которые накопились в советском обществе и в политике.

Эксперименты Андропова по децентрализации планирования и управления экономикой, по расширению самостоятельности и простора для деятельности предприятий и коллективов, по усилению нравственности наталкивались на сопротивление консервативных, догматически настроенных престарелых деятелей в Политбюро, в ЦК и в правительстве. Но все же за короткий срок пребывания на посту генерального секретаря он пробудил в обществе ожидания и надежды на реформы закостенелой советской системы. Мне казалось, что и во внешней политике могут наступить положительные перемены. В надежде на это и была написана аналитическая записка. Ниже следует ее текст.

«В 1980-е годы резко возросла угроза новой мировой войны. Является ли эта угроза подобной другим, имевшим место ранее и не приведшим к войне? Или сейчас опасность третьей мировой войны значительно более реальна? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо определить причины и механизм возникновения мировой войны. Если они имеют общий характер, можно надеяться выработать методологию подхода к таким вопросам, как возникновение войны и возможные меры ее предотвращения. Это поможет установить и современный уровень военной опасности, нависшей над человечеством.

Но перед тем, как перейти к решению этой задачи, мы должны сформулировать основные качественные особенности мировых войн. Они сводятся к следующему:

1. Появление мировых войн как международного явления связано с образованием целостной системы международных отношений, которая вовлекала в свою орбиту все новые и новые государства – участники мирового сообщества и – чем дальше, тем больше – усиливала степень их взаимозависимости, сложного взаимодействия их национально-государственных интересов и переплетения их взаимной безопасности. “Люди, – говорил В.И. Ленин, – живут в государстве, а каждое государство живет в системе государств. Которые относительно друг друга находятся в системе из-

вестного политического равновесия” (т. 42, с. 59). Нарушение этого равновесия порождало международные кризисы, перераставшие в мировые войны, в которые как по цепной реакции втягивались крупные державы и следовавшие в их фарватере страны. Поэтому саморасширяемость является одной из наиболее характерных черт мировых войн.

2. Самые значительные успехи агрессора (нападающей стороны) в начале войны не имели решающего значения и, в конце концов, война заканчивалась его поражением. Объяснение этому надо искать в том, что правящая верхушка великой державы, развязавшей мировую войну во имя распространения своей гегемониальной власти, всякий раз грубо нарушала главный принцип и первейшее правило внешней политики: ставить перед собой задачи и цели, строго соответствующие внутренним и международным возможностям их реализации. Наблюдался парадоксальный факт – этот принцип, приобретший аксиоматическое значение, все признавали на словах, но полностью игнорировали на деле, что вело к тяжчайшим поражениям.

3. От войны к войне росли ее масштабы, разрушительность средств ее ведения и число ее жертв. Последние достижения человеческого гения в области ядерной, ракетной, электронной, лазерной и других видов техники придали, наконец, мировой войне апокалипсический характер и поставили человеческую цивилизацию перед угрозой самоуничтожения.

4. Причинами мировых войн выступают особые, не разрешимые обычными политическими методами противоречия. Обе последние мировые войны были следствием развития противоречий внутри капиталистической системы. После 1945 г. водораздел противоречий пролегал между странами капитализма и социализма, и сейчас человечество стоит на пороге третьей мировой войны именно вследствие крайнего обострения этих противоречий на мировой арене.

5. Ни одна мировая война не была неожиданной. Ее приближение видели и понимали. Предпринимались попытки предотвратить ее. Но ни разу это не удалось сделать. Все

это говорит о том, что мировые войны возникают вследствие некоего процесса, который еще не удалось до конца понять, а потому и предотвратить, приостановить. Приступим к его поиску, применяя системный подход.

Пусть некая держава стремится резко усилиться и расширить сферу своего гегемониального влияния. Каковы будут последствия этого для мирового сообщества? Слабые страны вольно или невольно будут подчиняться этой державе, ее господству. Она будет становиться еще сильнее и подчинять более сильные государства и т. д. , пока мир не превратится в одно сверхгосударство или определенный политический порядок под гегемонией этой державы. Но этого до сих пор не произошло. Объясняется это тем, что в системе мирового сообщества существует обратная отрицательная связь к усилению отдельного государства (державы) и расширению сферы его господства до пределов, которые начинают угрожать интересам других государств, особенно великих держав.

Результатом действия этой отрицательной обратной связи является объединение сильных государств в “антикоалицию” против потенциально или реально сильнейшего (в регионе, мире). Уровень эффективности обратной связи измеряется достаточностью или избыточностью, т. е. с некоторого момента усиление названной державы должно либо полностью компенсироваться, либо вследствие создания превосходящего противовеса приводить к ослаблению ее международных позиций. На практике реализуется последний вариант, причем с нарастающей мощью за счет вступления в “антикоалицию” новых государств и максимальной мобилизации их материальных, духовных и людских ресурсов.

Итак, первый блок образуется посредством насильственного или ненасильственного и даже добровольного присоединения слабых к сильному, а второй – путем объединения главным образом сильных против сильнейшего. Это полностью подтверждается составом военных союзов в мировых войнах.

Можно подметить интересные особенности: во-первых, “антикоалиция” сплочена главным образом страхом перед общим врагом, и, во-вторых, агрессор явно не может выиграть войну – любой его успех вызывает избыточное усиление “антикоалиции”. Действительно, США вступили в Первую и Вторую мировые войны именно в момент наибольшего ослабления “антикоалиции” – в апреле 1918 г. и в декабре 1941 г. Так разрастается мировая война, и чем больше успехи агрессора, тем сильнее. “На всякой войне, – указывал В.И. Ленин, – противники, силы которых уравниваются, останавливаются на некоторое время, копят силы, отдыхают, переваривают пережитый опыт, готовятся и – бросаются в новый бой” (т. 13, с. 72).

Действие обратной отрицательной связи может ослабляться рядом факторов. Например, если сила агрессора сплочивает врагов, то его слабость должна вызвать колебания в стане “антикоалиции”, что подтверждается, к примеру, позицией США и Англии в конце Второй мировой войны. Трудности в создании и деятельности “антикоалиции” могут возникнуть и в результате противоречий среди ее действительных или потенциальных участников. Так, острейшие противоречия между СССР и западными державами не позволили своевременно воссоздать в 1938–1939 гг. Антанту и построить систему коллективной безопасности против угрозы нацистской агрессии. Это стоило СССР, Франции и Англии больших жертв и потерь. Но рано или поздно обратная отрицательная связь должна обязательно сработать.

“Антикоалиция” со временем неизбежно настолько усиливается, что противостоящая ей держава и возглавляемый ею союз оказываются не в состоянии выдержать военное и экономическое противоборство. Следовательно, всякий экспансионизм и гегемонизм таит в себе зародыш собственной гибели. Об этом говорит опыт мировых войн.

Мы показали применимость системного подхода, по крайней мере, как поискового метода, для выявления механизма возникновения и развертывания мировой войны. По-

пробуем использовать его для анализа послевоенного развития событий.

По окончании мировой войны “агрессор” становится второстепенной державой. Он не опасен, “антикоалиция” добилась своего. Но среди участников самой “антикоалиции” неизбежно найдется сильнейший, который необыкновенно укрепился, обрел ореол победителя, расширил сферу своего влияния и стал представлять не меньшую опасность, чем раньше “агрессор”. “Антикоалиция”, направленная против прежнего врага, распадается. Но взамен намечается или создается комбинация держав или новая “антикоалиция”, направленная уже против бывшего союзника, если он становится на путь расширения своей гегемониальной сферы. Весь процесс повторяется при новом составе участников. Но немедленно начаться война не может, т. к. силы главных государств–победителей примерно равны. Кроме того, психологически трудно начать войну против недавнего союзника. Для этого нужна довольно длительная подготовка народа и всей страны. Необходимо также расширение и укрепление “антикоалиции” и т. д.

После Первой мировой войны в Европе возникла качественно новая международная ситуация, преобразившая традиционную расстановку и соотношение сил на континенте. Это было результатом победы в России Великой Октябрьской социалистической революции и образования Советского государства – провозвестника нового общественного строя – антипода капитализму. С точки зрения рассмотрения предмета нашего исследования, важно подчеркнуть, что это событие имело далекоидущие международные последствия, присоединив к старым межимпериалистическим противоречиям новый острейший узел противоречий между Советским государством и капиталистическими державами, в основу которых легли классово-социальные, идеологические факторы. Это оказало серьезнейшее влияние на характер действия обратной отрицательной связи и формирование европейского баланса сил.

Поражение Германии и Австро-Венгрии, революция, Гражданская война и послевоенная разруха в России привели к тому, что господствующие позиции в европейских делах заняли Франция и Англия. Они продиктовали европейским народам несчастный Версальский мир, содержащий в себе уже с самого начала зародыш будущей мировой войны. Стремление каждой из этих держав занять гегемониальное положение в Европе было парализовано действием обратной отрицательной связи. И это произошло сравнительно легко, ибо, во-первых, их претензии взаимно уравновешивались, а, во-вторых, их силы были неадекватны той роли, на которую они притязали. Для Советского Союза Англия и Франция выступали тогда державами, от которых исходила основная опасность для социалистических завоеваний. Поэтому развитие противоречий с ними носило наиболее острый характер. Эти противоречия переоценивались даже тогда, когда главная угроза завоеваниям социализма стала исходить от германского фашизма. Играя на расколе между государствами бывшей "антикоалиции", Германия смогла восстановить свою военную мощь, выступить с еще более широкомасштабными планами экспансии, чем во времена кайзера. Но тем самым она неизбежно воссоздала против себя "антикоалицию" на еще более широкой, глобальной основе, что привело к сокрушительному разгрому фашистской Германии.

После Второй мировой войны действие обратной отрицательной связи приобрело намного более сложный и интенсивный характер. В основу ее формирования легло противоборство между силами капитализма и социализма в качественно изменившихся условиях ядерной эпохи и научно-технической революции. На это насаивалось влияние таких факторов глобального значения, как выход социализма за рамки одной страны и возникновение ряда социалистических стран в Восточной Европе, на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и других регионах, крах колониальной империи Запада, небывалый размах движений за национальное и социальное освобождение.

Непосредственным результатом Второй мировой войны явилось резкое ослабление главных капиталистических держав, кроме США, нажившихся и укрепившихся в ходе войны. Германия и Япония были разгромлены и выбыли из числа великих держав. Англия и Франция превратились во второразрядные державы. Остальные государства Западной и Восточной Европы находились в шатком положении экономической разрухи и социального брожения под действием дискредитации капитализма, громадного роста антифашистских, демократических настроений. С другой стороны, позиции социалистической державы – Советского Союза – необычайно упрочились. Его военная мощь и морально-политический авторитет поднялись на небывалую высоту.

В новых условиях наиболее правильным представлялось использовать неизмеримо возросшее могущество Советского Союза, особенно его военную мощь, для продвижения социализма и отвоевания позиций у капиталистического Запада. Этот путь и был избран. Исторически он был на первый взгляд понятным и оправданным. Но тем самым центр тяжести классовой борьбы был как бы смещен на межгосударственные отношения между СССР и западными державами во главе с Соединенными Штатами. Это предопределило последующее развитие главных международных процессов на мировой арене и привело к последствиям, которые в первые послевоенные годы трудно было предвидеть. Особенно это касается роста угрозы ядерной войны.

Итак, в результате беспрецедентного усиления Советского Союза, его перехода к активному наступлению на позиции мирового капитализма в действие была приведена обратная отрицательная связь, которая рано или поздно должна была сплотить против него большинство великих держав мира. Уже в конце войны появились симптомы распада “антикоалиции”. Опасаясь, что вакуум силы, образовавшейся в Центральной и Восточной Европе, будет заполнен Советским Союзом, западные державы стали на путь создания новой, уже антисоветской коалиции, включившей в себя и часть побежденной

Германии. Потребовалось всего 4 года, чтобы эта коалиция – НАТО – стала действительностью. На ее вооружение была взята стратегия “сдерживания”, затем “отбрасывания”, “ядерного устрашения”, “гибкого реагирования” и пр.

В первые послевоенные годы реальность опасного объединения Запада против СССР не осознавалась или осознавалась слабо, точно так же, как накануне 1-й и 2-й мировых войн правящие круги Германии не осознавали, что своими действиями они сколачивают против себя “антикоалицию”. Здесь сказывалась и переоценка межимпериалистических противоречий с нашей стороны.

Идентифицировав себя в теории и на практике с ролью руководителя, главной силы, оплота социалистического лагеря, как тогда говорили, Советский Союз взял на себя тем самым необычайно трудное экономическое и политическое бремя борьбы против главных сил империализма. Послевоенная структура международных отношений приняла на 10–15 лет биполярный характер. Стоило сделать на этом пути один шаг, как логика борьбы заставляла делать последующие, подталкивая все дальше и дальше в неизвестное. Эта логика с неумолимой силой продолжает действовать и ныне, при новом поколении людей и государственных деятелей, когда маховик противоборства за долгие годы оказался раскрученным почти до отказа, так что его необычайно трудно замедлить, а тем более остановить.

Ход событий не оправдал и расчетов на то, что все страны, консолидировавшиеся на пути социалистического развития, признают руководящую роль Советского Союза и что отношения между Советским Союзом и другими странами социализма можно будет строить на основах, как бы напоминающих внутривластьный принцип “демократического централизма”, перенесенный на международную арену. Оказалось, что в наш век гегемониальная роль – под каким бы лозунгом она ни выступала – вызывает противодействие со стороны как капиталистических, так и – не в меньшей степени – социалистических государств. Но в первые после-

военные годы трудно было поверить в то, что в оппозицию Советскому Союзу перейдет целый ряд социалистических стран. Впоследствии ими стали Югославия, Китай, Албания, в той или иной форме – КНДР, Румыния. Еще невероятнее казалась идея, что во взаимодействие с “антикоалицией” против СССР вступит социалистический Китай.

Следовательно, отрицательная обратная связь может проявлять себя независимо от социально-классовой природы государств–субъектов международных отношений и приводить к созданию “антикоалиции” смешанного социально-политического состава. Первые симптомы этого обнаружались вскоре после победы Октябрьской социалистической революции в России, когда Франция, Англия и США предложили Советскому правительству свою помощь, если оно согласится продолжить войну против Германии на стороне Антанты. Во Второй мировой войне возникла, хотя и с большим запозданием, “антикоалиция” стран, принадлежавших к разным социальным системам. Эта особенность обратной связи сохранилась и в послевоенный период.

Для правильной оценки характера и интенсивности действия обратной связи очень важно составить четкое представление, как противная сторона воспринимает политику СССР, его цели на международной арене. При этом, конечно, надо делать скидку на классово-ограниченный характер этих восприятий. В глазах западных политиков Советский Союз предстает как опасная держава, руководство которой последовательно и целеустремленно осуществляет, главным образом посредством военного насилия, мессианскую цель ликвидации капитализма и установления коммунистического строя советского типа во всем мире, постоянно наращивая свою “экспансию” и расширяя сферу своего господства. В доказательство этого на Западе приводятся следующие доводы:

1. В 1939–1940 гг. Советский Союз присоединил Латвию, Литву и Эстонию, Западную Украину и Западную Белоруссию, Бессарабию, часть территории Финляндии;

2. В период 1945–1950 гг. он установил свое господство над странами Восточной и частично Центральной Европы, присоединил Закарпатскую Украину, часть японских островов;

3. В 1960-х годах он предпринял первые попытки продвинуть свое влияние на Ближний Восток, в Юго-Восточную Азию и другие регионы (Египет, Индонезия и др.);

4. Во второй половине 1970-х годов он “перелил через край”, вышел за пределы уже созданных сфер влияния, начав “активное вторжение” на Ближний Восток, в Африку, в Юго-Восточную и Юго-Западную Азию, в Центральную Америку (Ангола, Эфиопия, Йемен, Мозамбик, Афганистан и др.);

5. Расширение сферы советского влияния сопровождалось все усиливающимся ростом военной мощи Советского Союза. В результате он оказался в состоянии на рубеже 1980-х годов выдвинуть требование о “военно-стратегическом равновесии между силами империализма и социализма”, а фактически между СССР, с одной стороны, США, Англией, Францией, ФРГ, Италией, Японией, Канадой и Китаем – с другой. Создание советским руководством такой огромной военной мощи на Западе связывается с интересами обеспечения дальнейшей “глобальной экспансии” Советского Союза.

6. Советское руководство, как указывают западные политики, не скрывает своих целей на международной арене, о чем свидетельствуют использовавшийся одно время лозунг “Мы вас закопаем”, а затем постоянное подчеркивание в официальных советских заявлениях и программных документах стремления изменить соотношение сил в мире в пользу социализма (а фактически – СССР) в ущерб капитализму (западным державам), утверждения, что такое изменение уже наступило, открытая постановка задачи об усилении влияния реального социализма /СССР/ на ход мировых событий и пр.

В соответствии с этой оценкой характера намерений и действий советского руководства Соединенные Штаты и их союзники рассматривают все события и явления международной жизни, а также прогрессивные социальные

процессы во внутреннем развитии отдельных стран почти исключительно сквозь призму противоборства с Советским Союзом. Это, бесспорно, намного затрудняет деятельность прогрессивных сил, движений, партий и организаций в зоне капитализма и в развивающемся мире, обрушивая на них масштабные репрессии и ненужный огонь со стороны Запада. Выходит, что объективно другой стороной тесной “завязанности” Советского Союза на антиимпериалистические движения является сужение, ограничение возможностей развертывания процессов социального и национального освобождения, не говоря уже о том, что это опасно подрывает советский экономический потенциал. На деле от этого страдают интересы мирового социализма. Такова причудливая логика истории.

Интересно рассмотреть вопрос, как соотносятся действие обратной отрицательной связи и разрядка напряженности в отношениях СССР – США и в более широком контексте – между Востоком и Западом. Означает ли возникновение на рубеже 1970-х годов феномена разрядки отрицание обратной связи как определенной закономерности международной жизни? На наш взгляд, это было бы неверным выводом.

Появление разрядки было вызвано рядом объективных причин и соображениями западных политиков о перенесении противоборства с СССР в иную плоскость. С одной стороны, главные капиталистические страны преодолели к 1970-м годам послевоенные трудности, стабилизировались в экономическом и социальном отношении, возникли три мощных центра силы капитализма в лице США, Западной Европы и Японии. С другой стороны, мир социализма перестал быть моноцентрическим в результате раскола между Китаем и СССР, значительной дифференциации позиций социалистических стран и роста противоречий между ними. В оценках Запада в “третьем мире” Советскому Союзу не удалось в 1950-х и 1960-х годах создать существенных плацдармов и опорных пунктов для расширения своего влияния.

Все эти процессы протекали на фоне если не установления ракетно-ядерного равновесия между США и СССР, то, по крайней мере, достижения Советским Союзом уровня достаточности ракетно-ядерных сил, который делал для США неприемлемым глобальный ядерный конфликт. В этих условиях взоры западных политиков, естественно, обратились к мирным средствам достижения антисоветских политических целей, особенно путем поощрения центробежных сил в мире социализма. В случае удачи это сулило Западу дальнейшее ослабление международных позиций СССР и сужение базы его влияния. Для проведения такой политики требовались отход от холодной войны, устранение остроты во взаимоотношениях с СССР, развитие с ним сотрудничества, достижение компромиссных договоренностей по широкому кругу вопросов. Это соответствовало и интересам советской политики. Так, с начала 1970-х годов разрядка стала набирать силу, достигнув своего апогея на общеевропейском совещании в Хельсинки, затем пошла на убыль и сменилась состоянием крайней напряженности в отношениях между СССР и Западом к началу 1980-х годов.

Очевидно, для США и их союзников дальнейшее существование разрядки было бы приемлемо лишь при условии сохранения и соблюдения со стороны Советского Союза международно-политического и военно-стратегического статус-кво, как он сложился на начало 1970-х годов. Но этого не случилось. В представлении Запада, советское руководство активно использовало разрядку для наращивания своих военных сил, чтобы добиться ракетно-ядерного паритета с США и вообще с противостоящими державами. Во-вторых, оно воспользовалось “внешнеполитическим параличом” США, вызванным “вьетнамским синдромом”, в целях продвижения своих интересов в Африке, на Ближнем Востоке и в других регионах. Тем самым Запад пришел к выводу, что советское руководство не оставило своих планов экспансии. Это расчистило дорогу к власти самым реакционным, оголтелым кругам империализма США и других

стран НАТО, круто повернувшем руль политики в сторону конфронтации.

Для Советского Союза разрядка давала редкостный шанс: 1) продемонстрировать свое стремление снизить противоборство с Западом до минимального уровня и тем самым предотвратить процесс наращивания сил “антикоалиции”, 2) обратить всю свою энергию и ресурсы на решение внутренних задач социально-экономического укрепления страны, перевода экономики на путь интенсивного развития, что также должно было снизить действие обратной отрицательной связи и ослабить “антикоалицию”, 3) подтянуть тылы, укрепить всю систему связей и сотрудничества в рамках СЭВ и ОВД на основах социалистического партнерства, 4) найти новые пути и формы поддержки национально-освободительных движений, которые бы не наносили ущерба разрядке.

К сожалению, этот шанс был упущен и Советский Союз оказался перед лицом нового небывалого нажима империализма. Этот поворот в политике обошелся ему (в сопоставлении только с военными расходами США) в 1,5 триллиона долларов, если не больше, на пятилетие 1981–1986 гг. и вызвал опасный рост военной напряженности.

Опыт истории говорит о том, что в противоборстве сторон наступает определенный переломный момент, когда дальнейшие сдвиги в соотношении политических и военно-стратегических сил становятся больше совершенно неприемлемы для “антикоалиции”, и она переходит к решительным контрдействиям, не останавливаясь перед крайними мерами. Перед Второй мировой войной такой критический момент наступил с захватом Германией Чехословакии. Стало ясно, что Гитлер намерен взломать европейский баланс сил и затем выступить против своих главных противников на Западе и Востоке Европы. Поэтому на его очередной шаг – нападение на Польшу – западные державы ответили объявлением войны. Напал бы Гитлер в сентябре 1939 года на Польшу, если бы заранее знал,

что против него вскоре объединится весь мир? Вряд ли он рискнул бы тогда начать мировую войну. К тому же он ее формально и не начинал. Он спровоцировал ее своими действиями, которые вытекали из его общей концепции установления господства в Европе.

Итак, мы видим: критические изменения в соотношении сил могут вызвать такой высокий накал международной напряженности, что любое неосторожное действие (Сараево, Данциг) способно спровоцировать “неадекватную” реакцию и привести к войне.

В послевоенный период расширение сферы советского влияния достигло в глазах Запада критических пределов с введением советских войск в Афганистан. В былые времена это уже само по себе могло послужить для “антикоалиции” поводом для развязывания войны. Но угроза взаимного ядерного уничтожения не позволила Западу прибегнуть к лобовому военному столкновению с СССР. В условиях, когда ядерная война не может рассматриваться как рациональное средство достижения политических целей, “антикоалиция” обратилась к заменяющим ее рычагам давления. Среди них главное место заняли массированная гонка вооружений, максимальное увеличение военно-экономического пресса на экономику СССР, ставка на военно-техническое превосходство, объединение духовных и материальных ресурсов капиталистического мира против Советского Союза. Поставлена задача проведения “крестового похода” против СССР.

Нынешняя политика США и их союзников подпадает под определение “избыточной обратной связи”. Это означает, что мир вступил в крайне опасную, кризисную полосу развития, которая может привести к новой мировой войне. Упование на ядерное устрашение и гарантированное ядерное уничтожение, как фактор сдерживания войны, могут оказаться роковой иллюзией.

Действие обратной связи поставило уже Советский Союз во внешнеполитическом плане в крайне тяжелое положение. Против него объединились фактически все великие державы

мира, кроме разве Индии. Задачи противостояния их многократно превосходящему потенциалу опасно превосходят возможности Советского Союза.

Поиски путей ослабления “избыточного” давления “анти-коалиции” на Советский Союз составляет ныне, по-видимому, одну из центральных задач советской внешней политики. Совершенно очевидно, что этого можно добиться только путем постепенного самоограничения и осторожных действий Советского Союза на внешней арене.

В современных условиях Советский Союз не может быть глобальным гарантом и защитником мирового революционного и национально-освободительного движения. Это непосильная задача. К тому же в этом нет надобности. Ныне не та обстановка, что была в 1945–1950 гг. Социализм превратился в неодолимую силу, а процессы социального обновления приобрели необратимый характер. С точки зрения сохранения и укрепления мира и дальнейшего развития мирового социализма, крайне необходимо, жизненно важно, чтобы центр тяжести классовый борьбы снова переместился из сферы межгосударственных отношений СССР – Запад в сферу внутреннего социально-политического развития капиталистических стран и государств третьего мира. Первый важный шаг, содействующий движению в этом направлении, был сделан в Политической декларации стран-участниц Варшавского договора от 5 января 1983 г., где они подчеркнули свое стремление строго отделить в своей политике идеологические вопросы от проблем межгосударственных отношений. Ныне настало время – и его опасно упускать – чтобы распространить это положение и на другую критическую область отношений СССР – Запад, где угрожающе нарастают внешнеполитические противоречия и конфликты между ними, – на сферу их вовлеченности во внутренние социальные и национальные процессы, происходящие в третьем мире, а также в развитых капиталистических странах. Этого, естественно, не легко будет добиться, учитывая, что противоборство Советского Союза с западными

державами зашло слишком далеко. Тем не менее движение в этом направлении еще возможно. Для этого необходимо, чтобы наша политика убедительно продемонстрировала на практике (после солидного теоретического обоснования и разъяснения нашим друзьям за рубежом) существенный пересмотр ориентиров своей деятельности на внешней арене, в коммунистическом и национально-освободительном движениях с учетом того, что национальным отрядам этих движений надлежит в условиях ядерной опасности больше полагаться на собственные силы в строгом соответствии с особенностями социально-политической и экономической ситуации в каждой стране, чем на военную помощь СССР. Только в этом случае возникнут предпосылки для ослабления действия обратной связи в ущерб СССР и международной стабильности и для радикальной реорганизации политических отношений между Советским Союзом и Западом. Судя по опыту прошлого, в создавшейся обстановке это представляется единственным путем, способным прервать и нейтрализовать международные процессы, которые неотвратимо ведут к ядерной войне. Другого, пожалуй, не дано.

Такой поворот в нашей политике отнюдь не предполагает какого-то “социалистического изоляционизма” в национальных рамках. Наоборот, он намного расширит почву для межнационального взаимодействия, взаимного влияния и взаимообогащения сил социализма в политической, экономической, теоретической, научной и культурной сферах. Социалистическая солидарность станет богаче, приобретет естественный, органичный характер.

Что касается западных держав, то они неизбежно вынуждены будут постепенно перейти к свертыванию конфронтации с СССР и изменить свою политику в третьем мире под угрозой ее полной дискредитации (как это сейчас происходит в Ливане, в Центральной Америке и т. д.). Это откроет простор для развертывания межимпериалистических противоречий и приведет к распаду “антикоалиции”, к громадному выигрышу сил социализма.

На протяжении нашего века характер и содержание классово-борьбы за социализм не оставались неизменными. Они существенно менялись в зависимости от складывавшихся условий в рамках отдельных стран и в международном масштабе, а также от индустриального и научно-технического прогресса человечества. До 1917 года эта борьба велась главным образом на национальной почве. В межвоенный период ее характер в целом сохранялся, хотя Советский Союз все активнее и шире выступал как международный фактор поддержки социалистического и коммунистического движения в странах иной социальной системы (китайской революции, испанских республиканцев и т. д.). После 1945 г. эта роль Советского Союза неизмеримо возросла. В результате он оказался в положении острейшей конфронтации с главными силами мирового империализма. Смещение центра тяжести классово-борьбы на международную арену привело к тому, что определяющей в ней стала сфера военного противостояния и противоборства. Ракетно-ядерное оружие придало этому противоборству исключительно опасный, рискованный характер.

Поэтому в современной ситуации классово-борьба наполнилась для сил социализма новым смыслом и содержанием. Ее приоритетной задачей стало спасение человечества от ядерного уничтожения. Речь идет о существовании каждого из нас, наших детей и внуков, о жизни или смерти нынешнего поколения людей, о судьбе будущих поколений. Задача заключается в том, чтобы вывести классовую борьбу на международной арене из опасной сферы ядерной конфронтации. Сейчас особенно злободневно звучат слова В.И. Ленина о том, что “с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата...” (т. 4, с. 220).

Совершенно новые задачи классово-борьбы в ядерный век требуют и радикально новых путей и методов их реализации. Преимущественно контрсиловые методы – это не решение вопроса. Они все ближе подталкивают человечество

к пропасти ядерной войны. Кроме того, элементарная логика подсказывает, что размеры экономического и научно-технического потенциала Советского Союза в сопоставлении с потенциалами противостоящих держав не позволят ему выдержать напряжение борьбы на истощение.

Вполне очевидно также, что одними переговорами без коренной реорганизации политических отношений СССР – Запад невозможно решить проблему обуздания гонки вооружений и снижения опасности войны. Дело в конечном счете не в том, каким количеством и качеством оружия располагает та или иная сторона, а в том, насколько достижим политический модус вивенди между СССР и западными державами. Именно здесь, в политической сфере, лежит ключ к разгадке тайны разоружения и снижения угрозы войны. От этой сферы будет зависеть и дальнейшее действие обратной отрицательной связи, сплоченность и сила или ослабление и внутренняя разобщенность “антикоалиции”, противостоящей СССР.

Одной из важнейших мер по снижению политических противоречий СССР – Запад могло бы стать договорное признание со стороны Советского Союза, а также США и других западных стран, что социальный прогресс, выбор социально-политического строя и путей социально-экономического развития должны осуществляться исключительно на национальной почве, в рамках отдельных государств, без вмешательства извне. Правда, это положение уже нашло отражение в ряде официальных документов. Но на деле оно не соблюдается, и вопрос заключается в том, чтобы сделать его действительной нормой международного поведения, чтобы оно нашло практическую реализацию во внешней политике. Очевидно, здесь не обойтись без крупных уступок с нашей стороны, без изменений наших концептуальных внешнеполитических установок. В.И. Ленин учил, что если наступление зашло слишком далеко и создало опасную ситуацию, надо уметь и отступить. Сейчас это диктуется высшими соображениями спасения человеческой цивилизации.

Потребуется и пересмотр ряда теоретических положений, особенно под углом зрения наполнения новым содержанием принципа интернационализма, выработки основ социалистического партнерства как краеугольного камня взаимоотношений между социалистическими странами в современных условиях. Не менее важна психологическая перестройка, способность освободиться от представлений о характере и задачах классовой борьбы, о требованиях единства, которые были правильны и оправданы для второй половины XIX века и первой половины XX века, но утратили значение или совершенно видоизменились по содержанию в наше время.

Если удастся сместить центр тяжести классовой борьбы снова на национальный уровень, это развяжет огромные внутренние силы социального прогресса, справиться с которыми империалистические круги Запада окажутся не в состоянии. Надо иметь в виду, что общество в самих ведущих капиталистических державах давно созрело для перехода к социализму, даже в несравненно большей степени, чем в любом из развивающихся государств. Ослабление противоборства СССР – Запад, снятие с повестки дня тезиса о “советской угрозе” может значительно ускорить движение общественных сил западных стран к социализму.

Наконец, возвращение центра тяжести классовой борьбы на национальную почву позволило бы нам сосредоточиться на реализации основополагающей ленинской идеи о том, что свое влияние на революционное движение, на мировой социальный прогресс Советский Союз должен оказывать главным образом и в первую очередь своими хозяйственными успехами».

Главная идея записки – найти пути ликвидации холодной войны и все силы бросить на внутреннее развитие страны – не осталась без внимания Андропова. Она нашла отражение во многих его выступлениях, в которых подчеркивалось, что классовая борьба должна уступить место задаче спасения человечества от ядерного апокалипсиса.

VIII. ПЕРЕСТРОЙКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА¹

1. Пересмотр внешнеполитических ценностей

Стало обычным, что о государственных деятелях – вершителях народных судеб после их ухода из политики слагаются мифы, искажающие порой до неузнаваемости их истинное лицо и их роль в событиях своего времени. Одни предают их анафеме, другие боготворят, третьи ревизуют их прижизненный образ. Причиной этого всегда были субъективные подходы, обусловленные политической борьбой вокруг кардинальных национальных и социальных проблем развития народов и государств. Достаточно назвать здесь такие исторические фигуры, как Иван Грозный или Петр Первый в русской истории, Наполеон во французской или Сталин в советской. Все они стали объектами очень противоречивого мифотворчества.

Не избежал этого и М. Горбачев. В связи с его 80-летием в средствах массовой информации разгорелись жаркие споры относительно значения его государственной деятельности в перестроечные годы. Одни считают, что перестройку вообще не надо было начинать, что она явилась причиной развала Советского Союза. Другие обвиняют его в том, что он сдал стратегическое предполье Советского Союза в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, завоеванное под руководством Сталина в результате Второй мировой войны. Третьи полагают, что ему не хватало компетентности и воли для выполнения столь важной и ответственной задачи, как политическое, экономическое и социальное реформирование Советского Союза. Во всем этом проявилась скорее всего ностальгия по социалистическому

¹ *Дашичев В.* Внешнеполитическая доктрина Горбачева и международные отношения // Мир перемен, 1/2011.

прошлому, которое, при всех его недостатках, было для народа намного лучше, чем порядок, установленный в России государственным переворотом Б. Ельцина после декабря 1991 г. Конечно, нельзя отрицать, что во время перестройки во внутренней политике были серьезнейшие ошибки, имевшие трагические последствия для Советского Союза. Среди них главная – ничего не было сделано, чтобы не допустить к власти разрушителя социалистического строя в нашей стране Б. Ельцина.

Однако нельзя согласиться со многими односторонними и неаргументированными характеристиками деятельности М. Горбачева. Поэтому очень важно оценить по достоинству итоги его политики в тот очень бурный и ответственный период нашей истории, когда страна находилась в поисках новой модели демократического социализма. Оставляя в стороне внутреннюю политику, закончившуюся провалом и распадом Советского Союза, остановлюсь ниже на основных аспектах внешнеполитической деятельности М. Горбачева, на ее значении, результатах и последствиях. Она, как и его внутренняя политика, тоже стала объектом жарких дискуссий и очень противоречивых мнений.

С началом перестройки в Советском Союзе, которая должна была стать, но не стала социалистической реформацией, перед нашей внешней политикой возникли исключительно сложные задачи. С времен Л. Троцкого, а впоследствии И. Сталина, она была пропитана духом коммунистического мессианства и основанной на нем внешней экспансии с целью навязывания силой другим странам коммунистического строя советского образца, а следовательно, и господства Советского Союза, как носителя этого строя. Первая попытка применить на практике мессианские установки была предпринята советскими лидерами в войне против Польши в 1920 г. Наступление советских войск на Варшаву оказалось чистойшей авантюрой и закончилось полным провалом. Широкомасштабное «осчастливливание» других народов началось после

Второй мировой войны. Советское руководство насильственно распространило свое господство на страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Тем самым было нарушено европейское и глобальное равновесие сил в пользу Советского Союза, что послужило главной причиной холодной войны, гонки вооружений и других явлений, пагубно отразившихся на его социально-экономическом положении. Сталин навлек на страну совершенно ненужные беды. Зачем самой большой и самой богатой, самодостаточной стране в мире нужны были новые территориальные приобретения под коммунистическим флагом? С точки зрения здравого смысла, было бы единственно правильным решением отвести советские войска по окончании войны в советские границы 1939 г. Тогда бы Советский Союз предстал в сознании народов Европы как действительный освободитель от фашистской тирании. И он смог бы посвятить все свои могучие силы развитию и укреплению социалистической системы, повышению благосостояния народа, созданию в мире «демонстративного эффекта» образцового социалистического общества, к которому без всякого принуждения потянулись бы другие народы. Но все это не соответствовало замыслам Сталина. Для него достижение «классовых целей» в борьбе на мировой арене являлось приоритетной миссией, против которой, увы, действовали законы геополитики.

До М. Горбачева в советском руководстве никак не могли понять, что практика доминирования или, что еще хуже, господства, независимо от кого она исходит – от социалистической или капиталистической страны, – неизбежно вызывает негативную реакцию и противодействие. В системе международных отношений данная практика ведет к международной напряженности, конфликтам и войнам. Советское мессианское сознание самым тесным образом переплеталось с претензиями СССР на господствующее положение в мировом социалистическом движении и с советскими имперскими амбициями.

С началом перестройки перед руководством страны на передний план выдвинулась проблема вывода Советского Союза из состояния ненужной и опасной конфронтации с Западом, которая поглощала лучшие силы страны, делала невозможным решение более важных задач внутреннего развития, особенно обеспечение высокого качества и уровня жизни советских граждан. Именно эту миссию взяло на себя с 1985 г. новое советское руководство во главе с М. Горбачевым. В годы перестройки были разработаны важнейшие принципы нового мышления в советской внешней политике. К ее основным чертам относится следующее:

- Отказ от политики мессианского господства и ее осуждение;
- Прекращение конфронтации Восток – Запад и гонки вооружений;
- Соблюдение принципа, согласно которому в международных отношениях должно господствовать не право силы, а сила права;
- Признание за каждым народом свободы выбора своего пути развития;
- Глубокая демократизация и гуманизация международных отношений;
- Установление неразрывной связи между политикой и моралью;
- Преобразование большой Европы (ЕС) в объединенную Европу и создание в перспективе общеевропейского политического, экономического, правового и культурного пространства (идея «Общего дома Европы»);
- Преобразование ОБСЕ в дееспособную головную организацию по безопасности и сотрудничеству государств новой Европы;
- Постепенный демонтаж блоковой структуры международных отношений в Европе и запрет на сферы влияния и господства на Европейском континенте.

Все эти принципы характеризовали новую суть социалистической внешней политики. На основе этих принципов произошло мирное объединение Германии, без которого преодоление холодной войны представлялось невозможным. Страны Восточной Европы обрели самостоятельность. Была прекращена война в Афганистане, и советские войска были выведены из этой страны.

Венцом внешней политики при М. Горбачеве стал достопамятный день 21 ноября 1990 года, когда в Париже представители всех государств Европы, а также Соединенных Штатов Америки и Канады подписали основополагающий международный акт о создании нового мирового порядка в Европе после объединения Германии и окончания конфронтации Восток – Запад. Он вошел в историю как Парижская хартия.

2. Об анализе ошибок во внешней политике и их предупреждении

Так называлась моя конфиденциальная аналитическая записка, направленная 1 января 1987 г. Институтом экономики мировой социалистической системы АН в секретариат министра иностранных дел. Необходимость в ней была совершенно очевидна. Как говорится, «на ошибках учатся». Но в советской практике не одобрялись попытки обсуждать, а тем более критиковать решения, принятые в недрах ЦК КПСС, на основе которых формировалась политика МИД и других министерств. Естественно, это вело к тяжелым просчетам, наносившим в ряде случаев большой ущерб интересам страны.

С началом перестройки это вредное вето было, наконец, преодолено. Больше того, критический анализ советской политики в жизненно важных для страны сферах стал приветствоваться. Я не замедлил воспользоваться этим и разработал вышеназванную аналитическую записку.

В последние два года мы стали достаточно самокритичны в нашей внутренней политике, вскрыв целый ряд крупных упущений и искажений в нашем социально-экономическом развитии. Это позволило наметить правильные пути вывода социализма на качественно новую ступень развития.

Что касается нашей внешней политики, то здесь признания и анализ ошибок пока отсутствуют. Показательно, что в опубликованной нашей печатью статье к восьмидесятилетию Л.И. Брежнева не были вскрыты недостатки в этой области. Новое политическое руководство оказалось как бы сопричастным к неверным решениям прежнего руководства или отдельных его представителей. Между тем без серьезного анализа внешнеполитических просчетов в прошлом и выработки механизмов их предотвращения трудно повысить эффективность нашей внешней политики.

На протяжении длительного времени, особенно во второй половине 1970-х годов, происходило наложение большого количества неверных установок и крупных ошибок во внешнеполитической сфере.

Во-первых, перед политикой выдвигались задачи и цели, которые не соответствовали нашим реальным внутренним и международным возможностям их осуществления. Это проявилось, в частности, в том, что наша политика:

а) добившись в середине 1970-х годов признания – пусть даже формального – сложившихся послевоенных территориальных и политических реальностей в Европе, встала на путь дальнейшего расширения сферы политического влияния Советского Союза в других регионах земного шара с помощью военной силы, не считаясь с тем, что это неизбежно приведет к сплочению на антисоветской основе всех основных капиталистических держав и даже подсоединению к ним Китая, совокупный экономический, технологический и военный потенциал которых намного превосходит потенциал Советского Союза;

б) поставила совершенно нереальную и ненужную задачу достижения и поддержания военно-стратегического пари-

тета со всеми западными державами, взвалив тем самым на страну непосильное бремя гонки вооружений – беспрецедентный в мировой практике случай, когда одна держава выдвинула требование быть равной в военном отношении со всеми другими;

в) взяла на себя ненужную и опасную роль военного гаранта многих стран третьего мира. Переоценив размеры и значение собственной ракетно-ядерной мощи, наша политика тем самым противопоставила Советскому Союзу превосходящую коалицию капиталистических держав. Из искусства приобретения союзников политика превратилась для нас в инструмент наживания врагов. Исторический опыт показывает, что игнорирование принципа соответствия внешнеполитических целей возможностям их достижения неизбежно вело государства к тяжелым поражениям.

Во-вторых, у нас практически отсутствовало согласование задач внутренней и внешней политики. С начала 1970-х годов остро заявила о себе необходимость проведения экономической реформы с целью перевода советской экономики на путь интенсивного развития. Это требовало создания на длительное время спокойных внешних условий для решения столь жизненно важной для нас исторической задачи. Вопреки этому, фактически сразу после подписания Заключительного акта Хельсинкского совещания мы спровоцировали своей военной акцией в Анголе новый раунд политической и военно-стратегической конфронтации с Западом, которая, нарастая по мере расширения наших позиций в Африке, Юго-Восточной Азии и других регионах, привела к началу 1980-х годов к срыву разрядки и высокой степени военно-политической напряженности в отношениях Восток – Запад. В результате нынешние преобразования в экономике и социальной сфере нам приходится вести в чрезвычайно сложных международных условиях.

В-третьих, в тесной связи с вышесказанным следует рассматривать крупные промахи в выборе приоритетов внешней политики. Очень часто мы не могли отличить интересы

короля от интересов пешки на шахматной доске мировой политики. В погоне за мелкими выигрышами и частными преимуществами мы жертвовали куда более значительными и важными вещами, не говоря уже о том, что с точки зрения наших национально-государственных и интернациональных интересов на первом месте всегда должно стоять внутреннее экономическое и социально-политическое укрепление Советского Союза – главной цитадели мирового социализма. Например, своей поддержкой действий Вьетнама в Кампучии и акцией в Афганистане, не укладывающейся ни в какие рамки политической и стратегической целесообразности, мы поставили под удар не только наши отношения с Западом, но и нагромодили труднопреодолимые препятствия для нормализации отношений с КНР.

В-четвертых, представляется, что стратегический курс нашей внешней политики во второй половине 1970-х годов исходил из неверной оценки сложившейся тогда глобальной ситуации. Для предпринятого в то время широкого наступления на позиции империализма в третьем мире отсутствовали необходимые условия. Оно было вполне оправдано в первое послевоенное десятилетие, характеризовавшееся значительным внутренним ослаблением империализма, его дискредитацией, громадным ростом морально-политического авторитета Советского Союза и сил социализма, их сплоченностью, небывалым взлетом революционного и национально-освободительного движения, его безраздельной антиимпериалистической и антиколониальной направленностью. Во второй половине 1970-х годов положение стало совершенно иным. Западные державы уже давно восстановили свой экономический потенциал и социально-политическую стабильность, многократно превзошли по своим экономическим и научно-техническим возможностям Советский Союз; нашим акциям в третьем мире активно противостояли теперь не только западные державы, но и Китай, а также прозападные буржуазные круги в развивающихся странах; после достижения политической эмансипации существенно

изменился характер и задачи национально-освободительного движения стран третьего мира, в нем значительно спала интенсивность революционных процессов; Советский Союз обладал уже далеко не тем моральным авторитетом, что после войны. Проведение в этих условиях наступательной стратегии было связано с громадными политическими, стратегическими и экономическими издержками и риском для нас, с ростом военной опасности.

Мы явно недооценили того обстоятельства, что нынешняя зона развивающихся стран была на протяжении XIX и XX столетий невралгическим пунктом мировой политики, и столкновение здесь интересов великих держав явилось одной из важных причин возникновения двух мировых войн. В 1970-е годы эта зона снова стала критической точкой во взаимоотношениях между Советским Союзом и западными державами. Став на ложные позиции «делимости разрядки», мы подвергли самому тяжелому испытанию наши отношения с Западом и к началу 1980-х годов полностью дезорганизовали их. А между тем, вскоре после общеевропейского совещания в Хельсинки, когда началась наша активность в Африке, Запад дал понять советскому руководству, что он готов признать Восточную Европу сферой советского влияния и оставить ее в покое при условии, если Советский Союз не будет продвигаться в другие регионы мира («доктрина Сонненфельдта»). Мы оставили этот сигнал предупреждения без внимания и продолжали наращивать наше наступление в третьем мире. Был упущен исторический шанс сделать разрядку долговременным процессом. Афганистан нанес ей последний смертельный удар. Отныне отношения Восток – Запад вступили в длительную полосу острейшей конфронтации, и нам приходится теперь пожинать плоды собственных ошибок.

Наряду с неверной оценкой глобальной ситуации для проведения наступательной стратегии мы переоценили и историческую готовность бывших колониальных или полузависимых стран – в плане социально-политическо-

го и экономического уровня их развития – к переходу на путь социалистического строительства. Забегание вперед в этом деле вело к дискредитации идей социализма, международным осложнениям и конфликтам. Военными средствами, как показывает опыт, удавалось отрывать отдельные развивающиеся страны от системы империализма. Но как только начиналось их мирное строительство, они оказывались, как правило, в тяжелой экономической и социально-политической ситуации, а ресурсов Советского Союза и других социалистических стран было явно недостаточно, чтобы выправить положение. Выигрыш от нашего наступления в третьем мире, – несколько беднейших стран, вставших на путь социалистической ориентации, но неспособных служить «социалистическими маяками» в этом регионе, – не идет ни в какое сравнение с громадными издержками для нас – отходом Запада от разрядки, его возвратом к методам холодной войны, невиданной эскалацией гонки вооружений, ростом военной опасности и пр. Вместо того, чтобы пытаться перетянуть на свою сторону побольше развивающихся стран, было бы разумнее придерживаться провозглашенного в свое время Яношем Кадаром мудрого принципа: «Кто не против нас, тот с нами». Применительно к третьему миру этот принцип рано или поздно все равно сработал бы против империализма.

В-пятых, следует сказать о больших изъянах в согласовании нашей политической и военной стратегии. Так, разместив на позициях наши новые ракеты средней дальности (называемые на Западе СС-20), мы значительно повысили ядерную угрозу для стран Западной Европы, в то время как нашим главным политическим и военным противником выступают Соединенные Штаты. Этим актом мы заставили западноевропейцев еще теснее сплотиться с США в противостоянии Советскому Союзу, дали им благоприятный повод для санкционирования размещения аналогичных ракет США в Западной Европе. В результате Соединенные Штаты получили громадное стратегическое преимущество по

отношению к Советскому Союзу. Кроме того, это позволило американцам повысить политическую зависимость стран Западной Европы от Вашингтона и консолидировать НАТО. В случае с ракетами СС-20 мы грубо нарушили одну из главных заповедей внешней политики: «прежде чем сделать первый шаг, надо подумать о последнем».

Другим примером неудачного согласования нашей военной и политической стратегии является осуществление в 1970-х годах широкой и дорогостоящей программы строительства океанского военно-морского флота, размеры которого превосходят оборонные потребности Советского Союза. На Западе это было воспринято как доказательство стремления советского руководства создать военные предпосылки для активной глобальной политики и наступления на западные позиции в третьем мире. Это также шло вразрез с интересами политики разрядки.

В-шестых, наш внешнеполитический курс во второй половине 1970-х годов работал против интересов свертывания гонки вооружений и уменьшения угрозы ядерной войны. Наоборот, он все больше провоцировал империалистические круги на форсирование вооружений и перенос их на те направления научно-технического прогресса – в первую очередь в космос, – где Советский Союз существенно уступает Западу. Во второй половине 1970-х годов руководители западной политики осознали, что военно-стратегический паритет не может служить надежным фактором сдерживания, ибо под его покровом Советский Союз оказался в состоянии беспрепятственно осуществлять наступление в третьем мире, завоевывая одну позицию за другой. Это побудило США и их союзников уже в конце 1970-х годов стать на путь отказа от согласованных с Советским Союзом принципов военного паритета и отхода от заключенных на их основе соглашений (ОСВ-1, ОСВ-2). Ловко используя наше стремление удержать за собой военный паритет, Вашингтон стал форсированно поднимать его уровень посредством беспрецедентного увеличения военных расходов

и разработки и наращивания принципиально новых технических средств борьбы и массового уничтожения. То, что мы в парадном духе преподнесли как главное достижение нашей политики в 1970-е годы, обернулось бичом для нашей экономики и безопасности, для международной стабильности. Нашим военно-экономическим возможностям в сопоставлении с западными державами плюс Китаем соответствовал бы принцип не военного паритета, а разумной достаточности, которая обеспечивала бы нанесение США непоправимого ущерба, удерживала бы их от возможного развязывания войны и гарантировала бы нас от политического шантажа. К началу 1970-х годов мы, по всей видимости, уже располагали ракетно-ядерным потенциалом, отвечавшим этим задачам. Было ошибкой и ненужным делом идти дальше в его наращивании до уровня паритета.

В-седьмых, в нашей политике четко проявилась тенденция сводить проблему безопасности и обеспечения мира только к военной области. Тем самым мы игнорировали взаимосвязь разоружения со столкновением политических интересов СССР и Запада в третьем мире, с их вовлеченностью в локальные конфликты и кризисы, с развитием и изменением политического и экономического соотношения сил между ними. Это противоречило основополагающему научному положению о том, что гонка вооружений, как и война, есть продолжение политики иными средствами. Наша внешнеполитическая деятельность избрала путь устранения не политических первопричин, а военных последствий опасного развития противоречий между Советским Союзом и западными державами. Это было все равно, что ставить телегу перед конем. Такой образ действий оставлял мало шансов на успех в деле снижения военно-экономического давления Запада на Советский Союз.

В-восьмых, наша политика явно переоценивала возможности воздействия антивоенного движения общественности в западных странах на правительственные и парламентские круги в интересах достижения целей разоружения. На

эту работу тратились громадные средства и усилия. Но отдача от нее была несоразмерно мала. Правительству США и их союзникам удавалось осуществлять свои планы дальнейшего наращивания военной мощи (как в случае с размещением ракет средней дальности в Западной Европе).

Результатом всего этого явилось весьма тяжелое международное положение, в котором Советский Союз оказался в начале 1980-х годов. Это было вместе с тем следствием застоя в развитии теории внешней политики и международных отношений, приверженности к устаревшим догмам, к «мономышлению», к унификации взглядов и их подгонке к господствующему мнению при выработке и принятии внешнеполитических решений и при оценке результатов их проведения в жизнь. Такое положение не возникло бы, если бы у нас функционировал соответствующий механизм коррекции политики и альтернативные идеи и рекомендации доводились бы до сведения руководства.

Чтобы избежать в дальнейшем повторения подобных явлений, необходимо позаботиться о создании надлежащих условий, которые позволили бы поднять эффективность и результативность нашей внешнеполитической деятельности, вовремя предотвратить неверные шаги и ошибочные действия на международной арене. Путь к этому указывают решения XXVII съезда КПСС, нацеливающие на радикальное повышение роли общественности, человеческого фактора во всех сферах жизнедеятельности советского общества, на новое политическое мышление, предполагающее многовариантность при выработке внешнеполитических решений.

Исходя из этого следовало бы, в первую очередь, наполнить реальным содержанием, как это предусматривает Конституция СССР, деятельность комиссий по иностранным делам Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР, возложив на них контрольные, корректирующие и рекомендательные функции в области внешней политики. Находясь на страже внешнеполитических интересов Советского Союза, они выполняли бы роль

«оппонирующей общественной организации» в отношении Министерства иностранных дел, оказывая ему значительную помощь в подходе к решению задач внешней политики. В рамках этих комиссий, носящих независимый характер, можно было бы создавать в случае надобности специальные подкомиссии для изучения тех или иных внешнеполитических вопросов и ситуаций, подготовки по ним рекомендаций и решений и представления их на рассмотрение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета министров СССР. К работе комиссий и подкомиссий обязательно привлекались бы специалисты и эксперты из научно-исследовательских институтов АН СССР и союзных республик, высших учебных заведений, государственных и выборных органов. Было бы целесообразно регулярно проводить слушания в комиссиях и подкомиссиях об итогах беспристрастных экспертных оценок и изучения тех или иных внешнеполитических вопросов и ситуаций, спорных проблем и публиковать отчеты об этих слушаниях, если они не будут носить конфиденциальный характер.

Проведение указанных мероприятий позволило бы создать для высшего руководства действенные процедуры и гарантии для коррекции политики, предупреждения неверных шагов и принятия взвешенных решений; приобщать к выработке внешней политики широкие круги советской общественности; более широко использовать имеющийся у нас духовный потенциал для усиления результативности внешней политики; значительно поднять моральный авторитет советской внешней политики, доверие к ней за рубежом.

В годы перестройки этот и другие критические демарши, касавшиеся внешней политики, не остались незамеченными. Так, положительно были восприняты многие идеи, содержащиеся в записке. Вместо «военного паритета» со всем Западом, подрывавшего силы Советского Союза, был принят «принцип разумной достаточности» вооружений для обороны и безопасности страны, выведены советские

войска из Афганистана, началось согласование внешней политики с задачами внутренней политики, не стало «доктрины Брежнева», ограничивавшей суверенитет социалистических стран и открывшей перед советским руководством возможность военного вторжения в каждую из них, если оно сочтет это нужным по соображениям защиты установленного в ней строя. Ко всему этому надо добавить, что в марте 1987 г., через месяц после отправки записки, был создан Научно-консультативный совет при МИД СССР, и мне было предложено стать по совместительству его председателем.

Стало обычным обсуждать в СМИ острые проблемы нашей внешней политики. Я это сделал в статье «Восток – Запад: в поисках новых отношений. О приоритетах советской внешней политики», опубликованной в «Литературной газете» 18 мая 1988 г. Она вызвала большой резонанс не только в нашей общественности, но и за рубежом. Достаточно сказать, что ее перепечатал английский журнал «Atlantic Community» (Summer, 1988) и немецкий журнал «Osteuropa» (11/1988). Прореагировали на статью и многие другие западные СМИ. За нее я удостоился чести быть названным лауреатом «Литературной газеты» 1988 года¹.

3. Восход и закат международного проекта «Звезда»

В середине 1974 года центральные комитеты правящих партий государств Варшавского договора по инициативе Москвы приняли решение о создании постоянной международной комиссии, состоящей из специалистов академий наук и институтов министерств иностранных дел этих стран. Этой комиссии было поручено работать над проблемами взаимоотношений Востока и Запада в Европе в политической, экономической и военно-стратегической областях. Результаты совместных исследований с соответствующи-

¹ Литературная газета, 31.12.1988 г.

ми конкретными рекомендациями для внешней политики стран Варшавского договора должны были предоставляться ЦК соответствующих партий. Будучи руководителем отдела международных отношений Института экономики мировой системы социализма Академии наук (в 1991 переименован в Институт международных экономических и политических исследований, я был назначен координатором исследовательской работы в рамках этого конфиденциального проекта (кодовое наименование «Звезда»). Среди участников проекта были видные политологи и экономисты, такие как Г. Джовай, П. Изик Хедн, Л. Киш из Венгрии, В. Хэниш, В. Шпрете, К. Моннтаг, Й. Нитц из ГДР, А. Ротфельс, Й. Симонидес, М. Добросчинский, Б. Рыхловский из Польши, З. Занев, Б. Димова, Н. Заревский из Болгарии, О. Богомолов, И. Орлик, Н. Шмелев, А. Быков, В. Дашичев и пр. из Советского Союза.

Институт экономики мировой социалистической системы занимался экономикой, внутренней и внешней политикой и социально-политическим положением бывших социалистических стран. К советским посольствам и торгпредствам в этих странах были аккредитованы в ранге первых секретарей представители нашего Института. Его директору академику О. Богомолову удалось собрать у себя команду талантливых политологов и экономистов высшей квалификации, которые имели независимые политические и экономические воззрения, отчетливо видели изъяны тогдашней советской экономической и внешней политики и стремились содействовать их устранению. Из их круга вышли позднее видные практики и теоретики реформ: Евгений Амбарзумов, Отто Лацис, Лиля Шевцова, Николай Шмелев, Александр Некипелов и пр. Думаю, я не погрешу против истины, если скажу, что данной командой исследователей в институте Богомолова было разработано много идей и концепций внутренней и внешней политики, которые стали реализовываться после 1985 года при реформировании страны и внесли значительный вклад в избавление от старых догм и извращений советской государственной

идеологии и политики. К сожалению, с приходом Ельцина к власти их новаторские идеи были отвергнуты.

Среди сотрудников международного отдела и отдела социалистических стран ЦК, кто с пониманием и толерантностью относился к новым идеям, нужно добрым словом упомянуть многочисленных консультантов в аппарате ЦК. Среди них прежде всего следует указать Анатолия Черняева, Георгия Шахназарова (оба стали советниками М. Горбачева), Вадима Загладина, Николая Шишлина, Николая Коликова и др. Сотрудники нашего института постоянно контактировали с ними при решении многих вопросов внешней политики. На меня они произвели впечатление людей, всесторонне образованных, с глубокими познаниями и необычайно одаренных. По сравнению с большинством дипломатов в Министерстве иностранных дел, где царил дух Громыко, они казались мне вольнодумцами. Но реальной властью обладали не они, а члены Политбюро и секретариата ЦК. Однако при Горбачеве они сыграли важную роль в перестройке советской внешней политики.

Создание команды ученых для многостороннего научного сотрудничества социалистических стран по проекту «Звезда» во многом произошло по инициативе консультантов ЦК. С помощью данного проекта они преследовали цель использовать относительно независимую и неангажированную академическую исследовательскую среду для того, чтобы получать больше информации с помощью аналитических записок специалистов о национальных интересах стран-членов Варшавского договора в их отношениях со странами Запада и лучше согласовывать эти интересы в совместной политике. Значительным стимулом к этому послужила все растущая дивергенция национальных позиций внутри Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи.

В проекте «Звезда» участвовали прежде всего государства-члены Варшавского договора, за исключением Румынии, руководство которой склонялось к тому, чтобы держаться по возможности в стороне от совместных действий

в рамках Варшавского договора. В Москве даже были рады неучастию Румынии, учитывая многочисленные случаи, когда ее представители передавали на Запад информацию о внутренних делах ОВД. В конце 1977 года круг участников был распространен на страны СЭВ. В соответствии с этим изменились задачи исследовательской деятельности команды. С этого момента в поле зрения ученых попали не только вопросы европейской политики, но и глобальные политические и экономические проблемы.

Сам того не желая, московский ЦК КПСС, создав международный исследовательский проект «Звезда», открыл важный канал для критики тогдашней политики коммунистических ортодоксов в Советском Союзе и других государствах Варшавского договора и СЭВ. «Свободомыслием» особенно отличались венгерские и польские участники проекта. Они ратовали за расширение возможностей здорового национального развития стран ОВД, за расширение простора для реализации их внешнеполитических и внешнеэкономических интересов в отношениях со странами Запада.

Деятельность в рамках проекта «Звезда» продолжалась с 1974 по 1984 гг. За это время исследованию подверглись четыре больших круга проблем. Их результаты были представлены в ЦК соответствующих стран по следующим темам:

- Проблемы взаимоотношений государств двух политических систем в Европе в 1970-е гг. (1977);
- Страны социалистического содружества и трансформация международных экономических отношений (1979);
- Долгосрочная стратегия экономических отношений стран СЭВ с государствами другой политической системы (1982);
- Актуальные проблемы политики стран социалистического содружества в отношении развитых капиталистических стран в 1980-х гг. (1984).

В ходе работы над этими проектами в ЦК партий были предоставлены многочисленные конфиденциальные отчеты

ты об актуальных внешнеполитических и внешнеэкономических проблемах, которые отражали национальные точки зрения отдельных стран. Заседания проходили попеременно в столицах отдельных стран-участниц Варшавского договора и СЭВ.

Мне удалось создать в ходе заседаний неформальную, доверительную, товарищескую атмосферу при обсуждении весьма щекотливых проблем внешней политики. Основным требованиям к составлению заключительного отчета была объективность, тщательный анализ положения и перспектив развития, свобода от идеологических штампов и не боязнь впасть в противоречие с официальной политической линией. Не во всех случаях удавалось достичь этого. Новые, порой неординарные идеи и выводы «мирно сосуществовали» со старыми клише и специфическими оборотами речи, которые могли ублажить слух вышестоящего начальства.

Особое место в работе проекта «Звезда» занимает четвертое исследование. Работа над ним была начата в середине 1982 года, а в начале 1984 года его результаты были отпечатаны брошюрой для служебного пользования тиражом 100 экземпляров, которая была разослана в ЦК участвующих в проекте стран – Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Чехословакии, Советского Союза.

С проектом «Звезда-4» в моей памяти связан один эпизод, который произвел на меня сильное впечатление. Первое заседание многосторонней группы исследователей проводилось осенью 1982 года в Потсдаме. Немецкие организаторы удивили участников рабочей группы тем, что предоставили для нашей работы и проживания гостиницу «Цецилиенхоф», где было подписано Потсдамское соглашение. За несколько дней до начала заседания я в качестве «авангарда» прибыл в Потсдам, чтобы обсудить и согласовать с моими немецкими коллегами повестку дня и регламент заседания. Моим партнером по переговорам был заместитель директора Потсдамского института международных отношений доктор Вернер Хэниш. Он с самого на-

чала был активным участником проекта «Звезда» и пользовался большим уважением среди коллег. Мы тщательно обсудили с ним план нашего заседания и быстро пришли к единому мнению относительно регламента. Во время одного из наших разговоров он спросил меня, не желаю ли я взглянуть на Берлинскую стену, которая проходила неподалеку от «Цецилиенхоф». Естественно, это предложение заинтересовало меня. И вот после работы мы пошли через красивый парк к стене. Моему взгляду предстала унылая картина – болезненный шрам холодной войны, который разделял город на две части. Мне казалось, что безжалостный нож рассек надвое живое тело немецкого народа. Эта разделительная линия была ужасным символом конфронтации Восток – Запад и политики господства. Я попытался представить себе, что почувствовали бы русские, если бы войну выиграли Германия с Японией и провели бы границу сфер их влияния прямо по центру Москвы. Для русских это было бы кошмарной трагедией. А почему немецкий народ должен был страдать от этого раскола? Раскола, который привел к расчленению страны, ее экономики, культуры, науки, а прежде всего – разделению семей, знакомых, друзей, просто людей? Могли ли служить оправданием этой жестокости идеологические или политические причины, какими бы передовыми они ни казались? А какие преимущества получал Советский Союз от раскола немецкой нации? Тяжелое бремя холодной войны, гонки вооружений, милитаризации страны? Низкий жизненный уровень советских граждан? Недопустимую отсталость гражданского сектора экономики? Заколдованный круг имперской политики насилия? Когда я пришел в себя от этих мрачных мыслей и повернулся к Вернеру Хэнишу, мне бросилось в глаза, что при виде стены его лицо наполнилось глубокой печалью и в глазах стояли слезы. Это потрясло меня до глубины души. Мы молча возвращались в «Цецилиенхоф», каждый погруженный в свои мысли. В очередной раз я смог убедиться в том, насколько бесчеловечным и пагубным было разделение

Германии и всего Европейского континента для немцев, для русских, для всех европейцев.

В своих выводах участники исследования «Звезда-4» были очень радикальны. Мне удалось протащить в наши рабочие документы ряд «необычных» идей. Для этого были веские основания: брежневское руководство своей политикой загнало собственную страну и своих партнеров по Варшавскому договору в сложное положение. Размещение на позициях ракет SS-20, ввод советских войск в Афганистан привели к фактическому срыву разрядки в международных отношениях и к опасному усилению гонки вооружений, к ухудшению экономического и внешнеполитического положения стран Варшавского договора, состояние дел которых и без того оставляло желать лучшего. Польшу потряс глубокий политический и экономический кризис. Другие страны Варшавского договора также стояли на пороге аналогичных событий. Внешнеполитические противоречия между Советским Союзом и его партнерами по Варшавскому договору заметно обострились, особенно с Польшей и Венгрией. Население ГДР было крайне обеспокоено размещением советских ракет SS-20 и американских «Першингов» в Европе. Руководство ГДР во главе с Эрихом Хонеккером не могло не учитывать этого факта. В польской и венгерской прессе не было недостатка в заявлениях высокопоставленных политиков, в которых содержалась приглушенная критика действий Советского Союза в странах третьего мира и сомнительных мероприятий советского руководства в военной сфере. Все это побудило меня, будучи руководителем проекта, поставить на повестку дня исследование самых острых вопросов советской политики и изложить их руководству по возможности открыто и без утайки.

Концепция и структура исследования обсуждались и были приняты на заседании в Софии 6 и 7 июля 1982 года. Мой отчет о результатах многосторонней работы по подготовке проекта «Звезда-4» был отослан 27 июля 1982 года Ю. Андропову. В нем, в частности, указывалось: «Согласование за-

дач нашей глобальной политики с реальными внутренними ресурсами и возможностями для ее претворения в жизнь, особенно в развивающихся странах, приобретает принципиально более важную роль по сравнению с 1970-ми гг... Мы дали увлечь себя решением внешнеполитических задач и уделили им непомерно большое внимание в ущерб внутреннему укреплению социалистического общества. На вопрос военного паритета возлагались слишком большие надежды, в то время как значению общеэкономического соотношения сил, которое является системообразующим, уделялось слишком мало внимания. В результате возникла диспропорция между военным и экономическим равновесием в конфронтации стран двух систем. Это может иметь тяжелые последствия – в том числе разрушение общего соотношения сил не в пользу социалистического содружества. Симптомы этого уже заметны... Политика разрядки не была использована для улучшения структуры экономики и для ощутимого поднятия эффективности промышленности и сельского хозяйства. 80 миллиардов долларов западных кредитов не привели ни к какому технологическому прорыву или прогрессу социалистических стран, а стали вместо этого тяжелой обузой для экономики. Устаревший экономический механизм не позволял использовать эти кредиты. Если бы мы заняли 200 миллиардов долларов, результат был бы тем же, если не хуже».

Вывод гласил: Советскому Союзу и другим социалистическим странам нужны полномасштабные глубинные экономические реформы, чтобы ступить на путь интенсивного экономического развития с упором на новые технологии. По нашим оценкам, процесс трансформации экономики мог занять 10–15 лет. В этот период необходимо было бы создать благоприятные внешнеполитические условия для проведения реформ. В противном случае экономические основы внешней политики Советского Союза и его партнеров окажутся в крайне опасном положении и могут быть подорваны.

В этом отчете был назван некорректным и вводящим в заблуждение планирование внешней политики широко распространенный в те годы тезис о том, что доля стран СЭВ в мировом производстве составляла 33 процента. Мы указали на то, что действительные значения этой величины колебались между 15 и 20 процентами.

Важнейшую задачу внешней политики стран-участниц Варшавского договора на 1980-е гг. участники совещания в Софии видели в поисках путей возвращения к политике разрядки в отношениях между государствами, для нивелировки политического, экономического и военного давления США и их союзников на страны социалистического сообщества. Для этого, с нашей точки зрения, была необходима новая формула разрядки, которая отвечала бы интересам обеих сторон и обеспечивала их соблюдение, а также создала бы стабильные основы для *modus vivendi* в отношениях между Востоком и Западом. «Жизненно важным условием для этого, – говорилось в отчете, – является готовность, возможность и умение разрешить противоречия между Востоком и Западом в политическом плане и найти компромисс. Если это удастся, можно будет рассчитывать на достижение договоренностей в области снижения уровня военной конфронтации, разоружения и устранения угрозы войны, снижения экономического давления на социалистические страны. Поэтому представляется важным обозначить основные сферы политических противоречий между Советским Союзом и его партнерами по Варшавскому договору и СЭВ, с одной стороны, и западными державами и их союзниками – с другой, характер и степень остроты этих противоречий, роль объективных факторов и субъективных воззрений, а также неудач и ошибочных расчетов при их развитии. Это могло бы помочь прояснить степень их долгосрочности, насколько они могут быть ослаблены, нивелированы или вообще устранены. Также необходимо получить и разработать четкое представление о наших собственных национально-государственных интересах в рамках социа-

листического развития, ответить на вопрос – какие внешнеполитические цели мы в состоянии достичь и какие из них целесообразны для реализации наших национальных интересов. Необходимо создать реалистичную структуру приоритетов для нашей политики при соблюдении следующих условий: 1) удовлетворение потребностей внутреннего развития социалистического сообщества и 2) нового политического, экономического и военного соотношения сил на международной арене».

В этом отчете особо были подчеркнуты негативные последствия политики Советского Союза в странах третьего мира: «Опыт 1970-х гг. показал, что политика разрядки, весь комплекс взаимоотношений между странами Варшавского договора и НАТО находятся в тесной взаимосвязи с их деятельностью в регионе развивающихся стран. В 1980-х гг. эта взаимосвязь будет выглядеть еще более рельефно. Учитывая это, важно подвергнуть переоценке отношение стран сообщества к военным, территориальным и национальным конфликтам как между развивающимися странами, так и внутри каждой из них. Под этим новым углом зрения необходимо также рассматривать поставки оружия развивающимся странам.

Все эти вопросы должны быть решены под знаком соблюдения ключевых интересов усиления стран социалистического содружества. В более долгосрочной перспективе необходимо будет усилить роль нормальной практики дипломатии и партнерских отношений с развивающимися странами... в 1980-х гг. и в более отдаленном будущем большее значение получат не прямое воздействие и эффект демонстрации успехов или неудач стран социалистического содружества на эти страны в экономическом, технологическом и социальном развитии».

Таким образом была подвергнута критике пагубная политическая и военная деятельность Советского Союза в Анголе, Эфиопии, Йемене, Мозамбике и Афганистане, которая вела к подрыву разрядки и к обострению конфронтации

между Востоком и Западом. Идеи и мысли, высказанные на этой встрече в Софии, стали вектором развития исследовательской работы над проектом «Звезда-4». В центр внимания мы поставили, прежде всего, следующие вопросы: основные черты мирового развития, динамика изменения равновесия и соотношения сил на международной арене, тенденции политики Запада в отношении стран-участниц Варшавского договора и СЭВ, роль развивающихся стран, а также таких факторов, как технологический прогресс, проблемы с обеспечением энергией, сырьем, продовольствием в отношениях между Востоком и Западом. Дискуссия велась вокруг приоритетных направлений внешней политики социалистических стран, возможностей и условий для снижения политической напряженности в отношениях с Западом, о шагах к устранению угрозы войны и к снижению уровня военной конфронтации, о состоянии и перспективах развития экономических, технологических и научных отношений с Западом и пр. Особое внимание было уделено насущной необходимости улучшения внутреннего политического, экономического и социального положения соцстран, а также важности перенесения центра тяжести государственной деятельности советского руководства из области внешней политики и конфронтации с Западом в сферу внутреннего развития страны, для того чтобы устранить хотя бы накопившиеся политические и экономические проблемы. В этом исследовании не было недостатка в критике внешнеполитических догм и ошибочной оценки внешнеполитической ситуации, которые приводили к созданию для народа и страны совершенно ненужной материальной и идейной нагрузки чрезвычайно больших масштабов.

Решающим фактором для состояния и перспектив развития конфронтации Востока и Запада была правильная оценка соотношения сил между соперничавшими державами. Распространенная в то время в советской практике оценка давала в корне неверное представление о том, в какой мере соответствовали целям, преследуемым советским

руководством в глобальном противостоянии с Западом, реальные материальные возможности Советского Союза и его союзников. Обычно для подобной оценки употребляли термины: «соотношение сил между социализмом и капитализмом на мировой арене» или «соотношение между странами двух социально-политических систем». Данные термины были атавизмами сталинской теории о «резервах мировой революции», которые, по его мнению, представляли собой национально-освободительные движения в колониях и коммунистическое и рабочее движения в метрополиях. Сюда также относилось движение за мир и разоружение, которым частично руководили из Москвы. Было нетрудно раскрыть всю непрочность этого обманчивого, опасного для политики и стратегии метода. Об этом – следующий отрывок данного исследования: «Социально-политическая структура в современном мире отличается крайне комплексным характером, разнообразием и неравномерностью. В рамках обеих мировых систем возникло несколько центров силы с образующими их группами государств, а также промежуточные зоны. Переход от двухполярной структуры к многополярной модели стал одной из важнейших тенденций развития мира в послевоенный период. Очевидно, что данная тенденция сохранится и в будущем. При этом нельзя исключать снижение роли некоторых ныне существующих и образование новых центров силы. При оценке соотношения сил необходимо исходить из того, что столкновение двух систем на международной арене прежде всего является борьбой между государствами и их союзами, борьбой, исход которой решается прежде всего использованием государственных ресурсов любого рода.

К факторам, которые необходимо учитывать при оценке соотношения сил, относятся прежде всего экономический и военный потенциал обеих сторон, который подкреплён природными и людскими ресурсами, технологический уровень производства и степень удовлетворения потребностей населения как основа социально-политической стабильно-

сти. Путем сравнения этих важнейших параметров и с помощью оценки их возможного изменения можно установить в долгосрочной перспективе ожидаемую динамику изменения соотношения сил между различными центрами и государствами обеих политических систем.

При этом необходимо принять во внимание то, что в рамках системы социалистических государств существуют силы, которые настроены дружелюбно по отношению к странам-участницам Варшавского договора, силы, которые можно охарактеризовать как нейтральные (Югославия, Северная Корея), а также такие, которые ведут себя недружелюбно (Китай, Албания). Будущее поведение Китая представляется нам довольно непредсказуемым. Однако совершенно очевидно, что он и в будущем будет выступать как самостоятельная держава, которая будет оставаться за пределами социалистического содружества... Многополярная структура современного мира порождает вопрос о соотношении сил между капитализмом и социализмом совершенно по-новому. Совершенно ясно, что в принципе было бы возможно сравнить на основе военного, экономического и прочих критериев всю совокупность стран социалистической системы со всеми несоциалистическими государствами. Но результаты такого сравнения систем, которые состоят из центров силы с совершенно различными, даже противоположными интересами, вряд ли сумели бы отразить реальное соотношение сил. Лучшее представление об этом можно получить, если сравнить экономический потенциал всех стран СЭВ (или его европейской части) со странами Организации экономического сотрудничества и развития или же с тремя ведущими западными центрами (США, ЕС и Япония). В военном отношении следует рассматривать страны-участницы Варшавского договора с одной стороны и страны НАТО вместе с Японией и Китаем с другой... В конце концов, для определения перспектив конфликта между двумя системами решающее значение имеет сопоставление материальных ресурсов государств

Варшавского договора и держав, прямо или косвенно им противостоящих».

Как выглядело в то время это сравнение? Проиллюстрируем это на базе основных данных, содержащихся в исследовании:

По результатам сравнения валового внутреннего продукта три вышеуказанных западных центра силы превосходили европейские страны СЭВ к концу 1970-х гг. примерно в три раза, при этом одни США превосходили примерно в 1,5 раза, а страны ЕС – в 1,2 раза.

По валовому внутреннему продукту на душу населения страны Организации экономического сотрудничества и развития превосходили европейские страны СЭВ примерно в два раза, а США даже в три раза.

Материальные возможности европейских стран СЭВ характеризовались прежде всего их долей в мировом валовом внутреннем продукте. В 1980 году он распределялся следующим образом: Советский Союз и европейские страны СЭВ – 15,3 процента, страны Организации экономического сотрудничества и развития – 65 процентов, из них на долю США приходилось 23 процента, ЕС – 17 процентов, Японии – 8 процентов.

Особенно важным для сравнения политического потенциала держав был их уровень технологического развития. У Запада было огромное преимущество в развитии технологического потенциала. В исследовании отмечалось: «Несмотря на то, что странам социалистического содружества удалось достичь поразительных успехов и достичь мирового уровня в отдельных сферах науки и ее прикладной части (прежде всего в военной области и авиакосмической сфере), во многих видах производства остается колоссальный “разрыв” в пользу Запада. В настоящее время менее 1/5 всех производимых в странах СЭВ станков и оборудования отвечают мировым стандартам. Несоизмеримо мала доля стран СЭВ в поставках оборудования и станков на мировой рынок. В 1970-е гг. она заметно сократилась

и составила к 1980 году всего 2,3 процента. В то время, как европейские страны СЭВ в начале 1970-х гг. отставали от развивающихся стран в вывозе станков и оборудования на Запад примерно на 15 процентов, то к 1980 году это отставание увеличилось более чем в четыре раза. В качестве прямого следствия технологического “разрыва” и отсталого экономического механизма, не соответствовавшего потребностям мирового экономического развития, возникло существенное отставание стран СЭВ от стран Запада в области производительности труда и эффективности производства. Так, США превосходили европейские страны СЭВ по этому показателю в 2,5 раза, страны ЕС – в 1,7 раза... Во второй половине 1970-х гг. совокупное среднечеловеческое потребление населения в Советском Союзе составляло лишь 36 процентов по сравнению с этим показателем в США, в том числе 54 процента по продуктам питания, 41 процент по текстилю, 13 процентов в области товаров длительного пользования, 20 процентов в жилье».

В данном исследовании указывалось на то, что экономическое и технологическое отставание Советского Союза от западных стран в будущем будет только усиливаться. Ибо темпы роста советского производства, особенно в гражданских отраслях экономики, падали год от года. В 1950-х гг. они составляли 9,5 процента, в 1960-х гг. – от 6 до 7 процентов, в 1970-х гг. – 4,5 процента, в начале 1980-х гг. – уже всего 3 процента. Такая же ситуация наблюдалась и в других государствах СЭВ. В этой связи мы констатировали: «Падение темпов экономического роста стран СЭВ, потеря динамики их экономического развития, которые обусловлены многочисленными факторами, негативно сказываются на соотношении сил между ними (странами СЭВ) и западными государствами. Особенно тяжелые последствия подобного развития следует ожидать в будущем».

Исходя из этого, читатели данного исследования не могли не понять, какими негодными и одновременно недопустимыми средствами советское руководство проводило свою

глобальную политику. Это вело к опасному нарушению всех правил политического здравомыслия.

Мессианская политика господства, которую проводил Советский Союз и которая привела к холодной войне и всемирной гонке вооружений, стоила человечеству невероятных объемов непродуктивного использования ресурсов и финансовых средств. С 1949 до конца 1970-х гг. военные расходы по всему миру выросли со 125 до 560 миллиардов долларов. Это составляло 6 процентов мирового валового внутреннего продукта. Для сравнения: в период между двумя мировыми войнами этот показатель никогда не поднимался выше трех процентов. При этом следует заметить, что в то время значение мирового ВВП было значительно ниже, чем в 1980 году. С 1980 года кривая графика военных расходов по всему миру пошла резко вверх. В 1982 году это значение достигло отметки почти 750 миллиардов долларов, что составляло 7 процентов прироста по сравнению со средними темпами роста около 2 процентов во второй половине 1970-х гг. Это было напрямую связано с растущей советской экспансией в то время.

Доля мировых военных затрат в 1979 году составляла для стран НАТО около 43 процентов, а для стран Варшавского договора – 26,4 процента. Финансовая нагрузка для Советского Союза была при этом несравненно выше, чем для США. Доля Америки в военных затратах НАТО составила в 1982 году 54 процента, в то время как соответствующая доля Советского Союза во всем Варшавском договоре приближалась к отметке в 90 процентов. О том, насколько тяжелым было бремя военных расходов для экономики Советского Союза в 1982 году, свидетельствуют данные о доле военных расходов в валовом внутреннем продукте. Для Советского Союза это значение составляло порядка 10–15 процентов, для США же всего 5,2 процента, для Англии 4,9 процента, для Франции 4 процента, для Федеративной Республики Германия 3,3 процента, для Японии – менее одного процента.

Данный сравнительный анализ не оставлял сомнений в том, что у советского руководства не было никаких шансов выдержать в долгосрочной перспективе конфронтацию с Западом и что существовала острейшая необходимость найти приемлемый выход из этого отчаянного положения, в котором оказалась страна. Десятилетиями советские властители пытались решить эту проблему исключительно в военном ключе путем разговоров о разоружении и договоренностей с США и их партнерами. Это принесло некоторые частичные успехи и послабления в виде ограничения вооружений. Но бессмысленная гонка вооружений, тем не менее, продолжалась.

Исследование «Звезда-4» содержало ряд новых нестандартных советов и концепций по проблеме разоружения. Помимо всего прочего, обращалось внимание на следующее: «Радикального ограничения масштабов военной конфронтации и сокращения гонки вооружений можно достичь путем выравнивания фундаментальных политических интересов в отношении стран НАТО и Варшавского договора. Но это ни в коей мере не означает, что переговоры между Востоком и Западом с целью заключения соглашений в сфере разоружения исключены даже при отсутствии сбалансированности взаимных политических интересов... В свете современного неустойчивого положения мероприятия стран НАТО и Варшавского договора, предпринимаемые для предотвращения внезапного нападения одной из сторон, возникновения конфликтных ситуаций, ведущих к войне, особенно по воле случая или из-за ошибочных расчетов, из-за человеческого фактора или вследствие неконтролируемого развития ситуации, выходят на первый план наших возможных инициатив.

Одним из таких мероприятий могло бы стать создание постоянной контактной группы, состоящей из представителей штабов и секретариатов НАТО и Варшавского договора. Задачами данной контактной группы могли бы стать оперативное решение текущих вопросов безопасности

обоих союзов, созыв заседаний экспертов по соответствующим вопросам, а также выработка совместных мнений сторон и согласование совместных действий по укреплению двусторонней безопасности и сглаживанию возникающих разногласий. Один только факт создания подобной группы мог бы внести существенный вклад в укрепление взаимного доверия и предсказуемости в отношениях между странами НАТО и Варшавского договора. Это могло бы подготовить почву для более широких и детализированных соглашений между двумя союзами относительно взаимной безопасности».

Помимо прочих возможных мероприятий в данном направлении, в исследовании были указаны следующие шаги:

- Дальнейшее усовершенствование условий и требований для создания соглашения между НАТО и Варшавским договором о взаимном ненападении, неприменении насилия по отношению друг к другу и к третьим странам, а именно по отношению к странам, не входящим в рамки данного соглашения;
- Дальнейшая разработка двусторонних мер по укреплению доверия (уведомления о маневрах, учениях, перемещениях войск, вооружений, обмен наблюдателями при проведении военных учений, обмен военными делегациями, улучшение условий для проведения инспекций на местах и пр.);
- Разработка и применение совместных мер по предотвращению опасных инцидентов, ложной тревоги и ошибочных сигналов для военных структур;
- Создание «горячей линии» непосредственно между верховными главнокомандующими и начальниками штабов стран НАТО и Варшавского договора.

Для 1982 и 1983 гг., когда напряженность между Востоком и Западом была еще на пределе и советское руководство считало НАТО олицетворением величайшей опасности для советской России и ее союзников, эти предложения выглядели в высшей степени «революционными». Лишь во

времена перемен при Горбачеве их насущную необходимость наконец признали и они были взяты на вооружение.

В данном исследовании была наглядно продемонстрирована пагубность и ошибочность для Советского Союза доктрины «стратегического паритета». Данную любимую доктрину Брежнева, который всегда питал слабость к лицемерным «успехам» и большому эффекту от демонстрации мощи, советская пропаганда выставила в таком свете, как будто она представляла собой крупнейшее внешнеполитическое достижение и демонстрировала мудрость партийного руководства, а также служила доказательством неисчерпаемых возможностей Советского Союза, который без проблем мог на равных состязаться с Западом в гонке вооружений. В действительности же она повергла страну при неблагоприятных экономических условиях и соотношении сил в безнадежную изматывающую конфронтацию с США и их союзниками. Путем наращивания уровня вооружений, особенно в сфере новых технологий наступательных и оборонительных вооружений, а также противоракетной обороны США, применяя испытанную стратегию изматывания, заставляли Советский Союз напрягать последние усилия и фактически «вооружиться до смерти». В данном исследовании содержались рекомендации принять вместо доктрины «стратегического паритета» «концепцию достаточности», что могло позволить вывести мощь и качественную составляющую вооруженных сил стран Варшавского договора на соответствующий уровень с требованиями военной и политической безопасности этих стран, снять излишнюю нагрузку с их экономик и лишит тем самым США и НАТО возможности навязывать Советскому Союзу свою волю. Переход советского руководства к «концепции достаточности» мог бы создать больше шансов вывести переговоры о разоружении и безопасности из того тупика, в котором они находились уже не одно десятилетие. Попытка радикального решения проблемы разоружений в Европе споткнулась не только о политически-идеологические препятствия, но

также из-за многократного перевеса стран Варшавского договора в сухопутных силах. Для специалистов это было очевидно. Однако советское руководство никак не хотело признавать этот факт. Поэтому большинство советских инициатив по снижению военной угрозы и по укреплению безопасности в Европе – как, например, вывод с континента тактических ракет и ракет средней дальности, отказ от упреждающего ядерного удара, создание безъядерных зон и пр. – были по большому счету только пропагандой. Запад противопоставил перевесу Советского Союза в обычных вооружениях ядерный потенциал. Поэтому было совершенно бесперспективно пытаться совершить радикальный прорыв в переговорах о разоружении. Это вредило не только интересам мира и безопасности в Европе, но и насущным интересам и потребностям Советского Союза. Для чего ему нужен был многократный перевес в обычных вооружениях? Он разве не мог ограничиться простым равновесием, которое уже само представляло чрезмерную нагрузку для его экономики?

В этой связи в исследовании подчеркивалось: «Определенные условия для создания такого равенства обсуждались уже на переговорах в Вене. Поэтому нет необходимости начинать все с нуля. Помимо этого необходимо принять во внимание тот факт, что в последние годы в странах НАТО росла тенденция усиления обычных вооружений альянса до такого уровня, чтобы они были способны выполнять задачи как оборонительного, так и наступательного характера с далеко идущими целями... Европейская группа стран НАТО, руководство бундесвера, а также Министерство обороны Федеративной Республики Германия, равно как военные круги других стран – членов НАТО многократно выступали за сильную оборонительную армию, состоящую из обычных вооружений. Также “План Роджерса” представляет собой движение в этом направлении, таким образом, эта идея со временем может стать весьма привлекательной также и для Вашингтона, поскольку ее реализация могла бы

позволить в значительной степени переложить бремя военных затрат на плечи европейцев и одновременно увеличить “порог безопасности” самих США. Европейские же страны смогли бы достичь большей степени безопасности от опасности ядерной войны путем увеличения своего участия в деятельности НАТО в плане финансов и численности задействованных лиц. В этом случае увеличение военных расходов могло бы полностью оправдывать жизненные интересы западноевропейских государств. Учитывая эту ситуацию, у новой инициативы стран-участниц Варшавского договора относительно реализации “нулевого варианта” в области ядерного разоружения в Европе, который находится в неразрывной связи с равновесием в области обычных вооружений в плане численности персонала и военной техники, намного больше шансов на успех. Она может рассчитывать на поддержку в кругах НАТО и на положительную реакцию в западноевропейской общественности... В случае положительной реакции на Западе это предложение могло бы, с другой стороны, позволить снизить уровень военной конфронтации между двумя великими державами и укрепить взаимное доверие в Европе, однако прежде всего оно могло бы создать благоприятную почву для вывода американских ракет средней дальности с Европейского континента... Продвижение в этом, как кажется, центральном направлении в деле снижения военной напряженности между Востоком и Западом облегчило бы поиск совместных решений в области ограничения и снижения уровня стратегических вооружений между США и Советским Союзом. Остается также надеяться, что таким образом в процессы ядерного разоружения будут вовлечены и другие ядерные державы и регионы». Тогдашнее советское руководство осталось глухим к подобным предложениям. Только во времена Горбачева стали известны реальные данные о ненужном многократном превосходстве СССР в обычных вооружениях, особенно в танках. Это превосходство, как камень, тащило на дно советскую промышленность и общество. Оно имело

смысл для Советского Союза в первые годы после окончания Второй мировой войны, когда Сталин пытался противопоставить ядерной мощи США огромные сухопутные силы. До 1950 года он держал под ружьем более 8 миллионов человек. В 1970–1980-х гг., когда между Западом и Советским Союзом было установлено относительное равновесие в ядерных вооружениях и когда война потеряла свое значение как рациональное средство для достижения политических целей, функция сухопутных сил в корне изменилась. Но тогдашнее кремлевское руководство закрывало на это глаза и не делало ничего для того, чтобы освободить свою страну от груза нереально раздутых сухопутных сил.

В проекте «Звезда-4» критическому анализу прежде всего подверглись политические основы внешней политики советского руководства. «Сфера политических отношений является определяющей для формирования всего комплекса отношений между странами социалистического содружества с государствами капиталистического Запада. От того, какая ситуация будет складываться вокруг политических взаимоотношений между Востоком и Западом, зависят вопросы войны и мира, возможность разоружения, условия экономических взаимоотношений и пр. Ибо война, гонка вооружений и все виды давления – в военном, экономическом, технологическом, внешнеполитическом, пропагандистски-психологическом отношениях – все они являются продолжением политики другими средствами. Они являются последствиями и результатами развития политических противоречий. Для решения фундаментальных проблем отношений государств двух разных систем – устранения опасности ядерной войны, ограничения вооружений, обеспечения стабильных основ мирного сосуществования – прежде всего необходимо устранить политические причины этих явлений, т. е. найти пути преодоления противоречий и разногласий и нахождения надежных политических компромиссов».

Но чего требовало выравнивание политических интересов? Как оно могло быть реализовано? Что могло побудить

в то время Запад отойти от режима конфронтации? Где находились границы политического примирения для советского руководства и где – для руководства стран НАТО? Это были основополагающие вопросы, которые ждали своего решения. Для создания условий для политического примирения было прежде всего необходимо лишить ореола непогрешимости теорию классовой борьбы, которая служила для оправдания советской мессианской экспансии. Авторы исследования исходили из того, что в эпоху ядерного оружия догма о классовой борьбе во внешней политике вела к опасным извращениям, которые угрожали существованию всего человечества. Для того чтобы подтвердить этот тезис и сделать его более убедительным в глазах партийного руководства, авторы сослались, как это обычно происходило в подобных случаях, на Ленина, который однажды подчеркнул, что «интересы общественного развития стоят над интересами пролетариата».

Данная прагматическая критика послужила началом позднейшей деидеологизации советской внешней политики. Она привела к признанию базовых принципов международного права и морали, действовавших в международном сообществе. В исследовании указывалось на необходимость того, чтобы Советский Союз привел характер, методы, масштабы и направление внешнеполитической конфронтации в соответствие с основополагающими требованиями нашего времени, а именно с необходимостью предотвращения ядерной катастрофы и обеспечения стабильных основ мирного сосуществования и сотрудничества стран двух систем. В действительности это означало переоценку принципов, содержания и целей советской внешней политики и ее включение в рамки признанных мировых норм международного права.

Также было важно окончательно распрощаться с устаревшей внешнеполитической практикой времен Сталина и его последователей, которая выражалась в «разжигании противоречий между империалистами и игре на них», и перейти

к ответственной и основанной на сотрудничестве мирной и обеспечивающей безопасность политике. В исследовании говорилось: «Величайшие шансы в современной ситуации обещает не игра на противоречиях между США и Западной Европой и вообще между западными странами, а реальная инициатива и конкретные шаги, которые могут пробудить на Западе жизненный интерес к возобновлению всестороннего сотрудничества с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества». Выравнивание спектра политических интересов между Советским Союзом и западными державами зависело от многих объективных и субъективных факторов. Среди них в исследовании указывались следующие:

- Цели и приоритеты внешней политики и характер ее реализации;
- Самая тесная взаимосвязь внешней политики с внутренним развитием страны (социально-политическое общественное устройство, роль правящих элит, особенности их руководства, значение национальных традиций и развития, политическая культура, состояние экономики, уровень природных ресурсов, характер принятия внешнеполитических решений и пр.);
- Влияние идеологии;
- Союзнические отношения с их обязательствами;
- Влияние действий в развивающихся странах на отношения между Востоком и Западом;
- Влияние глобальных проблем;
- Значение международного и внутривнутриполитического авторитета.

Как же можно было привести эти, на первый взгляд, столь различные факторы к единому для стран НАТО и Варшавского договора знаменателю? Прежде всего, необходимо было держать перед глазами важнейшие аспекты взаимоотношений. С точки зрения авторов исследования, в перспективе, в 1980-х гг. обозначились следующие векторы развития:

- Отказ от применения силы;
- Взаимное соблюдение национально-государственных интересов;
- Взаимное невмешательство во внутренние дела и во внутренние дела третьих стран;
- Принцип неприменения силы в отношении третьих стран, будь то в рамках двусторонних союзных отношений в НАТО или Варшавском договоре, а также в отношении стран движения неприсоединения или нейтральных государств;
- Отказ от односторонних преимуществ;
- Ненарушение взаимных интересов;
- Обеспечение равной безопасности;
- Сдержанность во внешней политике;
- Быстрое разрешение международных конфликтных ситуаций, где бы они ни возникали;
- Постоянное проведение политических консультаций.

Признание и соблюдение этих принципов в событиях на международной арене могло способствовать возобновлению политики разрядки с обеих сторон и ко всеобщему восстановлению доверия в отношениях между Востоком и Западом. Особое значение имело невмешательство во внутренние дела третьих стран, а также неприменение насилия внутри обоих блоков. Что касается внешней политики Советского Союза, то это непосредственно касалось «брежневской доктрины». В исследовании вопрос в итоге сводился к следующему: «В какой степени можно рассчитывать на то, что правящие круги США и западноевропейских стран согласятся на признание данных принципов, на их соблюдение и на основополагающее соотнесение своих политических интересов с интересами государств-членов Варшавского договора?» Ответ гласил: «В современной ситуации невозможно ожидать со стороны США решения основополагающих проблем взаимоотношений Востока и Запада на основе международного политического статус-кво на базе ситуации 1970-х гг. Позиция западноевропейских

союзников США по этому вопросу может не быть такой бескомпромиссной, несмотря на то, что они в качестве предварительного условия для возобновления нормальных отношений с Советским Союзом и другими странами Варшавского договора [выдвинули] ряд требований политического и военного характера... в том случае, если удастся найти новые компромиссы между странами НАТО и Варшавского договора при условии соблюдения приведенных выше признанных во всем мире правил поведения, особенно в отношении стран третьего мира, то можно будет надеяться в долгосрочной перспективе на создание стабильных основ мирного сосуществования и возврата к новой фазе стабильной политики разрядки». Таким образом, недвусмысленно было указано на то, что окончание конфронтации между Востоком и Западом, а также процесс разоружения были невозможны до тех пор, [пока] существует насильственно утвержденный Сталиным в Европе после окончания Второй мировой войны миропорядок. Этот порядок прежде всего зиждился на разделе всего континента и Германии при советском господстве в Восточной Европе. Как можно было преодолеть это состояние? В начале 1980 года это казалось невозможным даже в долгосрочной перспективе. Тогда, в конце концов, все зависело от того, будет ли снята напряженность с враждебных отношений между Востоком и Западом и будет ли осуществлен переход к новому этапу разрядки в отношениях между государствами. С моей точки зрения, необходимо было искать решения, с помощью которых можно было привести к единому знаменателю основополагающие политические интересы стран Европы для того, чтобы закончить холодную войну.

Конечный результат исследования никак не вязался с привычным мировосприятием партийных олигархов. В нем содержалось много новых идей, которые я изложил еще в 1982 году в моем меморандуме Андропову. Наши немецкие коллеги выразили опасения, что руководство ГДР во главе с Хонеккером не примет исследование в предложен-

ной редакции, и мало кто отважится передать этот документ в секретариат ЦК Социалистической единой партии Германии. Поэтому была предложена и принята следующая процедура: каждая национальная группа исследователей составит на основе совместного исследования свой собственный отчет и предоставит его руководству своей страны. Само же исследование могло служить рабочим материалом для сотрудников ЦК.

Среди сторонников жесткой линии в ЦК КПСС проект «Звезда-4» вызвал негодование, особенно у секретаря ЦК и начальника Отдела социалистических стран Константина Русакова, который принадлежал к ближайшим соратникам Брежнева. Это, в конце концов, привело к роспуску международной команды исследователей и к свертыванию проекта «Звезда» в темную эру правления Черненко, которая пришла на смену короткому периоду предреформенного времени переосмысления и мужественного обновления, которые проводились при Андропове.

Безо всякого сомнения, данное исследование оставило глубокий след в сознании тех, кто оказался с ним знаком. Даже из советского Министерства обороны до меня доходили позитивные отклики тех, кто был в состоянии правильно оценить и понять суть происходящего. В ходе перестройки многие идеи из интеллектуального наследия проекта «Звезда» были реализованы на практике.

4. Европа не должна существовать между молотом и наковальней. Советско-американские дискуссии в 1988 и 1989 годах

Дипломатия США и Советского Союза сделали во время холодной войны немало, чтобы сгладить острые углы конфронтации Восток – Запад и не допустить открытого столкновения между США и СССР. Однако к середине 1980-х годов относительная международная стабильность,

покоившаяся на «равновесии ядерного страха», не могла больше отвечать национальным интересам СССР, вступившего в стадию глубокой системной трансформации, которая призвана была привести к коренному демократическому обновлению социалистического строя и прекращению опасной конфронтации на международной арене.

Тогда во главу угла советской политики выдвинулась проблема прекращения холодной войны и гонки вооружений, непосильно обременявших экономику страны и ее общество. Одновременно активизировались поиски путей перехода к новому европейскому порядку, свободному от конфронтации между двумя частями континента. Решение этой проблемы зависело непосредственно от достижения баланса политических интересов между США и СССР, странами Востока и Запада Европы.

Правда, к концу 1980-х годов казалось, что официальная советская дипломатия исчерпала ресурсы для достижения на этом пути ощутимых результатов. Дело заключалось, собственно, в том, чтобы разрешить кардинальные вопросы – установить равноправные, партнерские отношения между СССР и центрально- и восточноевропейскими странами без советского диктата, а также преодолеть раскол Германии. Это предполагало радикальный отход от сталинизма в советской внешней политике. Такими представлялись тогда главные предпосылки для свертывания холодной войны.

Однако кто из советского Министерства иностранных дел посмел бы в то время начать, например, конкретный разговор об объединении Германии? Никто не решился бы взять на себя такую ответственность, хотя глубокий перелом в советской внешней политике, в том числе по германскому вопросу, был совершенно необходим в интересах успешного социально-политического и экономического преобразования и развития СССР, для продвижения к новому мирному порядку в Европе и преодоления глобальной конфронтации.

Для реализации такого поворота требовались идеологическая незашоренность и непредвзятость, немалое мужество

и правильное понимание национальных интересов как собственных, так и других европейских стран. Вот почему выбор возможностей сбалансирования внешнеполитических интересов США и Советского Союза стал не только делом дипломатов. Его поручили и ученым, которые были намного более свободны и раскованны в своих суждениях и рекомендациях руководству, чем официальные министерские работники.

В середине 1988 г. по инициативе Москвы был начат советско-американский диалог на тему «Значение и роль Восточной Европы для устранения напряженности в отношениях между США и Советским Союзом». Со стороны СССР ведущую роль в этом диалоге играл Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) Академии наук, возглавлявшийся академиком О. Богомоловым, а со стороны США – Институт по исследованию изменений в системе международных отношений Колумбийского университета. От США в диалоге участвовали видные политики и политологи – З. Бжезинский, С. Тэлбот, З. Биалер, Д. Браун, У. Гриффитс, Ч. Гати, А. Стент, послы США в Праге и Бухаресте – У. Люэрс и М. Пальмер и др. С советской стороны – О. Богомолов, И. Орлик, В. Дашичев, А. Некипелов, Р. Гринберг, Е. Волкова, Л. Шевцова, А. Язькова и другие сотрудники ИЭМСС. Дискуссии состоялись в июле 1988 г. в Вашингтоне и в июле 1989 г. в Москве.

Мне как заведующему отделом международных отношений ИЭМСС было поручено возглавить подготовку дискуссионного доклада «Меняющаяся Европа – советский и американский подходы». Кроме меня, в его написании приняли участие Е. Волкова, Л. Шевцова и А. Язькова. Он носил конфиденциальный характер и не предназначался для публикации или цитирования. Американская сторона не представила доклад и ограничилась выступлениями на заседаниях. Отчет о первом заседании в Вашингтоне был опубликован в журнале «Problems of Communism» (май–август 1988 г.). Для него наша сторона подготовила специальный доклад с основными идеями для дискуссии.

Ныне советско-американские дискуссии тех лет о будущем устройстве Европы и мира представляют большой научный и политический интерес. Как же мыслилось новое мироустройство в нашем дискуссионном докладе? Мы исходили из того, что демократические реформы в СССР, сопровождавшиеся глубокой трансформацией государственной системы в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), могут привести к возникновению качественно нового европейского порядка, к преодолению раскола континента на враждующие лагеря. Провозглашенный руководством М. Горбачева принцип свободы стран ЦВЕ в выборе своего пути развития открывал реальные возможности устранения причин холодной войны и гонки вооружений. Эти страны не должны были больше подвергаться диктату и насилию извне, откуда бы они ни исходили.

Раздел Европы на сферы влияния и блоки между США и СССР рассматривался как опасный анахронизм. Обе сверхдержавы должны были позаботиться о том, чтобы переход Европы к новому порядку протекал мирно, не подвергая опасности международную стабильность. Восприятие Европы как региона соперничества между ними должно было отойти в прошлое. Попытки той или иной стороны злоупотребить в своих политических интересах трансформационными процессами в странах ЦВЕ были чреваты опасной дестабилизацией обстановки на континенте. Для мирной трансформации Европы были необходимы добрая воля, отход от конфронтационного мышления холодной войны, сдержанность и ненанесение ущерба друг другу.

Лучшим для объединения Европы было бы последовательное сближение ее обеих частей на основе теории конвергенции. Образцом создания новой Европы («общеевропейского дома») мог бы послужить Европейский союз. Запад не должен был препятствовать стремлению России к возвращению в европейскую цивилизацию. США и Канада рассматривались нами как неперенные участники международных процессов в объединенной Европе. Для достиже-

ния ею единства было обязательно постепенное преодоление раскола Германии и создание в конечном счете единого германского государства.

Во время вашингтонской встречи З. Бжезинский заявил: «Я внимательно прочитал доклад, подготовленный как база для наших дискуссий. Должен сказать, что я согласен с многими содержащимися в нем идеями»¹. Однако центральный пункт этого документа – военная интервенция Советского Союза в ЦВЕ больше никогда не повторится – он счел за утверждение, не заслуживающее внимания и доверия. И ошибся.

Американские позиции относительно положения в странах ЦВЕ во многом совпадали с нашими. З. Бжезинский обрисовал общие моменты развития восточно- и центрально-европейских стран после войны, выделив в особый раздел шесть пунктов.

- Восточная Европа играет важную роль во взаимоотношениях между США и СССР. Развитие противоречий между ними в связи с этим регионом привели к холодной войне. Решающее значение для ее возникновения имело расширение коммунистической системы на Восточную Европу в результате насильственной политики Сталина. Эта система лишена легитимности, так как народы, которым она была навязана, не могут сами свободно определять свою судьбу.
- Восточноевропейская система неэффективна в социальном, экономическом и политическом отношении, не может удовлетворить потребности человека и обеспечить необходимый жизненный уровень. Это привело к кризису коммунистической идеологии, к возникновению ревизионизма в партийных элитах и к социальным волнениям в регионе.
- Экономические реформы в Восточной Европе не могут быть успешными без сотрудничества с Западом

¹ Problems of Communism, May-August 198. P. 68.

и без западной помощи. Но 70 млрд долларов, предоставленных в качестве кредита странам Восточной Европы в 1970-е годы, не привели к модернизации их экономики и повышению ее конкурентоспособности. Они были растражены без пользы. Повинна в том не только экономическая, но и политическая система этих стран. Не создав хорошо функционирующую плюралистическую систему, они не смогут преодолеть социально-экономические трудности.

- Нынешние тенденции развития Восточной Европы потенциально опасны для стабильности отношений Восток – Запад. Восточная Европа постепенно сползает в классическую ситуацию предреволюционного кризиса. Для него имеются объективные и субъективные предпосылки.
- Никто не заинтересован в революционном взрыве в Восточной Европе. Он очень сильно повредил бы советско-американским отношениям. И советская военная интервенция с целью подавления революционных восстаний имела бы тяжелые последствия не только для отношений Восток – Запад, но и для политических реформ в СССР. Тревожный парадокс заключается в том, что широкое распространение сознания о военном невмешательстве Советского Союза может повысить вероятность революционных восстаний.
- Было бы в интересах стран Восточной Европы, отношений Восток – Запад, особенно США и СССР, чтобы глубокие преобразования в регионе протекали мирно. Поэтому большое значение имеет сохранение обоих союзов – ОВД и НАТО. При поддержке с их стороны должны проходить политические преобразования в Восточной Европе. Восточноевропейцам следовало бы предоставить право по своему усмотрению решать судьбу социализма и, если они захотят, заменить его другой системой. «Свободно выбранный социализм в Восточной Европе, – сказал З. Бжезинский, – может

представлять собой в определенном смысле нечто совершенно другое, что существовало там десятилетия и что будет развиваться в Советском Союзе»¹. По его взглядам, это отнюдь не должно было противоречить национальным интересам СССР: «Легитимный, в полной мере легитимный советский интерес состоит в том, чтобы Восточная Европа в геополитическом отношении не вела себя враждебно по отношению к Советскому Союзу. Но Восточная Европа только тогда не будет геополитически враждебной ему, когда она перестанет принуждаться к идеологическому сервилизму и имитированию (советской) системы, что ведет к политическим и социальным волнениям»².

В дискуссиях были затронуты и проблемы безопасности при преобразовании Европы. В этой области мы могли констатировать определенное сближение наших позиций. В представлении американских коллег, настало время энергично продвинуть вперед переговоры о сокращении стратегических вооружений и обычных вооруженных сил, чтобы смягчить последствия раскола Европы на два блока. Это вполне совпадало с нашим убеждением: изменяющаяся Восточная Европа может перестать быть главным источником раздора между США и СССР. Так могут возникнуть важнейшие предпосылки для прекращения холодной войны и возникновения нового, мирного порядка в Европе.

Ниже следует дискуссионный доклад советской стороны.

Меняющаяся Европа: советский и американский подходы

1. На протяжении многих десятилетий после Второй мировой войны стержнем мировой политики являлись отношения государств двух систем, прежде всего их лидеров – Соединенных Штатов и Советского Союза, между которыми установилось глобальное соперничество. Главным полем их

¹ Problems of Communism, May-August 1988, p. 69.

² Ibid., p.70.

противоборства выступала Европа. Поньше существует мнение, что США и СССР как «сверхдержавы» обречены на то, чтобы быть глобальными соперниками. С этим мнением вряд ли можно согласиться. Феномен глобального противостояния – и правомерность наличия у СССР и США всеохватывающих, глобальных интересов, – если и был некогда в чем-то оправдан и объясним, то ныне это явление можно рассматривать как анахронизм. Вряд ли даже таким мощным державам, как США и СССР, под силу то перенапряжение, которое вызывает бремя вовлеченности – всеми компонентами своего потенциала – в дела всех регионов мира. И нужно ли это? Ведь в конечном счете могущество и международные позиции государства определяются не его прямым или косвенным присутствием везде и всюду, а эффективностью внутреннего экономического, политического и социального устройства.

И уже никак неприемлем ныне подход к Европе как к зоне чьего бы то ни было соперничества. США и СССР было исторически предопределено участвовать в европейских делах. Многие десятилетия они выступали в роли главных опор двух противостоящих блоков. Сейчас эта их роль меняется по мере изменений европейских реальностей.

2. Европа давно уже перешагнула барьер кратковременной послевоенной инфантильности, достигла весьма высокого уровня политической зрелости. Это касается не только западной части континента (что очевидно), но и его восточного субрегиона. На каком-то этапе между США и СССР установилось достаточно прочное взаимопонимание по поводу европейской проблематики, а именно признание необходимости сохранения и укрепления стабильности на континенте. Никто бы не возражал против такого подхода, если бы в его основе не лежало официально отвергаемое, но фактически признаваемое обеими странами разделение континента на «сферы влияния».

К настоящему времени такой подход явно устарел. Это ответ на вызов вчерашнего дня. Ибо его предпосылки, уxo-

дящие корнями во времена «железного занавеса», барьеров и стен, разделяющих континент, все более не соответствуют сегодняшней европейской действительности, а кое-что превратилось просто в рудимент холодной войны.

В Европе начались процессы радикальных изменений в региональной системе взаимосвязей. Причем переменами охвачены как отдельные конкретные страны, так и субрегиональные структуры. И эти изменения при благоприятных условиях в будущем способны привести к существенным сдвигам в общеевропейской ситуации. Сдвигам, которые значительно превзойдут последствия Хельсинкского процесса. Это было бы, если проводить какие-то исторические параллели, «новой Ялтой», точнее «анти-Ялтой», вызванной к жизни, правда, совершенно иными факторами, процессами принципиально иного характера. Общее между ними лишь то, что речь шла тогда и идет ныне о формировании нового европейского миропорядка. «Ялта-1» означала раскол континента, а «Ялта-2» («анти-Ялта») – преодоление этого раскола.

Если исходить из того, что стабильность – это условие перемен, а способность системы к изменениям – основа ее жизнестойкости, то происходящие в Старом Свете изменения, с одной стороны, потенциально означают ослабление прежних основ европейской политики обеих сверхдержав и всей европейской структуры, а с другой – создают условия для перехода Европы в новое качество. Как это ни парадоксально, эти перемены в Европе в обеих ее ныне существующих частях идут по-разному, с несовпадающими векторными направлениями. На процветающем Западе Европы – это динамичный рывок к новому этапу развития интеграционного Европейского сообщества с его планами на 1992 г. На обедневшем Востоке – это попытки через болезненно кризисные переходные этапы перестроить свою жизнь, вернуться в лоно европейской цивилизации. В совокупности же оба эти процесса говорят о том, что на Европейском континенте пришли в движение, может быть, наиболее важные, с точки

зрения исторической перспективы, силы, двинувшие вперед процессы, рассчитанные на будущее, процессы, взаимосвязанные как компоненты прогресса европейской цивилизации в направлении придания ей изначально присущего единства, но на качественно новом витке истории.

Длительное и сложное движение Европы к единству в чем-то напоминает советскую перестройку, хотя любые параллели и сравнения страдают неточностями и огрехами. Все же движение Европы к новому состоянию – это тоже перестройка, хотя и еще более обремененная трудностями и возможными зигзагами, как любой международный процесс. Некогда старые структуры исподволь, в силу диалектики европейского развития, демонтируются, создаются предпосылки для новой ситуации, есть идея, разрабатывается концепция. Но она только нарождается, и нет пока каких-то конкретных результатов (а если и есть, то довольно ограниченные). Это питает надежды одних, разочаровывает других, происходит размежевание сил по поводу того, что и как надо строить.

3. Главным фактором, стимулирующим изменения в Европе, выступают перестройка в СССР, глубокие реформы политической и экономической системы в Венгрии и Польше, а также внутренняя неустойчивость и неопределенность положения в других восточноевропейских странах. Без преувеличения можно сказать, что за весь период своего существования (не считая, конечно, Отечественную войну) СССР впервые переживает столь трудный, кризисный период.

Начавшаяся перестройка в силу многочисленных причин идет крайне медленно. В экономике итоги ее пока что носят скорее деструктивный характер. И это накладывает неблагоприятный отпечаток на те сферы, где она наиболее далеко ушла вперед, скажем, в области гласности. Очень опасна ситуация, когда наряду с развитием политической демократизации ей сопутствуют явления, уходящие своими корнями в сталинско-брежневскую эпоху, когда на волне демократии начинает подниматься все негативное, что

долгие годы зрело и таилось подспудно. Прямой угрозой делу европейской стабильности, спокойствия и добрососедских отношений могут стать межнациональные распри. Сейчас на первый план выдвинулись проблемы прибалтийских республик, где в тугой узел переплелись социально-политические и межнациональные вопросы, проблемы перестройки отношений в рамках федерации, суверенитет республик и внутриведомственные отношения, прошлое и настоящее. Для СССР важно обеспечить свободное осуществление любым народам права на самоопределение, на решение своей судьбы и организации жизни в республике. Но при этом проживающие в республике национальные меньшинства также должны иметь право пользоваться всеми политическими правами и свободами. Права человека – любые: гражданские, политические, экономические, социальные и т. д. – должны быть гарантированы государством, где живет человек, будь то СССР, Литва, Эстония или Латвия.

Если в Советском Союзе по любой из причин не удастся достичь взаимоприемлемого компромисса по межнациональным вопросам, если Союз сохранится в недостаточно четко конституционно оформленном виде, если проблемы советской федерации останутся конституционно незащищенными, слабо юридически обоснованными, выдвинутая советским руководством идея «общего дома для Европы» останется прекраснодушным пожеланием

4. Перестройка в СССР происходит одновременно с радикальными изменениями в восточноевропейском регионе. И связано это не только с тем, что пример Советского Союза объективно должен был бы сказаться на положении дел в Восточной Европе. Автоматической зависимости здесь нет, тем более что речь можно вести скорее о взаимной зависимости, поскольку в ряде восточноевропейских стран реформаторские тенденции и соответствующая деятельность начались раньше, чем в СССР. Это объясняется прежде всего тем, что перемены во внутренней общественно-экономической и политической структуре этих стран не

только исторически вызрели, но и стали жизненной необходимостью. И это было осознано политическими кругами.

Как любая кардинальная ломка сложившегося десятилетиями положения, перестройка и реформы (разные по формам, но по сути несущие в себе единое зерно – смену старого, искусственно унифицированного устройства новой, принципиально иной, соответствующей национальным особенностям организацией общества и государства), развернувшиеся в Восточной Европе социально-политические и экономические преобразования неизбежно несут в себе большой потенциал дестабилизации – как внутренней, так и международной. Эти процессы поднялись на волне кризиса, к которому подвел эти страны весь послевоенный опыт развития. Кризисное состояние типично практически для всех стран Восточной Европы. Правда, положение в них существенно варьируется, носит специфические оттенки и черты. Формы и направленность реформ в конкретных странах столь же равноправны, как и сами эти страны. Плюрализация социалистического мира стала отличительной чертой последних десятилетий. Но к настоящему времени эта тенденция значительно углубилась.

Кризисные явления затронули и их взаимные отношения. Наметился явный разрыв между странами, находящимися на различных уровнях движения к демократизации.

Одни страны (Венгрия и Польша) встали на путь радикального обновления, создания новых общественных механизмов. Другие – проводят умеренные реформы, не выходя, по существу, за пределы прежних представлений о социализме. Есть страны, руководство которых все еще пытается сохранить административную систему. Однако продолжающийся кризис существующей модели социализма, нарастание в обществе экономических и политических трудностей в ближайшие 5–10 лет скорее всего и здесь заставят искать новые формы развития. В противном случае не избежать углубления общественного недовольства, социальных потрясений.

Венгрия и Польша встали на путь создания системы парламентской демократии, включающей и оппозиционность, и коалиционные формы управления. Здесь также возможен переход компартий в оппозицию. Не исключено даже, что это облегчит для них восстановление их авторитета в обществе. Ясно одно, что в условиях сохранения прежнего всевластия партии трудно и невозможно проведение экономической реформы и создание рынка, развитие демократии и самоуправления. Видимо, при формировании новой общественной системы в социалистических странах будет происходить возрастание роли государства, прежде всего его выборных органов, которые должны взять на себя властные полномочия, пока находящиеся в руках партийных структур. В большинстве стран, скорее всего, получит развитие ситуация, когда партия должна будет бороться за свое влияние на власть, создавая коалиции либо конкурируя с другими политическими силами. Вряд ли, однако, это будет означать переход Восточной Европы либо отдельных ее стран к системе, аналогичной западной. Учитывая характер их прежнего развития, уровень зрелости общества, думается, что те элементы общецивилизационного опыта, которые восстанавливаются сегодня в восточноевропейских странах (например, институт разделения властей), могут приобрести свои специфические формы и значение.

Восточная Европа вступила в сложный и длительный период перехода от тоталитарной к плюралистической системе. На этом пути возможны и откаты назад, торможение. Реформы неизбежно будут сопровождаться конфликтами, возникновением взрывоопасных ситуаций, могущих иметь последствия не только регионального, но и мирового характера.

Учитывая неравномерность реформаторских процессов, нельзя исключать дальнейшего размежевания между ними, даже возникновения противостоящих группировок. Короче, взаимоотношения между отдельными восточноевропейскими странами могут стать новым фактором напряженно-

сти в Европе. Многое будет зависеть от того, сумеют ли США и СССР, западноевропейские государства в этих условиях занять конструктивную и гибкую позицию.

Попытки той или иной стороны направить их развитие в выгодное для самих себя русло могут лишь вызвать в этих странах дестабилизацию, явиться поводом для активизации неосталинистских и иных реакционных сил. Это, в частности, можно сказать о давлении с целью вообще отстранить компартии от власти. Оптимальным вариантом (в том числе и для интересов европейской стабильности) являлась бы поддержка реформаторских слоев в компартиях.

Нам представляется, что западные государства, в том числе США и их союзники, понимают опасность такой дестабилизации и, исходя из своей заинтересованности в укреплении стабильности в Европе, занимают относительно сдержанную и взвешенную позицию. По крайней мере, это можно сказать о той сфере, которая касается отношений Восточной Европы с Советским Союзом, ситуации в рамках ОВД, сложностей развития отношений в социалистическом мире.

Со своей стороны, Советский Союз с пониманием относится к тому, что перестроечные процессы в Восточной Европе расширяют возможности для диалога и сотрудничества между странами двух систем. Успехи реформ в восточноевропейских странах, как и перестройка в СССР, способны в перспективе размыть многие водоразделы Восток – Запад в Европе. А кризисные явления – это факт переходного этапа, их надо преодолеть и пережить при благожелательном участии и содействии всех государств, заинтересованных в процветании и спокойствии в Европе.

5. Иным путем к новому качеству Европы идут западноевропейские государства, чье развитие ныне разительно контрастирует с бурлящим потоком политической жизни в восточной части континента. Невзирая на многие трудности и перипетии в рамках западноевропейского субрегиона и в его связях с заокеанским партнером, успе-

хи интеграции здесь впечатляют, особенно если удастся осуществить планы Европейского сообщества на 1992 г. Через интеграционные связи, разветвленную инфраструктуру межгосударственных механизмов экономического, политического, военного, культурного сотрудничества Западная Европа сумела стать одной из сфер средоточения политического влияния и экономической мощи не только капиталистической сферы, но и всего мира, сердцевинной мировой политики.

Страны этого региона дальше других ушли по пути прогресса и демократии, сумели преодолеть национальные барьеры, постепенно – через многие трудности и осложнения – сделать достижения экономики, науки, техники, культуры, социальные завоевания своим общим достоянием. Они далеко продвинулись по пути превращения своего региона в единую правовую зону, не только координируя свои юридические нормы, но и приведя в большинстве случаев свое законодательство в соответствие с основными международно-правовыми актами (например, Заключительный акт Хельсинки, Пакт о правах человека и др.).

Не такие ли межгосударственные отношения (пусть не идеальные, но оптимальные сейчас и на обозримую перспективу) могли бы стать примером для всех европейских стран и народов?

б. Развитие Западной Европы вызывает не только восхищение, зависть, желание приобщиться к этому цивилизованному миру. Оно вселяет надежду на возможность – пусть не скоро, в будущем, – формирования новой ситуации на континенте. Не является ли Европейское сообщество по духу, а во многом и в организационном плане, своего рода прообразом «общеевропейского дома»?

Некогда целостная Европа, пройдя через искусственное разделение, сегодня воссоздает (на новом витке своего развития) свое единство – пока только в своей западной части.

То, что такое демократическое пространство ограничено Западной Европой, нам обвинять не в последнюю очередь

надо самих себя. И дело здесь не только в послевоенных реалиях. Ошибки и преступления 1930-х–1940-х годов в нашей стране, стремление в период сталинизма, да и отчасти после него, «до основания» разрушить все, что было создано в культурной, социальной, духовной, политической сферах многими веками, создать «абсолютно» новое общество, не беря в него ничего из «буржуазного» прошлого, привели к разрыву естественных связей с европейской цивилизацией. Сохранение духовных (как мы сейчас говорим, общечеловеческих) ценностей у нас в стране оказалось в целом возможным не благодаря, а вопреки официальной линии. И эти крохи, остатки, сохраненные в душе народа, проявлялись в самые трудные для страны времена. Тем не менее, основной массив достижений цивилизации остался в Западной Европе, отчасти распространился на другие континенты, в частности на американский, но в целом не охватывает, как ранее, просторы Советской России. Западная Европа по праву стала наследницей общеевропейской культуры и цивилизации, неотъемлемой частью которых ранее была по праву Россия, и Восточная Европа.

Может быть, только теперь мы поняли значимость утраченного, необходимость возродить безжалостно разрушенное, присоединить осколки того, что осталось и что возвращается к нам, к европейской культурной сокровищнице? Не в этом ли для нас подлинный глубинный смысл стремления к открытости, к более широкому обмену информацией, идеями, людьми?

Да и те общечеловеческие ценности, о которых мы столь часто говорим, в большинстве своем есть не что иное, как современная интерпретация сохраненных в Западной Европе этических принципов христианства, выработанных цивилизацией норм морали и этики. Европа ныне вновь напоминает о том, что она колыбель культуры, цивилизованного мира, что развитые на континенте в течение веков морально-этические нормы поведения, демократические принципы стали по существу знаменателем внутреннего

развития отдельных стран и мировой политики, а международное поведение обрело европеизированные формы.

Долгим и трудным будет путь воссоединения расколотого континента. Если, конечно, на то будет добрая воля его участников. Нам представляется, что для этого есть серьезная и глубокая объективная база, и прежде всего это – тенденция к взаимозависимости. Европа более, чем другие регионы, соответствует нашему представлению о развивающемся в противоречиях, но по сути своей (и исторически, и в социально-психологическом плане) взаимосвязанном мире, призванном судьбой стать целостным и единым.

Взаимозависимость в каком-то виде проявляется практически во всех сферах. Она является конкретным, частным проявлением более общей тенденции мирового развития, высвечивая эту тенденцию, способную создать точки опоры в строительстве «общеевропейского дома». Речь идет о таком имманентно присущем взаимодействующим между собой системам свойстве, как способность и неизбежность конвергенции между ними.

В разных по политической сущности и экономическим основам социальных системах (государствах, обществах, блоках, союзах и т. д.) в силу того, что они развиваются в одинаковых условиях, и в силу их взаимодействия друг с другом появляются схожие или совпадающие черты внутреннего строения и внешней деятельности. При этом речь идет не о навязывании извне той или иной системе общественных форм, а о тех формах, в которых возникает потребность в самой системе. Этот процесс, во-первых, видимо, отражает внутреннее единство цивилизации, международного социума на определенном историческом отрезке времени. Так, например, существуют такие общие для различных формаций экономические механизмы, как рынок, товарно-денежные отношения, производственная кооперация и др. Общие моменты есть и в политическом устройстве государств, принадлежащих к разным системам. Например, демократические принципы внутренней жизни, выборность органов

власти, гласность, роль общественного мнения и т. д. Определенное сходство присуще и ряду аспектов внутрисистемных межгосударственных отношений.

Во-вторых, происходит взаимная и неизбежная адаптация социальных систем в процессе их международного общения. Выступая за расширение сотрудничества, мы тем самым способствуем взаимному приспособлению разных государств друг к другу, появлению в их устройстве каких-то общих или совпадающих политических и иных форм, которые могли бы служить устойчивыми точками соприкосновения, основой политики мирного сотрудничества. Альтернативой этому может быть лишь замкнутость и автаркия, ведущие к застою и отсталости.

Такая взаимозависимость может получить мощный импульс в ходе начавшейся в СССР перестройки. Ее проявлениями, в частности, уже сейчас становятся: создание смешанных предприятий, привлечение иностранного капитала и технологий, разрешение прямого выхода советских предприятий на мировой рынок, расширение обмена в области науки, информации, культуры, большая открытость нашего общества, расширение сотрудничества на микроуровне – не только экономических предприятий, но и политических единиц, общественных организаций, – поощрение плюрализма мнений и форм их выражения, новые принципы формирования законодательной власти и т. д.

Помимо этого, существуют и иные пути, ведущие к большей адаптации государств друг к другу, например, в этом направлении действует механизм общеевропейского процесса, двусторонних отношений европейских государств, развитие контактов между СЭВ и ЕС, НАТО и ОВД, представителей разных ведомств и организаций и др.

Именно посредством развития разнообразных форм взаимной адаптации нам представляется возможным постепенная реализация идеи «общеевропейского дома».

Объективная тенденция к взаимозависимости, к сближению двух частей Европейского континента, сама по себе ав-

томатически к реализации этой цели не ведет. Для этого она должна быть подкреплена целенаправленной политической деятельностью государств с обеих сторон.

7. Было бы наивно предполагать, что объективные предпосылки к воссозданию единой Европы, а тем более политика конкретных государств имеют лишь позитивные стороны, развиваются со знаком «плюс». В нынешней Европе, пожалуй, наиболее тесно переплетаются стремление к новому и консерватизм.

К числу тех предпосылок, которые ослабляют нынешние старые структуры европейской действительности, а в перспективе могут снять или, по крайней мере, уменьшить ограничения на пути преодоления разделения Европы и ее движения к «общеевропейскому дому», прежде всего мы бы отнесли структурные изменения внутриблоковых связей – рост влияния иных, помимо СССР и США, членов обеих группировок, ослабление роли лидеров, некое «разрыхление» блоков, создание возможностей для превращения Европы двух блоков в «Европу отечеств» (хотя это весьма далекая перспектива). Это явление – производное от происходящих на Востоке и Западе Европы изменений.

В первую очередь, наиболее остро эта проблема стоит ныне в повестке дня Организации Варшавского договора. Для НАТО, где сохраняются в целом центростремительные тенденции, дело обстоит на первый взгляд лучше, хотя и не без противоречий.

Однако если ОВД уже переживает кризис, то Североатлантический договор стоит перед потенциальной угрозой сложностей в связи с тем, что поблек имидж угрозы со стороны СССР, а также ввиду приближающегося оформления «единого рынка» Европейского сообщества в 1992 г. Нет пока еще достаточной ясности, как скажется на НАТО развитие западноевропейской военной интеграции. (Кстати, что касается происходящих в Западной Европе интеграционных процессов в военной сфере, нам представляется, что Советский Союз спокойнее относится к ним, чем Соединенные Штаты.)

Речь на ближайшее время не идет о распаде блоков. Они сохранятся, ибо обладают достаточной устойчивостью, связанной с необходимостью сохранения и поддержания стабильности. Однако уже сейчас происходит их модификация – они приобретают все более политизированный характер.

В конце концов, не создание НАТО и ОВД было первоначальной целью американской и советской политики. Главными для них всегда были и есть задачи обеспечения своих интересов на континенте. В послевоенные десятилетия эта задача решалась путем создания блоковой структуры связей с союзниками и предполагала такую организацию европейской жизни, которая лишала противоположную сторону возможности получения односторонних выгод. Сейчас складывающаяся на континенте ситуация снижает (хотя полностью не ликвидирует) значение блоковой политики. На первый план выдвигаются иные факторы, определяющие развитие континента и требующие переоценки европейских курсов обеих держав.

Такая переоценка идет сейчас в советской политике. Однако изменение ключевых установок курса СССР, подтверждаемое практическими шагами, воспринимается в Соединенных Штатах с осторожностью. Изменения же в политике самих США происходят значительно более замедленными темпами. Нам кажется, что сдержанность подхода Вашингтона определяется не только их принципиальной настороженностью в отношении СССР, наличием в политике идеологических стереотипов. Опасения вызывает, видимо, тот факт, что перемены в европейской политике Советского Союза сопряжены с процессами западноевропейской интеграции и изменением позиций США в атлантическом партнерстве.

Сами интеграционные процессы в этом регионе воспринимаются американскими политическими кругами далеко не однозначно. Реакция США варьируется от одобрения того, что происходит в Западной Европе, до более чем сдержан-

ного отношения и даже своего рода подозрительности. Причем эта подозрительность касается и перспективы превращения данного района в мощного конкурента США, например, в экономической области, и опасения, как бы все эти процессы и тенденции не привели к серьезным трениям в Североатлантическом блоке и «вытеснению» США из Европы. Тем более что нынешний курс СССР в Европе воспринимается частью американских политиков и политологов как новое «мирное наступление» Советского Союза, направленное на привнесение раскола в НАТО.

Вопрос о том, как повлияет западноевропейская интеграция на североатлантические связи, весьма сложен. Ведь речь идет о взаимодействии двух неоднородных моделей межгосударственных объединений. Естественно, что укрепление одного из них меняет структуру связей в другом. Однако эти изменения имеют собственную динамику развития. И как бы по времени они не совпадали с переменами в советской внешней политике, не она их иницирует. Более того, исходя из понимания неделимости и целостности международной безопасности, Советский Союз не заинтересован не только в «уходе» США из Европы, но в каком бы то ни было расшатывании сложившейся конфигурации на континенте, в частности в подрыве НАТО.

Такое отношение, судя по всему, разделяют многие круги в западно- и восточноевропейских странах. Не случайно идея «общего дома» для Европы, не обретя достаточно четких очертаний, получила на континенте довольно широкое распространение. В ней прежде всего отражается растущее стремление европейцев – не подрывая стабильности, при эволюционной трансформации сложившихся структур, – к преодолению раскола Европы, к сближению двух ее частей, к восстановлению общности европейской системы взаимосвязей, к восстановлению целостной европейской системы ценностей. Первым мощным многосторонним прорывом в этом направлении является Хельсинкский процесс, неотъемлемыми участниками которого были США и Канада.

Аналогично этому, последние рассматриваются нами в качестве непрременных участников движения Европы к европейскому единству.

Тезис об «общеевропейском доме» ассоциируется в тех кругах в СССР, которые активно выступают за кардинальную перестройку, с большим упором в советской политике безопасности на политические и экономические механизмы, с отказом от идеологизации политики, с обогащением нашего общества достижениями цивилизации и мирового опыта развития демократии, с большей открытостью нашего общества, первые шаги на пути к чему мы сейчас робко, не всегда последовательно и, возможно, неумело делаем.

8. Процесс политизации меж- и внутриблоковых взаимосвязей пока еще видится как желаемая перспектива, как нарождающаяся тенденция, но не реальность сегодняшнего дня. Этому процессу противостоит продолжающаяся гонка вооружений, перенасыщенность Европы войсками, ядерным и другими видами современного оружия (прежде всего наступательного характера). Предпринимаемые шаги (такие, например, как советско-американский договор по РСМД), те переговоры, которые сейчас ведутся по ограничению различных вооружений на Европейском континенте, пока трудно назвать устойчивым процессом. Правда, определенная закономерность движения к контролю над вооружениями начинает проявляться.

В этих условиях, да еще при прочно внедрившихся в сознание политиков и простых людей стереотипов недоверия, взаимных «угроз» и «образа врага», можно ли вообще ставить вопрос о движении Европы к «общему дому»? В отношениях между государствами двух систем за редким исключением преобладает в целом проблематика военного противостояния. Это неудивительно, ибо военная сфера, гонка вооружений являются производным, вторичным от лежащих в основе отношений между их участниками политических противоречий. В зависимости от степени их решения открываются возможности снижения удельного

веса в отношениях военной сферы, осуществления мер по контролю над вооружениями и их ограничению (кстати, область политического взаимодействия в НАТО значительно выше, чем в ОВД, что свидетельствует о развитости политического диалога, наличии механизмов решения противоречий и спорных вопросов).

В Европе основные политические противоречия в отношениях между государствами двух систем далеко не преодолены, и это связано с огромными сложностями. Тем не менее, тот факт, что они во многом определены и осознаны, позволяет надеяться и на их постепенное устранение, и на решение проблем ограничения гонки вооружений. Практика это подтверждает, ибо наибольший прогресс в отношениях Восток – Запад в Европе достигнут именно в военной сфере.

Взаимосвязь между военной и внешней политикой как компонентами единого явления – политики государства – наглядно проявляется в политике Советского Союза. Новое политическое мышление затронуло и область военной политики страны, предпринявшей в последние годы ряд шагов, которые облегчают решение вопросов освобождения континента от перегруженности оружием (признание асимметрии в обычных вооружениях, начало консервации ряда производств, сокращение своих войск в Восточной Европе и др.).

9. Одной из сложнейших политических проблем, от решения которой во многом зависит процесс сближения двух частей Европы, является германский вопрос. Как будет развиваться судьба немецкого народа, какова будет в дальнейшем его роль в Европе, какие формы государственности он будет иметь, – от ответа на эти вопросы в немалой степени зависит осуществление планов европейского единения.

На германской проблеме могут при неблагоприятном стечении обстоятельств столкнуться интересы всех ведущих государств Европы, США, СССР.

Хотя национальный компонент германского вопроса весьма весом и никто не имеет права решать за немцев их судьбу, с момента своего появления этот вопрос носит от-

нюдь не столько национальный, а ныне можно сказать, – не столько двусторонний, сколько международный характер. С будущим Германии многие страны связывают и свои надежды, и свои опасения.

Конечно, в ходе естественно-исторического развития бок о бок двух немецких государств, расширения их связей и сближения друг с другом могут сформироваться спонтанно и эволюционно какие-то приемлемые для всех формы единого государства, может быть определен и выработан устраивающий соседей и союзников международный статус.

Однако происшедшие в Европе и на немецкой земле изменения, тенденции в социальном развитии обоих германских государств все чаще заставляют задуматься о том, как найти оптимальные пути решения германского вопроса, чтобы дальнейший ход событий в самом центре Европы не свел на нет то позитивное, что с таким трудом достигнуто совместными усилиями многих стран.

Опасно и неразумно забывать прошлое. Но и жить им одним, руководствоваться тем, что имело полвека назад исторические основания, но лишилось их ныне, тоже неразумно, а может быть, и чревато опасными последствиями. Извлекая уроки из опыта европейского развития, помня об опасности любой дестабилизации на континенте, не настало ли время непредвзято подойти к анализу возможных в перспективе путей и форм развития эволюции германского вопроса?

По нашему мнению, в интересах всеобщей безопасности СССР и США, другим заинтересованным государствам следовало бы способствовать позитивному диалогу между ГДР и ФРГ, участвовать в нем по проблемам, выходящим за рамки чисто германо-германских связей и имеющим общеевропейскую значимость. Возможно, не столь далек тот день, когда германский вопрос встанет в повестку дня общеевропейской политики, превратится в предмет многосторонних консультаций и переговоров. И решать его необходимо будет на основе консенсуса сторон. Вряд ли решению этой

сложнейшей политической проблемы способствовали бы какие-либо псевдоидеологические пристрастия, скажем, СССР или США, либо иных стран.

Решение германского вопроса является ключевым моментом реализации идеи «общеевропейского дома». К настоящему времени сформировались две точки зрения относительно последовательности и взаимосвязи этих двух задач европейской политики. Одна из них состоит в утверждении первичности германского вопроса: «общеевропейский дом» нельзя создать, пока не решен германский вопрос. Другая противоположна ей: в рамках «общеевропейского дома» можно решить германский вопрос.

Нам кажется, что проблема приоритетности здесь надуманна. Оба процесса, видимо, будут идти параллельно друг другу: решение германского вопроса возможно именно на пути и в ходе формирования принципиально новой ситуации на континенте, а поступательное развитие Европы, ее продвижение к единству, в свою очередь, включает в себя постепенное преодоление раскола Германии.

10. Одновременно с развитием тенденции к взаимозависимости, процессами интернационализации хозяйственной жизни, политики, культуры, превращающими европейский мир в некую целостность, все более распространенными становятся межнациональные конфликты, взрывы неконтролируемых национальных эмоций, которые могут, в зависимости от конкретных обстоятельств, приобретать формы обоснованного национального утверждения или агрессивного национализма.

Противоречия и конфликты на национальной почве дают о себе знать и в Западной Европе – достаточно вспомнить проблему Ольстера как незатухающий очаг межнациональных и религиозных противоречий на Британских островах или же греко-турецкие споры.

Однако в последние годы с особой остротой национальные вопросы и трения проявляются в Восточной Европе и Советском Союзе. В отношениях между нациями и стра-

нами Восточной Европы наибольшую остроту приобрели румыно-венгерские противоречия. Этот феномен неправильно было бы рассматривать как взаимное проявление национальных амбиций. В основе все более глубоких расхождений между Румынией и Венгрией лежат резко отличающиеся модели социалистического общественного развития, проводимые в жизнь руководством обеих стран. Не менее важной причиной является отсутствие демократизма в решении проблем почти двухмиллионного венгерского меньшинства в Румынии.

Аналогичную основу имеет обострение отношений между Венгрией и ГДР по поводу позиции первой относительно беженцев из Восточной Германии через венгеро-австрийскую границу.

В результате известных мер болгарского руководства в отношении мусульманского (турецкого) населения НРБ произошло обострение отношений между Болгарией и Турцией.

Национальные проблемы вышли на первый план в многонациональных странах Востока Европы – Югославии и Советском Союзе. Их острота и порождаемые ими кризисные явления в системе советской и югославской федераций, безусловно, негативно сказываются на интеграционных процессах – как в восточноевропейском регионе, так и в масштабе всего Европейского континента.

Наша современная практика, равно как и опыт зарубежных стран социализма, приводят к выводу, что на нынешнем этапе периодическому обострению межнациональных противоречий в громадной степени способствует затянувшийся кризис административно-командной системы, непоследовательность экономических и политических реформ. В многонациональных государствах совершенствование межнациональных отношений не может быть осуществлено без налаживания экономически обоснованных отношений между национально-административными единицами (республиками, автономными областями и краями) и установления

реального баланса их интересов во всех сферах экономики и политики. А это, в свою очередь, предполагает широкое использование рыночных отношений как интегратора национальных республик и государств и единственно возможной основы для утверждения оптимальных форм существования и политического самовыражения наций.

Необходимым условием укрепления доверия между европейскими народами и нациями является преодоление укоренившихся в их сознании предрассудков, исторически сложившихся «образов врага». У народов Западной Европы эти негативные стереотипы взаимной неприязни в значительной мере подорваны под воздействием интеграционных процессов в сфере экономики и культуры. В отношениях между отдельными нациями Восточной Европы они пока еще не изжиты. «Образ врага» налагает свой отпечаток также и на отношения Восток – Запад.

Без достижения прогресса в сфере межнациональных отношений – как в рамках отдельных государств, так и в отношениях между ними – Европа едва ли сможет осуществить историческую миссию – создать систему принципиально новых отношений между населяющими ее народами.

Наряду с усилиями, прилагаемыми ныне реформаторскими слоями в Восточной Европе к разрешению межнациональных конфликтов, важна также и поддержка этих позитивных процессов международным сообществом. Речь может при этом идти о наращивании взаимных усилий, направленных на преодоление рецидивов холодной войны и утверждение концепций и отношений взаимозависимости и взаимной безопасности.

11. Многие разделяют точку зрения: хорошо, что идея «общеευропейского дома» не несет в себе конкретных установок, пусть эта идея останется своего рода путеводной звездой в развитии континента.

Мы придерживаемся иного взгляда. Конечно, понятие «общего дома для Европы», будучи нацеленным на довольно длительную перспективу, не должно быть отягощено мно-

гочисленной детализацией. Жизнь вносит всегда свои коррективы в планы и прогнозы. Тем не менее, мы считаем, что эта идея имеет все основания перерасти в концепцию – одну из немногих в мировой истории концепций международного характера, и для этого она должна быть облечена соответствующими теоретическими обоснованиями, аргументациями, давать какие-то ориентиры для своей реализации.

По крайней мере, никак нельзя обойти два вопроса: об этапах ее реализации, участниках этого процесса и охватываемого ими региона.

В число участников на равных основаниях должны войти все государства, принявшие участие в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе и ныне активно действующие на всех встречах в рамках общеевропейского процесса. Этот факт уже достаточно глубоко был изучен при подготовке СБСЕ, по нему достигнуто согласие, и вряд ли стоит подвергать ревизии это вполне обоснованное решение.

Другое дело, что формы участия в европейских делах могут быть различными. Так, если взять, например, Советский Союз, то вполне понятно, что и в силу нынешнего уровня своего развития, и ввиду сегодняшней специфики положения в стране СССР не является желанным членом Европейского сообщества и его органов типа Европарламента. Но СССР вполне мог бы стать участником какой-либо организации в рамках ЕС, занимающейся интересующей его проблематикой. Не говоря уже о том, что развитие контактов и связей в разработке многочисленных научно-технических проектов представляло бы выгоду обеим сторонам (такие контакты, хотя и довольно ограниченные, уже есть).

Для Советского Союза представляет практический интерес сотрудничество на микроуровне. Прежде всего, это касается экономических единиц, особенно тех предприятий, которые в рамках конверсии переходят на выпуск продукции гражданского назначения, а также наиболее оснащенных технически и технологически кооперативных и акционерных организаций. Такого рода сотрудничеством могли бы быть

охвачены и политические, общественные, научные, культурные и иные (официальные и неформальные) организации.

Многие восточноевропейские государства при всех особенностях и специфике каждого из них объективно сейчас ближе к практической реализации идеи «общеевропейского дома», чем СССР. Ближе и в психологическом плане, а отчасти и на уровне практической политики.

Вплоть до Второй мировой войны Восточная Европа была в значительно большей степени интегрирована в европейскую систему связей. Наша страна, будучи важным субъектом этой системы, занимала в ней особое место. Известная ныне деятельность сталинского руководства, по существу, вывела СССР из круга стран европейской демократии, что едва не привело к трагическому финалу в виде угрозы порабощения нацизмом.

В период холодной войны европейская система межгосударственных связей претерпела кардинальные изменения. Однако, думается, что было бы неверно считать, что все эти изменения были объективно обоснованны. Некоторые из связей между двумя частями Европы были деформированы искусственно. Исторические каналы общения между народами, а во многом и между государствами, нельзя перекрыть путем директивных решений.

В периоды ослабления напряженности эти отношения частично восстанавливались, развивались в новых условиях. И в этом, пожалуй, одна из основных – хотя и не единственная – причина относительной устойчивости связей между двумя частями континента по сравнению, скажем, с отношениями СССР – США, СССР – западноевропейские государства.

Кроме того, нельзя не учитывать и такой факт, что страны обеих частей Европы, поддерживая хорошие отношения с лидерами своих блоков и не стремясь к слому этих блоков, в то же время испытывают потребность в более тесной региональной структуре, которая позволила бы им совместно использовать природные и людские ресурсы и в то же время защищала их специфические интересы в от-

ношениях с более мощными державами – США и СССР. Обретение большей маневренности в политическом диалоге с сильным партнером – лидером группировки весьма важно для малых и средних стран, особенно восточноевропейских, во многом остающихся в тени СССР.

Могут быть разного рода внеблоковые, локальные, субрегиональные, формальные и неформальные объединения. Зонами, где могли бы появиться они, являются, например, Балканы, Север Европы. В Венгрии, ГДР, Чехословакии, Польше, ФРГ и Австрии, то есть в тех странах, которые некогда составляли Габсбургскую империю, распространена идея создания в Центральной Европе неформального историко-культурного и общественного центра.

Своеобразный пример двусторонних связей между государствами двух систем показывают Венгрия и Австрия.

Как видно даже из этих отдельных примеров, европейские государства ныне тяготеют друг к другу не по неким классовым причинам, а в силу общности интересов. Развивая и помогая другим развивать совместные начинания, основанные на общих интересах, можно было бы постепенно воссоздать в масштабах всей Европы определенную социально-психологическую и духовно-культурную среду, некогда присущую континенту, среду, в которой будут развиваться все европейские процессы, где наряду с политизирующейся блоковой структурой будут параллельно развиваться иные формы и виды связей.

Что касается этапов развития «общеевропейской идеи», то пока видятся три из них. Определять их хронологические рамки было бы рискованно, но ясно, что каждый из них может составить в лучшем случае многие годы, если не несколько десятилетий.

На первом этапе, по-видимому, не должно произойти радикальных сдвигов в европейской структуре. Останутся, как мы уже отмечали, в модифицированном виде НАТО и ОВД, СЭВ и ЕС, между которыми всемерно расширятся связи. Коротче говоря, это этап продолжения Общеевропейского процес-

са, завершения тех переговоров, которые идут в его рамках и вне их. Главное здесь – снижение по возможности до максимально низкого уровня вооружений и вооруженных сил на континенте. Это этап практической реализации Заключительного акта Хельсинки и других важнейших международных договоренностей, приведение в соответствие с ними внутренних законодательных актов и политической практики во всех странах, их подписавших. Это этап перехода от всех форм конфронтации к сотрудничеству.

Второй этап знаменовал бы собой появление в странах, которые мы сейчас относим к противоположным системам, общих, схожих или совпадающих черт в своей внутренней организации и осуществлении внешней деятельности. Эти общие черты стали бы «точками опоры» не просто сотрудничества, а реального их сближения. Черты сходства в экономике создали бы предпосылки для развития между ними интеграционных связей, в политике – позволили бы остановить гонку вооружений, в плане создания органов власти и законодательной деятельности – открыли бы путь для формирования общеевропейского правового пространства, общности культуры в самом широком смысле (и духовной и технической).

Таким образом, второй этап стал бы этапом развития конвергенции (или соразвития) в каком-то ее виде: будь то сближение схожих обществ и стран либо появление принципиально новых, не известных до того форм организации народов. Осуществление указанных и других мер создало бы возможность перехода к третьему этапу – формирования общеевропейского интеграционного комплекса со всеми вытекающими отсюда последствиями. Более конкретные контуры «европейского дома», его устройство подскажет сама жизнь. Что касается правил поведения в нем, то уже сейчас можно сказать, что это будут равноправие, открытость, терпимость, невмешательство, ненанесение ущерба друг другу, плюрализм мнений и форм организации жизни, этический гуманизм и цивилизованность.

Пространственно «европейский дом» скорей всего охватит территорию Старого Света от Атлантики до Урала, хотя уровень экономической и культурной интегрированности народов, населяющих это пространство, будет, по всей вероятности, весьма неодинаков. Вполне понятно, что роль США и СССР как великих держав, либо территориально, либо политически и геостратегически относящихся и к Европе и к другим континентам, будет носить особый отпечаток, если не аутсайдеров, то во всяком случае членов европейского сообщества, обладающих наибольшим среди других экономическим и военным потенциалом и возможностями политического влияния. Поэтому от них потребуются, особенно на первых этапах строительства «европейского дома», повышенный политический такт, сдержанность и обходительность.

12. Одним из основных факторов высвобождения реформаторских движущих сил в Восточной Европе (а в какой-то мере и тех тенденций, которые сближают все европейские страны) является изменение подхода к ним Советского Союза, длительное время рассматривавшего этот регион не только как сферу своих геополитических национальных интересов (что соответствует действительности), но и как зону своего доминирующего влияния. Здесь нередко и в последние десятилетия использовались методы и средства давления и нажима, унаследованные со времен сталинизма, имели место акты вмешательства во внутренние дела союзных государств.

Перестройка советской политики неизбежно связана с отказом от бытовавших ранее представлений о характере отношений в рамках ОВД и СЭВ. Для советской политики очевидна необходимость демократизации связей в организациях социалистических государств – и прежде всего изменения советской позиции, – на основе общепринятых норм международного общения. Думается, что реакция СССР на нынешний ход развития и события в ряде восточноевропейских стран (таких, например, как Польша и Венгрия) дает

основание говорить о том, что перемены курса СССР в этом регионе стали реальностью, что не может идти речи о каких бы то ни было «пределах терпимости» Советского Союза по отношению к своим союзникам.

Советскому Союзу, конечно, далеко не безразлично, как пойдет развитие Восточной Европы. Но его приоритетными целями здесь должно быть не сохранение любой ценой старых форм организации социалистических государств. Приоритеты в Восточной Европе – это способствовать стабилизации обстановки здесь, видеть восточноевропейские государства благосостоятельными и процветающими, активно участвующими в общеевропейском диалоге, поддерживающими дружественные, лояльные отношения с СССР, расширяющими контакты с партнерами из Западной Европы.

Нам думается, что известным тормозом развития этого региона в послевоенные десятилетия была излишне тесная «привязка» его к СССР, чрезмерно и неоправданно раздутая вовлеченность последнего в его дела.

Советский Союз практическими шагами подтверждает сейчас намерение сократить свое присутствие, прежде всего военное, в этом регионе.

Происходящие в европейских социалистических странах перемены, особенно изменения в советской внешней политике в Восточной Европе, – и прежде всего отказ от пагубной сталинской традиции великодержавной надменности, от перенесения стиля командно-бюрократической системы на отношения со странами этого региона, признание свободы выбора каждым народом путей своего развития, строгого невмешательства во внутренние дела этих стран, признания их суверенитета и независимости во всех сферах политики, – позволяют устранить главные причины и пружины конфликта СССР – США в Европе. Продвижение Советского Союза по пути демократизации общественной и политической жизни создает условия для сближения, расширения области совпадающих интересов государств двух систем, в том числе и наших стран, в процессе совместного участия

и сотрудничества в формировании новой ситуации на Европейском континенте.

Правда, для этого нужны добрая воля и готовность к преодолению предубеждений, сдержанность другой стороны. Проявления этого – что крайне важно и отрадно, – мы находим в действиях Вашингтона и его западноевропейских союзников.

Однако нельзя не отметить того, что американская сторона вплоть до недавнего времени рассматривала Восточную Европу главным образом под углом зрения советско-американских отношений.

Открыто провозглашались цели ослабления связей в рамках ОВД, раскола блока. Все это предполагалось достичь путем поощрения (хотя относительно осторожно) разнообразия, плюрализма, их большей независимости и «автономии» и т. д. Ныне эти принципы политики потеряли смысл в ходе развития и самой Восточной Европы, и Советского Союза. Как это ни парадоксально, но сейчас возможности влияния на восточноевропейские страны в духе «дифференцированного подхода» возросли, но одновременно возросла и опасность углубления в результате этого кризиса в Восточной Европе.

Видимо, озабоченность перспективой такого развития событий разделяют США и другие западные страны, проявляя заинтересованность в реформировании восточноевропейских моделей социализма, но не акцентируя, как прежде, цели и задачи раскола «советского блока», отрыва этих стран от СССР.

Соединенные Штаты сейчас впервые, пожалуй, за последние два-три десятилетия стоят перед необходимостью пересмотра своего курса в отношении государств Восточной Европы, отказа от того вида «дифференциации» подхода к ним, который был основой их политики «наведения мостов» и частью «сдерживания» Советского Союза. Естественный ход событий в европейской зоне социализма решил многие противоречия, обременявшие связи

США с этими странами. Одновременно он поставил перед ними новый вопрос: готовы ли американские политические круги к тому, чтобы по-новому подойти к связям с Восточной Европой и СССР, готовы ли они к тому, чтобы верно воспринять и способствовать – и если да, то каким образом, – «наведению мостов» между разделенными частями Европы. Эти вопросы пока остаются без ответа из официального Вашингтона. В то же время в научных кругах США в ходе довольно многочисленных сдержанных, недоверчиво-подозрительных и критических оценок и замечаний в адрес Советского Союза все чаще раздаются реалистические и конструктивные голоса тех, кто понимает, что стабильность и спокойное развитие Восточной Европы становится общей заботой и заинтересованностью СССР, США и их западноевропейских союзников. А пути этого развития выберут сами народы данного региона, и никакая великая держава не должна, не имеет права, да реально и не способна, привнести в этот выбор не совпадающее с ним свое решение.

* * *

Таковы были основные идеи, предложенные нами американской стороне. По сути, они представляли собой демократическую программу выхода из холодной войны, преобразования Европы в континент мира и сотрудничества, прекращения конфронтации между США и СССР.

Советская политика в годы перестройки сделала тогда все, чтобы добиться демократического переустройства в Европе и всего международного порядка. Перед руководством страны на передний план выдвинулась проблема вывода Советского Союза из состояния ненужной и опасной конфронтации с Западом, которая поглощала лучшие силы страны, делала невозможным решение более важных задач внутреннего развития, особенно обеспечение высокого качества и уровня жизни советских граждан. Собственно, речь шла о нахождении правильных путей прекращения

холодной войны и создания нового мироустройства. Подобная историческая задача могла быть решена только радикальным пересмотром идеологических принципов тогдашней советской внешней политики, прежде всего, путем отказа от мессианской роли Советского Союза как «движущей силы» «коммунистического и национально-освободительного движения», от цели «победы коммунизма во всем мире», служившей оправданием для советской экспансии. Это должно было привести к значительным переменам – к отказу от брежневской доктрины «ограниченного суверенитета», служившей основанием для силового вмешательства во внутренние дела каждой из социалистических стран, если кремлевское руководство сочтет это необходимым для удержания над ними своего контроля, к переходу от концепции «стратегического паритета» с Западом к концепции «разумной достаточности» для обеспечения безопасности страны, к установлению равноправных партнерских отношений со странами Восточной Европы и других регионов. Только так можно было создать условия для сбалансирования политических интересов с Западом, ослабить или вообще устранить конфронтацию Восток – Запад, создать условия для реального процесса разоружения, устранения угрозы ядерной войны и преодоления холодной войны.

Именно эту миссию взяло на себя с 1985 г. новое советское руководство во главе с М.С. Горбачевым. В годы перестройки были разработаны важнейшие принципы нового мышления в советской внешней политике. К ее основным чертам относится следующее:

- Отказ от политики мессианского господства и ее осуждение;
- Прекращение конфронтации Восток – Запад и гонки вооружений;
- Соблюдение принципа, согласно которому в международных отношениях должно господствовать не право силы, а сила права;

- Признание за каждым народом свободы выбора своего пути развития;
- Глубокая демократизация и гуманизация международных отношений;
- Установление неразрывной связи между политикой и моралью;
- Преобразование большой Европы (ЕС) в объединенную Европу и создание в перспективе общеевропейского политического, экономического, правового и культурного пространства (идея «Общего дома Европы»);
- Преобразование ОБСЕ в дееспособную головную организацию по безопасности и сотрудничеству государств новой Европы;
- Постепенный демонтаж блоковой структуры международных отношений в Европе и запрет на создание сфер влияния и господства на Европейском континенте.

Все эти принципы характеризовали новую суть внешней политики Советского Союза. Их претворение в жизнь позволило развязать острейшие узлы противоречий между Западом и Востоком, создать условия для прекращения холодной войны, гонки вооружений и для налаживания мирного сотрудничества государств. На основе этих принципов был преодолен позорный раскол немецкой нации и произошло мирное объединение Германии, без которого избавление от холодной войны представлялось невозможным. Страны Восточной Европы обрели самостоятельность. Была прекращена война в Афганистане, и советские войска были выведены из этой страны.

21 ноября 1990 г. представители верховной власти 22 европейских государств, а также Соединенных Штатов Америки и Канады подписали в Париже основополагающий международный акт о создании нового мирного порядка в Европе после объединения Германии и окончания холодной войны. Он вошел в историю как Парижская хартия. В ней

торжественно провозглашалось: «Мы, главы государств и правительств стран-участниц Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, собрались в Париже во время глубоких перемен и исторических ожиданий. Эра конфронтации и раскола в Европе закончилась. Мы объявляем, что наши отношения в будущем будут основываться на уважении и сотрудничестве. Европа освобождается от прошлого. Благодаря мужеству мужчин и женщин, воле народов и силе идей Заключительного акта Хельсинки в Европе наступает новая эра демократии, мира и единства... Настало время, когда веками лелеемые надежды и ожидания наших народов становятся явью. Это непоколебимая приверженность демократии, основанной на правах и основных свободах человека, благосостояние, достигаемое посредством экономической свободы и социальной справедливости, и равная безопасность для всех наших народов».

Какие замечательные слова! Перед европейскими народами, пережившими в XX веке две «горячих» и одну «холодную» войну с их невообразимыми ужасами и потерями, открылись радужные перспективы создания совершенно новой Европы мира, стабильности и сотрудничества. Фактически впервые в истории был достигнут общеевропейский консенсус, отвечавший национальным интересам всех европейских народов.

Большая заслуга в повороте Европы от конфронтации к миру и общеевропейскому сотрудничеству принадлежит советской внешней политике в период перестройки. Даже Кондолиза Райс и Филипп Зеликов в своей совместной книге «Звездный час дипломатии» отмечали: «Ирония истории состоит в том, что холодная война не могла быть закончена без фундаментального изменения советской политики. Еще долго будут спорить о том, почему Советский Союз начал новый курс и какую роль играли в этом Соединенные Штаты и другие страны. Но никто не сможет отрицать, что Михаилу Горбачеву и «новым мыслителям», пришедшим к власти в Москве в 1985 году, принадлежит выдающееся

место в истории окончания холодной войны»¹. В сущности, идеи доклада, представленного нами для обсуждения на советско-американской встрече в июле 1988 г., во многом предвосхитили Парижскую хартию. Но ее предначертаниям так и не удалось сбыться. З. Бжезинский, выступая на наших встречах против навязывания Советским Союзом силой своих идей и ценностей другим странам, объявил такую практику нелегитимной, поскольку она лишает народы свободы самим определять свою судьбу. Но вскоре, презрев Парижскую хартию, руководство США стало делать то же самое, навязывая свои господство и ценности другим народам.

Естественно, тогда мы не могли даже предположить, что через каких-нибудь три года в результате государственного переворота Б. Ельцина Советский Союз прекратит существование на полпути к радикальному преобразованию своей социально-политической и экономической системы. Что Россия в последующем превратится стараниями того же Б. Ельцина и его клана в нищее, второстепенное государство, а США останутся единственной супердержавой, которая поставит международное сообщество снова перед фактом опасной мессианской гегемонии.

Презрев «мирные дивиденды», предоставленные в конце 1980-х годов Европе и миру советской политикой, правящая элита США пошла на международной арене ложным и чрезвычайно опасным путем установления глобального господства.

Международное сообщество было снова ввергнуто в полосу опасного развития, для которого характерными стали милитаризация, затмившая времена холодной войны, новые военные и политические угрозы и вызовы народам, разгул произвола и насилия на международной арене, соз-

¹ Цитировано по немецкому изданию книги: Zelikow Philip und Condoleezza Rice. Sternstunde der Diplomatie. Die deutsche Einheit und das Ende der Spaltung Europas, Propyläen Verlag, 1997, S. 28.

дание новых образов врага, цинизм и аморальность политики, разрушение основ международного права.

На основе публикуемого дискуссионного доклада, предложенного американской стороне Институтом экономики мировой социалистической системы в июле 1988 г., читатель может сопоставить сформулированную в нем демократическую программу переустройства международных отношений в Европе с результатами европейской и российской политики США в 1990-е годы прошлого и начале нынешнего века. Эти результаты свидетельствуют о том, что правящая американская элита при президентах Клинтоне и Буше-младшем создала в мире ситуацию, пожалуй, не менее тревожную, опасную и непредсказуемую, чем в годы холодной войны. Ее породила политика, вытекавшая из американской концепция «Нового сдерживания России» и «Проекта нового американского века».

IX. ОТ РАСКОЛА – К ОБЪЕДИНЕНИЮ ГЕРМАНИИ

1. Зигзаги советской политики в германском вопросе

После окончания Второй мировой войны «германский вопрос» стал одним из центральных во внешней политике не только Советского Союза, но и других великих держав. В первые послевоенные годы среди представителей руководящих кругов Советского Союза существовали противоречивые мнения и целевые установки, касающиеся политики в отношении Германии¹. Исследователь не может не заметить, что позиция кремлевского властителя Сталина по этому вопросу была подвержена определенным колебаниям, внутренним противоречиям и сомнениям. Это явствует из его политики в период с 1945 по 1952 гг.

С одной стороны, очевидно, что в этом временном промежутке советская политика выступала за германское единство, что нашло свое отражение в так называемой ноте Сталина западным державам от 10 марта 1952 года. С другой стороны, в это время были заметны планы Москвы отгородить Восточную Германию от Запада. Так каковы же были истинные планы Сталина в отношении Германии? Можно ли вообще найти ответ на этот вопрос?

Как в российской, так и в западной исторической литературе существует широкое разнообразие мнений, воззрений и толкований причин порой сложно объяснимых поворотов и зигзагов в тогдашней политике Москвы в германском вопросе. Причина этого кроется, прежде всего, в том, что не хватает подлинных документов, которые могли бы пролить свет на истинный смысл личных решений Сталина. В отличие от Гитлера, в штаб-квартире которого велось протоколиро-

¹ *Alexej Filitov, Stalins Deutschlandsplanung und Politik während und nach dem Zweiten Weltkrieg*, in: Boris Meissner und Alfred Eisfeld (Hrsg.), 50 Jahre sowjetische und russische Deutschlandspolitik sowie ihre Auswirkungen auf das gegenseitige Verhältnis, Duncker & Humblot, Berlin 1999, S. 43–55.

вание его обсуждений текущего положения, высказываний, приказов и указаний, Сталин не оставил историкам никаких письменных документов и свидетельств подобного рода. Он унес с собой в могилу тайны своей немецкой политики. Поэтому невозможно вынести окончательный и однозначный вердикт относительно причин, побуждавших Сталина на принятие тех или иных решений в рамках немецкой политики. Относительно законченную оценку может, однако, дать сравнительный анализ его образа мышления и действий, его внешнеполитических воззрений, находящихся в тесной взаимосвязи с германским вопросом.

Профессор Герхард Веттинг – один из лучших немецких знатоков политики Советского Союза в отношении Германии данного периода – задается вопросом: «Был ли Сталин готов предоставить единство и свободу Германии?» В своей книге он дает на этот вопрос однозначно отрицательный ответ¹. Однако этот вопрос можно было бы сформулировать и по-другому: «Был ли готов Сталин признать единство Германии при условии ее нейтрального статуса?» В этом случае, с моей точки зрения, ответ не был бы столь очевиден. Герхард Веттинг правильно пишет о «внутреннем разрыве» целей Сталина в отношении Германии. Предположения, что он стремился парализовать германский потенциал, а также желал сделать из побежденной Германии бастион социализма, были тесно связаны друг с другом².

Несмотря на то, что эти противоречивые и далекие от реальности цели в действительности оказывали влияние на планирование советской политики в отношении Германии, для Сталина существовали и другие, более весомые факто-

¹ *Gerhard Wetting*, *Bereitschaft zu Einheit in Freiheit? Die sowjetische Deutschlandpolitik 1945–1955*, Olzog Verlag, München, 1999.

² *Gerhard Wetting*, *Stalins Deutschlandspolitik 1945–1953: Kontinuität und Wandel*, in: *50 Jahre sowjetische und russische Deutschlandpolitik*, S. 15.

ры, которые он вынужден был принимать во внимание. Речь шла о геополитических и геостратегических факторах, которые были преимущественно связаны с политикой США. Как отреагировали бы американцы на советское проникновение в Центральную Европу? Можно ли было надеяться, что они, как в свое время Гитлер, будут готовы поделить с Советским Союзом Европу на сферы влияния?

Очень скоро после окончания войны Сталин смог убедиться в том, что США настроены бороться против советского доминирования в Восточной и Центральной Европе. К середине 1947 года для него стало очевидно, что Вашингтон собирается образовать антисоветскую коалицию, которая могла бы означать для Советского Союза большую опасность, особенно если бы в нее была включена Западная Германия.

Таким образом, Сталину пришлось выбирать между двумя целями: или продвигать процесс советизации Германии, по крайней мере, ее восточной части, или пытаться предотвратить складывание мировой антисоветской коалиции. Было крайне сложно, если вообще возможно, одновременно пытаться преследовать обе эти цели. Относительно приоритетов вторая цель была намного важнее для обеспечения безопасности Советского Союза. Таким образом, коммунистическое мессианское сознание советских политиков в отношении Германии оказалось в глубоком противоречии с геополитическими реалиями, которые не сулили Советскому Союзу ничего хорошего в случае его экспансии.

Немецкую политику Сталина в период между 1945 и 1952 гг. можно, таким образом, назвать курсом лавирования между этими двумя стратегическими целями. Он стремился к тому, чтобы сотрудничать с западными державами в решении общенемецких вопросов как можно дольше и сохранить свое право участия в совместном решении судьбы Западной Германии, вытекающее из системы послевоенного устройства. Но этому противоречили многие меры советской политики в Восточной Германии, имевшие окраску советизации.

В реализации своих целей Сталин стремился к тому, чтобы перетянуть на сторону Советского Союза население обеих частей Германии. Эту цель он хотел достичь главным образом путем пробуждения национальных чувств немцев. Но, за исключением лозунга о единстве Германии, он ничего не мог им предложить – ни в политическом, ни в экономическом плане, ни в социальном, ни в моральном отношении. После блокады Берлина 1948–1949 гг., в ходе которой обнажились реальные гегемонистские планы и насильственные методы Сталина, пространство для маневра советской политики относительно влияния на немецкое население значительно сузилось. Этой и другими акциями насилия на немецкой земле Сталин загнал немцев в руки США и их союзников.

Архивные документы свидетельствуют, что Сталин поначалу выбрал из трех возможностей немецкой политики, которые были разработаны советскими внешнеполитическими экспертами, – «социалистическая часть или единая Германия», «жесткий мир» или «буржуазно-демократическое государство» – последнюю возможность¹. Это объясняет, почему в обращении ЦК Компартии Германии от 11 июня 1945 года говорилось, что «путь навязывания Германии советской системы был бы ошибочен(...) что решающие интересы немецкого народа в сегодняшнем положении, в каком оказалась Германия, требуют другого пути, а именно построения антифашистского, демократического режима, парламентской демократической республики со всеми демократическими правами и свободами для немецкого народа»².

Сознавал ли Сталин тогда опасность западной реакции на советизацию Германии? Стремился ли он проводить этот процесс осторожно, чтобы не раздражать и не провоцировать Запад? Или же идеи создания буржуазно-демократи-

¹ *Alexej Filitov, ebenda, S. 54.*

² Цитируется по: *Zur Geschichte der neuesten Zeit. Die Niederlage Hitlerdeutschlands und die Schaffung der antifaschistisch-demokratischen Ordnung, Bd. I, Berlin 1955, S. 375.*

ческой немецкой республики носили исключительно пропагандистский характер?

Мне кажется, что поначалу Сталин склонялся все же к идее буржуазно-демократической Германии. Это находит подтверждение во многих шагах тогдашней советской политики в отношении Германии. В качестве примера можно привести план восстановления политического и экономического единства Германии, предложенный в марте 1947 года на Московской конференции министров иностранных дел. В нем речь шла о «сохранении существующих общественно-экономических отношений единого немецкого государства», т. е. о единой буржуазно-демократической немецкой республике¹.

Но как можно было тогда объяснить, что практически одновременно с этой конференцией министров иностранных дел в ноябре 1947 года Антон Аккерманн провозгласил в газете СЕПГ «Einheit» цель: для развития Восточной Германии примером должен служить Советский Союз, а предыдущая генеральная линия КПГ была ошибочной? С моей точки зрения, это отражало колебания внутри политического руководства Советского Союза. Сталин не был уверен в том, удастся ли вообще вырвать из сферы влияния США всю Германию, если она вся стала бы буржуазно-демократической республикой.

Германская политика западных держав формировалась под влиянием сильной антипатии и недоверия к тоталитарному режиму Сталина с его кремлевскими тайнами, с его стремлением к экспансии.

В подходе к судьбе Германии между Советским Союзом и Западом было еще одно большое различие. Речь шла о неразрывной геополитической связи между решением «германского вопроса» и советской политикой в Восточной Европе. Господство Советского Союза над восточноевропейским регионом – помимо других причин – не позволяло

¹ История внешней политики Советского Союза. Москва, 1981. Т. 2. С. 76.

проводить совместную с западными державами политику в отношении Германии и искать совместные решения. Отказ Советского Союза от доминирования в Восточной Европе был тогда необходимым условием для того, чтобы можно было склонить западные державы к восстановлению единства Германии как суверенного нейтрального государства. Отдавали ли себе отчет в этом Сталин и его окружение? Трудно сказать. Однако советская нота в адрес западных держав от марта 1952 года заставляет в этом усомниться.

2. Загадки ноты Сталина западным державам от 10 марта 1952 года

Провал попыток сталинского руководства вытеснить западных союзников из Берлина путем его блокады привел к крупным моральным и экономическим издержкам для советской политики в германском вопросе. К этому добавились проблемы, связанные с перспективой вовлечения ФРГ в НАТО. В этой ситуации от Москвы требовалось принятие неординарных мер. И вот 10 марта 1952 года советское правительство направило ноту правительствам США, Великобритании и Франции. Она вошла в историю как «Нота Сталина» и стала одним из горячо дискутируемых ходов на шахматной доске советской политики в отношении Германии после Второй мировой войны. Западу было предложено принять проект мирного договора с Германией. Важнейшими пунктами в нем были:

- В соответствии с решениями Потсдамской конференции Германия должна быть превращена в единое, независимое, демократическое и миролюбивое государство (хотя раздел Германии между державами-победительницами на четыре оккупационные зоны предопределил ее раскол на долгие годы).
- Германия должна взять на себя обязательства не участвовать в каких-либо коалициях и военных союзах,

которые направлены против какого-либо из государств, принимавших участие в войне с Германией.

- Германия должна иметь право обладать собственными вооруженными силами для обороны своей территории и производить необходимые для этого вооружения и техническое оснащение.
- Спустя год после подписания мирного договора войска оккупационных держав должны быть выведены с немецкой территории, а их опорные пункты и базы ликвидированы.
- Окончательный текст мирного договора должен быть разработан и подписан при участии общегерманского правительства, которое должно быть образовано.

9 апреля 1952 года советское правительство направило в адрес США, Великобритании и Франции очередную ноту, в которой предлагалось провести свободные выборы по всей Германии под наблюдением комиссии, состоящей из представителей всех четырех держав. До этого советское руководство постоянно накладывало вето на проведение свободных выборов в Германии под наблюдением международной комиссии, поскольку оно не могло рассчитывать на получение большинства голосов. Неожиданно Сталин убрал это препятствие на пути к достижению взаимопонимания с Западом по «германскому вопросу». Теперь ноту нельзя было рассматривать исключительно как пропагандистский трюк.

Но как можно было объяснить, что одновременно с этой нотой советские власти в Восточной Германии распорядились установить на внутригерманской границе заграждения, а количество пограничных пропускных пунктов резко сократить, что противоречило концепции данной ноты. Было ли это проявлением политики дальнейшего отгораживания? Или это было сделано по настоянию новой восточногерманской власти?

До сих пор многие историки и политики расходятся во мнениях относительно мотивов ноты Сталина и позиции Запада. Всерьез ли делал Сталин подобное предложение?

Правильной ли была негативная реакция Запада и правительства Аденауэре на эту ноту?

Были ли тогда упущены Западом уникальные шансы немецкого объединения? Или же нота в действительности была только трюком?¹ Чего ожидал, собственно, Сталин от западных держав? Был ли он уверен в том, что они отвергнут эту ноту? Был ли он вообще заинтересован в ее принятии? Хотел ли он пожертвовать своим «нелюбимым ребенком» – ГДР, как

¹ Большинство исследователей на Западе сходятся во мнении, что нота Сталина была пропагандистским трюком. Эта точка зрения рельефнее всего представлена в следующих источниках: Н. Graml, *Die Legende von der verpassten Gelegenheit. Zur sowjetischen Notenkampagne des Jahres 1952*, in: «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», Heft 2, 1981; G. Wettig, *Die sowjetische Deutschland-Note vom März 1952. Wiedervereinigungsangebot oder Propagandaaktion?*, in: «Deutschland Archiv», 2/1982; *Die Deutschland-Note vom 10. März 1952 nach sowjetischen Akten*, in: *Die Deutschlandfrage von der staatlichen Teilung Deutschlands bis zum Tode Stalins*, «Studien zur Deutschlandfrage», Berlin, 1994, Bd. 13, см. также его ранее цитируемые произведения. К этой школе примыкают американские историки Войтех Мастни (*The Cold War and Soviet Insecurity. The Stalin Years*, New York, 1996), Джон Льюис Гэддис (*We Now Know. Rethinking Cold War History*, Oxford, 1997), русский историк Михаил Наринский. Известный защитник противоположной точки зрения – что нота Сталина была задумана всерьез – это австрийский историк Рольф Штайнингер, который изучал эту проблему на основе английских и американских документов и приводит интересные факты в своей книге: «Eine Chance zur Wiedervereinigung? Darstellung und Dokumentation auf der Grundlage unveröffentlicher britischer und amerikanischer Akten», «Archiv für Sozialgeschichte, Beiheft 12, Bonn, 1985. В определенной степени, к данной точке зрения примыкает Вильфрид Лот: «Ost-West-Konflikt und «deutsche Frage», München, 1989, а также «Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte», Berlin, 1994. Такую позицию в отечественной историографии занимает М. Меламид-Мельников. Русский историк Алексей Филитов придерживается мнения, что нота Сталина преследовала цель надавить на руководство ГДР (Германский вопрос: от раскола к объединению. М., 1993).

считал Вильфрид Лот¹, чтобы достичь снижения военно-политического и экономического давления на Советский Союз?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо сначала найти в архивах Кремля, советского Министерства иностранных дел и КГБ соответствующие документы Сталина и проанализировать их. Но их нет или они до сих пор недоступны. Я сомневаюсь в том, существуют ли они вообще. Свидетельства Молотова, Громыко и других политиков сталинской школы однозначно свидетельствуют о том, что нота была задумана всерьез, что советское правительство пыталось восстановить немецкое единство. Такие заверения можно найти во всех тогдашних публикациях, разрешенных к печати коммунистическим руководством.

Но в действительности речь шла о значительно более важных и крупных вещах, нежели немецкое единство, а именно о вопросах самого существования Советского Союза и о коренных проблемах его политики и отношений с Западом. Чего же тогда добивался Сталин этой нотой?

С моей точки зрения, в его действиях основополагающими были четыре момента: а) он хотел предотвратить включение Западной Германии в западный военный союз; б) он полагал, что между объединенной нейтральной Германией и западными державами неизбежно возникнут «империалистические раздоры» и противоречия, которые Советский Союз с успехом сможет использовать, как это было в 1939 году, в) учитывая богатый внутренний потенциал и исторические традиции немецкого рабочего движения, он надеялся, что на общенемецкой основе будет намного эффективнее развить революционное движение; г) он хотел польстить национальным чувствам немцев и выставить себя в отличие от США и их союзников сторонником немецкого единства.

При оценке целей Сталина, которые он преследовал своей нотой, необходимо особое внимание уделить вопросу о роли

¹ *Wilfried Loth. Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte.*

«межимпериалистических противоречий» в его внешнеполитическом мышлении и их использования на благо Советского Союза. Игра на противоречиях между реальными и мнимыми противниками по принципу «разделяй и властвуй» отвечала психологии Сталина. Это было постоянно основной идеей его внутри- и внешнеполитической практики. В соответствии с этим он был убежден в том, что между Западом и Германией снова возникнут непреодолимые противоречия, которые могут даже привести, с его точки зрения, к войне между ними.

Это мнение он изложил в брошюре «Экономические проблемы социализма в СССР», вышедшей в феврале 1952 года, то есть за месяц до известной ноты в адрес западных держав. О том значении, которое Сталин придавал этим представлениям, свидетельствует его речь на XIX съезде КПСС осенью 1952 года, где он также изложил эту же концепцию использования «межимпериалистических противоречий».

Идея о том, что суверенная нейтральная Германия станет труднопредсказуемым игроком на международной политической арене, была присуща не только Сталину. Этого опасались также западные державы и даже правительство Аденауэра. В этой связи Герхард Веттиг заметил: «Из того факта, что Аденауэр стоит у истоков ФРГ и заложил в значительной степени основы ее внешней политики, не следует делать вывод о немецком единстве как о необходимом конечном результате этой политики. Наоборот, можно предположить, что Сталин весной 1952 года действительно считал приемлемым объединение Германии на демократических условиях, что не говорит о неверном курсе политики Аденауэра. Ибо даже при подобном советском предложении не было все же уверенности в том, что такое объединение приведет к здоровому для немецкого народа развитию. Судьба рейха Бисмарка с 1871 по 1945 гг. – находившегося по сравнению с объединившейся Германией послевоенного времени в несравненно лучших условиях – показывает, что по достижении национального единства опасности для немецкого народа не будут преодолены сами собой, а лишь возрастут. Как видит себя Германия

с провозглашенным военно-политическим нейтралитетом в центре разгорающегося конфликта Восток – Запад между двумя фронтами – этот вопрос остается открытым»¹.

Какие бы цели Сталин не преследовал своим предложением западным державам, ясно одно: в обоих случаях – при принятии ноты и при ее отклонении – он мог чувствовать себя победителем. Если бы не удалось достичь вышеобозначенных мнимых преимуществ для советской политики, то вину за раскол Германии можно было, в конце концов, свалить на страны Запада. В любом случае, в основе этой ноты лежал тщательно продуманный план. Но своей основной цели – предотвращения возникновения мировой анти-советской коалиции с участием Федеративной Республики Германия – Сталин достичь не смог.

По всей вероятности, ему важнее было снизить военно-политическое и экономическое давление на Советский Союз, нежели конфронтацию с превосходящим по силе Западом. Будучи единоличным властителем, он был в состоянии повернуть советскую политику на 90 градусов и более, если этого требовали его тактические соображения. Так было перед войной, когда он заключил «пакт с дьяволом» – со своим заклятым врагом Гитлером – и взбудоражил умы всех коммунистов. В еще большей степени он мог принимать неожиданные решения после победоносной войны, когда его власть стала безграничной и пространство для принятия решений в области внутренней политики страны существенно расширилось.

Весьма характерно, что курс на планомерное построение социализма в ГДР был взят лишь в июле 1952 года, после того, как была отклонена нота Сталина. Идея немецкого единства потеряла в планах Москвы свою актуальность. Теперь задача состояла в том, чтобы как можно сильнее закрепить раскол Германии и сделать глубже пропасть между двумя немецкими государствами.

¹ *Gerhard Wettig, Stalins Deutschlandpolitik, a.a.O., S. 38.*

Вопреки расхожему мнению, что раскол Германии является результатом изменений в общественном порядке и характере собственности в советской оккупационной зоне в 1945–1949 гг., можно сказать, что московское руководство в это время, в принципе, не предпринимало ничего особенного, что могло бы создать непреодолимые преграды для единства страны. Денацификация, демилитаризация, национализация предприятий, принадлежавших нацистским преступникам, и декартелизация не были подходящими средствами для этого. «Классовые» мероприятия, проводимые советской политикой в советской оккупационной зоне до 1949 года и, соответственно, в ГДР до 1952 года, существенно отличались от тех, которые применялись в других государствах Центральной и Восточной Европы. Это было, очевидно, основано на том, что до 1952 года Кремль выступал противником разделения Германии.

Непринятие Западом сталинской ноты ознаменовало собой начало нового этапа советской политики в отношении Германии. Дальнейшее развитие «немецкого вопроса» оказалось под решающим влиянием двух основных тенденций европейской политики: ускоренной советизации Восточной Европы и атлантизации (американизации) Западной Европы. В течение последующих лет они вылились в антагонизм стран НАТО и ОВД. Возникла система европейской безопасности, основанная на относительном балансе сил и равновесии ядерного страха.

В промежутке между 1945 и 1955 гг. два немецких государства оказались полностью интегрированы в противоположные политические, экономические и военные структуры, возглавляемые СССР и США. Пути их исторического развития разошлись. Под влиянием различных политических систем и ценностей на Западе и Востоке Германии сформировались различные типы социальной психологии, различные модели социального поведения немцев, различные типы социальных отношений.

Оба немецких государства находились на крайне уязвимой линии соприкосновения нового противостояния сил в Европе. Они стали весьма чувствительным звеном холодной войны. Будучи сам порождением этой войны, «немецкий вопрос» с течением времени стал сильным источником напряженности между Советским Союзом и западными державами. В той же мере, в какой раскол Германии стал символом разделения Европы, преодоление этого разделения было немыслимо без устранения раскола Германии. «Немецкий вопрос» превратился в туго затянутый узел переплетавшихся противоречий великих держав. Распутать этот узел могли только Советский Союз и США в случае нахождения консенсуса в их политических интересах.

В этот период европейской истории сформировалась концепция американской политики в Европе, которую, как указывалось выше, позднее достаточно точно сформулировал генеральный секретарь НАТО лорд Исмей: «Держать американцев в Европе, держать немцев в узде, держать русских вне Европы» (To keep Americans in, to keep Germans down, to keep Russians out). К концу этого периода экспансионистский напор советской политики в Европе иссяк. Москва была вынуждена перейти к оборонительной стратегии и приспособиться к постоянно меняющимся вариантам западной стратегии – сдерживанию, отбрасыванию, гибкому реагированию, мирному проникновению и пр., чтобы сохранить свое господство в Восточной Европе. Гарантом сохранения этого господства стало стратегическое ядерное наступательное оружие. Оно также обеспечило то, что конфронтация Восток – Запад не переросла в европейскую войну.

Но позиционная холодная война была крайне невыгодна Советскому Союзу, учитывая слабости и недостатки его системы, особенно в области экономики. Перспективы Советского Союза на успех в подобной войне были более чем сомнительны. Попытки брежневского руководства закрепить возникший в Европе статус-кво с помощью Хельсинкских соглашений не могли спасти положение. Стратегическое

ядерное оружие было бессильным против притягательности и влияния западных идей демократии, прав и свобод личности, более высокого благосостояния населения в странах Запада.

Порочный круг борьбы за господство в Восточной и Центральной Европе начал подобно удавке стягивать советскую политику и экономику. Советский Союз был вынужден приносить неприемлемые экономические жертвы, чтобы сохранять сферу своего влияния в Европе и одновременно придерживаться провозглашенной Брежневым доктрины «стратегического паритета» с США и другими западными державами. Между этими задачами, поставленными перед советской внешней политикой, и реальными ресурсами для их реализации возникла глубокая пропасть.

3. Германский вопрос на заседании Научно-консультативного совета при МИД СССР 27 ноября 1987 г.

В марте 1987 я был назначен председателем Научно-консультативного совета, созданного при Управлении социалистических стран Министерства иностранных дел СССР. Этот пост я занимал по совместительству с заведованием отделом международных отношений Института экономики мировой социалистической системы АН. Такое назначение показалось мне довольно странным, поскольку я давно уже имел репутацию «еретика» и противника сталинских догм во внешней политике. Поэтому я воспринял это назначение как еще одно свидетельство того, что с приходом Горбачева к власти в Министерстве иностранных дел также начались перемены и что идеи, содержащиеся в моей конфиденциальной аналитической записке об уроках нашей внешнеполитической деятельности, которая была отослана министру иностранных дел 8 января 1987 года, были восприняты позитивно.

Моим заместителем был назначен Борис Поклад, который руководил отделом Юго-Восточной Европы в Ми-

нистерстве иностранных дел. Ответственным секретарем Совета стал Виктор Козликин, сотрудник секции по делам ГДР (впоследствии советник в советском посольстве в Вене и пресс-атташе советского посольства в Германии). Среди членов Совета были представители Министерства иностранных дел, отдела ЦК «Социалистические страны», Министерства обороны, Министерства внешней торговли, КГБ, прочих правительственных органов, а также институтов Академии наук, которые консультировали советское руководство по вопросам внешней политики.

Совету было дано поручение обсуждать на своих заседаниях острые проблемы внешней политики и составлять на основе обмена мнениями аналитические записки для министра иностранных дел Шеварднадзе, а при необходимости – для политического руководства страны. Это позволяло вырабатывать новые внешнеполитические идеи, концепции и решения и предоставлять их для ознакомления руководящим лицам Министерства иностранных дел и ЦК КПСС.

Я обозначил в качестве основного направления в работе Совета проблемы, которые были непосредственно связаны с новым внешнеполитическим мышлением и его реализацией в оперативной политике. Это означало необходимость внесения в деятельность Министерства иностранных дел новых веяний и идей, свободных от старых догм и изживших себя представлений, проведение свободных обсуждений вопросов и задач, жизненно важных для внешней политики Советского Союза.

В повестку дня дискуссий на заседаниях Совета были вынесены три группы вопросов, которые, с моей точки зрения, имели первостепенное значение для вывода Советского Союза из состояния холодной войны с Западом: а) отказ от гегемонистской политики и создание новой основы для демократических, равноправных, партнерских отношений Советского Союза с социалистическими странами; б) переоценка теоретических постулатов и принципов советской внешней политики; в) поиск решения «германского вопро-

са», что было решающим фактором для устранения конфронтации между Востоком и Западом.

Мне удалось привлечь в качестве докладчиков сторонников новых идей. Так, например, профессор Анатолий Бутенко, который стал известен своей критикой устаревших принципов взаимоотношений Советского Союза с социалистическими странами, прочитал очень актуальный доклад о внесении изменений в теоретические основы советской внешней политики.

Даже во времена Горбачева многие внешнеполитические темы в течение длительного времени оставались запретными. Одной из них считалась тема «германского единства». Эдуард Шеварднадзе писал в своих мемуарах, что он еще в 1986 году пришел к выводу, что восстановление единства Германии неизбежно. «Но в тот момент, когда был сделан этот прогноз, – писал он, – казалось невозможным поднять этот вопрос на принципиально высоком уровне. Слишком глубоко в нашем сознании укоренилась мысль о том, что существование двух Германий надежно обеспечивает безопасность нашей страны и всего континента». Невзирая на это табу, я, как председатель Научно-консультативного совета при МИД, решил в мае 1987 года поставить на повестку дня его очередного заседания обсуждение проблемы возможного развития «германского вопроса». Появилось много симптомов ухудшения экономического и политического положения ГДР, которое могло привести к кризису с непредсказуемыми последствиями. Помимо этого, необходимо было прояснить принципиальные проблемы советской политики в отношении Германии в свете новых требований перестройки. С этой целью позвонил заместителю руководителя Управления ЦК КПСС по делам социалистических стран Рафаэлю Федорову, чтобы проинформировать его о моем намерении. Он заявил, что «германский вопрос» «решен» и «не подлежит обсуждению». Руководитель Управления социалистических стран Европы в МИД Гаральд Горинович тоже не был в восторге от моих

намерений. Заседание несколько раз переносилось и, наконец, состоялось по моему настоянию 27 ноября 1987 года. Мой дискуссионный доклад был разослан в июне 1987 года в 30 экземплярах членам Совета, а также в ЦК и МИД.

Тема заседания была сформулирована следующим образом: «Перспективы развития двух немецких государств и их взаимоотношений в общеевропейском и глобальном контексте». В качестве первого пункта на повестке дня фигурировал мой доклад на тему: «Немецкий вопрос – состояние и перспективы развития», а также обсуждение двух других проблем: а) «Германский вопрос» в системе взаимоотношений Восток – Запад на современном этапе и б) возможные тенденции развития «германского вопроса» и интересы СССР. Участникам заседания была передана следующая программа дискуссии:

I. Сравнительный анализ итогов и перспектив внутреннего развития двух германских государств.

- 1. Экономическая область,*
- 2. Социально-политическая область,*
- 3. Социальная структура государств,*
- 4. Психологические факторы.*

II. Как могут в дальнейшем развиваться отношения двух немецких государств?

- 1. Должна ли быть продолжена политика разграничения? Что она может принести?*
- 2. Вероятен ли поворот к сближению и сотрудничеству? Какие формы он может приобрести?*
- 3. Как могут сочетаться (быть согласованными) эти две линии?*
- 4. В каких областях будет развиваться сотрудничество двух германских государств?*
- 5. Может ли снова быть оживленной «концепция магнита»?*

III. Перспективы развития «германского вопроса».

- 1. Можно ли считать решение «германского вопроса» окончательным?*

2. Основные тенденции развития идей по «германскому вопросу» в общественной и политической жизни ФРГ:

- а. Концепция Аденауэра, приспособленная к современному положению;
- б. Полное признание двух германских государств *de facto* и *de jure*;
- в. Поэтапное создание конфедерации двух германских государств;
- г. Объединение Германии путем ее нейтрализации;
- д. Вопрос о мирном договоре;
- е. Позиции партий и общественных движений по «германскому вопросу».
- ж. Западная ориентация, линия Бисмарка (сохранять связь с Востоком). Их роль;

3. Отношение к «германскому вопросу» в ГДР:

- а. Официальная линия;
- б. Настроения в народе;
- в. Взгляды молодого поколения.

IV. Как отразится дальнейшее развитие «германского вопроса» по варианту III, пункт 2 а, б, в, г:

- а. на положении НАТО?
- б. на положении Варшавского договора?
- в. на позиции Советского Союза в Европе и в мире?
- г. на позиции США в Европе и в мире?
- д. на расстановке сил и ее изменении в Европе?

V. Отношение к «германскому вопросу» на Западе:

- а. США,
- б. Франция,
- в.. Англия,
- г. малые страны,
- д. НАТО.

VI. Возможные варианты развития «германского вопроса» и интересы социалистических стран Восточной Европы:

- а. Советского Союза,
- б. Польской народной республики,

- в. Чехословацкой социалистической республики,*
- г. Остальных восточноевропейских стран.*

VII. Необходимо ли коренное изменение подхода к «германскому вопросу»?

- а. Можно ли исходить из того, что господствующие позиции США в Западной Европе покоятся на двух основах – на ядерных гарантиях и на расколе Германии? Как могут быть ослаблены американские позиции в Европе?*
- б. Какие последствия будет иметь продолжение процессов внутреннего и внешнеполитического развития ГДР и ФРГ на основе существующего статус-кво?*
- в. Какие меры и инициативы следует предпринять, чтобы предотвратить и нейтрализовать негативные для нас процессы?*
- г. Как реально можно укрепить социализм в ГДР?*
- д. Дилемма двух германских государств в нашей политике.*

Еще ни разу в Министерстве иностранных дел на обсуждение не выносилась такая комплексная программа решения насущных проблем, связанных с «германским вопросом». Из этой программы вытекал вывод о том, что «германский вопрос» ждет своего решения. Учитывая процессы внутреннего развития ГДР, он требовал основательного нового подхода как к единому целому. Как выяснилось, большинство участников дискуссии не были готовы к открытому обсуждению темы.

Дискуссии предшествовал мой доклад. Он исходил из того, что ГДР не в состоянии выдержать, а тем более выиграть политическую, экономическую и социальную конкуренцию с ФРГ, что усиливало влияние национального вопроса на умы немцев ГДР. А это неизбежно вело к дальнейшему ослаблению господствующего в ГДР политического устройства и ставило проблему национального единства в совершенно новом свете. Для Советского Союза раскол Германии и продолжающееся соревнование двух немецких государств

в «перетягивании каната» не сулит благоприятных надежд. К тому же это создает непреодолимые трудности на пути устранения конфронтации Восток – Запад, представлявшей для нашей страны невыносимое экономическое и политическое бремя.

Но как можно разрубить этот Гордиев узел? Единственным приемлемым путем для решения «германского вопроса» в тогдашних условиях казалась конвергенция – постепенное сближение двух немецких государств, взаимная адаптация их политических, экономических и социальных структур. Это представлялось возможным, учитывая программу реформ, выдвинутую Пражской весной 1968 г. Надо было использовать наследие Александра Дубчека, Отто Шика, Зденека Млынаржа и других чехословацких реформаторов, т. е. признать и использовать, наконец, такие политические и экономические ценности, как права и свободы человека, политический плюрализм, социально ориентированная рыночная экономика, принципы правового государства, свобода совести и пр. В Советском Союзе этот процесс уже начался. Почему он не мог начаться в ГДР? Мне были известны идеи оппозиционного демократического движения в ГДР, которое представляли Роберт Хавеман, Райнер Эппельман, Вольф Бирман, Штефан Гермлин, Рудольф Баро и др. В принципе, большинство из них выступало с позиций теории конвергенции. Основная мысль Берлинского обращения, составленного Робертом Хавеманом и Райнером Эппельманом в 1982 году, которое было подписано двумя тысячами граждан ГДР и было адресовано к общественности обоих немецких государств и за границы, полностью отвечало моим воззрениям: мирная, разоруженная Европа может быть создана только путем выхода обоих немецких государств из межблоковой конфронтации НАТО и ОВД, преодоления их раскола, сопровождающегося выводом всех иностранных войск с территории Германии. Сначала эти идеи Хавеман развил в статье, опубликованной в еженедельнике «Die Zeit» 7 декабря 1979 года. В сентябре 1981 года он написал письмо Леониду Брежневу, где изло-

жил свою концепцию переустройства Европы. Но тогда было наивно ожидать понимания и признания этих идей брежневским руководством. Оно твердо придерживалось концепции двух германских государств. Хавеман и другие представители оппозиции в ГДР, отстаивавшие идею объединения Германии, подверглись преследованиям.

После начала перестройки в Советском Союзе положение изменилось. Теперь казалось, что идеи Хавемана звучат в унисон с новым советским внешнеполитическим курсом. Они вписывались в выдвинутую им концепцию общеевропейского дома.

Конечно, тогда никто не мог себе представить, что «германский вопрос» быстро решится посредством объединения Германии. Но необходимо было, наконец, положить начало этому процессу. Поэтому основная мысль моего доклада заключалась именно в том, чтобы побудить лиц, ответственных за принятие внешнеполитических решений, изменить советскую политику в «германском вопросе», перейти от концепции двух немецких государств к идее постепенного преодоления раскола Германии и последовательно реализовывать ее в сотрудничестве с руководством ГДР и западными державами. Мне тогда представлялись возможными шесть вариантов решения «германского вопроса»:

- сохранение статус-кво;
- объединенная, нейтральная Германия;
- объединенная Германия, интегрированная в западный альянс;
- выход ФРГ и ГДР соответственно из НАТО и ОВД и существование двух германских государств на основе их нейтрального статуса;
- конфедерация обоих немецких государств;
- заключение мирного договора с обоими немецкими государствами при сохранении их членства в обоих блоках.

Первый вариант – сохранение статус-кво в центре Европы – я считал крайне невыгодным для интересов Советского

Союза, поскольку он в перспективе не оставлял надежд на прекращение конфронтации Восток – Запад. Относительно приемлемым решением в тогдашних условиях мне казался второй вариант. Возврат к идее объединения Германии на основе ее нейтрального статуса был намного реалистичнее, чем это было до 1985 года. Можно было надеяться, что эта идея, содержащаяся еще в сталинской ноте от 10 марта 1952 года, не слишком оттолкнет советское руководство. Ключ к объединению Германии находился, в конце концов, в Москве, и им необходимо было воспользоваться, пока не поздно. В любом случае советскому правительству необходимо было начать процесс и продемонстрировать свою волю к объединению Германии.

В докладе были выделены два важнейших условия для решения «германского вопроса»:

1. Отход Советского Союза от гегемонистских мессианских целевых установок и демократизация отношений со странами Восточной Европы;

2. Переход правительства ГДР к реформированию экономической и политической системы страны, предоставление гражданам новых ориентиров и надежд на альтернативное социалистическое развитие, обеспечение их реальными экономическими, политическими и гуманитарными благами, чтобы можно было опираться не на насилие и принуждение, а на социальную удовлетворенность и поддержку большинства населения.

Реформирование политической системы в ГДР было необходимо для конвергенции двух немецких государств. В конце доклада было обращено внимание на то, что в «германском вопросе» могут произойти неожиданные повороты как следствие внутреннего развития прежде всего в ГДР, а также в странах Восточной Европы¹.

¹ Текст доклада был опубликован в приложении к еженедельной газете парламента ФРГ «Das Parlament» – «Aus Politik und Zeitgeschichte», 08.04.1994.

Реакция участников заседания на мои идеи и предложения была крайне негативной. Член Коллегии Министерства иностранных дел посланник В. Белецкий охарактеризовал мое выступление как политическое поражение и призвал к тому, чтобы «не допустить возрождения некривизма». Он имел в виду известное дело Александра Некрича. В феврале 1966 г. обсуждение его книги «22 июня 1941 года» в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС вылилось в открытый протест многих выступавших против политики возрождения сталинизма, проводимой брежневским окружением. Это привело к политическому преследованию оппозиционно настроенных участников того совещания, среди них трех полковников Генерального штаба – В. Кулиша, В. Анфилова и В. Дашичева.

Руководитель Управления социалистических стран Европы в МИД Гаральд Горинович, как и другие участники заседания, в своих выступлениях отвергли мои соображения. Только профессор Юрий Давыдов, руководитель отдела в Институте США, разделил мои взгляды.

Заседание НКС в МИДе произвело эффект разорвавшейся бомбы – настолько необычными были для большинства постановка вопроса и предмет дискуссии. Горинович даже распорядился собрать и уничтожить все экземпляры моего доклада. Несмотря на то, что данное заседание закончилось с отрицательным результатом, оно, безусловно, сыграло определенную роль в последующем переосмыслении советской политики по германскому вопросу. Многие ее догмы постепенно были пересмотрены.

Интересно, что Хонеккер, как он пишет в своих мемуарах, был проинформирован о ходе этого заседания НКС уже в 1987 г. В том же году посол ГДР в Москве Кениг сообщил в Берлин, что «некоторые советские авторы» неожиданно начали рассматривать в качестве актуальной политической задачи «преодоление раскола Германии».

4. Мой меморандум по германскому вопросу

1988 год принес много нового для развития ситуации в Европе. Три года реформ в Советском Союзе дали большой толчок реформаторским инициативам в Восточной Европе, прежде всего в Польше и Венгрии. В Польше возросло влияние массового движения «Солидарность». В Венгрии началось внедрение многопартийной системы. Советское руководство спокойно реагировало на это. Его главной заботой было сохранение социально-политической стабильности в тех странах, где проходили реформы.

Из этих процессов выпадали прежде всего ГДР, Румыния и Чехословакия из-за позиции их руководителей. Руководство Болгарии на словах поддерживало принципы советской перестройки, но не предпринимало никаких реформаторских действий. Было ясно, что эти страны не могли долго оставаться в старом состоянии, учитывая перемены в Советском Союзе и необходимость изменения существовавшего механизма власти. Особенно ГДР нуждалась в глубоком реформировании своей системы. Большинство ее граждан с надеждой смотрели на процессы демократизации, проходившие в Советском Союзе, ожидая, что и в их страну придет давно желанное обновление государственной системы и принесет свободу для немецко-немецкого общения. На политическую ситуацию в ГДР очень сильное влияние оказывали процессы в Польше и Венгрии. Было очевидно: реформы нужны не только ради обновления политической и экономической системы, но и для того, чтобы сдержать брожение в восточногерманском обществе и «выпустить пар из котла».

По всем признакам следовало ожидать, что «германский вопрос» вскоре обретет особую остроту и выйдет на передний план в европейской политике. Нельзя было не заметить, что после заседания Научно-консультативного совета МИД в ноябре 1987 г. все-таки не произошло никаких существенных изменений в советской политике в отношении

Германии. Многолетний руководитель Управления стран Центральной Европы Бондаренко и другие представители консервативной линии непоколебимо продолжали старую политику сохранения двух германских государств. В октябре 1988 года их позиции значительно усилились благодаря назначению В. Фалина руководителем Отдела международных отношений ЦК КПСС. Я заметил, что даже многие консультанты ЦК были не в восторге от этого назначения. Новым идеям и новой линии в германской политике приходилось пробивать себе дорогу в условиях жесткого противодействия консервативно-догматического крыла партийного, государственного и военного руководства.

14 ноября 1988 года В. Фалин созвал в своем отделе большое совещание, на которое были приглашены около 40 представителей Министерства иностранных дел, Министерства обороны, КГБ, Министерства экономики, а также Академии наук. На повестке дня стоял вопрос об общеевропейском доме. Возникла острая дискуссия. Мое выступление сводилось к следующему: построение общеевропейского дома в условиях разделенного континента и Германии нереальное дело, существующий статус-кво в Европе в условиях конфронтации Восток – Запад пагубен для национальных интересов Советского Союза, мы не в состоянии поддерживать его длительное время, надо искать выход из этой ситуации.

Сразу же после моего выступления слово взял В. Фалин. Он резко отреагировал на изложенные мною соображения и много внимания уделил доказательству вины американцев в развязывании холодной войны. Затем он поручил вести заседание своему заместителю Зуеву и покинул зал с недовольным видом. Его выступление в очередной раз подтвердило, что в советских консервативных политических кругах не понимали, насколько сложившийся европейский статус-кво ущербен для национальных интересов Советского Союза. Другие участники дискуссии воздержались от того, чтобы затронуть в своих выступлениях острые и непростые вопросы германского единства. Совещание

наглядно показало, насколько важны были убедительные аргументы против косной, устаревшей линии советской политики в германском вопросе.

Вскоре после столкновения мнений с В. Фалиным я разработал аналитический доклад «Концепция общеевропейского дома и германский вопрос». 17 апреля 1988 г. он подвергся обсуждению на заседании Научного совета ИЭМСС, был одобрен и на следующий день отправлен в секретариаты Горбачева и Шеварднадзе. Основная цель его состояла в том, чтобы побудить советское руководство принять, наконец, новый курс в германской политике. На этот раз в нем конкретно обосновывалась необходимость курса на объединение Германии.

Во-первых, необходимо было развеять слепую веру в широко распространенный миф о том, что раздел Германии на два государства якобы лучше всего служит интересам Советского Союза. Чтобы придать больший вес аргументам в пользу этого, в докладе было подчеркнуто, что даже Сталин понимал преимущества германского единства для Советского Союза и что это понимание легло в основу его ноты западным державам от 10 марта 1952 года. Мой экскурс в историю призван был убедить М. Горбачева в том, что советизация Восточной Германии не соответствовала стратегическим интересам Советского Союза. Мне казалось, что он положительно воспринял эту точку зрения¹.

Во-вторых, я считал необходимым признать, что Советскому Союзу было невозможно освободиться от политического и экономического бремени холодной войны и гонки вооружений, не разрешив «германский вопрос» в духе объединения Германии.

В-третьих, для меня уже в начале 1988 года было очевидно, что под влиянием реформ в Советском Союзе происходят

¹ В своей книге «Как это было. Объединение Германии» (М., 1999. С. 57) Горбачев писал, что советское руководство «взяло курс на советизацию своей оккупационной зоны вопреки собственным стратегическим интересам».

большие изменения в положении отдельных стран Восточной и Центральной Европы и во всей системе международных отношений на континенте. Они затонули также ГДР.

В докладе была выражена мысль, что было бы нереалистично стремиться к объединению Германии на основе ее нейтрального статуса. Ни правительство ФРГ, ни США и другие западные державы не пойдут на это. Поэтому надо было предусмотреть другие варианты объединительного процесса, в том числе временное членство Германии в НАТО на период перехода к новому мирному порядку в Европе. Высшим приоритетом для Советского Союза должно было быть прекращение холодной войны и конфронтации Восток – Запад. Ради этого следовало согласиться на членство Германии в НАТО.

В принципе я представлял себе эволюционное движение к немецкому единству на фоне постепенного демонтажа конфронтации, а также блоковых структур в отношениях Восток – Запад. На основе анализа дискуссий, которые велись в то время на Западе о дальнейшем политическом развитии в Европе, я склонялся к точке зрения, что США в случае окончания холодной войны и исчезновения «опасности с Востока» будут вынуждены участвовать в создании нового европейского мирного порядка без военных блоков и сфер влияния. Это мнение оказалось заблуждением.

В тогдашних международных условиях, полагал я, было нереалистично исходить из того, что объединение Германии произойдет очень быстро. Наилучшим способом достижения этой цели мне представлялась конвергенция, эволюционное сращивание обоих немецких государств. При таком процессе взаимного сближения можно было превратить положительные черты обеих социально-политических систем двух германских государств в совместное достояние объединенного немецкого народа. Поэтому требовалось поэтапное развитие реформы в ГДР, которое вело бы к эволюционному сближению обоих немецких государств, их политических и экономических структур, снятию остроты

«германского вопроса» и открытию перспективы объединения Германии, что привело бы к окончанию холодной войны и созданию нового, мирного порядка в Европе.

Может показаться парадоксальным, но мои рекомендации о выстраивании новой советской политики в отношении Германии походили на цели внешней политики ФРГ, как они были сформулированы в ее основном законе: вести работу по созданию условий в Европе, при которых немецкий народ смог бы обрести свой суверенитет путем свободного самоопределения.

К моему удивлению, Отдел международных отношений ЦК выразил 2 сентября 1989 года свою точку зрения на мои «идеи относительно Германии». Это было совсем необычно, ибо ЦК почти всегда избегал сообщать авторам или заинтересованным организациям и органам свое мнение в отношении их докладных записок. В данном случае речь шла о примечательном исключении. Необычным было также то обстоятельство, что записка из ЦК «К вопросу о докладе профессора В.И. Дашичева „Концепция европейского дома и немецкий вопрос“» была выслана не мне лично, а директору Института профессору О. Богомолу. Было ли это подстраховкой со стороны сотрудников отдела ЦК на тот случай, если Горбачев выразит свое положительное мнение о данном докладе? Или же значимость моих идей была таким образом косвенно признана? Трудно сказать. В отличие от прошлого непримиримо отрицательного отношения официальных органов к какому-либо пересмотру «германского вопроса» данная записка была составлена в более мягких тонах. Я мог это объяснить, прежде всего, влиянием Георгия Шахназарова, который отвечал в ЦК за мониторинг ситуации в ГДР и отличался самостоятельным мышлением.

Приведенное письмо ЦК в нескольких пунктах искажило мою позицию. Я никогда не придерживался мнения, будто *раскол Германии был основной причиной и поводом для конфронтации Запада с Советским Союзом*. Причиной этого я считал мессианскую экспансионистскую политику сталин-

ского руководства и установление советского господства над странами Восточной и Центральной Европы. Это письмо свидетельствовало, что в Отделе международных отношений ЦК по-прежнему доминировала ориентация на поддержание status quo в «германском вопросе». Фактом оставалось то, что мой призыв к разработке сценариев объединения Германии остался не услышанным. Мало кто тогда мог поверить в вероятность осуществления единства Германии. Горбачев – как, впрочем, и Гельмут Коль в то время – считал, что решение «германского вопроса» будет возможным лишь в XXI веке. «... Для нас в СССР, – говорил он, – “германский вопрос” в 1970-х гг. и вплоть до конца 1980-х гг. вообще не существовал. Политически и тем самым также дипломатически мы не рассматривали его как какую-либо проблему»¹. Это объясняет, почему большинство представителей правящих кругов в Советском Союзе и на Западе были застигнуты врасплох падением Берлинской стены и поначалу не знали, как следует на это реагировать. Но Горбачев воспринял факт падения стены без всякого трагизма и, больше того, отверг предложение В. Фалина восстановить ее силой. Это можно объяснить тем, что он был в известной степени подготовлен к такому развитию событий предшествующими обсуждениями «германского вопроса» в МИДе и ЦК.

5. Накануне перелома

Поскольку «германский вопрос» имел основополагающее значение для состояния европейской безопасности и всего комплекса взаимоотношений Восток – Запад, внимательное отслеживание и тщательное исследование социально-политических и экономических аспектов развития обоих германских государств и их внешней политики являлось важнейшей задачей Отдела международных отно-

¹ Горбачев М. С. Как это было. Объединение Германии. М., 1999. С. 83.

шений ИЭМСС АН. За исследование внутренней политики и внутреннего положения ГДР в рамках Института отвечал также сектор ГДР под руководством д. и. н. Леонида Цедиллина. В нашей работе мы могли опираться на достаточно широкую информацию. Одним из ее важнейших источников были конфиденциальные отчеты представителей нашего института, которые были аккредитованы в советских посольствах и торгпредствах в каждой социалистической стране в качестве первых секретарей. Для нас это была очень ценная, объективная информация из первых рук. Сообщения наших представителей о развитии положения в соответствующей стране были достаточно независимы. Они не обязательно совпадали с оценками посольств и зачастую отличались от них. Путем сравнения, дополненного анализом сообщений средств массовой информации и других источников, можно было составить достаточно точную картину положения в ГДР и отличить реальную ситуацию от приукрашенной официальной картины. В советском посольстве в Восточном Берлине институт был представлен в 1980-е гг. Олегом Юрыгиным. Он был в высшей степени компетентным экспертом по ГДР, его отчеты отличались глубоким анализом ситуации.

Оценивая социально-экономическое развитие ГДР в 1980-х гг., я с озабоченностью наблюдал рост кризисных явлений в стране. Главной их причиной была неэффективная, инертная экономическая система, которая нуждалась в основательном реформировании. Но при Хонеккере этого ожидать не приходилось. Недостатки и пороки этой системы особенно бросались в глаза на фоне эффективного развития западногерманской экономики. Руководство ГДР слепо придерживалось ложного принципа: лучший способ удержания единоличного правления – ни на миллиметр не ослаблять жесткие рамки тотального контроля над политическими, экономическими, культурными и прочими процессами. Политический аппарат власти советского образца, созданный в ГДР, обусловил неспособность ее носителей

понять, как жизненно важно было постоянно изменять и улучшать политическую и экономическую систему в соответствии с новыми тенденциями и требованиями развития.

Первый тревожный сигнал для централизованной системы плановой экономики в ГДР прозвучал, когда драматические события 17 июня 1953 года обнажили границы терпения людей и необходимость политических изменений и экономических реформ. Тогда в политических репрессиях как в Москве, так и в Восточном Берлине видели панацею ото всех бед. Лишь спустя 10 лет после кровавого подавления рабочего восстания в Берлине среди части руководства ГДР родилось осознание того, что необходимо переходить к новым методам планирования и управления экономикой, чтобы сохранить социальную стабильность в стране и составить социальную и экономическую конкуренцию Федеративной Республике. От этого, в конце концов, решительным образом зависели уровень жизни населения, социальная и политическая удовлетворенность граждан, а также социальная стабильность в государстве.

Тогдашний председатель государственной комиссии по планированию Эрих Апель в начале 1960-х гг. при содействии ученых и практиков разработал Новую экономическую систему планирования и руководства (НЭС). Целью НЭС являлось, по словам ее духовного отца профессора Герберта Вольфа, «преобразование преимущественно административной системы в преимущественно экономическую систему, ориентированную на рыночные отношения и рентабельность, материальную заинтересованность и стремление к достижениям»¹. Программа реформ предусматривала децентрализацию системы ценообразования, ограничение государственных дотаций, превращение прибыли в решающий показатель экономической деятельности, обеспечение творческого простора для людей.

¹ *Gerhard Schürer*, Statement zur Internationalen Forschertagung an der Europäischen Akademie in Otzenhausen am 20.11.1998, S. 3.

В истории экономического развития социалистических стран НЭС была первым многообещающим проектом реформирования сверхцентрализованной плановой экономики в сторону социально ориентированной рыночной экономики с сильными элементами регулирующей роли государства на макроэкономическом уровне. Вальтер Ульбрихт взял в 1963 году проведение реформ под свою защиту. Если бы они были реализованы, то развитие ГДР могло бы пойти по-другому.

Восточногерманские экономисты, разработавшие Новую экономическую систему, оказались первопроходцами среди социалистических стран. Их идеи нашли приверженцев и в Советском Союзе. Среди них был председатель Совета министров СССР Николай Косыгин. В середине 1960-х гг. под руководством профессора Либермана была разработана программа реформирования советской экономики. Подобно НЭС, она преследовала цель децентрализации существующей экономической системы и использования элементов рыночной экономики. В советском Политбюро, в котором господствовали неосталинисты во главе с Брежневым, программа реформ Косыгина натолкнулась на сильное сопротивление и была отвергнута.

Тогдашние кремлевские руководители были убеждены, что интенсивная эксплуатация богатых природных ресурсов Советского Союза и массовый экспорт нефти, газа и другого сырья помогут получить с Запада огромное количество валюты и позволят компенсировать неэффективность централизованной экономической системы, устранить проблемы со снабжением населения и выполнить социальные задачи государства. Поэтому реформы, с их точки зрения, были излишни. Этой точки зрения придерживались и некоторые советские ученые-экономисты. Они, например, утверждали: «Для чего нам каждый год безо всякой отдачи инвестировать огромные суммы в сельское хозяйство? Намного выгоднее вложения в нефтяную и газовую промышленность. На вырученные от продажи нефти

доллары мы сможем купить за границей все необходимое для снабжения населения».

Так, в начале 1970-х гг. образовался замкнутый круг полуколониальной экономической структуры – «валютной экономики» России, из которой страна не может выбраться по сей день, хотя уже по совсем другим причинам. Шансы изменить путем реформ экономическую систему были упущены брежневским правительством. Оно действовало по принципу: «После нас хоть потоп». Это имело роковые последствия для политической и экономической системы Советского Союза. Стоимость природной ренты в валовом внутреннем продукте России в 2000 году составляла 82 процента, и лишь 6 процентов приходились непосредственно на производство¹. Россия попала в полную зависимость от цены на энергоресурсы на мировом рынке, которую США могли в любой момент обрушить, как это было в 1990 г., что привело к краху перестройки, государственному перевороту Ельцина и падению Советского Союза.

В отличие от Советского Союза, ГДР была совсем бедна природными ресурсами. Реформы могли послужить ей спасительным якорем в бушующем море мировой конкуренции. И тем не менее, консервативные силы в руководстве ГДР, которые «учились у своего старшего брата», делали все, чтобы затруднить проведение реформ. Диктат Москвы сыграл решающую роль в сворачивании реформ в ГДР (так же, как позднее в Венгрии, Польше или Чехословакии). Вплоть до 1985 года советская политика играла роль непреодолимого препятствия на пути любой попытки провести реформы.

После 1972 г. в ГДР были постепенно полностью восстановлены административные методы руководства экономикой. Хонеккер объявил о «единстве экономической и социальной политики» и для удовлетворения социальных нужд предъявил экономике чрезмерно высокие требования, ко-

¹ *Круглов М.* Вперед в первобытное общество //Новая газета. 2–4 апреля 2001. С. 1.

торые намного превосходили ее мощности и возможности. Это означало, что большую часть средств на финансирование социальных программ необходимо было привлекать из-за рубежа. По данным, которые имелись в нашем институте, достаточно высокие по сравнению с другими социалистическими странами жизненные стандарты, которые существовали в ГДР, поддерживались преимущественно за счет иностранных кредитов. Задолженность ГДР выросла с 2 миллиардов долларов в 1971 году до 11 миллиардов долларов в 1977 году, а к 1985 году она составляла уже 30 миллиардов долларов. Однако ГДР не была в состоянии своими собственными силами покрыть эти огромные долги.

Из-за неэффективной экономической системы во второй половине 1980-х гг. стремительно усиливались кризисные явления в экономике ГДР. Реальные показатели выполнения плана снижались год от года. Образовывался хронический недостаток средств для модернизации капитального оборудования. К этому добавился еще один непредвиденный фактор – возможности Советского Союза по оказанию экономической помощи ГДР значительно уменьшились на рубеже 1985–1986 гг. вследствие сильного снижения мировых цен на нефть. ГДР все сильнее зависела от экономической поддержки со стороны ФРГ. Для получения валюты руководство ГДР стало во все большем объеме прибегать к практике реэкспорта на Запад нефти и сырья, получаемого из Советского Союза. Оно даже не гнушалось продавать в ФРГ политических заключенных, чтобы увеличить свои запасы валюты.

Тяжелейший политический кризис, который потрясал ГДР с середины 1989 года, невероятно ускорил ход развития событий в центре Европы. При всем том покажется невероятным, но уровень жизни граждан ГДР значительно превышал уровень жизни в Советском Союзе, но был почти в два раза ниже, чем в Западной Германии. Несмотря на кризисное состояние экономики ГДР в стране не было нищеты. Материальное положение подавляющего большинства населения

поначалу было более чем терпимым. Но не хлебом единым жив человек. В стране росло недовольство закостенелым режимом Эриха Хонеккера, подавлением человеческого самовыражения, ограничениями свободы передвижения. Все острее становился нерешенный национальный вопрос. М. Горбачев справедливо писал: «Стремление в ГДР к воссоединению нации имело глубокие и давние предпосылки. Оно чувствовалось даже в партийных кругах. Демократизация в СССР превращала надежды немцев в нечто реальное. Эти ожидания вышли осенью 1989 года на поверхность»¹. Руководству во главе с Хонеккером не удалось привить гражданам ГДР чувство принадлежности к одной нации. Тяжелая социально-политическая атмосфера достигла критического состояния, когда граждане ГДР осознали, что Хонеккер был настроен против реформ, проводимых в Советском Союзе, что он отвергал любые попытки реформ и погряз в сталинских представлениях. Его догматическая косность в то время, когда за один 1989 год 380 тысяч восточных немцев бежали на Запад через Венгрию и Чехословакию, когда массовые демонстрации в Дрездене, Лейпциге и других крупных городах очень быстро переросли в стремление к немецкому единству, свидетельствовала о том, что он потерял чувство реальности и всякую связь с народом.

К сожалению, в партийных и государственных структурах Советского Союза было много людей, которые симпатизировали курсу Хонеккера. Они придерживались мнения, что от демократических реформ в ГДР лучше воздержаться, чтобы «не раскачивать лодку», ратовали за продолжение старой советской политики в отношении ГДР и сохранение режима Хонеккера. Он сам и его приверженцы делали ставку на консервативные политические круги в СССР и надеялись, что они в крайнем случае пойдут на подавление народного движения, как это было в 1953 г. Я с беспокойством наблюдал,

¹ *Горбачев М.С.* Как это было. Объединение Германии. М., 1999. С. 80, 169.

как «негативный социально-политический потенциал» в ГДР стремительно набирал обороты с середины 1989 года и угрожал обернуться «социальным взрывом» с тяжелыми последствиями для стабильности и безопасности в Европе. С моей точки зрения, еще в 1986–1987 годах было необходимо противодействовать нарастанию этих негативных тенденций политическими средствами и наконец-то побудить руководство ГДР на то, чтобы оно направило развитие страны в правильное русло обновления, а также оказать политическую и моральную поддержку оппозиционным силам в ГДР.

6. Мои беседы с советским послом в ГДР В. Кочемасовым

В ноябре 1988 и в июле 1989 года у меня состоялись два долгих разговора с советским послом в Восточном Берлине Кочемасовым, причем они прошли по инициативе последнего. В них участвовал О. Юрыгин – первый секретарь посольства, представлявший ИЭМСС. В обоих случаях речь шла о положении в ГДР и о задачах советской политики, которые вытекали из этого положения.

Я выразил свое убеждение в том, что политическая и экономическая ситуация, а также национальный вопрос в ГДР в течение ближайших месяцев драматически обострятся и могут перейти в состояние тяжелого кризиса. По моему мнению, такое развитие было следствием политики, проводимой группой Хонеккера, который выступал как непримиримый противник курса М. Горбачева и решительно сопротивлялся любым реформам в ГДР. Я сказал, что если так дело пойдет и дальше, то возникнет риск потерять контроль над событиями. С позиции советской политики, было бы неправильно продолжать делать ставку на Хонеккера. Москва могла бы недвусмысленно дать понять политическим кругам в ГДР, что реформы и преобразования в ГДР абсолютно необходимы, чтобы успокоить население и основную массу членов

СЕПГ и сохранить социальную и политическую стабильность в стране. Такие рекомендации не должны сопровождаться вмешательством во внутренние дела ГДР. И – что было самым важным, – логика советских реформ, которые помимо прочего, преследовали цель прекратить конфронтацию Восток – Запад и создать новый мирный порядок в Европе, требовала переориентации советской политики в «германском вопросе» на постепенное преодоление раскола Германии.

Посол слушал меня с мрачным выражением лица под влиянием навалившихся на него проблем. Мне казалось, что он не разделял моих взглядов и колебался в своих мыслях между курсом Москвы и курсом Восточного Берлина. Ведь для многих высокопоставленных советских политиков и чиновников трудно было представить себе, чем и как закончится перестройка Горбачева. Инициатива ведь могла оказаться и наказуемой...

В день, когда состоялся наш июльский разговор 1989 года, Кочемасов попросил меня выступить с докладом о проблемах советской политики в отношении Германии перед дипломатическим персоналом посольства. Я охотно выполнил его просьбу. В сжатой форме я изложил свои мысли о необходимости переориентации советской политики в отношении Германии на постепенное сближение и объединение обоих немецких государств. Дипломаты, которые собрались в посольском клубе, напряженно слушали мои столь непривычно звучащие для их ушей размышления. Никакой дискуссии не последовало. Единственным, кто взял слово и поддержал меня в моей оценке ситуации в ГДР, был И.Н. Кузьмин, который служил с 1984 по 1991 гг. начальником информационного отдела советской разведки в Карлсхорсте и был очень хорошо информирован о закулисных вопросах развития ГДР¹. Он выразил свою

¹ В 1999 году И.Н. Кузьмин опубликовал свои интересные мемуары «Шесть осенних лет. Берлин 1985–1990». М.: Научная книга, 1999. В них он весьма компетентно описывает события в ГДР, которые привели к немецкому единству.

обеспокоенность относительно политического и экономического развития страны и неспособности руководства во главе с Хонеккером адекватно реагировать на недостатки этого развития. Я был поражен тем, что нашел единомышленника в оценке положения в ГДР среди функционеров советской разведслужбы. Но общую политическую линию Советского Союза в отношении ГДР Кузьмин не оспаривал. Позднее он написал: «Было более чем достаточно серьезных причин и конкретных фактов, которые позволяли советскому руководству вырабатывать прогнозы развития ГДР – стратегического союзника Советского Союза. В качестве препятствия для подобного анализа выступала наша идеология. Социализм был нерушим, и ему принадлежало будущее – такова была основная целевая установка для нас в Берлине и для наших начальников всех рангов в Москве. Устаревшие оценки прочности социалистических основ в ГДР оказались не последней причиной наших промахов»¹.

Лучше всего типичную точку зрения подавляющего большинства тогдашней политической номенклатуры в Советском Союзе относительно «германского вопроса» выразила партийная газета «Правда» в статье «Опасный анахронизм»: «В настоящее время важны политические реальности. Существуют два немецких государства, социально-политическое устройство которых разное. И поэтому оно и дальше должно оставаться таковым в интересах стабильности, построения общеевропейского дома, который может основываться только на социальном выборе народа. ГДР и ФРГ имеют собственные ценности, собственные пути развития. И каждое из этих государств может внести свой вклад в дело Европы и мира. А что случится через 100 лет – это будет решать история. Другой подход неприемлем. Если кто-либо попытается пойти по другому пути, то это бу-

¹ Кузьмин И.Н. Шесть осенних лет. Берлин 1985–1990. М.: Научная книга. С. 170–171.

дет иметь тяжелейшие последствия. В этом должна царить абсолютная ясность»¹.

Такая точка зрения, которая содержала в себе недвусмысленную угрозу, царила среди консервативно настроенных советских сторонников мышления на основе статус-кво вплоть до падения Берлинской стены. Ее приверженцы даже не подозревали, насколько анахроничными и оторванными от реальности были их воззрения, насколько далеко они были от новых требований, предъявляемых к нашей внешней политике. И, пожалуй, самое плохое – они абсолютно упускали из виду ускорявшиеся под воздействием реформ в Советском Союзе изменения политических и национальных настроений немецкого народа в ГДР.

Влияние этих кругов на всех уровнях государственного и партийного аппарата даже в годы перестройки нельзя было недооценивать, хотя при М. Горбачеве они перестали уже играть решающую роль при планировании и реализации советской политики в отношении Германии. Меня они рассматривали как опасного отступника от партийной линии во внешней политике. В июле 1989 г. Шеварднадзе пришлось уступить их давлению и удовлетворить их требования моего увольнения с поста руководителя Научно-консультативного совета при Министерстве иностранных дел. Однако, будучи заведующим отдела международных отношений в моем институте при Академии наук, я мог и дальше выполнять свои функции советника по внешней политике.

М. Горбачев последовательно, я бы даже сказал щепетильно, придерживался своей политики невмешательства во внутренние дела социалистических партнеров Советского Союза. Позднее он напишет: «Ни я, ни другие члены нового руководства СССР не собирались возглавлять перестройку во всем социалистическом лагере. Но мы рассчитывали на то, что нас поймут, и если захотят что-то менять

¹ Михайлов В. Опасный анахронизм. «Немецкий вопрос» и новое мышление. Правда, 24.04.1988.

у себя, то пусть это делают сугубо добровольно. Никакого вмешательства, никаких рекомендаций»¹. И ГДР не исключалась из этих новых правил советской политики, хотя режим Хонеккера не скрывал своей враждебности к реформам, проводимым в Советском Союзе. Даже когда глава службы безопасности ГДР – Штази – Эрих Мильке в разговоре с Горбачевым еще в апреле 1988 году заявил, что положение в СЕПГ и в обществе ГДР требует незамедлительной отставки Хонеккера, последний воздержался от обсуждения этого вопроса. Более того, на предложения восточногерманских политиков (Харри Тиш, Вернер Кроликовский и др.), сделанные в сентябре 1989 года относительно смещения Хонеккера, он также не обратил внимания. Он ожидал, что здоровые силы в СЕПГ это сделают сами, без вмешательства извне. Лишь 6 и 7 октября 1989 года, когда было уже безнадежно поздно, Горбачев воспользовался своим визитом в ГДР по поводу десятого партийного съезда СЕПГ, чтобы, наконец, тактично предупредить руководство ГДР относительно того, чтобы оно начало проведение реформ. Основная идея его мыслей, изложенных в разговоре с членами Политбюро ЦК СЕПГ 7 октября, была такова: «Лучше начать проводить реформы сверху, чем ждать, пока знамя перемен подхватят другие политические силы». На это Хонеккер в очередной раз возразил, что перестройка в Советском Союзе не может служить примером для ГДР. Знаменитые слова Горбачева «Того, кто приходит слишком поздно, наказывает жизнь», которые он произнес в Восточном Берлине, опоздали минимум на три года, ибо события в ГДР уже вышли из-под контроля. Народ ГДР с сентября 1989 года поднялся против режима СЕПГ и начал диктовать свою линию в немецких делах политике Советского Союза и западных держав. Мне стало совершенно ясно, что решение германского вопроса не за горами .

¹ *Горбачев М.С.* Как это было. Объединение Германии. М., 1999. С. 56.

7. Немецкий народ должен сам определять свою судьбу

15 октября 1989 года я выступил с докладом на тему «Общеввропейский дом и немецкий вопрос» на конгрессе западногерманского Учебного центра Вайкерсгейм. На нем собралось более пятисот участников, среди которых впервые было сто представителей ГДР – из Саксонии, Мекленбурга, Тюрингии, Бранденбурга и Силезии. На этот раз я решительно высказался за преодоление конфронтации Восток – Запад и создание новой Европы мира и сотрудничества. Среди прочего я сказал:

«Выводы, сделанные после 1985 г. из новых реалий и из практического переосмысления опыта прошлого, нашли свое отражение в новом политическом мышлении. Оно открыло при решении фундаментальных политических проблем и противоречий в отношениях между Востоком и Западом, особенно в Европе, новые, доселе небывалые возможности. Советская внешняя политика на практике радикально изменила свои концептуальные основы. Она отошла от наследия сталинизма и связанного с ним ультралевого догматизма и идеологического каннибализма. В первую очередь, следует выделить такие компоненты нового мышления, как отказ от идеологического мессианизма, от переноса классовой борьбы и идеологической борьбы на сферу международных отношений; признание того, что тезис о борьбе двух систем как доминирующей тенденции мирового развития устарел; провозглашение универсального принципа свободы выбора народов; новое отношение к теории конвергенции в свете качественного изменения в социальной структуре капиталистического и социалистического общества во второй половине XX столетия; осознание растущей взаимозависимости стран в современном мире и т. д. Одним словом, левозэкстремистская ориентация советской политики на враждебность, войну и конфронтацию с Западом уступает место здоровым идеям сотрудничества и партнерства,

а также конструктивной конкуренции. Становление нового духовно-концептуального арсенала советской внешней политики необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи с реализацией программы радикальных внутренних изменений в Советском Союзе: с переходом от государственно-монополистической экономики к экономике рыночного типа, с созданием демократического, открытого общества права, с восстановлением моральных, этических ценностей в советской политике. Разумеется, на Западе еще нет полной уверенности в том, что все эти новые принципы будут осуществлены в реальной политике Советского Союза. Основным критерием в данной ситуации является готовность советского руководства распространить принцип свободы выбора и права народов на самоопределение на страны Восточной Европы и полностью отказаться от брежневской доктрины "ограниченного суверенитета" социалистических стран. Если среди западных политиков пока нет ясности в этом вопросе и большинство из них склоняется в своих размышлениях к тому, что консервативные силы в Советском Союзе не допустят потери советского контроля над Восточной Европой, то в свете реальных изменений в позиции Советского Союза они все более убеждаются в том, что слова нового советского руководства не расходятся с делами. Особенно выделяется на этом фоне высокая степень терпения, проявляемая в эти дни советской политикой, связанного с глубинными изменениями в политической системе Польши и Венгрии на основе конституционной многопартийной системы и легализации оппозиции. В этой связи также следует указать на ориентацию советской политики на построение общеевропейского дома и на преодоление раскола Европы, мероприятия по интеграции экономики СССР в мировое хозяйство, вывод советских войск из Афганистана и сдержанность в политике в странах третьего мира, а также, наконец, радикальный поворот в сторону признания и уважения прав и свобод человека. На фоне внешнеполитической концепции и практики эпохи Бреж-

нева эти изменения принимают поистине революционные формы. И главной причиной является следующее: в них правильно были определены пути решения центральной задачи советской внешней политики на обозримое будущее – освобождение страны от тяжелого бремени противостояния коалиции всех западных государств, в которое был вовлечен Советский Союз вследствие внешнеполитического курса Сталина и его бездумного продолжения в последующий период времени.

Сегодняшняя ситуация в Европе характерна тем, что надели объективные и субъективные предпосылки для сближения и согласования фундаментальных интересов Советского Союза, США и стран Восточной и Западной Европы при радикальном изменении их отношений на основе отхода от конфронтации.

Учитывая глубокий кризис и полную бесперспективность сталинской командно-административной модели социализма, которая завела в тупик Советский Союз и страны Восточной Европы, учитывая также то, что многие из этих стран ищут новые модели общественно-политического и экономического устройства, можно исходить из того, что основные трудности и препятствия на пути преодоления раскола Европы будут связаны не с вопросами совершенствования социально-политической системы, а с проблемами сохранения безопасности и стабильности во всей Европе и для каждого члена европейского содружества государств в отдельности. В этой связи наибольшие трудности при преодолении состояния конфронтации и раскола Европы возникнут в связи с решением германского вопроса. В этом вопросе тесно переплелись политические, национальные, идеологические и военно-стратегические проблемы, касающиеся жизненно важных интересов практически всех европейских государств и США... Новая Европа может возникнуть только на основе широкомасштабного консенсуса всех ее государств и народов. Совершенно очевидно, что в ней будут процветать согласие, спокойствие и стабиль-

ность в том случае, если через ее центр – Германию и Берлин – более не будет пролегать водораздел между Востоком и Западом и что немецкий народ получит возможность сам определять свою судьбу в мире и жить в гармонии со своими соседями. Такого состояния Европа достигнет не сразу. Для того чтобы обеспечить его, потребуется длительное эволюционное развитие. Но эту цель можно и нужно поставить перед собой уже сейчас, и необходимо наметить пути ее достижения»¹.

В качестве важнейшего условия для отхода от конфронтации Восток – Запад и для строительства общеевропейского дома я назвал признание Советским Союзом принципа свободы выбора народов: *«Для этого необходимо раз и навсегда освободить восточноевропейские страны от советского доминирования, и уж тем более нельзя их ставить в условия диктата, как это было установлено Сталиным и реализовывалось на практике в течение последующих лет»².*

Я был убежден, что М. Горбачев будет четко придерживаться этого принципа и не прибегнет к насилию в Восточной Европе даже в самых крайних случаях. Безусловно, это обстоятельство ободрило демократические силы в Польше, Венгрии и ГДР и дало им стимул к активным действиям. В моем докладе я исходил из того, что объединение Германии наряду с окончательным отказом Советского Союза и других великих держав от политики господства наконец-то принесут Европе роспуск НАТО и ОВД, а также вывод американских, советских и других войск с чужих территорий. В моем представлении общеевропейский дом был невозможен при условии сохранения военных блоков.

Я подчеркнул, что решение «германского вопроса» открыло бы новые горизонты для процессов общеевропейской экономической интеграции: *«Если рассматривать “германский вопрос” в контексте отношений между странами ЕС*

¹ *Mut*, № 267, November 1989. S. 28-37.

² Там же. S. 34.

и СЭВ, то на поверхность выходят серьезные проблемы. Как бы ни решился в будущем этот вопрос, совершенно очевидно, что в любом случае народное хозяйство Федеративной Республики будет тесно связано с экономическими отношениями в рамках европейской интеграции. Это необходимо воспринимать как неизбежную реальность, и из этого не нужно делать трагедию. И восточноевропейские страны были в течение десятилетий, если говорить о торговле, интегрированы в советский рынок, и они не захотят отказываться от преимуществ, которые им дает сбыт их продукции в Советском Союзе и закупка оттуда сырья и энергоносителей. Но вопрос состоит в том, проявят ли государства ЕС достаточно мудрости и не сделают ли они рынок этого интеграционного объединения, особенно после 1992 года, зоной, в которую будет ограничен доступ товарам из Восточной Европы, и не попытаются ли они использовать экономическую мощь ЕС в политических целях, противоречащих интересам Советского Союза и других стран Восточной Европы. В этом случае старый антагонизм снова оживет, что затруднит дорогу к построению общеевропейского дома»¹.

Таким образом, еще в середине октября 1989 года я попытался обозначить контуры нового мирного порядка в Европе после объединения Германии. Учитывая стремительный рост массового движения протеста против правления Хонеккера, это вовсе не было преждевременным. Тот, кто следил за развитием событий в ГДР с сентября 1989 г., не мог не почувствовать, что все идет к развязке. Необходимо было, так сказать, «во всеоружии» встретить радикальные перемены. Мое выступление было прокомментировано в западногерманской прессе. Разумеется, его содержание стало известно и в ГДР.

16 октября, спустя один день после моего выступления в замке Вайкерсгейм, газета «Frankfurter Rundschau» опубликовала интервью со мной, посвященное положению

¹ Mut, № 267, November 1989, S. 35.

в ГДР и реформам социалистической системы. Вот его содержание:

Вопрос: Как Вы оцениваете сегодняшнее положение в ГДР?

Ответ: Политбюро СЕПГ сделало своим заявлением на прошлой неделе первый шаг в правильном направлении. Невозможно пройти мимо реальности. Настроения в обществе отражаются на состоянии государства. Если руководство этого не замечает, это может привести к очень опасным различиям в образе мышления правительства и населения.

Вопрос: Мнение на Западе, однако, в своем большинстве такое, что эти противоречия длятся уже 40 лет.

Ответ: Я бы так не сказал. Невозможно опровергнуть, что ГДР с момента своего основания добилась многого. Но вся ее экономическая и политическая система ныне базируется на старом идейном наследии, на идейном наследии Сталина, его представлениях об административном социализме. Согласно этим представлениям, на переднем плане не стоит гармония интересов различных социальных групп и сословий. Вместо того, чтобы применять политическое искусство, проблемы решаются при помощи насилия. Кроме этого, население не допускается к управлению государством. Социалистическая идея о народе как носителе власти была фактически забыта в ГДР, также, впрочем, как и у нас, и в других социалистических странах. Перестройка призвана устранить подобные деформации сталинского времени.

Вопрос: Что говорил Горбачев в Политбюро СЕПГ во время своего визита в Восточный Берлин?

Ответ: Он произнес весьма искусно составленную речь, в которой наглядно показал, что реформы для социалистических стран неизбежны. Нужно ли скрупулезно доказывать, что от проведения реформ, которые заслуживают реализации, сегодняшнее руководство ГДР фактически устранилось и что оно эти реформы вообще не станет проводить? В данном случае полезно напомнить о словах Горбачева: невнимание к жизненным реалиям грозит на-

казанием. Руководство должно возглавлять необходимое развитие, а не бежать вослед ему. Фактически ситуация такова: старая система уже не может оправдать себя, она обречена на отмирание.

Вопрос: Чем же является для Вас социализм сегодня?

Ответ: Социализм хотел устранить эксплуатацию человека. Но она не была ликвидирована, а лишь приняла другие формы. Например, плохо работавшие хозяйства жили у нас за счет хорошо работавших хозяйств. Не оправдала себя и система централизованного планирования, поскольку она тормозит и сковывает развитие экономики. Современным народным хозяйством невозможно управлять из одного центра.

Вопрос: А какова альтернатива?

Ответ: У нас будут введены элементы рыночной экономики, децентрализация и смешанные формы собственности. Предприятия, которые должны принадлежать трудовым коллективам, но и акционерные общества. Они уже разрешены законом.

Вопрос: А в области политики – произойдут ли также в Советском Союзе выборы с участием несоциалистических партий?

Ответ: Да, этого исключать не стоит. Между плюрализмом мнений, который мы уже признали, и политическим плюрализмом, который выражается в существовании различных партий и организаций, собственно, не существует различий. Любое общество по своей природе плюралистично.

Вопрос: Вам не мешает, что в Варшаве главой кабинета министров стал несоциалист?

Ответ: Нет, ни в коем случае. Социализм можно представить и как многопартийную систему. Любая монополия на власть ведет в конечном счете к загниванию. Это сказал еще...

Вопрос: Повторю еще раз: что, по Вашему мнению, делает систему социалистической?

Ответ: Конкретные границы между социализмом и капитализмом, в старом смысле этого слова, исчезают. Про-

цесс конвергенции приведет нас к обществу нового типа. Представления о социализме в корне меняются. Невозможно предсказать, как будет выглядеть, например, общество в Советском Союзе, когда мы успешно проведем перестройку. Необходимо освободиться от наивных, иллюзорных представлений о коммунизме и социализме. Нам нужно больше прагматизма. Был забыт человек, это была самая грубая ошибка. Сталин сказал: надо освободить сначала общество, а затем уже человека. Но эти процессы неразрывно связаны друг с другом.

Вопрос: Вам понятны опасения западноевропейских левых относительно того, что их собственный анализ капитализма под влиянием процессов в Восточной Европе окажется похороненным?

Ответ: Левые на Западе очень плохо знают наши реалии. Это одна из причин того, что у них такие иллюзии. Мы более не будем отказываться от свободы, равенства и справедливости. С представлениями XIX века делать больше нечего.

Вопрос: Вы боитесь объединенной Германии?

Ответ: Нисколько. Национальный вопрос немецкого народа должен решаться в его стране. У меня нет опасений и страхов на этот счет, если это будет демократическое, миролюбивое государство»¹.

На следующий день после публикации интервью Вилли Штоф внес предложение на заседании Политбюро ЦК СЕПГ освободить Эриха Хонеккера от обязанностей генерального секретаря. Пленум ЦК СЕПГ, состоявшийся 18 октября, лишил Хонеккера, а также Гюнтера Миттага их постов. Так закончилась 18-летняя эра Хонеккера, эра консервации сталинской модели социализма, которая привела к краху ГДР.

В конфиденциальных разговорах с внешнеполитическими советниками руководства ГДР я часто слышал мнение, что те реформы, которые преследовали своей целью либерализацию политической системы и децентрализацию

¹ Frankfurter Rundschau, 16.10.1989.

экономики, были невозможны в ГДР, которая располагалась на стыке двух различных общественных систем, ибо они означали бы конец ГДР и социализма. К такому тезису склонялись тогда и в последующее время также многие советские ответственные политики и функционеры. Я пытался понять причины такой позиции. В случае Хонеккера и его сподвижников этот тезис был теснейшим образом связан исключительно с вопросом сохранения власти. Действительно, возобновление реформ, даже в таком виде, в каком они были разработаны при Ульбрихте, угрожало Хонеккеру возможной потерей власти. Но оно было в интересах прогресса социализма, в направлении его демократизации и гуманизации, преобразования в принципиально новую конвергентную общественную модель, которая отвечала бы потребностям европейского развития.

Во-вторых, начало реформ в ГДР предусматривало также отход от конфронтационной политики отгораживания в отношениях между двумя немецкими государствами. Вместо глухих границ между ними было необходимо идти курсом на их сближение с перспективой постепенного восстановления единства Германии. Полностью оправдавшая себя внешнеполитическая формула социально-либеральной коалиции Брандта – Шелля «Изменение через сближение», которая получила свое дальнейшее развитие при Коле и Геншере, должна была быть дополнена ответным движением со стороны ГДР и найти отражение в формуле «Сближение через изменение». При Горбачеве последняя формулировка стала важной составляющей нового внешнеполитического мышления и внешнеполитической практики Советского Союза. Это не было самоцелью, но разумным средством достижения внутри- и внешнеполитических целей. Однако для Хонеккера и его сподвижников данная формула означала потерю власти.

В-третьих, необходимо было распрощаться с устаревшими идеологическими догмами, представлениями и старыми стереотипами мышления. Прежде всего, с теорией «непри-

миримой классовой борьбы», с идеологизацией внешней политики, с тезисом о том, что борьба двух систем является решающей для развития и судеб человечества.

Так возник исторический парадокс: перед началом перестройки в 1985 году советское руководство постоянно предотвращало, порой с крайней жестокостью, проведение реформ в социалистических странах. Когда же из Кремля зажегся зеленый свет для реформирования политической и экономической системы социализма, руководство Хонеккера взяло на себя роль противника реформ. Тем самым оно вступило в конфликт с подавляющим большинством граждан ГДР, которые тосковали по всеобъемлющим демократическим преобразованиям.

Своевременное проведение реформ в ГДР было велением времени. При этом речь даже шла не о спасении или «поддержании основ государственности» ГДР (и Советского Союза), а о их радикальном изменении в сторону нового социалистического общественного устройства. Силы реформаторов в ГДР первыми усмотрели такую необходимость еще в 1960-х гг. Этой цели служила Новая экономическая система, о которой уже шла речь выше. Ее последовательная реализация могла бы способствовать политической и экономической либерализации ГДР и спасти ее от самого худшего развития событий.

Что касается неудачи перестройки, то она была обусловлена прежде всего субъективными причинами и ошибками, которые не носили фатального, неизбежного характера. Одно остается неоспоримым: старая сталинская модель государственности была объективно обречена на уход с исторической сцены. Вскоре после смерти Сталина возникла необходимость политического и экономического реформирования государственной системы Советского Союза и других социалистических стран. Невыполнение этого условия стало одной из важнейших причин краха ГДР и позднее – Советского Союза.

8. «Мы – единый народ!»

Подъем народного движения в ГДР против режима Хонеккера и за проведение реформ осенью 1989 года недвусмысленно свидетельствовал о наступающем переломе в судьбе немецкой нации. На восточных немцев громадное влияние оказало реформирование политической и экономической системы и внешней политики Советского Союза. Особую роль при этом сыграл отказ советского руководства от брежневской «доктрины ограниченного суверенитета», подтвержденный Советом министров иностранных дел стран Организации Варшавского договора в октябре 1989 года. Это означало признание права на самоопределение для народов Восточной и Центральной Европы.

Правящие политические круги и национально мыслящая интеллектуальная элита в Федеративной Республике увидели в этом большие шансы для решения национального вопроса и необходимость действовать в соответствии с меняющимся духом времени. Отдельные группы, представлявшие промышленность и банки, обратились напрямую к горбачевскому руководству с предложением обсудить возможности и условия объединения Германии. В середине октября 1989 года, когда я находился в Западной Германии, ко мне обратились профессор Вольфганг Зайферт, директор Института восточноевропейского права при Кильском университете, и доктор технических наук Петер Даублебский, владелец фирмы KED (Kernenergy Dynamics) в Роденбахе, занимавшийся проектированием атомных электростанций в ФРГ, с просьбой передать М. Горбачеву от имени кругов западногерманской промышленности «сценарий преодоления разделения Европы и Германии». Идеи, содержащиеся в этом плане, нашли поддержку у председателя Немецкого банка Альфреда Гергаузена, который был пламенным сторонником немецкого единства. Он выступил с инициативой незамедлительного начала переговоров с Москвой. Вероятно, это было причиной, по которой он был убит 28 ноября террористами из ор-

ганизации «Красные бригады». План исторического сбалансирования интересов предусматривал:

- Согласование ограничения обычных вооружений. При этом должны взаимно учитываться только вооруженные силы Советского Союза и НАТО.
- Советский Союз выводит все войска из ГДР, Польши, ЧССР и Венгрии. ГДР становится демилитаризованной. Польша, ЧССР и Венгрия образуют совместно с Австрией и Югославией вооруженный нейтральный пояс между Советским Союзом и НАТО. Процесс создания новой общегерманской государственности начинается с реформирования ГДР и подготовки выборов в общенемецкую Национальную ассамблею. ГДР оставляет только силы пограничной охраны.
- Федеративная Республика выплачивает Советскому Союзу в течение шести лет 500 миллиардов немецких марок в форме товаров и услуг.
- Между США, Советским Союзом, Японией и Западной Европой заключается Пакт о ненападении и Договор о дружбе.

По истечении первой фазы экономической помощи Советский Союз получает беспрецедентные кредиты, примерно такого же размера, как указано выше. В этом случае он принимает на себя обязательства по четко установленному плану поэтапной демократизации. До конца 2010 года он должен построить демократию, основанную на многопартийности.

Авторы данного документа исходили из того, что только между демократическими государствами может существовать подлинная безопасность. На стратегию «взаимного устрашения», – говорилось в документе – ежегодно только на Западе тратятся сотни миллиардов долларов. Вложение примерно 5 процентов из этой суммы в дело демократизации Советского Союза и устранения разделительных линий в Европе принесло бы намного больше безопасности ее странам и было бы морально оправданным делом.

В сценарии содержался один важный пункт: «Демократизация Советского Союза, который никогда не знал наших гражданских свобод, опасна для сохранения единства этого многонационального государства. Поэтому сразу же нельзя вводить все демократические свободы. Для того чтобы предотвратить взрывную реакцию, необходимо до этого добиться экономического подъема, который принес бы всем народам очевидные преимущества». В заключении говорилось: «Мы убеждены, что историческое примирение между Советским Союзом и Германией принесло бы всем народам Европы и особенно народам Советского Союза много преимуществ. Оно заложило бы прочный фундамент в здание общеевропейского дома».

Этот план во многих аспектах отвечал моим представлениям и взглядам, особенно что касалось восстановления немецкого единства. Но он одновременно и ставил много противоречивых вопросов, которые оставались открытыми или были практически неприемлемы для советского руководства. Как оно могло «продать» ГДР? Как это будет воспринято гражданами Советского Союза, особенно руководством партии и вооруженных сил? Мог ли М. Горбачев, учитывая это, принять данные предложения, не ставя себя и перестройку в крайне опасное положение? Почему Советский Союз обязательно должен был трансформироваться по западной модели? Разве не существовало для его развития третьего пути – пути конвергентного социализма? Почему в этом плане отсутствовал пункт о демонтаже обоих блоков в Европе и о создании общеевропейской системы безопасности? Почему оставался открытым вопрос о статусе безопасности объединенной Германии, ее членстве в НАТО? Почему не учитывалось, что создание буферной зоны между Советским Союзом и НАТО невольно вызвало бы у руководства СССР негативные воспоминания о «малой Антанте» предвоенного времени? Был ли этот план согласован с союзниками ФРГ по НАТО? Конечно, все эти вопросы можно было обсудить в ходе переговоров и решить на основе достижения консенсуса. Поэтому я ре-

шил незамедлительно после моего возвращения в Москву предоставить этот план М. Горбачеву. Позвонил его главному советнику Анатолию Черняеву и проинформировал его об этом плане. Он отреагировал на него с большим интересом. План был доставлен в Кремль. Предложения, содержащиеся в нем, Горбачевым приняты не были. Он полагал, что время для этого еще не наступило.

Несмотря на то, что для многих как на Западе, так и на Востоке было ясно, что в центре Европы назревают большие перемены, падение Берлинской стены 9 ноября 1989 года оказалось для всех как гром среди ясного неба. Для меня стало очевидно, что развитие «германского вопроса» вступило в решающую фазу. Мои предыдущие представления о постепенном преодолении раскола Германии на основе концепции «сближение через изменение» оказались полностью опрокинутыми. Теперь вопрос единства Германии стал решаться самим немецким народом, а не политикой Советского Союза и других держав. Принцип свободы выбора и права народа на самоопределение, который Горбачев провозгласил для отношений между социалистическими странами еще в 1985 г., оказался перед первым серьезным испытанием. Как поведет себя Москва в новой ситуации? Не прибегнет ли она, как 17 июня 1953 года, к насильственному подавлению народного движения? Все затаили дыхание и смотрели с беспокойством на дальнейшее развитие событий вокруг двух немецких государств.

Я рассматривал сложившуюся ситуацию как весьма благоприятный шанс для немецкого народа осуществить свое единство. А для советской внешней политики это сулило возможность решить приоритетную задачу – вывести Советский Союз из состояния холодной войны с Западом. В первую очередь, это зависело от позиции Горбачева, ибо ключ к немецкому единству находился в руках Москвы. Советская политика уже была подготовлена к решению этой задачи. Однако на этом пути еще существовали огромные трудности и препятствия.

В германской политике Горбачева после падения стены переплетались различные, порой диаметрально противоположные воззрения и представления. Его внешнеполитическую позицию и процесс принятия решений определяли прежде всего упомянутые выше новые внешнеполитические «ценности» во всей их взаимосвязи. Их последовательная реализация распространялась и на страны Центральной и Восточной Европы. Было не ясно только, как в этом случае будет выглядеть новый европейский порядок и как в нем будет обеспечиваться безопасность Советского Союза.

Положительному решению «германского вопроса» в смысле объединения Германии препятствовали и серьезные тормозящие факторы и предубеждения:

- Глубоко укоренившееся в сознании советской политической номенклатуры восприятие ГДР как социалистического плацдарма в Центральной Европе, существование которого обеспечивает национальные интересы Советского Союза;
- Убеждение, что подавляющее большинство населения ГДР в случае свободного волеизъявления сделает свой выбор в пользу социализма и продолжения существования ГДР;
- Уверенность в том, что западные и восточно-европейские соседи обоих немецких государств не заинтересованы в объединении Германии и ее воссоздании как великой державы;
- Стремление консервативных сил в советском партийном и государственном аппарате не допустить пересмотра результатов Второй мировой войны и вытекающего из них статус-кво в Европе.

Ортодоксальную консервативную линию в германском вопросе занимал Международный отдел ЦК КПСС, возглавляемый Валентином Фалиным. У него были единомышленники в Политбюро, в Министерстве обороны и КГБ. Они не желали и слышать о немецком единстве. «Две Германии лучше, чем одна», – так сформулировал Николай Португа-

лов, близкое доверенное лицо Фалина, бескомпромиссный девиз этих политических кругов¹. Горбачев, как и Шеварднадзе, разумеется, не могли не учитывать их политического веса и влияния. Им приходилось действовать осторожно и осмотрительно, чтобы не настроить против себя большинство партийной и государственной номенклатуры. Но я чувствовал, что Горбачев вовсе не исключал возможности объединения Германии при определенных условиях. Советники из его окружения говорили мне о его благожелательной реакции на предложения о пересмотре советской политики по «германскому вопросу» в смысле признания необходимости объединения Германии. И действительно: в промежутке примерно с середины 1988 до конца января 1990 года его склонность к идее немецкого единства, особенно под влиянием событий в ГДР осенью 1989 года, обрела реальные очертания. Главный советник Горбачева Анатолий Черняев, который очень хорошо знал его мировоззрение, писал: «С тех пор, как я с ним познакомился, он считал противоестественным вечное разделение этой великой нации в качестве наказания за то, что причинили Гитлер и нацизм». Но, по его словам, Горбачев, относясь с чувством человеческого понимания к бедственному для немцев расколу их нации, вместе с тем сознавал, что этот раскол пагубно отражается на национальных интересах Советского Союза и без его преодоления невозможно прекратить «холодную войну» и гонку вооружений, устранить крайне необходимые условия для успеха перестройки и мирного развития в Европе. Отсюда для него вытекала ключевая роль „германского вопроса“»². В разговоре с федеральным президентом Рихардом фон Вайцзеккером в июле 1987 года Горбачев сказал, что в определенное время история

¹ *Portugalow Nikolai*, Zwei sind besser als eins. Sowjetische Überlegungen zur Zukunft Deutschlands, «DIE ZEIT», 26.01.1990.

² *Черняев А.С.* Михаил Горбачев и немецкий вопрос // Новая и новейшая история/ 2/2000. С. 111.

вынесет свой приговор относительно «германского вопроса». Этот момент настал после падения Берлинской стены.

Тогда немецкая политика Горбачева многим казалась очень противоречивой. Объяснение этому мы можем найти опять же у Черняева: «Во многих пустых разговорах и дискуссиях о действиях Горбачева ему приписывают непоследовательность и противоречивость. Якобы одним он говорил одно, другим – другое. Но я опасаясь, что если бы Горбачев был строго прямолинеен – таков, каким его хотели видеть его оппоненты и противники, – если бы он жестко придерживался своих слов, которые он однажды сказал кому-либо, не обращая внимания на ход событий, то в Европе произошло бы большое несчастье»¹.

Падение Берлинской стены поставило советскую политику перед серьезнейшим испытанием. От нее зависело, быть или не быть единой Германии. В посланиях Колю, Бушу, Миттерану и Тэтчер Горбачев весьма положительно охарактеризовал «правильные и перспективные решения» нового руководства ГДР во главе с Модро, которое, в отличие от прежних времен, не встало на путь подавления народного движения за устранение Берлинской стены. 10 ноября ТАСС в своем заявлении приветствовал «мужественный шаг» СЕПГ. Это означало, что советское руководство воздержится от применения силы для восстановления стены. Но были и тревожные сигналы. Агенство «Новости», близкое к В. Фалину, в заявлении от 10 ноября неодобрительно расценило открытие стены, назвав его «трагической неожиданностью».

Мотивы своей позиции в те критические дни Горбачев позднее объяснил в интервью американскому журналу «Newsweek». На вопрос, почему он ничего не предпринял для предотвращения краха режима в ГДР и недопущения объединения Германии, Горбачев ответил следующим образом: «Осуществлять масштабное противодействие про-

¹ Черняев А.С. Михаил Горбачев и немецкий вопрос // Новая и новейшая история/ 2/2000. С. 112.

явившейся воле народа для меня означало бы явно безнадежную попытку спасти от крушения обреченный режим Хонеккера. Это во-первых. Во-вторых, это противоречило бы принципам той политической философии, которую я, как глава государства, заложил в основы своей деятельности. В-третьих, это было бы несовместимо с моей моралью, ибо мне пришлось бы разрешить стрелять в народ. Насильственное вмешательство привело бы к большому кровопролитию. Стремление к объединению охватило осенью 1989 года миллионы немцев. И нельзя было исключать, что использование Советской Армии против них на переднем крае соприкосновения двух блоков могло привести к их вооруженному столкновению. В-четвертых, подобное вмешательство полностью дискредитировало бы мою политику. Оно также подорвало бы только зарождающееся доверие в отношениях с Западом, с США, свело бы на нет процесс остановки холодной войны и тем самым лишило бы перестройку решающих внешнеэкономических и внешнеполитических ресурсов¹. К этому можно было бы добавить, что применение силы 9 ноября неминуемо привело бы к усилению позиций противников реформ в Советском Союзе.

На Горбачева оказывалось сильное давление со стороны консерваторов, которые требовали применения силы для восстановления стены. Но он не сдал своих позиций². Об этих планах «ястребов» я узнал от Олега Юрыгина, который представлял наш институт в советском посольстве в Берлине. Он проинформировал меня тогда, что в конце ноября 1989 года Валентин Фалин предпринял тайную поездку в Восточный Берлин, чтобы на месте ознакомиться с ситуацией в ГДР и определить, какие экстренные меры должны были быть предприняты с советской стороны. Он велел

1 *Черняев А.С.* Михаил Горбачев и немецкий вопрос // Новая и новейшая история/ 2/2000. С. 112.

2 *Горбачев М.С.* Как это было. Объединение Германии. М., 1999. С. 93.

созвать 24 ноября совещание ведущих дипломатов советского посольства, на котором присутствовал также Юрыгин. В своем выступлении он изложил им свой план, который предусматривал использование подразделений советской Западной группы войск в ГДР и Национальной народной армии для восстановления Берлинской стены. Можно себе представить, какие чудовищные последствия имел бы этот авантюрный план в случае его реализации для мира в Европе, для Германии, для самого Советского Союза. Эти идеи Фалина держались в строжайшем секрете. Возможно, поэтому они не были упомянуты в опубликованном в журнале «Deutschland Archiv» дневнике заместителя посла в Восточном Берлине Игоря Максимычева¹. После своего возвращения в Москву Фалин изложил свой план в меморандуме, представленном Горбачеву. К счастью, его положили под сукно. Когда Фалин в очередной раз делал доклад в советском посольстве в Восточном Берлине 18 мая 1990 года о текущих задачах советской политики в Германии, он выразил свое сожаление о том, что порядок в ГДР не был восстановлен силою: «Осенью 1989 года, когда народная полиция была более не в состоянии держать ситуацию под контролем, нам следовало восстановить нашу ответственность за восточный сектор Берлина»².

В кругах советской высокопоставленной номенклатуры также было много сторонников применения силы. Среди них был советский посланник в Бонне Юлий Квицинский³. Но их голос уже не имел решающего значения. В этой крайне опасной ситуации, которая возникла после падения Берлинской стены, Горбачев сохранял спокойствие и рассудительность и оставался верным своей внешнеполитиче-

¹ *Igor F. Maximytschew, Vom Mauerfall bis Archys. Neun entscheidende Monate, miterlebt in der sowjetischen Botschaft unter den Linden, «Europa Archiv», 1/2001, S. 29-50.*

² Там же, S. 48

³ См. Falin und Kvicinski 1989 für Gewalt? Frankfurter Allgemeit Zeitung, 10.03.1995. Высказывания Вадима Загладина.

ской линии. Командующему Западной группой советских войск генералу Снеткову был дан категорический приказ удерживать советские войска от вмешательства в события, происходившие в ГДР. В этой связи интересно заметить, что разведывательная служба КГБ в ГДР в своих отчетах, направленных в Москву, подчеркивала, что военное вмешательство в ситуацию в ГДР необходимо полностью исключить, поскольку оно будет иметь тяжелейшие последствия¹. Начальник Генерального штаба маршал Ахромеев также был против насильственного сценария. Но внутри Министерства обороны были противоположные мнения. Неудивительно, что советское руководство после падения стены не имело плана по урегулированию «немецкого вопроса» при совершенно новых политических условиях в ГДР. Никто в ЦК КПСС или Министерстве иностранных дел не мог решиться в царившей атмосфере отказаться от позиции «двух немецких государств» и взять на себя инициативу тщательно разработать или, по крайней мере, поручить разработать альтернативные варианты советской политики в отношении Германии на случай «Х».

Первым стремлением Горбачева после падения Берлинской стены стало принятие необходимых мер в согласии с Бушем, Колем, Миттераном и Тэтчер, направленных на то, чтобы сохранить стабильность в ГДР политическими методами и не допустить выхода ситуации из-под контроля. Его беспокойство за европейскую безопасность и за мир в Европе, которые могли быть нарушены спонтанным развитием событий в ГДР, было понятно и обоснованно. Однако под понятием «стабильность» он поначалу подразумевал сохранение существования двух немецких государств. 11 ноября он сказал в телефонном разговоре с Колем: «Всеякие перемены – это определенного рода нестабильность»². За неделю

¹ Кузьмин И. Шесть осенних лет. С. 181.

² Горбачев М.С. Как это было. Объединение Германии. М., 1999. С. 87.

до падения Берлинской стены Горбачев в разговоре с Эгоном Кренцем исходил из того, что объединение Германии находится в отдаленной перспективе, а на сегодняшний день этот вопрос не стоит на повестке дня. Этот тезис он еще раз подтвердил в конце 1989 года в послании, направленном главам государств и правительств США, Франции, Великобритании и ФРГ, в котором он выразил свою «твердую убежденность» в том, что существование и развитие ГДР было и остается важнейшей основой европейского мира, равновесия и стабильности. По его словам, ГДР была суверенным государством и как член Организации Варшавского договора стратегическим союзником Советского Союза в Европе.

С другой стороны, Горбачев выразил в уже упомянутом разговоре с Колем 11 ноября иное мнение: «Мне думается, что в настоящее время происходит исторический поворот к другим отношениям, к другому миру. И нам не следовало бы неуклюжими действиями допустить нанесения вреда такому повороту. Форсирование событий подтолкнет развитие к непредсказуемому ходу, к хаосу»¹. Данные слова не гармонировали с привычными словами ответственных советских политиков о нерушимости европейских реалий. Сразу после падения Берлинской стены некоторое время и западные политики – Коль, Буш, Тэтчер и пр. – продолжали придерживаться тезиса о существовании двух немецких государств. Горбачев и Шеварднадзе смогли убедиться в том, что, например, Тэтчер имела много возражений против немецкого единства. На Западе царило смятение и неопределенность. Что ждет Европу, если произойдет объединение Германии и она снова превратится в великую державу? Национальное движение в ГДР беспокоило также политиков в Польше и Чехословакии. Израильский премьер Шамир даже заявил, что объединение Германии представляет собой смертельную опасность для евреев. Против немецкого единства выступил также Всемирный еврейский конгресс.

¹ Горбачев М.С. Как это было. Объединение Германии. М., 1999. С. 87.

Важнейший вывод, который можно сделать из событий 9 ноября, заключается в том, что падение стены произошло мирным путем, без насильственного вмешательства Советского Союза. Политика Горбачева выдержала испытание.

9. Мальтийская встреча Горбачева и Буша

Большие ожидания были связаны с предстоявшей встречей Горбачева и Буша на Мальте, которая должна была начаться 2 декабря. Выражались надежды, что эта встреча главных соперников в холодной войне внесет ясность в ситуацию. Многое зависело от того, насколько удастся Советскому Союзу и США найти согласие относительно урегулирования ситуации вокруг обоих немецких государств и других проблем в сфере противоречий между Востоком и Западом. 11 ноября Анатолий Черняев дал поручение моему институту изложить соображения к саммиту на Мальте в форме аналитической записки для Горбачева. Составление этого документа было поручено мне. В подготовке его принимали участие сотрудники института Евгений Амбарзумов (который позднее стал председателем комитета Госдумы по внешнеполитическим вопросам) и Марина Павлова-Сильванская (в 1990-е гг. она работала главным редактором журнала «Pro et Contra», который издавался в Москве на русском языке фондом Carnegie Endowment for International Peace). В середине ноября 1989 года аналитическая записка под заголовком «Изменения в Восточной Европе и советско-американские отношения: некоторые размышления» была отослана в секретариат Горбачева. Значение этого документа состоит, прежде всего, в том, что он появился в момент кульминации жарких дискуссий в Москве вокруг задач советской внешней политики в кризисной ситуации, сложившейся после падения Берлинской стены. В данной аналитической записке была сформулирована первостепенная внешнеполитическая цель Советского

Союза на 1990-е гг.: прекращение холодной войны, преодоление раскола Германии и Европы. В ней был открыто и напрямую обозначен путь к достижению этой цели: отказа от советского доминирования в Восточной и Центральной Европе, народы которой, в том числе и немецкий, сами должны были решать свою судьбу. Положение, сложившееся в центре Европы, просто обязывало к этому. Основные идеи аналитической записки были одобрены Горбачевым. Он охарактеризовал итоги встречи на Мальте как «начало конца холодной войны»¹. Важные идеи аналитической записки были включены в содержание бесед Горбачева с Бушем. Горбачев исходил из того, что обе сверхдержавы стояли на пороге глубинных перемен в Европе. В этой ситуации, по его мнению, было необходимо действовать особенно осторожно и ответственно, а также на основе консенсуса. Он подчеркивал в разговоре с Бушем, что новое мышление и новая политика Советского Союза исходят из права каждой страны на самоопределение без вмешательства извне. Экспорт же систем ценностей в данном случае не должен иметь места со стороны обеих сверхдержав. Это напрямую относилось к социально-политическим процессам в Восточной и Центральной Европе. Горбачев дал понять, что он полон решимости устранить причины холодной войны и заявил о готовности Советского Союза не рассматривать больше США как противника. Того же он ожидал от США.

Относительно «германского вопроса» Горбачев выразил мнение, что, вероятно, сдержать объединение Германии не удастся. По его словам, оно требовало очень осторожных действий со стороны внешних сил, не допуская форсирования процесса. Останется ли объединенная Германия в НАТО или получит нейтральный статус? Обсуждение этого вопроса, с его точки зрения, было бы преждевременным. Это свидетельствовало, что ясности относительно конкретного решения этой проблемы в Москве еще не было.

¹ *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Т. 2. М., 1995. С. 142.

10. Разногласия в Москве по поводу объединения Германии

К тому времени влияние сторонников поддержания статус-кво и советского доминирования в Восточной и Центральной Европе оставалось по-прежнему очень сильным. Они старались создать как можно больше препятствий на пути к немецкому единству. Среди важнейших тезисов, которые были ими выдвинуты после 9 ноября 1989 г., следует выделить следующие:

- Восстановление единства Германии подорвет безопасность Советского Союза;
- Немецкое единство возможно только в отдаленной перспективе;
- Сначала единство Европы и только затем единство Германии;
- Советский Союз должен эффективно использовать свои войска, находящиеся на территории ГДР, для предотвращения объединения;
- Советский Союз должен сохранять свои права, вытекающие из поражения Германии;
- Необходимо восстановить права четырех держав-победительниц и механизм их взаимодействия в Германии;
- Надо затормозить процесс, чтобы нейтрализовать, замедлить и остановить объединение Германии;
- Необходимо сохранить социально-политические структуры ГДР.

В принципе, эти тезисы уходили корнями в образ мышления защитников империи Сталина. Следование этим тезисам означало продолжение холодной войны, гонки вооружений и даже опасное обострение антагонизма Восток–Запад, нарастание угрозы войны. Консерваторы в советском партийном и государственном аппарате совершенно не принимали во внимание настроения народных масс в ГДР, их стремление к свободе и единству. Они не могли понять, что

ход событий в ГДР с момента падения стены приобрел необратимый характер. К концу января 1990 года, когда стало ясно, что вопрос немецкого единства вышел на повестку дня мировой политики, консервативные круги выдвинули на передний план другие тезисы, призванные помешать немецкому единству:

- «Германский вопрос» должен решаться путем мирного договора, выработанного и подписанного четырьмя державами-победительницами, обоими немецкими государствами и другими странами Европы;
- Включение ГДР в Федеративную Республику Германия согласно статье 23 основного закона должно рассматриваться как агрессия НАТО против ОВД;
- Переговоры четырех держав-победительниц с двумя немецкими государствами должны проводиться по формуле «четыре плюс два», чтобы наглядно продемонстрировать, что Советский Союз имеет наряду с другими державами-победительницами преимущественное право в сфере урегулирования «германского вопроса»;
- О членстве объединенной Германии в НАТО не может идти речи;
- Возможно создание конфедеративных структур обоих немецких государств. При этом они могут оставаться в своих альянсах;
- Объединенная Германия должна быть нейтральной.

Данные идеи были призваны затянуть по времени процесс объединения Германии, утопить его в бесконечных переговорах и в конце концов сделать его невозможным. Экс-министр иностранных дел ФРГ Ханс-Дитрих Геншер с полным основанием заметил позже, что переговоры о заключении мирного договора с двумя немецкими государствами «стали бы конференцией, которая заседала и по сей день», т. е. до 2000 г.¹

¹ Sternstunde der Deutschen. Hans-Dietrich Genscher im Gespräch mit Ulrich Wickert, Hohenheim Verlag, Stuttgart/Leipzig, 2000, S. 86.

Все эти условия решения «германского вопроса» не укладывались в курс политики Горбачева. Но он не мог не учитывать, что с давних пор в советской внешнеполитической практике стало правилом, что главную роль в принятии внешнеполитических решений играла точка зрения Международного отдела ЦК, который придерживался концепции двух германских государств. Этим, очевидно, объяснялись колебания в курсе Горбачева. Были для этого и другие причины. Вплоть до конца января 1990 года были надежды, что новому руководству ГДР во главе с фон Модровом удастся путем реформ в ГДР выпустить «пар из котла» и утихомирить разыгравшиеся человеческие страсти. В таком случае принцип свободы выбора мог бы быть с успехом осуществлен в пользу реформированного демократического социализма ГДР.

Не этим ли объяснялось, почему Горбачев подверг резкой критике и отверг 28 ноября 1989 г. предложенный Гельмутом Колем «план из 10 пунктов», который предусматривал сначала создание немецкой конфедерации. Это было трудно понять, поскольку за семь дней до этого Николай Португалов, который был связан с Фалиным и входил в политические круги в Бонне, обсуждал в разговоре с советником Коля Хорстом Тельчиком вопрос создания немецкой конфедерации. Как мне рассказал Португалов, инициатива этого разговора исходила от Фалина. Горбачев об этом в известность поставлен не был. Это объясняет, почему его реакция на этот план была столь жесткой. Возможно, в случае его принятия и реализации он мог бы способствовать стабилизации ситуации в ГДР. Он, скорее, отвечал интересам советских консерваторов. Его можно рассматривать как уловку Фалина, чтобы предотвратить объединение Германии с помощью идеи конфедерации, которая была изложена правительству ФРГ 21 ноября 1989 г. Вполне можно считать, что несогласие Горбачева с «планом из 10 пунктов» обернулось счастьем для немецкого единства. Ганс-Дитрих Геншер, который ничего

не знал об этом плане, позднее писал: «... План из десяти пунктов исходил из многолетнего сосуществования двух немецких государств, в нем говорилось о конфедерации и конфедеративных структурах между двумя немецкими государствами. Я категорически не был согласен с этим. Я всегда отвергал идею конфедерации. В остальном я придерживался мнения, что процесс объединения достиг значительно большего прогресса, идя именно снизу, по сравнению с тем, что было выражено в этом плане»¹.

В начале января 1990 г. начался быстрый развал властных структур ГДР. «Мы единый народ» – этот лозунг стал требованием подавляющего большинства немцев. Горбачев признал: «...История... несла нас в своем стремительном порыве. Судьба ГДР и объединения Германии решалась уже волей миллионов, прежде всего восточных немцев, которые объединились в порыве подлинно демократического, общенародного движения»².

26 января 1990 года у Горбачева состоялось важное совещание в узком кругу, которое охарактеризовало собой поворот в советской политике в отношении Германии. Приглашены были премьер-министр Рыжков, министр иностранных дел Шеварднадзе, член Политбюро Яковлев, начальник Генерального штаба Ахромеев, руководитель КГБ Крючков, а также Фалин, Черняев, Шахназаров и заместитель Фалина – эксперт по немецким делам Федоров. На совещании подверглись обсуждению конкретные вопросы осуществления немецкого единства. Было принято решение провести конференцию «шести», т. е. держав-победительниц и двух немецких государств, чтобы на ней обсудить и решить военно-политические и международные

¹ Sternstunde der Deutschen. Hans-Dietrich Genscher im Gespräch mit Ulrich Wickert, Hohenheim Verlag, Stuttgart/Leipzig 2000, S. 92.

² Горбачев М.С. Как это было. Объединение Германии. М., 1999. С. 86.

аспекты объединения Германии. Горбачев дал указания Ахромееву разработать мероприятия по выводу советских войск из ГДР.

Результаты данного совещания вовсе не означали, что консерваторы сдали свои позиции. Но их влияние на политику в германском вопросе еще больше уменьшилось. В этой связи Фалин писал: «Мне невозможно сказать, как и где разрабатывались советы для Шеварднадзе, почему не учитывались мнения Министерства обороны и мои докладные записки»¹.

5 февраля 1990 года я дал интервью Эльфи Зигль – корреспондентке газете «Frankfurter Rundschau». В нем были обрисованы противоречивые тенденции в советской политике относительно объединения Германии. Интервью было перепечатано 8 февраля 1990 года в газете «Hannoversche Allgemeine Zeitung». Привожу его текст.

Вопрос: Когда недавно премьер-министр Ганс Модров встречался в Москве с Михаилом Горбачевым, шеф Кремля заметил, что «немецкий вопрос» отныне поставлен, по его словам, на повестку дня, но к нему необходимо подходить аналитически, решать его нужно не на улице. Но разве не демонстрации населения в ГДР привели к такому перелому?

Ответ: Выражение «на улице» вовсе не означает пренебрежения волей народа. Здесь играет решающую роль народное волеизъявление, право народа на самоопределение. Горбачев подразумевал под этим, насколько я правильно его понял, мирное объединение, без экстремистских проявлений. В принципе Горбачев неоднократно подчеркивал, что немецкий народ в обоих немецких государствах должен сам решать свою судьбу. Если 18 марта в ГДР будут выборы и к власти придет коалиционное правительство, а СЕПГ окажется в меньшинстве и потеряет свое положение, то это необходимо будет признать.

¹ Фалин М.В. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999. С. 445.

Вопрос: Вот, кстати, недавно в Москве был руководитель СЕПГ Грегор Гизи и высказался перед журналистами решительно за демилитаризацию объединенной Германии. Он утверждал, что эту точку зрения разделяет и Горбачев. Существует ли в Советском Союзе сегодня концепция объединенной нейтральной Германии?

Ответ: Это противоречивый вопрос. С моей точки зрения, было бы некорректно решать немецкую проблему односторонне, например рассматривать объединенную Германию как составную часть НАТО. Если западная часть Германии останется в НАТО, это не означает, что полномочия данного союза распространятся на территорию сегодняшней ГДР, и войска НАТО будут расположены на немецко-польской границе. В этом вопросе можно достичь компромиссного решения.

Вопрос: Вы полагаете, что горбачевское руководство имеет свою концепцию немецкой политики? А не может случиться, что положение вернется к тому, которое было до недавнего времени, когда бытовали рассуждения, что вопрос немецкого единства не актуален и все будут вынуждены беспомощно следить за развитием событий в ГДР?

Ответ: Данная концепция пока находится в состоянии развития. Старые представления и стереотипы так сильно засели в головах у многих наших политиков, что они лишь с трудом привыкают к новым идеям. Под впечатлением сегодняшних событий они теперь осознали, что к проблеме объединения Германии необходимо подходить реалистически. Два года назад вообще не существовало никакой концепции объединения, об этом и слышать ничего не желали, это я знаю из собственного опыта.

Вопрос: У Вас самого есть концепция объединения Германии?

Ответ: Я уже не один год выступаю за позитивное решение данного вопроса, т. е. сначала за смягчение режима на границах, расширение возможностей человеческих контактов, экономических и культурных отношений между

немецкими государствами. Я уже тогда представлял себе возможным создание конфедерации из двух немецких государств. Подготовил на эту тему не один меморандум, говорил об этом в своем докладе на заседании в советском Министерстве иностранных дел, но, к сожалению, понимания не встретил.

Вопрос: А какова ситуация сегодня?

Ответ: Сегодня все изменилось. Сегодня очень активно ведутся поиски того, как эта проблема может быть решена в интересах всех сторон.

Вопрос: Среди советских экспертов по немецким делам ныне бытуют самые различные мнения. Например, можно назвать руководителя Международного отдела ЦК КПСС Валентина Фалина, который еще в конце января утверждал, что есть основания по-прежнему выступать за продолжение существования двух немецких государств.

Ответ: Я исхожу из того, что разделение немецкой нации не только аморально и бесчеловечно, но и опасно для будущего Европы. Этот раскол таит в себе многочисленные угрозы для стабильности и безопасности в Европе. Он может привести к взрыву националистических чувств. Поэтому я не согласен с таким положением. Пришло время устранить этот очаг беспокойства в Европе. Этого можно достичь только объединением обеих частей Германии. Но это объединение должно проходить поэтапно. Его уже потому невозможно осуществить немедленно, поскольку экономические и политические структуры обоих немецких государств неодинаковы. В течение сорока лет они значительно отделились друг от друга, и теперь мы переживаем переходный период адаптации и сближения. Причем не только двух немецких государств, но и других – СССР, восточноевропейских и западноевропейских государств. СССР выпал из развития европейской цивилизации почти на 60 лет, восточноевропейские страны – на 40 лет, а теперь мы снова возвращаемся в лоно европейской цивилизации. Этот процесс должен основываться на общеевропейских ценно-

стях. Эти фундаментальные ценности выбираются и формулируются в наши дни – в политике, экономике, морали. Наша перестройка означает возвращение к этим основным человеческим ценностям.

Вопрос: Но ведь в СССР сильны консервативные силы, в том числе особенно в армии, которые говорят, что ГДР попала в сферу советского влияния в результате победы Советского Союза во Второй мировой войне, и что ее нельзя отдавать?

Ответ: У нас по «германскому вопросу» существуют различные течения, мнения и воззрения. Горбачев и министр иностранных дел Шеварднадзе понимают правильно эту проблему, но среднее звено политиков крайне консервативно. Оно было воспитано во времена брежневского застоя, многие его представители сделали в те годы карьеру и по-другому мыслить не могут, не могут избавиться от укоренившихся догм. Мне пришлось испытать это на собственном опыте. В прошлые годы постоянно сталкивался с ожесточенным неприятием идей, идущих в русле решения «германского вопроса» на основе объединения обоих государств. Мои оппоненты не желали понять новые реалии. Даже приближение политического и экономического кризиса в ГДР они не признавали. Специалисты это предсказывали, но чиновники, в том числе в МИДе, никак не хотели понять и признать это. Теперь мы осознали реальность.

Вопрос: А было ли принято во внимание, что для решения осталось крайне мало времени? Ведь «немецкий вопрос» мог решиться сам собой. Все больше людей из ГДР переезжали в Федеративную Республику. Цифры пугающе высоки.

Ответ: Это также следствие оторванной от жизни политики. Она тащилась вслед за событиями и была неспособна упреждать их. Это была неправильная политика. Необходимо было раньше принимать меры для предотвращения этих процессов. Но это не было сделано из-за сопротивления консервативно настроенных политиков, в том числе среди нашего руководства.

Вопрос: *Егор Лигачев, заместитель Горбачева в Политбюро, в прошлом сентябре был в ГДР и после своего возвращения выражал точку зрения по якобы беспроblemному социализму, существовавшему в ГДР.*

Ответ: *Лигачев, Эрих Хонеккер и Гюнтер Миттаг были лучшими друзьями. Лигачев всегда ставил ГДР в пример всем другим социалистическим странам. Однако его мнение было в корне ошибочным: немецкое крестьянство не пережило того, с чем пришлось столкнуться нашим крестьянам в годы коллективизации, когда крестьянству был переломлен хребет. Сегодня и Лигачеву стоит признать свои ошибки в оценке положения дел в ГДР, но, к сожалению, он этого не делает. Он не признает никаких ошибок, никаких упущений. Брежнев, Сулов и все остальные – они оставались совершенно слепыми к реальностям, были безответственными, считали себя выше всякого порицания и вообще непогрешимыми. Это относится и к Лигачеву. Я всегда придерживался мнения, что перестройку с такими людьми, как Лигачев, осуществить невозможно. У Крылова есть басня, в которой лебедя, рака и щуку запрягают в одну повозку, и они тянут ее в различные направления. Это как раз символизирует подбор кадров у нас в стране. В телегу надо запрягать нормальных лошадей. Но вместе с противниками перестройки, которые сидят в руководстве страны, перестройку проводить невозможно».*

10 февраля 1990 года у Горбачева был длительный разговор с Кодем и Геншером в Москве о проблемах объединения Германии. В заключительном коммюнике о результатах встречи говорилось: «Горбачев установил, и канцлер согласился с ним, что в настоящее время между СССР, ФРГ и ГДР не существует разногласий относительно того, что немцы сами должны решать вопрос единства немецкого народа и сами должны делать свой выбор относительно того, в какой государственной форме, в какие сроки, каким темпом и на каких условиях они будут реализовывать это единство»¹.

¹ Известия, 11.02.1990.

Советник посольства Игорь Максимычев написал в своем дневнике, что это заявление произвело «катастрофическое впечатление»¹ на сторонников жесткой линии в советской политике в отношении Германии.

Резко контрастировало с упомянутым коммюнике «Заявление Министерства иностранных дел СССР» относительно «немецкого вопроса», опубликованное 14 марта 1990 года в партийной газете «Правда». Его характеризовали резкие тона: ограничение права немцев на самоопределение, отрицание идеи членства Германии в НАТО, державы-победительницы должны решать судьбу немцев и сохранять свои права в отношении всей Германии и пр.

Выборы в ГДР 18 марта подтвердили правильность курса Горбачева. 20 марта газета «Die Welt» опубликовала мое большое интервью под заголовком «Объединение возможно еще до конца текущего года». Результаты и значение этих выборов для советской политики я прокомментировал следующим образом:

«Народ в ГДР провозгласил свою волю к объединению. Мы должны исходить из этого факта. Это – самый важный вывод из результата выборов. Теперь мы должны готовиться поддерживать отношения не с двумя, а с одним немецким государством – политически, культурно, экономически».

Окончательный поворот конфронтационного порядка в Европе в мирное русло оказался в ощутимой близости. В мае 1990 года я написал в приедисловии к книге Гвидо Кноппа и Эккехарда Куна «Немецкое единство. Мечта и действительность»: «Единство Германии и единство Европы. Одно от другого невозможно отделить, и единство Европы является гарантией европейского мира»².

¹ И. Максимычев, там же. С. 41.

² Guido Knopp, Ekkehard Kuhn, Die Deutsche Einheit. Traum und Wirklichkeit, Erlangen/Bonn, 1990.

11.Объединение Германии и окончание холодной войны

1990 год был решающим не только для реформ в Советском Союзе, но и для достижения немецкого единства. Неблагоприятное развитие событий в Советском Союзе, связанное с крупными ошибками руководства Горбачева в политической и социально-экономической сферах и с подрывными акциями США, направленными на развал социалистической системы как основы могущества и существования советской супердержавы, совпало с решающей фазой переговоров между четырьмя великими державами и обоими немецкими государствами об урегулировании важнейших аспектов объединения Германии.

В это время заметно возросла активность противников перемен в Восточной и Центральной Европе – апологетов советского имперского мышления. Концентрированное выражение это нашло, например, в публикациях Александра Проханова. В феврале 1990 года он написал в своей статье «Трагедия централизма»: «Одним ударом была разрушена вся геополитическая архитектура Восточной Европы. За ее развитие страна заплатила очень высокую цену. Разрушенным оказалось равновесие внутриевропейских сил, что будет иметь непредсказуемые последствия. Сентиментальная теория о том, что “Европа – это наш общий дом”, привела к распаду коммунистических партий стран Восточной Европы, к смене государственной системы, к неизбежному объединению Германии. В конце XX столетия в центре Европы возвышается немецкий индустриальный гигант, движимый энергией, окрыленный идеей пангерманизма, желающий вовлечь в поле своей гравитации исконные германские земли. Политическая карта Европы меняет свою расцветку и конфигурацию, и кости русских пехотинцев переворачиваются в их безымянных могилах»¹.

¹ Литературная Россия, 1/ 1990.

Подобный образ мышления был весьма характерен для тогдашних настроений в партийной и государственной бюрократии. Что касается страхов, связанных с объединением Германии, то они были достаточно похожи на опасения политических кругов Франции, Великобритании и других европейских государств. В Советском Союзе они оказывали очень сильное влияние на общественность и затрудняли процессы обновления Европы и перехода от конфронтации к мирному сотрудничеству в Европе. Я считал крайне важным дезавуировать эти устаревшие идеи и противопоставить им новое внешнеполитическое видение вещей. Так родилась моя публикация «Дверь в европейский дом. К вопросу оценки изменений в Восточной Европе», которая была опубликована 4 февраля 1990 года¹. Это была острая полемика с Прохановым. Касаясь проблемы объединения Германии, я задался вопросами: «Нужно ли действительно опасаться “неизбежного объединения Германии”? Возможно ли возрождение опасного для Европы пангерманизма»? Я подчеркнул, что «геополитический раскол» Германии явился следствием противостояния Советского Союза и западных держав после Второй мировой войны. С ним тесно связаны возникновение НАТО и ОВД, милитаризация европейского континента, жизнь на грани войны. С этой опасной ситуацией пора покончить. Что касается пангерманизма, то после тяжелейшей национальной катастрофы, которую пережил немецкий народ в результате агрессивной политики нацистской клики под предводительством Гитлера, то его возрождение представляется нереальным. Что касается «разрушения равновесия внутриевропейских сил», то оно было осуществлено политикой Сталина в послевоенное время и явилось причиной холодной войны. На упоминание о «русских пехотинцах», чьи жертвы в войне якобы окажутся бессмысленными после объединения Германии, я возразил, что они боролись за свободу народов Восточной Европы, в том числе немецкого,

¹ Московские новости, №5, 04.02.1990.

но не за то, чтобы им была навязана чужая воля и «геополитическая архитектура» со стороны советской политики.

В спорах с противниками объединения Германии было важно обозначить перспективы европейского развития после прекращения конфронтации Восток – Запад и преимуществ нового мирного порядка Европы. Это я попытался сделать в ряде статей в советской и зарубежной прессе, в том числе в «Комсомольской правде» – самой читаемой в то время газете, аудитория которой составляла многие миллионы читателей¹. Концепция будущей Европы была призвана продемонстрировать несостоятельность взглядов тех, кто подталкивал страну и народ к продолжению холодной войны и сохранению сталинской тоталитарной государственной системы.

Объединение Германии было тесно связано с успехом или неудачей перестройки. Развития событий в Советском Союзе привели меня уже к середине 1990 года к выводу о том, что у Горбачева нет четких и ясных представлений и воли, куда и как вести страну. Что следствием этого явились тяжелые ошибки в политической и социальной сферах и что этим воспользуются противники реформ и очень скоро перейдут к активным действиям. «Советскому Союзу угрожает не революция, а путч» – под таким заголовком га-

¹ В. Дашичев. Европа открытых дверей. Комсомольская правда, 20.02.1990. Visionäres Plädoyer für ein Europa der Vaterländer, «Das Ostpreußenblatt», 4.11.1989; Blockstruktur durch neues Sicherheitssystem ersetzen, «Europäische Zeitung», Juli/August 1990; Es geht um die Rückkehr in die europäische Zivilisation, «Leipziger Volkszeitung», 30.5.1990; Perestroika, New Realities and the Future of Europe, in: Klaus Gottstein (Hrsg.), Mutual Perceptions of Long-Range Goals, Campus Verlag, 1991; Europa der offenen Türen, in: «Freedom First», Festschrift für Peter Sager, Bern 1991; Zurück in Europas Völkerfamilie. Gefahren und Chancen für Perestroika und die Sowjetunion. Abkoppelung von Europa ist die größte Gefahr, «Leipziger Volkszeitung», 10.5.1991; Die Sowjetunion im Umbruch – Konsequenzen für die USA und Europa, in: Margarita Mathiopoulos (Hrsg.), Das neue Europa, Bouvier Verlag, 1992

зета «Süddeutsche Zeitung» опубликовала мое большое интервью о растущей угрозе перестройке¹.

Вспоминаю, какой мрачный психологический эффект произвела публикация документов об обвинительном процессе против Берии, инициированная авторами антигорбачевского заговора. Документы были взяты из архивов и опубликованы весной 1991 года, причем не в обычном печатном издании, а в официальном органе – «Известия ЦК КПСС». Это должно было подчеркнуть их особое значение. В них Берии вменялось в вину предательство ГДР, когда он в 1953 году якобы инициировал идею объединения Германии. Для тех, кто не разделял или не хотел разделять точку зрения этих кругов относительно «немецкого вопроса», это было недвусмысленным намеком на судьбу Берии, которого приговорили к расстрелу.

Ситуация, складывавшаяся в Советском Союзе, побуждала западногерманскую политику искать пути форсирования процессов объединения Германии. Позднее Ганс-Дитрих Геншер – в то время министр иностранных дел ФРГ – писал по этому поводу: «В одном Гельмут Коль и я были полностью солидарны, в том, что окно для благоприятного момента открылось лишь на короткий срок. Я сказал: “Небо расчистилось, теперь пришла пора собирать звезды” Мы тогда стали свидетелями того, как быстро могла поменяться ситуация – уже осенью 1991 года в Советском Союзе произошел антигорбачевский путч»².

¹ Süddeutsche Zeitung, 23/24.06.1990. На опасность путча я указывал и в других публикациях: Gorbatschow-Berater schließt Putschversuch nicht aus, Neue Osnabrücker Zeitung, 25.10.1990; Daschitscheiu sieht Putschgefahr, Süddeutsche Zeitung, 26.10.1990; Gorbatschow schon Ende 1991 nicht mehr Präsident, Neue Osnabrücker Zeitung, 13.04.1991 и т.д. Также Георгий Шахназаров – советник Горбачева – в разговоре с корреспондентами журнала Spiegel предупреждал о путче (Gorbatschow würde stürzen, Der Spiegel, 4/1991).

² Hans-Dietrich Genscher, Sternstunde der Deutschen, S. 98.

Для советской стороны задержка в окончательном решении «немецкого вопроса» также была сопряжена с непредсказуемыми событиями, рисками и неудачами. Необходимо было принимать во внимание не только критическое положение в Советском Союзе, но и возможные повороты в позиции немцев и западных держав, которые могли попытаться провести процесс объединения также вопреки советским интересам. Необходимо было «ковать железо, пока горячо»¹. Таким образом, фактор времени стал играть важную роль для обеих сторон в начавшихся вскоре переговорах «Два плюс четыре».

Самые крупные трудности при согласовании интересов Советского Союза и западных держав в решении «германского вопроса» были связаны с проблемами политики безопасности. Членство Германии в НАТО стало предметом жарких дискуссий и ожесточенных споров как внутри политической и военной элиты Советского Союза, так и на переговорах советских политиков с их западными партнерами. Это зависело, с одной стороны, от интересов обеспечения безопасности Советского Союза, а с другой стороны, с целями европейской политики США. Их сложно было привести к единому знаменателю. Для решения данной проблемы решающей была позиция обеих супердержав. Важную роль при этом играли давние представления о равновесии сил между двумя блоками на европейском континенте и стремление американцев сохранить их доминирующее положение в Европе, которое опиралось на структуры НАТО. К этому добавлялось «демонизированное» восприятие НАТО советской общественностью, что существенно снижало пространство для политического маневра советской стороны на переговорах и при принятии решений. Эта проблема угрожала подорвать достижение немецкого единства.

¹ *Julij A. Kwizinskij, Vor dem Sturm. Erinnerungen eines Diplomaten, Siedler Verlag, 1993, S. 53.*

Из-за этого могли потерпеть крах все усилия создать новый порядок в Европе, свободный от конфронтации. Было ли членство Германии в НАТО столь пагубным для безопасности Советского Союза? Правильно ли было исходить из старых представлений о роли равновесия сил при решении «германского вопроса»? Даже сам Горбачев высказывался за сохранение равновесия сил в Европе¹. Я, напротив, пришел к заключению, что в этой сфере было широкое поле для компромиссов. Во-первых, если заканчивается холодная война с обеих сторон и блоки постепенно трансформируются в преимущественно политические структуры, зачем нужно сохранять равновесие сил, на котором десятилетиями покоилась конфронтация Восток – Запад? Его функции, масштабы и содержание в новых условиях неизбежно меняются. Во-вторых, даже в том случае, если объединенная Германия войдет в НАТО, СССР как ядерная сверхдержава может даже в границах 1939 года в одиночку обеспечивать свою безопасность. В-третьих, со стороны Запада невозможно ожидать второго 22 июня 1941 года. В-четвертых, надеялся я, в рамках ОБСЕ будут заложены основы нового мирного порядка в Европе, при котором будет гарантирована безопасность каждой европейской страны. И, в-пятых, нужно выбирать: либо продолжение холодной войны, если мы отвергнем членство Германии в НАТО, либо ее прекращение, если мы дадим согласие на ее членство на согласованных условиях. Ибо было ясно, что НАТО не в состоянии существовать без немецкого участия и американцы ни в коем случае не допустят роспуска альянса. Поэтому Москве необходимо было принять принцип членства Германии в НАТО.

Разумеется, я исходил из того, что Советский Союз будет существовать после объединения Германии. Тогда трудно было предположить, что кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Ельцин и его единомышленники, обслуживая инте-

¹ М.С. Горбачев. Как это было. С. 115.

ресы США, нанесут стране и народу предательский удар в спину. Но и Россия в новых границах после распада Советского Союза могла бы чувствовать себя надежно и безопасно, если бы в ельцинское лихолетье и его продолжение в последующее время не был разрушен ее экономический, технологический и научный потенциал.

В 1989–1990 гг. я выступал за компромиссное решение проблем безопасности, связанных с объединением Германии. Существовала насущная необходимость довести до советского руководства эти новые идеи, ибо на совещании в Кремле 26 января 1990 года было принято решение о начале переговоров «шестерки» – обоих немецких государств, Советского Союза, США, Франции и Англии. Автором формулы «Два плюс четыре» стал главный советник Горбачева Анатолий Черняев. Он предложил такую формулу за неделю до начала кремлевского совещания, то есть независимо от американцев, которые выступили с аналогичной идеей в конце января.

Это было принципиальное решение, с которым не все согласились. Среди советских экспертов по германским вопросам было немало сторонников заключения мирного договора с обоими немецкими государствами, который должен был быть подписан всеми странами, находившимися в войне против Германии, или, по крайней мере, всеми странами – участницами ОБСЕ. В этой связи Валентин Фалин написал: «Что необходимо предпринять, с моей точки зрения? Во-первых, под Второй мировой войной необходимо провести черту. Требуется покончить с состоянием правовой неопределенности, создать четкую правовую основу для нового этапа послевоенного развития, а именно, я повторяю, мирного этапа, для мирного будущего Европы. Как следствие, необходимо заключить мирный договор с Германией. При этом необходимо определить соответствующие ценности, соответствующие принципы, прежде всего те, которые предполагают нерушимость границ... Пока не будет существовать мирный договор, никто не может аннулировать»

вать права и обязанности четырех держав, их ответственность в отношении Германии, ее статуса во время и после войны, которые были созданы как часть международного права, устава ООН и нашли в них свое отражение»¹. Данная концепция была обманчивой. Она была направлена на то, чтобы похоронить решение «немецкого вопроса» в бесконечных безрезультатных дискуссиях.

На встрече министров иностранных дел обоих блоков в Оттаве 13 февраля была принята оптимальная формула «Два плюс четыре» для согласования внешнеполитических аспектов немецкого единства². В центре переговоров оказалась проблема членства Германии в НАТО.

В начале февраля Горбачеву был представлен мой аналитический доклад, в котором была обоснована приемлемость членства Германии в НАТО для Советского Союза в условиях нового положения в Европе. Идеи доклада соответствовали духу статьи, написанной мною вскоре после этого. Она носила многозначительное название: «Европа на чаше немецких весов». Я передал ее в редакцию газеты «Московские новости», которая издавалась не только на русском, но и на английском и немецком языках. У меня уже был позитивный опыт сотрудничества с этой газетой, когда я критиковал мифы о пакте между Гитлером и Сталиным. Можно было надеяться, что главный редактор газеты Егор Яковлев в очередной раз проявит мужество и опубликует статью. Однако меня ждало разочарование. Статья пролежала в редакции более месяца. Егор Яковлев никак не мог решиться опубликовать ее. Он сказал мне: «Я не хочу портить отношения с Шеварднадзе». После этого я предложил статью «Комсомольской правде». И в ее редакции она пролежала долгое время. Аппарат Министерства иностранных дел наложил запрет на мою публикацию. И каково же было

¹ Две Германии – одна Европа. Правда, 12.03.1990. С. 5.

² Фалин и его сторонники безуспешно пытались навязать советской делегации на переговорах формулу «Четыре плюс два».

мое удивление, когда я открыл 10 марта эту газету и нашел в ней мою статью! Это было свидетельством того, что мои идеи нашли признание у высшего руководства страны.

Публикации статьи предшествовало несколько напряженных для меня событий. Мои идеи членства Германии в НАТО я изложил в моих докладах, прочитанных в ФРГ, и в интервью для немецких газет¹. И в очередной раз оказался в состоянии драматической конфронтации с носителями старых представлений. 5 апреля 1990 в правительственной газете «Известия» было опубликовано сообщение пресс-центра МИД, в котором говорилось: *«Представитель Министерства иностранных дел СССР Юрий Гречицкий заявил следующее: “В западных средствах массовой информации время от времени появляются публикации, в которых со ссылкой на профессора Дашичева и некоторых других советских ученых утверждается, что Советский Союз якобы может согласиться на членство объединенной Германии в НАТО и что якобы его сегодняшние заявления являются не окончательной позицией, а обычным зондажем перед серьезными переговорами. Я хочу предупредить: Дашичев и его политические единомышленники не относятся к кругу экспертов, участвующих в разработке советской политики, а занимаются собственными домыслами...”»*

Спустя несколько дней мне позвонил редактор журнала «Новое время» Лев Безыменский и ошарашил меня изве-

¹ Deutschland kann in der NATO bleiben, «Bild am Sonntag», 18.3.1990; Vereinigung vielleicht schon bis Anfang nächsten Jahres, «Die Welt», 20.3.1990; Vereintes Deutschland kann in der NATO sein, «Süddeutsche Zeitung», 19.3.1990; Später auch: Berater im Kreml sieht flexiblere Haltung Moskaus, «Die Welt», 28. Mai 1990; Wiedervereinigung im Dezember möglich, «Bild», Stuttgart, 28. Mai 1990; NATO-Zugehörigkeit: Hoffnung auf Einigung, «Münchener Merkur», 28. Mai 1990. Dazu auch: Bundeszentrale für politische Bildung (Hrsg.), Der Weg zur Einheit. Deutschland seit Mitte der 80er Jahre, Informationen zur politischen Bildung, 1. Quartal 1990, S. 42, «Neue Zeit», Nr. 17, 1990 u.a.

стием, что редакция журнала получила из ведомства Шеварднадзе поручение опубликовать «сбалансированную» статью о моих взглядах на политику в отношении Германии. Она вышла в середине апреля под заголовком «Еретик во внешней политике»¹. Подобное изложение моей точки зрения при спорах вокруг членства Германии в НАТО отличалось от заявления Гремичких. Из этого можно было сделать вывод, что Шеварднадзе оценивал мои идеи иначе, чем многие сотрудники его министерства.

Во время последующего разговора со мной он сказал, что разрешение на публикацию статьи в «Комсомольской правде» было дано им. Я полагал, что читателям будет интересно ознакомиться с этой полемической статьей, которая внесла свой вклад в прояснение советской позиции по аспектам политики безопасности, связанным с объединением Германии. Редакция подстраховалась на всякий случай вставкой: «Мнение автора может не совпадать с мнением редакции». Разрешение на публикацию последовало спустя пять дней после начала переговоров «Два плюс четыре» в Бонне. Это означало, что Горбачев и Шеварднадзе склонились вопреки позиции сторонников жесткой линии к тому, чтобы согласиться на компромисс по вопросу членства Германии в НАТО. Было важно довести аргументы в пользу этой позиции из моей статьи до советской общественности до того, как наша официальная политика достигнет компромисса с Западом по этому вопросу. Статья послужила также сигналом для Запада, что советское руководство в этом сложном вопросе заняло разумную позицию.

В статье я упомянул «план Геншера». В нем речь шла об основополагающих идеях министра иностранных дел ФРГ по аспектам безопасности и немецкого единства, которые он изложил в своих выступлениях на конференции Свободно-демократической партии 6 января и в Еванге-

¹ Новое время, №17, 1990.

лической Академии в Тутцингене 31 января 1990 года. Его разумные компромиссные идеи позволили «шестерке» добиться согласованного подхода к разработке и подписанию договора о заключительном урегулировании в отношении Германии¹.

Ход мыслей Геншера произвел на меня сильное впечатление. Я восхищался его внешнеполитическим искусством и способностью поставить себя в положение другой стороны, понять ее интересы, учесть их и таким образом найти правильные пути для достижения компромиссов. В принципе, взвешенная и успешная политика является искусством достижения желаемого путем нахождения компромиссов. Внешней политике правительства ФРГ удалось искусно реализовать цели, сформулированные в основном законе в отношении немецкого единства, в сложнейших рамочных условиях 1990 года. По мнению Геншера, «советское руководство должно было знать, что мы также не упускали из виду интересы безопасности и прилагали серьезные усилия по взаимному «снятию образов врага» в отношении союзов»². Было совершенно очевидно, что формулировка «единство или НАТО», которая обсуждалась в некоторых кругах ФРГ, и на которую делали ставку определенные «отчаявшиеся» советские политики, была абсолютно нереалистичной. Геншер предложил не распространять на ГДР прерогативы действующих в Западной Германии структур НАТО. Он нашел формулу, которая оказалась приемлемой для всех участников переговоров «Два плюс четыре». В его речи в Тутцингене были следующие слова: «Прерогативой НАТО является однозначно заявить: что бы ни происходило в странах Организации Варшавского Договора, расширения территории НАТО на Восток, то есть ближе к границам Советского Союза, не произойдет... Представление о том, что часть Германии, которая сегодня обра-

¹ *Hans-Dietrich Genscher, Erinnerungen, Siedler Verlag, 1995, S. 709-715.*

² Там же. S. 714f.

зует ГДР, должна быть вовлечена в военные структуры НАТО, может блокировать сближение двух Германий»¹.

Оставалось только согласовать эту формулу с предстоящими изменениями европейской системы безопасности и сделать ее приемлемой для Москвы. Геншер и здесь смог найти общий знаменатель. Его представление о новом европейском мирном порядке и новой европейской структуре безопасности весьма совпадало со стремлениями тогдашнего советского руководства: «Теперь нам необходимо было искать возможности снизить уровень военной конфронтации с помощью основанных на сотрудничестве между собой структур безопасности, после чего лежащие в основе этого политические противоречия постепенно исчезли бы. Необходимо было решительно стремиться к созданию общеевропейского мирного порядка, который был обозначен в отчете Армеля как высшая политическая цель Альянса»². Особая роль, по его словам, отводилась НАТО и ОВД в процессе объединения Германии и преодоления конфронтации Восток – Запад. В первой фазе необходимо было укрепить безопасность, которую гарантировали европейским народам оба блока путем создания сотрудничающих между собой структур безопасности. Во второй фазе эти два блока, структурное взаимодействие которых осуществлялось бы до этого на основе кооперации, должны были быть переведены в институт единой коллективной безопасности. Между этими альянсами должны были возникнуть структуры, которые постепенно сглаживали бы имевшийся между ними антагонизм.

За рамками «плана Геншера» осталось немало нерешенных вопросов, например: как можно применять в экстренных случаях обязательства по оказанию помощи НАТО Восточной Германии в соответствии со статьями 5 и 6 его

¹ Цитируется по: *Biermann Rafael*, Zwischen Kreml und Kanzleramt. Wie Moskau mit der deutschen Einigkeit rang, Schöningh Verlag, Paderborn 1997, S. 487.

² *Hans-Dietrich Genscher*, Erinnerungen, S. 712.

Устава? Как и кем могла осуществляться защита территории ГДР в мирное время? Будет ли распространяться на Восточную Германию воинская повинность, действующая в ФРГ? Сколько будет существовать особый статус Восточной Германии? И т. д. Это стало поводом для критики «плана Геншера» представителями ХДС/ХСС и Ведомства федерального канцлера, которые требовали членства в НАТО всей Германии¹. США, Англия и Франция разделяли эту позицию.

Основные идеи «плана Геншера» подтвердили свою состоятельность, поскольку они отвечали реальному положению вещей. Они нашли свое отражение в меморандумах встреч НАТО в Торнберри 8 июня 1990 года и в Лондоне 6 июля 1990 года. НАТО протягивало странам ОВД «руку дружбы» и заявляло о своей готовности провести изменение структуры и стратегии альянса. Это пробудило надежды среди советской общественности на изменение характера НАТО и внесло свой вклад в сближение позиций сторон.

«План Геншера» укрепил мою уверенность в том, что наконец удастся найти компромисс между Советским Союзом и его западными партнерами. Многие идеи, изложенные в этом плане, пересекались с моими. Некоторые из них я изложил еще 11 ноября 1989 года в аналитической записке Горбачеву в ходе подготовки к встрече на Мальте. И тем не менее, даже в мае политическая атмосфера в Советском Союзе оставалась крайне сложной для решения проблем политики безопасности, связанных с объединением Германии. Политбюро ЦК КПСС обязывало в своих директивах Шеварднадзе проводить в рамках переговоров «Два плюс четыре» линию, направленную против членства Германии в НАТО. Горбачев и Шеварднадзе стали «объектом нападок сталинской оппозиции»² по поводу их германской политики в Верховном Совете и во многих других государственных органах. Было невозможно достичь согласия с западными держава-

¹ *Biermann Rafael*, a.a.O., S. 490 ff.

² *Горбачев М.С.* Как это было.

ми по «германскому вопросу», не устранив влиятельных противников новой внешней политики. 5 июня 1990 года посол в Восточном Берлине Кочемасов был заменен Шикиным. С июня 1990 года был практически исключен из участия в решающей стадии переговоров об урегулировании «германского вопроса» Валентин Фалин. Но главный удар по позициям консерваторов был нанесен Горбачевым на XXVIII съезде партии. Его наиболее ожесточенный оппонент Лигачев и большинство старых членов Политбюро потеряли свои посты и свое политическое влияние. Был радикально изменен также состав ЦК КПСС. Консервативно настроенные партийные функционеры этого органа были заменены представителями молодого поколения. Это облегчило решение крайне острых вопросов германской политики. Позитивные последствия смены кадров в этих руководящих органах стали заметны очень скоро. В начале июня 1990-го, незадолго до конференции ОБСЕ по правам человека в Копенгагене, на которой собрались 34 министра иностранных дел, Шеварднадзе дал понять, что Советский Союз готов идти на компромисс в вопросе членства объединенной Германии в союзах и блоках. Он заявил: «Компромисс возможен. Но достижение взаимопонимания невозможно за спинами немцев или иного европейского народа»¹. В качестве ответного шага Запада он рассматривал нерасширение НАТО на Восток². Диссонансом к высказываниям Шеварднадзе прозвучало заявление Фалина, которое он одновременно сделал по немецкому радио: признание права на самоопределение не должно было, по его словам, «свестись к формуле, по которой немцы могут решать, в каком союзе им находиться»³. Однако мнение Фалина более не имело значения.

На встрече ОБСЕ в Копенгагене было принято решение провести специальную встречу на высшем уровне стран –

¹ «Die Welt», 06.06.1990.

² Правда. 26.06.1990.

³ Die Welt. 06.06.1990.

участниц ОБСЕ в декабре в Париже, в центре внимания которой должны были находиться аспекты политики безопасности, связанные с немецким единством. Процессы объединения Германии перешли в свою решающую стадию.

В этой связи в книге «Путь к договору “Два плюс четыре”» ставится следующий вопрос: «Когда игрокам на политической арене стало ясно, что немецкое единство встало в повестку дня, когда «германский вопрос» утратил свой риторически-символический смысл и почему?.. С какого момента требуемое Основным законом достижение объединения Германии стало не только вопросом нормативного, долгосрочного политического формулирования, а в большей степени оперативной и практической политики?»¹

Ответ очевиден: это было связано с решением руководства Горбачева признать членство Германии в НАТО и устранить тем самым основное препятствие на пути к немецкому единству и прекращению холодной войны. Это решение созрело в период между февралем и маем 1990 года. 29 мая точки зрения Запада и Советского Союза по этому вопросу были окончательно согласованы в ходе переговоров между Горбачевым и Бушем. Буш предложил следующую формулу: «США выступают за членство объединенной Германии в НАТО. Если же Германия сделает иной выбор, то США не будут оспаривать его и станут уважительно к нему относиться». Такая формула отвечала реальному положению вещей, которое сложилось на тот момент в Европе. Горбачев выразил свое согласие. Другого решения попросту не существовало. Это отвечало концепции свободы выбора пути для каждого народа. После этого переговоры по формуле «Два плюс четыре» могли продолжаться и закончиться успехом.

Признание суверенного права Федеративной Республики самостоятельно определять свой союзнический статус

¹ *Elke Bruck, Peter M. Wagner (Hrsg.), Wege zum «2+4» Vertrag. Die äußeren Aspekte der deutschen Einheit, München 1996, S. 7.*

обеспечило решение других сложных задач объединения Германии:

1. Объединенная Германия включает в себя Федеративную Республику, ГДР и Берлин.

2. К моменту объединения Германия получает полный суверенитет.

3. В течение 3–4 лет с немецкой территории будут выведены советские войска.

4. Военные структуры НАТО не будут распространяться на территорию ГДР.

5. Войска трех западных держав будут оставаться в Берлине до тех пор, пока советские войска будут находиться на территории ГДР.

6. Предел численности Бундесвера будет снижен до 370 тысяч военнослужащих и пр.

Это были те пункты, по которым имелись разногласия на конференции министров иностранных дел «шестерки», проходившей в Бонне 5 мая, в Берлине 22 июня и в Париже 17 июля 1990 года. Во время исторической встречи Коля и Геншера с Горбачевым и Шеварднадзе в Москве и на Северном Кавказе 15 и 16 июля 1990 года по этим спорным моментам было достигнуто согласие. Это ознаменовало решающий прорыв в будущее. Путь к подписанию договора об окончательном урегулировании германского вопроса был открыт. Это было победой человеческого разума.

Осенью 1990 года были подписаны основополагающие международные акты, открывавшие перед Европой радужные перспективы создания нового мирного порядка: 12 сентября – договор об окончательном урегулировании в отношении Германии, 12 октября – советско-германский договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве, а 21 ноября – историческая Парижская хартия, скрепленная подписью всех европейских стран, США и Канады. В ней была подведена черта под холодной войной и установлены принципы мирного развития Европы и общеевропейского сотрудничества.

Реальностью стало преодоление холодной войны и раскола Германии, создание предпосылок для объединения Европы, для исторического поворота в судьбе европейских народов от конфронтации к миру и сотрудничеству. Оглядываясь назад в прошлое, могу с удовлетворением отметить, что мои идеи, изложенные руководству в целом ряде аналитических докладов, сыграли в этом свою роль. О ней главный советник Горбачева Анатолий Черняев написал в одной из своих статей: «Журналисты и ученые часто спрашивают меня о том, какое влияние оказывали на Горбачева при изучении им “немецкого вопроса” эксперты и ученые академических институтов, отчеты и заметки сотрудников МИД и Международного отдела ЦК, доклады послов, резидентов КГБ, военных атташе и агентов Главного управления внешней разведки. Безусловно, они играли свою роль, особенно последние с их определенной магической силой таинственности, что, к слову сказать, далеко не всегда свидетельствовало о верности анализов и рекомендаций. Из множества научных источников, которые служили для предоставления Горбачеву информации о немецких делах, а также о ситуации в социалистическом лагере, следует отметить аналитические доклады Вячеслава Дашичева. Его оценка происходящих в Германии процессов и его рекомендации свидетельствовали – в отличие от большинства других – о правильном восприятии ситуации. Он выражал мысли, которые в последующем сбывались»¹.

12. Размышления *post factum*

Действительно, мои рекомендации советскому руководству, связанные с объединением Германии и окончанием холодной войны, были реализованы. Именно потому, что

¹ In: *Boris Meissner und Alfred Eisfeld* (Hrsg.), 50 Jahre sowjetische und russische Deutschlandpolitik sowie ihre Auswirkungen auf das gegenseitige Verhältnis, Duncker & Humblot, Berlin 1999, S. 193.

они отвечали велению времени и насущной потребности устранить ненормальное положение в Европе, связанное с несправедливостью в отношении расколотой немецкой нации и большой угрозой безопасности, исходящей для всех европейских народов от конфронтации Восток – Запад. Наряду с этим я считал, что устранения холодной войны требовали жизненные интересы Советского Союза, ибо она тяжелым бременем ложилась на его экономику и все общество, была одной из главных причин низкого жизненного уровня советских граждан, не позволяла использовать все ресурсы страны для реформирования советской системы в начавшейся перестройке.

Я испытываю большое удовлетворение и гордость при сознании, что судьба отвела мне значительную роль в деле преодоления раскола и объединения немецкого народа и в прекращении холодной войны и что эти мои заслуги нашли признание со стороны такого выдающегося германского политика, как Ганс-Дитрих Геншер, внешнеполитическим завещанием которого стал девиз: «Не конфронтация, а сотрудничество с Россией»¹. В своем послании мне по случаю моего 85-летия он писал: «Ваш день рождения служит для меня поводом снова поблагодарить Вас за Ваше большое политическое и научное достижение в жизни. Вы принадлежите к тем, кто проложил дорогу к объединению Европы и Германии. Поэтому мы, немцы, особенно обязаны Вам. Мудрость и ответственность должны быть свойственны государственному деятелю. Кто может совместить эти качества с научным анализом и обоснованием, тот в конце концов достигнет своего при условии, что он имеет мужество отстаивать свои убеждения вопреки господствующему в данное время мнению окружения. Вы обладали этим мужеством. Именно поэтому я питаю к Вам особое уважение... Я говорю это, сознавая, что мой народ испытывает к Вам благодарность».

¹ Bundesminister a. D. Hans-Dietrich Genscher. «Kooperation und nicht Konfrontation mit Russland!», «Tagesspiegel», 19. Mai 2012.

К этому ценному для меня посланию можно присоединить и другие события моей жизни, связанные с воссоединением Германии. 3 октября 1990 г. по личному приглашению президента ФРГ Фридриха фон Вейцеккера я присутствовал в оперном театре Берлина на первом торжественном собрании правительства и общественности ФРГ, посвященном дню германского единства. 15 февраля 1995 г. Немецко-российский форум удостоил меня премии Фридриха Иозефа Хааса за «выдающийся вклад в немецко-российское взаимопонимание». 30 апреля 2006 г. немецкое Общество свободной публицистики наградило меня медалью великого германского гуманиста Ульриха фон Гуттена. В наградном листе говорилось: «Общество свободной публицистики награждает медалью Ульриха фон Гуттена господина профессора, доктора Вячеслава Дашичева как идейного вдохновителя и видного участника объединения Германии. Как германист, историк современности, военный историк и политолог проф. Дашичев последовательно и мужественно выступал против влияния сталинизма в СССР и за подлинную свободу мнений. Он не побоялся в столкновениях с партийной номенклатурой выдержать значительные личные невзгоды, такие, например, как увольнение из армии. Несмотря или именно по причине его неоспоримых заслуг в воссоединении Германии и несмотря на то, что он был профессором многих немецких университетов, несмотря на его выдающуюся публицистическую деятельность и выступления в пользу создания новой базы интересов в российско-германских отношениях, проф. Дашичев впал в немилость у немецкой “лицензионной” прессы. Его ясная система духовных и моральных координат придавала ему силы, чтобы не низкопоклонничать перед “служителями Левиафана”. Он вел себя мужественно!»

Для меня было большой честью получить эту медаль. Общество свободной публицистики входило в немецкое национально-патриотическое движение, выступающее за освобождение Германии от американских оков, против господства США в Европе, против опасного военного экстре-

мизма Вашингтона. Тем самым оно не вписывалось в рамки господствующей в Германии «политической корректности». Большое значение ОСП придавало установлению тесного сотрудничества между Германией и Россией в интересах общеевропейской безопасности и благополучия всех европейских народов.

На ежегодном собрании ОСП в 2006 г. был с воодушевлением одобрен мой доклад, в основе которого лежала идея навсегда покончить с традиционной разрушительной европейской тенденцией, воплощавшейся в трех комбинациях: «Германия и Россия против Франции» (война против агрессии Наполеона), «Франция и Россия против Германии» (Первая и Вторая мировые войны), «Германия и Франция против России» (холодная война). Конфронтация и соперничество между этими державами постоянно вели к общеевропейским и мировым войнам, на которых наживались Соединенные Штаты¹. Поэтому я выступил с обоснованием идеи, согласно которой в основе европейской безопасности должно лежать сотрудничество или даже союз между главными континентальными державами Европы – Францией, Германией и Россией. Тогда мир и стабильность в Европе, которым после окончания холодной войны стали угрожать США, смогут быть обеспечены. Важным шагом на пути к этому было объединение Германии. Принятие такой концепции требовало, естественно, установления тесного договорного сотрудничества между ЕС и Россией.

О моем вкладе в осуществление этой идеи написал д-р Герхард Фрай в статье «Тот, кто проложил путь к единству Германии». Привожу ее полный текст²:

¹ См. *Дашичев В.* Как Европа проиграла XX век Соединенным Штатам Америки. Мир и политика. *The Scientist*, № 10, октябрь 2013 г.

² *Dr. Gerhard Frey.* «Wegbereiter der deutschen Einheit. Professor Daschitschew zum Geburtstag», «National-Zeitung», 12. Februar 2010.

“Нелегко плыть против течения”, – говорит профессор Вячеслав Дашичев. Тем не менее он делает это и делал в советское время ради мира и справедливости. 9 февраля этому столь же неудобному, сколь и заслуженному ученому исполнилось 85 лет.

Заслуженному – сказано мало. Что граница на Эльбе пала, что Федеративная Республика и ГДР смогли объединиться, в этом его значительная заслуга. Установление немецкого единства и устранение горьких последствий всякой политики господства являлись центральными темами его жизни. В моей книге “Немецкое единство, свобода для немцев” Дашичев пишет, как идея воссоединения приняла в его мышлении конкретные очертания: *“Мое восприятие «немецкого вопроса» оформилось в 1970-е и 80-е годы во время моей деятельности как руководителя отдела внешнеполитических проблем Института экономики мировой социалистической системы Академии наук. Это был длительный процесс переосмысления и отхода от догм и представлений, глубоко укоренившихся в советской политике”*.

Они выражались с одной стороны в “экспансивном коммунистическом мессианстве”, а с другой стороны – в ложном мнении, что интересам Советского Союза больше отвечает существование “двух Германий, чем одной”.

Поиски путей воссоединения

Дашичев – он был участником Второй мировой войны – представлял себе это иначе: *“В середине 1970-х годов я пришел к выводу, что любой вид и любая форма мессианства и тесно связанная с ним политика господства пагубны для мира и нормального развития международного сообщества. Это испытал на себе немецкий народ. А зачем русский народ должен был зря тратить свою энергию, свои духовные и материальные силы для квазитроцкистской политики, чтобы по воле советского руководства «осчаст-*

ливливать» другие народы социалистической системой в сталинском исполнении?»

Эти идеи Дашичев изложил еще в 1982 году в одном аналитическом докладе генеральному секретарю ЦК КПСС Андропову. Вскоре он стал открыто призывать к тому, чтобы преодолеть раскол Германии, который он рассматривал как “бесчеловечный и противоестественный”, и покончить с холодной войной: *“27 ноября 1987 г. состоялось важное заседание Научно-консультативного совета при советском министерстве иностранных дел. Как его председатель я предложил в моем докладе рассмотреть новый подход к немецкому вопросу, а именно в духе поисков путей и возможностей объединения Германии”*.

Вклад Дашичева в немецкое единство и окончание холодной войны главный советник Горбачева Анатолий Черняев оценил в 1999 г. так: *“Из множества научных источников, которые служили для информирования Горбачева о немецких делах и о «социалистическом лагере» следовало бы назвать аналитические записки Вячеслава Дашичева. Его оценки происходящего в Германии и его рекомендации указывали – в отличие от большинства других – правильное направление”*.

А бывший министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер неоднократно высоко оценивал значительный вклад Дашичева в немецкое единство и в 2005 г. пожелал ему “еще много свершений в создании лучшего мира”: *“Вы прокладывали путь к преодолению раскола Европы и Германии. Поэтому мы, немцы, особенно обязаны Вам... Я говорю это, сознавая, как мой народ благодарен Вам”*.

Что ему было важно и что нет

Если ему такое признание что-то значило, то предложение Даймлера-Бенца принять в подарок автомашину он с легким сердцем отклонил. Чтобы никто не посмел сказать,

что он прокладывал дорогу к объединению Германии за Мерседес. Дашичев был бы не Дашичев, если бы он принял этот подарок.

Надежды сына арестованного Сталиным генерала на новый мирный порядок постигло разочарование: *«После распада Советского Союза одни США стали носителем мессианской гегемонистской политики. На место брежневской доктрины «ограниченного суверенитета» пришла американская доктрина «неограниченного вмешательства» во внутренние дела государств. Снова были возрождены старые устремления политики США – «держать американцев в Европе, держать немцев в узде, держать русских вне Европы».*

Но последнее слово в этой европейско-американской драме, по мнению Дашичева, еще не сказано. Еще ни одной великой державе никогда не удавалось длительное время удерживать свое господство в Европе. Будущее немецкого народа и мира в Европе зависят, по его мнению, от того, удастся ли устранить антагонизм в европейском треугольнике Франция – Германия – Россия и на его место поставить их сотрудничество в общеевропейском духе.

Не хватает слов, чтобы выразить нашу благодарность и наши симпатии этому столь же благородному, сколь и безупречному ученому и политическому мыслителю».

Герхард Фрай справедливо писал, что борьба против главной угрозы миру – политики господства, под какой бы вывеской она не выступала, – превратилась в смысл моей деятельности, если не сказать сознательной жизни. Именно поэтому мои выступления против навязывания народам воли США не встретили признания в правящей верхушке Германии и других стран Европы, вынужденных плыть в фарватере американской политики. Мне приходилось часто испытывать это и удивляться, насколько глубоко США удалось укоренить свое влияние в Европе.

В июне 2006 г. профессор Кильского университета Гельмут Гризер пригласил меня выступить перед профессорско-преподавательским составом и студентами на оригинально

сформулированную тему: «Почему Советский Союз в 1989–1990 гг. подарил немцам объединение? В чем должна состоять наша политическая благодарность?». Это выступление было приурочено к 20-летию моего первого выступления в Кильском университете в июне 1986 г., когда мы вместе с профессором Гризером высказались за необходимость сделать все возможное, чтобы добиться единства немецкой нации. Одновременно это выступление было посвящено 80-летию профессора Кильского университета Вольфганга Зайфферта – большого друга и знатока России. В начале 1980-х годов он первым в ФРГ издал книгу «Объединение Германии неизбежно».

В присланном мне приглашении в Кильский университет я обратил внимание на следующий пассаж: «К Вашему любезному согласию выступить у нас в Киле должен заметить, что наш первоначальный план включал Ваш доклад и в Академии им. Германа Элерса. Но нам не удалось добиться этого вследствие интриг Атлантического общества Германии». К сожалению, это был лишь один из многих аналогичных случаев, приключившихся со мной в Германии. Причина этого крылась в том, что я занимал резко отрицательную позицию в отношении новоявленного американского претендента на мировое господство. Для меня было ясно, что политика США несет громадный потенциал угрозы для международного сообщества. В многочисленных публикациях, в том числе в Германии, я постарался показать, что эта политика является самым деструктивным фактором международных отношений на современном этапе их развития. Естественно, что все, что не вписывалось в негласно действующую в ФРГ «политическую корректность», отвергалось и осуждалось. Такими представились мне причудливые гримасы атлантической «демократии».

Имея в виду ситуацию, сложившуюся в Германии в американизированной Европе, видный немецкий политик Эгон Бар писал в газете «Junge Freiheit»: «Мы должны научиться быть нормальной нацией. Ни один народ не может долго

жить на коленях»¹. Эта констатация шла вразрез с установкой германской политики США – «держать немцев в узде» (To keep Germans down). Она не могла не отразиться на сознании немцев. 8 сентября 2011 г. журнал «Zuerst» опубликовал мое интервью под названием «Германия не суверенна». На вопрос «После объединения немецкое национальное самосознание не нормализовалось. Как раз наоборот. Почему?» я ответил: «На мой взгляд, это обусловлено многими внутривнутриполитическими и внешнеполитическими особенностями развития ФРГ. При этом внешнеполитические факторы играют решающую роль. Яркое выраженное национальное самосознание немецкой нации, лежащее в основе ее государственности и суверенитета, противоречит интересам политики господства американской элиты. Поэтому она стремится политическими и пропагандистскими мерами как можно больше ослабить национальное самосознание народов. В этом отношении главным объектом ее политики стал не только немецкий, но и русский народ».

Вашингтон до сих пор относится к Германии как к побежденной стране. Наряду с этим он тщится доказать, будто США одержали победу и над Советским Союзом в холодной войне. В Америке даже была учреждена медаль «За победу в холодной войне». Этот тезис нашел отражение и в исторических трудах². Бытуют также утверждения, что объединение Германии «дало решающий толчок развалу Советского Союза»³.

Насколько справедливы подобные утверждения? На мой взгляд, они не выдерживают критики. Нельзя отрицать, что США сыграли главную роль в сдерживании советской мессианской экспансии во время холодной войны. Но в конце 1990 года, когда все европейские страны, а также США объ-

¹ Junge Freiheit, 5.11.2004.

² Например: *Michael Ploetz*. Wie die Sowjetunion den Kalten Krieg verlor. Von der Nachrüstung zum Mauerfall, Propyläen Verlag, 2000.

³ *Angela Stent*, Rivalen des Jahrhunderts. Deutschland und Russland im neuen Europa, Propyläen Verlag, 1999, S. 9.

явили холодную войну законченной, и этот факт был зафиксирован в Парижской хартии, не было никаких признаков поражения Советского Союза: его армия не была разбита, его экономика не была разрушена, его территория не была оккупирована, ему не была навязана чужая политическая воля. Основная внешнеполитическая цель тогдашней советской политики – положить конец холодной войне – была достигнута. Это явилось великой исторической заслугой советского руководства, возглавлявшегося М. Горбачевым.

На самом деле Советский Союз рухнул год спустя после окончания холодной войны в результате предательства Ельцина и стоявших за ним сил. Предательства, какого не знала человеческая история. Об этом речь пойдет ниже.

Правильные акценты в прояснении вопроса о том, что привело к окончанию холодной войны, расставили, с моей точки зрения, американские политики Кондолиза Райс и Филип Зеликов в своей книге «Звездный час дипломатии»: «Ирония истории заключается в том, что холодная война не могла быть окончена без коренного изменения советской политики. Еще долго будут вестись споры о том, почему Советским Союзом был взят новый курс и какую роль играли в этом США и другие страны, но никто не станет отрицать, что Михаилу Горбачеву и “новым мыслителям”, которые пришли к власти в Москве в 1985 году, принадлежит в истории окончания холодной войны выдающееся место»¹.

Джордж Кеннан, который стоял у истоков «холодной войны» и стал автором «стратегии сдерживания» советской экспансии, отменил надуманный тезис о победе США. Он констатировал: «Никто не “победил” в холодной войне («Nobody “won” the Cold War»)»². 1990 год принес победу

¹ *Philip Zelikov, Rice Condollezza, Sternstunde der Diplomatie. Die deutsche Einheit und das Ende der Spaltung Europas, Propyläen Verlag, 1997, S. 28.*

² *George Kennan, At a Century's Ending. Reflections 1982–1995, New York. P. 186.*

разума, спасение всех стран от опасностей и бремени ненужной конфронтации.

Можно было бы попросту не реагировать на легенду об американской победе над Советским Союзом, если бы не возникли необоснованные претензии к М. Горбачеву и тем, кто трудился над снятием с Советского Союза непосильного бремени холодной войны. Легенда «об ударе в спину» Советскому Союзу стала распространяться приверженцами имперской политики Сталина. Горбачева стали обвинять в измене, сдаче позиций Советского Союза в Европе, в том, что он пренебрег принципом: «С волками жить – по-волчьи выть»¹. По словам Валентина Фалина, Горбачев «нанес крупнейший ущерб, который только наносился политиком в России... только посмотрите на ситуацию в сегодняшней России! Она во всех областях катастрофична. Следствием его политики стал хаос. Он порвал все предыдущие связи или допустил их разрыв, он не создал вместо них новые, не создал также новой идеологии... А так как он растерял в собственной стране всех сторонников, ему пришлось искать их за границей»². Здесь катастрофические последствия политики Ельцина приписываются Горбачеву. Конечно, во внутренней политике последний совершил много ошибок. Но главный его грех в том, что он не предотвратил государственный переворот Ельцина – по сути первый «оранжевый переворот» на советском пространстве, инспирированный США, – и не спас в стране устои обновленного социализма и его носителя – Советский Союз.

Преодоление тоталитарной советской системы не могло протекать безупречно и без ошибок. Общий итог реформ, начатых в 1985 году, выглядит обескураживающим. Что касается внешней политики, то здесь были достигнуты немалые успехи. И главным из них было прекращение холодной

¹ Уткин А. «Россия и Запад: чувства и разум». Независимая газета, 15.02.1997.

² Der Tagesspiegel, 11.03.2001.

войны и создание условий для мирного переустройства Европы, что было невозможно достигнуть без восстановления немецкого единства.

Вообще я не мог оправдать раскол немецкого народа ни политически, ни стратегически, ни по-человечески. Я считал, что расчлененное состояние Германии было опасным для европейского развития, и был твердо убежден, что оно не может сохраняться долго. В моем интервью газете «Neues Deutschland» я, заглядывая в прошлое, объяснил свою позицию относительно раскола Германии следующим образом:

Вопрос: За полтора года до падения Берлинской стены Вы охарактеризовали ее как «пережиток холодной войны», который должен исчезнуть. Каково было Ваше ощущение тогда, 9 ноября 1989 г., когда история столь явственно подтвердила Ваши слова?

Ответ: Я был удовлетворен, что подтвердилось то, в чем был убежден всегда: никакая идея, уж тем более никакая идеология, не могут оправдать раскол великой нации в центре Европы. В докладах в Москве я часто призывал моих слушателей представить себе, что произошло бы, если бы Германия и Япония победили Советский Союз, разделили между собой страну, и разделительная линия прошла бы прямо через Москву. Как бы чувствовали себя русские по обе стороны Москвы и по обе стороны страны? Это было воспринято с пониманием.

Вопрос: Когда Вы говорили это?

Ответ: В 1988 году, при Горбачеве. Раньше о подобных вещах нельзя было говорить.¹

Надо признаться, что я, как и многие наши политические деятели, их советники, а также представители науки, неправильно оценил тогда возможное развитие американской внешней политики после европейского перелома 1990 г. Всех ожидало горькое разочарование. США встали

¹ Neues Deutschland, 5/6. Mai 2001, S.10.

на путь отступничества и нарушения согласованных решений и договоров. Ныне приходится констатировать, что по воле США и под их нажимом до сего времени сохраняется противоестественный раскол Европы. Символом этого раскола служит концептуальная триада американской политики: «держат американцев в Европе, держат немцев в узде, держат русских вне Европы», провозглашенная еще в годы холодной войны. Эта задача решается всеми возможными политическими, финансово-экономическими, информационно-пропагандистскими, агентурными и военными методами, в том числе сохранением и расширением военного блока НАТО. Ныне он ничего общего не имеет с защитой безопасности Европы, которой сейчас никто не угрожает, и выступает как пережиток холодной войны.

В нарушение соглашения «Два плюс четыре» в Германии сохраняется размещение крупных контингентов американских и английских войск с атомным оружием. Во время своего первого визита в ФРГ президент Обама, выступая перед американскими солдатами 19 июня 2009 г. в Рамштайне, заявил: «Германия является оккупированной страной и останется таковой» («Germany is an occupied country and it will stay that way...»). Его выступление передавалось по каналам ARD, ZDF и 3SAT немецкого телевидения. Оно вызвало «молчание счастливых рабов», как назвал свою книгу один немецкий автор¹.

Трудно осознать, что ФРГ до сего времени не обрела суверенитета и является, по сути дела, сателлитом США. «Германский вопрос» остается все еще до конца не решенным. ФРГ обретет полный суверенитет лишь тогда, когда кончится господство США над странами Европы. Этот процесс все более нарастает и неизбежно приведет к европеизации Европы и ее освобождению от американских оков.

¹ *Richard Melisch.* «Das Schweigen der glücklichen Sklaven», Grabert-Hohenrain, 2010, S. 274.

Х. ПАРИЖСКАЯ ХАРТИЯ – НЕСБЫВШИЙСЯ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ НОВОЙ ЕВРОПЫ МИРА, ДЕМОКРАТИИ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА¹

1. Новые принципы построения общеевропейского дома

21 ноября 1990 г. представители верховной власти 22 государств Европы, а также Соединенных Штатов Америки и Канады подписали в Париже основополагающий международный акт о создании нового мирного порядка в Европе после объединения Германии и окончания холодной войны. Он вошел в историю как Парижская хартия. В ней торжественно провозглашалось: «Мы, главы государств и правительств стран – участниц Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, собрались в Париже во время глубоких перемен и исторических ожиданий. Эра конфронтации и раскола в Европе закончилась. Мы объявляем, что наши отношения в будущем будут основываться на уважении и сотрудничестве. Европа освобождается от прошлого. Благодаря мужеству мужчин и женщин, воле народов и силе идей Заключительного акта Хельсинки в Европе наступает новая эра демократии, мира и единства... Настало время, когда веками лелеемые надежды и ожидания наших народов становятся явью. Это непоколебимая приверженность демократии, основанной на правах и основных свободах человека, благосостояние, достигаемое посредством экономической свободы и социальной справедливости, и равная безопасность для всех наших народов».

Какие замечательные слова! Казалось, перед европейскими народами, пережившими в XX веке две «горячих» и одну холодную войну с их невообразимыми ужасами

¹ См. также статью автора «Упущенный шанс Европы». Российская Федерация сегодня, № 24, декабрь 2007.

и потерями, открылись радужные перспективы и возможности создания совершенно новой Европы мира, стабильности и сотрудничества. Фактически впервые в истории Европы был достигнут общеевропейский консенсус, отвечавший национальным интересам всех европейских народов.

Большая заслуга в повороте Европы от войны к миру принадлежит советской внешней политике. Этот поворот был теснейшим образом связан с перестройкой и острой дипломатической борьбой за создание качественно нового, мирного порядка в Европе.

Поэтому стоит напомнить здесь о содержании Парижской хартии. И не просто из интереса к истории, а потому, что ее принципы должны быть возрождены и использованы в европейской политике, чтобы предотвратить угрозы, которые снова нависли над безопасностью Старого света и всего мира. Ведь не случайно все чаще мы слышим тревожные голоса о возможности возникновения новой мировой войны.

Прежде всего надо сказать, что Парижская хартия подвела черту под холодной войной и обозначила контуры нового европейского мирного порядка. Она содержала следующие основополагающие принципы:

- *Соблюдение и осуществление демократии как основы свободы, справедливости и мира. Репрезентативная и плюралистическая демократия предполагает ответственность перед избирателями, привязку государственной власти к закону. Никто не должен стоять над законом.*
- *Политический плюрализм является необходимым элементом усилий, направленных на развитие рыночного хозяйства, обеспечение постоянного экономического роста, благосостояния, социальной справедливости и рационального использования экономических ресурсов.*
- *Защита окружающей среды – это общая ответственность всех наций, подписавших Парижскую хартию.*
- *Недопущение действий, направленных против территориальной целостности или политической незави-*

симости государств, на угрозу применения или на применение силы и всяких иных действий, несовместимых с принципами и целями Хартии ООН и ОБСЕ и идущих вразрез с международным правом.

- Безопасность Европы должна приобрести новое качество, заключающееся в ее неделимости и одинаковости для всех государств. Для мирного решения споров и конфликтов должны быть созданы соответствующие механизмы и институты. Все страны обязаны взаимодействовать в укреплении доверия и безопасности.*
- В Европе должна быть решена проблема разоружения и установления контроля над вооружениями.*
- Все народы Европы должны обладать равными правами на самоопределение, а также на территориальную целостность в соответствии с Уставом ООН и установленными нормами международного права.*
- Необходимо обеспечить преодоление векового недоверия между народами и строительство единой Европы посредством коллективных действий и путем повышения взаимозависимости стран, подписавших Парижскую хартию.*
- Основу сотрудничества стран, подписавших Парижскую хартию, составляют десять принципов ОБСЕ, неразрывно связанных между собой.*
- Сотрудничество североамериканских и европейских государств является органической частью процесса ОБСЕ. При всем богатом разнообразии наций их объединяет обязанность развивать сотрудничество во всех областях;*
- Из Европы должен исходить только мир, она должна быть открыта для диалога и сотрудничества с другими странами в поисках ответа на вызовы современности и будущего.*

Эти новые принципы европейского общежития были призваны, в случае их реализации, навсегда покончить с войнами на европейском континенте. Фактически впер-

вые в истории Европы был достигнут общеевропейский консенсус, отвечавший национальным интересам всех европейских народов. В Парижской хартии была заложена новая философия мира и сотрудничества между народами на перспективу XXI века. Именно этим идеалом был проинкнут наш международный проект «Звезда-4».

2. Почему провалился проект создания новой Европы

Увы, от принципов Парижской хартии в реальной жизни не осталось и следа. Где единство Европы? Где ее разоружение? Где общеевропейское сотрудничество? Где равная и одинаковая безопасность для всех стран? А императив: «Из Европы должен исходить только мир»? Все это осталось благими пожеланиями. Европа упустила свой исторический шанс, предоставленный ей Парижской хартией. Возобновился пагубный процесс раскола и милитаризации европейского континента. Чем же объяснить, что Европа не пошла по пути, начертанному в ноябре 1990 г. в Париже?

Прежде всего это случилось потому, что Парижская хартия не вписывалась в политику правящей элиты США, и она позаботилась о том, чтобы разрушить с таким трудом достигнутый консенсус всех европейских стран по судьбоносным для них вопросам.

Без малого год спустя после принятия Парижской хартии не стало Советского Союза. Его разрушение было воспринято правящей элитой США как неповторимый шанс для установления американского господства в Европе и в мире. Парижская хартия противоречила этим замыслам и была выброшена за борт. Не успев закончиться, смутная пора в международных отношениях в Европе наступила вновь.

Развал Советского Союза явился важнейшей причиной того, что великим принципам Парижской хартии не суждено было сбыться. Они были преданы полному забвению на Западе. Но о них ни разу не вспомнили ни Б. Ельцин, ни В. Путин, ни

Д. Медведев, ни министр иностранных дел С. Лавров, хотя эти принципы отвечали самым насущным национальным интересам России. Объяснить это можно, очевидно, тем, что политика «строителей капитализма» в России подпала под сильное влияние американского фактора. Так народы были обмануты в своих «веками лелеемых надеждах и ожиданиях».

А ведь идеи Парижской хартии нашли широкий отклик в европейских общественных кругах. В интересах создания новой Европы был, в частности, создан в 2001 г. Международный фонд «Континент Европа». Его учредителем стал шведский предприниматель Патрик Бринкманн. Фонд ставил своей целью объединение всех стран Европы, включая Россию, и создание общеевропейского пространства без разделительных линий и без доминирования США в политике, экономике и культуре, содействие развитию общеевропейского политического, экономического, научного и культурного сотрудничества. Фонд выступал также за уважение независимости государств, в рамках которой их народы могли бы защищать свою самобытность и культуру по принципу «единство в многообразии».

Достижение этих целей мыслилось финансированием публикаций книг и статей, проведения международных конференций и конгрессов, чтобы обратить внимание европейской общественности на вызовы современности и содействовать претворению в жизнь идеи европейского единства и благополучия народов Европы. В 2006 г. Фонд провел в Берлине международную конференцию, посвященную Парижской хартии. Мне, как члену правления Фонда, выпала честь выступить на ней с головным докладом.

Бринкманн придерживался мнения: европейцы должны понять, что Россия является органической частью Старого света. Чтобы способствовать этому, Фонд инициировал издание книги *«Возвращение потерянной России»* на немецком языке с последующим переводом ее на другие европейские языки. В журнале Фонда «Элементы. К возрождению Европы» Бринкманн опубликовал статью под примечательным

названием: «Континент Европа означает Евросибирь!»¹. Он имел в виду создание глобального центра сотрудничества от Атлантики до Тихого океана, который смог бы противостоять вызовам настоящего и будущего, обеспечить безопасность и процветание объединенной Европы.

Ясно, что программа и деятельность фонда «*Континент Европа*» вызвали резкое недовольство администрации США. Под ее нажимом Патрик Бринкманн подвергся гонениям. Ему, как спонсору Фонда, угрожали разорением. В результате Фонд прекратил свое существование в 2007 году, не завершив задуманные проекты.

Над европейским континентом опустился занавес господства США. Как писал Збигнев Бжезинский, Европа явилась для Америки «важнейшим стратегическим плацдармом» для проведения американской глобальной политики. Страны НАТО оказались, по сути дела, американскими сателлитами, в их числе и Германия, которая, по деликатному выражению Герхарда Шредера, стала обладательницей лишь «относительной независимости своей внешней политики»². Страны Восточной и Юго-Восточной Европы были тоже без труда поглощены североатлантическим блоком под предлогом их защиты от России. Вместо доктрины «ограниченного суверенитета» Брежнева, которая оправдывала советскую военную интервенцию в социалистические страны Европы, если Москва сочтет это необходимым, на свет появилась злобная доктрина «неограниченного вмешательства во внутренние дела любого государства», взятая на вооружение политикой США и нашедшая широкое применение в конце XX и начале XXI века.

¹ *Brinkmann Patrik*. «Kontinent Europa heißt Eurosibirien!», «Elemente der Megapolitik. Zur europäischen Neugeburt», Nr. 7, 2007, S. 14.

² *Schröder Gerhard*. Entscheidungen. Mein Leben in der Politik. Hamburg, 2006, S. 514.

XI. ПЕРЕХОД США К ШИРОКОМАСШТАБНОЙ ПОЛИТИКЕ ГЛОБАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА

1. «Проект нового американского века» – вызов мировому сообществу

После разрушения СССР в основу внешнеполитического курса администрацией Клинтона были положены следующие принципы: активное проведение имперско-мессианской политики; ставка на силу для обеспечения глобальной экспансии при подавляющей военной мощи, с которой не могла бы сравниться никакая другая держава или международная группировка; сохранение НАТО как главного орудия американского господства в Европе, продвижение его на Восток, к границам России; «превентивный интервенционизм» и «гуманитарные (?) войны» – право силового вмешательства во внутренние дела любого государства якобы для защиты демократии, прав и свобод личности; устранение или всяческое ослабление потенциальных военных и экономических противовесов США на международной арене в лице отдельных государств или их группировок; создание новых высокотехнологичных и высокоточных видов оружия; активное пропагандистско-психологическое обеспечение мессианско-имперской политики путем создания после отпадения «угрозы с Востока» новых, искусственных и надуманных «образов врага».

В годы холодной войны триада европейской политики США, как указывалось выше, гласила: «а) держать американцев в Европе, б) держать немцев в узде, в) держать русских вне Европы». После развала Советского Союза эта триада приобрела новое содержание и качество: «а) сохранять и укреплять американское господство в Европе, б) привязать НАТО к глобальной экспансии США и использовать вооруженные силы и экономический потенциал стран - членов альянса в интересах осуществления целей этой экспан-

сии, в) держать Германию в узде, г) максимально ослабить Россию в геополитическом, экономическом и военно-стратегическом отношении и держать ее вне Европы».

В европейской истории еще не было случая, чтобы какая-нибудь внеевропейская держава развязала агрессию на европейской земле. Впервые после 1945 г. объектом такой агрессии со стороны США стала Югославия. В нее были втянуты в нарушение Парижской хартии и договоров, подписанных в конце 1990 г., Германия и другие европейские страны НАТО. Югославская Федерация была разорвана на части. Военно-политическая ситуация на Балканах была на долгие времена резко дестабилизирована.

Для агрессии против Югославии был использован пропагандистский повод – устранение «авторитарного» президента Милошевича и ложное обвинение его в геноциде албанского населения. Но военному остракизму был подвергнут весь югославский народ. Эта акция была осуждена даже Папой Римским. Ей сопутствовал бессовестный обман общественного мнения в Европе и США. Агрессия против Югославии намного усугубила политические и национальные противоречия, нестабильность на Балканах. Многонациональную страну расчленили на несколько государств. «Разделяй и властвуй» – этот принцип стал излюбленным методом американской политики господства.

В войне против Югославии проявилась заинтересованность правящей элиты США в развале многонациональных государств и в создании на их месте ряда мелких государственных образований, чтобы можно было раздувать противоречия между ними и играть на них. Еще ранее, в декабре 1991 года, эта концепция была успешно применена при разрушении Советского Союза.

Приход Буша-младшего и его команды к власти ознаменовался опасным ужесточением агрессивного курса США. В основу «доктрины Буша» был положен «Проект нового американского века» (Project for the New American Century – PNAC), с циничной откровенностью представ-

ленный широкой общественности 3 июня 1997 года. Разрабатывался проект под руководством министра обороны Дика Чейни, ставшего вскоре «серым кардиналом» правительства Буша. Участвовали в его разработке Рамсфельд, Вулфовиц, брат Буша – Джеб Буш и другие представители воинствующего экспансионизма США. Вот некоторые пассажи из него¹.

1. «Наша цель – заново обосновать глобальную руководящую роль Америки и организовать ее поддержку... Полны ли Соединенные Штаты решимости преобразовать новый век в духе американских принципов и интересов?»

2. «Мы, вероятно, забыли, на каких основных факторах основывался успех Рейгана: на вооруженных силах, которые обладают мощью и в состоянии ответить на нынешние и будущие вызовы; на внешней политике, которая мужественно и решительно продвигает американские принципы за рубежом; на национальном руководстве, которое берет на себя глобальную ответственность Соединенных Штатов».

3. «Мы не можем позволить, чтобы ответственность за руководство миром была бы отдана другим... Если мы не возьмем на себя эту ответственность, мы нанесем ущерб нашим жизненным интересам... Из истории XX века мы должны были бы извлечь урок, заключающийся в том, что задачу руководящей роли Америки надо воспринимать всерьез».

4. «Наша цель состоит в том, чтобы напомнить американцам об этих уроках истории и воодушевить их на то, чтобы сделать из этого необходимые выводы для нынешнего времени. Прежде всего речь идет о следующих четырех выводах:

5. Мы должны существенно повысить наши военные расходы, если хотим ныне взять на себя глобальную ответственность и приспособить наши вооруженные силы к будущему.

¹ Project for The New American Century, Statement of Principles, Washington D. C. 3. 6. 1997. <http://www.newamericancentury.org>

6. Мы должны крепить наши отношения с демократическими союзниками и подавлять режимы, которые намерены наносить ущерб нашим интересам и отвергают наши ценности.

7. Мы должны продвигать за рубежом дело политических и экономических свобод.

8. Мы должны принять ответственность за единственную в своем роде роль Америки в поддержании и развитии мирового порядка, который бы обеспечил нашу безопасность, наше благосостояние и осуществление наших принципов».

9. «Такая «рейганистская» политика военной силы и моральной ясности может быть сегодня непопулярна. Но она необходима, если Соединенные Штаты хотят основываться на успехах прошлого и если мы хотим сохранить нашу безопасность и наше национальное величие в наступающем веке».

Итак, главная идея «Проекта» – установление американского господства в мире и беспрецедентное наращивание военной мощи США для обеспечения этого господства. Эта установка легла в основу политики Буша. Для ее обеспечения США повысили свои военные расходы в два с половиной раза больше, чем они были на пике холодной войны. В 2011 г. они составляли 700 млрд, а в 2012 г. – 600 млрд долларов, или более половины всех мировых военных расходов. Для сравнения: военные расходы России составили на то же время около 10 % этой суммы. Стараниями США гонка вооружений намного увеличилась с времен холодной войны. Накопление вооружений достигло угрожающих размеров и все более нарастало. На международной арене господствующим стало право силы. Моральный фактор утратил свое значение в политике. Американские политики забыли слова Джона Кеннеди, сказанные под влиянием Кубинского кризиса 1962 г.: «Или человечество покончит с войной, или война покончит с человечеством».

Так, Белый дом стал инициатором новой грандиозной гонки вооружений, в том числе в создании новых страшных

видов оружия. На его совести развязывание войн против народов Югославии, Афганистана, Ирака и Ливии. Та же участь постигла Сирию. США и их союзники в арабских эмиратах не могли допустить, чтобы эта страна управлялась БААС – Партией арабского социализма во главе с Асадом. Под угрозой нападения поставлен Иран. Страны НАТО были принуждены принять участие в американских военных акциях.

Правящая верхушка США в своей политике осады России дошла до того, что приступила в одностороннем порядке, не спросив даже согласия на это своих европейских «союзников», к созданию стратегической системы ПРО в Польше и Чехии, чтобы лишить Россию потенциала ответного удара. Так в Европе снова возник опасный очаг политической и военной напряженности.

Видный российский политолог и большой знаток американской политики Юрий Давыдов в своей превосходной книге «Норма против силы. Проблема мирорегулирования» справедливо отмечал, имея в виду политику США: «В нынешних условиях, отмеченных демократизацией международных отношений, трудно себе представить, чтобы какое-то одно государство могло бы или даже хотело бы взять на себя имперские функции, стать над всеми и навязывать всем остальным странам свое видение мира, существующих в нем проблем и способов их разрешения. С этим бы просто никто не согласился, и уж точно с этим никто бы не справился, а система международных отношений, функционирующая на такой основе, просто постоянно давала бы сбой. Следовательно, Соединенные Штаты, даже если они хотят провести свою линию в вопросах мирорегулирования и создания нового мирового порядка, не могут игнорировать мнения других государств... В нынешних условиях Соединенные Штаты... не в состоянии быть абсолютным гегемоном, обладающим монопольным правом на истину»¹.

¹ Давыдов Ю.П. «Норма против силы. Проблема мирорегулирования», Москва, «Наука», 2002 г. С. 227.

Вашингтон «обогастил» международный лексикон и свои действия многими новшествами и необычными для здорового восприятия понятиями: «гуманитарная война», «превентивная интервенция», «сверхвооружение», «всеобщее значение американских ценностей», «интересы США превыше всего», «кто не с нами, тот против нас», «ось зла», «государства-изгои», «дипломатия чековой книжки», «точечные удары», «смертельная угроза международного терроризма», «глобализация НАТО», закрытие «окна уязвимости США» национальной ПРО и пр.

Планы преобразования мира по канонам США конкретизировал Збигнев Бжезинский в статье «Геостратегия для Евразии», опубликованной в 1997 году в журнале «Форин афферс» почти в одно и то же время с появлением «Проекта американского века». Он нарисовал поистине фантазмагорическую картину перекройки мира:

- Соединенные Штаты должны быть единственной правящей державой в Евразии; кто владеет Евразией, тот владеет и Африкой;
- главная задача глобальной политики США – расширение их важнейшего глобального плацдарма в Европе посредством выдвигания НАТО и ЕС на Восток, включая Балтику и Украину;
- не допускать, чтобы интеграция в рамках ЕС заходила слишком далеко и привела к образованию самостоятельной европейской мировой державы;
- Германии – опоре американской политики в Европе – нельзя позволить стать мировой державой; ее роль должна быть ограничена региональными масштабами;
- Китай – «восточный якорь» евроазиатской стратегии США – должен также оставаться региональной державой;
- Россию следует устранить как евроазиатскую великую державу; на ее месте надо создать конфедерацию, состоящую из Европейской русской республики, Сибирской и Дальневосточной республик.

Можно себе представить, какими инструкциями стали руководствоваться ЦРУ, госдепартамент, министерство обороны и другие органы США в их политике в отношении России в свете этой американской внешнеполитической концепции. Она не оставляла никаких сомнений в том, что интересам США отвечает максимально возможное ослабление России, овладение ее ресурсами, нейтрализация ее ядерного потенциала и даже ее развал как единого государства.

Создатели «Проекта» составили ядро администрации Буша. Для избрания его президентом из военно-промышленных и финансовых кругов было мобилизовано 100 млн долларов. Никогда еще в истории США военный и гражданский бизнес не выделяли на эти цели столь крупной суммы¹. И никогда еще в истории США не переплетались столь тесно интересы и связи между военно-промышленным бизнесом, правительством и финансовым капиталом как при президенте Буше.

Основными движущими пружинами американской глобальной экспансии стали такие гиганты военно-промышленного комплекса, как Локхид-Мартин, Нортроп-Грумман, Дженерал-Дайнэмикс, Рейтеон, Боинг и др. Пентагон снабжает эти фирмы военными заказами на сотни миллиардов долларов. Годовой оборот фирмы Нортроп-Грумман, поставляющей военную электронику в американскую армию, исчислялся в 2002 г. в 17 млрд долларов. При Буше военные расходы США составили половину мировых военных расходов². Из них 136 млрд долларов были предназначены для разработки новых видов оружия³. Главным образом для «дигитализации» вооруженных сил, т. е. создания электронных систем управления из космоса действиями как отдельных солдат, так

¹ *Michael Hannes*. Der neue Militärisch-Industrielle Komplex in den USA. «Aus Politik und Zeitgeschichte», 10. 11. 2003, S. 41- 42.

² SIPRI Yearbook 2003: Disarmament and International Security. Stockholm 2003, Annex 10a.

³ *Michael Hannes*. Der neue Militärisch-Industrielle Komplex in den USA. «Aus Politik und Zeitgeschichte», 10. 11. 2003, S. 42.

и крупных воинских формирований. Эти системы были призваны также обеспечить нанесение точечных ударов по объектам, обнаруженным из космоса и с земли. Расчет состоял в том, чтобы «дигитализованная» армия могла молниеносно выиграть любую войну, в том числе мировую, обеспечив неприкосновенность и неуязвимость территории США.

Крупное влияние на внешнюю политику США оказывали и нефтяные компании, с которыми были тесно связаны интересы семьи Буша. К этому кругу влияния относился и вице-президент Чейни. Он пять лет возглавлял правление техасской нефтяной компании «Халлибертон». Администрация Буша сделала ее главным подрядчиком по «восстановлению» Ирака. На эти цели ей было выделено 2 млрд долларов¹.

Движущие мотивы американской политики французский исследователь Эммануэль Тодд в своей книге «Некролог для мировой державы США», вышедшей на 11 языках, определил так: «Объективно Америка стала грабительской страной. Следует ли это рассматривать как признак силы или слабости? Во всяком случае ясно, что США должны вести политическую и военную борьбу за господство, которое им совершенно необходимо, если они хотят сохранить жизненный уровень своих граждан... Фундаментальной стратегической целью Соединенных Штатов является установление всеобъемлющего контроля над ресурсами планеты»².

Администрация Буша предприняла активные действия, чтобы поставить под свой контроль исключительно важный в стратегическом и экономическом отношении регион Ближнего и Среднего Востока, Кавказа и Средней Азии. Но для осуществления всех этих намерений перед американской администрацией встала, как в свое время перед Гитлером

¹ Ibid.

² *Emmanuel Todd*. «Weltmacht USA – Ein Nachruf», München, 2003, S. 31, 37. Оригинальное издание на французском языке: «Après l'empire. Essai sur la decomposition du systeme americain», Paris, 2002.

в борьбе за господство в Европе, задача устранения России как активного субъекта европейской и мировой политики.

Целевая установка на создание глобальной «американской империи», основывающейся на американском диктате и на насильственном распространении американских «ценностей», неизбежно привела в действие закономерность «обратной отрицательной реакции» стран, национальные интересы которых оказались поставленными под угрозу, – то, с чем столкнулась Германия в двух мировых войнах. Недовольство американским засильем в Европе охватило не только массы, но и правящие политические и хозяйственные круги европейских стран.

2. Билл Клинтон против Иммануила Канта

Под таким названием «Независимая газета» опубликовала 7 декабря 1999 г. мою статью, в которой был подвергнут критике опасный характер политики правящих кругов США, ниспровергающих основополагающие принципы международного права. Несмотря на то, что после опубликования статьи прошло много лет, актуальность ее ничуть не уменьшилась. Наоборот, за прошедшие годы господство силы в противовес праву в международных отношениях многократно возросло. Об этом свидетельствуют агрессивные войны и подрывные действия США и их европейских сателлитов против Афганистана, Ирака, Ливии и других стран. Их подготовка и ведение сопровождалась ложью, обманом общественности, провокациями и циничным игнорированием международного права.

В этой статье говорилось: «24 марта 1999 г., с началом воздушного наступления на Югославию, США и их союзники по НАТО фактически возвестили о начале нового миропорядка. Ими был перечеркнут фундаментальный принцип международного права – неприкосновенность суверенитета и суверенных прав государства. Межгосударственные отношения были поставлены на зыбкую основу произвола.

Провозглашенная Вашингтоном новая «глобальная мораль» и вытекающая из нее правовая концепция возвысила приоритет прав и свободы личности над международным правом. Составной частью этой «глобальной морали» стала новоявленная теория «государств – злодеев» (rough states), пущенная в ход идеологами американской внешней политики в ходе югославской кампании. К числу реальных «государств-злодеев» отнесены Югославия, Белоруссия, Ирак, Иран, Ливия, Сирия и др. К ним может быть причислена Россия и другие государства.

Если правительство «злодейских государств» нарушает права и свободы человека, осуществляет «этнические чистки», оно должно быть наказано или устранено силами США и НАТО посредством «военно-гуманитарной» операции или «чистой» войны, как это было продемонстрировано бомбардировками Югославии. В сущности, под предлогом устранения неугодного Вашингтону правления Милошевича была предпринята попытка утвердить новую доктрину однополярного мира под эгидой одной супердержавы – США.

Военной акции против Югославии предшествовала масштабная антиюгославская информационная война, чтобы создать в общественном мнении Запада «злодейский образ» режима Милошевича. Как теперь стало известно, в этой информационной войне целенаправленно использовались заведомо выдуманные данные о масштабах «этнических чисток» сербов против албанцев. Не секрет, что и само сепаратистское движение албанцев инспирировалось, финансировалось и вооружалось ЦРУ. Был создан благовидный предлог для развязывания необъявленной войны против Югославии, в которой пострадал не столько режим Милошевича, сколько сербский и албанский народы.

История повторилась, но в иной последовательности: на место «пролетарского интернационализма», оправдывавшего ведение войн «социалистической державой» там, где этого требовали утверждение или сохранение «коммунистических ценностей», пришли «права и свободы человека»,

служащие легитимизации права США вести «гуманитарные войны» там и тогда, где и когда им заблагорассудится. Доктрину «ограниченного суверенитета» Брежнева сменила доктрина Клинтона – «неограниченного вмешательства во внутренние дела суверенных государств». Это означало полный разрыв США с международным правом, на место которого поставлено право силы.

Адепты новой «глобальной морали» утверждают, что существующее международное право устарело. Оно якобы не обеспечивает условий для предотвращения появления новых гитлеров, сталиных, хусейнов, каддафи и прочих диктаторов, способных вновь уничтожить либерализм, устраивать этнические чистки, осуществлять геноцид, гонения на евреев (холокост) и т. д. Поэтому нужны превентивные меры, в том числе насильственные, чтобы воспрепятствовать такому развитию событий. Отсюда якобы следует, что принцип суверенитета утратил свое значение.

Тот факт, что подавляющая часть политической и научной элиты России и всего ее народа осудила действия НАТО против Югославии как варварские и противозаконные, на Западе был истолкован как проявление «особого менталитета» русских, отделенных от Запада извечной стеной непонимания, их неверным восприятием политических, правовых и нравственных ценностей, выработанных христианской цивилизацией, и подходом к их претворению в жизнь.

На самом деле администрация Клинтона и ведомые ею политики Запада сами грубо попрали ценности, являющиеся продуктом европейской цивилизации, итогом творчества ее выдающихся мыслителей и правоведов, стремившихся создать такие правовые основы европейского общежития, соблюдение которых исключило бы или свело бы к минимуму возможности возникновения войн и конфликтов в Европе.

В связи с этим рассмотрим, как согласуется новая «глобальная мораль» США с идейным наследием одного из основателей современного международного права – Иммануила Канта. Устарела ли его концепция по вопросам войны

и мира или она по-прежнему может служить путеводной звездой для честных политиков, сознающих свою ответственность за судьбы мира?

В своем философском трактате «К вечному миру» Кант сформулировал важнейшие «запретительные законы», которые политики, облеченные властью, должны непременно соблюдать в своих действиях на международной арене, чтобы не подвергать мир угрозе и не вести дело к войне¹. Эти законы, расположенные в важной для наших дней последовательности, выглядят так:

«Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться во внутренние дела другого государства».

Из этой идеи Канта, сформулированной еще в Вестфальском мире 1748 г. после окончания 30-летней войны в Европе, родился фундаментальный принцип международного права – суверенитет государства, насильственное нарушение или разрушение которого является началом всех бед для международного сообщества, в том числе возникновения военных конфликтов. Особо следует обратить внимание на очень важное положение Канта, которое может быть непосредственно применено к военной акции НАТО против Югославии: суверенитет государства не должен быть нарушен, если даже это государство *«расколосось в результате смуты на две части, каждая из которых представляет себя особым государством, претендующим на целое... Вмешательство внешних сил, пока продолжается эта внутренняя смута, означало бы нарушение прав народа, ни от кого не зависящего и борющегося со своей болезнью, привело бы само по себе к скандальным последствиям и поставило бы под вопрос автономность всех государств».* Кант считал, что *«между государствами немыслима война с целью наказания (bellum punitivum), поскольку между ними отсутствуют отношения начальника и подчиненного».*

¹ Здесь и далее цитируется философский трактат Канта «К вечному миру», опубликованный в немецкой газете «Frankfurter Allgemeine Magazine», 22.02.1991, S. 22–28.

«Ни одно существующее государство, большое или малое, – это не имеет значения – не должно быть захвачено другим государством».

Поясняя эту мысль, Кант писал: *«Государство является сообществом людей, судьбу которых должно решать оно само и никто иной. Присоединение его к другому государству как приписка означало бы ликвидацию его существования как морального субъекта и превращение его в вещь...».* Иными словами Кант ставил под запрет захватнические войны, господство одного народа над другим. Для наших дней это означает недопустимость политики гегемонии, в какой бы форме она не проявлялся – в империалистической, мессианско-идеологической, националистической, финансово-олигархической и пр. Грубое попрание этого принципа привело к трем мировым войнам – двум «горячим» и одной «холодной». Ныне эстафету гегемонии подхватила администрация Клинтона. Джорж Кеннан, выступивший в начале «холодной войны» инициатором американской «стратегии сдерживания» советского мессианской экспансии, вынужден теперь резко осудить политику Клинтона: *«Вся эта тенденция выставлять себя как центр политической мудрости и как наставника большей части света представляется мне непродуманной, амбициозной и нежелательной»*¹.

«Ни одно государство не должно позволять себе в войне с другим государством такие действия, которые делают невозможным взаимное доверие после наступления мира».

Как правильно предугадал Кант, *«война на уничтожение» может привести только к вечному миру на большом кладбище человеческого рода».* А разве безжалостное разрушение авиацией США и НАТО промышленного потенциала, инфраструктуры, нефтеперерабатывающих заводов, радио и телевизионных станций Югославии не привели на долгие годы к недобрым чувствам сербов к американской политике? Такой образ действий сеял только ненависть. В наш ракетно-

¹ The New York Times Magazine, August 15, 1999, P. 36.

ядерный век война с применением оружия массового поражения неизбежно превратит нашу планету в «кладбище рода человеческого».

«Правительства должны заботиться о сокращении военных расходов и вооружений; армии под ружьем следует постепенно ликвидировать».

Канта можно назвать родоначальником политики разоружения. Этот его принцип можно прямо адресовать нынешней американской администрации, которая после окончания холодной войны не только не прекратила гонку вооружений, но и намного усилила ее:

«Настоящим мирным урегулированием может быть только такое, которое не содержит в себе семена будущей войны».

Мы знаем, к чему привел несчастный Версальский мир, навязавший унижительные условия Германии и проигнорировавший интересы России. Ялтинско-потсдамский мир оказался не лучше. Следствием его явился раздел Европы на два враждующих блока и холодная война. Хрупкий мир держался лишь на равновесии ядерного страха. Но и мирное урегулирование после завершения холодной войны, закрепленное в 1990 г. в Парижской хартии, подписанной всеми европейскими государствами, США и Канадой, в договоре «Два плюс четыре», в советско-германском договоре о мирном урегулировании 1991 г., было грубо нарушено США. Они навязали европейцам свой образ действий, идущий вразрез с интересами общеевропейской безопасности, снова раскололи европейский континент и начали тайную войну против Советского Союза с целью его разрушения.

Важность перечисленных «запретительных законов» Канта для мира и стабильности в современной Европе очевидна. В центр своей политической философии он поставил тезис: *«В международных отношениях должно господствовать право, а не сила».* Конечно, соблюдение этих кантианских «запретительных законов» предполагает наличие у политиков и государственного руководства (правлящей элиты) в целом

высоких интеллектуальных и моральных качеств. Амбициозность, страсть господствовать и алчность ведут к войне.

По Канту, мир может быть сохранен, если политика и мораль находятся в непосредственной связи и тесном взаимодействии. Голый *«прагматизм, исходящий из эгоизма и своекорыстия»*, несовместим с политикой мира. Мораль и право Кант ставит на одну грань, они равноценны. Морально, нравственно и служит миру только такое политическое действие, которое покоится на законе, праве. Разрыхление морали в собственных эгоистических интересах, особенно отделение политики от морали, губительно для общества и международных отношений.

Эти бесспорные истины администрация Клинтона отбросила прочь, начав войну против Югославии в своих корыстных интересах. Многие политики на Западе, в их числе и многие наши собственные, исходят в своих действиях из того, что мораль и политика – вообще несовместимые вещи. Больше того, широко распространено мнение, что политика – это грязное дело и таковой навсегда останется. На самом деле, если политика является служанкой народа и покоится на праве, она не может быть грязной. Грязными могут быть только политики, использующие свое высокое положение в корыстных интересах. Отход от Канта в вопросах морали и политики таит в себе громадную разрушительную силу для международного сообщества.

Межгосударственные отношения не могут развиваться благотворно для мира, если они поставлены в прямую зависимость от состояния прав и свобод личности и положения национальных меньшинств в каком-либо государстве. В этом случае мир может превратиться в череду перманентных войн. Нет также «государств-злодеев». Есть только злодейские режимы. Нельзя ставить на одну доску господствующие в государствах диктаторские режимы с их народами. Никто не имеет права наказывать народы за преступления правителей. И никто не имеет права под предлогом наказания правителей навязывать народам свою волю и свой диктат.

В случае наказания «государств-злодеев» посредством «гуманитарных войн» в духе новой «глобальной морали» возникает опасность, что в нашем тесно взаимосвязанном мире в водоворот военных действий могут быть втянуты и другие государства, а локальный конфликт перекинется на многие регионы планеты. Тогда «гуманитарные войны» хранителей прав и свобод личности превратятся в опасную игру с огнем.

Другим следствием новой американской «глобальной морали» можно считать распространение средств массового поражения и появление неудержимых стимулов к наращиванию гонки вооружений во всем мире. Ибо нависшая над многими странами угроза вмешательства в их внутренние дела и наказания посредством «гуманитарных войн» заставляет их искать спасение в приобретении средств массового поражения. Это ложный и опасный путь развития международного сообщества. Кант считал, что результатом произвольного вмешательства во внутренние дела государств может быть «только анархия» в международных отношениях.

Никто не может отрицать, что международная политика выдвинула к концу XX века много нерешенных международно-правовых проблем. Так, например, обнаружилось, что между принципом целостности (многонационального) государства и принципом самоопределения народа (национального меньшинства) существует противоречие, чреватое конфликтами. Как должно реагировать международное сообщество на нарушение прав и свобод личности в рамках отдельного государства? Или если в нем осуществляется геноцид в отношении национального меньшинства или всего народа? В состоянии ли органы ООН предотвратить упомянутые конфликтные противоречия, примирить или устранить силой? Как следует реформировать эту универсальную международную организацию, чтобы она могла эффективно реагировать на новые глобальные вызовы?

Международное сообщество оказалось пока не в состоянии найти правильные решения этих проблем. Но это ни

в коей мере не означает, что фундаментальные основы международного права, правовые и моральные нормы международных отношений, веками создававшиеся европейской цивилизацией, могут быть подорваны и забыты. Кант считал недопустимым насильственное вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Но ведь для воздействия на внутренние конфликты в отдельных государствах существуют более подходящие средства, чем военное насилие: политическое, моральное давление, международная изоляция, решения арбитражных судов и пр. Пример Чехословакии показывает, что противоречие между принципом самоопределения народа и целостности государства может быть разрешено мирным путем. Но в любом случае насильственное вмешательство во внутренние дела государства по произволу одной державы или контролируемого ею блока противоправно, должно быть поставлено вне закона и квалифицироваться как преступление.

Существуют нетленные ценности в общении между людьми, такие как достоинство, честь, взаимоуважение, которые нужно непременно соблюдать. Точно так же существуют непреходящие ценности в общении между народами, без которых сфера международных отношений превращается в пристанище произвола. Одной из важнейших ценностей является суверенитет государства.

Только в одном случае принцип суверенитета может изменить свое значение: если государство, будучи членом интеграционного содружества, добровольно, на договорной основе отчуждает его целиком или частично в пользу высших интеграционных органов. Это произошло в рамках западноевропейской интеграции, и этот процесс еще далеко не завершен. Таково новое явление в международной жизни Европы, возникшее после Второй мировой войны. Оно соответствует потребностям европейского развития. Ибо глубокая интеграция предоставляет национальным государствам возможность не только для всестороннего сотрудничества в сфере политики, экономики,

культуры, духовной жизни, но и гарантирует им прочную безопасность.

Таков на обозримую перспективу удел стран Европы, да и то не всей. Другим регионам мира предстоит еще долгий путь, чтобы добиться высокого уровня интеграционного сотрудничества. Но принцип суверенных прав государства и невмешательства в его внутренние дела и впредь останется господствующим принципом международных отношений, как бы правители США не пытались ниспровергнуть его. Очень верную оценку правового нигилизма США дал российский политолог Александр Панарин: «Происходит крушение международного права, предельное обесценение ООН и других инстанций, олицетворяющих цивилизованную стабильность и готовность к консенсусу. США утверждают свою гегемонию “революционно-катастрофическим” путем – сокрушая международный порядок и выстраивая социал-дарвинистскую среду, где царствует голая сила»¹.

Характеристику ревизии международного права американской правящей элитой можно дополнить словами видного германского правоведа и философа XIX века Пауля фон Фейербаха, написанными им применительно к захватническим войнам Наполеона: «Природой установлено, чтобы человечество расцветало в многообразии наций и чтобы каждый народ развивался и совершенствовался в своей самобытности и подлинном своеобразии. Не в пустынном однообразии, а в непостижимом многообразии находит свое проявление великий мировой дух. Самостоятельность народов, суверенные свободы государств, в которых они живут, являются священным палладиумом человеческого достоинства и индивидуальности каждого народа. Упразднение этой индивидуальности составляет один из главных принципов, которым руководствуется тот, кто стремится завоевать мир»².

¹ Панарин А. США как ускоритель истории, Литературная газета, 22–28 октября 2003 г.

² *Heilig Vaterland*. Hrsg. Reinold Stein. München, 2003, S. 5–6.

3. Свобода против нравственности

Бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт в своей книге «После отставки. Подводя итоги» обозначил одно из важнейших условий благотворного развития внутренней и международной политики государств: «Каждый политик должен отчитываться перед собственной совестью о том, что он делает и что говорит. Для меня собственная совесть остается высшей инстанцией»¹. Эта «высшая инстанция» должна служить основой нравственности и морали как в сфере государственной политики, так и в повседневной жизни общества и отдельной личности. Г. Шмидт дополнил это положение очень интересной мыслью о том, как соотносятся мораль и нравственность с правами и свободой человека: «В наших школах и высших учебных заведениях, в публицистике и в политике говорят о правах и требованиях, которые отдельная личность может и должна предъявлять к государству. Но почти никогда не говорят об ответственности граждан перед своей семьей, перед своей фирмой, перед всем обществом, нацией и государством. Очень редко обращают внимание и на ответственность перед соседними нациями, хотя в наших церквях достаточно часто произносятся проповеди о любви к ближнему»².

Действительно, в политике США и их партнеров главной «цивилизационной ценностью» Запада выступают права и свободы личности. Они положены в основу американского мессианизма, под знаком которого проводится экспансия США. Все остальные «ценности» отступают на задний план или вообще предаются забвению как ненужные. Об этом я написал в статье «Свобода против нравственности», опубликованной в «Deutschland-Journal», № 74, 2007, и в статье «Свобода и мораль в политике США», напечатанной в газете «National-Zeitung», 20.01 и 02.02. 2007.

¹ *Schmidt Helmut*. «Außer Dienst. Eine Bilanz», München, 2008, S. 334.

² Там же. S. 312–313.

Вообще в новой и новейшей истории стало весьма типичным полное игнорирование морали и нравственности в политике, по существу, всех великих держав. Нравственным считается только то, что служит собственным эгоистическим или идеологическим интересам и достижению поставленных политических целей. Даже в социалистической стране – Советском Союзе – где, казалось бы, нравственность в политике должна была неукоснительно соблюдаться, сплошь и рядом практиковалось ее нарушение. Все, что якобы отвечало интересам «диктатуры пролетариата», рассматривалось нравственным и моральным. Под этим предлогом совершались асоциальные действия и даже преступления против человечности, против собственного и других народов.

До сего времени в международной и внутренней политике государств наблюдается релятивистское восприятие нравственности. В обыденном представлении она, как говорится, «что дышло – куда повернул, туда и вышло». Такое отношение к нравственности ведет к грубому нарушению международного права и часто заканчивается международными конфликтами и войнами. Как представляется, международному сообществу необходимо выработать, наряду с международным правом, кодекс морали и нравственности в политике, которого должны придерживаться ее носители. Например, во внешней политике безнравственными надо объявить такие действия, как агрессия, нарушение суверенитета государства, вмешательство в его внутренние дела, покорение и эксплуатация народа, навязывание ему чужих духовных и религиозных ценностей и т. д. Во внутренней политике: государственный переворот и захват власти, нелегитимность правления, его тоталитарный или авторитарный характер, фальсификация выборов, ложь и обман общества, подчинение средств массовой информации и их использование в личных целях одного правителя и его окружения, обогащение на государственных постах, насаждение клановости и семейственности в государственном управлении и пр. Все это свидетельствует о наблюдающемся ныне нарастании безнравственности

в политике, которое приобрело поистине глобальный характер. Этой теме я посвятил, в частности, статью «Когда запрещено запрещать» в «Литературной газете» от 5–11 апреля 2006 г. Она нисколько не утратила своей актуальности и сегодня. Поэтому приведу ниже ее текст:

«Запад обрушил на Россию целый вал громких обвинений в нарушении прав и свобод личности. Создается впечатление, что какой-то “закулисный дирижер” организовал прямотаки соревнование – кто перекричит друг друга в нападках на нашу страну. Громадный шум по этому поводу поднят и в западных СМИ. Американский Совет по внешней политике принимает специальную резолюцию, требующую отлучить Россию от “Большой восьмерки”, отказаться от проведения предстоящего саммита в Петербурге, подвергнуть Россию политическому и экономическому ostracismu. Госдеп в своем ежегодном докладе “негодует” по поводу состояния дел с демократией в России. Не меньшие старания в этом проявляют многие деятели Совета Европы, Европейского парламента, Парламентской ассамблеи. Россию чуть ли не зачисляют, наряду с Беларусью, КНДР и Ираном, в “страны-изгой”. Кажется, что кто-то очень заинтересован в сколачивании новой антироссийской коалиции Запада и в повороте от исподволь проводимой прохладной войны против России к ее открытому холодному варианту.

Чем же можно объяснить эти новые конфронтационные тенденции в политике США и ведомых ими европейских стран? Быть может, для США важно создать новый “образ врага” в лице России, чтобы, не дай бог, не произошло ее объединение с Европой и не возник глобальный центр силы от Лиссабона и Бордо до Владивостока? Или тем, что в России идет оттеснение или устранение из политической жизни американского лобби – олигархических проводников антироссийской политики США, что грозит перечеркнуть все достижения Вашингтона по разрушению российской государственности в эру Ельцина? Или боязнь, что Россия возродится, как Феникс из пепла, и станет помехой для аме-

риканской политики глобального господства? Очевидно, все это является в той или иной мере причиной столь очевидного ужесточения американского курса, прямо скажем, враждебного России. Если раньше он носил скрытый характер, то теперь он стал проводиться открыто.

Для этого, как всегда, брошено в ход пропагандистское манипулирование правами и свободами личности. Известно, что еще при Клинтоне они были поставлены выше суверенитета государств и служили оправданием для вмешательства во внутренние дела или захвата многих стран, чтобы установить в них проамериканские режимы. Достаточно показателен в этом отношении трагический пример Югославии. А что означают “цветные революции” в Грузии, Украине и других постсоветских республиках? Не что иное, как инспирированные из США государственные перевороты. Под девизом защиты прав и свободы личности и “внедрения” демократии в этих странах приводятся к власти враждебные России силы. Недавно мы услышали из уст Буша броскую фразу: “Мы стали свидетелями революции роз, оранжевой революции, пурпурной, тюльпановой и кедровой революций, и это только начало... Это в наших национальных интересах”.

Что же это за “национальные интересы” а-ля Буш? О них с циничной откровенностью сказано в программном заявлении неоконсерваторов, составивших костяк администрации Буша и определяющих ныне политику США: “Мы должны возложить на Америку единственную в своем роде роль по созданию и расширению мирового порядка, служащего нашей безопасности, нашему благосостоянию и нашим принципам”. А национальная безопасность и национальные интересы других? А благосостояние других? Таковых для американской “мировой элиты” не существует. За всей болтовней об американских “ценностях”, мессианской роли распространения повсюду прав и свобод личности в их американском толковании скрываются геополитические интересы Вашингтона.

Я отнюдь не склонен умалять значения прав и свобод личности как важную социальную и гуманитарную цен-

ность. Сладкое слово свобода на протяжении всей человеческой истории выступало двигателем масс и отдельных личностей в их стремлении к социальному, политическому и национальному самоутверждению. Но другое дело – односторонняя спекуляция на этой ценности в своекорыстных целях. Разыгрывание этой карты в геополитических целях приносит США высокие политические и стратегические дивиденды. Но до сих пор никто не обратил внимания на то, что эта игра построена на зыбкой почве. На самом деле для здорового развития общества существует более важная, чем права и свободы личности, цивилизационная ценность – нравственность. Она проявляется как на бытовом уровне, так и в области государственной политики. Нравственность и мораль теснейшим образом взаимосвязаны. Нормы морали – это то, что складывается исторически в обществе, фиксируется в сознании отдельных граждан и в общественном сознании, находит отражение в конституционных актах и других официальных документах. Наконец, в Десяти христианских заповедях. А соблюдение норм морали – это и есть нравственное поведение как отдельных индивидуумов, так и государственной политики. В наиболее простом выражении и широком понимании понятие нравственности можно, на мой взгляд, определить так:

ненанесение ущерба:

- а) собственной репутации, чести, совести и достоинству;*
- б) интересам своего ближайшего окружения;*
- в) интересам своего народа;*
- г) интересам других народов;*
- д) окружающей природной среде.*

Нравственность предполагает соблюдение и уважение норм морали – человеческого достоинства, чести, справедливости, приверженность правде, доброте и гуманности, законность, национальную и религиозную толерантность. Она несовместима со стремлением к господству, угнетением, коррупцией, криминальностью, ложью и обманом общественности, с эгоизмом. Общественная система, где все вертится

вокруг денег, где человеческие отношения измеряются деньгами, где господствует “диктатура наживы”, необузданное стяжательство, не может служить благоприятной почвой для нравственности как на бытовом, так и на государственном уровнях. Вместе с тем только нравственная политика приносит людям благо и мир. Где отсутствует нравственность, там не может быть истинных прав и свобод, благотворных для развития общества в рамках отдельных стран и международного сообщества в целом. Выделение прав и свобод личности в отдельную категорию без ее тесной увязки с обязанностями и ответственностью личности (политиков) перед обществом, народом и собственной совестью порочно и антисоциально. Это выгодно лишь “мировой элите”, тем, кто стремится создать условия для господства над другими, наживаться за счет других. Очень наглядно данные асоциальные явления продемонстрировала политика ельцинского режима, когда после провала в стране социалистической реформации произошла реставрация капитализма в наихудшем, диком виде. Правами и свободами во всю ширь воспользовались всевозможные проходимцы для грабежа народа, присвоения национальных богатств страны, беспрепятственного вывоза незаконно нажитого капитала и ценностей России за рубеж. Все это поощрялось полной безнаказанностью за криминальные махинации и даже за убийства.

Таким образом, права и свободы личности, отделенные от нравственности, открывают необъятный простор для злоупотреблений и произвола, безразлично, идет ли речь о России или о странах Запада. Как внутренняя, так и внешняя политика при Ельцине носила ярко выраженный безнравственный характер. Примеров тому великое множество. Особенно это касается ущерба, нанесенного основам существования и жизнедеятельности нашего народа. Об этом говорил академик Дмитрий Львов на Рождественских образовательных чтениях этого года: “Если три четверти доходов (России) создаются за счет природных ресурсов, то совершена по меньшей мере уникальная, непростительная для такой уникальной

страны, как наша, акция: то, что дано России от Бога и не является плодом рук человеческих, оказалось в руках 15 процентов людей, которые незаконно присвоили то, что по определению им принадлежать не может”.

Особое значение приверженность нравственности приобретает в международных отношениях. От этого зависят судьбы войны и мира. Классическим примером того, к чему может привести в этой области игнорирование нравственности, является политика Гитлера. В 1938 году начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Людвиг Бек, возглавивший впоследствии заговор против Гитлера, предвидя, что авантюристические планы фюрера приведут к мировой войне и национальной катастрофе Германии, писал: “Государство вправе ставить перед собой лишь нравственные цели... Безнравственная в своей основе политика голой и грубой жажды захвата государств, как ее осуществлял Наполеон, является в высшей степени аморальной... Грехом против смысла истории было то, что богатое многообразие соседствующих народов должно было превратиться в пустынное однообразие мировой империи... Мировая завоевательная политика нашей старой кайзеровской империи также предстает перед нами сегодня как чудовищная ошибка. Германия поставила перед собой задачу овладеть странами, которые не хотели подчиниться нашему национальному государству и не могли быть его надежными союзниками... Таким образом, все государства подпадают под законы нравственного поведения. Нарушение этих законов не может оставаться безнаказанным”. Эти слова звучат очень актуально и в наши дни. Их можно прямо адресовать руководящим деятелям США. Почему они избегают в своих выступлениях говорить о значении нравственности для внешней политики? По простой причине: она не вписывается в планы создания мировой империи США на основе “американских ценностей”.

Нравственность не в почете и в европейских политических кругах. Крайним проявлением безнравственности на Западе является ходячий принцип “запрещено запрещать”

(“It is forbidden to forbid”). Другими словами: “Даешь неограниченную свободу!”

К сожалению, головные органы Европейского союза продолжают идти на поводу у Вашингтона. Они стараются держать Россию на дистанции от Европы. Предлогом для этого служит тезис, будто России чужды цивилизационные ценности, “западные стандарты”, на которых основывается Европейский союз, – в первую очередь права и свободы личности.

Под натиском лицемерной пропаганды Запада вокруг прав и свобод российская политика и СМИ заняли стыдливую, чуть ли не сервильную позицию глухой обороны. Для этого нет никаких причин. Нам пора избавиться от комплекса неполноценности, навязанного извне, не терять своего государственного достоинства и не поддаваться пропагандистско-психологическим провокациям со стороны недружественных нам западных политиков. Мы можем и должны перейти в активное контрнаступление в этой области. У нас есть все возможности предъявить США и НАТО крупные претензии в нарушении норм морали и нравственности, показать двойные стандарты их политики в области прав и свобод, раскрыть перед общественностью, что скрывается за этой политикой. Ничего неделание в этой области может плохо кончиться. Недавно при ООН был учрежден Совет по правам и свободам личности. А почему бы при этой авторитетной международной организации не создать совет по соблюдению нравственности? Соблюдение нравственности стало в наши дни поистине глобальной проблемой. Ее игнорирование не только уродует общественное развитие, но и представляет большую угрозу для международной безопасности и мира».

4. Приемы мотивации американской политики господства

В период холодной войны для США существовал ясно очерченный образ врага в лице Советского Союза, сталинское руководство которого стремилось навязать окружающе-

му миру коммунистическую модель социального устройства, угрожавшую существованию капитализма. Это объединило страны Запада в НАТО для противостояния «угрозе с Востока». С распадом Советского Союза старый «образ врага» исчез. Для США открылись широкие возможности для проведения политики глобального господства. Нужно было найти новые оправдательные мотивы, новый убедительный «образ врага», новую, даже мнимую угрозу Соединенным Штатам. Все это надо было облечь в мессианские одежды. Пусть это было бы даже связано с демагогией, ложью, подтасовками, лицемерием и двойными стандартами.

Наилучшие виды для этого сулило провозглашение борьбы за свободы и права человека. За сладким словом «свобода» оказалось удобней всего скрывать геополитические и геостратегические цели США. Однако спекулировать на одной свободе было не всегда убедительно и не достаточно для осуществления широкомасштабной экспансии и раскручивания спирали вооружений. Для этого нужен был солидный «образ врага». И он был создан. В 1994 г. в свет выходит книга профессора Гарвардского университета и видного эксперта государственного департамента США Самюэля Хантингтона под названием «Столкновение цивилизаций». В ней он разбил человечество на 8 цивилизаций (культурных сообществ): западную христианскую, к которой он отнес и США, исламскую, китайскую, японскую, индийскую, славянскую-ортодоксально-христианскую, латиноамериканскую и африканскую. В его изложении, между ними все более обостряются противоречия и борьба, которые в конечном итоге могут привести к новой мировой войне. Главная борьба, по Хантингтону, развернется между западной и мусульманской цивилизациями. Так на смену гитлеровской борьбе рас пришла борьба цивилизаций...

Эта теория призвана, во-первых, затушевать, что именно США на деле являются главным нарушителем спокойствия в мире, и, во-вторых, объявить, что основным врагом Запада после крушения Советского Союза выступил ислам, осо-

бенно исповедующий его арабский мир. Акцентирование на этом «образе врага» вполне понятно. Ведь на арабском Востоке расположены крупнейшие залежи нефти и газа – объект вожделения американских нефтяных магнатов.

Вашингтону потребовались новые мощные пропагандистские импульсы, рассчитанные на то, чтобы настроить общественность США в пользу расширения американской экспансии в арабском мире. И вот 11 сентября 2001 года американская нация и вся мировая общественность были повергнуты в шок трагическими событиями в Нью-Йорке и Вашингтоне¹. Официальная версия случившегося гласила: два боинга, принадлежавшие авиакомпании «American Airlines», были захвачены арабскими террористами и направлены с интервалом в несколько минут на высотные здания-близнецы торгового центра Нью-Йорка. Через некоторое время оба здания рухнули. Под их обломками погибли более 3000 человек. Жертвой третьего самолета-киллера стало здание Пентагона в Вашингтоне. Четвертый боинг, пассажиры которого якобы попытались обезвредить террористов, потерял управление и рухнул близ Шенксвилля (Пенсильвания), не долетев до предполагаемой цели – Белого дома или конгресса США.

Американская администрация заявила, что организаторами этого чудовищного преступления были Усама бен Ладен и его организация «Аль-Каида». Дата 11 ноября 2001 года была объявлена переломным этапом в американской политике и военной стратегии и чуть ли не поворотным пунктом в развитии человечества, ставшего заложником «международного терроризма». На волне вспыхнувшего в американском обществе негодования по поводу трагического злодеяния против Америки, не знавшей доселе атак извне, вскоре последовало американское возмездие – нападение на Афга-

¹ Об этом событии я написал, в частности, в статье «Загадки американской трагедии. О теракте 11 сентября», опубликованной в журнале «Власть», (№ 2/2004 г.) и в новом варианте этой статьи «Американская трагедия. Правда о теракте 11 сентября 2001 г.», напечатанной в журнале «Мир и политика» (№ 10, 2012 г.).

нистан, где якобы находилось гнездо террористов во главе с Бен Ладеном.

Однако когда несколько улеглись страсти и настало время спокойного анализа обстоятельств, связанных с 11 сентября, официальная версия случившегося вызвала множество недоуменных вопросов и сомнений у целого ряда аналитиков. Их мнения нашли отражение в прессе и в десятках книг, изданных в США, Германии, Франции, Австрии и других странах¹.

В Берлинском университете им. Гумбольдта 30 июня 2003 г. была проведена широкая дискуссия на тему «Инсценированный терроризм. Заговор 11 сентября». Перед

¹ *Andreas von Bülow*. Die CIA und der 11. September. Internationaler Terror und die Rolle der Geheimdienste. München, 2003; его же: Im Namen des Staates – CIA, BND und die kriminellen Machenschaften der Geheimdienste. München, 2003; *Eric Hufschmid*. Time for Painful Questions – An Analysis of September 11th Attack. New York, 2002; *Gerhard Wisniewski*. Operation 11/9. Angriff auf den Globus. München 2003; *Gerhoch Reisseger*. Wir werden schamlos irreführt! Vom 11. September zum Irak-Krieg. Tübingen, 2003; *Alain de Benoist* (Hg.) Die Welt nach dem 11 September, München 2003; *Sven Eggers*. Die Irak-Lüge. Amerikas falsches Spiel. Die wahren Hintergründe der blutigen US-Aggression. Bonn 2003; *Emil Meyssan*. Der inszenierte Terrorismus. Steuern Insider den neuen Weltkrieg ? Wien, 2003; *Michael Moor*. Stupid White Men. London, 2003; *Mathias Bröckers*. Verschwörungen, Verschwörungstheorien und die Geheimnisse des 11. 9., Frankfurt am Main, 2002; *Bund gegen Anpassung* (Hg.). Ketzerbriefe 110. Das WTC-Attentat vom 11. 09. 2001. Freiburg, 2002; *Noam Chomski*. The Attack – Hintergründe und Folgen. Hamburg, 2002; *Wolfgang Eggert*. Angriff der Falken – die verschwiegene Rolle von Mossad und CIA beim Terrorakt auf die USA. München, 2002; *Erhard Geißler*. Anthrax und das Versagen der Geheimdienste. Berlin, 2003; *Andreas Grabler*. 11. September ATTACKE. Lathen, 2002; *Christian Guthart*. 11. September, ein Untersuchungsbericht. München, 2002; Паноптикum des Absurden. Geheimdienstkomploit oder Terrorakt. «Der Spiegel», 8.9.2003 и многие др.

800 слушателями выступили видные политические и общественные деятели, журналисты ФРГ. Среди них – бывший министр Андреас фон Бюлов – специалист в области секретных служб, курировавший в бундестаге с 1989 по 1994 г. деятельность германской разведки, корреспонденты «Западногерманского радио» (ВДР) Герхард Висневски и Эккехард Зикер, корреспонденты «Франкфуртер рундшау» Экард Спо, «Тагесцайтунг» Матиас Брекерс и др. Дискуссия вызвала большой резонанс в ФРГ и других странах. Ход ее был освещен в печатном органе бундестага «Дас парламент»¹.

Все участники дискуссии выразили свое несогласие с официальной версией администрации Буша и квалифицировали ее как обман общественного мнения. Под бурные аплодисменты собравшихся Брекерс заявил, что от выявления полной правды о событиях 11 сентября зависит ни много ни мало как «судьба человечества», имея в виду, что трагедия в Нью-Йорке и Вашингтоне послужила главным оправданием и отправной точкой американской глобальной экспансии, осуществляемой под предлогом борьбы с «международным терроризмом» и ставящей под угрозу международный мир и безопасность.

В дискуссии было особо выделено то обстоятельство, что, как свидетельствуют американские архивные документы, ставшие доступными для исследователей, в 1962 году Объединенный комитет начальников штабов вооруженных сил США разработал специальную «операцию Нортвудс». Сценарий ее был таков. ЦРУ в глубокой тайне инсценирует сенсационный террористический акт, направленный против Америки. А вина за это возлагается на кубинское руководство Фиделя Кастро. По плану пассажирский самолет, совершающий чартерный рейс с американскими туристами, а на самом деле с агентами ЦРУ на борту, вскоре после старта совершает тайно посадку. Вместо него в воздух

¹ Tobias Kaufmann. «Der inszenierte Terrorismus». Die Verschwörung um den 11. September. «Das Parlament», 7.7.2003.

поднимается пустой самолет, управляемый с земли, и берет курс на Ямайку либо Панаму или Венесуэлу. Пролетая над кубинскими территориальными водами, он посылает на международной волне радиосообщение о том, что его атаковали истребители «МИГ». Вслед за тем по радиосигналу из США приводится в действие бомба, заложенная в самолет. Он падает в море. Развертывается шумная пропагандистская кампания о «неспровоцированном нападении» кубинских истребителей на гражданский самолет США и гибели большого числа американских туристов. В Соединенных Штатах – взрыв возмущения. Пользуясь этим, американские вооруженные силы совершают нападение на Кубу. Полный текст плана «операции Нортвудс» напечатан в приложении к книге Висневски «Операция 11/9. Атака на земной шар»¹.

Но этому плану Пентагона так и не суждено было сбыться, поскольку президент Джон Кеннеди наложил на него запрет. Герхард Висневски выразил в дискуссии мнение, что при президенте Буше-младшем примерно по такому же сценарию секретным службам США не составляло труда инсценировать теракты 11 сентября 2001 года. Фильм Висневски «Вопрос об 11 сентября остается открытым» транслировался в июле 2003 года немецким телевидением по каналам ВДР и Феникс. Автор, побывавший вскоре после терактов в Шенксвилле в поисках обломков упавшего самолета, утверждает, что никакого четвертого самолета вообще не было. Воронка, оставленная по официальной версии якобы упавшим самолетом, походила на результат совершенного на земле взрыва. В ней Висневски не обнаружил никаких следов разбившегося самолета. Он опубликовал фотографию воронки с надписью: «Поверите ли Вы, что в этой дыре исчез весь Боинг-757?». Лишь через шесть лет(!), в апреле 2006 г., на официальном уровне в США было сделано сообщение, что на месте падения самолета

¹ *Gerhard Wisnewski*. Указ. соч. С. 371–385.

в Шенксвилле (Пенсильвании) якобы был найден «черный ящик» с записью переговоров пилотов. Но список пассажиров этого самолета «по этическим соображениям» не был опубликован.

Что касается теракта в Вашингтоне, то выступавшие наши чрезвычайно удивительным, что ни фотографии, ни видеофильмы обломков врезавшегося в Пентагон самолета не были предоставлены общественности. По их мнению, воздушные фотосъемки Пентагона не подтвердили, что в здание врезался самолет-боинг. Экспертиза говорила скорее о том, что это была выпущенная с военного самолета ракета или бомба. При этом надо учитывать, что ни одно здание в мире не охраняется столь тщательно, как Пентагон, имеющий собственную систему раннего предупреждения и противоракетную оборону.

Упомянут был и тот факт, что общественности не были предоставлены ни записи переговоров экипажей захваченных террористами самолетов-киллеров, ни результаты расшифровки их «черных ящиков». Общее мнение было таково, что теракты 11 сентября были инсценированы секретными службами США. Журналист Михаэль Опперскальски выразил свое убеждение, что никакой «террористической сети “Аль-Каида” не существует, что «угроза исламского терроризма» есть не что иное, как образ врага, «сконструированный западными тайными службами».

Любопытны взгляды экспертов разведки на события 11 сентября. Хорст Эмке, который координировал при канцлере Вилли Брандте деятельность секретных служб ФРГ, считал, что террористы не могли угнать сразу четыре самолета без ведома ЦРУ. Его коллега Андреас фон Бюлов полагал, что к атакам 11 сентября причастна и израильская разведка Моссад. Для нее, как и для Белого дома, важно было создать мощный импульс, чтобы настроить американское общественное мнение в пользу войны против арабов. В своей книге «ЦРУ и 11 сентября. Международный террор и роль секретных служб» Бюлов отмечает: «Террористические операции для воздействия

на общественное мнение являются для ЦРУ обычным делом. Длиннен список инспирированных ЦРУ убийств»¹.

Авторы многочисленных публикаций, посвященных 11 сентября, выдвинули перед администрацией Буша множество вопросов, которые до сего времени остаются без ответа. Например:

- Почему конгресс США не создал незамедлительно комиссию для расследования обстоятельств случившегося и не провел слушаний по этому чрезвычайному событию. Решение о создании такой комиссии было принято лишь два года спустя, когда все улики, которые могли бы пролить свет на тайну всего дела, были тщательно убраны. Возглавить комиссию предложили Генри Киссинджеру. Но он отказался. Почему?
- Почему в списках пассажиров самолетов-киллеров, опубликованных агентством CNN и попавших в Интернет в тот же день, 11 сентября, не оказалось ни одной арабской фамилии? А на третий день после теракта ФБР обнародует список 19 арабских террористов – участников этой беспримерной операции. А 10 из них, как скоро выяснилось, оказались в живых.
- Почему журналистам практически запретили самостоятельное расследование дела и им было дозволено снимать руины небоскребов только с одного указанного места?
- Почему исключительным правом сбора фактов и улик для раскрытия этого преступления века были наделены только ФБР, частная фирма «Controlled Demolition Inc.» – «Корпорация управляемого разрушения», а также Инженерно-пожарная служба?
- Почему «Корпорация управляемого разрушения», обладавшая специальными материалами и техникой, в том числе лазерной, для вертикального сноса высотных зданий, чтобы не подвергать угрозе соседние

¹ *Andreas von Bülow. Die CIA und der 11. September, S. 180.*

строения, оказалась первой на месте преступной акции и получила за «разборку завалов» крупную сумму денег?

- Почему оба 110-этажные здания, удерживавшиеся на всю высоту изнутри прочным стальным каркасом, рухнули от ударов самолетов именно вертикально, на свои фундаменты, как будто было осуществлено их «управляемое разрушение», хотя строившие их архитекторы и инженеры гарантировали, что оба небоскреба сконструированы так, что могли выдержать удары крупных самолетов?
- Как мог быть разрушен этот каркас на всю его длину, если температура плавления стали составляет около 1300 градусов, а температура выгорания авиационного горючего – 800 градусов по Цельсию? Вертикальное сползание башен вниз стало бы возможным, если вдоль их каркасов были установлены баллоны с веществом, быстро разрушающим металл, или в результате направленных взрывов. При этом надо учесть, что горючее первого самолета-киллера, врезавшегося в центр первой башни, оказалось почти целиком внутри здания, в то время как горючее второго самолета, угодившего в угол второй высотки, вылилось наружу. Возникший в ней пожар через три четверти часа практически прекратился. Почему же она тем не менее рухнула?
- Чем объяснить, что произошло тотальное разрушение стальных каркасов обеих башен? От них не осталось даже скелетов. По мнению экспертов, это не могло быть следствием направленных ударов самолетов.
- Почему, как заявили представители нью-йоркской полиции, все остатки рухнувшего металла были немедленно отправлены как металлолом на переплавку? Это сделало невозможным ведение расследования. На письменный запрос «Нью-Йорк Таймс», кто отдал данный приказ, ведомство губернатора Нью-Йорка отказалось дать ответ.

- Почему разрушение башен началось по единой схеме с самого верха, а не с этажей, поврежденных самолетами? Почему они обрушились так быстро, всего через час после того, как верхние этажи одного из небоскребов загорелись?
- Почему официальные органы отказались прокомментировать показания многих свидетелей и пожарников о том, что они слышали многочисленные взрывы внутри обеих башен непосредственно перед тем, как они начали падать? Не эти ли взрывы явились непосредственной причиной трагедии? Не было ли использование самолетов всего лишь отвлекающим маневром?
- Не наводились ли самолеты с земли с помощью разработанной в США системы «Global Hawk», как подозревают многие западные эксперты?
- Не кажется ли странным, что ни мифический Бен Ладен, ни кто-либо другой из арабских террористов не взял на себя ответственность за этот террористический акт? Две недели спустя после теракта по американскому телевидению транслировалась видеозапись, на которой Бен Ладен якобы выражал свое удовлетворение по поводу случившегося. Но, по мнению экспертов, эта запись очень похожа на монтаж.
- Обращает на себя внимание, что американская фирма «Сильверстайн» и израильская фирма «Лови» застраховали за шесть недель до трагических событий оба здания торгового центра более чем на 3 миллиарда долларов. Эта сумма превышает ту, которая пошла на строительство обеих башен. Общий объем страховых выплат в результате теракта составил рекордную сумму в 70 млрд долларов¹.

Резюмируя, американский автор Эрик Хуфшмид в своей книге писал: «Что случилось 11 сентября – это не заключи-

¹ Независимая газета, 7 июля 2003 г.

тельный акт, а пролог к дальнейшим невероятным событиям и лжи, которую будет не так-то просто разгадать»¹.

Американские власти воздержались от каких-либо комментариев по поводу доводов «скептиков». Президент Джорж Буш ограничился кратким заявлением: «Мы должны сказать правду о терроре. Мы никогда не потерпим наглые теории заговора и злонамеренную ложь в связи с терактами 11 сентября. Они преследуют цель отвлечь внимание от террористов»². Но отчет комиссии конгресса о расследовании обстоятельств и виновниках теракта (The 9/11 Commission Report. Final Report of the National Commission on terrorist Attacks upon the United States, 2004) так и не дал ответа на конкретные вопросы, поставленные политическими, научными и общественными кругами на Западе.

В октябре 2007 было опубликовано письмо 160 ученых и специалистов США, в котором они отвергли официальную трактовку теракта 11 сентября и обвинили секретные службы США в проведении этого теракта. В 2009 г. председатель Комитета по внешней и оборонной политике японского парламента Юкихиса Фуйита опубликовал книгу «11 сентября под вопросом – обсуждение в японском парламенте. Может ли Обама изменить США?». Его соавторами были американский профессор Дэвид Гриффин и ряд японских политиков. В 2008 и 2009 г. на слушаниях в японском парламенте он подверг сомнению официальную версию о событиях 11 сентября. В апреле 2008 г. он совместно с членом Европейского парламента Джульетто Кьеза, бывшим министром обороны Канады Полом Хеллиером, членом канадского парламента Либби Дэвисом, американскими политиками Майком Грэвелом, Ральфом Надером и Синтией Маккинли, сенатором от Аризоны Карен Джонсон и рядом представителей американской общественности потребова-

¹ 11 September 2001: War die CIA Auftraggeber des Anschlags auf das WTC? Übersetzt aus dem Englischen. Januar 2003. Freies Copyright, S. 13.

² *Gerhard Wisnewski. Operation 9/11, S. 4.*

ли от американских властей провести новое расследование теракта 11 сентября, поскольку он послужил оправданием войн против Ирака и Афганистана и проведения «репрессивных внутривнутриполитических мероприятий»¹.

Когда начинаешь размышлять об обстоятельствах теракта 11 сентября, невольно возникают исторические ассоциации с практикой организации американской правящей элитой и ее спецслужбами сенсационных провокаций и тайных операций с целью оправдания войн против того или иного государства или свержения неугодных правительств. Здесь прослеживается даже определенный штамп в их действиях. Достаточно вспомнить инсценированное потопление американского фрегата «Мэйн» в 1898 году, чтобы создать предлог для войны США против Испании, или такое же инсценированное потопление «Лузитании» в 1915 году, чтобы оправдать вступление США в Первую мировую войну. К подобной же практике относится трагедия Перл Харбора в 1942 году, тайна которой десятилетиями держалась за семью печатями. А тайна убийства президента Джона Кеннеди? Она так и остается нераскрытой. Организаторы убийства пребывают до сих пор в тени. А несколько десятков свидетелей, которые могли бы помочь раскрыть тайну убийства, один за другим были отправлены на тот свет, даже на глазах у изумленной публики.

При проведении секретных операций, как и военных акций, Вашингтон не очень-то считался с человеческими жертвами. Печальным символом этого стали атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, унесшие более 250 тысяч человеческих жизней. В этих бомбардировках не было никакой необходимости. Просто Белому дому надо было устроить весь мир атомной мощью США.

Как свидетельствуют факты, и после 11 сентября тайные провокации и изощренный обман общественности со стороны руководства и спецслужб США не прекращались. Чтобы

¹ <http://www.youtube.com/watch?v=1eOpZMBcYdw>

начать войну против Ирака, Буш ввел в заблуждение своих сограждан, ООН и остальной мир, объявив, что Саддам Хусейн причастен к теракту 11 сентября, обладает оружием массового поражения, опасен для мира и должен быть устранен военной силой. Все эти доводы оказались фальшивыми. Если уж Белому дому не терпелось найти и обезвредить оружие массового поражения в государствах Ближнего и Среднего Востока, ему следовало бы обратить внимание, в первую очередь, на Израиль. Это он, пользуясь материальной и технической помощью США, стал единственной ядерной державой в этом регионе. В его распоряжении, по данным швейцарской прессы, уже в середине 1990-х годов было 250 ядерных зарядов и их носителей. Но ни США, ни Израиль не посчитались тогда с тем, что они грубо нарушили Договор о нераспространении ядерного оружия. Есть простое решение, чтобы обеспечить ядерную безопасность стран Ближнего и Среднего Востока – объявить этот регион безъядерной зоной и создать международные гарантии этой безопасности на уровне ООН. Но США игнорируют эту возможность.

Как свидетельствует в книге «Цена лояльности»¹ бывший министр финансов США Пол О`Нил, ушедший в отставку из-за несогласия с политикой Буша, нападение на Ирак планировалось еще при президенте Клинтоне. Но тогда конгресс США не поддержал идею этой войны. Новая американская администрация нуждалась в мощных аргументах для конгресса и американской общественности в пользу необходимости военных акций против «государств-изгоев». 10 дней спустя после инаугурации Буша, на первом же заседании Совета национальной обороны 25 января 2001 г., новый президент поручил министру обороны Рамсфельду приступить к разработке операции против Ирака. Два дня спустя, на втором заседании Совета национальной безопасности, О`Нилу как члену Совета был вручен среди прочих документов «Военно-

¹ *Ron Suskind. The Prize of Loyalty. George Bush, the White House, and the Education of Paul O`Neill, New York, 2003.*

политический план преодоления иракского кризиса после свержения Саддама». Это было за 9 месяцев до террористического акта 11 сентября. В связи с этим немецкий журнал «Дер Шпигель» писал: «Белый дом – пристанище трюкачей, не погнушался использовать для своих целей национальную трагедию, вызванную рухнувшим Мировым торговым центром, превращенным в развалины и пепелище»¹.

После 11 сентября 2001 года в основу политики и стратегии США положен тезис о необходимости крупномасштабной борьбы с глобальной угрозой «международного терроризма». Поэтому, по логике вещей, Белый дом заинтересован в том, чтобы в мире происходило как можно больше террористических актов и международное сообщество пребывало в постоянном напряжении и страхе.

Характерной особенностью американских провокаций является ставка на достижение поставленных целей «чужими руками». Примером здесь может служить война в Чечне. До сего времени остаются невыясненными многие закулисные обстоятельства ее развязывания и ведения. Ясно, что она служила не российским, а американским интересам. Именно США были заинтересованы в дестабилизации всей обстановки на Кавказе и в создании там постоянных очагов напряженности и антироссийских настроений. Им нужна была большая война на Кавказе, и они ее получили, причем в самом жестоком, разрушительном виде. В окружении Ельцина было немало лиц, как Борис Березовский – в то время заместитель председателя Совета безопасности – и другие предатели на службе у американской закулисы, связанные с чеченскими боевиками. Они спровоцировали войну против собственного народа в угоду США. По их настоянию генералу Дудаеву было передано вооружение Северокавказского военного округа. Впоследствии это позволило чеченским боевикам использовать его в войне против

¹ *Hans Noyng*. Markt für die Wahrheit, «Der Spiegel», 19.01.2004, S. 88.

российских войск. Москве не представляло никакого труда договориться с чеченским руководством и решить мирно все спорные вопросы. Но был выбран другой, пагубный путь. Это было не что иное, как предательство национальных интересов России. Правители США ликовали. Они щедро финансировали эту войну через Саудовскую Аравию. Для этого выделялось 2 млрд в год. Об этом прямо заявил депутат бундестага Виммер, возглавлявший в нем комитет оборонной политики. Таковы факты антироссийской деятельности США на Кавказе в период чеченской войны. Президент Чеченской Республики Рамзан Кадыров в интервью 7 июля 2009 г. особо подчеркнул, что «работники иностранных спецслужб работают против России в Кавказском регионе».

Другим ярким примером провокации «чужими руками» стали события, связанные с нападением грузинских войск на Южную Осетию 8 августа 2008 г. Истоки этой провокации следует искать в инспирированном спецслужбами США государственном перевороте в Грузии, в результате которого к власти был приведен американский ставленник Саакашвили. С тех пор США взяли под свою опеку боевую подготовку и вооружение грузинских войск. Активное участие в этом принял также Израиль. Были проведены крупные военные учения и маневры грузинских войск совместно с войсками НАТО, например, «Кооперативный лук» или «Кооперативное копье», в котором приняли участие солдаты из 19 стран НАТО и не входящих в этот блок государств. Буквально накануне вторжения войск Саакашвили в Цхинвали, в июле 2008 г., состоялись грузино-американские военные учения «Незамедлительный ответ». Уже само название учений говорит о многом. По заявлению заместителя министра обороны США Банкерта, в них отрабатывались меры «защиты суверенитета Грузии», как будто Россия собиралась напасть на нее.

Августовская провокация США на Северном Кавказе снова преследовала далекоидущие цели. Еще в марте 1999 г. сенат США принял «Акт о стратегии шелкового пути» (Silk

Road Strategy Act), в котором, в числе прочего, говорилось: «Регион Южного Кавказа и Центральной Азии могут добывать нефть и газ в достаточных количествах, чтобы снизить зависимость Соединенных Штатов от поставок энергоресурсов из ненадежных регионов Персидского залива». Установление американского контроля над Ближним и Средним Востоком, Кавказом и Центральной Азией стало одной из важнейших задач геополитики США. В орбиту американского «шелкового», а на самом деле нефтегазового, пути попадали 17 стран бывшего советского пространства, Балкан и Южной Европы. Для его бесперебойного функционирования требовалось проводить вытеснение России с Кавказа. Этой цели и должна была послужить грузинская агрессия против Цхинвали. Если бы она увенчалась успехом, под контроль НАТО, а фактически США, попадала не только Южная Осетия, но и Абхазия, что значительно расширило бы геополитические позиции американцев на Черном море в дополнение к их военным базам, созданным на Черноморском побережье Румынии и Болгарии.

Но этим провокационные цели на Северном Кавказе не ограничивались. В случае вовлечения России в военные действия в этом регионе, для правящей американской элиты открывалась возможность развязать против нее широкомасштабную информационную войну, представив дело так, будто она напала на Грузию, выявив свой «опасный империалистический характер и угрозу» для соседних стран, в том числе Европы. Поэтому, мол, необходимо укрепление НАТО и расширение его военной инфраструктуры к границам России. А кроме того – создание против нее системы ПРО США в странах Восточной Европы. Именно под таким соусом и была развернута разнузданная антироссийская пропаганда после провала операции Саакашвили в Цхинвали. Стоило больших усилий со стороны России, а также честных и ответственных политиков и журналистов на Западе, чтобы дезавуировать ее лживый характер. Тем не менее это не остановило госсекретаря Хиллари Клинтон заявить

во время ее июльского визита в Грузию в 2009 г., что США осуждают «оккупационную политику» России.

Очень правильно коварные методы информационно-психологической войны, к которым прибегают американские политики, охарактеризовал председатель Совета Федерации С.М. Миронов: «Наглядным примером применения США и их союзниками технологий инициации и управления политическими конфликтами является война в Южной Осетии в августе 2008 г. Этот международный конфликт нового поколения поразил мир ожесточенностью боевых действий и предвзятостью оценок западных СМИ. На фоне военных действий разыгралась менее заметная, но не менее яростная война – информационно-психологическая, в которой США, стоявшие за спиной грузинских агрессоров, обрушили на Россию всю мощь своих новейших технологий психологического воздействия. При этом сам вооруженный конфликт в Южной Осетии был только начальной фазой спланированной США стратегической операции психологической войны, механизмом, способным накалить, взорвать и направить в нужную сторону мировое общественное мнение. Реакция западных СМИ на события в Южной Осетии в очередной раз продемонстрировала, до какой степени нынешняя реальность определяется не подлинностью событий, а их информационной имитацией»¹.

Эта «информационная имитация», а если говорить прямо – весьма неуклюжая ложь с целью введения общественности в заблуждение, ложь как постоянная спутница провокаций Вашингтона, была накручена и вокруг операции американского спецназа по убийству мифического

¹ Из выступления С.М. Миронова на международной конференции «Информационные войны в современном мире». Институт «Справедливый мир», М., 2 ноября 2008 г., [http:// www. Spravedlivo. Ru](http://www.Spravedlivo.Ru). См. также: А. В. Манойло. Психологические операции в современных международных конфликтах. Аналитические обзоры Российского института стратегических исследований, № 2(23), М., 2009. С. 4.

Бен Ладена. Главное назначение этой операции состояло в пропагандистском отвлечении внимания мировой общественности от очередной авантюрной акции США и их европейских подручных из НАТО и ЕС против Ливии и ее главы Каддафи. Эта акция ознаменовалась «достопримечательными новшествами». Во-первых, за ней наблюдали или делали вид, что наблюдали из Белого дома с помощью новейших технических средств президент Обама и члены его команды. Во-вторых, впервые в мировой практике за главой государства была устроена охота посредством бомбометания с воздуха. Но убили не Каддафи, а его сына и троих внуков. Большого позора и наплевательского отношения к международному праву трудно себе представить. Но американская элита привыкла, что ей все сходит с рук. Так было и с убийством Джона Кеннеди, так было и с «великим достижением» США – полетом на Луну, оказавшимся привычной мистификацией.

Под давлением США в западной прессе и на уровне официальной политики стран НАТО на протяжении многих лет неизменно раздувается «террористический психоз». Например, в Германии борьба с «международным терроризмом» была объявлена приоритетной задачей германской внутренней и внешней политики. 6 мая 2008 г. бундестаг принял разработанную ХДС/ХСС доктрину «Стратегия безопасности для Германии». В ней говорилось: «Безопасность нашей страны сегодня подвергается совершенно другим, но не менее опасным угрозам, чем во времена холодной войны. Ныне международный терроризм является величайшей угрозой для нашего общества»¹.

Как это ни странно, российская внешняя политика пошла в этом вопросе тоже на поводу у Вашингтона. Через российскую территорию разрешена и происходит транспортировка грузов для войск США и НАТО в Афганистане.

¹ Sicherheitsstrategie für Deutschland. Beschluss der CDU/CSU-Bundestagsfraktion. Bundestag-Aktuell, 8 Mai 2008.

5. Американская политика господства под судом общественности

В США существуют здравые круги – правда, весьма маргинальные, – которые видят большую опасность и рискованность гегемонистской политики Вашингтона для собственной страны и для всего мира. Острой критике эта политика подверглась со стороны профессора Чалмерса Джонсона в его книге «Ответный удар: цена и последствия создания американской империи»¹. Свое видение имперской политики США он выразил на страницах немецкого журнала «Шпигель» так: «Высокомерие всегда предшествует падению. Из истории мы знаем, что мировые империи рано или поздно достигают критической стадии. Америка дерзка, заносчива, самоуверенна... Что погубило Советский Союз, так это имперское перенапряжение, а не соревнование с США или неспособность к реформам. Американцы думают, что они имеют иммунитет против того, что постигло русских. Это заблуждение...»²

И в странах Европы политика доминирования США все больше наталкивается на сопротивление и резкую критику³. Доктрина Буша была воспринята многими политиками и экспертами с большими опасениями. Французский политолог Рамоне писал: «Новая доктрина США снова вводит право на превентивную войну, на которое ссылались уже

¹ *Johnson Chalmers*. Ein Imperium verfällt. Ist die Weltmacht USA am Ende?, München, 2001; См. также Дашичев Вячеслав. Своеволие. «Литературная газета», 19–25 февраля 2003 г. С. 1.

² *Johnson Chalmers*. Die Rolle eines Ersatz-Roms, «Der Spiegel», 45/2000, 06. 11. 2000, S.252.

³ См. например: *Peter Bender*. Weltmacht Amerika – Das neue Rom. Stuttgart, 2003; *Ernst-Otto Czempiel*. Die stolpernde Weltmacht. «Aus Politik und Zeitgeschichte», 10.11.2003; *Chomsky Noam*. Hybris. Hegemony or Survival. New York, 2003; немецкое издание: Die entgültige Sicherung der globalen Vormachtstellung der USA. Hamburg-Wien, 2003; Frey Eric. Schwarzbuch USA. Frankfurt/Main, 2004 и др.

в 1941 г. гитлеровская Германия при нападении на Советский Союз и Япония в 1942 г. при нападении на США»¹. Немецкий журнал «Шпигель» отреагировал на новую национальную стратегию США статьей: «Доктрина Буша а la доктрина Брежнева?»². Видный немецкий политолог Юрген Хабермас назвал то, что скрывается за доктриной Буша, «имперским либерализмом»³.

Между США и их партнерами по НАТО впервые после 1949 г. пролегла линия раскола по принципиальным вопросам международной политики. В печатном органе бундестага читаем: «Иракская война повергла Западный Союз в глубокий кризис. Мнения разошлись по поводу устройства международного порядка. При изучении относящихся к этому вопросу европейских публикаций возникает впечатление, будто надо выбирать между плюралистическим порядком и гегемонией. Европейцы желают иметь плюралистический порядок, т. е. господство права и признание примата Объединенных наций. Гегемония же это есть то, что преследуют США при нынешней администрации Буша – своего рода институционализированную форму американского господства»⁴.

Война против Ирака породила общность интересов Франции, Германии и России, привела к первому серьезному кризису и расколу в НАТО и ЕС⁵. Профессор Богату-

¹ *J. Ramonet*. Wir Vassalen. Le Monde Diplomatique, October 2002, P.1.

² «Der Spiegel», «Bush-Doktrin a la Breschnew?», Nr. 41, 7.10.2002.

³ *Habermas Jürgen*. Was bedeutet der Denkmalsturz? «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 17.04.2003, S.33.

⁴ *Joachim Krause*. «Multilaterale Ordnung oder Hegemonie? Zur transatlantischen Debatte über die weltpolitische Neuordnung», Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung «Das Parlament», 28. Juli 2003, S. 6.

⁵ *Gert Krell*. Arroganz der Macht, Arroganz der Ohnmacht. Die Weltordnungspolitik der USA und die transatlantischen Beziehungen. «Aus Politik und Zeitgeschichte», 28. 07. 2003.

ров справедливо отмечал в связи с этим: «Двусмысленная американо-британская “победа над Ираком” внесла в международные отношения не ощущение надежности и покоя, а тревожную атмосферу знойного затишья в канун бури и кризиса»¹. С таким выводом нельзя не согласиться.

По всей видимости, эра евроатлантизма и господства США в Европе подходит к концу. На смену ей идет эра «европеизации Европы». Данная тенденция имеет объективный характер. Для стран Европы не существует более никакой военной угрозы. В их интересах увенчать успехом европейскую интеграцию, принять конституцию Европейского Союза в качестве основного закона мирного общежития и сотрудничества в Европе и не ввязываться в гонку вооружений и в глобальные военные авантюры США. Редактор «Файнэншл таймс» Квентин Пил писал во влиятельном германском журнале «Интернационале политик»: «Европейцы должны решить, должна ли их роль в мире сводиться к поддержке от случая к случаю американской гегемонии, не имея возможности оказывать большое влияние на конечный результат, или выступить больше в качестве соперника единственной оставшейся супердержавы»².

Среди западных аналитиков существует мнение, что правящая элита США не отступит в своей военной одержимости от развязывания даже мировой войны, считая ее верным путем быстрого и безоговорочного достижения глобального господства посредством «блицкрига», основанного на использовании высоких технологий³. Некоторые аналитики

¹ *Богатуров Алексей*. Смена режимов в свете иракского похмелья. Деморализация мировой политики адекватна международному терроризму. Независимая газета, 29.7.2003.

² *Peel Quentin*. Skepsis der alten Welt. Ein europäischer Blick auf die amerikanische Außenpolitik. «Internationale Politik», April 2002, S. 10.

³ *Emil Meyssan*. Der inszenierte Terrorismus. Steuern Insider den neuen Weltkrieg? Wien, 2003.

склонны даже полагать, что в результате наращивания военно-политической эскалации США новая мировая война уже угрожает человечеству. Другие высказываются даже в том смысле, что, учитывая военную эскалацию США (Югославия, Афганистан, Ирак, военные угрозы Сирии, Кубе, Ирану, Корее и другим государствам), она стала уже фактом¹. Французский философ Жан Бодрилар констатирует: «Четвертая мировая война уже идет»².

Нельзя обойти без внимания и широко распространенное мнение, что тезис о борьбе против «международного терроризма» является всего лишь удобным поводом для войны против произвольно выбранных правительством США жертв его «агрессивных амбиций», что терроризм – это реакция на «жестокое использование американской мощи повсюду в мире»³.

В сентябре 2003 г. канцлер ФРГ Шредер поручил Алленсбахскому институту по изучению общественного мнения проверить, как немецкому населению видятся отношения между США и Европой. Результаты исследования оказались ошеломляющими. Три четверти опрошенных выступили за то, чтобы Европа проводила самостоятельную политику в соответствии с ее собственными интересами. Две трети опрошенных высказались даже за создание европейского «противовеса» Соединенным Штатам⁴.

¹ *Meysan Emil*. Der inszenierte Terrorismus. Steuern Insider den neuen Weltkrieg?, Wien, 2003; «Das ist der vierte Weltkrieg». Spiegel-Gespräch mit dem französischen Philosophen Jean Baudrillard, «Der Spiegel», 14.01. 2002.

² *Emil Meysan*. Der inszenierte Terrorismus. Steuern Insider den neuen Weltkrieg? Wien, 2003; *Das ist der vierte Weltkrieg*. Spiegel-Gespräch mit dem französischen Philosophen Jean Baudrillard. «Der Spiegel», 14. 01. 2002.

³ Süddeutsche Zeitung. 10. 04. 2002; Herzinger R. Sind amerikanische Werte auch unsere Werte? «Aus Politik und Zeitgeschichte», 03. 05. 2002, S. 3.

⁴ Schröders neue Mitte. «Der Spiegel», 22.9.2003.

Так снова заявила о себе закономерность «ответной отрицательной реакции», на этот раз в самом евроатлантическом сообществе, против американского господства. Пока она порождает сильный рост антиамериканских настроений в мировой общественности, особенно в исламском мире. Со временем, при продолжении и усилении курса США на мировое господство, этот антиамериканизм может приобрести и другие, более конкретные формы коалиционного сотрудничества отдельных стран Европы и других регионов. Тем более, что, как отмечал американский аналитик Чарльз Капчен, «Америка и Европа принадлежат в сущности к разным политическим культурам»¹.

В российской политологической литературе особое место в критике экспансионистского курса США занимает книга К. Брутенца «Закат американской гегемонии»². Автор проследил на большой фактологической и документальной основе, с привлечением большого количества источников и публикаций, эволюцию политики США от амбициозных планов установления американского однополюсного мира до кризиса, охватившего с нарастающей интенсивностью эту политику к концу президентства Буша.

Политику США Брутенц характеризует как «сверхдержавность». Это ориентация на сверхвооружение, преувеличение роли военного фактора и военного превосходства в международных отношениях; стремление обеспечить себе абсолютную безопасность, игнорируя при этом интересы других стран и их заботы; идеологическое мессианство, желание повсеместно насаждать свое мировоззрение, свой «образ жизни»; гегемонистский подход к международной жизни; готовность и даже склонность прибегать к силе вместе с претензией на планетарный ха-

¹ *Charles Kupchan*. Die europäische Herausforderung. Vom Ende der Vorherrschaft Amerikas. Berlin, 2003, S. 290.

² Книга издана издательством «Международные отношения» в 2010 г. Моя рецензия на нее опубликована в журнале «Национальные интересы», № 3, 2010 г.

рактер своих интересов и право военного вмешательства и т. д. (с. 10–11).

После 1945 г. США удалось «осесть» надолго на европейском континенте и поставить под свой контроль сначала политику западноевропейских стран, а с развалом Советского Союза эта участь постигла и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Не успели они освободиться от советской опеки, пишет автор, как на них был накинута американский «ошейник» (с. 451–452).

Но, как оказалось, утверждение своей гегемонии в мире стало не под силу и американской элите. К. Брутенц пишет о надвигающемся закате американской гегемонии в результате «имперского перенапряжения» сил США. Больше того, в противовес планам создания «*Rex americana*» – американской империи, с циничной откровенностью взятым на вооружение ковбойской политикой Буша, появился «Проект нового европейского века», который отражает стремления европейцев, пока еще слабо оформленные, освободиться от американской гегемонии и их «атлантических» ставленников в правительственных кругах европейских стран².

К. Брутенц много внимания уделил вопросу, как американские правящие круги используют в интересах своей политики глобализационные процессы, «глобализацию коммуникаций, с их вторжением во все уголки общественной жизни, их превращением в информационный “хлеб” сотен миллионов, если уже не миллиардов людей». Эта политика несет «опасность культурного и духовного одичания, развратительной деградации, эрозии цивилизационного многообразия многих народов...» (с. 40). В результате влияния американской политики в этой области возник «дефицит духовности, ее вымывание погоней за деньгами, торжествующая бездуховность в СМИ, шоу-бизнесе, масскультуре...» (с. 41). Насаждению этих «антицивилизационных ценностей», по мнению Брутенца, способствует «откат от общественной науки, постулирующей, что общественная жизнь, развитие, история имеют свои закономерности» (с. 41). Общественные

науки высоко ценились и обильно финансировались властью в социалистическом обществе, поскольку они служили основой легитимизации социалистической системы и ее государственности. Капиталистическая система не нуждается в них. Их функцию выполняет примитивная рыночная идеология, которую США стремятся внедрять повсюду.

Очень актуальны рассуждения К. Брутенца относительно роли морали и нравственности в политике. «Говоря об этической деградации, – пишет он, – нельзя обойти политику и политиков. Учитывая современные условия и современные проблемы, стоящие перед человечеством, возросшую роль морали в нынешних международных движениях, никогда значение этического “градуса” политики и политиков не было столь велико. Но, наверное, не будет преувеличением сказать, что он никогда настолько не соответствовал уровню, которого требует время» (с. 41). Так, в политическую практику США вошли обман общественного мнения, ложь, провокации, подкупы, экономические диверсии, подрывные действия, инсценирование спецслужбами террористических актов.

«В разрушительных процессах в российской экономике, – пишет Брутенц, – практически самую активную роль сыграли Соединенные Штаты через диктат МВФ, Всемирного банка и деятельность иностранных, главным образом американских советников, которые обладали непомерным влиянием в высших экономических структурах... С полным основанием можно утверждать, что ответственность за “реформы” и их последствия лежит не только на Е. Гайдаре, А. Чубайсе и других разорителях Земли Русской, но в равной степени на администрации Соединенных Штатов» (с. 401–402). В книге приводятся потрясающие данные о разрушении экономического, военного, научно-технического и морального потенциала России в 1990-е годы (с. 400).

Среди российских лоббистов США, антигосударственников и апологетов безбрежной рыночной стихии, разрушавших Россию, оказались многие представители интеллигенции. «Русский народ, – пишет автор, – остался фактически

и без нравственного поводыря – интеллигенции. Верхушка интеллигенции, ее столичная “фракция” – а именно она кликушествовала от имени интеллигенции – бросилась в объятия коррумпированной власти. В экстазе обогащения многие ее представители обменяли свое профессиональное реноме на деньги, возвратились на знакомую тропу угодливости. Причем те, кто окропил подобострастной слюной едва ли не все подъезды ЦК, теперь стали присваивать себе роль диссидентов» (с. 405).

В последней главе Брутенц изложил свою внешнеполитическую концепцию применительно к наступающей новой эпохе, характеризующейся возникновением в мире новой конфигурации сил – политическим и экономическим оттеснением США и выдвиганием на авансцену мировой политики нового гиганта – Китая. Очень интересны и поучительны его рассуждения о том, какое же место должна занять Россия в новой конфигурации сил, каковы должны быть ее внешнеполитические приоритеты, характер отношений с США, Китаем, Германией, Францией, другими странами Европы, с НАТО и ЕС. По его мнению, Россия является евразийской державой и не может придерживаться либо западной, либо восточной ориентации. Ее политика должна носить многовекторный характер. При этом важнейший ее приоритет – это всяческое содействие интеграции в зоне СНГ на принципах равноправия, взаимного уважения, без каких-либо имперских поползновений с российской стороны.

Как же видится К. Брутенцу решение узловых проблем развития человечества, преодоление экономического и духовного кризиса современной цивилизации, создание нового справедливого мирового порядка? Прежде всего, в его понимании, необходимо устранить возникший в результате господства западного, главным образом американского, капитализма раскол человечества на богатые страны «золотого миллиарда» и подавляющую массу населения земного шара. Этот глобальный разрыв между богатством и бедностью имеет тенденцию к увеличению и может в обозримом

будущем привести к громадному росту конфликтного потенциала в международном сообществе. Брутенц называет один из важных путей устранения этого опасного развития: «Думается, выход в конвергентном развитии человеческих обществ, которое соединило бы преимущества капитализма и социализма, но было бы свободно от их ущербных свойств и слабостей. Это откроет – не без регулируемой на основе некоторых общепринятых норм глобализации – и возможность для сближения и взаимного обогащения цивилизаций с “переливом” их ценностей при сохранении каждой из них своего специфического лица. И тем самым практически подтвердится ложность конфликтообразующего подхода большинства западных авторов, настаивающих на том, что западный мир – вершина, закономерный, конечный итог развития человечества, делящий человечество на “цивилизованные” и “нецивилизованные” народы. Но возникает вопрос, на который пока не видно ответа: если верна постановка проблемы конвергентного развития, то кто, какие силы будут претворять его в жизнь?» (с. 507). Очевидно, что рассмотрением проблем конвергентного развития человечества, решение которых позволит преодолеть конфронтационный дух современной эпохи, должна заняться Организация Объединенных Наций. В этом деле нужны смелые инициативы России и других членов международного сообщества.

К. Брутенц вспоминает, как вскоре после окончания холодной войны бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт во время одного из международных совещаний сказал ему: «XXI век будет самым опасным со времен рождения Христа». Возможно, Шмидт выразил в этом свои серьезные опасения в связи со стремлением США утвердить в мире американское господство, что неизбежно привело бы к небывалому обострению международных отношений. Чтобы выжить, человечество должно устранить главный источник войны – политику господства над народами. В этом и состоит главный смысл книги К. Брутенца.

С его оценками политики США во многом совпадают идеи статьи Карла Мюллера «НАТО идет к войне – и все должны маршировать вместе», опубликованной в швейцарской газете «Zeit-Fragen» 11 июля 2012 г. В связи с громадным перенапряжением сил США при проведении политики господства, считает Мюллер, они прилагают большие усилия, чтобы запрячь в свою «колесницу», помимо американских сателлитов, входящих в НАТО, как можно больше стран, в том числе нейтральных, даже Швейцарию, и использовать их экономические ресурсы и войска для выполнения стратегических задач, разработанных в Вашингтоне. Для достижения этих целей планируется привлечь и как можно больше международных организаций. «Во время встречи в верхах НАТО в Чикаго 20 и 21 мая 2012 г., – пишет Мюллер, – было принято решение, как должен быть расширен этот военный союз в ближайшие годы: не только большим увеличением числа его членов и противоречащим международному праву использованием международных организаций, как ООН и ОБСЕ, но и проведением совместных с (еще) не членами блока военных операций, в том числе с нейтральными странами. США, как господствующая держава НАТО, добивается при этом прежде всего того, чтобы при имеющихся в настоящее время экономических трудностях быть в состоянии вести в мире одновременно несколько крупных войн на различных театрах военных действий. Вероятно, войн не только более многочисленных, но и более опустошительных, чем за прошедшие 20 лет».

Прислушаются ли правящие круги США и их «союзники» к голосу общественности?

ХІІ. РОССИЯ ПОД ПРИЦЕЛОМ ПОЛИТИКИ США

1. Доктрина «нового сдерживания» России

Правящие круги США узрели для себя в распаде Советского Союза и приходе к власти в России проамериканской «элиты» во главе с Ельциным совершенно уникальный шанс развалить российское государство и создать исключительно благоприятные геополитические условия для осуществления идеи «*Rex americana*». К 1992 г. почти все страны Западной Европы попали в вассальную зависимость от США. Теперь на очереди стояла Россия.

Антироссийская стратегия США воплотилась в доктрине «нового сдерживания» России («*New Containment Policy*»), проводившейся администрацией Клинтона. Она явилась частью концепции США по установлению американского глобального господства. По сути дела «новое сдерживание» России явилось прямым продолжением политики холодной войны. Даже сотрудники МИД ФРГ восприняли этот курс США с недоумением: «Для стратегии “нового сдерживания” и “отрицательного воздействия в легкой форме” или стратегии “селективного сотрудничества” в отношении России нет теперь никаких оснований. Россия не представляет никакой опасности. Она является важным партнером, обладающим как и раньше большим воздействием на безопасность в Европе и Азии»¹.

В нашей печати приводилось достаточно свидетельств относительно того, как осуществлялось управление российской политикой извне во время «нового сдерживания» России. «Независимая газета», опубликовав директивы МВФ правительству Черномырдина в декабре 1997 г., поставила

¹ *Huterer Manfred, Krumrei Claus* Russland und der Westen, «*Internationale Politik*», Oktober 2001, S.29.

законный вопрос: «Зачем России собственное правительство?» Главный редактор этой газеты Виталий Третьяков писал в статье «Правительство холопов»: *«Давайте называть вещи своими именами: речь, по существу, идет о внешнем управлении по крайней мере экономикой нашей страны. Пусть этим занимаются и умные люди, но, во-первых, они не граждане России, а во-вторых, их никто не избирал и не назначал внутри РФ, то есть господа Камdessus и Вульфенсон абсолютно не ответственны ни перед кем в нашей стране. Так управляют банкротами... В Кремле сидят холопы, временно ворвавшиеся во власть»*¹.

Речь шла о команде Ельцина – Гайдара – Чубайса – Березовского, Гусинского, Абрамовича, Черномырдина, Козырева и многих других «нворишей», захвативших в декабре 1991 г. власть в России и действовавших по предначертаниям американской «закулисы». Что они представляли из себя, свидетельствует, например, личность Чубайса. Он – член закрытого «Бильдербергского клуба», созданного представителями американской финансовой олигархии в 1954 г. Этот клуб – важное звено «мировой власти» наряду с «Трехсторонней комиссией», учрежденной группой Рокфеллера, Моргана и Ротшильда в 1974 г., а также американским «Советом по международным отношениям» и другими аналогичными организациями, занимающимися разработкой геополитических проблем в интересах «мировой элиты» США. В «Бильдербергский клуб» входят видные политики, как Г. Киссинджер, З. Бжезинский, Д. Буш, ряд крупных финансистов и промышленников. От России в нем представлен, кроме Чубайса, И. Иванов, бывший при Ельцине главою МИД и секретарем Совета безопасности и ставший членом совета директоров «Лукойла». На периодически проводимых заседаниях клуба обсуждаются и решаются проблемы проведения мировой политики.

¹ Независимая газета, 19.12.1997.

Любопытную характеристику другому члену команды Ельцина – Козыреву дал академик Роальд Сагдеев: «Еще недавно я был в глубочайшем пессимизме. Закат эпохи Ельцина, его фигура, его окружение... Мне рассказывали, как экс-президент Никсон после встречи с Козыревым, который гордо сообщил, что у новой России нет национальных интересов – только общечеловеческие ценности, долго отплевывался: “Я, как сукин сын, всю жизнь защищал национальные интересы. Киссинджер был еще большим сукиным сыном, а этому юноше надо работать в филантропической организации”»¹.

Верховодить в России стала новая «элита». Весьма точно ее охарактеризовал политолог Александр Дугин: «“Эгоизм” возводится ими в теорию, социал-дарвинизм служит эрзац-идеологией, они видят общество... как “социальные джунгли”, в которых нет друзей и врагов, есть только конкуренты, оптимизация и прибыль. Россию они не любят и презирают, но считают, что из нее можно и нужно извлекать “быстрые деньги”... Либерал-реформаторы сражены с олигархатом, неотделимы от него. Они носители духа *энергичного присвоения* и не способны по определению решать никакой иной задачи... По сути, *их повестка дня в отношении России есть подраздел западной, точнее американской, повестки дня*... Запад (США) для них “идеальная родина”... Они носители *опыта активного разрушения, слома*. И умеют только разобрать на части и продать на стороне то, что им не принадлежит... Эта элита не выиграла ни одной исторической баталии, не решила ни одной серьезной государственной проблемы, не создала никакого позитивного направления в общественном или национальном развитии. Она, конечно, хищная и цепкая, жадная и злая, этого не отнимешь. Но эти активные социал-дарвинистские качества применяются ее представителями только для индивидуального обогащения или лич-

¹ Известия, 23.1.2002 г.

ной карьеры». Она «совершенно безразлична к судьбам государства, народа и общества. Она *антинародна, антигосударственна и антиобщественна*»¹.

На Ельцина и его команду была возложена задача создать в России материальную и духовную нищету, состояние разрухи ее государственности, экономики, науки, образования, вооруженных сил, не допустить возрождения страны как великой державы и превратить ее в сырьевой, нефтегазовый придаток США и Запада. Лучшим способом достижения этих целей рассматривалось введение в России капиталистической системы с «американской спецификой». Именно она создавала условия для неуправляемости экономикой и социальными процессами страны.

Анархо-либерализм выпустил из бутылки злой дух наживы и нравственной распущенности. Он открыл дорогу для необузданной стихии рынка, дикого произвола и полной безнаказанности за экономические преступления. С невероятной быстротой в стране было создано состояние всеобщей бедности. В январе 1992 года в один миг были полностью обесценены рубль и государственные ценные бумаги, российские граждане и предприятия лишились своих сбережений, до минимума упала собираемость налогов, после чего последовали все внутренние и внешние беды России – нищета и слабость государства, скудость государственной казны, массовая нищета населения и предприятий, нищета армии и военно-индустриального комплекса, нищета науки, образования, здравоохранения, небывалое падение роли и влияния России на международной арене и т. д. Подавляющая часть национальных богатств была передана за бесценок – «копейка за рубль»² – разного рода проходимцам, чтобы выпестовать тесно связанную с США финансовую олигархию и американских ставленников во влиятельных государственных структурах.

¹ *Дугин Александр*. Нас погубит «элита»? Литературная газета, 24-30. 12. 2004.

² *Тэлботт Струоб*. Указ. соч. С. 36.

На это Вашингтон не жалел денег. В американской прессе отмечалось, что Билл Клинтон «купил Кремль».

Что же означала всеобщая российская нищета с точки зрения американских интересов? Прописная истина состоит в том, что при отсутствии платежеспособного спроса населения производство, сфера услуг, потребление не могут развиваться. Двигателем экономического прогресса является в первую очередь высокое благосостояние граждан. От него зависит и уровень развития демократии. Доказательством от противного служит стагнирующий континент Африка, зажатый в тиски вековой бедности. Американская «шоковая терапия» привела к небывалому обвалу России – параличу ее производства из-за криминальной приватизации и отсутствия платежеспособного спроса населения, более половины которого оказалось за чертой бедности; переливу финансовой олигархией, теневой экономикой и криминалом громадных финансовых средств и национальных богатств России за границу; массовому бегству от нищеты на Запад, в основном в США, ученых, деятелей культуры, технической интеллигенции России; развалу вооруженных сил, подрыву научно-технического и образовательного потенциала, космических и ракетно-ядерных программ, упадку сельского хозяйства, невозможности модернизации недопустимо устаревшего (на 70–80 %) промышленного оборудования. Начался неуправляемый рост коррупции, преступности, казнокрадства, воровства, подрыв инвестиционного климата в стране. А главное – США обрели возможность влиять на российскую политику в удобном им духе.

Всеобщая нищета создавала наилучшие условия для осуществления еще одной важной цели – подрыва «биологической силы» русского народа – станового хребта российской государственности. В комментариях к предварительным итогам переписи населения 2002 года, подготовленным к заседанию правительства РФ, говорилось: «Чудовищными темпами идет вымирание русского народа... Происходит

абсолютно плановая, кем-то хорошо просчитанная депопуляция русского населения»¹.

В официальном американском документе «Глобальные тенденции мирового развития до 2015 года», разработанном ЦРУ для правительства при участии большого числа американских университетов, фондов и правительственных организаций в конце 2001 года, говорилось, что в обозримом будущем произойдет дальнейшая деградация России; ее население сократится с нынешних 146 до 130–136 миллионов жителей к 2015 году. Отсталость, углубляющаяся экономическая стагнация, политическая нестабильность, культурно-моральное одичание – вот как виделось в документе будущее России. В результате в ней якобы может усилиться опасность создания авторитарной власти и превращения ее потенциально в «государство-изгой». Ввиду упадка России в 90-е годы авторы не рассматривали ее как глобального конкурента США, представляющего угрозу для американской гегемонии. Они не исключали даже, что Россия не доживет до 2015 года в нынешнем виде и распадется.

Приходится констатировать, что ни Государственная Дума, ни Совет Федерации ничего не сделали, чтобы предотвратить разрушение России, небывалое обнищание и вымирание ее населения, не допустить ведение против ее народа «демографической войны». Наряду с командой Ельцина они несут полную ответственность перед народом и историей за то, что произошло с нашей страной в 90-е годы.

А между тем в средствах массовой информации было немало призывов к законодательной и исполнительной власти опомниться, подумать о собственных национальных интересах и перестать проводить политику разрушения России. Не было недостатка и в апелляциях к европейской общественности по поводу деструктивных действий, тво-

¹ Депопуляция. Литературная газета, 10–16 сентября 2003 г.

римых режимом Ельцина. Так, в «Воззвании к германской общественности», подписанном мною совместно с Львом Копелевым, Юрием Афанасьевым, Вадимом Белоцерковским, Сергеем Ковалевым, Григорием Водолазовым, Дмитрием Фурманом и другими представителями российской интеллигенции и опубликованном во «Франкфуртер альгемайне цайтунг» (19.12.1996 г.) и в «Дойч-руссише цайтунг» (2/1997 г.), говорилось: «С горечью и возмущением мы наблюдаем, как германское правительство всеми мыслимыми способами поддерживает возникший в нашей стране антидемократический режим во всех его жестоких и противоправных действиях и как большая часть немецких средств массовой информации вольно или невольно пытается не замечать глубокий кризис, охвативший Россию.

Мы не можем себе представить, что германское руководство недостаточно информировано об этом кризисе. Многие люди в России подозревают даже, что Запад, в том числе Германия, оказывает Ельцину безоговорочную поддержку, потому что надеется с его помощью окончательно низвести Россию в ранг слабосильных государств. При решительном осуждении и угрозе экономических санкций со стороны демократических государств команда Ельцина едва ли решилась бы в период с октября по декабрь 1993 г. ниспровергнуть конституцию и установить авторитарный режим, развязать чудовищную войну в Чечне и провести недавние антидемократические выборы, т. е. действовать таким образом, что это предопределило эскалацию кризиса в России.

Катастрофа развивается своим ходом – только так можно характеризовать теперь положение в нашей стране. Экономическая политика касты вокруг Ельцина и Черномырдина превратила тонкий слой старой коммунистической номенклатуры и “новых русских” в невообразимо богатых, ввергла подавляющую часть промышленности в состояние застоя, а большинство населения в бедность. В отношениях собственности пропасть между классом богатых и бедных

ныне намного глубже, чем та, которая вызвала в прошлом Октябрьскую революцию».

Это воззвание, как и многие другие, не возымело действия со стороны правящей элиты ФРГ и других западно-европейских стран. С одной стороны, эти круги были под пятой США и не смели возражать против поддержки режима Ельцина, с другой – в Западной Европе было немало сторонников максимального ослабления России. Действовала инерция холодной войны и опасения, как бы Россия снова не превратилась в мощную державу и не вернулась к экспансивной политике.

При анализе результатов деятельности команды Ельцина на протяжении 1990-х годов невольно возникает впечатление, как будто в России орудовали оккупационные власти. По расчетам экономистов, потребуется от 20 до 30 лет, чтобы устранить губительные последствия «шоковой терапии» и возродить Россию. Ущерб от этой «терапии» превышает тот, который был нанесен нашей стране в годы Второй мировой войны.

Видный американский историк и политолог Стивен Коэн писал в своей книге «Америка и трагедия посткоммунистической России» о катастрофических последствиях американской политики разрушения России¹. Со своей оценкой российской политики США он ознакомил и широкий круг российских читателей в статье «США ведут в отношении России неразумную политику»: «Американское государство участвует во внутренних делах России с конца холодной войны, и ничего хорошего это не принесло. США должны просто заткнуться, пойти домой и заняться собственными делами... Это плохие времена для России, плохие времена для русско-американских отношений, и я не вижу, чтобы что-то улучшилось»².

¹ *Cohen, Stephen. America and the Tragedy of Post-Communist Russia*, New York, London, 2002.

² *Коэн Стивен. США ведут в отношении России неразумную политику // Советская Россия. 16.12.2003 г.*

В 1996 году группа видных российских и американских экономистов, озабоченных экономическим положением России, выступила с обращением к российскому президенту с осуждением политики «шоковой терапии» и с предложением новой экономической программы, способной вывести страну из кризиса, чреватого тяжелейшими последствиями. С российской стороны обращение подписали академики Л. Абалкин, О. Богомолов, В. Макаров, С. Шаталин, Ю. Яременко и Д. Львов, с американской стороны – лауреаты Нобелевской премии по экономике Л. Клейн, В. Леонтьев, Дж. Тобин, М. Ингрилигейтор, М. Поумер¹. В обращении, в частности, предлагалось следующее:

- Российское правительство должно играть значительно более важную роль при переходе к рыночной экономике. Политика невмешательства государства, являющаяся частью «шоковой терапии», не оправдала себя. Правительству следует заменить ее программой, при которой государство берет на себя основную роль в экономике, как это происходит в современных смешанных экономиках США, Швеции, Германии.
- «Шоковая терапия» имела ужасающие социальные последствия, включая огромное увеличение числа абсолютно бедных людей, неудовлетворительные показатели здоровья и продолжительности жизни, разрушение среднего класса.
- Государство должно признать, что если и существует «секрет» рыночной экономики, то он заключается не в частной собственности, а в конкуренции.
- Правительство должно активно действовать по перестройке структуры промышленности, учреждению рыночных институтов и созданию условий для конкуренции.

¹ Полный текст обращения опубликован в книге *О. Богомолова* «Размышления о насущном», М.: Экономика, 2003. С. 109–113.

- Серьезные правительственные меры должны быть приняты для предотвращения процесса криминализации экономики. Пользуясь невмешательством правительства, уголовные элементы заполняют вакуум. Произошел переход не к рыночной, а к криминализованной экономике. Государство обязано дать этому обратный ход и ликвидировать раковую опухоль преступности, чтобы создать стабильный предпринимательский климат и стимулировать инвестиции в производство.
- Государство должно возродить потребительский спрос, увеличив пенсии и зарплату, содействовать образованию достаточных фондов для социальных нужд и обеспечить поддержку системы здравоохранения, образования, экологии, науки, что в целом могло бы защитить два великих достояния России – ее человеческий капитал и природные ресурсы.
- Было бы целесообразно, чтобы правительство использовало доходы, получаемые от внешней торговли газом и нефтью, не на импорт продуктов и предметов роскоши, а на модернизацию устаревших заводов. Нужно добиваться, чтобы рента от эксплуатации природных богатств превращалась в доходы государства.
- При проведении новой политики необходимо терпение. Переход экономики к системе рыночных отношений требует времени, иначе не избежать катастрофы. Архитекторы «шоковой терапии» не признали этого; результаты, как и ожидалось, вызвали глубокий кризис.

Таковы были главные аспекты новой программы реформ для России, разработанной экономистами с мировым именем. Кстати заметим, что и папа римский осудил сторонников «капиталистического неоллиберализма» в одной из речей, произнесенных им во время поездки на Кубу в январе 1998 г. Но режим Ельцина не обратил на призы-

вы извне никакого внимания. С этим связан очень показательный эпизод, свидетельствующий, что американская администрация и ее российское лобби были кровно заинтересованы в продолжении прежнего курса на разрушение России. Чубайс, ознакомившись с программой «экономических мудрецов», поспешил в Вашингтон, посетил госдепартамент и выразил протест в связи с программой, которая могла поставить крест на всю политику команды Ельцина. Государственный департамент позитивно прореагировал на вмешательство Чубайса, осудил программу и участие в ее разработке американских ученых¹.

Гайдар, Чубайс и иже с ними попытались оправдаться тем, что они, мол, одним махом хотели покончить с коммунистическим режимом и не допустить его возврата. На деле же они сделали все, чтобы одним махом разрушить и разграбить Россию – то, что и планировала администрация Клинтона. Строуб Тэлботт, разрабатывавший политику Клинтона в отношении России, писал: «С чистосердечного одобрения большинства западных экспертов они² верили, что подобные жесткие меры необходимы по двум причинам: во-первых, чтобы создать условия для рано или поздно неминуемой платежеспособности Российского государства, а во-вторых, чтобы переломать хребет советского левиафана». Как говорится, «метились в Советский Союз, а попали в Россию».

Величайший исторический парадокс конца XX века состоит в том, что менее чем за одно десятилетие одна супердержава – США расправилась с другой супердержавой – Россией, не сделав ни единого выстрела и не пролив ни единой капли крови своих солдат. Из субъекта политики Россию превратили в объект гегемонистской политики США. Такого еще не знала история.

¹ Об этой истории поведал академик Дмитрий Львов на презентации упомянутой книги академика Олега Богомолова 15 октября 2003 г.

² Гайдар и его команда.

2. Американская политика на постсоветском пространстве в исторических сравнениях и сопоставлениях¹

22 июня 1941 г. на нашу страну обрушилось большое несчастье. Был приведен в действие стратегический план «Барбаросса». Он предусматривал полный разгром Советского Союза гитлеровским вермахтом в «молниеносной войне» до осени 1941 г. А то, что нацистское руководство намеревалось сделать с нашим государством и нашим народом после своей победы, было изложено в Генеральном плане «Ост», разработанном в ведомствах Гимmlера и Розенберга – в Главном управлении имперской безопасности и в так называемом Восточном министерстве нацистской Германии. Это один из самых изуверских и позорных документов XX века, перед которым меркнут все другие политические программы завоеваний и геноцида народов того времени. Но Генеральному плану «Ост» не суждено было стать широко известным в Германии и других странах НАТО. Зато в немецких средствах массовой информации до сего времени постоянно и навязчиво присутствует проблематика холокоста евреев во Второй мировой войне. Объяснение этому найти не трудно: с Генеральным планом «Ост» непосредственно связаны пути и методы уничтожения российской государственности и подрыва могущества российской нации – то, к чему стремятся ныне правящие круги США. Кроме того, этот план вызывает и другие ассоциации: не менее жестокая судьба была уготована им и другим славянским и прочим народам Европы, которые ныне попали в орбиту другого претендента на мировое господство – Соединенных Штатов.

¹ В основе главы лежит статья автора «Генеральный план “Ост” в современном исполнении», опубликованная в «Литературной газете», 22–28 июня 2005 г. и в «Экономической и философской газете», №№ 38–39, 2008 г.

Рассмотрению целей и содержания этого зловещего плана посвящена одна из глав моей четырехтомной книги «Стратегия Гитлера: путь к катастрофе» (издательство «Наука», 2005 г.). Работая над этой главой, я не мог отделаться от ужасного впечатления, что то, что произошло с нашей страной после разрушения Советского Союза в декабре 1991 г., удивительно напоминает замыслы, изложенные в Генеральном плане «Ост». Только замыслы эти были осуществлены собственными, «отечественными» руками. А за всем этим стояла протянувшаяся к России «невидимая рука» другого новоявленного претендента на мировое господство – правящей элиты Соединенных Штатов. После падения Советского Союза она решила, что для нее пробил час стать властителем мира. Процесс развала Советского Союза был перенесен ею на Россию, ставшую объектом необъявленной войны. В отличие от Германии, эта война велась новыми методами – без применения силы и занятия территории. В ход была пущена «стратегия не прямых действий», т. е. подрыв страны изнутри. Такая стратегия сокрушения России, осуществлявшаяся режимом Ельцина с помощью «шоковой терапии», ваучерной приватизации и прочими навязанными извне методами, оказалась намного эффективней, чем гитлеровский «блицкриг» с использованием вермахта – в то время сильнейшей армии мира. А внешне все выглядело благопристойно. Буш не стеснялся представлять дело так, будто Америка чуть ли не лучший друг России. А у нас его при Ельцине даже объявили «надежным и предсказуемым партнером». На деле же он говорил одно, а делал другое – двойной стандарт в наихудшем виде! Когда мы имели дело с Гитлером, Геббельсом, Розенбергом, Гиммлером и другими правителями Третьего рейха, нам было ясно, кто враг и как с ним бороться. Они не скрывали своих планов. Теперь же все делается исподволь, применяются самые изощренные методы, чтобы сбить народ с толку и ввести его в заблуждение относительно существующих для него угроз.

Итак, приведем некоторые положения Генерального плана «Ост» и сравним их с тем, что произошло с нашей страной после государственного переворота в декабре 1991 г. и развала Советского Союза. Получим удивительные совпадения.

«Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе».

И к политике США последних 17 лет можно с успехом применить девиз: «Ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить американское господство в мире». Американская правящая «закулиса», пренебрегая уроками прошлого, ломая все нормы международного права, безудержно рвется к мировому господству. Основы этой политики США были заложены в упомянутом выше «Проекте американского века» (Project for the New American Century).

Нацистская клика Германии тоже ставила своей целью завоевание мирового господства. Эта цель была поставлена в проекте директивы Гитлера № 32 от 11 июня 1941 г. «Подготовка к периоду после осуществления плана “Барбаросса”. В мечтах Гимmlера это выглядело так: «К концу этой войны, когда Россия в конце концов истощится и будет устранена, а Англия и Америка не вынесут войны, для нас возникнет задача создания мировой империи... В этой войне мы добьемся, чтобы все, что в предшествующие годы, с 1938 г., было присоединено к немецкой, к великогерманской и затем к великогерманской империи, осталось в нашем владении. Война ведется во имя того, чтобы проложить дорогу на Восток, чтобы Германия стала мировой империей, чтобы была основана германская мировая империя. В этом смысл войны, сколько бы она ни длилась – пять, а может быть, шесть или семь лет». После осуществления плана «Барбаросса» планировалось перенести стратегические усилия Германии на разгром США и Англии.

Главная задача, поставленная в Генеральном плане «Ост» – разрушение Советского Союза, – была сполна выполнена доморощенной командой Ельцина. Именно Ельцин осуществил разрушение Советского Союза. Вслед за тем он почти десятилетие разваливал российскую государственность и экономику и навлек на народ страшные бедствия. В историю он вошел как величайший герострат XX века. Пожалуй, не кто иной, как нынешний патриарх русской литературы Солженицын, не сформулировал так метко, буквально в нескольких словах, то, что произошло с нами после декабря 1991 г. В мае 2000 г. в интервью «Россию надо спасти, не в годах – в неделях» он сказал: «В результате ельцинской эпохи разгромлены или разворованы все основные направления нашей государственной, народнохозяйственной, культурной и нравственной жизни. Мы буквально живем среди руин, но притворяемся, что у нас нормальная жизнь» («Новая газета», 11–14 мая 2000 г.).

Стремление правящих кругов США выстроить однополярный мир под американской эгидой снова грозит человечеству трагическими последствиями. Многополярность – нормальное состояние международного сообщества, и еще ни одной державе, начиная с древнейших времен, не удавалось превратить ее в однополярность, т. е. в свою гегемонию. Таков закон международных отношений. Создатели Генерального плана «Ост» тоже исходили из того, что, разрушив Россию и подорвав «биологическую силу» русского народа, им удастся расчистить путь к господству над Европой и миром. Но они крупно просчитались. Обо всем этом Ельцин и его советники, судя по всему, нисколько не задумывались. Да и интеллект и образование не позволяли им этого. Для них было важно одно – захватить власть и ресурсы страны. Им было совершенно чуждо понимание того, что в историю они войдут как позорные личности.

«Всю территорию России нужно разделить на ряд государств с собственными правительствами, готовыми заключить с нами мирные договоры... Создание этих прави-

тельств потребует очень большой политической смелости и хорошо продуманных общих принципов».

Этих целей придерживаются в наше время и многие американские политики, разрабатывающие внешнеполитический курс США или оказывающие на него сильное влияние. Збигнев Бжезинский, например, выразил мнение, что «Соединенные Штаты должны быть единственной правящей державой в Евразии. Кто владеет Евразией, тот владеет и Африкой». А для этого, писал он, надо, в числе прочего, устранить Россию как евроазиатскую державу, а на ее месте создать конфедерацию, состоящую из Европейской Русской республики, Сибирской и Дальневосточной республик («Форин афферс», июнь 1997 г.). Данная установка находит свое воплощение в реальной политике США.

«Надо предусмотреть разделение территории, населенной русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие... чтобы они не при каких обстоятельствах не ориентировались на Москву... Нет сомнения, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей окажется одним из средств борьбы с усилением русского народа... Следует уничтожать носителей государственной политической идеи».

Именно в этом направлении действовал криминальный клан Ельцина. Провозглашением суверенитета России он спровоцировал распад Советского Союза на пике его социально-политического и экономического реформирования. Затем последовал лозунг: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Местная бюрократическая номенклатура России не замедлила воспользоваться этим, чтобы укрепить свою власть, свое политическое и финансовое положение. Страна оказалась на грани распада. Ельцинская политика дезинтеграции нашла одобрение и полную поддержку у США. Еще бы, она способствовала росту сепаратизма в отдельных областях и национальных республи-

ках, привела к «феномену Дудаева» и развязыванию войны в Чечне. Солженицын в упомянутом интервью говорил: «Что представляет собой наше государство? У нас административный хаос. У нас не существует единых законов в стране. Каждый регион, каждая республика имеют свои какие-то нелепые, особые договоры с центром. Как это может быть? Произвольные республики, самовольные республики определяют свои конституции, свои международные связи, сами берут в долг международный, а отдавать будем мы. То есть делается все для распада страны». Американская политика проявляет такую же заинтересованность в дроблении России, как и немецкая во времена Гитлера. Аббревиатуру СНГ – созданный на постсоветском пространстве Союз независимых государств – можно расшифровать так: «Сбылись намерения Гитлера».

«Наша политическая линия относительно Украины – это поощрение стремлений к национальной независимости вплоть до потенциального создания собственной государственности либо на Украине как таковой, либо в объединении с Донской областью и Кавказом. Это объединение составило бы Черноморский союз, которому надлежало бы постоянно угрожать Москве и прикрывать великогерманское жизненное пространство с востока. В экономическом плане эта область одновременно представляла бы собой мощную сырьевую базу великогерманской империи. К той территории, которая в СССР рассматривается как чисто украинская, следовало бы прирезать окраинные районы из состава коренного русского пространства... Это послужило бы ослаблению Великой России и в то же время созданию политического противовеса ей. Перевести в состав Украины можно было бы часть территории нынешних Курской и Воронежской областей».

Это как две капли воды похоже на уже почти реализованные американские планы создания «санитарного кордона» против России. Именно для этих целей на Вашингтонском саммите НАТО в 1999 г. было принято решение о создании

группировки ГУУАМ в составе Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана и Молдавии. В отличие от нацистских планов эта группировка была расширена за счет государств Средней Азии. Кроме того, со стороны Вашингтона прилагаются большие усилия, чтобы противопоставить России Польшу и прибалтийские страны. Последние не фигурировали в Генеральном плане «Ост» как части антироссийского «санитарного кордона», поскольку их планировалось вообще упразднить и включить в состав Третьего рейха.

Если Гитлер пытался создать санитарный кордон против «Московии» путем военной оккупации Украины и других восточноевропейских стран, то США сделали упор на организацию в них «оранжевых революций» как наиболее эффективного способа свержения их руководства и приведения к власти в них своих людей. Так, в Украине роль американского сатрапа стал выполнять режим Ющенко, захвативший управление страной с помощью уличной толпы.

«Наша политика относительно народов, населяющих широкие просторы России, должна заключаться в том, чтобы поощрять любую форму разногласий и раскола». (Из высказываний Гитлера на заседании в верховной ставке.)

Ныне принцип «разделяй и властвуй» лежит в основе методов антироссийской, как, впрочем, и всей европейской политики США. Старый лозунг времен холодной войны «держатъ русских» вне Европы («to keep Russians out») и всячески содействовать поддержанию раскола европейского континента полностью сохраняет свое значение. Но теперь его географические рамки значительно выдвинуты на Восток. Первый этап этого выдвижения связан с включением в состав НАТО восточноевропейских стран. На втором этапе, после «оранжевых революций», разделительная линия между Россией и Европой была передвинута к восточной границе антироссийского «санитарного кордона» от Балтики до Черного моря, т. е. по линии балтийских стран и Украины. Вот только с Белоруссией у американцев ничего не вышло. Никак не удастся насадить в ней американскую

пятую колонну и совершить следующую «оранжевую революцию», чтобы еще больше расширить сферу американского влияния на бывшей советской территории.

После отпадения «угрозы с Востока» для Вашингтона было важно создать с помощью Грузии, Украины и прибалтийских стран новый «образ врага» в лице России, «поощрять любую форму разногласий и раскола», как сказал Гитлер. Иначе «кордон» не смог бы выполнять свою миссию. В странах «санитарного кордона» с подачи правящей элиты США ведется антироссийская пропагандистская кампания. Обыгрываются вовсе преступления Сталина, хотя они давно нашли осуждение еще в Советском Союзе, всячески раздувается русофобия, Россия снова представляется как «империя зла» и пр.

А на Украине реабилитируются и провозглашаются «национальными героями» коллаборационисты, сотрудничавшие в армии Бандеры с вермахтом и воевавшие против советских войск. Сервиллизм в угоду Вашингтону проамериканских элит этих стран поистине не знает границ.

Рука Гитлера тянулась и к Средней Азии, и даже к Индии. В Генеральном плане «Ост» перед немецкой стратегией ставилась такая задача в этих регионах:

«Следует полагать, что после военного краха Советов в Европе нам удастся совсем незначительными силами ликвидировать московское господство над Средней Азией... Возникает вопрос использования при случае этих государств для более активных действий против Индии».

Разработчики американской политики в нынешнее время тоже стремятся поставить этот исключительно важный в геополитическом и энергосырьевом отношении регион под свой контроль. В некоторых республиках Средней Азии под предлогом борьбы с «международным терроризмом» были созданы американские военные базы и опорные пункты. Они представляют угрозу национальным интересам не только России, но и Китая, Индии и Ирана. США стремятся замкнуть кольцо своего влияния вокруг Ближне-

го, Среднего Востока и Центральной Азии, чтобы получить доступ к громадным нефтяным ресурсам этого региона. Гитлер тоже говорил, выступая перед своими генералами 23 ноября 1939 г.: «Сегодня мы ведем борьбу за нефтяные источники, за каучук, полезные ископаемые». Таков был и главный мотив войны США против Ирака и захвата Афганистана.

Генеральный план «Ост» предусматривал переселение из европейской части Советского Союза в течение 30 лет 31 миллиона жителей за Урал, на Кавказ, в Африку и даже в Южную Америку. Туда же предполагалось переселить 20 миллиона «опаснейших для Германии» поляков, 3,5 миллиона чехов, три четверти западных украинцев, а также значительное число латышей, литовцев и эстонцев. Освобожденные таким образом земли, превратившиеся в «пространство без народа», намечалось заселить немецкими колонистами. В замечаниях «восточного министерства» по поводу намеченного в Генеральном плане «Ост» переселения народов говорилось:

«Если учитывать, что на рассматриваемых территориях должно остаться 14 миллионов жителей, как предусматривает план, то нужно выселить 46–51 миллион человек. Число подлежащих переселению жителей, установленное планом в 31 миллион человек, нельзя признать правильным».

При развале Советского Союза вне России оказались 25 миллионов русских. Для этого даже не потребовалось 30 лет, как планировали германские нацисты. Ельцин совершил «переселение» в один миг, нисколько не задумываясь о судьбе миллионов русских людей. Не могу не привести здесь снова мнение Солженицына: «Кто мы? Президент Ельцин бросил 25 миллионов наших соотечественников, отрезанных межами СНГ, без всякой правовой защиты, без всякого внимания к их нуждам. Они ошарашены, они стали какими-то иностранцами в чужой стране». Выражаясь словами правителей нацистской Германии, по «биологической силе» русского народа был нанесен сильнейший удар.

К чести немецкого народа надо отметить, что в своей массе он отрицательно отнесся к намерениям руководства Германии провести колонизацию восточных земель. В Генеральном плане «Ост» по этому поводу говорилось: *«Нельзя упускать из виду, что значительная часть населения, особенно из западной части империи, резко отвергает переселение на восток, даже в Вартскую область, в район Данцига и в Западную Пруссию... Необходимо, чтобы соответствующие органы, особенно восточное министерство, постоянно следили за тенденциями, выражающимся в нежелании переселяться на Восток, и вели с ними борьбу с помощью пропаганды».*

Как же Гитлер, Гиммлер и другие нацистские правители планировали подорвать могущество русского народа? Об этом в Генеральном плане «Ост» говорилось:

«Есть много путей подрыва биологической силы народа... На Востоке мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения. Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и т. п. мы должны постоянно внушать населению мысль, что вредно иметь много детей... Должна быть развернута широчайшая пропаганда противозачаточных средств... Распространение этих средств и аборты ни в коей мере не должны ограничиваться... Следует пропагандировать добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней. Следует сократить до минимума подготовку русских врачей по этим специальностям, не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям... Если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей будут обречены на голод».

К великому несчастью, экономический и социальный обвал России, причиненный господством ориентированных на США неолибералов, привел к катастрофическим послед-

ствиям для страны и в демографической сфере. С 1992 по 2012 г. население России уменьшилось на 15 миллионов человек. Ежегодно его убыль составляла около миллиона человек. Угрожающих размеров достигла детская смертность и численность беспризорных детей. Около 70 % детей школьного возраста перешли в разряд нездоровых. Создается впечатление, что против России ведется планомерная демографическая война.

«Ни в коем случае не следует давать местному населению высокое образование. Если мы совершим эту оплошность, мы сами породим в будущем сопротивление против нас. Поэтому, по мнению фюрера, вполне достаточно обучать местное население, в том числе так называемых украинцев, только чтению и письму».

Гитлеровцам не удалось осуществить задуманное. После войны образование и наука достигли в Советском Союзе мировых вершин. Но вот сразу после захвата власти Ельциным и его окружением началось разрушение образовательного и научного потенциала России. Способствовала этому всеобщая бедность, свалившаяся на народ и страну под шоковыми ударами «реформ» Гайдара. Быстро оскудевшая казна государства не позволяла поддерживать на должном уровне и двигать вперед науку и образование. Учителя, преподаватели высшей школы, профессора и научные сотрудники Российской Академии наук превратились в низкооплачиваемую категорию граждан России. Ректор МГУ академик Виктор Садовничий писал 24 января 2001 г.: «Насмешкой судьбы можно считать то, что профессор даже престижного московского вуза получает зарплату в два раза ниже, чем московский дворник... Помните время, когда по экранам страны прошел фильм “Девять дней одного года”. Молодые люди мечтали стать физиками-ядерщиками. Сегодня они бредят портфелем банкира». Спасаясь от нужды, невежества властей и бесперспективности применения своих знаний, сотни тысяч ученых и специалистов разных отраслей покинули Россию в ельцинское десятилетие. Они

пополнили интеллектуальный потенциал США и других стран Запада.

В России произошла чудовищная девальвация науки и образования. Страна, которая оплачивает труд профессора в два раза ниже, чем дворника, не имеет никакого будущего. Делалось все, чтобы вытеснить государственное финансирование научной и образовательной сферы и перевести научные исследования на чисто коммерческую основу. Пусть, мол, ученые сами зарабатывают деньги на свой хлеб и развитие науки. В Российской академии наук «реформами», предложенными министром образования и науки Фурсенко и его преемником Ливановым, под удар поставлены целые научные отрасли. Научная и образовательная политика неolibералов напрямик ведет Россию к дальнейшей деградации, больше того – к национальной катастрофе. Разработчики этих «реформ» получали солидные гонорары от Всемирного банка, контролируемого США.

Американская правящая элита прекрасно отдает себе отчет в том, что развитие науки – основа существования и прогресса современного общества, и отводит государству решающую роль в ее финансировании. А процветание науки и образование потенциальных или реальных конкурентов – не в ее интересах. В связи с этим в нашей печати отмечалось: «Существует версия, разделяемая многими компетентными людьми, что определенные круги на Западе... ставят сегодня в качестве основной стратегической задачи разрушение системы образования в России. Что касается конкретно России, то полезно лишить ее такого стратегического ресурса, как образование. Российское образование до сих пор востребовано на внешнем рынке. Образованная Россия с ее неисчерпаемыми природными ресурсами – соперник не просто опасный, но непобедимый» («Независимая газета», 13 января 2001 г.).

На первый взгляд, может показаться неправомерным сопоставление планов нацистской Германии и США в отношении Советского Союза и России. Но дело все в том, что сход-

ство в содержании этих двух планов, хотя они и исходили от разных по своему политическому характеру государств, определяется законами геополитики. Именно они легли в основу подхода руководства обеих держав к проблеме ниспровержения и последующего ослабления и разрушения нашей страны как потенциального и реального глобального противовеса США и препятствия на пути политики господства. Отличие состоит в методах осуществления этих целей.

3. Откуда идет угроза национальной безопасности России

Так называлась моя аналитическая записка, направленная в начале 1998 г. Институтом международных экономических и политических исследований РАН председателю Совета Федерации Егору Строеву. Ознакомившись с ней, он распорядился отослать ее для публикации в газету «Рабочая трибуна»¹. Редакция газеты предпослала статье небольшое введение: *«Сегодня мы публикуем материал, который изначально не предназначался для печати. Аналитическая записка доктора исторических наук В.И. Дашичева была направлена Институтом международных экономических и политических исследований РАН в Совет Федерации, и хотя в этом документе не стоял приснопамятный гриф “секретно”, он был явно рассчитан на категорию людей, чьи должностные полномочия равны калибру рассматриваемых в записке проблем. И тем не менее ситуация в стране нынче такова, что ограничивать сущностное, научно обоснованное знание о положении, в котором оказалось все наше общество, вряд ли следует.*

¹ «Рабочая трибуна», 01.04.1997 г., бывшая «Социалистическая индустрия». Этой теме была посвящена моя статья «Битва за Россию», опубликованная в российской газете «Наше время», № 31, август 2007 г. и в швейцарской газете «Zeit-Fragen», 16 августа 2007 г.

Несколько слов об авторе материалов. Вячеслав Иванович Дашичев – известный ученый-обществовед, автор ряда монографий по новейшей истории, участник многочисленных сборников статей по историко-политической тематике. Специалисты высоко ценят его исследования истоков, практики и последствий германского фашизма.

Что думает ученый о сегодняшней ситуации в России? Какие меры видятся ему необходимыми, чтобы страна не оказалась в бесповоротном историческом тупике?»

Далее последовал текст моей статьи:

«В российских средствах массовой информации и в общественном мнении наблюдается серьезная недооценка или просто игнорирование и недопонимание тех угроз, которым ныне подвергаются национальная независимость и национальная безопасность России в связи с происходящими в ней внутривнутриполитическими и экономическими процессами. Многие даже весьма ответственные деятели полагают, что ныне для России нет крупномасштабных угроз извне. На деле такая извращенная позиция, особенно если ее придерживаются в “верхах”, может обернуться для нашей страны роковыми последствиями. Мы уже испытали нечто подобное 22 июня 1941 г.

Характер нынешних угроз совсем иной, чем, скажем, накануне и в период Великой Отечественной войны. Тогда было ясно, кто является врагом, несущим стране поражение, и вся энергия народа была обращена на отражение этой опасности в открытой борьбе. Ныне же мы имеем дело с ползучей внутренней угрозой, истоки которой надо искать как внутри страны, так и за рубежом. Ее очертания так размыты, что это сбивает с толку не только простых людей, но нередко даже политиков. Она связана главным образом с внешнеполитическим курсом Соединенных Штатов после окончания холодной войны.

Радужные надежды наших реформаторских сил в период перестройки, что после прекращения конфронтации Восток – Запад удастся создать принципиально новую демо-

кратическую систему международных отношений в мире, особенно в Европе, свободную от гегемонизма и месссианства, не оправдались. Не сбылись также расчеты на то, что постепенно удастся реализовать великую идею обще-европейского дома. Это случилось потому, что США пошли другим путем, чем тот, который был начертан Парижской хартией, принятой странами ОБСЕ в ноябре 1990 г. По меткому определению Джорджа Кеннана, многие американские политики восприняли конец холодной войны и исчезновение Советского Союза как образование вакуума, который они, исходя из своих представлений, призывают теперь заполнить.

Характерно, что Кеннан – этот очень проницательный политический деятель и мыслитель, автор доктрины “сдерживания” коммунизма – осуждает ныне подобную политику, понимая ее пагубные последствия для международной безопасности и подлинных национальных интересов США.

А между тем выводы Кеннана подтверждаются официальными американскими документами и политикой Вашингтона (разработками госдепартамента, Пентагона, выступлениями ответственных политических деятелей США). В послании президента Клинтона Конгрессу в 1996 г. прямо говорится о том, что США должны использовать редкостные возможности, возникшие после их “победы” в холодной войне, для утверждения своей руководящей роли в мире, продвижения американских политических, стратегических и экономических интересов в важнейшие регионы мира и развертывания мощных вооруженных сил для обеспечения глобальной политики господства. Военные расходы США сохраняются почти на уровне, существовавшем в разгар холодной войны.

Спикер палаты представителей американского конгресса Ньют Гингрич очень откровенно сформулировал месссианскую роль США: “Только Америка может руководить миром. Америка является единственной глобальной, общечеловеческой цивилизацией в истории человечества... Без

существующей американской цивилизации на нашей планете возрастут варварство, насилие и распространение диктатур”.

Поворот США к политике экспансионизма отметили многие западные аналитики. Так, директор Гессенского фонда изучения конфликтов и мира профессор Чемпиль опубликовал в официальном органе бундестага ФРГ – приложении к газете “Дас парламент” статью “Возврат к гегемонизму?” о мировой политике президента Клинтона, в которой он, в частности, писал, что сохранение Соединенными Штатами непомерно больших военных расходов служит цели утверждения мирового господства и что в основу американской политики после окончания конфликта между Востоком и Западом легло стремление не допустить, чтобы Китай, Россия, а также Германия, Япония и интегрированная Европа возвысились до уровня самостоятельных глобальных величин, сопоставимых по экономической и военной мощи с США.

В контексте этой внешнеполитической стратегии определился подход США к Восточной Европе. Страны этого региона, обретшие в эру советской перестройки полный суверенитет, свободу и независимость, превратились в представлении Вашингтона в “вакуум силы”, который надо заполнить путем продвижения Североатлантического блока на Восток, чтобы тем самым расширить сферу господства США в Европе. В связи с этим профессор Чемпиль писал в упомянутой статье: “Расширение НАТО, в отношении которого администрация Клинтона сначала сохраняла осторожность, превратилось ныне в главный инструмент их европейской политики. То, что оно вновь приведет к расколу Европы, стало рассматриваться в Вашингтоне как не столь важное обстоятельство по сравнению с перспективой расширения с помощью военного блока американского доминирующего ВЛИЯНИЯ в Европе. Это влияние всегда осуществлялось через НАТО. Расширение блока пойдет на пользу непосредственно Вашингтону”.

Второй, еще более важный для Вашингтона вакуум силы возник в 1991–1996 гг. на бывшей советской территории в результате беловежской трагедии и проведения направляемых извне, через МВФ, реформ. Под видом этих реформ проводилось целенаправленное разрушение политического, экономического, оборонного, научно-технического и духовного потенциала страны. За пять лет валовой внутренний продукт страны сократился на 45 процентов и составляет ныне около 10 процентов американского, производство упало более чем на 50 процентов, произошел громадный беспрепятственный перелив российских национальных богатств и капитала на Запад, что дало мощный импульс для развития западной экономики. Россия перестала быть великой державой. Единственной сферой, где она пока сохраняет этот статус, является ее ядерный арсенал, все еще держащий “окно уязвимости” США открытым. Но и к нему пытается подобрать ключи американская политика, как и к единой энергетической системе, нефтегазовой и сырьевой промышленности России.

Для заполнения созданного в России “вакуума силы” Вашингтону не нужны ни ядерные заряды, ни ракеты, ни прочие средства войны. Он располагает для этих целей в достатке американским “сверхоружием” – деньгами. В нем США имеют абсолютное превосходство над Россией с ее до предела ослабленными государственностью и экономикой. Чтобы сделать бывшую сверхдержаву послушной своей воле, Вашингтону достаточно затратить 10 млрд долларов. Что значит эта сумма по сравнению с сотнями миллиардов долларов, ежегодно расходовавшихся Соединенными Штатами во время холодной войны для борьбы с Советским Союзом! Этой суммы – мизерной по сравнению с масштабностью поставленной глобальной задачи – вполне хватает, чтобы создать в России мощные подставные финансовые империи, влияющие на государственную политику и средства массовой информации, выпестовать активное американское лобби, опираясь на которое можно скрытно от общественности

навязывать России свои интересы. Весьма удобными для этого оказались отличительные черты некоторых представителей новой российской правящей элиты – неукротимые властолюбие и жажда наживы, невежество и некомпетентность, продажность и полное равнодушие к бедствиям народа и к судьбам страны. Авторитарная российская конституция, поставившая исполнительную власть вне контроля общества, открыла для проведения всех этих мер широкие возможности. Она предоставила различным политическим проходимцам широкое поле деятельности за спиной Президента и от имени Президента.

Еще никогда в истории России существование и господство узкой правящей элиты, принимающей государственные решения, не были в такой тотальной финансовой зависимости от внешних сил и никогда еще российское руководство не поддавало под такой диктат извне как это имеет место ныне. Вольно или невольно российская внутренняя политика превратилась в проводника американских интересов. А эти интересы состоят в том, чтобы не дать России снова подняться до уровня великой державы, превратить ее в поставщика энергосырьевых ресурсов, в рынок дешевой рабочей силы и сбыта высокотехнологичных видов готовой продукции.

Очень показательна в этом отношении реакция госдепартамента США на воззвание видных американских экономистов – лауреатов Нобелевской премии по поводу экономической политики российского руководства, с которым они обратились в середине декабря минувшего года к Ельцину и международной общественности. В нем утверждалось, что проводившиеся в России с 1992 г. “шоковые” реформы завели российскую экономику в тупик и от них надо поскорее отказаться, чтобы вывести Россию из глубокого кризиса. Госдепартамент резко осудил это воззвание, подтвердив свою заинтересованность в продолжении принятого курса реформ. Как это ни странно, той же линии придерживается и команда Ельцина на протяжении последних лет, несмотря

на очевидность экономической несостоятельности и на антинациональный характер проводимых реформ и их убедительную критику со стороны видных российских экономистов. Не потому ли американская политика, начиная с президента Буша (старшего) и особенно при Клинтоне, делала столь большую ставку на Ельцина? На основе проводимых реформ и политики созданного в России режима невозможно добиться подъема российской экономики и жизненного уровня населения, а также “национального согласия и примирения”, к которому ныне призывает российское руководство. Финансовым воротилам удалось буквально за несколько лет занять господствующие позиции в финансовом мире России. Такого еще не бывало в экономической истории современного общества. Морганы, Рокфеллеры, Ротшильды, создавшие свои финансовые империи на протяжении поколений, поблекли в сравнении с новыми российскими миллионерами, в сказочно короткий срок сконцентрировавшими в своих руках громадную финансовую и политическую власть в России. Не выяснены еще подоплека и источники столь стремительного обогащения узкой кучки людей и роль в этом деле американской политики.

Пришедшая к власти новая группировка действует все более беспардонно и цинично. По ее усмотрению осуществляются, минуя парламент, назначения верных ей людей на самые ответственные государственные посты. В ее распоряжении оказалась важнейшая часть телевидения и прессы. Она уже диктует средствам массовой информации, как надо освещать те или иные события и явления нашей жизни, и препятствует публикации правдивых, критических статей о положении страны и опасных для нее последствиях псевдореформаторской политики. В ее планы входит установление контроля над Советом национальной безопасности и Советом обороны. Ныне главные усилия она направляет на то, чтобы поставить во главе руководящих органов силовых структур своих людей. Если новому правящему клану удастся подчинить себе силовые структуры, Россия

окажется на длительное время во власти произвола антинациональных сил. Логика политической борьбы заставляет представителей этого клана все больше полагаться на поддержку и опору Вашингтона. В случае консолидации их власти и у Вашингтона улучшатся возможности направить развитие и деятельность российских силовых структур в русло своих интересов и активизировать “тихое завоевание” России изнутри.

Трудно сказать, какую часть российского “вакуума силы” США уже заполнили. С точки зрения меры национальной независимости и безопасности России, это “заполнение”, по всей видимости, уже приблизилось к критической черте. До сего времени не нашлось общественных и политических СИЛ, которым удалось бы приостановить эти опасные для нашей страны процессы.

“Тихое завоевание” России сопровождается мерами ослабления и подрыва ее позиций на международной арене. В пользу этого заключения говорят многие факты из реалий американской политики:

- укрепление НАТО и планы расширения сферы его действия на восток Европы, поближе к границам России;*
- блокирование идеи радикальной реорганизации ОБСЕ и превращения ее в главную действенную и работоспособную организацию европейской безопасности и европейского сотрудничества с соответствующими общеевропейскими институтами и панъевропейскими миротворческими войсками. Это не входит в расчеты Вашингтона, поскольку ставит под вопрос существование НАТО;*
- неприятие со стороны США идеи общеевропейского дома;*
- заинтересованность США в том, чтобы держать Россию на дистанции от стран Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы, особенно от Германии;*
- активная политика разобщения стран СНГ и недопущения их интеграции. В 1999 г. в Вашингтоне на сам-*

мите НАТО была создана антироссийская группировка ГУАМ в составе Украины, Грузии, Азербайджана и Молдавии, противопоставленная СНГ. В заседании руководителей ГУАМ в июне 2007 г. уже участвовали Польша, Литва и Румыния. Они усиленно продвигали план вступления стран ГУАМ в НАТО и ЕС. В качестве наблюдателей на заседании присутствовали представители многих стран НАТО и ЕС и даже Японии;

- *разыгрывание главной карты в антироссийской политике в пространстве СНГ путем разжигания и использования противоречий между Россией и Украиной, чтобы превратить последнюю в геополитический противовес нашей стране. Профессор Нью-Йоркского университета Стивен Коэн – один из лучших американских специалистов по России, отличающийся объективностью в своих исследованиях, – совершенно справедливо отмечал, что “новый фронт холодной войны проходит через Украину”¹.*
- *активное политическое и пропагандистско-психологическое противодействие планам создания тесного политического и экономического союза Беларуси и России.*

Дабы создать видимость оправданности всех этих действий и стремлений, для Вашингтона было бы очень выгодно снова возродить имидж некоей “опасности с Востока”, со стороны России. В этом смысле российская политика и общественность могут быть поставлены в затруднительное положение. Например, уже сейчас справедливые возражения российской стороны против расширения НАТО истолковываются в западных средствах массовой информации как проявления российской великодержавности, российского национализма, российского противодействия расширению зоны демократии, ущемление суверенных прав восточноевропейских стран, как “шизофреническая” склонность русских видеть во всем козни внешних врагов и т. д. Значительная

¹ Известия, 05. 04. 2007.

часть западной общественности принимает это за чистую монету.

Но многие здравомыслящие аналитики на Западе пишут в своих трудах об опасном и деструктивном характере антироссийской политики США. К их числу принадлежит фундаментальная работа известного немецкого исследователя международных отношений и публициста Петера Шолля-Латура «Россия в тисках»¹. Геополитические цели США очень хорошо характеризовала швейцарская газета «Zeit-Fragen»: «Если мы сегодня видим, как США окружают Россию и Китай, как они все сильнее сжимают кольцо своих военных баз вокруг этих держав, как они преобразуют НАТО в орган обслуживания своей внешней политики, как они пытаются расколоть Европу, как они нарушают монопольное право ООН на применение силы, как Вашингтон оправдывает превентивные войны и даже не исключает применение ядерного оружия, то становится ясно – это не что иное, как имперская политика»².

Как это ни печально, мы уже дожили до того, что в результате политики США российские военные стали уже рассматривать, даже на страницах прессы, сценарии войны США и НАТО против России. Член «Коллегии военных экспертов» генерал Александр Владимиров и его коллега Михаил Ходоронок дали весьма развернутую характеристику этих сценариев в газете «Наше время»³. С их тревожными выводами нельзя не согласиться. С помощью оружия массового поражения с Россией намечено покончить в течение часа, а затем приступить к ее захвату.

Что же может противопоставить российская политика внешнеполитическому курсу США, угрожающему национальным интересам России? Очевидно, для этого надо вырабо-

¹ Scholl-Latur P. Russkand in Fesseln. Berlin, 2006.

² «Zeit-Fragen», 05. 07. 2004.

³ Если завтра война. Россия будет уничтожена за один день // Наше время. № 21. Июнь 2007 г. С. 4–5.

тать гибкую российскую доктрину сдерживания, способную хоть частично нейтрализовать неблагоприятные для России последствия американской политики. Но эта доктрина не должна носить антизападный характер, препятствовать честному деловому сотрудничеству между Россией и США, затруднять интеграцию нашей страны в мировое хозяйство, особенно ее вовлечение в процессы общеевропейского единения.

К числу первоочередных мер, направленных на укрепление национальной независимости и безопасности страны, можно отнести следующие:

- поставить под всеобъемлющий контроль со стороны Федерального собрания деятельность администрации Президента и правительства, политическую и экономическую активность групп российской олигархии, связанных с США;*
- изменить курс рыночных реформ, сделав ставку не на спекулятивный капитал, не создающий и не создавший никаких ценностей, как это было с начала 1992 г., а на производственный капитал, на подъем разрушенного производства, особенно в сфере высоких технологий. Для проведения новых реформ необходимо повысить роль государственного регулирования хотя бы до уровня, существующего в Германии и других странах Западной Европы;*
- выйти из-под зависимости от МВФ, навязавшего России гибельный курс реформ и установившего контроль за развитием ее экономики;*
- поставить эффективный заслон влиянию американского лобби на политику, экономику и средства массовой информации страны, последние должны быть ренационализированы и поставлены под наблюдение со стороны общественных органов, учрежденных Федеральным собранием;*
- выработать четкую концепцию интеграции в рамках СНГ и энергично претворять ее в жизнь, осудив пассив-*

- но-выжидательную или негативную позицию нынешнего российского руководства в этой области;*
- вернуться во внешней политике к концепции общеевропейского дома, отвечающей насущным национальным интересам России;*
 - принять реальные меры по нейтрализации негативных для России и Европы последствий расширения НАТО, не дав при этом втянуть себя в новую конфронтацию и гонку вооружений. Экспансии Атлантического блока необходимо противопоставить новую постконфронтационную концепцию общеевропейской безопасности;*
 - российской политике следует выступить с инициативой дополнить принципы ОБСЕ новыми, осуждающими всякое стремление к господству, разделу сфер влияния, пресловутому заполнению “вакуума силы” в Европе и обеспечивающими дальнейшую демократизацию международных отношений на нашем континенте в соответствии с постконфронтационным духом времени. Пора, наконец, поставить экспансионизм, гегемонизм и мессианство вне закона и вне международного права.*

Ну, а что же предприняла российская политика в ответ на явно антироссийский курс США? Как это ни странно – ничего существенного. Евгений Примаков в интервью газете “Россия” признал, что у России “нет государственной антиамериканской политики”¹. Но такая позиция ущербна для национальных интересов России. Она на деле поощряет Вашингтон на дальнейшие антироссийские действия. Поразительно, но факт: в наших газетах можно прочесть, что “стратегическое партнерство между США и Россией еще возможно” или что “надо сотрудничать с США в создании системы противоракетной обороны”. Какое “стратегическое партнерство” может быть с державой, если она

¹ Россия, 19–25. 04. 2007. С. 14.

целеустремленно и последовательно проводит свой анти-российский курс? Несмотря даже на “дружеские отношения” между Путиным и Бушем. Американцы, видно, хорошо усвоили правило, сформулированное давно английским премьером лордом Пальмерстоном: нельзя смешивать дружеские отношения с необходимостью добиваться достижения своих национальных целей.

“Игра в поддавки” с США вызвала в общественности России недоумение и неодобрение. Генерал А. Владимиров писал в одной из последних статей в “Литературной газете”: “Мы сами отдаем стратегическую инициативу в руки наших геополитических противников практически на своем поле и своим «воинствующим бездействием» сами проигрываем войну за наши братские народы и приграничные пространства, чем обрекаем себя на практически неминуемое поражение, а это – преступление. В этом плане приходится только недоумевать (и негодовать) в связи с полным бездействием политического руководства России и отсутствием хоть какой-то осмысленной политики в отношении этих государств – мы не боремся не только против своих противников, но даже за своих друзей”.¹ Против этого нельзя ничего возразить.

В мае 2007 г. Путин произнес на международном совещании по вопросам безопасности в Мюнхене речь, вызвавшую большой интерес общественности как на Западе, так и в России. В ней он впервые как глава государства назвал угрозы, исходящие от экспансивной политики США. Но в развитие этой речи не было ничего сделано. Она была направлена в адрес российской общественности, чтобы создать видимость, что Путин борется за национальные интересы России. Газета “Время” назвала его мюнхенскую речь “ложкой меда в бочке дегтя”². Пока же наша политика не дала

¹ Владимиров Александр. Старая колея милитаризма // Литературная газета, 25.04–03.05. 2007. С. 3.

² Время, 3 мая 2007 г. С. 3.

адекватного ответа на вызовы США, даже на создание американской системы ПРО в Европе. Скоро мы будем жить с пистолетом, приставленным к нашему виску.

Конечно, Россия заинтересована не в конфронтации, а во всестороннем сотрудничестве с США. Но надеяться на это не приходится. Вашингтону нужна Россия, находящаяся в полной вассальной зависимости от США. Поэтому российской политике ничего другого не остается, как разработать наконец собственную «доктрину сдерживания» экспансии «мировой элиты» США – систему политических, военных, экономических и пропагандистских мер защиты национальных интересов и национальной безопасности России».

4. В треугольнике США – Украина – Россия

Начало 2014 года ознаменовалось резким обострением отношений между странами Запада и Россией. Главным очагом этого обострения оказалась Украина, где развернулись события, чреватые очень опасными последствиями не только для нее самой, но и для России и всей Европы. По всем признакам в Европе возник предвоенный политический кризис. Чем же можно объяснить это? Разве для этого были объективные причины? На мой взгляд, разгадка этого феномена кроется в следующем.

Начну с предыстории вопроса. Ведь это факт, что Европа геополитически проиграла Америке XX век. Европейские правящие элиты, запутавшись в своих великодержавных амбициях, в стремлении добиться господства над народами, навязать им свою волю, развязали две «горячих» и одну холодную войну. Эти войны обернулись для Европы поистине роковыми разрушительными последствиями. А для США они создали уникальные условия для превращения в глобальную супердержаву. Оставаясь за океаном и нажившись на вековой «европейской смуте», США с легкостью навязали Европе свою гегемонию.

Как это ни парадоксально, этому во многом способствовала советская политика. После Второй мировой войны Сталин и его последователи стали активно проводить мессианскую коммунистическую экспансию, не отдавая себе отчета в том, к каким тяжелым геополитическим последствиям это приведет собственную страну, а также международное сообщество. Почти пол, Европы оказалось тогда под советским господством. Страны Запада узрели для себя в лице Советского Союза серьезнейшую угрозу и, чтобы противостоять ей, объединились в мировую антисоветскую коалицию во главе с Соединенными Штатами. Заокеанская держава стала военным и политическим гарантом и защитником их независимости. Это позволило ей подчинить западноевропейские страны своим интересам. Главным инструментом американского господства в Европе стал созданный в 1949 г. Североатлантический блок. Его генеральный секретарь Исмэй сформулировал тогда американскую доктрину НАТО так: «Держать американцев в Европе, держать немцев в узде, держать русских вне Европы» (to keep Americans in, to keep Germans down, to keep Russians out). В своей основе эта доктрина остается действующей до сего времени.

Для Советского Союза холодная война превратилась в непосильное бремя. Она подорвала его силы и явилась одной из основных причин его падения в 1991 г. После этого для США открылись уникальные возможности установления глобального господства, создания однополярного мира и «Рах амерісана». Этому служил разработанный администрацией США так называемый Проект нового американского века.

Но напрасно американские политические стратеги рассчитывали на легкое и беспрепятственное осуществление своих замыслов. В мире произошли серьезные изменения. Прежде всего, в ходе советской перестройки 1985–1990 гг. было покончено с политикой мессианской экспансии и разработаны поистине миролюбивые, гуманные принципы

нового внешнеполитического курса Советского Союза¹. Это позволило впервые за всю историю Европы добиться общеевропейского консенсуса по центральному вопросу жизни народов континента. 21 ноября 1990 г. все европейские страны подписали Парижскую хартию, возвестившую конец холодной войны и наметившую пути создания нового европейского мирного порядка и общеевропейского сотрудничества. В ней значилось: «Из Европы должен исходить только мир». США, как член Евроатлантического сообщества, не могли остаться в стороне и вынуждены были тоже поставить свою подпись под Хартией. Несмотря на то, что принципы Хартии в корне противоречили агрессивной доктрине американской внешней политики. Поэтому США сделали все, чтобы Парижская хартия была положена под сукно и не исполнялась. Этого без труда удалось добиться после разрушения Советского Союза.²

Но все же новая обстановка в Европе характеризовалась многими неблагоприятными для США особенностями. Впервые, для европейских стран исчезла «угроза с Востока». А с этим утратила свое значение их зависимость от помощи США. Началась эрозия евроатлантического сообщества. К этому добавилось нараставшее ослабление позиций США на мировой арене из-за кризиса, охватившего капиталистическую экономику. Все более ощущалось «имперское перенапряжение» США в результате проведения политики господства. Дефицит американского государственного бюджета достиг к 2013 г. 17 триллионов долларов.

Правящей элите США пришлось столкнуться и с нарастанием в странах Европы стремлений освободиться от беззастенчивого вмешательства заокеанской державы в их внутренние дела и от навязывания им диктата. Например, такой многоопытный и реалистически мыслящий политик, как

¹ *Дашичев В.* Внешнеполитическая доктрина Горбачева и международные отношения. Мир перемен, № 1, 2011.

² *Дашичев В.* Как и почему был разрушен Советский Союз // Социально-гуманитарные знания, № 2, 2014 г.

бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, подводя итоги своей деятельности в книге «После отставки», призвал политиков европейских стран не превращаться в «послушных поддакивателей (Ja-Sagern) американскому империализму»¹. То было в 2008 г. А в наше время министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский в частной беседе с депутатом польского сейма Я. Ростовским, состоявшейся в первой половине 2014, жестко раскритиковал привязанность Польши к США и выразил сожаление, что дружба с Вашингтоном и «ублажение американцев» вредят его стране, наносят ущерб ее политическим и экономическим отношениям с Россией, Францией и Германией. Содержание беседы не предназначалось для печати. Ее запись, сделанная без ведома Сикорского, стала достоянием гласности лишь в июне этого года². Аналогичные взгляды все чаще стали открыто выражать представители политических, экономических и научных кругов многих других европейских стран.

Нарастание антиамериканских настроений в общественности Европы – главного плацдарма американской геополитики – вызвало особое беспокойство у американской правящей элиты. Поэтому она приступила к разработке превентивных мер, чтобы предотвратить развитие этой тенденции, а главное – не допустить ослабления уз, привязывавших европейские страны – участницы НАТО и ЕС к США, и крепче привязать их к американской колеснице. Данной цели служил, в частности, разработанный Вашингтоном план создания таможенного союза США – ЕС. Но его претворение в жизнь стало трудно выполнимой задачей, ибо он не сулил европейским странам экономических выгод и подчинял их американским экономическим интересам.

Правители США начали с тоской вспоминать те времена, когда они могли извлекать громадные геополитические

¹ *Helmut Schmidt* «Außer Dienst Eine Bilanz», Siedler-Verlag, 2008, S. 205.

² Об этом поведал польский еженедельник «Wprost» 23 июня 2014 г.

и экономические выгоды из конфронтации с Советским Союзом. Невольно перед ними возник вопрос – не возродить ли холодную войну в новых условиях? Для этого требовалось серьезно обострить международную напряженность и создать новый «образ врага», пусть даже искусственный, если нет реального. В минувшую холодную войну эту роль выполнял Советский Союз, а после его разрушения она была отведена России. Первым шагом на этом пути явилось инспирированное и финансируемое из США нападение войск американского наймита Саакашвили на Южную Осетию в августе 2008 г. Помощь российских войск южноосетинскому народу в отражении этой агрессии послужила поводом для массивной антироссийской информационной войны. Смысл ее заключался в том, чтобы внушить общественности Европы ложное представление: «Россия проводит ту же экспансивную политику, что и Советский Союз, и остается империалистической державой. Для отражения агрессии с ее стороны Западу жизненно необходимо укрепление НАТО и его расширение к границам России».

На полную мощь эта пропагандистско-психологическая кампания была развернута в связи с событиями в Украине – государственным переворотом в Киеве 21 февраля 2014 г. и захватом власти американскими ставленниками – крайними националистами и русофобами во главе с А. Турчиновым, А. Яценюком, Д. Ярошем, О. Тягнибоком и др. Их режим справедливо получил название хунты. Переворот и кадры для него тщательно готовились спецслужбами США. Ему предшествовала «оранжевая революция» в Украине 2004 года. На нее и на переориентацию политики Украины с России на Запад американская закулиса израсходовала 5 млрд долларов. Преследовалась главная цель – создать на юго-западной границе России враждебное ей государство. Именно такой «украинский сценарий» был разработан в США.

В политической элите Запада издавна было весьма распространено мнение, что без Украины Россия потеряет статус великой державы, станет маргинальной страной, очень

уязвимой для внешних сил. Этого мнения придерживался один из главных архитекторов американской внешней политики Збигнев Бжезинский и всячески навязывал его государственному департаменту США. Однако он и иже с ним очень ошибались. Россия является самодостаточной державой, обладающей мощным экономическим, научно-техническим и военным потенциалом, громадными природными ресурсами, и, при разумной политике ее руководства, может и без Украины оставаться на международной арене геополитическим фактором первой величины. Но, конечно, при условии, что Украина не будет превращена во враждебную России силу и использована для провоцирования военного конфликта с нею, который может перерасти в европейскую и даже мировую войну.

Для преобразования Украины в такого рода государство американские спецслужбы тщательно отбирали, вербовали, подкупали украинских радикал-националистов и обучали их искусству государственных переворотов путем организации уличных беспорядков. Именно это произошло на Майдане Незалежности в Киеве. Особую роль в этом сыграли не разбирающиеся в политике молодые люди от 16 до 25 лет. Их сознание целенаправленно уродовалось на протяжении 23 лет: «Боевиков евромайдана готовили не только в польских, литовских и саудовских лагерях. Начальную подготовку они прошли за школьными партами, штудирова учебники истории, написанные под редакцией и на гранты фонда Джорджа Сороса. В них за годы независимости Украины тотальному пересмотру подверглась вся история республики с древнейших времен. С юных лет украинцам вдалбливают в голову антироссийскую чушь... Самым смешным ляпом, попавшим в учебники, стало утверждение о том, что «древнейший период в истории украинского народа продолжался более 140 тысяч лет»¹. Наряду с молодежью, зомбированной в националистическом и антироссийском духе, широко использовались ино-

¹ Экспресс-газета, 10 марта 2014 г.

странные наемники, как, например, из американской частной военной фирмы «Блэк уотер», фактически обслуживавшей ЦРУ для проведения подрывных актов в различных странах. Для первой «оранжевой революции» в Украине в 2004 г. из Канады в Киев были переброшены несколько тысяч специально обученных для этого украинцев.

Хунта, незаконно захватившая власть в Киеве, была готова на все ради выполнения указаний американских хозяев. Политические воззрения ее руководителей представляют собой отвратительную смесь вопиющей примитивности, убогости, безнравственности и ложного понимания национальных и геополитических интересов Украины. За несколько месяцев господства они подвели украинский народ на грань разрушения государственности, экономической разрухи, социального бедствия и гуманитарной катастрофы. Резко понизился и без того жалкий жизненный уровень большинства населения. А права и свободы человека? Они вообще перестали существовать на украинской земле. Это несколько не обеспокоило американских покровителей киевской хунты. Вот чего на деле стоила их «борьба» за продвижение в мире демократии, прав и свобод личности. Они даже «не заметили» фашистской и антисемитской тональности в высказываниях и в действиях представителей киевской хунты.

Все это не могло не вызвать возмущения и сопротивления со стороны здоровых сил украинского общества. В результате подавляющая масса населения Юго-Восточной Украины высказалась за независимость от киевского режима, за федеративное устройство страны, против враждебного России политического курса. Народным волеизъявлением были созданы Луганская и Донецкая народные республики, объединившиеся вскоре в единый Союз – Новороссию. Этого правящие круги США никак не ожидали. Они просчитались, как и в случаях с Ираком, Афганистаном и другими странами, ставшими жертвами американского империализма. Для них ничего другого не оставалось, как развязать с помощью киевской хунты военные действия против населения Юго-

Восточной Украины с использованием всех боевых средств. Даже запрещенных к применению фосфорных бомб, ввезенных из США.

С невероятной жестокостью режим Турчинова – Яценюка начал преступную войну против собственного народа. Президент Обама в ряде своих выступлений заявил о поддержке действий киевского режима. Киев регулярно посещали ведущие политики США: вице-президент Байден, директор американского ЦРУ, представители министерства обороны, госдепартамента и пр. Они консультировали своих украинских сатрапов, давали им указания, как вести войну против собственного народа, как проводить враждебную России политику и укреплять проамериканскую власть. Все это привело к небывалому нагнетанию напряженности в отношениях Украины с Россией, к серьезнейшему обострению политической и военной обстановки на Европейском континенте, к опасности развязывания войны между Украиной и Россией – к тому, чего и добивались безответственные круги в правящей американской элите.

Под давлением США в западных СМИ события в Украине подверглись извращенному толкованию или замалчиванию. Киевский режим стал изображаться как демократический, выступающий за подлинные национальные интересы Украины. На экранах телевизоров жителям западных стран не показывали ужасающих картин убийства мирных жителей, в том числе детей, военными формированиями киевского режима. А если иногда это и случалось, то дело представлялось так, будто Киев ведет борьбу с террористами и сепаратистами, работающими на Россию. За четыре с небольшим месяца существования хунты, с 21 февраля до июля 2014 г., были убиты сотни мирных жителей Украины, около половины миллиона покинули страну, спасаясь бегством в Россию от жестоких бомбежек и обстрелов.

Боевые действия против мирного населения ЛНР и ДНР преследовали, кроме утверждения господства киевской хунты, важную для США цель – спровоцировать руковод-

ство России на ввод своих войск в Украину для защиты мирного населения. Ведь президент Путин был уполномочен на это указом Совета Федерации, принятым 1 марта 2014 г. Его выполнение послужило бы поводом для НАТО вмешаться в конфликт. В таком случае возникла бы война, охватившая всю Европу. В Кремле разгадали этот злодейский замысел США и воздержались от военного вмешательства в украинские дела. Это было разумное и ответственное решение, хотя его было тяжело принимать, оставляя граждан Юго-Востока Украины без помощи от бесчеловечных военных действий киевской хунты.

Перед общественностью Запада в совершенно ложном свете был представлен выход Крыма из состава Украины и его воссоединение с Россией. Пользуясь незнанием истории Крыма, весьма распространенным среди обывателей западных стран, им внушалось, будто полуостров испокон веков принадлежал Украине, а вот Россия, воспользовавшись украинской смутой, оккупировала его, подтвердив тем самым приверженность своей старой экспансивной империалистической политике. Эта ложь нужна была Вашингтону, чтобы во второй раз после инспирированной им войны в Южной Осетии в 2008 г. усилить «образ врага» в лице России. Перед российским руководством тогда возникла сложная дилемма: пойти навстречу жителям Крыма, 96 % которых проголосовало на референдуме за воссоединение с Россией, или не дать США возможности развязать информационную войну против России, оставив Крым в составе майдановской Украины. В Кремле выбрали правильное решение. Главное – была исполнена воля крымского народа и он вернулся в лоно своей исторической Родины. Во-вторых, киевская хунта была лишена возможности предоставить США право разместить свои военные базы в Крыму, что создало бы серьезнейшую угрозу безопасности России и ее позициям на Черном море. Но пришлось смириться и с издержками этого решения: США не преминули воспользоваться казусом Крыма для развязывания небывалой по интенсивности и широте информацион-

ной войны против России, изображенной как «агрессивная держава», вопреки международному праву оккупировавшая Крым. В эту войну были втянуты страны НАТО и ЕС. Обама в своем программном выступлении перед слушателями военной академии Уэст Пойнта в мае 2014 г. похвастался, что Россия после оккупации Крыма была успешно изолирована в международном сообществе. Частью этой информационной войны стали санкции США и ЕС против России. Их экономическая эффективность была невелика. Они предназначались для другого – оказать психологическое воздействие на общественность США и Европы, внушить ей, что санкции – это способ наказания России за ее вмешательство во внутренние дела Украины и ее политическую и экономическую дестабилизацию. То, что на самом деле сотворили США, было цинично и лживо приписано России.

Для легализации майдановского режима на Украине 25 мая были проведены президентские выборы. Впервые за новейшую историю Европы к государственной власти был приведен крупный олигарх – Петр Порошенко. За него было подано 54 % голосов избирателей. Но при этом не общалось, сколько же миллионов человек входило в эти 54 %. Большинство жителей Юго-Востока Украины не голосовало за него. Да и в других украинских регионах многие жители поступили так же. Поэтому Порошенко не получил большинства украинского народа, и его легитимность как президента стоит под вопросом. В ходе избирательной кампании и после нее он выступал за заключение договора по безопасности с США и призывал гарантировать их военную помощь Украине, если она потребуется. Вся его деятельность на посту президента свелась к продолжению политического курса майдановской хунты. Это и ориентация на сотрудничество с ЕС и НАТО, и враждебность к России, и создание всевозможных трудностей в отношениях с ней, и жестокая война против населения Юго-Восточной Украины, и ставка на крайний национализм, и непонимание, в чем заключаются подлинные национальные интересы украинского на-

рода и как им надо служить. 27 июня Порошенко подписал договор об ассоциации с ЕС. Он отнюдь не соответствует интересам развития экономики Украины. В перспективе наносит ей серьезный ущерб. В год она будет терять от 30 до 40 млрд долларов в результате разрыва экономических отношений с Россией. Зато ей уготована сомнительная участь быть повернутой на Запад.

Все это очень хорошо вписалось в украинский и тесно увязанный с ним русский сценарий политики США. Вашингтон добился своего. В Киеве власть захватил проамериканский, антироссийский режим. В результате в Европе возобновилось состояние холодной войны. Поможет ли она США удержать свою гегемонию над европейскими странами? Немецкий профессор Бернхард Роде в своем фундаментальном труде «Евразийская шахматная доска. Новая холодная война Америки против России», насчитывающем более 1200 страниц, дает на этот вопрос такой ответ: «Всякое стремление к господству таит в себе зародыш своей собственной гибели»¹. Эта участь ожидает и правящую элиту США, страдающую синдромом господства.

5. В геополитическом треугольнике США–Россия–Китай²

Этапы американской политики в отношении Советского Союза, а после его распада – России, воплотились в целом ряде доктрин. В период холодной войны их очередность выглядела так: «сдерживание», «отбрасывание», «гибкое реагирование», «мирное проникновение». Все они переплетались со «стратегией непрямого воздействия», разра-

¹ *Bernhard Rode* «Das eurasische Schachbrett. Amerikas neuer Krieg gegen Rußland». Tübingen, 2014, S.1116.

² Идеи этого раздела нашли отражение в моей статье, опубликованной в «Экономической и философской газете», № 47(835), ноябрь 2010 г.

ботанной английским военным теоретиком и историком Лидделом Гартм. Она делала ставку на ослабление противника и на достижение победы над ним с использованием невоенных подрывных средств (экономических, финансовых, пропагандистских, психологических, агентурно-подрывных) и без занятия его территории.

В ракетно-ядерный век, когда использование военной силы стало совершенно нерациональным средством достижения политических целей, эта стратегия оказалась наиболее эффективной в борьбе против Советского Союза. После развала Советского Союза правящая элита США провозгласила доктрину «нового сдерживания» России. Для ее принятия не было никаких оснований. Ведь Россия, в отличие от Советского Союза с его политикой коммунистического господства, никому не угрожала. Причины для ее «сдерживания» отсутствовали. Суть новой доктрины сводилась к тому, чтобы максимально ослабить Россию, подорвать ее государственность и экономику, военный потенциал, науку, жизненный уровень граждан, дезорганизовать в нравственном, духовном и психологическом отношении ее общество, превратить ее в слаборазвитую страну.

В конечном счете задача состояла в том, чтобы навсегда лишить Россию статуса великой державы и вывести из ряда тех стран, которые могут чинить препятствия созданию американской мировой империи. «Новое сдерживание» означало фактически переход от холодной войны против Советского Союза к «невидимой войне» против России.

Решающую роль здесь снова стали играть невоенные средства борьбы, подрывные действия с использованием проамериканского лобби, захватившего власть в стране. Эта политика снова увенчалась большим успехом. То, о чем мечтали стратеги американской политики, свершилось: за 10 лет произошел обвал России буквально во всех жизненных сферах.

Казалось, на этом правящая элита США могла бы успокоиться. Но в последние 5 лет на горизонте для нее возникли

новые вызовы и проблемы, для решения которых потребовалась существенная переоценка внешнеполитических задач. Это было связано с тем, что в расстановке и соотношении сил на международной арене произошли крупные сдвиги. Прежде всего прорыв в число лидирующих держав планеты совершил Китай. Он вышел уже на первое место в мире по промышленному производству и предстал перед Вашингтоном как главная потенциальная угроза американским политическим и экономическим позициям в мире. А эти позиции оказались и без того сильно ослабленными в результате «имперского перенапряжения» и глубокого кризиса, потрясшего экономику США.

На горизонте замаячил надвигающийся закат американского глобального господства. США уже не в состоянии решать в одиночку многие задачи сохранения, а тем более укрепления и расширения американской империи.

Для покорения Афганистана, например, они были вынуждены привлечь войска стран НАТО, но и это не помогло. Ныне американская правящая элита занята поисками путей выхода из этой позорной войны без потери лица. И в Ираке у американских оккупационных войск горит почва под ногами.

В сложившейся ситуации американские политики стали искать противовесы китайскому влиянию и возможности снижения материальных и моральных издержек, связанных с мировой экспансией США. Взоры невольно обратились к России. Не потому ли появилась концепция «перезагрузки» американских отношений с ней? Влиятельная часть политического истеблишмента США поняла, что «разрушение Карфагена» – России уже осуществлено в необходимых масштабах, и теперь надо позаботиться о том, чтобы использовать ее для решения новых внешнеполитических задач. Цель «держать Россию вне Европы» отступила на задний план перед замыслом вовлечения ее в той или иной форме в евроатлантическое сообщество. Это сулило крупные выгоды для США: ведь удалось же превратить страны

НАТО в американских сателлитов и вынудить их направить свои войска в Афганистан и Ирак. Смехотворными выглядят оправдания бывшего министра обороны ФРГ Юнга, что Германия «защищает свои национальные интересы на Гиндукуше». Нечто подобное политические стратеги США хотели бы услышать и от российских политиков.

Так, в повестку дня американской политики выдвинулся вопрос о новом курсе в отношении России. Его можно было бы назвать «доктриной вовлечения». Помимо решения задач глобального господства, он мог бы позволить США еще более усилить влияние на внутреннюю жизнь России и открыть доступ к использованию ее природных ресурсов, к приобретению стратегически важных российских предприятий и даже к созданию американских баз на российской территории.

Нынешняя глобальная ситуация несколько напоминает ту, которая сложилась накануне окончания Второй мировой войны. Тогда в предвкушении победы в США и Англии были разработаны планы долгосрочных мероприятий, направленных на тотальный подрыв великодержавной мощи Германии. Достаточно вспомнить «план Моргентау», предусматривавший ее аграризацию. Дело дошло тогда даже до выдвижения безумного проекта поголовной стерилизации немцев, чтобы немецкий народ вообще исчез с карты Европы.

Но с началом холодной войны с Советским Союзом политические стратеги США резко повернули руль их германской политики. Западная Германия превратилась для них в главное европейское звено в противостоянии росту советского влияния в мире. Они стали возрождать германский военный и экономический потенциал, сопровождая это мерами по «перевоспитанию» немцев («Policy of Reeducation») в духе американских ценностей, преклонения перед США, по созданию своего разветвленного лобби в правящих кругах Германии.

Известный политический и экономический деятель ФРГ Тило Саррацин в своей нашумевшей книге «Самоликвидация

ция Германии. Как мы проигрываем свою страну»¹ писал, что немецкое «экономическое чудо» 50-х годов стало возможным благодаря вспыхнувшему конфликту «Восток – Запад», когда побежденная Германия вдруг превратилась для США в желанного партнера, на которого нужно опереться. Но с падением Советского Союза Вашингтон утратил интерес к этой роли Германии. Саррацин констатирует, что «золотой век» Германии, начавшийся в 50-х годах, ныне близится к концу, и в будущем, если нынешняя немецкая правящая элита не изменит своей пагубной для немецкого народа демографической, социальной и особенно миграционной политики, если она не будет заботиться о процветании науки и образования, немецкую нацию ожидает полный распад. К концу столетия она будет насчитывать всего 25 млн жителей и превратится в национальное меньшинство в Германии по сравнению с турками, арабами и другими мигрантами. Основную угрозу существованию немецкой нации, по мнению Саррацина, несет «умерщвление ее интеллектуального потенциала».

Своей книге Саррацин предпослал в качестве эпиграфа слова Фердинанда Лассаля: «Для всякого политического недомыслия свойственны утаивание правды и искажение того, что существует в действительности». Эту сентенцию он отнес к правящим кругам Германии, которые под прикрытием пресловутой политкорректности табуизируют правду о политике, ведущей к разрушению немецкой нации. Все, кто открыто говорят об этом и выступают патриотами своей страны, подвергаются всяческому гонениям, тяжело отражающимся на их положении в обществе. Вполне понятно, что такая политика навязывается американской господствующей закулисой. Она делает все для разрушения титульной, государствообразующей нации Германии, составляющей

¹ *Sarrazin Thilo. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlagsanstalt. München 2010.* Моя рецензия на эту книгу – «Против разрушения государствообразующей нации» опубликована в журнале «Российская Федерация сегодня», № 4, февраль 2011 г.

основу ее существования и благополучия. Идеи Саррацина нашли поддержку у 95 % опрошенных немцев. Его книга превратилась в небывалый бестселлер и была невероятно быстро раскуплена. Под воздействием общественного мнения канцлер А. Меркель, крайне отрицательно отзывавшаяся вначале о книге Саррацина, вынуждена была потом признать, что создание в Германии мультикультурного общества потерпело провал.

Американская политика «держать немцев в узде» («to keep Germans down») прошла любопытный исторический цикл: разрушение – восстановление – сдерживание. Не называя по понятным причинам инициаторов этой политики, Саррацин резко выступил против них. По этому поводу в Германии получила распространение шутка: «Наконец-то нашелся хоть один немец, который заступился за немецкий народ, и тот оказался сарацином» (так называли в средние века арабов).

То, о чем написал Саррацин, очень напоминает развитие России на протяжении последних 20 лет. Ее государствообразующая нация – русский народ – тоже, в отличие от советских времен, подвержена глубокой деградации, что в перспективе может привести к утрате Россией ее суверенитета.

Всякие исторические параллели, конечно, условны, но в них есть и рациональное зерно. Признаки смягчения американской политики в отношении России («Policy of soft Power»), рассчитанной на ее вовлечение в евроатлантическое сообщество, налицо. Ее прежний принцип – «держать Россию вне Европы» – может быть пересмотрен. В своей последней книге «Стратегическое видение» Збигнев Бжезинский изменил свою враждебную в отношении России позицию и признал необходимость интеграции ее в западные политические и экономические структуры¹. Даже появились планы включения России в НАТО. Ей предлагается примкнуть и к европейской системе ПРО, хотя большего абсурда

¹ Brzezinski Z. Strategic Vision. Washington, 2012.

невозможно себе представить, ибо эта система направлена исключительно против России.

Очевидно, в русле новой американской «доктрины вовлечения» 18–19 октября 2010 г. в Довиле, в Нормандии, была проведена встреча «европейской тройки» – Н. Саркози и А. Меркель с Д. Медведевым для «углубленного обмена мнениями по партнерству во всех областях и по общим вызовам в сфере безопасности», как указывалось в официальном коммюнике ЕС. Предыдущий саммит глав Франции, Германии и России, проведенный по инициативе Г. Шредера в Калининграде в 2003 г. в связи с агрессией США против Ирака, вызвал, как известно, большое раздражение и негодование Вашингтона. Г. Шредер поплатился за свою инициативу и за благорасположение к России дискредитирующими его нападкамии в западных СМИ. Но на этот раз американцы, похоже, сами инициировали встречу в Довиле: ведь А. Меркель ничего без благословения из-за океана не делает. То же можно сказать и о Н. Саркози.

Для России в принципе жизненно важно сотрудничество со странами евроатлантического региона. Против этого длительное время выступали Соединенные Штаты. Теперь, кажется, они меняют свою позицию, но рассчитывают, что вовлечение России в евроатлантическое сообщество позволит США использовать ее в интересах своей конфронтационной глобальной политики – например, в Афганистане или против Ирана, не говоря о Китае. Россия не может допустить этого: она является евроазиатской страной, и для нее жизненным интересом выступает и сотрудничество с Китаем, Японией и другими азиатскими странами. Для нее неприемлема новая конфигурация в глобальной конфронтации и тем более участие в ней. Евроатлантическое сотрудничество должно служить мирным целям развития, взаимодействию в политической, экономической, научной и культурной сферах.

Чтобы добиться этого, нужны новые подходы к оценке современной ситуации. Прежде всего: Европе сейчас никто не угрожает. Поэтому нет больше никакого оправдания для

существования НАТО – военного союза холодной войны, служащего ныне интересам поддержания американского господства на Европейском континенте и в других регионах мира. Он должен быть преобразован в политическую Организацию общеевропейской безопасности и сотрудничества, заменив собой ОБСЕ, созданную в период холодной войны.

Давно пора вывести из Германии 40 000 американских и 20 000 английских солдат с атомным оружием. Время оккупационных войск прошло. Европе нужен небольшой контингент войск быстрого реагирования под общеевропейским командованием для использования в чрезвычайных ситуациях, в т. ч. при стихийных бедствиях. Таковы, на мой взгляд, некоторые необходимые предпосылки для сотрудничества России в рамках евроатлантического сообщества.

Европейцам пора взять в свои руки дело возрождения Европы на принципах Парижской хартии, чтобы воплотились в жизнь «великие надежды и ожидания народов».

6. Какая «перезагрузка» американо-российских отношений нужна России¹

С приходом к власти Барака Обамы сказано очень много о «перезагрузке» отношений между США и Россией. В том числе и в нашей прессе, хотя сам термин «перезагрузка» пущен в ход новой американской администрацией. Для этого были веские причины. При Буше-младшем российско-американские отношения достигли такой высокой степени напряженности, что стали напоминать времена холодной войны. Правящие круги США поняли, что зашли слишком далеко в своей антироссийской политике. На фоне небывало низкого падения имиджа США в мире в связи с их по-

¹ Моя статья в журнале «Российская Федерация сегодня», № 18, сентябрь 2009, в газете «ВПК – Военно-промышленный курьер», 20.09. 2009 и в «Литературной газете», 20.09.2009 («Недогрузили»).

литикой господства, да и к тому же «имперского перенапряжения сил», это представлялось весьма контрпродуктивным с точки зрения американских интересов. Следует к этому добавить, что системный кризис капитализма, падение доллара как резервной валюты поставили под вопрос американское господство в мире. Все это не могло не отразиться на политике США в отношении России. Зачем же так сильно налегать на Москву? Не лучше ли сменить тактику и методы антироссийской политики? Не лучше ли попробовать привязать Россию к американской колеснице «косвенными средствами»? Эта задача и была возложена на Барака Обаму с его обаятельной улыбкой и сладкими речами.

Но заявленную «перезагрузку» вряд ли удастся осуществить. Для этого нужна серьезная переоценка «ценностей» и целей американской политики. Прежде всего ей надо освободиться от синдрома господства над народами. Для этого новая американская администрация должна недвусмысленно отмежеваться от «Проекта нового американского века», ставшего внешнеполитической программой администрации Буша. Антироссийская направленность тоже являлась неотъемлемой частью этого «проекта». Но, судя по всему, администрация Б. Обамы не собирается отказываться от него. Новый госсекретарь Хиллари Клинтон в своей речи 15 июля 2009 г. (то есть уже после визита американского президента в Москву) подчеркнула, что США сохраняют приверженность концепции абсолютного мирового лидера. Во все времена политика господства, камуфлируемая ныне под лидерство, была самым деструктивным и опасным фактором международных отношений и служила главным источником войн. Гегемонизм США при Буше-младшем нес всему миру нестабильность и конфликты. Характерными чертами этого курса выступали безнравственность, аморальность, циничная ложь. Он был направлен на разрушение суверенитета стран и их государствообразующих наций, которые якобы должны уступить место «мультикультурному обществу» по типу

американского, то есть национальные государства были объявлены как отжившие свой век.

Очевидно, что США перестанут быть «возмутителем спокойствия» в мире, только прекратив выступать в качестве мессианской державы, возомнившей, что она призвана поучать другие народы, как им нужно жить. Контрпродуктивно нести повсюду – даже с помощью военной силы – западные «ценности» демократии и свободы личности, «американский образ жизни». Не лучше ли придерживаться известного принципа «жить и давать жить другим»?

Несравненно более важное значение, чем свободы и права личности, для международного сообщества имеют принципы морали и нравственности. Без них не может быть подлинной свободы и прав человека, так же как и честной политики, свободной от лжи и провокаций, которые стали нормой поведения США на международной арене. Но именно об этом американские администрации постоянно и упорно молчат, как будто это их не касается.

В качестве одного из позитивных шагов Америка могла бы перестать раскручивать маховик гонки вооружений. Как известно, применение американцами атомного оружия против Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года положило начало гонке вооружений, особенно ядерных. Ныне она ведется в разных сферах и приняла опасный характер. На долю США приходится более половины мировых военных расходов. Они стали «мировой кузницей» новых смертоносных видов оружия. Их военные базы находятся в 130 странах. При этом никакой угрозы для национальной безопасности США ныне не существует! Так зачем же это сверхвооружение? Ответ один: оно нужно правящему американскому классу для утверждения господства в мире.

Барак Обама выступил с инициативой ядерного разоружения и заключения с Россией нового Договора СНВ. Это можно только приветствовать. Данный вопрос был особенно актуальным в условиях биполярного мира. Он не потерял своей актуальности и ныне. Нужно сделать все

необходимое против расползания ядерного оружия по свету и для разоружения ядерных стран. Однако не менее важное значение для международной безопасности имеет сокращение обычных видов вооруженных сил и радикальное ограничение расходов на военные цели. Согласие США на радикальное сокращение военных расходов и обычных видов вооруженных сил, на отвод сил НАТО от границ России было бы реальным подтверждением политики «перезагрузки».

Если американское руководство хочет новых отношений с Россией, оно должно отказаться от создания системы противоракетной обороны в странах Восточной Европы. Россия никогда не смирится с данной угрозой для ее национальных интересов. В этом кроется большая опасность для всей Европы.

Россия жизненно заинтересована и в том, чтобы Вашингтон прекратил подрывную антироссийскую деятельность, политику ее окружения и подрыва ее позиций на постсоветском пространстве, чтобы он не инспирировал и не финансировал «цветные революции» в бывших советских республиках с целью установления в них враждебных России и послушных США режимов, чтобы он отказался от планов втягивания Украины и Грузии в НАТО, от поощрения конфликтных ситуаций между Россией и соседними с ней странами.

Представляется, что и сегодня для США важно вбить клин в отношения между Россией и странами ЕС и НАТО, представить Кремль силой, только и думающей о том, как бы насолить Западу. На обывателей эти американские акции производят сильное впечатление. Им невдомек, что Россия, например, не может сама рубить нефтегазовый сук, на которой она была давно посажена, что она жизненно заинтересована в бесперебойных поставках газа и нефти в Европу, составляющих 70 процентов ее экспортных доходов.

О доброй воле американской стороны свидетельствовало бы и прекращение информационно-пропагандистской войны против России, когда ее в глазах западной обще-

ственности представляют как «неисправимую империалистическую державу», как старую-новую «угрозу с Востока». Это не что иное, как сваливание вины с больной головы на здоровую.

Президент Медведев выступил с инициативой создания новой системы общеевропейской безопасности. Это предполагает упразднение блоковой структуры международных отношений в Европе. В первую очередь это касается блока НАТО, пережитка холодной войны. Казалось бы, с ее окончанием, а тем более с распадом Советского Союза и роспуском Организации Варшавского договора этот военный блок утратил свое право на существование. Ведь Европе больше никто не угрожает.

Так почему же США так упорно стараются сохранить, укрепить и расширить Североатлантический альянс? Почему на территории Германии остается крупная группировка американских и английских войск с атомным оружием? Представляется, что для США это связано с решением трех главных задач: а) опираться на НАТО и впредь как на главный инструмент господства США в Европе, а тем самым «держать немцев в узде»; б) проводить «глобализацию» НАТО в целях использования войск стран, входящих в этот блок, не только на европейском континенте, но и в других, отдаленных регионах мира в геополитических и экономических интересах правящей верхушки США (например, в Афганистане); в) в случае чрезвычайной ситуации в России, которая может возникнуть в результате социального взрыва под влиянием углубления кризиса российской экономики и связанного с этим недовольства населения, США не преминут ввести войска НАТО на российскую территорию под предлогом «спасения демократии», политических и социально-экономических устоев, утвердившихся в нашей стране в начале 1990-х годов. Этому может предшествовать призыв о помощи от представителей обанкротившегося российского неолиберализма. Такое развитие событий позволило бы США покончить с суверенитетом России, наложить лапу на

ее природные ресурсы и вытеснить на обочину мирового развития. По сути, это является долгосрочной целью антироссийской политики США. Если до сего времени ее реализацией занимались секретные службы, то в случае часа «X» этим займутся вооруженные силы НАТО. В этом главный смысл существования Североатлантического блока. Для общественности Запада вторжение его войск в Россию не было бы чем-то неожиданным и неприемлемым. Западные СМИ, контролируемые США, изрядно постарались, чтобы изо дня в день создавать из России образ страны, которую нужно бояться, ненавидеть или презирать.

Все это говорит о том, что европейская безопасность пока покоится на шатких основаниях, и инициатива президента Медведева требует серьезного к себе отношения. Почему бы не дать европейскому сообществу возможности вернуться к принципам Парижской хартии, принятой и подписанной всеми европейскими странами, США и Канадой 21 ноября 1990 года, после объединения Германии? Она подвела черту под холодной войной и правильно указала путь, по которому должна далее двигаться Европа. Это и отход от конфронтации, и преодоление раскола континента, это и устранение блоковой структуры международных отношений, и создание равной и одинаковой безопасности для всех стран, и сокращение до минимума военных расходов и вооружений, это и обязательство, что из Европы никогда больше не будет исходить угроза войны, это и гарантия, что как внутренняя, так и внешняя политика европейских стран будет основываться на принципах демократии, это и развитие общеевропейского сотрудничества. США не должны мешать возрождению Парижской хартии и реализации ее принципов в новой системе европейской безопасности.

Вот вкратце то, что на самом деле требуется для «перезагрузки» российско-американских отношений и вывода их на ясную дорогу взаимного уважения и доверия, плодотворного сотрудничества, служения миру и общему благу. Кстати, компьютерный термин «перезагрузка» выбран не-

удачно. На компьютере «перезагрузка» не меняет установленную на нем программу. Можно ли надеяться, что это не относится к политике новой администрации США?

7. Провалилась ли политика Запада в отношении России?

Фонд им. Ганса Зайделя – бывшего министра-президента Баварии – провел с 8 по 19 октября 2005 г. совместно с мюнхенской Академией политики и современного развития «заседание экспертов» в г. Вильдбад-Кройт для обсуждения темы «Провалилась ли концепция политики Запада в отношении России?» (Ist das Russland-Konzept des Westens gescheitert?). Заседание проходило под председательством д-ра Ганса-Георга Вика – видного политического деятеля ФРГ, бывшего германского посла в России, затем главы BND – службы разведки и контрразведки ФРГ, руководителя Консультативной группы ОБСЕ в Минске. Организаторы заседания собрали узкий круг участников в количестве 37 человек. Немецкую сторону представляли ответственные сотрудники министерства иностранных дел, министерства обороны, министерства экономики, руководящие работники средств массовой информации.

От России участвовать в заседании в качестве докладчиков были приглашены профессор Академии государственной службы Андрей Мацнев, бывший председатель Союза российских немцев Гуго Вормсбехер, а от Института международных экономических и политических исследований РАН эта миссия выпала на мою долю. Основная идея моего доклада, прочитанного на немецком языке, состояла в том, что политика США и ведомых ими стран НАТО сыграла важную роль не только в развале Советского Союза, но и в последовавшем после этого разрушении России изнутри с помощью проамериканского лобби. Доклад вызвал оживленную дискуссию. Г-н Вик не согласился с моей оценкой роли США

в подрыве могущества России и в низведении ее в разряд стран с разрушенной экономикой, наукой, культурой и нравственностью, с обнищавшим населением. Он заявил, что в этом виноват только Ельцин и его окружение. Австрийская газета «Die Presse» опубликовала тогда краткое изложение моего доклада и материал о ходе дискуссии в статье, озаглавленной «Тихое завоевание России»¹. Информация о заседании была размещена и в Интернете. На ее основе российская газета «Трибуна» напечатала 25 ноября 2005 г. статью «Как нам отвоевать Россию у Америки?». Ниже следует мой доклад на конференции в русском переводе².

«Мне кажется, что такая постановка вопроса не вполне корректна. Ибо в настоящее время нет общей российской политики Запада. В ней действуют многие актеры – США, НАТО, ЕС, отдельные европейские страны, особенно Германия, Франция, Англия и Италия. Этим отдельным субъектам глобальной и региональной политики свойственны специфические цели и черты в их отношении к России. Следовательно, к каждому из них надо подходить отдельно, если мы хотим объективно проанализировать их российскую политику. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что США определяют внешнеполитический курс западноевропейских стран и оказывают на него решающее влияние.

Нынешняя американская политика в отношении России имеет свои исторические корни. С 1917 г. обе страны стали принадлежать к разным социально-политическим и экономическим системам. Быть может, это прозвучит необычно, если я скажу, что истоки холодной войны между ними относятся к установлению советской власти в России. Но в полную силу эта война развернулась после окончания Второй мировой войны, когда Сталин, грубо нарушив баланс сил в Европе посредством насильственной советизации цен-

¹ Die Presse, 01.11.2005.

² Доклад был опубликован с моим Послесловием в журнале «Социально-гуманитарные знания», № 6, 2011 г.

трально- и восточноевропейских стран, развязал глобальную конфронтацию со всеми западными державами во главе с США. Это было совершенно ложным решением, которое противоречило национальным интересам Советского Союза и ввергло международное сообщество с 1950-х годов в состояние постоянного предвоенного кризиса, который не перерос в “горячую войну” лишь благодаря установившемуся равновесию “ядерного страха”.

Уже к концу Второй мировой войны США начали политику сдерживания в связи с угрозой коммунистического мессианского экспансионизма. Западноевропейские страны, чьи национальные интересы были поставлены под угрозу наступательными действиями советской державы в Европе, уцепились за американскую политику как за спасительный якорь. Так она превратилась в общий курс Запада до поворота в европейском развитии, вызванного падением Советского Союза. Общая западная политика сдерживания спасла свободу и суверенитет стран Западной Европы от сталинской политики господства. Но наряду с этим она позволила США установить свой контроль над странами Западной Европы, в первую очередь, над Германией.

В долгосрочной перспективе Советский Союз не мог выдержать имперского перенапряжения и борьбы с мировой коалицией, намного превосходившей его по мощи. Это уже в 1970-е годы дошло до сознания тех в Советском Союзе, кто руководствовался не идеологическими догмами и имперскими устремлениями, а пониманием того, с какими угрозами для национальных интересов страны связано насильственное распространение коммунистических ценностей и расширение коммунистической империи.

В 1980-е годы для советской политики стало жизненно важным найти пути, которые позволили бы прекратить обременительную и ненужную конфронтацию с Западом и провести реформирование советской системы. Прекращение советского господства над Центральной и Восточной Европой было, пожалуй, одним из важнейших переломных

моментов в европейском развитии XX века. Оно создало условия для окончания холодной войны. Исчезновение “угрозы с Востока” предопределило и последующие изменения в характере отношений между США и странами Европы.

После окончания холодной войны Европе представился уникальный шанс построить на Европейском континенте качественно новый мирный порядок. Контуры этого порядка были установлены в Парижской хартии, подписанной в ноябре 1990 г. всеми европейскими странами, США и Канадой. Она была по своей сути генеральным мирным соглашением, которое подвело черту под холодной войной, и историческим консенсусом, соответствовавшим национальным интересам всех европейских стран. Эта Хартия, несомненно, носит обязывающий международно-правовой характер и обладает международно-правовой легитимностью. Она торжественно провозгласила: “Мы, главы государств и правительств стран – участниц Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, собрались в Париже во время глубоких перемен и исторических ожиданий. Эра конфронтации и раскола в Европе закончилась. Мы объявляем, что наши отношения в будущем будут основываться на уважении и сотрудничестве. Европа освобождается от прошлого. Благодаря мужеству мужчин и женщин, воле народов и силе идей Заключительного акта Хельсинки в Европе наступает новая эра демократии, мира и единства... Настало время, когда веками лелеемые надежды и ожидания наших народов становятся явью. Это непоколебимая приверженность демократии, основанной на правах и основных свободах человека, благосостояние, достигаемое посредством экономической свободы и социальной справедливости, и равная безопасность для всех наших народов”.

В Хартии были сформулированы превосходные принципы и нормы международного сотрудничества: “безопасность неделима”, “взаимное укрепление доверия и безопасности”, “содействие контролю над вооружениями и разоружение”, “мы хотим Европу, от которой исходит мир”, “никто не сто-

ит над законом”, “укрепление роли ОБСЕ и неукоснительное соблюдение ее 10 принципов” и т. д. Но развитие Европы пошло по совершенно другому сценарию. Слишком сильной оказались инерция и устойчивость конфронтационного мышления на Западе. Слишком сильной оказалась и политическая роль носителей этого мышления в Западной Европе. Сильной была и привязка политики западноевропейских стран к США, интересы которых совершенно расходились с принципами Парижской хартии. Можно с полным основанием сказать, что спасительные принципы Парижской хартии разбились о политику глобального господства США.

Падение Советского Союза правящие американские элиты восприняли как неповторимый шанс распространить свое господство на весь мир и создать однополярный мировой порядок. После 1991 г. они рассматривали Россию – как и Германию после 1945 г. – как побежденную страну и соответственно обращались с ней. Конечная цель их политики в отношении России, как наследницы великой державы – Советского Союза, состояла в том, чтобы решающим образом ослабить ее, поставить под контроль с помощью внутренних сил и устранить как глобального актера и политического и военного противовеса США. Эти намерения нашли отражение в доктрине “нового сдерживания” России (“The New Containment Policy”), разработанной администрацией Клинтона. С начала 1990-х годов она стала последовательно проводиться в жизнь с использованием новой российской элиты, группировавшейся вокруг Ельцина. Эта “стратегия непрямого действия” (Лиддел Гарт) оказалась намного эффективнее в сравнении с классической войной. При Клинтоне США начали необъявленную войну против России без применения силы и без занятия территории.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что известный тезис Клаузевица, согласно которому война есть продолжение политики другими, т. е. военными средствами, нуждается в новом толковании. В ракетно-ядерный век этот тезис потерял свое значение. Для подчинения таких

держав, как Россия, политической воле США и их интересам было успешно применено “тихое завоевание изнутри” невоенными средствами.

Иногда можно услышать: ах, изображать таким образом американскую политику – это не что иное, как признание “теории заговора”, ничего общего не имеющей с действительностью. Но неопровержимые факты свидетельствуют: политические и экономические процессы в России в 1990-е годы направлялись в удобное для США русло “невидимой рукой”. Использовались главным образом экономические и финансовые средства, создание разветвленной сети американского лобби, подкуп, вербовка или шантаж политиков, представителей крупного бизнеса и даже сотрудников советских секретных служб и т. д.

Основные усилия политики “нового сдерживания” на первом этапе были направлены на внутреннее ослабление России. Решающее значение придавалось тому, чтобы привести к власти новые элиты, способные представлять и проводить в жизнь в России американские интересы. Удобное орудие для осуществления этих целей американцы нашли в фигуре Ельцина. Жажда власти, приверженность к пьянству, низкий образовательный и интеллектуальный уровень, безнравственность, пренебрежение к национальным интересам собственной страны и безразличие к бедственному положению собственного народа – вот, что составляло характерные черты этого человека. Для сохранения своей власти Ельцин очень сильно зависел от поддержки США. Вашингтон сполна использовал эту редкостную возможность. В узкий круг Ельцина были введены такие одиозные политические фигуры, как Березовский, Гусинский, Гайдар, Чубайс, Немцов, Черномырдин и иже с ними. Березовский считался “крестным отцом Кремля” и “серым кардиналом” тогдашнего российского правительства¹. Он

¹ Хлебников П. Крестный отец Кремля. Борис Березовский, или История разграбления России. Москва, 2001г. Автор был в 2004 г. убит наемным киллером.

даже умудрился создать свой личный отдел внутри ФСБ. Ориентированные на США, эти влиятельные представители нового политического класса России выполнили роль исполнителей импортированной из США “шоковой терапии” русской экономики и общества. С помощью этой “шоковой терапии” были созданы благоприятные условия для разграбления России и разрушения ее экономики, прежде всего стратегически важных отраслей. В качестве советников режима Ельцина, особенно в приватизационном ведомстве Чубайса, фигурировали несколько сотен американцев, среди них много сотрудников ЦРУ.

В 90-е годы американские советники способствовали тому, что государственность и экономика страны оказались на грани развала. Правительство Гайдара, обесценив более чем в сотни раз рубль и намеренно спровоцировав гиперинфляцию, создало состояние небывалой в России бедности граждан, государства, науки, образования, здравоохранения, вооруженных сил и т. д. Население потеряло более 500 млрд рублей из своих сбережений в сбербанках. Национальные богатства народа перешли за смехотворную цену – “копейка за 100 рублей”¹ – в собственность ничтожной кучки людей из окружения Ельцина, таких как Абрамович, Ходорковский, Фридман, Вексельберг, Дерипаска, Потанин и др. Так возник клан олигархов, которые, как показала жизнь, не проявляют никакого интереса к экономическому росту России и к модернизации ее экономики. Образованию среднего сословия, служащего на Западе хребтом рыночной экономики и мотором экономического прогресса, не уделялось никакого внимания. Его доля в ВВП составляет около 4 процентов, в то время как в большинстве западных стран этот показатель равен более 50 процентов. Поощрялся гигантский перелив российского капитала за рубеж, преимущественно в США (около 25 млрд долларов в месяц).

¹ Тэлботт Струоб. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. Москва, 2003. С. 36.

Бедность большинства населения оказалась самым эффективным средством подрыва российской государственности, источником всех бед России. Она привела к громадному падению и стагнации экономического развития (прежде всего из-за отсутствия платежеспособного спроса населения), к коррупции, криминальности, невиданному разложению морали, духовной деградаци, социальному отчаянию граждан, к катастрофическому падению авторитета страны в мире. Бедность способствовала проведению “политики вытеснения” из страны сотен тысяч ученых, специалистов различных областей, деятелей культуры и искусства в США и другие страны. Такую “утечку мозгов” и носителей культуры России не приходилось испытывать за всю ее историю. В целом страну покинули с 1992 г. более 5 млн граждан. Намного больше, чем в гражданскую войну 1918–1922 гг. Россия погрузилась в пропасть социал-дарвинизма. Ее политической, экономической и военной безопасности нанесен тяжелый ущерб. К сожалению, большинство западных аналитиков игнорирует эти факты. По понятным причинам они дают положительную оценку господству Ельцина и его режима. Ведь это очень нужно для США.

В качестве эффективного средства давления на Россию американская администрация рассматривает пропагандистско-психологическую кампанию вокруг свобод и прав личности. При этом в ней полностью замалчивается самое главное: что эти компоненты современной цивилизации неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью каждого человека за судьбу своего народа, за собственный вклад в материальный прогресс и в моральную чистоту общества, в котором он живет, за благополучие своей семьи, за незапятнанность своей совести.

Советское руководство стремилось распространять во всем мире коммунистические ценности. Оно верило в спасительный характер этих ценностей для человечества. Американский мессианизм, сменивший советский, преследовал иную цель – поставить пропаганду прав и свобод личности на

службу имперской политики Вашингтона. Она используется как средство подрыва суверенитета отдельных государств и установления контроля над ними. А в случае необходимости – и для прикрытия насильственного свержения легальных правительств (Югославия, Афганистан, Ирак). Подлинная демократия является продуктом длительного эволюционного развития народа. Она не может быть введена в короткое время, тем более путем применения военного насилия.

Россия не Ирак. Здесь пускаются в ход иные методы. Белый дом заинтересован в насаждении в России ничем не ограниченной свободы, чтобы создать в стране благоприятные условия для деятельности его лобби. Для этого используется давление международных организаций и мобилизация против России западноевропейского общественного мнения. Обвинение России в отсутствии демократии без учета особенностей ее исторического развития есть не что иное, как лицемерие. Кроме того, демократия не может существовать в стране, где господствует искусственно созданная бедность и нищета. Свободу нельзя есть. В России с времен Ельцина призыв к свободе и демократии служит не развитию народовластия, а прикрытием безнаказанности за криминальные дела и даже за предательство. А главное – для разграбления России.

Итоги 1990-х годов были для России крайне неблагоприятными, а для антироссийской политики США – очень удовлетворительными. То, что случилось с Россией, соответствовало целенаправленности политики “нового сдерживания” администрации Клинтона. Его последователь Буш видел свою задачу в том, чтобы использовать и умножить успехи этой политики. Он мог теперь спокойно приступить к осуществлению “Проекта нового американского века”, разработанного в 1997 г. Чейни, Рамсфельдом, Вулфовицем и др.¹ Проект предусматривал создание под американским руководством, в случае необходимости с применением силы,

¹ Project for the New American Century, Statement of Principles, Washington D. C., 03. 06. 1997.

однополярного мирового порядка, основывающегося на американских ценностях и американской военной сверхмощи.

Что касается России, то администрация Буша заинтересована в поддержке новой элиты, захватившей при Ельцине господство в стране, и в сохранении ее у власти. В Вашингтоне очень нервно реагировали на дело Ходорковского и на требования российской общественности восстановить российскую государственность и усилить вертикаль власти. Александр Рар – эксперт по России в германском Обществе внешней политики, – рассматривая результаты навязанной из США “шоковой терапии”, писал: “С другой стороны, верен аргумент, что выявившееся к концу 1990-х годов падение России в экономический и политический хаос можно было остановить только воссозданием усиленного государственного контроля над важнейшими стратегическими отраслями экономики и общественными организациями. Возникший при Ельцине картель власти олигархов препятствовал всякому прогрессу и облегчал разграбление российского экономического потенциала”¹.

Наряду с продолжением политики ослабления России изнутри во внешнеполитической области было усилено ее окружение. НАТО осуществил свой “дранг нах остен” до “левой зоны” России путем вовлечения в этот военный союз балтийских государств и Польши. Можно было ожидать, что руководство Путина столь же решительно будет реагировать на эти действия, как Кеннеди на размещение советских ракет на Кубе в 1962 г. Но этого не случилось.

Особое внимание администрация Буша уделяет в последнее время укреплению американских позиций в подбрюшье России – на Кавказе и в Средней Азии, где находятся богатые залежи нефти и стратегические трубопроводы для транспортировки энергетических ресурсов. Составными частями этой американской стратегии являются: 1) активные дей-

¹ Rahr A. Schröders Russland-Politik. Internationale Politik, 9/2004, S. 91.

ствия, направленные на вытеснение России с Кавказа, и 2) расширение стратегической дуги США от Ближнего и Среднего Востока через Иран и Афганистан до Средней Азии. Правящие элиты США вынашивают планы создания “санитарного кордона” против России, простирающегося через балтийские государства, Польшу, Белоруссию, Украину, Грузию и Азербайджан до среднеазиатских республик. С этой целью в большинстве из этих республик США организовали, профинансировали и провели “цветные революции”. Готовятся и другие “цветные революции”, в первую очередь в Белоруссии. Для проведения “оранжевой революции” на Украине были, например, обучены в США и Канаде 50 тыс. украинских активистов под патронатом госсекретаря Мадлен Олбрайт.

Бывший президент Киргизии Аскар Акаев охарактеризовал суть американской политики в пространстве СНГ так: “Цветные революции», которые были проведены в последние годы в Грузии, в Украине и Киргизии, а в одном ряду с ними стоят события в Молдавии, протекали по иностранным сценариям, на иностранные деньги и под руководством людей, прошедших специальную подготовку за рубежом. В сущности, они носят антирусский характер. Даже без лупы можно видеть, что дело идет о начавшемся процессе возведения «санитарного кордона» вокруг России на Западе и на Востоке”¹.

Давлению и экспансии США может противостоять только сильная государственная власть. Но до сего времени ее нет в России. Вашингтон и влиятельные силы в Москве делают все, чтобы воспрепятствовать укреплению российской государственности. В качестве идеологического прикрытия для этого служит совершенно фальшивый тезис, будто в интересах общества надо устранить роль государства из сферы экономического и социального развития. Мол, не человеческий разум, воплощенный в государственной политике и в деятельности общественных организаций, а стихия рынка спо-

¹ Акаев А. Об уроках мартовских событий в Киргизии. Политический класс, № 4, апрель 2005. С. 69.

собна поддерживать порядок в экономике, двигать ее вперед и гарантировать социально-экономический прогресс. До сегодняшнего времени эта идеология остается путеводной звездой в деятельности российского правительства.

На самом деле политика Ельцина, которая принесла разрушение российской экономики и бедность граждан, продолжается министрами правительства Фрадкова, такими как Кудрин, Греф, Зурабов и другие адепты американского неоллиберализма. Это делается совершенно открыто, цинично и нагло. Вот много говорящий пример. Из Стабилизационного фонда России, который был аккумулирован в течение многих лет в результате экспорта нефти и газа, российское правительство перевело в 2004–2005 гг. 100 млрд долларов в США для покупки ценных бумаг. Эти деньги надо было инвестировать в собственную экономику, в ее модернизацию, в изменение ее устаревшей структуры в пользу новых технологий, в улучшение жалкого социального положения народа. Вместо этого было осуществлено громадное вливание в американскую экономику, несмотря на бурные протесты и возмущение широкой российской общественности. Для оправдания этой правительственной акции были приведены смехотворные причины: если деньги Стабилизационного фонда будут инвестированы в российскую экономику, они исчезнут в карманах воров. Или: инвестиции в российскую экономику усилят инфляцию. Под этими совершенно несостоятельными предложениями российская экономика была лишена столь необходимых для нее инвестиций. Разве не показательно, что с 1992 г. в России не было построено ни одного крупного предприятия? Экономическую систему, созданную в России, академик Львов назвал “экономикой абсурда”¹. Ее руководители принадлежат к “семейному предприятию” Ельцина. Они и сегодня остаются на важнейших правительственных постах и усердно работают против интересов русского на-

¹ Львов Д. Экономика абсурда. Литературная газета, 3–9 августа 2005 г. С. 3.

рода. “Литературная газета” писала о тех кругах, которые делают все, чтобы сдерживать развитие России: “В России несомненно имеется влиятельное лобби, в том числе американское. Оно действует в чужих интересах и имеет сторонников в структурах власти в лице правых партий. Они существуют на деньги американских фондов, которые предназначены для представителей интеллигенции – «защитников прав» и средств массовой информации. Особенно это относится к олигархам, в первую очередь к тем из них, которые завладели мошенническим путем громадной народной собственностью и теперь опасаются, как бы в России не пришли к власти те, кто независим от «двора Ельцина» и от настроений в западных правительственных кругах”¹.

Как же можно ответить на вопрос: “Не провалилась ли политика Запада в отношении России?”. Я думаю, эта политика отнюдь не провалилась. Напротив. Она оказалась очень успешной. Цели “нового сдерживания” России (правильнее сказать “разрушения России”) были достигнуты. Это было невозможно осуществить без поддержки изнутри со стороны проамериканских кругов. Но окончательная судьба России еще отнюдь не решена. Национально ориентированная часть российской элиты поняла, откуда идет опасность. И в народе усиливаются настроения, очень неблагоприятные для Америки и ее пособников в России. Уже ставится вопрос: “Когда, наконец, начнется «политика сдерживания» американской разрушительной политики?”

В своей книге “Великодержавные устремления Москвы: горькие плоды политики мессианского гегемонизма”, изданной в Германии в конце 2002 г., я сформулировал закономерность “ответной защитной реакции”, действующей в системе международных отношений². Суть ее в том, что против

¹ Кива А. Кто на деле правит страной? Литературная газета, 10–16 августа 2005 г. С. 3.

² Daschitschew W. Moskaus Griff nach der Weltmacht. Die bitteren Früchte hegemonialer Politik. Mittler & Sohn, 2002, S. 78–95.

гегемонистской державы, пытающейся установить свое господство и поставить под свой контроль другие страны, неизбежно образуется направленная против нее коалиция или движение сопротивления. Как свидетельствует опыт XX века, единоборство между ними всегда кончается поражением державы, стремящейся к господству. Эта закономерность действует и внутри государства, в котором развивается протестное движение против чуждых народу сил, захвативших власть и осуществляющих свое господство.

Что касается США, то они уже достигли верха своего имперского перенапряжения. Тимоти Эш справедливо писал: «Америка «шатается», превратившись в «уставшего титана»». И: «Будет ли «американский век», который начался в 1945 г., длиться до 2045, 2035 или только до 2025 г.? Ясно одно – его конец уже виден на горизонте»¹. Но пока наступит этот конец, «ястребы» в Белом доме могут пойти еще на многие опасные авантюры. Если им удастся взять под полный контроль российскую политику, то тогда и Германия, и вся Европа на долгое время попадут в зависимость от США. И будет трудно освободиться от этой обременительной зависимости. Под воздействием американской гегемонистской политики в положении Германии и России возникло много общего.

Закончу свой доклад мудрыми словами бывшего канцлера Гельмута Шмидта из его книги «Державы будущего. Победители и проигравшие в завтрашнем мире»: «Для большинства континентально-европейских наций в обозримом будущем нет ни стратегических, ни моральных оснований послушно подчиниться новоявленному американскому империализму... Мы не должны превратиться в услужливо поддакивающих дегенератов»².

¹ Ash T.G. Müder Titan. Die Vereinigten Staaten Wanken. «Süddeutsche Zeitung», 30.08.2005.

² Schnidt H. Die Mächte der Zukunft. Gewinner und Verlierer in der Welt von Morgen. München, 2004, S. 238–239.

8. Украинская трагедия и новая холодная война США против России

Начало 2014 года ознаменовалось резким обострением антироссийской политики США. Главным очагом этого обострения оказалась Украина, где развернулись события, чреватые очень опасными последствиями не только для нее самой, но и для России и всей Европы. По всем признакам, в Европе возник предвоенный политический кризис. Известный американский историк и политолог профессор Нью-Йоркского и Принстонского университетов Стивен Коэн, видящий в политике Вашингтона большую угрозу для мира, в своем выступлении на ежегодном российско-американском форуме, состоявшемся в Вашингтоне 16 июня 2014 г., заявил: «Наша сегодняшняя встреча проходит в самый худший и потенциально самый опасный момент российско-американской конфронтации за многие десятилетия. Наверное, такое было только во время Карибского кризиса в 1962 году. Гражданская война на Украине, вызванная незаконной сменой власти в Киеве в феврале месяце, уже перерастает в опосредованную войну между США и Россией. То, что казалось немыслимым, становится вообразимым. Речь идет о реальной войне между НАТО во главе с США и постсоветской Россией»¹. Большую тревогу за судьбы мира выражают многие другие западные и российские ученые и политики.

Чем же можно объяснить такое развитие событий? Разве для этого были какие-нибудь объективные причины, связанные с политикой России? На мой взгляд, разгадка этого феномена кроется в следующем. Начну с предыстории вопроса. В XX веке европейские правящие элиты, запутавшись в своих великодержавных амбициях, в стремлении добиться господства над народами, навязать им свою волю, развязали две мировых «горячих» и одну холодную войну.

¹ РИА «Новости», 13.08.2014.

Эти войны обернулись поистине роковыми разрушительными последствиями для Европы. А для США они создали уникальные геополитические условия для превращения в глобальную супердержаву. Оставаясь за океаном и нажившись на вековой «европейской смуте», они с легкостью навязали Европе свою гегемонию. Об этом я написал в статье «Европа проиграла XX век Соединенным Штатам Америки» (журнал «Мир и политика. The Scientist», № 10, октябрь 2013 г.).

Надо признать, что такому возвеличиванию США во многом способствовала неразумная советская политика после Второй мировой войны. Опьяненные великой победой, Сталин и его последователи стали активно проводить мессианскую коммунистическую экспансию, не отдавая себе отчета, к каким тяжелым геополитическим последствиям это приведет собственную страну, а также международное сообщество. Почти пол-Европы оказалось тогда в советской сфере влияния. Правящие круги стран Запада узрели для себя в лице Советского Союза серьезнейшую угрозу и, чтобы противостоять ей, объединились в мировую антисоветскую коалицию во главе с Соединенными Штатами. Заокеанская держава стала военным и политическим гарантом и защитником их независимости. Это позволило ей подчинить западноевропейские страны своим интересам. Главным инструментом американского господства в Европе стал созданный в 1949 г. Североатлантический блок. Его генеральный секретарь Исмэй сформулировал тогда американскую доктрину НАТО так: «Держать американцев в Европе, держать немцев в узде, держать русских вне Европы» (to keep Americans in, to keep Germans down, to keep Russians out). В своей основе эта доктрина остается действующей до сего времени.

Для Советского Союза холодная война превратилась в непосильное бремя. Она подорвала его силы и явилась одной из причин его падения в 1991 г. После этого для США открылись уникальные возможности установления глобального господства, создания однополярного мира и «*Rex americana*» – американской империи. Наиболее яркое вы-

ражение это нашло в разработанном администрацией США так называемом Проекте нового американского века¹.

Но напрасно американские политические стратеги рассчитывали на легкое и беспрепятственное осуществление своих замыслов. В мире произошли серьезные изменения. Прежде всего, в ходе советской перестройки 1985–1990 гг. было покончено с политикой мессианской экспансии и разработаны новые миролюбивые принципы внешнеполитического курса Советского Союза. Новая обстановка в Европе характеризовалась многими неблагоприятными для США особенностями. Во-первых, для европейских стран исчезла «угроза с Востока». А с этим утратила свое значение их зависимость от помощи США. Появились признаки эрозии евроатлантического сообщества. К этому добавилось нарастающее ослабление позиций США на мировой арене из-за кризиса, охватившего капиталистическую экономику. Все более ощущалось «имперское перенапряжение» США в результате проведения политики господства. Дефицит американского государственного бюджета достиг к 2013 г. 17 триллионов долларов. К тому же, над долларом нависла серьезная и все более нарастающая угроза перестать быть основным платежным средством в мире. А это грозило концом американской глобальной гегемонии.

От внимания стратегов американской политики не укрылась неблагоприятная для США тенденция движения всего мира к крупным глобальным переменам. В западной политологии появилось много исследований, в которых даются интересные прогнозы развития глобальной расстановки сил, которая способна резко изменить роль и вес США в системе международных отношений. Обращает на себя внимание книга видного политолога полковника швейцарского генерального штаба Франца Бетшона «Евразийский

¹ *Дашичев В.* Проект нового американского века. Геополитика, № 2, 2013 г. Project for The New American Century, Statement of Principles, Washington D. C. 3. 6. 1997. <http://www.newamericancentury.org>

шахматный турнир. Кризисы, движущие силы и прогнозы». В ней дается картина того, как может выглядеть мир в будущем¹. В рецензии на книгу, опубликованной в швейцарской газете «Zeit-Fragen», так суммируются взгляды автора на будущую конфигурацию сил в мире:

- Европа и Азия срастутся в единое экономическое целое;
- В Евразии возникнет федералистская политика в сфере торговли, внешних связей и безопасности;
- Понятие «Запад» утратит свое значение: Западная Европа, Северная Америка и Израиль не будут больше представлять собой единого целого;
- Континентальная Европа станет ориентироваться на Восток. США утратят доминирующее положение и будут представлять собой интерес только с точки зрения торговли;
- ЕС и НАТО будут заменены чем-то новым.

В рецензии подчеркивается, что Бетшон отказался от принятой на Западе «травли России», по-новому оценил ее роль в международной политике, и это «открывает дорогу давно назревшему сотрудничеству европейских стран с великим соседом...»²

Конечно, вариант глобального развития, представленный Бетшоном, – дело отдаленного будущего. Но надо признать, что он правильно уловил мегатенденции становления нового мирового порядка. В его конструкции нашли отражение происходящий упадок геополитической роли США, недовольство европейцев американским господством и усилением в Европе и поиски новых ориентиров и приоритетов во внешней политике европейских стран.

И в американской политологии идет заметная переоценка геополитических ценностей. Даже такой видный

¹ *Betschon Franz*. «Das eurasische Schachturnier. Krisen, Hintergründe, Prognosen». Frankfurt/Main, 2009.

² *Salander Tobias*. Die Strategie der neuen Seidenstrasse – ein Friedensmodell für Eurasien». «Zeit-Fragen», 8. April 2013.

политический деятель США, как Патрик Бьюкенен, бывший советником президента Форда, работавший в администрации Рейгана и баллотировавшийся в президенты США на выборах в 1992, 1996 и 2000 годах, в своей книге «Самоубийство супердержавы. Переживет ли Америка 2025 год?» писал о глубоком кризисе «западных ценностей», упадке США, обреченности американской политики господства, наступлении новой глобальной эры, в которой США утратят свое влияние¹. Вот почему правящая элита США так заинтересована в новой холодной войне против России и создании международных психологических и политических условий для ее возникновения и развития.

Правящей элите США пришлось столкнуться и с еще одним тревожным вызовом, связанным с рассмотренной выше глобальной тенденцией: нарастанием в странах Европы стремлений освободиться от беззастенчивого вмешательства заокеанской державы в их внутренние дела и от навязывания им диктата. Это коснулось даже Германии. Много лет тому назад, в 1958 г., канцлер ФРГ Ганс-Георг Киссингер в своей статье в «Шпигеле» без обвиняков констатировал: «Фактически мы являемся протекторатом Соединенных Штатов»². Это подтвердил президент Обама во время своего первого визита в ФРГ. Выступая 19 июня 2009 г. перед солдатами американского гарнизона в Рамштайне, он произнес ошеломившую немцев фразу: «Германия – оккупированная страна и останется ею» (Germany is an occupied country and it will stay that way...»).

Только для правящей верхушки Германии в этом не было ничего удивительного. С момента образования ФРГ все главы германского правительства от Аденауэра до Меркель обязаны были при вступлении в должность подписать так называемый Акт канцлера (Kanzlerakte). Этого требовал

¹ *Buchanan P.* «Suicide of a Superpower. Will America survive 2025?», NY. 2011. См. также: *Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада. СПб.: изд-во «АСТ», 2003.

² *Der Spiegel*, 21.05.1958.

секретный протокол, навязанный западными союзниками немецкой стороне 8 мая 1949 г. и ставший негласным дополнением к основному закону ФРГ, принятому позже, 29 мая 1949 г. Протокол устанавливал контроль западных союзников, а фактически – США, за деятельностью правительства, СМИ, за развитием культуры, науки и воспитания в ФРГ. Кроме того, золотой запас Германии, захваченный после войны, был передан в распоряжение Соединенных Штатов и до сего времени находится там.

Бывший глава военной контрразведки ФРГ генерал Комосса писал об «Акте канцлера» в своей книге «Немецкая карта – скрытая игра секретных служб», что «в этом акте были установлены основные ограничения победителей для суверенитета Федеративной республики до 2099 года, о чем сегодня никто не должен знать. В соответствии с этим были зафиксированы «Ограничения, налагаемые союзными державами на прессу и радио до 2099 года». К тому же было установлено, что каждый канцлер Германии по указанию союзников до совершения обряда присяги должен подписать так называемый Акт канцлера¹. Это подтвердил и видный политик ФРГ Эгон Бар в своей статье «Три письма и государственная тайна»². Фактически «Акт канцлера» подчинил ФРГ интересам глобальной политики США.

Вполне понятно, что это не могло не вызвать протеста и сопротивления со стороны тех политических, экономических, военных и научных кругов ФРГ, которые не могут смириться с вассальной ролью, отведенной американцами их стране, и сознают, к каким опасным последствиям для мира в Европе может привести американская политика го-

¹ *Gerd-Helmut Komossa*. «Die deutsche Karte: Das versteckte Spiel der geheimen Dienste. Ein Amtschef des MAD berichtet», Graz, Ares Verlag, 2007, S. 21. Русское издание: *Комосса Г.-Х.* Немецкая карта. Тайная игра секретных служб. Бывший глава Службы военной контрразведки рассказывает...». М.: Фолио, 2009. С. 28.

² *Egon Bahr*. «Drei Briefe und ein Staatsgeheimnis». Zeit.Online. 14.05.2009.

сподства. Видный немецкий политик Грегор Гизи, выступая 6 августа 2013 г. по немецкому телеканалу «Феникс», отметил: «Со всей серьезностью я должен вам сказать, что у нас все еще действует оккупационная власть. Сейчас не 1945 год. Сейчас 2013 год. Разве нельзя устранить эту власть и покончить с оккупацией Германии? Я полагаю, это давно незрело. Надо сделать в этом направлении несколько смелых шагов. Меня раздражает, что наш канцлер ничего не предпринимает для этого. Она, собственно, должна позвонить по телефону Обаме и прояснить этот вопрос, чтобы сказать народу, когда же оккупации будет положен конец. Но об этом ничего не слышно».

В общественности и других стран Европы все громче звучат голоса против политики США. Даже министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский в частной беседе с депутатом польского сейма Я. Ростовским, состоявшейся в первой половине 2014 г., жестко раскритиковал привязанность Польши к США и выразил сожаление, что дружба с Вашингтоном и «ублажение американцев» вредят его стране, наносят ущерб ее политическим и экономическим отношениям с Россией, Францией и Германией. Содержание беседы не предназначалось для печати. Ее запись, сделанная без ведома Сикорского, стала достоянием гласности лишь в июне этого года¹.

Нарастание антиамериканских настроений в европейской общественности вызвало особое беспокойство у американской правящей элиты. Ведь Европа явилась для нее главным геополитическим плацдармом в проведении политики глобальной гегемонии. Поэтому США приступили к разработке превентивных мер, чтобы предотвратить развитие этой тенденции, а главное – не допустить ослабления уз, привязывавших европейские страны – участницы НАТО и ЕС к США, и крепче привязать их к американской

¹ Об этом поведал польский еженедельник «Wprost» 23 июня 2014 г.

колеснице. Данной цели служил, в частности, составленный Вашингтоном план создания таможенного союза США – ЕС. Но его претворение в жизнь стало трудно выполнимой задачей, ибо он не сулил европейским странам экономических выгод и подчинял их американским экономическим интересам.

Правители США начали с тоской вспоминать те времена, когда они могли извлекать громадные геополитические и экономические выгоды из конфронтации с Советским Союзом. А главное – держать на своей привязи страны Западной Европы перед лицом советской угрозы. Невольно перед Вашингтоном возник вопрос – не возродить ли холодную войну в новых условиях? Для этого требовалось серьезно обострить международную напряженность и создать новый «образ врага», пусть даже искусственный, если нет реального. В минувшую холодную войну эту роль выполнял Советский Союз, а после его разрушения она была отведена России, хотя для этого не было никаких объективных оснований, ибо российская политика никому не угрожает.

В связи с этим сотрудник Агентства национальной безопасности США, директор Института глобальных перспектив при Колумбийском университете профессор Пол Кристи в своем интервью германскому еженедельнику «Европейский экономический вестник», данном в июне 2014 г., весьма цинично обрисовал, как Россию следует превратить в «образ врага»: «Чтобы разорвать экономические связи Европы с Россией, нужно так сильно запугать европейцев русской угрозой, чтобы они сами пожелали это сделать – надо в корне изменить европейское общественное мнение о сотрудничестве с Россией. Надо всячески подчеркивать агрессивность и непредсказуемость России, провоцируя ее на эскалацию конфликта на Украине. Средства массовой информации должны постоянно говорить о росте напряженности на Украине, о насилиях и жестокостях, творимых русскими, чтобы Европа созрела до разрыва... Пусть европейцы содрогнутся от возможного русского вторжения... Созданию

образа бесцеремонного русского, готового на любую авантюру, начиная от провокационного облета американского эсминца и кончая выдвиганием армады русских танков к границам Прибалтики и Украины, должна быть посвящена сейчас вся деятельность наших СМИ. Именно от деятельности СМИ сейчас зависит умонастроение европейского населения и, в конечном счете, успех украинской кампании для США»¹. Дело дошло до того, что на рассмотрение американского конгресса был внесен «Акт о противодействии агрессии со стороны России в 2014 г.».

Честные и ответственные исследователи на Западе придерживаются однозначной позиции – США бессовестно изворачивают российскую политику. Например, испанский политолог И. Поло писал, что «мутный поток клеветы, обмана и истеричных измышлений об агрессивных намерениях России превратили НАТО и США в штаб-квартиру профессиональных лжецов, раздувающих огонь войны... Антироссийскую истерию подхватил и генеральный секретарь НАТО Андерс Расмуссен, пустивший по миру ложь о том, что “десятки тысяч российских солдат в состоянии боевой готовности размещены на границе с Украиной и лишь ожидают приказа”. Он обвинил Москву в подрыве украинской власти, как будто украинский кабинет министров пришел к власти не в результате военного переворота, а был избран народом... Вслед за Расмуссеном настала очередь главы Пентагона Чака Хейгела и польского министра обороны, которые решили поддержать волну антироссийской истерии, сделав ряд нелепых заявлений о якобы агрессивных намерениях Москвы, пытаясь тем самым оправдать расширение НАТО и переброску американских войск в страны Восточной Европы. Со своей стороны, бывший американский посол в РФ Александр Вершбоу, ныне являющийся заместителем генерального секретаря НАТО, назвал Россию не “партнером”,

¹ Судьба Украины никого не волнует / Беседу вел Ю. Кубасов. <http://www.dal.by/news/1/14-05-14-14/>

а врагом, добавив, что для “предотвращения новых агрессивных действий со стороны России” НАТО поможет в модернизации армий Украины, Молдавии, Армении и Грузии... Без малейшего зазрения совести лживые руководители НАТО и Пентагона твердят о необходимости сдержать экспансию России, закладывая тем самым основы новой политики НАТО»¹.

Первым шагом на пути создания «образа врага» в лице России явилось инспирированное и финансируемое из США нападение войск американского наймита Саакашвили на Южную Осетию в августе 2008 г. Помощь российских войск южноосетинскому народу в отражении этой агрессии послужила поводом для массированной антироссийской информационной войны. Смысл ее заключался в том, чтобы внушить общественности Европы ложное представление, будто Россия проводит ту же экспансивную политику, что и Советский Союз, и остается агрессивной державой. Для противодействия ей Западу жизненно необходимо укрепление НАТО и его расширение к границам России.

На полную мощь эта пропагандистско-психологическая кампания была развернута в связи с событиями в Украине – государственным переворотом в Киеве 21 февраля 2014 г. и незаконным захватом власти американскими ставленниками – фашиствующими националистами, русофобами и поклонниками Бандеры во главе с А. Турчиновым, А. Яценюком, Д. Ярошем, О. Тягнибоком и др. Переворот и кадры для него тщательно готовились спецслужбами США. Ему предшествовала «оранжевая революция» в Украине 2004 года. На ее проведение и последующую многолетнюю привязку политики Украины к Западу американская закулиса израсходовала 5 млрд долларов. Преследовалась главная цель – создать на юго-западной границе России враждеб-

¹ Поло Ихнино. «США и НАТО как царство лжи». http://inosmi.ru/rebellion_org/20140707/221483976.html Н. Поло. Estados Unidos y la OTAN: un mercado de mentiras. «Rebellion», 02.07.2014.

ное ей государство. Именно такой «украинский сценарий» был разработан в США.

В политической элите Запада издавна было весьма распространено мнение, что без Украины Россия потеряет статус великой державы, станет маргинальной страной, очень уязвимой для внешних сил. Этого мнения придерживался один из видных архитекторов американской внешней политики Збигнев Бжезинский. Он всячески навязывал свою концепцию государственному департаменту США. По ее логике, надо было сделать все, чтобы противопоставить Украину России, внести глубокий раскол в их отношения, превратить Украину во враждебную России силу и использовать ее для провоцирования военного конфликта, который может перерасти в европейскую и даже мировую войну.

Для преобразования Украины в такого рода государство американские спецслужбы тщательно отбирали, вербовали, подкупали украинских радикал-националистов и обучали их искусству государственных переворотов путем организации уличных беспорядков. Именно это произошло на Майдане Незалежности в Киеве. Особую роль в этом сыграли не разбирающиеся в политике молодые люди от 16 до 25 лет. Их сознание целенаправленно уродовалось на протяжении всех лет после разрушения СССР: «Боевиков евромайда-на готовили не только в польских, литовских и саудовских лагерях. Начальную подготовку они прошли за школьными партами, штудирова учебники истории, написанные под редакцией и на гранты фонда Джорджа Сороса. В них за годы независимости Украины тотальному пересмотру подверглась вся история республики с древнейших времен. С юных лет украинцам вдалбливают в голову антироссийскую чушь...» Самым смешным ляпом, попавшим в учебники, стало утверждение о том, что «древнейший период в истории украинского народа продолжался более 140 тысяч лет»¹. Наряду с молодежью, зомбированной в крайне

¹ Экспресс-газета. 10 марта 2014 г.

националистическом и антироссийском духе, широко использовались иностранные наемники, как, например, из американской частной военной фирмы «Блэк уотер», фактически обслуживающей ЦРУ для проведения подрывных актов в различных странах. Для первой «оранжевой революции» в Украине в 2004 г. из Канады в Киев были переброшены несколько тысяч специально обученных для этого украинцев.

Все эти процессы националистической, антироссийской и проамериканской трансформации украинского общества стали возможными благодаря содействию центральной власти Украины. Ее проамериканскую ориентацию не трудно было разгадать даже для беспристрастных аналитиков на Западе. Так, известный политик и публицист, бывший депутат Европарламента Джульетто Кьеца писал: «За годы независимости украинским государством руководили четыре президента, все они действовали вне элементарного понимания социального долга перед своими гражданами. Это безответственные люди. Кравчук подписал документ о развале огромной страны... Его украинские коллеги – Кучма, Ющенко, Янукович – ничуть не лучше, они не были самостоятельными игроками, у них не было возможности принимать решения, они просто выполняли указания из-за границы, они обыкновенные наемники. Украина давно была в руках США»¹. Очень странно, что эти процессы в Украине прошли мимо внимания российского посольства в Киеве во главе с Зурабовым, и оно, судя по всему, не информировало о них Кремль и не позаботилось о том, чтобы не допустить создания под боком у России, мягко говоря, недружественного государства. Евромайдан явился для российской обществу полной неожиданностью.

Режим, захвативший власть в Киеве, был готов на все ради выполнения указаний американских хозяев. Политические воззрения его руководителей представляли собой

¹ Кьеца Джульетто. Ахиллесова пята. km.ru. 5.07.2014.

отвратительную смесь вопиющей убогости, примитивности, безнравственности, приверженности обману общественности, непонимания и ложной интерпретации национальных интересов Украины. За несколько месяцев господства они подвели украинский народ на грань разрушения государственности, экономической разрухи, социального бедствия и гуманитарной катастрофы. Резко понизился и без того жалкий жизненный уровень большинства населения Украины. А права и свободы человека? Они вообще перестали существовать на украинской земле. Это нисколько не обеспокоило американских покровителей киевского режима. Вот чего на деле стоила «борьба» США за продвижение в мире демократии, прав и свобод личности. В Вашингтоне даже «не заметили» фашистской и антисемитской тональности в высказываниях представителей киевской хунты и терпимо отнеслись к нацистской направленности в их действиях, лишь бы они проводили угодный США антироссийский курс.

Все это не могло не вызвать возмущения и сопротивления со стороны здоровых сил украинского общества. В результате подавляющая масса населения Юго-Восточной Украины высказалась на референдуме за независимость от киевского режима, за федеративное устройство страны, против враждебного России политического курса. Народным волеизъявлением были созданы Луганская и Донецкая народные республики, объединившиеся вскоре в единый Союз – Новороссию. Этого правящие круги США никак не ожидали. Они просчитались, как и в случаях с Ираком, Афганистаном, Ливаном, Египтом, Сирией и другими странами, ставшими жертвами американского империализма. Для Вашингтона ничего другого не оставалось, как развязать с помощью киевской хунты военные действия против населения Юго-Восточной Украины с использованием всех боевых средств. Даже запрещенных к применению фосфорных бомб, ввезенных из США.

В американской печати был опубликован «Меморандум о рекомендованном курсе действий на случай провала мир-

ного плана» президента Порошенко. Американский Центр исследований глобализации (CRG) приписал его авторство «Корпорации RAND», разрабатывающей рекомендации по вопросам национальной стратегии для правительственных организаций США. План предусматривал сценарий, состоящий из трех этапов¹. В ходе первого рекомендовалась полная изоляция «взбунтовавшихся» регионов Украины, запрет на снабжение их водой и продовольствием, а также приостановление действия в них Конституции и введение прямого президентского правления.

Второй этап предполагал «зачистку» стратегически важных объектов и проведение наземных операций, в ходе которых должны были уничтожаться все, кто оказывает сопротивление с оружием в руках верным правительству войскам. Оппозиционных граждан рекомендовалось направлять в фильтрационные лагеря, а захваченных активных участников сопротивления – предавать суду. Собственность осужденных подлежала конфискации и передаче в качестве вознаграждений отличившимся силовикам.

Третий этап – восстановление региона. Под этим подразумевалось возобновление продовольственного снабжения, восстановление услуг связи, возвращение беженцев в свои дома после проверки их на лояльность власти и пр.

С невероятной жестокостью клика Турчинова – Яценюка начала преступную войну против собственного народа. Президент Обама в ряде своих выступлений заявил о поддержке действий киевского режима. Киев регулярно посещали ведущие политики США: вице-президент Байден, директор американского ЦРУ, представители министерства обороны, госдепартамента и пр. Они консультировали своих украинских сатрапов, давали им указания, как вести войну против собственного народа, как проводить враждебную России политику и укреплять проамериканскую

¹ Американцы открестились от подготовки силового сценария на Украине. km.ru. 5.07.2014.

власть. Все это привело к небывалому нагнетанию напряженности в отношениях Украины с Россией, к серьезнейшему обострению политической и военной обстановки на европейском континенте, к опасности развязывания войны между Украиной и Россией – тому, чего и добивались безответственные круги в правящей американской элите. К этому добавилась катастрофа малайзийского лайнера, в результате которой погибло 298 человек, – трагедия, в которой киевская хунта и ее покровители на Западе тщетно пытались обвинить Россию.

Под давлением США в западных СМИ события в Украине подверглись извращенному толкованию или замалчиванию. Киевский режим стал изображаться как демократический, выступающий за подлинные национальные интересы украинского народа, а Россия – как держава, проводящая агрессию против Украины и стремящаяся поработить ее. На экранах телевизоров жителям западных стран не показывали ужасающих картин убийства мирных жителей, в том числе детей, военными формированиями киевского режима и солдатами частной армии олигарха Коломойского. А если иногда это и случалось, то дело представлялось так, будто Киев ведет борьбу с террористами и сепаратистами, работающими на Россию. За четыре с небольшим месяца существования киевской хунты, с 21 февраля до августа 2014 г., были убиты тысячи мирных жителей Украины, более 800 тысяч покинули страну, спасаясь бегством в Россию от жестоких бомбежек и обстрелов.

Боевые действия против мирного населения ЛНР и ДНР преследовали, кроме утверждения господства киевской хунты, важную для США цель – спровоцировать руководство России на ввод своих войск в Украину для защиты мирного населения. Ведь президент Путин был уполномочен на это указом Совета Федерации, принятым 1 марта 2014 г. Его выполнение послужило бы поводом для НАТО открыто вмешаться в конфликт. В таком случае возникла бы война, охватившая всю Европу. В Кремле разгадали этот злодейский

замысел США и воздержались от военного вмешательства в украинские дела. Это было разумное и ответственное решение, хотя его было тяжело принимать, оставляя граждан Юго-Востока Украины без помощи от бесчеловечных военных действий киевской хунты.

Перед общественностью Запада в совершенно ложном свете был представлен выход Крыма из состава Украины и его воссоединение с Россией. Пользуясь незнанием истории Крыма, весьма распространенным среди жителей западных стран, им внушалось, будто полуостров испокон веков принадлежал Украине, а вот Россия, воспользовавшись украинской смутой, оккупировала его, подтвердив тем самым приверженность экспансивной политике. Эта ложь нужна была Вашингтону, чтобы во второй раз, после инспирированной им войны в Южной Осетии в 2008 г., утвердить «образ врага» в лице России.

Перед российским руководством тогда возникла сложная дилемма: пойти навстречу жителям Крыма, 96 % которых проголосовало на референдуме за воссоединение с Россией, или, оставив Крым в составе майдановской Украины, не дать США повода развязать информационную войну против России. В Кремле выбрали правильное решение. Главное – было ликвидировано сумасбродное решение Никиты Хрущева о передаче Крыма, населенного в основном русскими, в состав Украины и исполнена воля крымского народа вернуться в лоно своей исторической Родины. Во-вторых, киевская хунта была лишена возможности предоставить США право разместить свои военные базы в Крыму, что создало бы серьезнейшую угрозу безопасности России и ее позициям на Черном море. Но пришлось смириться и с издержками этого решения: США не преминули воспользоваться казусом Крыма для развязывания небывалой по интенсивности и широте информационной войны против России, изображаемой как «агрессивная держава», оккупировавшая Крым. Ссылки при этом на международное право не имеют никакого основания. Присоединение Крыма к России произошло в соответствии

с волей населения Крыма, выраженной на проведенном референдуме. В антироссийскую информационно-пропагандистскую войну США в связи с крымскими событиями были втянуты страны НАТО и ЕС. Обама в своем выступлении перед слушателями военной академии Уэст Пойнта в мае 2014 г. похвастался, что Россия после оккупации Крыма была успешно изолирована в международном сообществе.

Важной составляющей этой информационной войны стали санкции США и ЕС против России. Они преследовали одну из главных целей политики американского глобального господства – «держать Россию вне Европы», ни в коем случае не допустить углубления ее сотрудничества с европейскими странами, а тем более осуществления идеи де Голля – «Европа от Ла-Манша до Урала» или образования нового мощного геополитического пространства стран от Ла-Манша до Тихого океана. Санкции предназначались и для оказания психологического воздействия на общественность США и Европы, для внушения, что это – «способ наказания» России за ее вмешательство во внутренние дела, политическую и экономическую дестабилизацию Украины. То, что на самом деле сотворили США, было цинично и лживо приписано России.

Для легализации майдановского режима на Украине 25 мая были проведены президентские выборы. Впервые за новейшую историю стран Европы к государственной власти был приведен крупный олигарх – миллиардер Петр Порошенко, имевший сомнительную репутацию. Ясно, кому он был призван служить. Выборы не обошлись без обмана. Было объявлено, что за Порошенко было подано 54 % голосов избирателей. Но при этом не сообщалось, сколько же миллионов человек вошло в эти 54 %. Большинство жителей Юго-Востока Украины не голосовало за него. Да и в других украинских регионах многие жители поступили так же. Поэтому Порошенко не получил большинства украинского народа, и его легитимность как президента осталась под большим вопросом.

В ходе избирательной кампании и после нее Порошенко выступал за заключение договора по безопасности с США и призывал Вашингтон гарантировать американскую военную помощь Украине. Вся его деятельность на посту президента свелась к продолжению и усилению антинационального политического курса евромайдановского режима. Это и ориентация на сотрудничество с ЕС и НАТО, и враждебность к России, и создание всевозможных трудностей в отношениях с ней, и жестокая война против населения Юго-Восточной Украины, и ставка на крайний национализм, и извращенное толкование вопроса, в чем заключаются подлинные национальные интересы украинского народа и как им надо служить. 27 июня Порошенко подписал в Брюсселе договор об экономической ассоциации с ЕС несмотря на то, что он отнюдь не соответствует интересам развития украинской экономики и наносит ей серьезный ущерб. В год Украина теряет от 30 до 40 млрд долларов в результате разрыва экономических отношений с Россией. А ежегодные потери России, если не принять контрмер, составят 100 млрд долларов.

Все это очень хорошо вписалось в украинский и тесно увязанный с ним антироссийский сценарий политики США. Вашингтон добился своего. В Киеве у власти оказался режим американских марионеток, проводящий враждебную России политику. В Европе создан опасный очаг напряженности. Фактически развязана холодная война против России, в которую втянуты страны НАТО и ЕС.

Что этому способствовало, попытался объяснить в августе сего года Андрей Бунич – президент Союза предпринимателей и арендаторов России – в своем интервью «Литературной газете», озаглавленном «Что с нами случилось?». В нем он, в частности, сказал: «По моему глубокому убеждению, сама Украина как геополитическая проблема порождена в том числе и нашими внутренними политическими, но особенно экономическими обстоятельствами... Понять, что происходит на Украине, исходя из нее самой или из чистой

геополитики без учета происходящего в России, невозможно... Тот, кто рассуждает об Украине и не говорит о России, не поймет, что происходит на Украине... Главное – состояние российской экономики... Украинский кризис стал переходить в острую фазу фактически сразу после очевидного замедления темпов экономического роста России. Как мы знаем, они, эти темпы, сначала стремились к нулю, а сейчас, похоже, уйдут в отрицательную зону. Вопреки досужему мнению, что Запад начал борьбу с Россией, поскольку она встала с колен, в реальности все как раз наоборот. Запад развязал конфликт именно в момент, когда Россия в экономическом смысле опять оказалась едва ли не на коленях. Складывающаяся новая реальность показывает, что стала совершенно очевидной исчерпанность модели сырьевого роста. Налицо недофинансирование нашей экономики, отсутствие инвестиций, износ фондов, развал институтов, ощутимый подрыв конкуренции, тенденция к исчезновению (или явному ослаблению развития) малого и среднего бизнеса, структурные дисбалансы, которые угрожают нестабильностью нашей финансовой системе. Плюс к этому продолжающийся вывод капитала... Нынешнее положение нашей экономики – рукотворный итог проводившейся под диктовку МВФ колониальной политики начиная с 1991 года. И что же? Был ли на эту тему какой-то серьезный разговор, дискуссия, анализ того, что же это за тупик, в который нас завели несменяемые экономические Сусанины? Фамилии называть нет смысла – они известны. Увы, полное молчание, никакого обстоятельного разговора с участием носителей разных точек зрения на развитие экономики!.. Парадоксально, но, похоже, теперь экономические проблемы будут связываться преимущественно с внешними обстоятельствами. А не с проводимым 23 года неправильным экономическим курсом... Сначала следствием экономического курса стали трудности, а уж потом Запад пошел на фактический захват власти в Киеве, осознавая экономическую слабость России и ее потенциальные ограничения.

И начал атаку. Вот о чем надо поразмышлять, сделать правильные выводы и начать последовательно действовать»¹.

С этим мнением Бунича трудно не согласиться. Не только экономический, но и духовный упадок России после 1991 г., утрата ею ясно очерченной идеологической парадигмы развития стали фактором резкого падения ее влияния, веса и престижа на международной арене, ее интеграционных возможностей на постсоветском пространстве. Это создало для украинских националистических и олигархических сил, тесно связанных с их покровителями в США, благоприятную почву для переориентации отношений Украины с России на ЕС и НАТО.

Произошедшее с 1991 г. ослабление экономического и духовного потенциала России послужило для экспансивных кругов США стимулом для развязывания против нее новой холодной войны. К этому выводу пришли многие исследователи на Западе. К их числу относится немецкий политолог Бернхард Роде, написавший фундаментальный труд «Евразийская шахматная доска. Новая холодная война Америки против России», насчитывающий более 1200 страниц и 4885 сносок. Отвечая на вопрос, поможет ли новая холодная война американской элите удержать свою гегемонию в Европе и мире, Роде заканчивает свой труд цитатой из моей, изданной в Германии, книги «Великодержавные устремления Москвы. Горькие плоды гегемонистской политики»²: «Всякое стремление к господству таит в себе зародыш своей собственной гибели»³.

Такая участь, несомненно, ожидает и правящую американскую элиту. Но, чтобы избежать этого, не превратит ли

¹ Бунич А. Что с нами происходит? // Литературная газета. № 32–33, 27 августа – 2 сентября 2014 г.

² *Daschitschew Wjatscheslaw*. «Moskaus griff nach der Weltmacht. Die bitteren Früchte hegemonialer Politik», Verlag E.S. Mittler und Sohn, GmbH, Hamburg, Bonn, Berlin, 2002, S. 86.

³ *Bernhard Rode*. «Das eurasische Schachbrett. Amerikas neuer Krieg gegen Rußland». Tübingen, 2014, S. 1116.

она новую холодную войну против России в «горячую»? Ведь войны в Европе в XX веке принесли США громадные геополитические и финансово-экономические выгоды, позволили этой заокеанской державе стать глобальным гегемоном, диктовать свою волю большинству европейских стран. Для нее ныне весьма велик соблазн перенести невыгодное для Европы развитие в XX веке и на XXI век. Не допустить этого и выработать принципы эффективной политики противостояния экспансии американского империализма, сохранить мир и сотрудничество на Европейском континенте – одна из важнейших задач внешней политики России и всех других европейских стран. Это чрезвычайно актуальная тема для другого научного исследования.

XIII. РОССИЯ ВО МГЛЕ

1. Как и почему был разрушен Советский Союз¹

Выяснение причин и последствий распада Советского Союза имеет большое значение для понимания современного социально-политического, экономического и духовно-нравственного состояния России и особенностей пути ее дальнейшего развития. Необходимо определить, какую роль сыграли в распаде СССР внутренние объективные и субъективные факторы, а также внешнее воздействие со стороны США и других стран Запада. Означала ли гибель Советского Союза окончательный провал социалистического проекта XX века или социализм может возродиться в России и других странах в совершенно новом качестве?

Ясно, что социалистический строй, впервые в человеческой истории возникший в России и развивавшийся в XX веке, был далек от совершенства и нуждался в серьез-

¹ Эта статья была напечатана в журнале Министерства образования и науки «Социально-гуманитарные знания», № 2, 2014 г., а также в «Литературной газете» под названием «Советский Союз не был обречен». Редакция «Литературной газеты» снабдила статью следующей врезкой, в которой было выражено беспокойство теперь уже за судьбу России: Обречена ли Россия? Если вспомнить перестроечные годы, можно прийти к выводу, что Советский Союз двигался к распаду не только потому, что накопилось множество внутренних проблем, но и потому в первую очередь, что народ вдруг поверил, что страна обречена, нежизнеспособна, не поддается реформированию, что ее распад только вопрос времени. И хотя референдум 1991 года продемонстрировал, что большинство граждан «за» Союз, тем же гражданам внушили, что их мнение ошибочно и ничего не значит. СССР – колосс на глиняных ногах. В нем все плохо, только мрак и сплошной ГУЛАГ. Именно поэтому народ безмолвно воспринял приговор стране, вынесенный в Вискулях. Почва была подготовлена, а отрезвление приходит, как известно, не сразу.

ном реформировании. Видный деятель Пражской весны Ч. Цисарж писал в связи с этим: «Во всех государствах советского блока постепенно утвердилась модель “социализма по Сталину”, и именно это стало катастрофической ошибкой кремлевских правителей. Не только потому, что в этой модели генетически были заложены будущие противоречия и кризисы, а после крушения всей системы произошла дискредитация позитивного содержания идей социализма. Напомню, что оказались утраченными результаты гигантских усилий и решающего веса Советского Союза в разгроме нацистского вермахта, превративших СССР во вторую мировую державу и обеспечивших ей притягательность и авторитет в глазах огромной части человечества»¹.

Действительно, с одной стороны внутренняя политика Сталина и его последователей привела к крупным социальным, экономическим и научно-техническим успехам. Они были достигнуты в результате господства общенародной собственности, высокой централизации власти, планового управления экономикой, целенаправленного наращивания и использования ресурсов в интересах страны при колоссальных жертвах и напряжении сил народа, увлеченного идеями созидания нового, социалистического общества. Советский Союз превратился в исторически короткий срок в мощную державу. Это позволило ему одержать в Великой Отечественной войне победу над нацистской Германией и ее вермахтом – сильнейшей армией мира. Советский социалистический строй, построенный с таким трудом, был спасен. В этом неоспоримая заслуга принадлежит Сталину. Он вошел навсегда в историю Советского Союза.

С другой стороны сталинское правление привело к трудно поправимой дискредитации социализма, связанной с ультралевацкими загибами, произволом и преступлени-

¹ 1968 год. Пражская весна. Историческая ретроспектива. Учреждение Российской академии наук, Институт славяноведения, Научный центр истории социализма в Восточной Европе. Изд-во РОССПЭН, М., 2010. С. 16.

ями, явившимися порождением тоталитарной власти. На возникновение и характер такой власти глубокий отпечаток наложили личностные особенности Сталина. Разве не удивительно, что во главе Советского государства и правящей партии мог встать человек, имевший низкое образование, окончивший всего четыре класса церковно-приходской школы, при том страдавший паранойей и связанными с ней патологическим властолюбием, экстремизмом и фанатизмом, болезненной подозрительностью, неразборчивый в средствах достижения своих целей, не умевший даже правильно говорить по-русски?! Вместе с тем на политические взгляды и поведение Сталина глубокий отпечаток наложила эпоха «бури и натиска» первой половины XX века с ее военными и революционными катаклизмами, тоталитарными режимами в Германии, Италии и других европейских странах. Сталин был порождением этой эпохи и очень хорошо вписался в нее. Всецело поглощенный решением революционных задач государственной политики, установлением с помощью террора и идеологического воздействия на народ своей ничем не ограниченной власти, он нисколько не задумывался о будущем, о последствиях своих волюнтаристских решений и подчас крайне жестоких и ничем не оправданных действий, о том, как его станут воспринимать грядущие поколения людей и какой след в развитии социализма он оставит. От воли и произвола этого человека была поставлена в зависимость судьба страны и каждого отдельно взятого гражданина. Трагично, что в той государственной структуре фактически не были созданы законодательно установленные ограничители и противовесы верховному правителю. В силу этого тогдашний советский строй носил явные признаки больного общества.

Все это не принималось в расчет. Достаточно было быть лишь фанатическим приверженцем теории и практики «вождизма» и «классовой борьбы». А то, что эта борьба сплошь да рядом противоречила принципам гуманности, выработанным в ходе развития человеческой цивилиза-

ции, а также законам геополитики, соблюдение коих имело важнейшее значение для внутреннего развития страны и ее международного положения, представлялось как не имеющее значения. Это вело к тяжелым последствиям для народа и страны. Например, применение на практике крайних форм классовой борьбы, хотя и во имя благих намерений – воплощения в жизнь идей социализма, – привело к громадной неестественной убыли населения – по подсчетам около 100 млн человек (в ходе гражданской войны, первой волны эмиграции, красного террора, гонений против «буржуазной интеллигенции», уничтожения кулачества, голодомора, сталинских чисток и пр.). Особенно пострадал при этом интеллектуальный генофонд, главным образом русского народа. Знания, образованность, компетентность в те времена не ценились. Считалось, что и «кухарка может управлять государством». Это не могло не отразиться на идейно-нравственном состоянии общества и – что оказалось особенно ущербным – на уровне образованности и компетентности правящей элиты, представителей верховной власти, а следовательно, и на управлении государством. Только диким невежеством власти можно объяснить, к примеру, разрушение красивейшего здания Москвы – храма Христа Спасителя, построенного на народные деньги в честь победы над армией Наполеона. А подобных ничем не оправданных, варварских актов было бесчисленное множество. Прозрение наступило слишком поздно, найдя свое выражение в лозунге «Кадры решают все», хотя под этим подразумевалась на столько образованность и компетентность кадров, сколько их преданность «диктатуре пролетариата» и лично Сталину как ее выразителю.

Грехи сталинизма нынешние приверженцы капиталистических ценностей в России и на Западе пытаются представить как доказательство того, что социализм оказался бесчеловечным, нежизнеспособным общественным строем и навсегда ушел в прошлое. Но социализм и сталинизм – это не одно и то же. Природе истинного социализма присущи

высокие гуманистические ценности в социальной, политической, экономической, научной и культурной сферах, а также эффективная управляемость общественными процессами.

Да, эти ценности подверглись в советское время грубым извращениям. Но вот удивительный феномен: эти извращения стали ныне забываться на фоне глубокого, небывалого за всю историю упадка России, тех социальных деформаций и позорных уголовных дел, вопиющей социальной несправедливости, которые не перестают сотрясать страну. У российских граждан не могли на вызывать возмущения такие позорные факты, как, например, пышная встреча нового 2013 года миллиардером Абрамовичем в Карибском море в кругу друзей, в том числе американских, на собственном, исключительно дорогом корабле, оборудованном даже средствами противовоздушной обороны. Встреча обошлась в плевую для него сумму в 250 млн рублей из незаконно присвоенных народных богатств. И это при недопустимой бедности десятков миллионов российских граждан! А скандальный казус Сердюкова? Поразительно, что этот полный невежда в военных вопросах был назначен Кремлем министром обороны. За короткое время он умудрился развалить Вооруженные силы и оборону страны, запятнать себя отвратительными криминальными делами, нанесением государству ущерба в 3 млрд рублей. И теперь, как ни в чем не бывало, гуляет на свободе.

Подавляющее большинство российских граждан очень встревожены тем, что никогда еще Россия не была за всю свою историю в таком отчаянном положении, охвачена серьезными политическими, социальными, экономическими и нравственными недугами, которые ей принесли служители капитализма, стоящие у руля правления страной. Неудивительно поэтому, что в стране возникла ностальгия по прошлому и даже «ренессанс» диктатора Сталина.

Но это отнюдь не означало народного одобрения господства советского тоталитарного строя. Сейчас даже далеким от политики ясно, что его можно и нужно было сво-

евременно и безболезненно устранить, особенно после смерти Сталина, и перейти к созданию нового общества демократического социализма. Для этого в Советском Союзе – самой большой и богатой природными ресурсами стране в мире – имелись все возможности. Больше того – именно реформированный социализм наилучшим образом отвечал национальным особенностям и национальным интересам русского и других народов Советского Союза, их прогрессу и благополучию.

Но советское руководство непростительно долго испытывало аллергическую неприязнь ко всяким реформаторским идеям, направленным на устранение извращений и недостатков в государственной системе. Оно не желало прислушиваться к мудрым советам и призывам к реформам. А реформы буквально стучались в дверь. Это понимали даже аналитики, далекие от социализма. Еще Н. Бердяев в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма», изданной в 1937 г., пророчески писал: «Понимание хозяйственной жизни, как социального служения... не означает признания государства единственным хозяйственным субъектом. Бесспорно, часть промышленности, наиболее крупной, должна перейти к государству, но наряду с этим хозяйственным субъектом должна быть признана кооперация людей, трудовой синдикат и отдельный человек, поставленный организацией общества в условия, исключающие эксплуатацию своих ближних. Государство при этом будет иметь контрольные функции, призванные не допустить угнетения человека человеком»¹.

Бердяев призывал к гуманизации советского общества, к созданию такой общественной системы, которая обеспечивала бы симбиоз свободы личности и просвещенной государственной власти.

Вплоть до 1985 г. советское руководство не считало нужным реформировать и усовершенствовать социали-

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1998. С. 152.

стическую систему в соответствии с вновь возникшими политическими, экономическими, научно-техническими и международными реалиями. «Верхи» были скованы идеологическими догмами, силовыми структурами, правовой неурегулированностью властных отношений, отсутствием демократической преемственности в государственном управлении, особенно путем ограничения срока пребывания одной личности во главе государства. Все попытки реформ либо душились в зародыше, либо по прошествии некоторого времени прерывались. Так созданный после 1917 г. советский строй долгое время оставался застывшим и косным, очень уязвимым даже с точки зрения надежности власти.

Отбросив прочь принципы конвергентного характера развития человечества, объявив теорию конвергенции чуть ли не контрреволюционной, советское руководство исходило из того, что советская система является верхом совершенства, отвечает «истине в последней инстанции» и не подлежит изменению.

Радикально улучшить существовавшую в Советском Союзе социально-политическую и экономическую систему была призвана начавшаяся в середине 80-х годов перестройка. Она должна была привести к социалистической реформации, к созданию новой модели демократического, народного социализма. К тому времени даже для завзятых догматиков и консерваторов стало ясно, что «так больше жить нельзя»: экономика стагнировала на нулевой отметке, жизненный уровень народа был опасно низким, наблюдался духовный застой, апатия населения. Это грозило перерасти в крупные социально-политические неприятности. Не оставалось ничего иного, как перейти к глубоким реформам.

Ныне идеологи либерализма тщатся доказать, что, мол, Советский Союз и социализм нельзя было вообще реформировать, их нужно было только ликвидировать. Но это совершенно ложное мнение, которое новая «элита» пытается внушить народу. Даже видный американский политолог Сти-

вен Коэн в своей книге «Вопрос вопросов: почему не стало Советского Союза» рассматривал реформирование СССР и социалистической системы вполне возможным и нужным.

Длительная неспособность власти к совершенствованию системы пагубно отразилась и на национальном вопросе, на отношениях между центром и элитами национальных республик, требовавших для себя больше властных полномочий, большей свободы действий и представительства в центральных органах власти, усиления роли национальной идентичности. Но реформы в области национальных отношений должны были быть направлены на то, чтобы повысить политическую, экономическую и культурную заинтересованность как элит, так и представляемых ими национальностей оставаться в составе Советского Союза и в системе реформированного социализма. Но на пути к этому встали Б. Ельцин и его клан низвергателей советского строя. Провозгласив в июле 1990 г. полный суверенитет России и ее независимость от центральной власти, они развязали тем самым центробежные силы в союзном государстве, положили начало развалу Советского Союза.

Пагубной для страны оказалась и ложная в своей основе и совершенно ненужная мессианская гегемонистская политика советского руководства, его стремление навязать силой другим странам свои ценности и свою систему правления. Эта политика поглощала львиную долю материальных и духовных ресурсов страны и не позволяла сосредоточиться на повышении благосостояния граждан, обеспечить их социальную удовлетворенность, эффективно развивать гражданские отрасли производства и в конечном итоге – создать положительный «демонстративный эффект» в мире от существовавшего в Советском Союзе общественного устройства. Этот путь был бы намного эффективнее и цивилизованнее, чем навязывать другим странам силой свои идеи и порядки и выступать в глобальной роли их защитников. В результате перенапряжения Советский Союз надорвался. В перспективе он был не в состоянии выдержать противо-

борства с намного превосходившей его по мощи коалицией западных держав. Видный итальянский политический деятель и публицист Джульетто Кьеза дал советской политике противоборства с Западом такую оценку: «Советский Союз все потерял в гонке вооружений, в борьбе с Соединенными Штатами за военное господство... Русские совершили убийственную ошибку, когда вступили в эту гонку, они слишком поздно поняли, что проиграли ее. В определенный момент система рухнула»¹.

Здесь надо особо отметить, что в отличие от советского руководства лидеры КНР не стали заниматься коммунистическим мессианством, навязыванием внешнему миру своей модели социалистического развития и тратить на это громадные средства. Для них приоритетным стало решение задач внутреннего развития. Такой курс принес китайскому народу выдающиеся успехи. Китай превратился во вторую после США промышленную державу мира. Нынешний председатель КНР Син Дзинь Пин в интервью российскому телевидению во время своего визита в Москву в марте 2014 г. подчеркнул эту положительную особенность китайской политики.

А советская мессианская экспансия оказалась не только ущербной для Советского Союза, но и очень выгодной для Соединенных Штатов. Она позволила им извлекать большую политическую и экономическую выгоду из конфронтации с СССР и укреплять свое господство в странах Западной Европы.

Развалу Советского Союза способствовала и не прекращавшаяся с 1917 г. борьба за власть в верхних эшелонах государства и партии, стоившая стране больших человеческих жертв, особенно во времена сталинских чисток, и державшая общество в постоянном напряжении. Причины этого крылись в антидемократическом и нелегитимном по своей

¹ Кьеза Дж. Война империй. Восток – Запад. Раздел сфер влияния. М.: Эксмо, 2006. С. 38.

сути характере властных отношений. Судьба страны зависела от произвола буквально одного или нескольких правителей, одерживавших верх в борьбе за власть. Причем советские вершители судеб страны как правило обладали низким образовательным и культурным уровнем, ложно понимали искусство государственного управления, сводя его главным образом к искусству удержания власти всеми возможными способами.

В условиях тоталитарного строя к развалу Советского Союза вела и моральная, нравственная и профессиональная деградация правящей партийной и государственной элиты, отсутствие в ней мобильности, кадрового омоложения, вырождение ее в геронтократию. Особенно уродливые формы это приобрело в правление кланов Брежнева и Черненко. Появились условия для возникновения асоциальных и чуждых социализму явлений – коррупции, стремления к обогащению, забвения норм социалистической морали, социально-иерархической дифференциации общества и даже предательства социалистических идеалов и народных интересов. Это способствовало прорыву к вершинам власти политических проходимцев, вроде Ельцина, ставшего прислужником американской «мировой закулисы». Государственный переворот «трех» в декабре 1991 г. развалил Советский Союз как карточный домик. И никто не попытался воспрепятствовать этому, потому что в народе широкое распространение получили недобрые чувства, связанные со сталинизмом, разочарование властью, равнодушие и даже недовольство существовавшими порядками. На этом очень ловко сыграл клан Ельцина и его американские советники. В правовом, демократическом социалистическом государстве это было бы невозможно.

Важной причиной падения Советского Союза явилось и отсутствие живой связи между широкими слоями народа и установленной в нем социалистической системой и властными структурами, отсутствие институтов народного самоуправления. Советы целиком и полностью вы-

полняли волю центральной власти, были «обезличены». 28 апреля 1982 г. Институт экономики мировой социалистической системы АН направил в ЦК КПСС мою аналитическую записку, где обращалось серьезное внимание на это чрезвычайно ненормальное и опасное положение. В ней, в частности, говорилось: «Одна из важнейших задач ныне состоит, очевидно, в том, чтобы заставить активно работать на социализм весь общественный организм, а не только власть. Ныне существуют многочисленные приводные ремни власти к обществу. Теперь важно создать приводные ремни общества к социализму. А ими могут быть в первую очередь промышленные и сельскохозяйственные производственные единицы, общественные организации, наделенные большой самостоятельностью в принятии решений и в их деятельности. Централизация власти должна разумно сочетаться с инициативой, предприимчивостью, творческим простором на местах, в низовых, базовых звеньях общества. Надо именно в этих звеньях создавать материальные и духовные стимулы, заинтересованность каждого отдельного гражданина в социализме. Без этого общество обречено на экономическую и социальную деградацию и кризис. Если власть наделала глупостей, разложилась, как это было в Польше, социализм не должен ставиться под угрозу. Общественные институты социализма могут предотвратить такое развитие. Если же они отсутствуют, образуется либо вакуум власти, который может быть заполнен военной силой, либо угроза контрреволюции. Следовательно, развитие горизонтальных связей и взаимодействий, в первую очередь в экономике, в дополнение к главенствующим вертикальным связям важно не только с точки зрения социальной эффективности общества, его экономического, научно-технического и культурного прогресса, но и для гарантии безопасности социализма в каждой отдельно взятой стране».

В развитие этих идей ничего не было сделано. Так, масса народа, отчужденная от власти и не связанная теснейшими

узами, материальными и духовными интересами с существовавшей системой, оказалась совершенно безучастной перед лицом государственного переворота, осуществленного командой Ельцина. Об этом очень обоснованно написал, в частности, О.В. Маляров в статье «Отсутствие системы народного самоуправления – главная причина разрушения общественного строя СССР»¹.

Всеми этими недостатками и уязвимыми местами советского строя очень искусно воспользовалась правящая элита США. В своей политике разрушения Советского Союза она делала главную ставку на Ельцина и группировавшихся вокруг него американских лоббистов. Применялся широкий спектр «подрывного воздействия» на материальное, идейное и психологическое состояние советского общества, а также на государственные структуры.

Особую активность в антисоветской подрывной деятельности правящая элита США проявила в годы перестройки. Она смертельно боялась успешного реформирования социалистического строя, его демократизации и превращения в притягательную силу для многих стран мира, что сильно ударило бы по геополитическим позициям США в Европе, где и без того происходило сильное социальное брожение, и в других регионах.

Еще в 1968 г. Пражская весна, возвестившая переход Чехословакии к новому, демократическому социализму и способная в случае успеха социалистической реформации оказать большое влияние на страны Запада, вызвала сильную тревогу у правящих кругов США. Американская политика и лично президент Джонсон пытались внушить советскому руководству, что Восточная Европа рассматривается в Вашингтоне как сфера советских интересов, и если Кремль примет решение ввести войска в Прагу, чтобы сместить реформаторское чехословацкое правительство, Америка не станет вмешиваться. Джонсон явно провоцировал Брежне-

¹ <http://rksm.ru/norde/718>)

ва на вторжение в ЧССР, которое, к несчастью, вскоре и произошло¹. Ликвидация Пражской весны явилась сильнейшим ударом по социализму, в том числе по подлинным интересам Советского Союза.

Ну а масштабы, значение и перспективное влияние начатого в Советском Союзе в 1985 г. реформирования социалистической системы не шли ни в какое сравнение с «Пражской весной». И американская элита проявила все рвение, чтобы не допустить его успеха. Для этого использовались все возможные средства. В самое критическое время перестройки, в 1990–1991 гг., стараниями США – и под их воздействием Саудовской Аравии – цена на нефть на мировых рынках была сбита до небывало низкого уровня – 7–10 долларов за баррель. Это губительно отразилось на социально-экономическом положении Советского Союза, ибо судьба страны сильно зависела от мировых цен на нефть и газ. Около 70 % национального дохода и более половины советского бюджета составляли поступления от экспорта энергоресурсов, которые обеспечивали необходимый импорт продовольствия и товаров извне. Искусственно проведенный обвал цен на нефть вызвал громадный дефицит продуктов питания и других товаров в Советском Союзе и, как следствие, – высокую социально-политическую напряженность, недовольство политикой М. Горбачева и перестройкой. Как и замышляли США, это проложило путь к власти Б. Ельцину и стоявшему за ним американскому лобби.

Уже в 1990 г. стало ясно, что перестройка находится под серьезной угрозой как со стороны представителей консервативной партийной номенклатуры, так и американской «пятой колонны». Крайне обеспокоенный этим, я обратил внимание советской и зарубежной общественности на возникшую в стране критическую ситуацию в ряде ин-

¹ Орлик И.И. Международные аспекты поражения «Пражской весны» в 1968 году. Новая и новейшая история, № 6, 1994 г. С. 77–79.

тервью. Например: «СССР угрожает не революция, а путч» («Süddeutsche Zeitung», 24.6.1990), «Надо опасаться путча против Горбачева» («Hessisch-Niedersächsische Allgemeine», 25.10.1990), «Народ заставляют голодать, чтобы свергнуть Горбачева» (журнал «Quick», 25.2.1991), «Горбачев может быть уже в конце 1991 г. свергнут как президент» («Neue Osnabrücker Zeitung», 13.4.1991).

На антисоветские козни американской политики наслонились крупные ошибки в проведении реформ. О некоторых из них сказал сам М. Горбачев в 2008 г. в интервью В. Познеру на Первом телеканале телевиденья : «Я сейчас жалею: надо было не уезжать в Форос в августе 1991 г. Я думаю, что Советский Союз сохранился бы... Так же как была и еще одна ошибка – что я не отправил Ельцина навсегда в какую-нибудь страну заготовливать бананы после известных процессов, когда требовал Пленум: “Исключить Ельцина из членов ЦК!” Но я вам скажу: все мы ошиблись еще три раза. Запоздали с реформированием партии. Второе – мы запоздали с реформированием Союза. А третье... Когда стало туго у нас, особенно после 1989 г., в 1990 г. – когда вся страна в очередях оказалась и нам не хватало товаров для того, чтобы удовлетворить просьбы эти, когда у нас за итальянские туфли могли сломать в очереди... Надо было найти 10–15 миллиардов долларов. Их можно было найти...»¹

Кроме этих ошибок и просчетов в политике перестройки, было много других. Но, главное, в ней не нашел должного внимания центральный вопрос – о необходимости сохранения реформированного социализма как скрепляющей основы существования и развития Советского Союза и всех советских республик. Об игнорировании этого вопроса свидетельствует и изданная «Горбачев-фондом» в 1995 г. книга «Союз можно было сохранить». В ней ни единого слова не сказано о том, какую роль должен был сыграть

¹ Международная энциклопедия «Википедия»: М.С.Горбачев.

в спасении союзного государства социализм, избавленный от извращений прошлого. Даже приведенный в книге проект «Договора о Союзе Суверенных Государств», опубликованный 27 ноября 1991 г., грешит тем же¹. А ведь от сохранения реформированной социалистической системы решающим образом зависел успех или провал перестройки, падение или дальнейшее существование СССР. Но этого успеха можно было добиться при одном условии – предотвращении государственного переворота, подготовленного Б. Ельциным и осуществленного совместно с Л. Кравчуком и С. Шушкевичем в декабре 1991 г. Чтобы арестовать заговорщиков, М. Горбачеву, не стоило никакого труда послать надежную роту ОМОНа в Вискули, где троица ликвидаторов социализма подписала декларацию о роспуске СССР. Одновременно М. Горбачев, как президент СССР, должен был обратиться к народу с призывом сохранить Союз, сославшись при этом на позитивные результаты всенародного референдума в марте 1991 г. Почему это не было сделано, остается загадкой.

Итак, даже не сами по себе пороки советской системы привели к крушению СССР. Они лишь создали условия для этого. Главной причиной гибели Советского Союза как социалистической страны явился государственный переворот Ельцина, тайно инспирированный США. Народ почувствовал обрушившиеся на него беды и несчастья лишь после того, как в стране был установлен капиталистический строй. Главная геополитическая цель американской политики – низвергнуть социалистическую глобальную державу, создать в ней буржуазную авторитарную власть, идущую на поводу США, – была достигнута.

А ведь если бы перестройка была разумно доведена до конца, в СССР могло бы возникнуть новое социалистиче-

¹ Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С.Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995. С. 265.

ское общество. Доминирующее положение в нем заняли бы общенародная собственность на стратегически важные отрасли производства, предприятия и природные ресурсы, плановое ведение народного хозяйства, народное самоуправление снизу доверху, народные предприятия на основе коллективной собственности, общество, где нет места для отчуждения граждан от власти и принятия решений, для образования нелегитимного правящего клана и произвола и насилия с его стороны, где господствуют закон, справедливость и нравственность, обеспечен высокий жизненный уровень граждан, гарантированы права, свободы и достоинство человека, общество, которому чужды такие асоциальные явления, как ненасытное стремление к обогащению и потребительству, образование финансовой олигархии, бесчестие, потеря совести, ложь, воровство, казнокрадство государственных чиновников и предпринимателей, где нет культа денег и наживы, стихии рынка, неуправляемости экономикой, неизбежно ведущих к кризисам, где нет чудовищной социальной дифференциации, где к услугам человека бесплатное образование и медицинское обслуживание, где государство создает благоприятные условия для развития науки, культуры и искусства, где нет места национализму, где межреспубликанские отношения развиваются на основе социалистических принципов, а не рыночной идеологии, коммерческого подхода, эгоизма и стремления национальных элит к господству, где безопасность страны гарантируется надежным щитом.

Так могли бы выглядеть качественные особенности нового социально-политического и экономического устройства Советского Союза в результате успешного проведения перестройки. Однако получилось все по русской поговорке: Что имеем, не храним, потерявши, плачем. Ельцинский переворот оборвал дальнейшее развитие Советского Союза по пути создания новой модели конвергентного социализма. Капитализм с американской спецификой, навязанный России темными силами после распада СССР,

оказался губительным для страны и народа. Нельзя отделаться от впечатления, что политика, проводившаяся на протяжении последних 20 лет российскими «строителями капитализма», проводилась под девизом: «Чем хуже, тем лучше».

В изданной «Горбачев-фондом» книге «Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя. Критический анализ» (М. 2005 г., с. 414) утверждается, что потенциал перестройки не исчерпан и «...может быть востребован и нашей страной, и человечеством». Однако перестройка, приведшая к распаду страны и ликвидации социализма, не может быть ныне никем востребована. Теперь речь должна идти совсем о другом. Ельцин и его последователи выполняли поставленную «американской закулисой» задачу: как можно быстрее разрушить оставшиеся в России после падения СССР реалии социализма в экономике, в духовной и нравственной сфере, в науке и культуре, в восприятии народа. России было навязано буржуазное общество с безграничной рыночной стихией. Оно создавалась путем бессовестного ограбления народа и преступной приватизации общенародной собственности, громадная часть которой была уведена за рубеж. Страна оказалась отброшенной в далекое буржуазное прошлое со всеми его бедами для людей.

Смысл нового преобразования общества может состоять, очевидно, в том, чтобы уберечь Россию от худшего, спасти ее от угрозы дальнейшей деградации и даже от распада, которые несет ей дикий капитализм. Это дошло до сознания широких общественных кругов страны. Людей снова осенило: «Так больше жить нельзя». Правящий режим оказался в очень затруднительном положении, вынужден всячески изворачиваться, чтобы сдержать нарастающее протестное движение. Для него главенствующее значение приобрело не искусство государственного управления, а искусство удержания государственной власти и сохранения в России капиталистической системы. Но ему вряд ли удастся выпол-

нить эту задачу. Перемены объективно неизбежны. Спасение России может принести новый, демократический, конвергентный социализм.

2. Модель дикого капитализма, навязанная России, оказалась гибельной¹

В результате государственного переворота Ельцина России был навязан ущербный, чуждый ее национальным интересам путь развития – модель дикого капитализма. У режима Ельцина не было и не могло быть иной государственной и идеологической программы, чем та, которая была заготовлена правящей элитой США. Политическую и социальную сущность ельцинского режима охарактеризовал бывший председатель Верховного Совета СССР Р. Хасбулатов, занимавший этот пост непосредственно перед развалом Советского Союза и хорошо знавший тайны тогдашней политики. В своей книге «Преступный режим. “Либеральная тирания” Ельцина» он со знанием дела писал, что этот новоявленный российский правитель, незаконно захвативший верховную власть, «добровольно согласился на роль марионетки США»². По свидетельству Хасбулатова, на высшем политическом уровне Россия – США существовали договоренности по «согласованию» состава российского правительства, политического, экономического, социального курса государства, его внешней политики. «Воздействие» на Ельцина осуществлялось через «различные инструментари»³.

Аналогичную оценку роли Ельцина в антироссийских планах США дает политолог ФРГ Бернхард Роде в цити-

¹ Эта тема рассмотрена также в моей статье, размещенной на сайте KM.RU 14.04.2012 г.

² *Хасбулатов Руслан*. «Преступный режим. “Либеральная тирания” Ельцина». М.: Яуза-пресс, 2011. С. 215.

³ Там же. С. 211.

рованном выше фундаментальном труде «Евразийская шахматная доска. Новая холодная война Америки против России»¹. Принципиально важное значение имеет уяснение вопроса о сущности навязанной России в ельцинское лихолетье капиталистической модели развития, как она отразилась на геополитическом положении страны, на материальном, духовно-нравственном и образовательном уровне всего народа и отдельного человека, на развитии российской науки.

Как известно, в странах Запада нет единообразия в существующих типах капиталистического устройства, в функциях и роли социально ориентированной экономики, государственного планирования, демократии, свободы и прав личности. Об этом свидетельствуют значительные различия, например, между общественной моделью США с ее господством финансового капитала и общественной системой Швеции. Рассмотрению этого вопроса посвящена книга Эдельтраут Фельфе «Шведская модель. Проект будущего – государство всеобщего благоденствия»². Она выступила сторонницей теории конвергенции и положительно ответила на вопрос: «Могут ли быть “демократический социализм” или социалистическое общество совместимы с капиталистическим хозяйством?»³.

В последние десятилетия на Западе наблюдается тенденция к резкому усилению критики пороков капитализма и поиску путей избавления от них человечества. Немалую роль в этом играет влияние первого опыта создания социалистического общества в Советском Союзе со всеми его плюсами и минусами. Например, швейцарская газета

¹ *Rode Bernhard*. Das Eurasische Schachbrett. Amerikas neuer Kalter Krieg gegen Rußland. Hohenrain, Tübingen, 2012. Моя рецензия на эту книгу опубликована в «Литературной газете», № 49, 9–15 октября 2013 г.

² *Felfe Edeltraut*. Das schwedische Modell. Ein Wohlfahrtsstat als Zukunftsprojekt. GNN Verlag, Berlin, 2008.

³ Там же. С. 58-63.

«Zeit-Fragen» опубликовала статью «Кооперативы – альтернатива к конструкции homo oeconomicus». «Нынешний глубокий кризис, – говорится в ней, – свидетельствует: либеральная рыночная экономика, особенно та, которая представлена Чикагской школой экономики (Милтоном Фридманом), потерпела полный провал, потому что она была ложной. В основе ее идеологии лежит образ человека, представляющего собой homo oeconomicus. Экономисты Чикагской школы экономики, притязавшие на истину в последней инстанции, больше всего способствовали распространению узколобых экономических взглядов на все области человеческой жизни и действительности. Эти взгляды ограничивают человеческую деятельность исключительно рациональным извлечением для себя выгод (утилитаризм). Образ homo oeconomicus сводит человека к существу, которое стремится лишь к тому, чтобы умножать свою собственную наживу и выгоды... Логика рынка превращается в логику жизни. Психологию такой системы экономики мы находим во всех жизненных сферах: в экономике, здравоохранении, в семье, религии, системе образования, в науке...»¹

Итак, движущей силой капитализма является homo oeconomicus – носитель психологии наживы, коррупции, потребительства и других уродливых черт человека. Это накладывает неизгладимый отпечаток на моральное состояние общества, к тому же делает народное хозяйство неуправляемым, деформирует его, ведет к кризису. В упомянутой статье по этому поводу отмечалось: «Многие ученые в области экономики и нравственности отвергают образ homo oeconomicus и в центр внимания ставят единое благо человека и общества. Они рассматривают человека не как экономическую машину, а как личность, способную принимать решения и действовать во благо общества. Человек,

¹ Dr. Eva-Maria Fällner-Müller «Genossenschaften – die Alternative zum Konstrukt des Homo oeconomicus», «Zeit-Fragen», 17. Juni 2013.

а не рыночные силы должны определять форму организации нашей экономики»¹.

В России режим Ельцина стал с 1992 г. внедрять именно социально-экономическую модель Чикагской школы экономики. Для этого к нему были приставлены более трех сотен американских советников, многие из которых являлись сотрудниками ЦРУ. Программа «буржуазного преобразования» России осуществлялась методом «шоковой терапии» – максимально быстрым устранением политических, экономических и социальных основ социалистического общества с тяжелыми последствиями этого для материального положения и духовного состояния граждан страны. Цель состояла в том, чтобы как можно скорее достичь «точки невозврата» на пути капиталистического переустройства России. Для этого была создана авторитарная власть, призванная провести незаконную, насильственную приватизацию народной собственности на средства производства и природные ресурсы, находившиеся в управлении государства, и навязать обществу новый политический и социально-экономический порядок. Это сопровождалось насаждением в обществе частнособственнических, рваческих инстинктов и психологии. Так началось «хождение по буржуазным мукам» российского народа. В статье, опубликованной в январе 1997 г., я писал: «Погоня за деньгами, превратившаяся для многих в главный жизненный мотив, породила среди новой российской политической и экономической элиты широкое распространение безнравственности, массовую потерю чести и человеческого достоинства. А то, что творится “наверху”, не может не отразиться на состоянии общества в целом. Страну стали разъедать правовой беспредел, разнузданная преступность, коррупция, поразившая как раковая опухоль живой организм общества, невиданное падение нравов, бездуховность, пошлость и ложь. Произошло

¹ Dr. Eva-Maria Fällner-Müller «Genossenschaften – die Alternative zum Konstrukt des Homo oeconomicus», «Zeit-Fragen», 17. Juni 2013.

сращивание мафиозно-криминальных структур с государственно-чиновничьим аппаратом... Для нас вопрос стоит так: либо мы отстоим этические ценности поведения граждан, независимо от их положения в обществе, либо под тяжестью аморальности, преступности и коррупции рухнет российская государственность»¹.

Именно этого добивались американские правящие круги. Они исходили из того, что после развала СССР верным путем устранения России как мировой державы может стать утверждение в ней капитализма. К его принятию Россия не была готова, учитывая, что ее народ более 70 лет жил в социалистическом обществе, пусть даже далеко не совершенном, где, однако, не было борьбы «всех против всех» – «omnia contra omnes» – за существование и наживу. Первоначальное накопление частного капитала на Западе началось в XVII веке и прошло многовековое, постепенное развитие. А в России этот процесс занял менее 10 лет, приняв уродливый, криминальный характер.

Ставка была сделана не на создание мелкого и среднего предпринимательства, в первую очередь кооперативных предприятий в собственности самих производителей, а финансовой олигархии. К концу правления Ельцина в России имелось 17 миллиардеров, к 2006 г. их стало 800. Так страна вышла на одно из первых мест в мире по их числу и по социальной дифференциации общества. В условиях неопределенности и нестабильности политической обстановки в России олигархат был заинтересован не в развитии российской экономики, а предпочел масштабный перелив капитала, нажитого несправедливыми путями, в офшоры, в США и другие западные государства. За 20 с лишним лет из России утекло более двух триллионов долларов. Это было существенным вливанием в экономику стран евроатлантической зоны и громадным ущербом для собственного

¹ Дашичев В. Реформы надо делать чистыми руками // Поли-
тэконом, № 1, 1997.

народного хозяйства. Достаточно сказать, что такой суммой измеряются материальные потери Советского Союза в Великой Отечественной войне. Она вполне могла бы обеспечить глубокую модернизацию российской экономики.

Политический курс Б. Ельцина на внедрение в России капитализма в его наихудшем, диком виде нашел свое продолжение. За 20 с лишним лет экономический потенциал России был серьезно подорван. Страна оказалась по многим показателям на мировых экономических задворках. Расчеты американской элиты оправдались. Россия перестала быть для США сколько-нибудь существенной помехой в осуществлении американских глобальных планов. Более того, возникли условия для превращения ее в американского вассала. Проводником такой политики стало проамериканское лобби, возникшее при Ельцине и значительно разросшееся при его последователях. В связи с этим в «Литературной газете» справедливо констатировалось: «Пятые колонны, ориентированные на заведомую реализацию чуждых нам интересов, формируются у нас на глазах».

Модель дикого капитализма, навязанная России, оказалась губительной. Она принесла стране деиндустриализацию наряду с технологической деградацией, закрепление полуколониальной структуры экономики, ориентированной на добычу нефти, газа, других видов сырья и их экспорт, утрату продовольственной безопасности, недопустимую бедность населения и чудовищную социальную дифференциацию, коммерциализацию здравоохранения, ставшего недоступным для большинства граждан, небывалое моральное и нравственное одичание общества как следствие насаждаемой сверху рыночной идеологии с ее культом денег и наживы, демографический кризис, развал науки, образования и культуры, массовую эмиграцию из страны ученых и высококвалифицированных специалистов. Вполне закономерно, что под воздействием всех этих деформаций в российском обществе возникли глубокое недовольство и протестное движение против антинародного курса правящего режима.

При Ельцине и особенно при его последователях завершилось превращение России в сырьевую державу, в поставщика энергоресурсов и сырья для Европы, США, Китая и других стран. Ее судьба была поставлена в прямую и опасную зависимость от цены на нефть и газ на мировом рынке¹. Ничего не было сделано, чтобы радикально изменить структуру российской экономики в пользу высоких технологий и избавиться от этой зависимости. Михаил Веллер в своей книге «Великий последний шанс» (с. 35) хорошо написал об этой порочной политике: «Господа, вы как хотите, но это деяние русских со своей нефтью может быть квалифицировано или медицинской экспертизой, или уголовным судом. В первом случае мы – умственно неполноценный народ, и нечего с такими олигофренами церемониться, пусть работают за миску похлебки и гуманитарную куртку. Во втором случае – это государственная измена, предательство национальных жизненных интересов с целью крупного личного обогащения...»

Для избавления России от дальнейшего нарастания навалившихся на нее бед и вызовов нужны радикальная смена курса развития страны во всех жизненно важных сферах и отход от той политической и социально-экономической модели, которая была навязана стране после декабря 1991 г.

Очень трагично, что великие достижения в области экономической и социальной политики Советского Союза, ориентированной на народные интересы и нужды, не нашли места в современной России. Страна утратила привлекательность жизни. В ряде случаев демонтаж социализма имел катастрофические последствия. Например, в антисоциалистическом угаре «строители капитализма» ликвидировали сотни существовавших в Советском Союзе леспромхозов, отвечавших за состояние лесов на всей советской террито-

¹ *Гриб Наталья*. Газовый император. Россия и новый мировой порядок. М.: ЭКСМО, 2009; Два президентских срока В.В. Путина. Динамика перемен. ИНИОН РАН, М., 2008.

рии, оснащенных для этого необходимой техникой и располагавших квалифицированными кадрами. Более 70 000 лесников лишились своей работы. Зачем было разрушать то, что с таким трудом создавалось и хорошо функционировало? Разве не ясно, что это явилось одной из главных причин лесных пожаров, бушевавших в России, поглотивших сотни населенных пунктов и стоивших больших человеческих жертв, материальных и финансовых издержек? Эти пожары стали своего рода символом неспособности частного капитала справиться с проблемами развития такой громадной страны, какой является Россия с ее необъятными просторами, сложными природными, национальными и социальными особенностями.

В докладе РАН о развитии экономики России, подготовленном по заданию В.В. Путина под руководством академиков С.Ю. Глазьева, В.В. Ивантера и А.Д. Некипелова и обнародованном в декабре 2013 г., о результатах «реформ», проведенных при Ельцине, говорится: «Первое десятилетие реформ в массовых оценках и суждениях предстает как провальное, как время несбывшихся надежд, как череда непродуманных, не скоординированных по основным сферам жизни общества радикальных мер, которые привели в конечном счете к обнищанию народной массы россиян и отбросили страну в ее развитии на многие годы назад»¹. Но дело-то в том, что эти «реформы» были хорошо продуманы и скоординированы. В другом месте доклада констатируется: «Отсюда – постоянно сохраняющийся в “народной повестке дня” вопрос: в чьих интересах проводились и продолжают проводиться реформы?»² Авторы воздержались, по понятным причинам, дать прямой ответ

¹ Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике. Доклад РАН под редакцией С.Ю. Глазьева, В.В. Ивантера, А.Д. Некипелова. Экономическая и философская газета, № 52, декабрь 2013 г. С. 5.

² Там же.

на этот вопрос. Заинтересованной стороной здесь выступали правящие круги США. Именно их советники при администрации Ельцина направляли эти убийственные «реформы».

3. Обвал России. Причины и последствия

В упомянутом докладе правильно констатируется, что начатые при Ельцине разрушение российской экономики и социальная деформация были продолжены в последующие годы при его наследниках: «Вместе с тем серьезные проблемы, как наследие 1990-х, остаются по сей день. Это и всепроникающая коррупция, и глубокое социальное неравенство, и огромный разрыв в уровне доходов и качестве жизни между богатыми и бедными, духовно-нравственный упадок общества и массовый правовой нигилизм»¹. Результаты развития России после 2000 г. плачевны. Об этом свидетельствует ее рейтинг по важнейшим показателям состояния общества². На июнь 2011 г. она занимала в мире: 16 место по валовому национальному доходу, 65 место по жизненному уровню, 62 место по уровню технологического развития, 97 место по доходам на душу населения, 43 место по конкурентоспособности экономики, 127 место по здоровью населения, 134 место по продолжительности жизни граждан, 27 место по качеству образования, 159 место по уровню политических прав и свобод, 182 место по общему коэффициенту смертности.

К этому надо добавить:

- Согласно данным Министерства промышленности, доля России на мировых рынках высокотехнологичной продукции составляет 0,3 % (это в 130 раз меньше, чем у США).

¹ Там же.

² mr7ru/articals//43146/ 10.06.2011.

- В 2010 г. Россия произвела всего 7 гражданских самолетов, а американская компания Boeing и европейская Airbus – около 400 машин каждая. Теперь бывшая великая аэрокосмическая держава вынуждена закупать самолеты за границей.
- За годы капиталистических реформ в России была ликвидирована вся аграрная инфраструктура СССР, в том числе 27 000 колхозов и 23 000 совхозов, обеспеченных сельхозтехникой и квалифицированными кадрами. Их создание стоило громадных финансовых средств, больших жертв и усилий народа. Они снабжали страну сельхозпродукцией и выполняли важные социальные и культурные функции на селе. Зачем же надо было разрушать их? Они могли эффективно функционировать в преобразованном виде как сельскохозяйственные предприятия на основе коллективной собственности. А создание взамен их массовых фермерских хозяйств провалилось¹. «Шоковая» расправа с социализмом на селе повлекла за собой исчезновение за последние 10 лет с территории России 13 300 деревень и 298 городов.
- В 2010 году в России было собрано около 60 миллионов тонн зерна – половина того, что собиралось в советские времена.
- До 70 % потребностей страны в продовольствии покрываются ныне за счет импортных поставок.
- 1,5 % населения России владеют 50 % национальных богатств. Миллиардеры платят самые низкие в мире налоги (13 %), как и простые граждане. Для сравнения: в западных странах крупная собственность облагается налогом от 50 до 70 %.
- Ежегодно в стране строится лишь 2,7 % от требуемого объема жилья для граждан.

¹ *Кара-Мурза С. «Фермеризация всей страны» – неудавшийся эксперимент длиной в 20 лет. KM.RU → Спецпроекты → Публицистика, 4.09.2012.*

- Стоимость лекарств в России в 3–4 раза выше международных контрольных цен на аналогичные препараты.
- При сегодняшних темпах добычи нефть в России иссякнет через 20–25, а газ – через 30–35 лет. А что же дальше?
- За последние 10 лет на 40 % сократилось население на Дальнем Востоке и на 60 % – на Крайнем Севере.
- Больше половины опрошенных граждан (59 %) убеждены, что Россия идет по неверному пути, и только 18 % верят в правильность курса.
- 69,8 % российских граждан испытывают чувство стыда за свою страну¹.

Ужасной представляется демографическая ситуация в России. Она имеет свою предысторию. В XX веке только неестественные людские потери, обусловленные главным образом политическими причинами (две мировых войны, гражданская война, первая волна эмиграции 1917–1922 гг., красный террор, раскулачивание, голодомор 1930-х годов, сталинские чистки, 25 млн русского населения, оставшегося вне России в ближнем зарубежье в результате разрушения СССР, вторая волна эмиграции 1990-х годов и пр.), составили около 130 млн человек. Это не могло не отразиться тяжелейшим образом на жизненной энергии народа, на его интеллектуальном потенциале. И в XXI веке население России сократилось на многие миллионы человек. Ни один народ в Европе не понес таких громадных людских потерь, как русский (без учета естественных).

После создания СНГ демографический фактор приобрел для России новое, очень опасное измерение. Речь идет не только о продолжающейся убыли ее коренного населения, но и о массовой миграции в нее из постсоветских республик, а также из третьего мира. В советское время этого явления не было. В советских республиках Средней Азии

¹ <<http://www.livejournal.com/poll/?id=1619372>>

и Кавказа жизненный уровень хоть и был недостаточно высоким, но не гнал людей за заработками в другие страны. Не было в этих республиках и безработицы. Кроме того, переселение в тогдашних союзных рамках регулировалось, требовало административного оформления и было затруднено. После 1991 г. все эти условия отпали. Лишившись финансово-экономической поддержки союзного центра, независимые республики оказались в трудном положении. В них произошло падение жизненного уровня, возникла безработица, трудности с получением образования, с медицинским обслуживанием и пр. Так возникли сильные стимулы для массовой миграции людей из постсоветских стран в Россию, подвергнутую «азиатизации».

На территории России проживают ныне более 15 млн иностранных граждан – гастарбайтеров, являющихся в основном малоквалифицированной рабочей силой. Это несчастные люди, которые не могут у себя дома заработать на жизнь. Ежегодно они отправляют в свои страны в целом около 6 млрд долларов из своих заработков в России. Большинство из них налогов не платит. Между тем в России насчитываются миллионы собственных безработных граждан. Многие из них не могут получить работу из-за конкуренции мигрантов, которых охотнее принимают на работу, поскольку их труд оплачивается намного ниже, чем российских граждан. Естественно поэтому в увеличении притока гастарбайтеров в Россию заинтересована прежде всего российская буржуазия. В этом вопросе, как и во многих других, ее интересы идут вразрез с национальными интересами страны. Зато это очень хорошо вписывается в американскую стратегию, преследующую цель разрушения государствообразующей нации и дестабилизации национальной обстановки в России.

Приток мигрантов пагубно отражается на составе русского населения, а также создает условия для возникновения межнациональных столкновений и конфликтов. Несмотря на все эти отрицательные для России последствия

миграции, российское руководство ничего не предприняло до середины 2013 г., чтобы поставить для нее заслоны. «Литературная газета» писала в связи с этим в статье «Дерусификация»: «Проблема миграции, изменения национального состава России, фактическое вымирание русского народа, вполне вероятная потеря им своего ведущего, государствообразующего статуса является ключевой для определения будущей судьбы России»¹.

Речь идет о сбережении русского народа как государствообразующей нации и нейтрализации угрозы, исходящей для нее со стороны американской политики господства. Реализация «Проекта нового американского века», политики «нового сдерживания России» и других аналогичных концепций США предполагали разрушение основ существования государствообразующих наций великих держав, особенно русского и немецкого народа. Для этого был разработан целый комплекс открытых и тайных мер, в первую очередь, поощрение миграции, создание бедности в стране, приведение в кризисное состояние здравоохранения, насаждение наркомании и пьянства, содействие миграции и эмиграции и пр.

На высоком уровне в России продолжает оставаться смертность. Причина? Разрушение превосходной системы здравоохранения, существовавшей в советские времена, ее коммерциализация. Для большинства граждан стали недоступными медицинское обслуживание, а также лекарства ввиду их дороговизны. Число наркоманов, обреченных на раннюю смерть, в России достигло почти 3 миллионов. Бичом страны стало пьянство. От алкоголизма ежегодно погибает около 400 тыс. человек. По подсчетам экспертов ООН к середине XXI века численность российского населения может упасть до 101,456 млн человек². Россия может пре-

¹ Фомин Сергей. «Дерусификация». Литературная газета, 7–12 ноября 2012 г.

² Демографический кризис в регионах СНГ. http://www.zlev.ru/61_56htm, 06.03.2010.

вернуться в «пространство без народа» и легкую добычу для ее недругов.

Особую тревогу вызвал обвал российской науки. После государственного переворота Б. Ельцина все более нарастала ее деградация, не востребованность, резкое недофинансирование и отчуждение со стороны государственной власти. В начале 2013 г. правительство Д. Медведева начало разработку проекта нового статуса Академии наук. Фактически речь шла о ликвидации научной организации, возникшей при Петре I и внесшей за время своего 300-летнего существования громадный вклад в развитие России и в мировую науку. Намерения правительства вызвали глубокий протест и возмущение в российской общественности. Мое отношение к происходящему я выразил в статье «Что будет с российской наукой?», написанной в сентябре 2013 г. Вот ее содержание¹:

«Недавно у входа в Институт экономики Российской академии наук ко мне обратился дежурный вахтер, проверяющий пропуска, с вопросом: “Скажите, пожалуйста, почему в Вашем институте так мало молодых сотрудников?” Я ответил ему кратко: “Научная карьера ныне стала непривлекательной для молодых людей. Она очень низко оплачивается. Доктор наук, профессор зарабатывает в нашем институте 25 тысяч рублей в месяц. А рядовые сотрудники едва сводят концы с концами на своей зарплате. Поэтому очень многие из них покинули в минувшие 20 лет академию, предпочтя более оплачиваемую работу в коммерческих структурах и на государственной службе”. Вахтер очень удивился и воскликнул: “Выходит, что я зарабатываю больше, чем профессор? Моя зарплата составляет 30 тысяч в месяц!”

На этот раз должен был бы удивиться я. Но для меня то, что сказал вахтер, не было сногшибательной новостью. Мне было известно, что и дворник в новой России зара-

¹ Статья опубликована в журнале «Социально-гуманитарные знания», № 5, 2013 г. и в «Экономической и философской газете», № 37, 2013 г.

батывает больше, чем ученый Академии наук. Нынешние власть имущие не ценят российскую науку. Высококласных научных специалистов вынуждают эмигрировать за рубеж, главным образом в США. С 1992 по 2010 г. страны бывшего СССР покинули, спасаясь от нищеты и профессиональной бесперспективности, 3 млн научных работников¹. Большая часть из них – выходцы из России.

Разговор у проходной института лишний раз заставил меня призадуматься о многом. Почему же наше государственное руководство поставило науку в такое положение? Вспомнил, как Е. Гайдар, будучи премьером у Ельцина, сказал в одном интервью: “Российская академия наук? Эта организация нам не нужна”. Неужели власть и впрямь нацелилась на разрушение академии?

В академии я работаю с 1970 г., т. е. 43 года, и могу констатировать, как после государственного переворота Ельцина в 1991 г. все более нарастала ее деградация, невостребованность со стороны государственной власти и сокращение ее финансирования. Ничего подобного не было в советские времена. Наука занимала тогда почетное место в государственных приоритетах, добилась выдающихся успехов и имела очень высокий авторитет во всем мире. А сейчас? Вот только одно сравнение: в 2010 году Соединенные Штаты вкладывали в НИОКР более 3 % ВВП, Китай – более 2 %, а Россия – 0,1 % нашего, не сопоставимого с американским, ВВП. И этот процесс усиливается. А ведь наука, знания являются ныне главной, определяющей основой развития современного общества, гарантом его благополучия и процветания.

Воплощением в жизнь гайдаровской установки усердно занимался, несмотря на бурные протесты общественности, министр образования и науки Фурсенко, а затем его бывший помощник и единомышленник Д. Ливанов. Почему же новая буржуазная власть России так неуважительно

¹ Утечка мозгов из России // Deutsche Welle. 14 июня 2010 г.

относится к науке? Объясняется это очень просто: ее социально-политический и экономический курс находится в резком противоречии с требованиями и достижениями общественных наук. А менять этот курс она не хочет и не может.

27 июня 2013 г. правительство Д. Медведева внесло на рассмотрение Государственной думы РФ скандальный законопроект «О Российской академии наук». Он был разработан без привлечения представителей научной общественности в расчете, что Дума быстро «проштампует» его принятие, как обычно она это делала со всеми законодательными инициативами правящей верхушки, и поставит всех перед свершившимся фактом. И действительно, 5 июля она приняла законопроект в двух чтениях. Окончательное его принятие запланировано на сентябрь 2013 г. О содержании законопроекта не мог не знать президент В. Путин.

На этот раз Д. Медведев и его правительство серьезнейшим образом просчитались. Законопроект вызвал широчайшее возмущение и протесты научной общественности. И вполне понятно почему: фактически речь идет о ликвидации Российской академии наук – организации, внесшей за время своего существования громадный вклад в развитие нашей страны и в сокровищницу мировой науки.

По инициативе многочисленных академических институтов и других российских научных учреждений 29 и 30 августа 2013 г. в Большом зале Президиума РАН состоялась конференция научных работников Российской академии наук на тему «Настоящее и будущее науки в России». В конференции участвовало более двух тысяч человек. Мне посчастливилось быть в их числе и прочувствовать протестную атмосферу, царившую в аудитории. Президент РАН В.В. Фортов в своем вступительном докладе подверг резкой критике правительственный законопроект. Его единодушно отвергли и все выступавшие в прениях. Лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов в своем блестящем докладе назвал законопроект преступным. Он зачитал об-

ращение 20 иностранных лауреатов Нобелевской премии к российскому президенту. Очень высоко оценив научные достижения российских ученых, они призвали В. Путина не допустить разрушения Российской академии наук.

В выступлениях участников конференции и в принятой резолюции, прозвучавшей как призыв к спасению академии, содержались такие требования:

- не допустить лишения Российской академии наук самостоятельности и подчинения ее политическим и хозяйственным прихотям правительственных чиновников, заменив ее научным советом при правительстве;
- оставить за учеными право самим решать, как следует совершенствовать Российскую академию наук, определять содержание и цели научной деятельности и осуществлять ее финансово-материальное обеспечение;
- не допустить слияния Российской академии наук с Медицинской академией и Сельскохозяйственной академией, как предусматривал правительственный законопроект, ибо эти научные организации имеют совершенно другие задачи;
- академические институты должны оставаться в ведении РАН, а не быть переданы, по законопроекту, в подчинение отдельных федеральных министерств;
- региональные отделения РАН (Дальневосточное, Сибирское и другие) выполняют важные научные функции и не должны быть распущены. Напротив, их надо всемерно укреплять материально и в кадровом отношении;
- поднять престижность науки и социальный статус ученых в российском обществе, значительно увеличить финансирование Российской академии наук и повысить зарплату научных работников;
- уволить в отставку министра образования и науки Д. Ливанова и вице-преьера О. Голодец, ответственных за указанный правительственный законопроект

и продемонстрировавших свою полную некомпетентность в вопросах развития науки.

Ученые-юристы, выступившие на конференции, отметили, что правительственный законопроект, одобренный в двух чтениях Думой, нарушает отдельные положения Конституции Российской Федерации».

Изложенные в этой моей статье факты и соображения нашли подтверждение в выступлениях видных российских ученых. Так, 30 августа в «Независимой газете» было опубликовано интервью академика Р. Нигматулина. В нем он затронул один из главных вопросов, волновавших участников конференции: «В любом случае чиновники хотят представить себя единственными представителями государства, которое финансирует РАН, и усилить чиновничью компоненту в управлении РАН. Но если в управлении Академии наук усилится влияние нынешних чиновников, то это будет означать полный развал науки в России. В качестве показательного примера пагубных реорганизаций, проведенных нынешними чиновниками, является то, что происходит в энергетике, ракетно-космической, авиационной, атомной и других отраслях промышленности после замены профессионалов молодыми менеджерами. А довольны ли мы реформами, которые произошли в среднем и высшем образовании, в культуре, армии и других сферах?»

В аналогичном духе высказался академик Жорес Алфёров в выступлении на Первом канале телевидения 30 августа: «Как академики будут самоуправляться, еще предстоит решить, но вот что важно – Российская академия наук со времен Ломоносова – самостоятельная негосударственная организация. Даже в советское время академики не лишили звания своего опального коллегу – Андрея Дмитриевича Сахарова, а совсем недавно отказались принять в академию ряд политиков и бизнесменов. В любой уважающей себя стране Академия наук – это независимая общественная организация, живущая по своим законам».

Протестные конференции ученых состоялись не только в Москве. Такая конференция состоялась в Новосибирске. В ней участвовало полторы тысячи научных работников. И в Петербурге научная общественность не осталась в стороне от движения в защиту РАН и всей российской науки. Найдет ли все это понимание в российских правящих верхах? Изменят ли они свое отношение к науке? Этого, к сожалению, не случилось.

В статье «Интеллектуальная катастрофа России», опубликованной 16 октября 2013 г. в газете «Московский комсомолец», член-корреспондент РАН Р. Гринберг отметил: «В случае с реформой РАН, если она пойдет по правительственному сценарию, взвешивать хорошие последствия с плохими не придется. Первых просто не будет, и Россия гарантированно останется без собственной фундаментальной науки. А это значит, что научно-образовательный потенциал нации постигнет та же участь, что и советскую страну». В Вестнике Академии наук в ноябре 2013 г. была опубликована статья академика О. Богомолова под многоговорящим названием «Великое научное закрытие».

Ну и что же? Дума утвердила правительственный законопроект, а В. Путин подписал его. Был нанесен тяжелый удар по духовному потенциалу России, что в перспективе может иметь далекоидущие отрицательные последствия для ее интеллектуального генофонда как основы существования и развития нации. Все это очень хорошо вписалось в американский сценарий «трансформации» России.

Казалось бы, после ухода Ельцина главные усилия государственной политики следовало направить на ликвидацию ущерба, нанесенного базисным, стратегическим звеньям российской экономики, от которых зависит судьба России, ее место и безопасность в современном мире, благосостояние ее граждан. Но наиболее значимые «государственные акты» его наследников не имели с этим ничего общего. Приоритетом пользовались второстепенные вещи. Например, развитие пиаровской «индустрии развлече-

ний», отнявшей громадные финансовые средства от главного, что нужно для страны, – развития промышленного производства, реальной экономики и техники, ликвидации массовой нищеты народа. Так, зимняя Олимпиада-2014 в Сочи обошлась стране более чем в \$50 млрд. Для сравнения: Олимпиада в Ванкувере 2010 года стоила \$1,75 млрд. А не лучше ли было направить эти деньги не на сочинскую олимпиаду, а на строительство в стране тысяч спортивных площадок и бассейнов для укрепления здоровья нашего народа? Или для восстановления машиностроительной и других отраслей промышленности, приведенных в плачевное состояние? В шумной сочинской пропагандистской кампании потонули многие тревожные сообщения о критическом состоянии важных отраслей российской экономики. Читаем в одном из них: «После распада Советского Союза в 1991 году российский космический потенциал в деле освоения космоса и работа на этом направлении серьезно пострадали. Сегодня Россия не только зависит от международной помощи в реализации своих космических программ, у нее также недостаточно финансовых возможностей для создания новых и поддержания имеющихся возможностей по освоению космоса...»¹ Вот так. Для Путина проведение Олимпиады в Сочи оказалось важнее, чем поддержание на должном уровне безопасности страны и развитие передовых технологий.

В том же ряду стоят другие исключительно дорогостоящие проекты, такие как проведение первенства мира по футболу в 2018 г. или расширение территории Москвы в два с половиной раза. В разумные рамки не вписываются многие прочие ненужные «государственные акты», стоившие стране больших денег. Например, совершенно ненужное переименование милиции в полицию, стоившее более 2 млрд рублей. А решение об отмене перехода на зимнее время? Лишний час использования электроэнер-

¹ EXRUS.eu, Nr. 189, 27.01.2014.

гии для освещения в темное время суток стоил многих миллиардов рублей. К тому же это решение Медведева отрицательно отразилось на самочувствии и здоровье граждан. А строительство самого большого в мире моста от Владивостока до острова, где предстояло провести саммит АТЭС? Не было принято даже во внимание, что на острове нет нормальных условий для проживания из-за отсутствия на нем пресной воды. Намного разумнее было бы построить на выделенные деньги (значительная часть которых, как выяснилось, осела в карманах мошенников) комплекс современных зданий во Владивостоке. К числу ненужных и дорогостоящих мероприятий относится и перевод высших судебных органов из Москвы в Петербург. Все эти и многие другие странные решения представителей «ручного управления» страной свидетельствуют о царящем произволе власти. Она ведет себя так, как будто над Россией не довлеет выполнение неотложных, жизненно важных задач восстановления и развития базовых звеньев промышленности, высокотехнологичных отраслей экономики, снятия страны с «нефтегазовой иглы», ликвидации бедности и нищеты миллионов граждан.

Ничего не было сделано, чтобы предотвратить беспрепятственный вывоз из России национальных богатств. Разве ответственные государственные деятели, болеющие за судьбы страны, за ее национальные интересы, могли бы, например, позволить перевод в офшоры более двух триллионов долларов, которые потеряны для России и используются в чужих интересах? А ведь на такие громадные средства можно было бы провести капитальную модернизацию российской промышленности и значительно поднять благосостояние народа.

Нынешние российские обладатели «ручного управления» до сего времени не сформулировали четко социально-политическую составляющую программы их действий и не предложили ее общественности. Они предпочитают заострять внимание на решении второстепенных вопросов.

Вполне понятно почему: признание, что они превращают Россию в капиталистическую страну, не имеющую будущего, вызвало бы реакцию отторжения в народе. Тем более что капиталистическая система и ее идейные ценности во всем мире, особенно в его цитадели – США, пребывают в глубоком и в перспективе безысходном кризисе. Стыдливое замалчивание антинародной сути программы нынешнего российского руководства компенсируется пиар-технологиями, введением общественности в заблуждение, например, созданием движения «Общенародного (?!) фронта». И это в стране, где все делается в интересах не народа, а финансово-промышленной олигархии! В декабре 2013 г. состоялась встреча лидера фронта В. Путина с общественностью. В ходе четырехчасового разговора «...не нашлось ни одного доброго слова ни в адрес правительства, ни региональных властей»¹.

Неудивительно, что жизнь современной России приняла уродливые черты. Ее пронизывает культ денег и наживы, который, как ничто другое, способствует нравственному разложению личности и общества, ведет к подрыву духовной культуры, к коррупции и криминальности, к жульничеству, воровству и социальной безответственности, к чудовищной социальной дифференциации и несправедливости, к необузданному потребительству и гедонизму. Все эти явления – естественные и неотъемлемые спутники капитализма – сотрясают не только российское, но и западное общество.

Бесконечно долго так не могло продолжаться. И вот, наконец, в России произошел первый социальный «взрыв малой мощности» – стотысячная протестная демонстрация на Болотной площади в Москве и аналогичные массовые выступления (по официальной терминологии «беспорядки») во многих других городах России. Снова на повестку дня страны выдвинулся лозунг: «Так больше жить нельзя!».

¹ Быков Л. Наказы и наказания // Литературная газета. 11–17 декабря 2013 г.

Народ понял, что проводимая государственная политика губительно отражается на его интересах. Очень хорошо особенности современного состояния российского общества, в которое его ввергли стоящие у власти «строители капитализма», обрисовал безымянный поэт в Интернете:

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА?

С чего начинается Родина?

С плевка, что запущен в народ,
С чеченов, лезгинку танцующих,
у Боровицких ворот.

А может, она начинается
с Беслана и взрывов в метро,
С того, что досрочно на выборах
опять победило ЕдРо.

С чего начинается Родина?

С жирующих жизнью столиц
И с сытых улыбок, что видим мы
на лицах у всех первых лиц.

А может, она начинается
с зарплаты в семь тысяч рублей?
С того, что в бюджете нет денег
на ясли и учителей.

С чего начинается Родина?

С рояля в Ледовом дворце¹,
С мигалок, народ разгоняющих,
в Москве на Садовом кольце.

А может, она начинается с трубы,
что качает наш газ?

Со Сколково и Олимпийских игр,
что «сильными» сделают нас?

¹ Имеется в виду передававшийся по телевидению «концерт» В. Путина в Ледовом дворце, на котором он продемонстрировал свое музыкальное искусство, отстукав на клавишах двумя пальцами популярную мелодию «С чего начинается Родина?».

С чего начинается Родина?
С полиции и ФСБ,
И полчищ мигрантов, которые
по-русски ни «Бэ» и ни «Мэ».
А может, она начинается
с понятий «не пойман – не вор»?
Где инфраструктуру подпольную
крышует сам Генпрокурор.
С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре...
Пора б окунуться в действительность,
ведь век уж не тот на дворе.
А может, она начинается
с откатов бюджетных деньжат?
С тех средств, что теперь миллиардами
в офшорах на вкладах лежат.
С чего начинается Родина?
С разврата и прочих утех,
С того, что добро и порядочность
теперь вызывают лишь смех.
А может, она начинается
с той песни, что пела нам мать?..
Подумай ещё раз, как следует,
когда пойдёшь голосовать.

К сожалению, патриотические общественные и политические силы – не без воздействия государственных властей – до сего времени не смогли объединить усилия, для того чтобы разработать и предложить обществу новую социально-политическую программу для вывода России из провала, в который её низвергли, и выдвинуть из своей среды авторитетных политических лидеров.

В средствах массовой информации и в литературе в последние годы появилось много интересных публикаций на эту тему. Прежде всего, здесь надо назвать труд Николая Леонова «Крестный путь России» (М.: изд-во «Алгоритм»,

2003). Он нарисовал ужасающую картину разрушения России «семьей» Ельцина в 90-х. Или его же труд «Что еще может Путин», вышедший в 2013 г. Глубокий анализ состояния российского общества дан в книге Сергея Кара-Мурзы «Угрозы России. Точка невозврата». Нельзя не согласиться с его выводом: «За двадцать лет реформ произошла деградация систем государственной власти и управления, социальных отношений, культуры и профессиональной этики... Последние 20 лет только грабили страну и ничего не создали взамен...»¹ Можно назвать и интересную публикацию Татьяны Воеводиной «Выйти из социализма. Чтобы вернуться?»². В ней она пишет: «Будет ли вторая серия социализма? Вполне вероятно. Нельзя исключать, что человечество вскоре столкнется с фатальной нехваткой ресурсов и их придется распределять “по карточкам” – вот тогда и пригодится опыт государственного социализма. Он может оказаться эффективнее прежнего, этот социализм-2. Новая технологическая база (главным образом информационные технологии) позволяет планировать более эффективно, чем это делал отечественный Госплан... Мы еще встретимся – мы и социализм». Весьма интересный анализ заката России дан в книгах С. Морозова «Заговор против народов России сегодня» (М., 1999), Ю. Воронова «Стреноженная Россия» (М., 2005) и др.

На фоне глубокой неудовлетворенности от порядков, возникших в России, в народе широко распространилась ностальгия по прошлым социалистическим временам и даже возник «ренессанс Сталина». Но было бы иллюзией считать, что идея возврата к старой советской системе может получить поддержку у большинства российского народа. Советский строй принадлежит прошлому. Он был далек от совершенства, имел много недостатков, но, бесспорно,

¹ Кара-Мурза С. Угрозы России. Точка невозврата. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2012. С. 544–545.

² Литературная газета, 25 ноября – 4 декабря 2012 г.

сыграл свою положительную для страны роль и указал магистральный социалистический путь для развития России. Его опыт не может игнорироваться, а тем более опопляться.

Обвал России – закономерное следствие введения в стране порочной и отживающей свой век капиталистической системы. Она не смогла, в отличие от социалистической, послужить для России не только мотором промышленного, технического, научного, культурного и социального прогресса, но и скрепляющим каркасом для огромной, многонациональной страны. Как раз наоборот – способствовала ее деградации во всех жизненно важных сферах, нарастанию в обществе напряженности, социальных и международных конфликтных ситуаций.

Крупная частная собственность на средства производства, на финансовый капитал и на стратегически важные отрасли хозяйства, на природные богатства не способна обеспечить управляемость экономическими и общественными процессами, рост и реформирование экономики, повышение благосостояния граждан. Она ведет неизбежно к экономическим кризисам и социальным потрясениям. Такая система не позволяет разумно распределять финансово-экономические и людские ресурсы в масштабах страны, устанавливать правильные приоритеты в политическом, социально-экономическом, научном и духовном развитии, ликвидировать тяжелую структурную деформацию экономики, ориентированной на добычу и экспорт нефти и газа, воспрепятствовать возникновению «офшорной экономики» и бегству из России национальных богатств, а также «умов»¹, избежать глубокого нравственного падения общества и ужасной социальной дифференциации и демографического кризиса.

¹ Академик Е.М. Примаков в своей статье «Россия – 2012: вызовы и проблемы. О путях развития в беспокойном мире» пишет: «По имеющимся подсчетам, из России в последние годы уехало примерно 2 млн представителей образованного среднего класса» (Независимая газета, 16 января 2013 г.).

Все это тяжелейшим образом отразилось на внутреннем и международном положении России.

В совместном аналитическом докладе, подготовленном Институтом экономики и Институтом социологии РАН об итогах 20-летнего развития нашей страны, сделан следующий вывод: «Нынешняя Россия во многом – результат деятельности реформаторов 1990-х и 2000-х годов. Но внутреннее состояние нашей страны – это не только российская проблема, оно оказывает огромное воздействие на мировые процессы. Значение и роль России в современном мире также диктуют необходимость проведения экономико-социологического анализа последствий осуществленных реформ. Тем важнее оглянуться на события 20-летней давности, посмотреть на них глазами современных поколений россиян. Также чрезвычайно важным представляется проанализировать то, как эти перемены сказались на жизни наших сограждан, их социальном и материальном благополучии, возможностях самореализации, эволюции их мировоззренческих установок, национальной самоидентификации, взглядов на окружающий мир, роль и место в жизни государства и общества демократических институтов и норм и т. д. Однако, притом, наиболее существенная очевидность уже налицо: экономическая модель, сформированная в 1990-х годах, нуждается в замене»¹.

Действительно, создание новой социально-политической модели – главное условие возрождения России. Но нынешняя правящая российская элита не намерена и не способна добиваться осуществления этой цели. Ее главная задача – удержать Россию на капиталистическом пути развития, чуждого менталитету русского народа и его традициям. Этот путь может привести только к социальному взрыву.

¹ Двадцать лет российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном). РАН, М., 2012 г.

4. Выдержит ли Россия дальнейшее испытание на прочность?

«Считаю целесообразным и необходимым создание механизма по продаже через межгосударственные аукционы краев и областей Сибири и Дальнего Востока с целью переселения оставшегося в живых титульного населения в центральные районы России, на что использовать вырученные от продажи деньги. Продажу осуществлять только за золото и стараться использовать принцип чересполосицы, продавая регионы разным странам с максимально геополитически выгодным для нас размещением будущих соседей... Если с Сибирью и Дальним Востоком не решить проблему через коммерческую продажу этих территорий, то завтра точно будет поздно: до Урала будет один сплошной Китай...»

Что это? Бред сумасшедшего? Отнюдь нет, это выдержка из открытого письма одного из первых российских олигархов Г. Стерлигова, направленного в июне 2011 года российскому президенту Д. Медведеву и главе правительства РФ В. Путину. Это письмо заставляет о многом задуматься. Прежде всего, оно свидетельствует, насколько пагубным для России оказался весь курс российских «строителей капитализма» с 1992 г. Мы дожили до того, что на свет появляются идеи о распродаже нашей страны, поскольку нынешняя государственная власть уже не в состоянии обеспечить ее целостность¹. В октябре 2013 г. главный редактор газеты «Москоу таймс» Е. Альбац выступила с заявлением, что она нисколько не опечалится, если Россия будет разделена Уральским хребтом на две части.

Задолго до Стерлигова аналогичными проектами выступали многие видные представители политического истеблишмента США. Не кто иной, как бывший советник американского президента Збигнев Бжезинский, считал

¹ Этот вопрос затронут в моей статье, опубликованной в журнале «Геополитика» 10.08.2011 <<http://geopolitika.ucoz.ru/>>

необходимым «обеспечить господство США на Евразийском континенте» путем расчленения России на Российскую республику, простирающуюся от ее западных границ до Урала, Сибирскую и Дальневосточную республики.

Как же произошло, что целостности России стали угрожать не только внешние, но и внутренние силы? При анализе российской политики обращает на себя внимание ее удивительная особенность. Вольно или невольно, она очень совпадала с американскими целями и методами разрушения России как великой державы, способной обеспечить свою суверенность, безопасность и жизнестойкость перед лицом массивированного нажима со стороны США.

В результате осуществления американской программы разрушения России и стало возможным появление идей Стерлигова. В первом обращении к гражданам России в 2011 г. Г. Зюганов справедливо констатировал: «То, к чему пришла страна, позволяет нам сказать: за последние два десятилетия в ней не было никаких реформ, а шел лишь продуманный и последовательный процесс разрушения государства, порабощения трудящихся, наглого присвоения всего, что было создано не только за годы советской власти, но и за всю нашу тысячелетнюю историю».

Этот процесс направлялся продуманно и последовательно по американскому сценарию. В советское время основу государственности составляла социалистическая экономика, предоставлявшая в распоряжение власти крупнейшие ресурсы для развития промышленности, науки, техники и образования, для решения социальных и оборонных задач, для обеспечения единства страны. Чубайсовская приватизация нанесла сокрушительный удар по основам российской государственности. Народные богатства были переданы за копейки будущим олигархам и финансовым воротилам, чуждым народу и национальным интересам страны. Жизнь показала, что передача ключевых звеньев экономики России в частную собственность лишила правительство возможности принимать все необходимые меры для обеспечения

единства страны. Разве не показательно, что на развитие Дальнего Востока оно смогло выделить в 2011 г. один миллиард долларов, а Китай на его «освоение» в три раза больше? Ничего подобного не могло произойти в Советском Союзе.

На Петербургском экономическом форуме президент Д. Медведев выступил с инициативой радикально изменить характер экономических отношений России с США и другими странами Запада. По его идее, в реформировании российской экономики большая роль должна быть отведена западным финансовым инвестициям. Чтобы сделать это возможным, на российском рынке необходимо создать самые благоприятные и надежные условия для зарубежных инвесторов.

Эти инициативы вызывают большие сомнения и опасения. Обратимся к опыту американских инвестиций в странах Европы. В сентябре 2005 г. Франц Мюнтеферинг – в то время председатель Социал-демократической партии Германии – обрушился в газете «Welt am Sonntag» с критикой иностранных инвесторов, которые «не думают о людях, чьи рабочие места они уничтожают. Они остаются анонимными, не имеют лица, нападают как стая саранчи на предприятия, пожирают их и далее набрасываются на все новые и новые». С тех пор термин «стратегия финансовой саранчи» стал синонимом для действий американской финансовой олигархии в Германии и других странах. При этом речь идет, естественно, об угрозе установления экономического, а следовательно, и сильного политического влияния США в избранных странах. Директор германского Института среднего предпринимательства проф. Эберхард Хамер писал, что международный финансовый капитал установил свое господство над народным хозяйством ФРГ, став совладельцем более 80 % немецких средних и крупных предприятий и тем самым поставив под свой контроль немецкие СМИ и даже правительственную политику¹.

¹ *Hamer E.* Die Förderung des Mittelstandes entspricht der sozialen Marktwirtschaft und ist eine Alternative zu Sozialismus und Kapitalismus. «Zeit-Fragen», 22. April 2013.

В 2006 г. на поглощение иностранных фирм во всем мире была израсходована громадная сумма в 3,7 триллиона американских долларов. Для этого американцы имели самые благоприятные возможности: ведь Центральный банк США, находящийся в частных руках, бесконтрольно печатает в громадных количествах, сколько ему заблагорассудится, «бумажные фантики» – ничего не стоящие доллары, не обеспеченные, после ликвидации в 1971 г. Бреттон-Вудской системы, золотым эквивалентом. Гигантские денежные накопления были брошены на скупку зарубежных предприятий и иной собственности. При этом использовались коварные методы. Финансовые тузы намеренно предоставляли этим предприятиям завышенные кредиты, которые они вскоре оказывались не в состоянии вернуть и потому терпели банкротство. А затем их поглощали иностранные кредиторы. Этот метод был применен не только к отдельным предприятиям, но и к целым странам.

Яркий пример тому – Греция, оказавшаяся перед лицом дефолта в результате финансовых махинаций группы олигархических спекулянтов, ведущую роль среди которых играл Сорос. Ныне, в век глобализации, на смену предпринимательскому капитализму пришел агрессивный финансовый капитал. Американские финансовые воротилы поняли, какие колоссальные экономические и политические выгоды в конкурентной борьбе можно извлечь из скупки зарубежной собственности, из подрыва экономики отдельных государств или валюты, господствующей в других странах и в региональных экономических группировках, как, например, в Евроне. Особую привлекательность для них представляет ныне и Россия. Ее распродажа может осуществляться и через иностранные инвестиции. Они могут сыграть роковую роль в ее судьбе.

А как поступило российское руководство в этой ситуации? Вместо того чтобы стимулировать собственные инвестиции в промышленность, оно создало все условия для вывоза российского капитала в офшоры, особенно в США,

поставив его на службу чужим интересам. О масштабах финансового разграбления России свидетельствуют такие цифры: в 2008 г. в офшоры, где можно избежать налогообложения, ушло две трети бюджета РФ. 90 % крупного российского бизнеса зарегистрированы в офшорах. 80 % сделок по продаже российских ценных бумаг проводится через эти зоны. Только в 2008 г. из страны утекло на эти цели более 200 млрд долл. Эта сумма превышала размер дефицита бюджета РФ в 2009 г.¹ Лишь в декабре 2013 г. В. Путин поставил вопрос о «деофшоризации». Но было уже поздно. Как говорится, «дело было сделано» и экономике России был нанесен трудно поправимый ущерб.

Итак, итоги развития России за минувшие после ельцинского государственного переворота годы выглядят во всех жизненно важных областях обескураживающе. Экономика России переживает небывалый упадок. Уровень ее ВВП до сего времени ниже 1990 г. В плачевное состояние приведены ее машиностроительная, самолетостроительная, судостроительная, металлургическая промышленность, сельское хозяйство. Она утратила свои передовые позиции в научно-технической сфере. В безрадостном положении оказалась не только наука, но и образование России. В советское время оно было обязательным и бесплатным, считалось одним из лучших в мире. Теперь оно стало дорогим и доступным только для детей богатых и состоятельных родителей. Можно сказать, что стараниями министра А. Фурсенко, его чудовищными «нововведениями» образование в России превратилось в профанацию.

Россия утратила способность быть политическим, экономическим, научно-техническим и культурным мотором интеграции в зоне СНГ. Она вытесняется из постсоветского пространства Соединенными Штатами, их европейскими союзниками и Китаем.

¹ Тудоровский Я. Сговор жадных. АИФ, № 35, 2009. С. 15.

Большая угроза для России связана и с катастрофическим падением морали и нравственности, с невиданной коррупцией и криминальностью, поразившими российское общество сверху донизу. Россия превращена в рай для всякого рода финансовых проходимцев, крупнокалиберных воров и казнокрадов.

Возникает вопрос: выстоит ли Россия под тяжестью навалившихся на нее вызовов и угроз? Директор американской разведывательно-аналитической организации STRATFOR Джордж Фридман, тесно сотрудничающий с корпорацией РЭНД и с аналитическими службами штаба НАТО, писал об ее участии: «В конце концов, страна развалится и без войны (как уже развалилась в 1917 г., и это произошло снова – в 1991 г.)»¹. К подобному выводу Фридман пришел на основе анализа развития России после 1991 г.

Капиталистический путь, на который толкнули Россию, выявил свою ущербность для народа, для внутреннего и международного положения страны. Может быть, даже потому, что, как писал Бердяев, русский народ является «одной из самых небуржуазных наций». Нынешний мировой финансово-экономический, моральный и социальный кризис, поразивший западную систему, лишней раз подчеркивает несостоятельность и провальность модели развития, которая была навязана России в декабре 1991 г. Таковы печальные итоги развития России. Их невозможно оспорить. Русский философ Александр Зиновьев писал в связи с этим: «Бомба западнизации, взорванная в России, произвела в ней неслыханные ранее опустошения не только в сферах государственности, экономики, идеологии и культуры, но и в самом человеческом материале общества. В таких масштабах и в такие сроки это до сих пор еще не удавалось сделать никаким завоевателям и ни с каким оружием».

¹ Фридман Д. Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века. М.: ЭКСМО, 2010. С. 162.

О народе России, пережившем за свою историю множество судьбоносных испытаний, издавна сложился образ «Ваньки-встаньки». Отражение множества иностранных нашествий, внутренние смуты, революции, заговоры, государственные перевороты – всем этим изобиловала российская история. Казалось, что народ не выдержит навалившихся на него невзгод и несчастий, особенно после пережитых политических, социальных, демографических и военных катастроф XX века. Но нет, он преодолевал их и находил в себе силы снова подняться на ноги. Сохранит ли он эту способность перед лицом новых угроз и вызовов в XXI веке?

ЭПИЛОГ: О ПУТЯХ РОССИИ В БУДУЩЕЕ¹

Что имеем, не храним, потерявши, плачем. Эта русская поговорка очень верно отражает то, что с нами случилось в результате потери социалистического строя в конце 1991 г. Социализм сулил России великие перспективы. При нем, даже при всех его крупных недостатках и извращениях, страна превратилась в державу глобального значения, преодолев синдром «догоняющего развития» и совершив грандиозный исторический рывок к передовым рубежам экономического, научного, технического, образовательного и культурного развития. В схватке с фашизмом во Второй мировой войне социализм вышел победителем. Он первым вывел человечество в космос, поставил на службу стране мирную атомную энергию. И это далеко не все его достижения.

Несмотря на порочную конфигурацию советской власти, замыкавшейся на одной личности (сначала – на Сталине, а затем – на его последователях), народ проявлял чудеса в труде и творчестве, будучи увлеченным благородными социалистическими идеями и перспективой созидания нового, справедливого общественного устройства. Советский Союз имел все возможности превзойти страны Запада по уровню и качеству жизни граждан. Достижение этой цели должно было быть высшим приоритетом советского руководства. Но громадные материальные ресурсы страны (около 30 % ее ВВП) напрасно тратились на проведение совершенно ненужной мессианской коммунистической экспансии, вместо того чтобы обратить их, как и духовный потенциал, на совершенствование социалистического строя, его демократизацию, повышение его экономической эффективности,

¹ Эта тема была рассмотрена мною в статье, размещенной на сайте km.ru. Дашичев, 22.06.2012 г. и в труде «Россия: испытание на прочность», опубликованном в Вестнике научной информации, РАН, Институт экономики, 2014 г., 170 с.

устранение тяжелейших ошибок и перекосов во внутренней и внешней политике.

Осуществление этой грандиозной исторической задачи началось с большим опозданием, лишь в 1985 г. с началом перестройки, которая должна была превратиться в социалистическую реформу. Она с большим энтузиазмом была встречена и поддержана советским народом. От ее успеха зависел политический и социально-экономический характер дальнейшего развития не только Советского Союза, но и, без преувеличения можно сказать, всего человечества. Благополучное завершение социалистической реформации позволило бы создать для внешнего мира исключительно высокий демонстративный эффект от коренным образом обновленного социалистического строя. Для этого нужно было добиться того, чтобы присущие ему ценности – общественная собственность на средства производства и природные богатства, народовластие, высокое благосостояние граждан, бесплатное образование и здравоохранение, экономическая, научная и социальная эффективность, интенсивное развитие культуры и искусства, справедливость, высокая нравственность, гуманность, приверженность мирной политике и сотрудничеству между народами, патриотизм и служение Родине, чувство ответственности и долга граждан перед обществом, национальная и конфессиональная толерантность и прочее – стали бы повседневной реальностью.

Но решить эту историческую задачу так и не удалось. Для этого у советского руководства тогда не хватило ни государственной мудрости, ни понимания, куда и как вести страну, ни воли и решимости отстоять социалистическую реформу от безответственных, авантюристических кругов в собственных рядах, а также от подрывных действий мировой финансовой закулисы, которая, как черт ладана, боялась нового, демократического социализма. Тоталитарный характер власти в стране привел к нравственному и идейному перерождению партийной и государственной номенклату-

ры. Именно ее представители развалили Советский Союз. Главным его могильщиком стал тогдашний кандидат в члены Политбюро Б. Ельцин. Так начался самый позорный этап в историческом развитии России. На страну обрушились страшные беды. Она оказалась на краю полного развала. Только чудом его удалось избежать. Но и после 1990-х годов проблема выживания как дамочлов меч нависла над Россией.

Как тут не задуматься о том, что же нужно сделать, чтобы избавить Россию от худшего, каков должен быть ее путь в будущее¹. Ответить на эти вопросы невозможно, не опираясь на социальную теорию. Но она, как и вся наука, оказалась в России в полном загоне, не востребованной «верхами». А без теории нет целенаправленного развития на благо страны и народа. Общество, которое лишили возможности познать себя и совершенствоваться, которое пребывает в теоретических потемках, обречено на деградацию.

Вот почему очень возросла актуальность научного обобщения опыта функционирования социализма и капитализма в России (Советском Союзе). Смысл таких научных поисков заключается в том, чтобы найти правильный вектор развития страны, пути вывода ее из тяжелого кризисного положения, в котором она оказалась после 1991 г., и не допустить ее полной экономической, социальной и нравственной деградации, а тем более распада. Не случайно не только в нашей стране, но и на Западе, охваченном глубоким системным кризисом, наблюдается повышенный интерес к вопросу: «А что же дальше?». По вине Ельцина и его последователей мы оказались со странами капиталистического Запада в одной тонущей лодке. Подавляющая часть российских граждан начала сознавать, что нынешние беды

¹ См. статью на сайте km.ru. Дашичев В., 22.06.2012 г. Первые соображения по этим вопросам я изложил в 2002 г. в статье «Трагическая цепь отвергнутых возможностей (Теория конвергенции и реформирование России)», опубликованной в «Литературной газете» 23–29.10.2002.

России связаны с насильственным введением в ней дикого капитализма и созданием соответствующего его природе государственного управления.

В этом свете понятен повышенный интерес, проявляемый ныне к теории конвергенции общественных систем, применение которой может привести к созданию новой, демократической синтетической модели социального развития с использованием лучших, жизнеутверждающих черт социализма и капитализма. Но на пути к этому имеется много объективных и субъективных препятствий и трудностей, связанных с характером собственности и власти, государственного управления, особенностями правящей элиты, ментальностью и традициями народов и пр. Речь здесь идет о заимствовании восходящей социалистической формацией не потерявших своего значения цивилизационных черт уходящей в прошлое капиталистической формации. Но в России это приняло уродливые формы. Очень правильно об этом сказал писатель А.Г. Битов: «Мы взяли все худшее от Запада и потеряли все лучшее, что было при советской власти»¹. Такая «конвергенция» нам не нужна.

В связи с 20-летием объединения Германии в немецкой прессе в октябре 2010 г. проводились интересные сравнения капитализма и государственного социализма в двух германских государствах, их положительных и отрицательных черт. Констатировалось, что, несмотря на прошедшие годы, все еще остается разделительная стена в головах многих восточных и западных немцев в духовном восприятии социально-политических реальностей. Влиятельная немецкая газета «Frankfurter Allgemeine» писала в связи с этим: «Хотя двадцать лет тому назад немцы ГДР пережили крах советской мировой империи, но все же победа капитализма не была столь полной, чтобы конкуренция двух систем исчезла раз и навсегда. Борьба между идеалами свободы и равенства продолжается. Но она ведется теперь не между Востоком и Запа-

¹ Литературная газета, 23–29 мая 2012. С. 4.

дом, а внутри нашего общества»¹ (подчеркнуто мною – В.Д.). Это очень интересная и справедливая констатация. Ее с полным основанием можно отнести и к нынешнему российскому обществу. Но речь здесь идет не об историческом споре между капитализмом и тоталитарным социализмом сталинского пошиба, а о совершенно новой социальной модели демократического социализма, которая могла бы возникнуть в Советском Союзе и в других странах в ходе перестройки, если бы не первый на советском пространстве «оранжевый» государственный переворот, совершенный кланом Ельцина и стоявшими за ним внешними силами.

Исторический спор между идеями социализма и капитализма широко представлен ныне в политических исследованиях и в народных движениях многих стран. Поразительно, что он затронул даже общественную мысль цитадели капитализма – США. Например, американский политолог, преподаватель Оксфордского университета Джеральд Коэн опубликовал в США в 2009 г. труд под знаменательным названием: «Социализм – а почему бы и нет?». В 2010 году он был издан и в Германии². Свой труд закончил словами: «Я согласен с Альбертом Эйнштейном, сказавшим, что социализм – это попытка человечества “преодолеть грабительскую фазу человеческого развития”³, т. е. капитализм. Эти идеи Эйнштейн изложил в своей статье «Почему социализм?», напечатанной в мае 1949 г. в американском журнале «Monthly Review»⁴. Дж. Коэн считает, что, хотя попытки утвердить социализм в Советском Союзе не привели к желаемому успеху, было бы неправильно отречься от осуществления социалистических идей.

¹ Frankfurter Allgemeine, 2. Oktober 2010, S. 1.

² *Cohen, Gerald A.* «Way Not Socialism?», Princeton, New Jersey, 2009. Немецкое издание: «Sozialismus – warum nicht?», München, 2010.

³ Там же. S. 77.

⁴ Впервые на русском языке она опубликована в «Экономической и философской газете», № 21–22, июнь 2010 г..

Об интересе общественности России к вопросу о том, какой путь развития в наибольшей степени отвечает ее национальным интересам, свидетельствуют многочисленные публикации. В качестве примера можно привести коллективный труд «Национальные концепции социализма и судьбы России»¹. Он издан от имени Международного сообщества писательских союзов стран СНГ, Ассоциации по комплексному изучению русской нации, Российского философского общества РАН, философского факультета МГУ и других научных и общественных организаций. Лейтмотивом книги можно принять слова составителя труда – академика Е. Троицкого: «Для России оптимальной формой государственного устройства могла бы стать российская социалистическая демократия, основанная на многообразии видов собственности и на национальной, патриотической власти»². Он ссылается на «целительный опыт китайского, шведского, индийского, белорусского социализмов».

Переход Китая в 1978 г. к постепенным эволюционным преобразованиям экономики страны с использованием принципов социального рыночного хозяйства явился событием мирового значения. Сохранение сильной регулирующей роли государства обеспечило успех реформ и стабильный рост народного хозяйства без социально-политических потрясений и экономического ущерба для населения. Китайский опыт продемонстрировал громадные преимущества использования теории конвергенции в реформировании экономики социализма. Стабильное и мощное развитие народного хозяйства создало необходимые предпосылки для грядущих демократических преобразований политической системы.

Проводя реформы, Китай сумел удержаться на социалистическом пути с китайской спецификой, достиг впе-

¹ Национальные концепции социализма и судьбы России. Составитель и руководитель коллектива д.ф.н. академик Е.С. Троицкий. М.: изд. дом «Граница», 2004.

² Там же. С. 36.

чатляющих успехов в своем развитии и стал успешным и грозным конкурентом цитадели капитализма – Соединенных Штатов. Следовательно, распад Советского Союза отнюдь не означал, что социалистические идеи потерпели поражение в соревновании с капитализмом, как об этом не устают твердить неолибералы США и их единомышленники в России. Эти идеи продолжают развиваться в ином, более сложном качестве и разнообразии, охватывая все новые регионы, например, в Латинской Америке или в Индокитае. Неоспоримой влиятельной силой они остаются и в странах Европы.

Консервативные круги советского руководства отвергли теорию конвергенции. Они ошибочно считали, что всеобщим и единственным эталоном являлась общественная система, установленная в Советском Союзе. Каждое отклонение от нее рассматривалось как ренегатство и было наказуемо, даже с помощью военной силы, как при подавлении Пражской весны. Теории конвергенции давалось такое определение: «Теория конвергенции – буржуазная теория, провозглашающая, что социалистическое и капиталистическое общества якобы развиваются по пути сближения, приобретения общих или сходных признаков и слияния в некое новое единое общество, наследующее некоторые черты того и другого; теория конвергенции носит антимарксистский, антикоммунистический характер»¹. Это объясняет, почему в период перестройки широкое распространение получили дезориентирующие теоретические постулаты: «либо капитализм, либо социализм», «третьего не дано», «нельзя быть немножко беременной». Это мешало выработке ясной концепции движения вперед по пути создания в Советском Союзе более совершенной, справедливой и эффективной модели современного общества.

Но уже в самом начале становления мировой социалистической системы теория конвергенции привлекает к себе

¹ Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 243.

внимание научных, политических и общественных кругов многих стран. Возник идеологический и политический конфликт между руководством Югославии и Советского Союза. Броз Тито оказался волевым государственным деятелем, отстаившим вопреки массированному нажиму из Москвы югославский путь развития, включавший элементы конвергенции. Опыт самоуправляющегося социализма доказал во многих отношениях свои существенные преимущества. Уровень и качество жизни в Югославии были выше, чем в Греции, Турции, Португалии и Испании, впрочем, даже и в Советском Союзе.

Советское руководство всячески подавляло реформаторское движение в социалистических странах. В 1950–1960-х годах за обновление социализма выступили видные теоретики, политологи и общественные деятели ГДР. В стране тогда развернулось довольно сильное реформаторское движение за создание «демократического социализма», основанного на теории «третьего пути». Один из его видных представителей – Вольфганг Харих – еще в 1956 г. разработал платформу демократического социалистического реформирования ГДР и создания в сотрудничестве с социал-демократами предпосылок для объединения Германии. За свои идеи он был исключен из СЕПГ и приговорен к десяти годам тюремного заключения¹.

В 1962 г. тогдашний председатель Госплана ГДР Эрих Апель в содружестве с учеными разработал Новую экономическую систему государственного планирования и управления (NÖSPL). Целью создания этой системы было, по словам ее духовного отца профессора Герберта Вольфа, «преобразовать преимущественно административную систему в преимущественно экономическую, ориентированную на рыночные отношения и рентабельность, достигаемую посредством стимулирования материальной за-

¹ Ein Streiter für Deutschland. Auseinandersetzung mit Wolfgang Harich. Hrsg. Siegfried Prokop. Berlin, 1996.

интересованности в эффективности производства»¹. При этом сохранялась сильная регулирующая и направляющая роль государства. Появлению этой программы реформ во многом способствовала хрущевская «оттепель». Сильное влияние на нее оказали идеи ордолиберализма – теории «хозяйственного порядка», разработанной Фрайбургской школой немецких экономистов под руководством Мюллер-Армака, с использованием идей конвергенции. Министр экономики ФРГ Эрхард применил ее на практике и добился «экономического чуда» в стране.

Значительную роль в реформаторском движении в ГДР сыграли такие видные ученые и государственные деятели, как Герман фон Берг, Вольфганг Зайферт, Роберт Хавеман, Ганс Баро, Вольф Бирман и другие².

9 января 1978 г. фон Берг опубликовал в западногерманском журнале «Der Spiegel» «Манифест демократических коммунистов», в котором была изложена широкая программа реформ политической и экономической систем ГДР и принципов отношений между социалистическими странами. Он рассматривал советский «реальный социализм» как «псевдосоциалистическую государственную систему», не способную выжить в соревновании с капиталистическими странами. В его представлении, спасти Советский Союз могли только коренные реформы советского строя в плане его демократизации, повышения его эконо-

¹ Цитировано по: Gerhard Schürer. Statement zur Internationalen Forschertagung an der Europäischen Akademie in Otzenhausen, am 20.11.1998, S. 3.

² См. Hermann von Berg, Franz Loeser, Wolfgang Seiffert. Die DDR auf dem Weg in das Jahr 2000. Politik, Ökonomie, Ideologie. Pladoyer für eine demokratische Erneuerung. Köln, 1987; Hubertus Knabe. Aufbruch in eine neue DDR. Hamburg, 1989; Herman von Berg. Marxismus-Leninismus. Das Elend der halb deutschen halb russischen Ideologie. Köln, 1987; Siegfried Wenzel. Was war die DDR wert? Und wo ist dieser Wert geblieben. Versuch einer Abschlußbilanz. Berlin, 2000 u.a.

мической и социальной эффективности, решительного отказа от мессианского гегемонизма, от «шовинизма великой державы» и от навязывания окружающему миру, особенно центрально- и восточноевропейским странам, подобия советского строя. В противном случае, по прогнозам Берга, оказавшимся, к сожалению, верными, СССР ждет неминуемый распад в ближайшие десять лет. Идеей Берг был близок к политической философии лидеров западноевропейского коммунизма Карильо, Берлингуэра и Марше. По его мнению, социализм нельзя строить в XX веке, опираясь только на учение Маркса и Энгельса, возникшее в середине XIX века. «Мы, – писал он в Манифесте, – не верим в бога Маркса, Иисуса Энгельса или в святой дух Ленина, в фатальные закономерности истории, но мы ценим классиков марксизма-ленинизма как важное звено в длинной идейной цепи, начиная от Мора и Кампанеллы через французских, английских и немецких утопистов, через эпоху Просвещения и классики до Бебеля, Розы Люксембург и Карла Либкнехта, представлявших в своих философских позициях, запрещенных к публикации в ГДР, однозначно плюралистический коммунизм, и кончая Блохом, Харихом, Хавеманом и Баро»¹.

Реформаторов ГДР объединяло стремление к воссоединению Германии. Добиться этого они надеялись на основе теории конвергенции и третьего пути развития. Ярким сторонником этой теории был Хавеман. Он верил в возможность сближения социально-экономических и политических систем двух германских государств, полагая, что ГДР – это «лучшая Германия», больше, чем ФРГ, отвечающая социальным идеалам человечества, поскольку в ней «была отменена частная собственность на средства производства». Он считал себя «демократическим социалистом». Свои идеи об эволюционном объединении Германий путем постепенного сближения их социально-экономических и политических структур он

¹ Der Spiegel, 9 Januar 1978.

изложил в «Открытом письме Председателю Верховного Совета СССР Леониду Брежневу», отправленном осенью 1981 г. и вызвавшем широкий отклик в общественности ГДР и ФРГ. К сожалению, Хавемана постигла та же участь, что и Хариха, Берга, Зайферта и других реформаторов. Всех их исключили из партии и вынудили покинуть ГДР¹.

Советское руководство наложило гриф «секретно» на все манифесты и меморандумы реформаторов ГДР. О них была осведомлена лишь узкая группа руководящего состава партии и государства. Широкая общественность Советского Союза ничего об этом не знала. В наших СМИ их полностью замалчивали. А ведь в них были правильно подмечены серьезные пороки советской системы, которые надо было срочно устранять.

Под воздействием реформ в ГДР в середине 1960-х годов и советский премьер-министр Алексей Косыгин предпринимает попытку реформирования советской экономики. Но брежневское руководство выступило категорически против каких-либо преобразований. И реформы Эриха Апеля с приходом Хонеккера к власти были свернуты. В отчаянии Апель покончил жизнь самоубийством.

В результате ГДР продолжала двигаться по наезженной колее государственно-бюрократического социализма. Эгон Кренц, сменивший Хонеккера на посту генсека СЕПГ, в разговоре с М. Горбачевым 1 ноября 1989 г. признал, что экономика ГДР находится в глубоком кризисе и не в состоянии обеспечить нормальные социальные условия жизни для граждан, что ведет к политической напряженности в стране². Запрет руководства Хонеккера, наложенный на проведение реформ, явился одной из главных причин падения ГДР.

В 1970–1980-е годы реформаторское движение в социалистических странах, несмотря на противодействие Мо-

¹ *Gallus A. Von Heinemann bis Havemann. Dritte Wege in Zeiten des Kalten Krieges. Deutschland Archiv, 3/2007.*

² Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 237-238.

сквы, все более ширилось. Возник и феномен «западноевропейского коммунизма», отстаивавшего иные социальные, политические и экономические ценности, чем московская элита. Эти ценности явно вытекали из теории конвергенции. В 1968 г. реформы, даже более радикальные, чем в ГДР, начинают Венгрия и Чехословакия. На их пути непреодолимым барьером встает «доктрина ограниченного суверенитета» социалистических стран, взятая на вооружение советской внешней политикой при Брежневе. Подавление «Пражской весны» явилось громадной трагедией для социализма и для самого Советского Союза. Высшие советские руководители испытывали тогда аллергическую неприязнь к здравомыслию и всякого рода планам социальных реформ. Они не желали ни на йоту поступиться своей сверхцентрализованной властью, прикрываясь укоренившимся догматическим положением, будто социалистическая система может основываться только на монопольном господстве одной партии. На самом деле социалистическое общество может быть в не меньшей степени плюралистическим, многопартийным, чем капиталистическое.

Коренное преобразование социально-политической и экономической системы страны в демократический социализм с «человеческим лицом» на основе теории конвергенции было, пожалуй, наиболее приемлемым и органичным путем для Советского Союза. Он соответствовал особенностям ее исторического развития, ментальности и даже идеализму русского народа. Для решения этой исторической задачи страна обладала всеми необходимыми материальными и духовными предпосылками – мощным производственным потенциалом, громадными природными богатствами, талантливыми интеллектуальными силами, высокой образованностью населения, надежным военным щитом. Но перестройку так и не удалось завершить до конца. Ее погубил предательский государственный переворот Ельцина. Его можно было без труда предотвратить. Но это не было сделано.

Интересно проследить, как и в странах Запада проводились поиски совершенствования капиталистической системы, происходило движение в сторону ее реформирования. Под влиянием социалистических стран в ней существенно возросла роль социальных компонентов. Во многих из них благополучно сосуществовали отдельные черты социализма и капитализма. Это признал даже такой видный немецкий государственный деятель, как Франц Йозеф Штраус, при посещении Москвы в декабре 1987 г. Он сказал в беседе с Горбачевым: «Капитализму присущи отдельные элементы социализма, причем порой в гораздо более развитой форме, чем в социалистических странах. Основная разница заключается в частной собственности на орудия и средства производства. Но и здесь история еще примет свое решение»¹.

На Западе опубликовано большое количество книг с критикой современного капитализма, его социальных и других пороков. Многие авторы пишут о его грядущем закате, если он не будет радикально реформирован. К ним принадлежит даже такой видный немецкий политический деятель, как Норберт Блум, издавший книгу под красноречивым названием: «Справедливость. Критика homo oeconomicus»². В ФРГ в 1976 г. был разработан проект «социализации» предприятий³. Немецкий социолог профессор Лотар Боссле попытался обосновать «синтетическое» общественное устройство, основанное на «экономическом гуманизме»⁴.

Особо упомянуть здесь надо творчество графини Марион Денхофф – блестящей журналистки и публицистки ФРГ, по-

¹ Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991 гг. Предисловие и послесловие – Александр Галкин, Анатолий Черняев. М., 2006. С. 67.

² *Blum N. Gerechtigkeit. Kritik an homo oeconomicus.* Hamburg, 2004.

³ *Sozialisierung von Unternehmen. Bedingungen und Begründungen;* Hrsg. von Gerd Winter. Frankfurt am Main, Köln, 1976.

⁴ *Bossle Lothar. Vom Sozialismus zum Ökonomischen Humanismus,* München, 1984.

следовательной защитницы нравственности, морали, справедливости и подлинной, а не показушной демократии и обличительницы пороков капитализма. Она была страстной противницей нацистской диктатуры в Германии и приняла участие в заговоре против Гитлера. После провала путча 20 июля 1944 г. ей чудом удалось избежать казни. В послевоенное время она стала, наряду с Гельмутом Шмидтом и другими видными немецкими деятелями, соиздательницей популярной газеты «Die Zeit», выходящей в Гамбурге. Я имел счастье быть в дружеских отношениях с этой выдающейся женщиной и состоять в правлении благотворительного Фонда Марион Денхофф, созданного для содействия творчеству деятелей науки, культуры и искусства, особенно России и стран Восточной Европы. Фонд предоставил многим советским и российским научным работникам возможность многомесячного пребывания в Германии при университетах и других научных центрах для написания диссертаций, книг и прочих исследований.

Перу Денхофф принадлежит ряд интереснейших трудов¹. В феврале 1998 г. она подарила мне свою книгу «Границы свободы. Капитализм должен стать цивилизованным»² с посвящением: «В. Дашичеву, с которым меня объединяют многие идеи этого труда». Я сделал все необходимое, чтобы этот труд вышел на русском языке³. Предисловие к нему написал М. Горбачев. В нем Денхофф писала, что если «безбрежная рыночная экономика и свобода без всяких ограничений» продолжатся, то «капитализм погибнет так же, как

¹ *Marion Gräfin Dönhoff*. «Amerikansche Wechselbilder», Hamburg, 1983. «Was mir wichtig war». Hamburg, 2002. «Um der Ehre willen. Erinnerungen an die Freunde vom 20. Juli».

² *Mfrion Gräfin Dönhoff*. «Grenzen der Freiheit. Zivilisiert den Kapitalismus», DVA, Suttgart, 1997 и др.

³ *Марион Грэфин Денхофф*. Границы свободы. Капитализм должен быть цивилизованным. М.: изд-во – Международные отношения, 2001.

социализм»¹. По ее мнению, погоня за наживой неизбежно вытесняет духовность, нравственность и подлинную культуру. «Наша эпоха, – отмечала она, – не имеет никаких духовных предпосылок. Были две идеологии, к тому же их еще извратили: консервативную – Гитлер, доведя до абсурда все ценности правых, а идеологию левых – брутализация социализма Сталиным. В результате осталась одна идеология рыночной экономики»². Осуждение у Денхофф вызвали вседозволенность и аморальность, насажденные в России в лихолетье Ельцина. 18 сентября 1996 г. «Литературная газета» опубликовала ее статью «Жажда наживы. Десять тезисов против тех, кто не знает меры». Она звучала как предупреждение российской общественности против увлечения наживой, как осуждение безбрежной рыночной стихии. Статья вышла с моими комментариями, озаглавленными: «Нельзя, чтобы раскрепощенный мир жил без морали».

И в наше время избавление от пороков рыночной экономики стало модной темой для ряда западных политиков, ученых и журналистов. Швейцарская газета «Zeit-Fragen» писала: «Нынешний глубокий кризис свидетельствует: либеральная рыночная экономика, особенно та, которая представлена Чикагской школой экономики (Милтоном Фридманом), потерпела полный провал, потому что она была ложной. В основе ее идеологии лежит образ человека, представляющего собой homo oeconomicus. Экономисты Чикагской школы экономики, притязавшие на истину в последней инстанции, больше всего способствовали распространению узколобых экономических взглядов на все области человеческой жизни и действительности. Эти взгляды ограничивают человеческую деятельность исключительно рациональным извлечением для себя выгод (утилитаризм). Образ homo oeconomicus сводит человека к существу, кото-

¹ Марион Грэфин Денхофф. Границы свободы. Капитализм должен быть цивилизованным. М.: изд-во – Международные отношения, 2001. С. 229.

² Там же. С. 47.

рое стремится лишь к тому, чтобы умножать свою собственную наживу и выгоды... Логика рынка превращается в логику жизни. Психологию такой системы экономики мы находим во всех жизненных сферах: в экономике, здравоохранении, в семье, религии, системе образования, в науке...»¹

Такая идеология и основанная на ней практика предполагают, как правило, нарушение и несоблюдение моральных устоев общества и норм нравственности. Эти нормы, на мой взгляд, включают в себя в простейшем выражении нанесение ущерба:

- а) собственному моральному авторитету, своей совести, чести и достоинству;
- б) интересам своих ближних;
- в) интересам своего народа;
- г) интересам других народов;
- д) окружающей природной среде.

Нетрудно заметить, как эти нормы на каждом шагу нарушаются в обществе, где господствует «диктатура наживы». Соблюдение нравственности в обществе стоит в прямой зависимости от социально-политического характера строя и власти. В советском обществе «погоня за деньгой» не являлась смыслом жизни. Деньги, нажива не играли определяющей роли в развитии общества, как это имеет место сейчас в России. Тогда на переднем плане стояли общественные интересы, духовные ценности, пусть даже сильно идеологизированные. Это определяло общественную мораль.

Неуверенность в будущем капитализма побудила многих ученых и политиков на Западе заметно усилить поиски «третьего пути» развития современного общества. При этом выражалось мнение, что не может быть какой-то унификации или единообразия этого пути. Один из представителей этого течения Вернер Пергер отмечал: «Из старого противоречия между рыночно-консервативной и государствен-

¹ Dr. Eva-Maria Fällner-Müller «Genossenschaften – die Alternative zum Konstrukt des Homo oeconomicus», «Zeit-Fragen», 17 Juni 2013.

но-социалистической идеологией и политикой нет одного единственного выхода. Существует много третьих путей подобно тому, как имеются различные типы рынков, социально-государственных и ориентированных на ренту систем и уж тем более правительств...»¹

То, что развитие рода человеческого носит конвергентный характер, обосновали в своих трудах такие международные авторитеты в области социологии и экономики, как Вальтер Ойкен, Питирим Сорокин, Джон Гэлбрейт, Ян Тинберген, Пьер Тейяр де Шарден, Джозеф Стиглиц и др. Приверженцами теории конвергенции были и многие наши соотечественники, такие как философ Николай Бердяев, академик Андрей Сахаров и др. Еще летом 1968 года, во время Пражской весны, Сахаров опубликовал за рубежом (в Советском Союзе это было невозможно) свой первый концептуальный труд: «Мысли о прогрессе, мирном сосуществовании и духовной свободе». Он дал блестящий анализ пороков советской системы, ущерба глобального политического порядка, основанного на равновесии ядерного страха и таящего в себе угрозу планетарной катастрофы. Будущее человечества он видел в грядущей конвергенции двух социально-экономических систем, в ходе которой исчезли бы причины и источники их смертельной враждебности. Он призывал к реформированию обеих систем в ходе их мирного соревнования и обмена позитивным опытом².

Н. Бердяев в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма», изданной в 1937 г., писал: «...Понимание хозяй-

¹ *Perger Werner A. Der Dritte Weg. Europas Linke sucht nach der groben Botschaft. Auch rechts. Die Zeit, 11. März 1999.* Можно назвать публикации и других сторонников третьего пути: *Rene` Cuperus, Johannes Kandel (Hrsg). European Social Democracy: Transformation in Progress. Friedrich – Ebert – Stiftung, Wiardi-Beckmann-Stiftung. 1998; Giddens Anthony: Der Dritte Weg. Die Erneuerung der sozialen Demokratie. Berlin, 1999 и др.*

² *Sacharow Andrej. Mein Leben, München-Zürich, 1991, Piper Verlag, S. 307-324.*

ственной жизни, как социального служения... не означает признания государства единственным хозяйственным субъектом. Бесспорно, часть промышленности, наиболее крупной, должна перейти к государству, но наряду с этим хозяйственным субъектом должна быть признана кооперация людей, трудовой синдикат и отдельный человек, поставленный организацией общества в условия, исключающие эксплуатацию своих ближних. Государство при этом будет иметь контрольные функции, призванные не допустить угнетения человека человеком»¹.

Бердяев выступал за гуманизацию советского общества, за создание такой общественной системы, которая обеспечивала бы симбиоз свободы личности и просвещенной государственной политики. Из его философии напрашивался вывод о необходимости для России третьего пути развития.

Сорокин, Тинберген и Гэлбрейт рассматривали возможности конвергенции капитализма и социализма. Они считали, что, невзирая на наличие в мире сильно отличающихся экономических и политических систем, тенденции экономического, социального и структурного развития индустриального общества неизбежно порождают условия для сближения (конвергенции) планового и рыночного хозяйства. Следовательно, нет и не может быть непреодолимых барьеров между двумя системами. Больше того, в мире существуют уже смешанные или полусмешанные системы, где наблюдается симбиоз плановых и рыночных начал в экономике, как, например, в ФРГ, Швеции, Норвегии и других западноевропейских странах. У этих стран можно было бы позаимствовать многие положительные черты, свойственные их государственному и общественному устройству. К ним, например, относятся высокоорганизованное гражданское общество, верховная роль парламента в установлении внутренней и внешней политики, строгое ограничение пребы-

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1998. С. 152.

вания представителей верховной власти на государственных постах, невозможность узурпации власти одним лицом или группой лиц, равноправие частной, государственной и общественной собственности, обеспечение на деле прав, свобод и достоинства личности, свобода слова и печати, господство правовой системы, независимость судов, средний класс как основа экономического развития и опора демократии, культивирование равенства граждан и пр.

Насколько же правомерна, оправдана и соответствует российским реалиям и национальным интересам России модель навязанного нам в 1992 г. капиталистического развития в духе «Вашингтонского консенсуса», т. е. по американскому образцу? И можно ли ее считать легитимной, выгодной для страны и оставлять в неизменном виде? А не разумнее ли было бы постепенно, без социальных потрясений вернуться ко многим сданным нашими неолибералами в архив положительным чертам существовавшей у нас системы? Например, к общественной собственности, к бесплатному, доступному для всех граждан здравоохранению и образованию, к финансированию из государственного бюджета науки, культуры и искусства, к надежной социальной и медицинской защищенности граждан, к выполнению государством крупных национальных проектов – строительству дорог, модернизации промышленного производства, полной газификации страны, крупномасштабному развитию ядерной и прочей энергетики, особенно овладению энергией водородного синтеза в мирных целях, и другим социально-экономическим и техническим проектам, непосильным для частного капитала. Надо путем разумной политики дифференцированного, прогрессивного налогообложения вернуть в общественную собственность природные ресурсы страны, чтобы государство могло эффективно использовать их, как это делается, например, в Норвегии, для ускоренной модернизации народного хозяйства, технического прогресса и радикального повышения жизненного уровня и увеличения покупательной способности населе-

ния – одного из важнейших условий развития производства. Наконец, необходимо восстановить в своих правах мораль, нравственность, духовность, обязанности и ответственность политиков и граждан перед обществом и природой, перед собственной совестью.

Характерной чертой минувшего столетия было столкновение двух политико-идеологических и социально-экономических парадигм общественного развития. С одной стороны, это парадигма государственного социализма: «Общественное благо выше личного блага». Она нашла свое выражение в сталинской концепции: «Прежде чем освободить человека, надо освободить общество». Ей была отведена роль идеологического обоснования ограничения свобод и прав личности, а также необходимости сверхцентрализованной, тоталитарной власти в стране «в интересах преобразования общества». Главный акцент в ней делался на развитии коллективизма, ответственности граждан перед обществом.

С другой стороны, это буржуазно-либеральная парадигма: «Личное благо выше общественного блага». Этот идеал либерализма и неолиберализма служит прежде всего развитию рыночных отношений, где превалируют интересы финансово-олигархического капитала, нуждающегося в неограниченной свободе по принципу «Запрещено запрещать» (It is forbidden to forbid). США поставили концепцию свободы личности во главу угла своей глобальной мессианской политики. Она явила собой как бы антитезу социальному идеалу государственного социализма. Из этой парадигмы вырастают индивидуализм и эгоизм, погоня за безграничной наживой. Ей свойственно внутреннее противоречие. Так, признано, что в США существует свобода, но нет демократии, т. е. народовластия.

На самом деле обе эти отдельно взятые парадигмы несостоятельны. Нельзя в государственной политике противопоставлять интересы общества и личности. Личное благо должно быть в полной гармонии с общественным благом.

Они неразрывно связаны между собой. Именно в этом состоит идеал конвергентного общества. Совершенно неправильно отделять свободу и права личности от ее обязанностей перед обществом. Где это игнорируется, а тем более культивируется, там нарушаются нормы морали и нравственности, господствуют произвол, коррупция, мошенничество, преступность. Ничем не ограниченная свобода действий мировой финансовой олигархии явилась одной из главных причин глобального системного кризиса капитализма.

Теперь рассмотрим вопрос: может ли конвергентное социальное государство быть жизнеспособным? Какими должны быть его специфические черты? Оно должно быть жизнеспособным уже потому, что воспримет все лучшее, что было создано человеческой цивилизацией в интересах развития личности и функционирования общества. Что же оно могло бы взять от социализма? Никто не может оспорить, что он имел множество положительных особенностей и черт, зачисленных в сокровищницу мировой политической мысли и практики, в идейный арсенал реформаторского движения современности. С учетом их необходимой трансформации это, в первую очередь:

- Общественная собственность на стратегически важные средства производства, на природные недра и ресурсы (газ, нефть, металлы, золото и пр.), которые должны управляться и использоваться государственными органами в интересах всего народа, подъема экономики страны;
- Сильная государственная власть, располагающая крупными финансовыми и материальными ресурсами, чтобы быть способной направлять развитие социальных, экономических, технологических, научных, образовательных и культурных процессов в интересах общества и прогресса страны, не ущемляя при этом творческой свободы и предпринимательской инициативы граждан. Развитие общества должны определять

не стихия рынка, не частнособственнические интересы, а человеческий разум, воплощенный в государственной политике;

- Стратегическое планирование в важнейших сферах экономической жизнедеятельности общества, способное использовать многообразие форм собственности и автономность предприятий для реализации крупных государственных проектов и модернизации промышленности;
- Функция денег как исключительно расчетного средства для государства, предприятий, организаций и граждан, не служащего интересам частной наживы и политического господства, исключающего финансовые махинации и аферы и играющего не основополагающую, как при капитализме, а подсобную роль в обществе;
- Полная национализация всей банковской системы, чтобы она служила не финансовому ростовщическому капиталу, не создающему никаких ценностей, зарабатывающему колоссальные прибыли на процентных ставках, финансовых спекуляциях и махинациях, не заботящемуся о национальных интересах страны, а всецело была бы ориентирована на развитие народного хозяйства, повышение благосостояния народа. Приоритетом государственной политики должен пользоваться не финансовый, а промышленный капитал и промышленное производство;
- Земля, находящаяся не в частной, а в общественной собственности, отдаваемая государством в аренду фермерам, кооперативам и организациям для ее эффективного использования, в первую очередь, в сельском хозяйстве. Она не должна служить для спекуляций, приобретения в собственность громадных латифундий отдельными лицами, как это имеет место в современной России. Исключение должны составлять приусадебные участки;

- Справедливое распределение благ среди населения, не допускающее его большой социальной дифференциации, деления на богатых и бедных, исключаящее в законодательном порядке большой разрыв в доходах и в размерах собственности граждан и образование присущей капитализму олигархии, подминающей под себя государственную политику. «Страна для сверхбогатых» – это не выбор России;
- Государственное финансирование развития науки и образования, недопустимость их коммерциализации;
- Система здравоохранения, опекаемая и финансируемая государством и доступная всем гражданам;
- Национализация средств массовой информации и создание на каналах телевидения общественных советов, призванных оберегать аудиторию от пошлости, аморальности, дебилизации, лжи, примитивного пиара и криминала, от засилья рекламы, служащей источником легкой наживы для анонимных лиц и представляющей собой издевательство над телезрителями;
- Одной из функций государства и общественных организаций должно быть поддержание высокой нравственности граждан на бытовом и административно-государственном уровнях, воспитание их в духе ответственности перед обществом и законопослушания;
- Создание благоприятной атмосферы для развития культуры и искусства, свободных от рыночных оков и призванных служить воспитанию нравственности, духовности, социальному оптимизму и социальной уверенности народа. Этика и эстетика, нравственность и красота должны быть тесно увязаны.

Теперь рассмотрим, что полезного можно было бы взять для конвергентного социального общества от капиталистической системы. На протяжении своего многовекового развития в Европе капитализм породил много цивилиза-

ционных ценностей, без которых человечество не может обойтись. Но из его недр вышли и такие одиозные явления, как тоталитаризм и фашизм. Они были ужасными отклонениями от нормального развития. Нас же интересуют в первую очередь:

- Права и свободы личности. Данная социальная категория возникла на заре капитализма как антитеза социальному бесправию масс при феодализме. Без нее капитализм не мог и не может существовать. Однако для него важна не столько сама по себе свобода личности, сколько свобода распоряжаться капиталом в интересах наживы и господства – экономического и политического. Как показал исторический опыт, права и свободы личности были не менее важны и для здорового развития социализма. Запрет оппозиции, свободы слова, выражения мнения, критики, волеизъявления был несовместим с прогрессом общества и имел для советского строя гибельные последствия. Вместе с тем не менее ущербна и свобода по принципу «запрещено запрещать», когда она сплошь и рядом отрывается от принципа ответственности и нравственности личности, как это происходит в США и других капиталистических странах. Без нравственности не может быть подлинной свободы.
- Многопартийность, парламентаризм, демократия и наличие оппозиции. Правда, и эти ценности подверглись в капиталистическом обществе существенной девальвации, приобрели формальный характер и превратились в декоративное прикрытие господства финансово-промышленной олигархии. В Советском Союзе парламентаризм тоже служил прикрытием господства одной, коммунистической партии. В конвергентном социальном обществе он должен стать инструментом подлинного народовластия. Многопартийность может существовать в социалистическом конвергентном обществе с таким же успехом, как и в капиталисти-

ческом, представляя интересы различных социальных слоев населения. Отсутствие оппозиции неизбежно ведет к тяжелому заболеванию общества и к его деградации. Именно это произошло в Советском Союзе. Перерождение его правящей элиты, свободной от критики и от политических противовесов, привело к краху страны.

- Сменяемость власти посредством состязательности партий и получения одной из них мандата на правление от народа в ходе выборов. В этом, собственно, и должна состоять легитимность власти, если выборы не подтасовываются тем или иным способом. В Советском Союзе, начиная с 1917 по 1991 г., сменяемость власти осуществлялась подковерной борьбой и государственными переворотами. Тем самым власть теряла свою легитимность и связь с народом. В конвергентном гражданском обществе, где не будет власти денег, использования административного ресурса, опасности антигосударственных заговоров, этого не должно быть. Другая проблема связана с длительностью пребывания на посту главы государства. Сталин правил страной с 1924 по 1953 г., Брежнев – с 1964 по 1982 г. Это принесло стране большой вред. Известно, что длительная власть развращает, ведет к произволу, ее удержание превращается в самоцель, достигаемую любыми средствами, в том числе преступными. Именно поэтому, учитывая плачевный советский и постсоветский опыт в этой области, необходимо законодательно ограничить срок пребывания конкретного главы государства на высоком посту 5-6 годами без возвращения его к власти в последующем. Это устранит возможности образования авторитарной и клановой власти, столь характерной для нынешних российских условий.
- Наилучшей формой правления для России могла бы стать не президентская, а парламентская республика.

К этому взывает наш исторический опыт. Тоталитарный, а также авторитарный характер личной власти неизбежно ведут к произволу правителя и его окружения, нарушению ими законов, принципов народовластия, судопроизводства, игнорированию подлинных национальных интересов страны. Они не позволяют создать в стране настоящее гражданское общество. Верховную власть в России мог бы наилучшим образом осуществлять председатель правительства, избираемый народом и полностью подотчетный Федеральному Собранию как высшему органу народной власти, располагающему правом импичмента. ФС призвано заботиться о том, чтобы исключить злоупотребление властью и ее узурпацию одним человеком, обеспечить полную независимость судебной системы, утверждать вектор развития страны.

- Мелкое и среднее частное предпринимательство в сочетании с государственными предприятиями, кооперативами, предприятиями в коллективной собственности непосредственных производителей может стать основой народного хозяйства конвергентного общества. В развитых капиталистических странах среднее предпринимательство является стеновым хребтом экономики. Его удельный вес в их ВВП составляет от 50 до 65 %, а в России – около 12 %. Это ненормальное положение должно быть исправлено.

Центральным является вопрос о собственности. Из ее пяти видов – общественной, частной, приносящей доход ее обладателям, личной, не служащей для наживы, государственной и коллективной – главенствующее значение для конвергентного социализма имеет общественная собственность на средства производства, недра и землю. Стратегически важные отрасли народного хозяйства и входящие в них предприятия должны находиться в общественной собственности под управлением назначаемых государством специалистов. Основой экономики должны быть массовые

народные предприятия, находящиеся в коллективной собственности самих производителей и управляемые менеджерами, выбираемыми трудовыми коллективами.

Кооперативные предприятия различных форм получили очень широкое распространение в мире. По данным ООН, их членами являются около миллиарда человек в 100 странах¹. Среди них постоянно растет число кооперативных предприятия в собственности самих производителей, которые представляют собой альтернативу «Homo oeconomicus»².

18 декабря 2009 г. Генеральная Ассамблея ООН на своем 65-м пленарном заседании провозгласила 2012 год Международным годом кооперативного движения и призвала все правительства создавать максимально благоприятные экономические, финансовые, кредитные, налоговые, социальные и прочие условия для его развития. На заседании были названы следующие положительные черты этой формы производственной деятельности³:

- кооперативные предприятия принадлежат их членам, служат их членам и управляются их членами;
- улучшают жизненные условия граждан и способствуют росту экономики страны;
- обеспечивают стабильное экономическое развитие;
- дают наилучшие результаты в сельскохозяйственном производстве;
- создают баланс между социальными и экономическими потребностями;
- содействуют развитию демократических принципов в обществе;
- способствуют устранению безработицы.

¹ *Eva-Maria Fällner-Müller*. Die Alternative zum «Homo oeconomicus». Zum internationalen Tag der Genossenschaften. «Zeit-Fragen», Schweiz, S. 8.

² Там же.

³ Resolution der UNO-Generalversammlung von der 65. Pltnarsitzung am 18.12.2009. «Zeit-Fragen», 5.11.2012.

А в России призыв Генеральной Ассамблеи ООН провести в 2012 г. Международный год кооперативного движения не нашел никакого отклика. Для правящей российской элиты приоритетом пользуется крупная финансовая и промышленная буржуазия.

Интересно отметить, что папа Бенедикт XVI поддержал «форму экономического хозяйствования, стоящую на службе человека и поэтому позволяющую распределять блага между ее участниками и способствующую развитию у них бескорыстия». Он осудил систему, которая «в качестве единственной цели ставит наживу и преклонение перед рынком»¹. А в России именно эта система была по настоянию американских советников при российском руководстве в большой спешке внедрена, чтобы создать в кратчайший срок, любыми методами и средствами, даже криминальными, крупную буржуазию, как основу власти и гарантию невозврата страны к идее нового социализма. Был брошен лозунг: «Обогащайтесь!» – даже путем коррупции, воровства и жульничества. Это привело к чудовищному падению морали и нравственности в российском обществе, какого Россия не знала за всю свою историю. Достаточно назвать здесь среди прочих позорное криминальное дело бывшего министра обороны Сердюкова, в ведомстве которого хозяйничали преступники, нанешие ради своего обогащения многомиллиардный ущерб стране и ее безопасности².

Для России органичный и естественный путь развития – создание наряду с государственной, средней и мелкой частной собственностью массовых предприятий на основе коллективной собственности. В них можно было преобразовать не только колхозы и совхозы, но и промышленные предприятия. Но этот путь был отвергнут. Господствующее положение в России занял крупный частный капитал, кото-

¹ *Eva-Maria Fällner-Müller*: E. Op. cit

² *Проскурин А.П.* Кто назначил Сердюкова? // Экономическая и философская газета, № 46, ноябрь 2012.

рый сросся с государственной властью. Так сложилась авторитарная кланово-олигархическая модель управления. Именно этого добивались правители США для реализации своих интересов в России.

Удел частной собственности – стать на сравнительно длительный исторический период неотъемлемой частью конвергентного общества. Однако она не должна превышать размеров средних предприятий. В отдаленной перспективе, когда человечество достигнет больших высот промышленного и сельскохозяйственного развития, когда оно поставит себе на службу громадный, неиссякаемый источник энергии ядерного водородного синтеза и другие источники энергии, частная собственность перестанет быть привлекательной и неизбежно будет вытеснена общенародной.

В переходный период основной формой собственности могут стать предприятия в собственности непосредственных производителей. Здесь может быть широко использован зарубежный опыт. В 1974 г. в США произошло, казалось бы, совершенно невероятное событие: более 10 000 предприятий с общим числом занятых в 11 млн чел. (1/10 всей рабочей силы) перешли полностью или частично в собственность занятых на производстве работников. Незадолго до этого был принят федеральный закон о создании предприятий, находящихся в собственности работников (Employee Enterprises). Ими были охвачены почти все секторы американской экономики. Они представляли собой как крупные компании, насчитывавшие несколько тысяч человек, так и небольшие компании с числом работников от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Законом предусматривалось, что для выкупа предприятий у частных владельцев коллектив работников обладал правом получения кредитов от государства с обязательством возвращения их из будущих доходов. Они систематически теснили своих конкурентов – традиционные частные компании. Например, с 1992 по 1995 г. стоимость акций всех этих предприятий возросла на 84 %, в то время как стоимость акций частных

компаний увеличилась на 53 %¹. Так, практика продемонстрировала, что коллективный собственник может быть намного эффективнее индивидуального собственника. Это был шаг в сторону социализации в духе теории конвергенции. Хотя цель состояла в том, чтобы созданием «народного капитализма» укрепить американскую систему.

Примерно на этих же принципах в Венгрии в 1980-х годах была основана деятельность сельскохозяйственных кооперативов в собственности работников. В отличие от советских совхозов и колхозов они обладали полной самостоятельностью и независимостью от государственного плана экономического развития, сами планировали и налаживали свое производство и сбыт через объединенные сбытовые товарищества. В результате в Венгрии, в буквальном смысле слова, произошла «зеленая революция». Ее конкуренции в производстве сельскохозяйственных продуктов опасалось руководство ЕЭС. На экспорт многих видов венгерского продовольствия в Западную Европу были наложены ограничения. Венгерские крестьяне имели очень высокий жизненный уровень. Высок был и уровень их социальной удовлетворенности. После ликвидации социалистического строя в Венгрии сельскохозяйственные товарищества были распущены. Это нанесло серьезный удар по венгерскому сельскому хозяйству и продовольственному положению в стране.

Во время перестройки в Советском Союзе тоже началось создание предприятий в собственности их работников. Но над ними не был установлен государственный и общественный контроль. В результате их коллективы стали произвольно, без учета доходов, повышать зарплату и снижать производство. Хорошая идея была дискредитирована. А ее

¹ Лоуг Д. Собственность работников в условиях рыночной экономики: уроки американского опыта // В кн.: Преобразование российских предприятий: от государственного контроля к собственности работников. Под ред. Джона Лоуга, Сергея Плеханова, Джона Симмонза. Вестпорт, Коннектикут, 1999. С. 211–228.

широкое применение в России позволило бы предотвратить криминальную олигархическую приватизацию «по Чубайсу», создать доминирующую народную собственность, насытить рынок разнообразной продукцией и добиться высокого благосостояния народа.

Вместо этого в России была проведена приватизация общественной собственности, находящейся в управлении государства, и передача ее в частные руки, что носило совершенно незаконный характер и нанесло стране тяжелейший ущерб. Ведь на ней базировалось все ее могущество. Она создавалась на народные средства, трудом советских людей и не подлежала никакому отчуждению в пользу частных владельцев – абрамовичей, потаниных, березовских, гусинских и им подобных. Новая буржуазная власть в России не имела на это никакого права. Характерно, что она создала «информационную блокаду вокруг коллективной формы собственности»¹.

С точки зрения теории конвергенции, интересен опыт развития Норвегии и Швеции. В их социально-экономической структуре имеется очень много элементов социализма, в хорошем смысле этого понятия. Приоритетное значение они придают принципам социальной справедливости, высокому жизненному уровню и качеству жизни своих граждан. У них есть чему поучиться российской политической элите.

Экономическая и политическая модель общественного устройства ФРГ установила разумное соотношение между ролью государства и свободной игрой рыночных сил. Стихия рынка ограничивается государством там, где возникает угроза социальной справедливости, безопасности и стабильности. Государственному регулированию подлежит справедливое распределение доходов и собственности с учетом интересов групп населения, не участвующих в хозяйственной жизни или социально слабо обеспеченных.

¹ Дюков А. Мы – совладельцы // Литературная газета, 11–17 декабря 2013 г.

Это достигается функционирующей с немецкой точностью и основательностью системой прогрессивного налога на доходы и собственность, предоставления социальной помощи, пособий по безработице, дотаций на детей, платы за обучение и проживание. В энциклопедии Брокгауза (2001 г.) мы читаем: «Экономическая модель социального рыночного хозяйства находится между двумя крайностями – рыночным хозяйством, основанным на принципе индивидуализма, и плановой экономикой, основанной на принципе коллективизма». К первой «крайности» относится социально-экономическая модель, господствующая в США на принципах неолиберализма и «саморегулирующегося рынка». Она больше всего подвержена неотвратимости глубоких экономических кризисов и катаклизмов, способных потрясти как американское общество, так и все здание мировой экономики. Там человек действительно имеет «равные возможности» для своего обогащения, выживания или превращения в нищего. И горе тому, кто не сумеет воспользоваться в силу различных причин этими возможностями для своего утверждения в жизни. Он испытает на себе губительную отчужденность от него общества и государства. В сущности, в такой системе царят «диктатура наживы» и закон джунглей¹ – побеждает, выживает и господствует более сильный, изворотливый, ловкий, хитрый и зачастую не брезгающий никакими средствами в погоне за наживой и в борьбе за существование или самоутверждение. В таких условиях происходит селекция правящей элиты США.

Западноевропейская экономическая модель с ее социальной направленностью, во многом заимствованной из арсенала социалистических идей и христианского верования, в значительной мере смягчает холодную жестокость американской системы. В большинстве западноевропейских стран возобладали капитализм «с человеческим ли-

¹ *Forrester Viviane. Une etrange dictature. Paris, 2000. Немецкое издание: Die Diktatur des Profits, Munchen, Wien, 2001.*

цом», открытый для дальнейшего совершенствования и гуманизации.

Все эти вопросы нуждаются в дальнейшей научной разработке в интересах будущего России. Создание в нашей стране социального конвергентного общественного устройства может лечь в основу ее национальной идеи и идеологии. Без них, как показал опыт, Россия не может развиваться. Такая целевая установка способна увлечь российский народ, страдающий ныне от неблагополучия, от отсутствия духовности и перспективы лучшего жизнеустройства.

Как подтверждают разработки Института комплексных социологических исследований РАН, «значительное число россиян выступает за сохранение социалистического строя, имея в виду социализм, принципиально отличный от «советско-брежневского»». По его данным, доля сторонников несоциалистического пути развития составляла в России в 2005 г. всего лишь 30 %¹. Ныне же доля приверженцев нового социалистического пути намного возросла.

На российской политической, экономической и научной элите, для которой дороги интересы и благоденствие России и ее народа, лежит исключительно важная историческая миссия и громадная историческая ответственность – вернуть страну на путь здорового политического и экономического развития. Либерально-монетаристская модель нанесла России громадный ущерб и не принята российским обществом, хотя ее приверженцы все еще определяют политический и экономический курс страны. В.И. Фартышев в своей книге «Последний шанс Путина. Судьба России в XXI веке» писал еще в 2005 г.: «Остается последний шанс остановить разграбление страны, превращение ее в сырьевой придаток Запада. Начать, наконец, проводить самостоя-

¹ Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя. Аналитический доклад. Институт комплексных социологических исследований РАН. Руководитель проекта – директор ИСКАН РАН д.ф.н. М.К. Горшков, М., 2005. С. 12-13.

тельную, независимую ни от “семьи”, ни от олигархов, ни от США политику. Остановить деградацию нации. Вернуть России былой авторитет на мировой арене, вернуть пусть не друзей и союзников, каких сегодня у России просто нет, но хотя бы надежных партнеров»¹.

К сожалению, большинство из этих задач остаются и по сей день актуальными. Выходу из кризисного положения России может содействовать создание конвергентного социалистического общества, которое вобрало бы в себя наилучшие национальные и социальные, особенно социалистические, черты прошлого развития России (Советского Союза) и современной западной социальной системы. Это отвечало бы национальным интересам страны, ее социальному и экономическому прогрессу, укреплению ее безопасности. Идеология развития по третьему пути, безусловно, нашла бы широкую поддержку у подавляющего большинства российского народа, создала бы в стране социальную целеустремленность, удовлетворенность и уверенность в будущем. Россию спасет новый, демократический социализм, избавленный от извращений, пороков и ошибок прошлого.

Теоретическая разработка и практическая реализация программы вывода России из кризисного состояния – задача всех левых и центристских патриотических сил страны. Во имя этого они, отбросив властные амбиции их лидеров, должны объединиться в партию нового, демократического социализма. Такая объединенная партия нужна России как воздух. Ее надо было создать по меньшей мере лет 15 тому назад. Она, вне всякого сомнения, смогла бы открыть перед народом перспективу спасения и возрождения России и превратиться в реальную и легитимную оппозицию, способную легально прийти к власти.

¹ *Фартышев В. И.* Последний шанс Путина. Судьба России в XXI веке. М.: Вече, 2005. С. 476.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ В.И. ДАШИЧЕВА (1953–2014)

Монографии, отдельные труды, главы в коллективных трудах

1. Роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии. Глава в книге «Германский империализм и Вторая мировая война». М.: Наука, 1960.
2. Проблема войны на два фронта в фашистской стратегии. Глава в книге «Германский империализм и милитаризм». М.: Наука, 1965.
3. Книга «Совершенно секретно! Только для командования! Операция “Барбаросса”». М.: Наука, 1967. 752 с.
4. Предисловие и комментарии к книге «Военный дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковника Франца Гальдера». М.: Воениздат, 1968.
5. Европа в завоевательных планах германского фашизма. Глава в «Ежегоднике германской истории». М.: Наука, 1971.
6. Книга «Банкротство стратегии германского фашизма. 1933–1945 гг.». В 2-х т. М.: Наука, 1973. 1500 с.
7. Влияние социалистических стран на отношения между странами Запада. Глава в книге «Социализм и международные отношения». М.: Наука, 1975.
8. Значение социалистической экономической интеграции для сотрудничества Восток – Запад (совместно с В.М. Шаститко). Глава в сборнике Германского института экономических исследований «Перспективы и проблемы экономического сотрудничества между Восточной и Западной Европой», № 114, 1976 г. (на немецком языке).
9. Актуальные проблемы внешней политики стран социалистического содружества в отношении развитых капиталистических государств в 1980-е годы. Международный научный проект. Конфиденциально. Редактор В. Дашичев. М., 1984.
10. Невыполнимая миссия советской внешней политики – аналитическая записка генеральному секретарю ЦК КПСС Андро-

пову. Ежегодник исследований истории коммунизма. 1987 год. Берлин, Академическое изд-во, 1987 (на немецком языке).

11. Некоторые методологические аспекты развития отношений между странами двух систем. Глава в книге «Социалистическое содружество: проблемы теории и практики». М., 1985.

12. Актуальные проблемы отношений Восток – Запад. В сборнике «Конфликт между Востоком и Западом: История, оценки, перспективы». Изд-во Евангелической академии Локкум, 1985 (на немецком языке).

13. Современное положение в мире – советский взгляд. В книге «Мировая политика в 1984 году». Гамбург, 1984 (на немецком языке).

14. Советская позиция по вопросу стратегической оборонной инициативы (противоракетной обороны). Глава в книге «Точки зрения на СОИ на Западе и Востоке, изложенные Г. Рюле, В. Дашичевым, Р. Перле, Х. Тельчиком». Мелле, 1985 (на немецком языке).

15. 40 лет мира в Европе. В сборнике «Диалог – предпосылка для разоружения и обеспечения мира». Изд-во Евангелической академии в Тутцингене. Мюнхен, 1986 (на немецком языке).

16. Аспекты советской политики в германском вопросе после войны. В сборнике «Когда окончилась война – 40 лет спустя». Дюссельдорф, 1986 (на немецком языке).

17. Активизация контактов между гражданами Востока и Запада: советский взгляд. В сборнике «Контакты Восток – Запад: состояние, шансы, перспективы». Изд-во Католической академии в Клаузенхофе, 1986 (на немецком языке).

18. Устранение образов врага в отношениях между Советским Союзом и ФРГ. Глава в книге «Образы друга и врага. Встречи с Востоком». Ольтен, 1986 (на немецком языке).

19. Брошюра «Надо устранять образы врага». Фрайбург, 1986 (на немецком языке).

20. Дело идет о будущем Европы. В книге «Европа на пороге XX столетия», изданной на русском и немецком языках. Москва – Гютерсло, 1986.

21. О новом теоретическом видении социализма. Советско-болгарская дискуссия. София, 1987.

22. Стена – реликт холодной войны. В книге «Беседы о Германии». Изд-во «Ардт», 1988 (на немецком языке).

23. Социализм. Новое теоретическое видение. Запись международной дискуссии. М.: Прогресс, 1989 (на английском языке).

24. Расчеты и просчеты Сталина накануне войны – 18-й съезд КПСС и советско-германский пакт о ненападении. Выступление на международной конференции историков в Берлине в августе 1989 г. Опубликовано и издано в 1990 году в Берлине в книге «1939 год. На пороге мировой войны. Развязывание Второй мировой войны и международная система». Выступление было осуждено в специальном «Заявлении АПН», напечатанном в «Правде» 26.8.1989, и вызвало широкую дискуссию (См.: На пути к исторической истине. Московские новости, 3.9.1989; Кто сказал нет? Красная Звезда, 6.10.1989).

25. Предисловие к книге Г. Кноппа и Э. Куна «Немецкое единство». Эрланген, 1990 (на немецком языке).

26. Германия в новом мирном порядке в Европе. Доклад во Франкфуртском обществе торговли, промышленности и науки. В брошюре «Немецкое объединение» Восприятия из зарубежных стран». Франкфурт-на-Майне, 1990 (на немецком языке).

27. Брошюра «Политика Горбачева – шанс или риск для Европы?», Гармиш-Партенкирхен, 1990 (на немецком языке).

28. Пакт Гитлера – Сталина: мифы и реальность. Глава в сборнике «Историки отвечают на вопросы». Вып. 2. М.: Московский рабочий, 1990.

29. Предисловие к книге «Оглашению подлежит. СССР – Германия 1939–1941. Документы и материалы». М.: Московский рабочий, 1991.

30. Из истории сталинской дипломатии. Глава в книге «История и сталинизм». М., 1991.

31. Расчеты и просчеты Сталина накануне войны. Глава в книге «Германия между войной и миром». Под ред. Брахер, Функе, Шварц. Дюссельдорф, 1991 (на немецком языке).

32. Россия и Германия. Глава в книге «Германия в Европе». Под ред. Хайнца Занера. Люнебург, 1991 (на немецком языке).

33. Воссоединение Германии и новый мирный порядок в Европе. Глава в книге «Преобразование Центральной Европы». Под ред. В. Дашичева. Майнц, 1991 (на немецком языке).

34. Поворот в германской политике. Статья в сборнике «От Маркса до Горбачева». «Шпигель-специаль», 4/1991 (на немецком языке).

35. Перестройка, новые реальности и будущее отношений Восток – Запад. Глава в книге «Взаимные восприятия долгосрочных целей». Под ред. Клауса Готтштайна. Изд-во «Кампус», 1991 (на немецком языке).

36. Европа открытых дверей. Глава в книге «Мир прежде всего». Берн, 1991 (на немецком языке).
37. Брошюра «Куда идет Советский Союз?». Висбаден, 1991 (на немецком языке).
38. Будущая роль НАТО. Глава в книге «Обеспечение безопасности». Т. 7: «Создание нового порядка в Европе». Изд-во «Регенсберг», 1991 (на немецком языке).
39. Михаил Горбачев и перестройка. Выступление на общественно-политическом форуме за мир, свободу и ответственность в г. Цуг, Швейцария. Изд-во «Пацис», 1991 (на немецком языке).
40. Советский Союз на переломе – последствия для США и Европы. Глава в книге «Новая Европа». Под ред. Маргариты Матиолопулос. Изд-во «Бувье», Бонн, 1992 (на немецком языке).
41. О положении в СНГ. В книге «За Европу свободных народов». Третий Всегерманский конгресс Общества свободной публицистики. Тюбинген, 1992 (на немецком языке).
42. «НАТО, Центральная Европа и Россия. В брошюре «Политический диалог между Европейским Союзом и странами Вышеградской группы: будущее Центральной Европы». Будапешт, 1992 (на английском языке).
43. «О немецком единстве. В книге Эккехарда Куна «Горбачев и немецкое единство. Высказывания выжнейших участников – М. Горбачева, Г. Коля, Г.-Д. Геншера, Х. Тельчика, А. Черняева, Э. Кренца, Г. Модрова, Л. де Мезьера, В. Фалина, В. Дашичева». Изд-во «Бувье», Бонн, 1993 (на немецком языке).
44. НАТО, Центральная Европа и Россия. Раздел в сборнике статей «Политический диалог между Европейским союзом и странами Вышеградской группы: будущее Центральной Европы». Будапешт, 1993.
45. Свободная экономическая зона «Янтарь»: шансы и риски. Мысли о развитии Калининградской области. Глава в книге «Кенигсберг/Калининград в европейской перспективе». Под ред. Эрнста Мюллера-Германа. Изд-во «Х. М. Хаусшильд», ФРГ, 1994 (на немецком языке).
46. «Поле общеевропейского сотрудничества или российский эксclave? «Вестник научной информации». М.: ИМЭПИ РАН, 1994.
47. На пути к германскому единству: взгляд из Москвы. Глава в книге «Советская внешняя политика. 1917–1991. Ретроспектива». Под ред. Габриэля Городецки. Изд-во «Фрэнк Касс», Лондон, 1994 (на английском языке).

48. Россия в поисках новой внешней политики. Глава в книге «Россия: драма перемен». Под ред. Олега Богомолова. М., 1994.

49. 125 лет Министерства иностранных дел Германии. Статья в сборнике «К 125-летию юбилею Министерства иностранных дел». Изд. МИД ФРГ, Бонн, 1995 (на немецком языке).

50. Под знаком реформ. Глава в книге «За мир гуманности и терпимости». Под ред. Сильвии Эк-Пфистер. Дортмунд, 1995 (на немецком языке).

51. Расширение НАТО ведет к конфронтации в Европе. Бюллетень «Актуальное обозрение». № 16. Изд-во Немецкого общества внешней политики, Бонн, 1995.

52. Будут ли прежние великие державы определять облик нового столетия? Глава в книге «Вхождение в 21-й век». Изд-во «фон Хазе и Келер», 1995 (на немецком языке).

53. Эпизоды из советской германской политики в 1980-е годы. Глава в книге «Становление континента Европы». Изд-во «Дункер и Гумблот», Берлин, 1995 (на немецком языке).

54. О взаимопереплетенности отношений между ФРГ, ГДР и Советским Союзом после 1970-х годов. Глава в книге «Немецко-российские вехи. Война и мир 1941–1995». Баден-Баден, 1995 (на немецком языке).

55. Национальные интересы России и Украины в свете экспансии НАТО на Восток. Глава в сборнике «Российско-украинские отношения: преемственность и развитие». Одесса, 1996.

56. Национальная безопасность России и экспансия НАТО. ИМЭПИ РАН. М., 1996.

57. Россия и расширение НАТО на Восточную Европу. «Вестник научной информации» № 3, ИМЭПИ РАН, 1996.

58. Чеченский вопрос не решить войной. Глава в книге «Мир – утопия? От многонационального государства к миру между нациями». Грац, 1996/1997 (на немецком языке).

59. Путь России. Как видится нейтральная зона в Восточной Европе. Дискуссия в гессенском ландтаге при участии Герта Руге, Ганса-Иоахима Шпангера, Владислава Бартошевского и Вячеслава Дашичева. В сборнике «Расширение НАТО на Восток – шансы и проблемы». Висбаден, 1997 (на немецком языке).

60. Германско-российские отношения и путь к немецкому единству – историческая дискуссия, состоявшаяся в Марбурге 15 ноября 1996 года при участии главы ведомства канцлера ФРГ Фридриха Боля, профессора Михаэля Штюмера, профессора

Вячеслава Дашичева и Эккехарда Куна. Марбург, 1997. 370 с. (на немецком языке).

61. Германско-российские отношения – историческая дискуссия, состоявшаяся в Баутцене 18 ноября 1996 года при участии профессора Вольфганга Зайферта, министра Кристины Либеркнехт, редактора Сергея Лохгофена, профессора Вячеслава Дашичева. Марбург, 1997. 360 с. (на немецком языке).

62. Невыполнимая миссия советской внешней политики – аналитическая записка для Андропова. Глава в книге «Ежегодник исследований истории коммунизма». Изд-во «Академи ферлаг», ФРГ, 1997 (на немецком языке).

63. Российско-белорусский союз в контексте национальной безопасности России. В брошюре «Российско-белорусские отношения: проблемы и перспективы». РАН, 1998.

64. Надо было остановить ускоряющееся движение к пропасти. Из истории международного проекта «Звезда». Глава в книге «Изменение через постоянство. Очерки немецкой и международной политики». Изд-во «Дункер и Гумблот», 1998 (См. также: параллельное исследование международного проекта «Звезда» 1974–1984 гг., осуществленное по архивам ЦК СЕПГ, министерства иностранных дел и госбезопасности ГДР Михаэлем Плетцем и опубликованное в его книге «Как Советский Союз проиграл холодную войну. Изд-во «Пропилеен», Берлин, 2000).

65. Состояние и перспективы германо-российских отношений. Глава в книге «50 лет советской и российской политики в отношении Германии и ее воздействие на взаимные отношения». Под ред. Бориса Майсснера и Альфреда Айсфельда. Изд-во «Дункер и Гумблот», Берлин, 1999 (на немецком языке).

66. Возможности германо-российского сотрудничества в консолидации Восточной и Центральной Европы. Глава в книге «Государства Восточной Европы на пути в европейскую интеграцию». Бонн, 1999 (на немецком языке).

67. 50 лет Геттингенского общества. Моя приветственная речь. В юбилейном издании Геттингенского университета «50 лет Геттингенского общества». Под ред. Бориса Майсснера. Геттинген, 1998 (на немецком языке).

68. Путь Германии и России к демократии. Выступление на международном конгрессе в Бонне, посвященном 50-летию ФРГ и конституции ФРГ. В книге «Успехи и вызовы. Документация

к конгрессу “50 лет основного закона, 50 лет ФРГ”. Изд-во «Леске и Будриг», Опладен, 1999.

69. Германский вопрос в послевоенной Европе. В книге: «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века». Т. 1. М.: Наука, 2000.

70. Ключ к единству. Вклад Горбачева в объединение Германии. Мюнхен, 2000 (на немецком языке).

71. Quo vadis Россия? В книге «Многие лета... К 70-летию Михаила Сергеевича Горбачева». Под ред. Валентина Толстых. М.: изд-во «Р. Валент», 2001. (Английское издание: «A millennium salute to Mikhail Gorbachev on his 70th birthday». Project Leader Valentin Tolstikh. Published by R. Valent, Moscow, 2001.)

72. Советский Союз и Центрально-Восточная Европа – из истории одного мессианского гегемонизма. В книге «ГДР – анализ истории павшего государства». Под ред. Хайнера Тиммерманна. Берлин, 2001 (на немецком языке).

73. Россия между прошлым и будущим. Глава в книге «Европейские перспективы». Под ред. проф. Винфрида Беттхера. Изд-во «Лит Ферлаг», Мюнстер – Гамбург – Лондон, 2002 (на немецком языке).

74. Пророк в чужом отечестве (размышления вокруг одной интересной книги). В книге «Приобрести весь мир». Сб. статей М.С. Горбачева, Г.А. Арбатова, О.Т. Богомолова, А.С. Черняева, В.М. Фалина, В.И. Дашичева и др. к юбилею немецкого публициста Фригьофа Майера. М., 2002.

75. Из опыта лекционной деятельности в Рейнско-Вестфальском институте по изучению зарубежья. В книге «Немецко-российская культурная деятельность в Дортмунде». Оберхаузен, 2002 (на немецком языке).

76. Книга «Великодержавные устремления Москвы. Горькие плоды политики гегемонизма». Изд-во «Миттлер и сын», Гамбург – Берлин – Бонн, 2002. 543 с. (на немецком языке).

77. О политике США, НАТО и международном терроризме. Глава в книге «После Праги перед Копенгагеном». Будапешт, 2003 (на русском и венгерском языках).

78. Современная геополитическая ситуация и российско-белорусский союз. В сборнике статей: «Вопросы международных отношений и внешней политики Республики Беларусь». Минск, 2004.

79. Брошюр «Политика глобального господства: от XX к XXI веку». ИМЭПИ РАН, М., 2005.

80. Книга «Стратегия Гитлера: путь к катастрофе». В 4-х т. М.: Наука, 2005. 2200 с. Т. 1: На пути ко Второй мировой войне; т. 2: Германия в борьбе за господство в Европе (1939–1941); т. 3: Провал наступательной стратегии в войне против Советского Союза (1941–1943); т. 4: Крах оборонительной стратегии Гитлера. Разгром Третьей империи (1943–1945).

81. Германия и Россия в европейской политике. Раскол Европы и проблема его преодоления. Штарнберг, 2005 (на немецком языке).

82. Окружение России? «Немецкие анналы. Ежегодник национальных событий». Штеген ам Аммерзее, 2005 (на немецком языке).

83. Удар по западному форпосту национальной безопасности России. В сборнике «Социально-экономические и политические процессы в странах СНГ». М., 2008.

84. Подводя жизненные итоги. В книге очерков «Война и мир в судьбах ученых-экономистов». Вып. 8. Изд-во Российской Академии наук, Института экономики, Министерства образования и науки РФ, Волгоградского государственного университета. Волгоград, 2008.

85. Брошюра «О путях России в будущее. (Какая модель общественного развития нужна России). Российская академия наук, Институт экономики. М., 2009.

86. О путях России в будущее. В двухтомной книге «Социально-гуманитарные науки и мир в XXI веке». Материалы международной конференции, посвященной 35-летию журнала «Социально-гуманитарные знания». М., 2009.

87. Германия и Россия: взаимоотношения в разные времена. В сборнике «Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности». ОМЭПИ, ИЭ РАН, 2009. Напечатана также в журналах «Социально-гуманитарные знания», № 4, 2009; «Свободная мысль», № 10, 2009.

88. Российский взгляд на Германию. В книге «Германия в зарубежном восприятии». Изд-во «Дункер и Гумблот», Берлин, 2009 (на немецком языке).

89. Предисловие к книге Ю.Ф. Година «Белоруссия – Брестская крепость России». М., 2009.

90. Общеευропейский дом и германский вопрос. Изд-во «Наша страна – научный фонд Германии», Штарнберг, 2009 (на немецком языке).

91. Политика и стратегия Германии накануне Второй мировой войны (1938–1939 гг.). В специальном вестнике МГИМО

«Завтра может быть уже поздно», 2009. В числе прочих публикаций в вестнике: Обращение президента Российской Федерации Д.А. Медведева к читателям специального вестника, статьи председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ С.М. Миронова, руководителя Администрации президента С.Е. Нарышкина, министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, ректора МГИМО академика РАН А.В. Торкунова и др.

92. Германская внешняя политика накануне Второй мировой войны. Глава в совместном польско-российском издании «Кризис 1939 г. в интерпретации польских и российских историков». Варшава, 2009 (*Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich zistorikow*. Warszawa, 2009) и «Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков». М.: Аспект-пресс, 2009.

93. «Политика и стратегия Германии накануне Второй мировой войны (1938–1939 гг.). Глава в шеститомной книге «65 лет великой победы». Отв. ред. С.Е. Нарышкин и академик РАН А.В. Торкунов. Изд-во МГИМО. М., 2011. Т. 2.

94. Капитализм и социализм в судьбах России. М.: РАН, 2010.

95. Пути Германии к единству. Глава в «Ежегоднике Союза Бисмарка» за 2011 г. Гамбург, 2011 (на немецком языке).

96. Германия и Россия: взаимоотношения в разные времена. В книге: Гельмут Вагнер «Россия и Германия». Изд-во «Альянс», М., 2011.

97. Какая модель общественного развития нужна России. В книге «Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи. К юбилею академика О.Т. Богомолова». Изд-во «Ан-кил», М., 2012.

98. Пора вернуться к принципам Парижской хартии. В сборнике «Геополитика. Теория, история, практика. Труды международной научно-практической конференции. АНО Научно-издательский центр «Пространство и время», М., 2012.

99. Иммануил Кант и проблемы современных международных отношений. В книге, изданной на русском и английском языках: Кантский проект вечного мира в контексте современной политики. Материалы международного семинара 20–22 апреля 2012. Калининград. Изд-во балтийского федерального университета им. И. Канта. *Kant's Project of perpetual Peace in the Context of contemporary Politics*. Kaliningrad, 2013

Статьи и интервью

1. О заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. Военная мысль, 7/1953.
2. Эволюция стратегической доктрины США. Военная мысль, 3/1957.
3. К вопросу о подготовке Германии к войне против Советского Союза. Военно-исторический журнал. ВИЖ, 2, 1959 (далее: ВИЖ).
4. Мешеленский инцидент и война против Франции. ВИЖ, 3, 1959.
5. Из истории капитуляции Германии. ВИЖ, 5, 1959.
6. Операция «Вайс». ВИЖ, 9, 1959.
7. Генеральный план «Ост». ВИЖ, 1, 1960.
8. Последние недели фашистской Германии. ВИЖ, 6, 1960.
9. Планирование фашистской агрессии против Франции. ВИЖ, 10, 1960.
10. Три меморандума немецких милитаристов. ВИЖ, 12, 1960.
11. На обломках Третьей империи. ВИЖ, 5, 1961.
12. Операция «Кремль». К плану захвата Москвы. ВИЖ, 8, 1961.
13. Банкротство нацистской стратегии. ВИЖ, 9, 1961.
14. Агрессия Германии против Польши и позиция западных держав. ВИЖ, 12, 1961.
15. Почему немецкие танки были остановлены перед Дюнкерком. ВИЖ, 6, 1962.
16. Генерал-фельдмаршал Паулюс о книге Гальдера «Гитлер как полководец». ВИЖ, 5, 1962.
17. О генерале Людвиге Беке. ВИЖ, 1, 1964.
18. Германия и проблема войны на два фронта. ВИЖ, 12, 1964.
19. Предисловие к книге «Девять дней Дюнкерка». М., 1965.
20. Экономическое планирование войны верховным командованием вермахта. ВИЖ, 7, 1967.
21. Лагерями нас не запугать – советские историки и офицеры дискутируют о преступлениях Сталина. Шпигель, 13, 1967 (на немецком языке).
22. Основы молниеносной войны против Франции. ВИЖ, 1, 1968.
23. Внешнеполитическая программа германского фашизма. ВИЖ, 1, 1969.

24. Секретные документы гитлеровского руководства по подготовке Второй мировой войны. Новая и новейшая история, 4–5, 1969.

25. Что говорят документальные источники о событиях под Дюнкерком. Новая и новейшая история, 1, 1970.

26. Место заморской экспансии в завоевательной программе германского фашизма. ВИЖ, 1, 1970.

27. О характере экономической подготовки Германии ко Второй мировой войне. Вопросы истории, 5, 1970.

28. Гитлеровская агрессия против Норвегии. Новая и новейшая история, 3, 1971.

29. Особая папка «Барбаросса». Новая и новейшая история, 6, 1978.

30. Теория и практика «локальных войн». «Новое время», 37, 1978.

31. Европейская безопасность как центральная проблема международных отношений. Sprawy miedzynarodowe (Международные вопросы), Варшава, 11/ 1971 (на польском языке).

32. Париж – Бонн 1958–1968. Новая и новейшая история, 2, 1973.

33. Пути и перепутья Европы. Международная политика, Белград, 12.1974 (на сербском языке).

34. Две интеграции в Европе – сотрудничество или конфронтация? Проблемы мира и социализма, 4. 1975.

35. Дело идет о будущем Европы. Дас парламент, 11.05.1985 (на немецком языке).

36. Испытание отношений между ФРГ и СССР. Frontal, 5. 1985 (на немецком языке).

37. Приоритет разума. Демократизация народного хозяйства. Московская правда, 16.6.1987.

38. Перестройка с различных точек зрения. Московская правда, 17.7.1987.

39. Дело, которым мы живем. О трудностях перестройки. Московские новости, 23.8.1987.

40. Что мешает нам? Известия, 9.10.1987.

41. Конвертируемый рубль. Что он дает экономике? Московские новости, 13.9.1987.

42. Восток – Запад: в поисках новых отношений. О приоритетах советской внешней политики. Литературная газета, 18.5.1988. (Перепечатана на английском языке в «Atlantic Community»,

Summer 1988 и на немецком языке «Запад – Восток: поиск новых отношений» в журнале «Osteuropa» 11/1988.)

43. Все, что ни делалось, изображалось как правильное, Бюллетень Института восточноевропейских и международных исследований «Новая политика для Советского Союза». Кельн, 6/1988.

44. Усилия ума вместо догм. Ответ Н. Андреевой. Известия, 12.4.1988.

45. Дороги, которые нам выбирают. Об успехах и неудачах советской внешней политики. Комсомольская правда, 19.6.1988.

46. Пресс-атташе МИД СССР о заявлении В. Дашичева по поводу Берлинской стены. Известия, 17.6.1988.

47. В.И. Дашичев – лауреат Литературной газеты 1988 года. «Литературная газета», 31.12.1988.

48. Общество не может жить по законам армии. Остойропа, 1, 1988.

49. Советская доктрина «ограниченного суверенитета» пересматривается. Иомииури, 21.1.1988 (на японском языке).

50. Новые перспективы торговли. Тагесанцайгер, 18.1.1988 (на немецком языке).

51. Мессианское стремление Москвы к господству угрожало миру. «Боннер генеральанцайгер», 24.5.1988 (на немецком языке).

52. Дегромыкоизация. Зюддойче цайтунг, 25.5.1988.

53. Громыко потерпел поражение. Франкфуртер альгемайне цайтунг, 26.5.1988.

54. Москве не нужно равенство в вооружениях. Тагесанцайгер, 9.6.1988.

55. Отношения Восток – Запад и Восточная Европа. Журнал Проблемз оф коммюнизм, Вашингтон, 5–6. 1988.

56. Открытые признания о старых ошибках. Кельнер штатанцайгер, 9.6.1988.

57. Стена должна будет исчезнуть. Ди Вельт, 9.6.1988.

58. Острая критика внешней политики – первое подведение итогов со времен Второй мировой войны. Интервью, «Аахенер фольксцайтунг», 24.5.1988.

59. Дашичев неверно понят. Нойес Дойчланд, 10.6.1988.

60. ГДР отвергает высказывания Дашичева о стене. Франкфуртер альгемайне цайтунг, 11.6.1988.

61. Заявление пресс-секретаря МИД СССР о высказываниях Дашичева о Берлинской стене. Известия, 17.6.1988.

62. Пресс-секретарь МИД СССР о высказываниях Дашичева. Нойес Дойчланд, 18.6.1988.
63. Вот так телега стояла впереди лошади. Шпигель, 4.7.1988.
64. Как Кремль ввергал мир в кризисы. Райнишер Меркур, 5.8.1988.
65. Стремление быть равным со всеми. Райнишер Меркур, 12.8.1988.
66. Вторжение в Афганистан переполнило чашу. Райнишер Меркур, 19.8.1988.
67. Успех перестройки зависит от сельского хозяйства. Зюддойче цайтунг, 28.11.1988.
68. Пакт Сталина и Гитлера содействовал развязыванию войны. Райнишер Меркур, 21, 28. 4.1988.
69. Перемены в Восточной Европе. Нойе Вестфалише, 29.11.1988.
70. Вчера и сегодня. Комсомольская правда, 23.3.1989.
71. Открытость политики. Международная жизнь, 7. 1989.
72. Вина Сталина в развязывании войны. Московские новости, 35, 1989.
73. Как же это было? Накануне мировой войны. Комсомольская правда, 8.8.1989.
74. Афганистан: взгляд из 1980 года. Московские новости, 23.7.1989.
75. Советский ученый говорит о преодолении разобщенности немцев. Ди Вельт, 5.6.1989.
76. Образы врага бледнеют. Вестфаленпост, 20.5.1989.
77. Восточный дрейф ФРГ? Западный дрейф СССР? Блеттер фюр дойче унд интернационале политик, 6, 1989.
78. Советники Горбачева видят «открытые» Германии. Индепендент, 7.6.1989.
79. Социалистическая идея народовластия игнорировалась в ГДР. Франкфуртер рундшай, 16.10.1989.
80. Европейский дом и германский вопрос. Выступление на международной конференции в Вайкерсхайме 15.10.1989. Мут, № 267, ноябрь 1989.
81. Надо нормализовать положение в Германии. Франкфуртер альгемайне цайтунг, 3.11.1989.
82. Восточная Европа на пути к общеевропейскому сотрудничеству. Участие в «круглом столе». Новая и новейшая история, 1/1990.

83. Европа открытых дверей. Комсомольская правда, 20.2.1990.
84. У входа в европейский дом. Московские новости, 4.2.1990.
85. Пресс-секретарь МИД СССР по поводу заявления В. Дашичева о членстве Германии в НАТО. Известия, 5.4.1990.
86. Германия на европейских весах. Комсомольская правда, 10.5.1990.
87. Германия в европейском интерьере. Литературная газета, 6.5.1990.
88. Еретик во внешней политике. Альтернативная политика Дашичева по германскому вопросу. Новое время, 17/ 1990.
89. Новое мышление в советской внешней политике. Тагесанцайгер, Цюрих, 24.2.1989.
90. Громадный ущерб для Москвы: советский меморандум по германской проблеме. Шпигель, 6, 1990.
91. Немецкое единство придет обязательно. Интервью, Ганноверше альгемайне цайтунг, 5.2.1990.
92. Немецкое единство идет. Франкфуртер рундшау, 8.2.1990
93. Может ли Германия остаться в НАТО? Бильд ам зонтаг, 18.3.1990.
94. Объединенная Германия может остаться в НАТО. Зюддойче цайтунг, 19.3.1990.
95. Объединение Германии может наступить до конца года. Ди Вельт, 20.3.1990.
96. 40 лет изоляции были для нас невыносимы. Цоллернальб курир, Швейцария, 28.4.1990.
97. Без Советского Союза не может быть действительно единой Европы. Курир, Австрия, 11.5.1990.
98. Дело идет о возвращении в европейскую цивилизацию. Лейпцигер фольксцайтунг, 30.5.1990.
99. Немецкое объединение – это избавление для СССР. Мюнхенер курир, 5.6.1990.
100. Без свободного рынка перестройка потерпит неудачу. Остойропа, 6, 1990.
101. СССР угрожает не революция, а путч. Зюддойче цайтунг, 24.6.1990.
102. Блоковую систему надо заменить новой системой безопасности. Ойропеише цайтунг, 6–8 1990.
103. Триумф политической мудрости. Морген, 14.8.1990.

104. Теперь наш путь в Европу открыт. Горизонт интернациональ, 37/1990.

105. Советские функционеры опасаются потерять свои привилегии. Нойе прессе, 10.10.1990.

106. Надо опасаться путча против Горбачева. Гессиш-нидерзексише альгемайне, 25.10.1990.

107. Политика должна была склониться перед реальностью. Нойе оснабрюкер цайтунг, 27.10.1990.

108. Возвращение в Европу. В конце двух особых путей. Блеттер фюр дойче унд интернационале политик, 11.1990.

109. Тайна заключенного Шпандау (Гесса). Новое время, 46/1990.

110. Бремя особых путей Германии и России. Франкфуртер альгемайне цайтунг, 20.11.1990.

111. Ответ историку. О позиции В. Дашичева по германскому вопросу. Литературная Россия, 26.4.1991.

112. Старый централизм мертв. Дойчес альгемайнес зонтагсблатт, 4.1.1991.

113. Это может привести к гражданской войне. Тагесанцайгер, Вена, 19.1.1991.

114. Тогда поднимется народ. Шпигель, 21.1.1991.

115. Реформа пробьет себе дорогу. Гессиш-нидерзексише альгемайне, 16.2.1991.

116. Идея о реформированном социализма. Франкфуртер альгемайне цайтунг, 18.2.1991.

117. И в Советском Союзе терпение имеет свои границы. Тагесшпигель, 23.2.1991.

118. Без демократизации СССР не придет к социальному рыночному хозяйству, Берлинер моргенпост, 24.2.1991.

119. Советский Союз мог бы предотвратить войну на Ближнем Востоке. Морген, 25.2.1991.

120. Народ заставляют голодать, чтобы свергнуть Горбачева. Квик, 25.2.1991.

121. Горбачев может быть уже в конце 1991 г. свергнут как президент. Нойе оснабрюкер цайтунг, 13.4.1991.

122. Провидец. Нойе цюрихер цайтунг, 30.4.1991.

123. Дань тенденциозности: Фалин против Дашичева. Шпигель, 13.5.1991.

124. Ответ Валентину Фалину. Шпигель, 19.8.1991.

125. В начале третьего этапа перестройки. Дер Бунд, Берн, 17.6.1991.

126. Куда идет Советский Союз? Люксембургер ворт, 29.7.1991.
127. Чего добиваются путчисты? Франкфуртер альгемайне цайтунг, 20.08.1991.
128. Сопrotивление народа – теперь последняя надежда. Берлинер моргенпост, 21.08.1991.
129. Люди изменились. Аугсбургер цайтунг, 22.08.1991.
130. Путчисты просчитались. Норд-вест-цайтунг, 22.08.1991.
131. Сомнения о роли Горбачева. Франкфуртер рундшау, 23.08.1991.
132. Вячеслав Дашичев. Историк и политолог. Зюддойче цайтунг, 23.08.1991.
133. Вячеслав Дашичев – русский историк и политолог. Мунцигер архив. Международный биографический справочник, 27/1992.
134. Миллиардами потакать безрассудству? О кредитах Ельцину. Зюддойче цайтунг, 23/24.05.1992.
135. Кто владеет властью в России? Лацарус, Киль, 2/1992.
136. Порочный круг имперских амбиций. Известия, 17.11.1992.
137. Как началась переоценка ценностей в советской внешней политике. Меморандум Шеварднадзе. Остойропа, 5/1993.
138. Мы были на грани гражданской войны. Независимая газета, 17.11.1993.
139. Восточная Европа: задворки или поле битвы? Новая газета, 15.10.1993.
140. Выкрутасы российского внешнеполитического мышления. Независимая газета, 15.03.1994.
141. Зачем нам реанимировать доктрину Монро для российских просторов. Человек и карьера, 5/1994
142. Как начинался пересмотр советской политики в германском вопросе. Доклад на заседании Научно-консультативного совета при МИД СССР 27.11.1987. Аус политик унд цайтгешихте, 8.4.1994.
143. Нельзя плевать на народ. Берлинер моргенпост, 17.4.1994.
144. Поле общеевропейского сотрудничества или российский анклав? Вестник научной информации. М., ИМЭПИ, № 10. 1994.
145. Советская политика в германском вопросе в 1980-е годы. Воспоминания и мысли. Дойчланд архив, 1. 1995.
146. Бульдозер Ельцин не может больше повести Россию вперед. Морген, Маннхайм, 20.07.1995.

147. Только плетка наводит порядок – Борис Ельцин как авторитарный правитель. Райнишер меркур, 18.08.1995.

148. Европейская трагедия. Независимая газета, 10.10.1995.

149. Пауза на раздумье не повредила бы. Жесткие фронты затрудняют дискуссию о расширении НАТО на Восток. Настало время для компромиссов. Ди Цайт, 15.01.1996.

150. Москва глазами Берлина. Заметки на полях доклада немецких аналитиков (Отклик на доклад «Россия как партнер в европейской политике», подготовленный Федеральным институтом восточноевропейских и международных исследований, Кельн). Независимая газета, 24.4.1996.

151. Реформы надо делать чистыми руками. Политэконом, 3/1996.

152. Словесный поединок по поводу хода выборов. Кельнер Штадтанцайгер, 11.06.1996.

153. Нельзя, чтобы раскрепощенный мир жил без морали. Литературная газета, 8.09.1996.

154. К общественности Германии. Воззвание против политики Ельцина, подписанное Львом Копелевым, Вячеславом Дашичевым, Юрием Афанасьевым, Вадимом Белоцерковским и др. Франкфуртер альгемайне цайтунг, 19.12.1996; Дойч-руссише цайтунг, 2/1997.

155. Откуда идет угроза национальной безопасности России? Рабочая трибуна, 01.04.1997.

156. Политика безопасности России и Европы. Берлинер Ойропа форум, 6/1997.

157. Сталин, Борис Ельцин и «чикагские мальчики». Райнише пост, 3.1.1998.

158. История разрушения основ национальной безопасности России. Независимая газета, 10.06.1998.

159. Социально-политический кризис в России: причины и последствия (Соавтор А. Вахромеев). Социально-гуманитарные знания, 1/1999.

160. В интересах всей Европы. Союз России и Белоруссии в контексте международной и национальной безопасности. Независимая газета, 24.3.1999.

161. Война НАТО против Югославии и позиция России. Стандарт, София, 14.4.1999.

162. Прощание Москвы с ГДР. Горбачев предотвратил использование военной силы, которое привело бы к третьей мировой войне. Зексише цайтунг, 30.4.1999.

163. Современная доктрина «злодейских государств» так же опасна, как и брежневская доктрина «ограниченного суверенитета». Стандарт, София, 31.8.1999.

164. 50 лет НАТО. Изложение дискуссии по германскому радио, состоявшейся 24 марта 1999 г. при участии бывш. министра иностранных дел Клауса Кинкеля, бывш. командующего бундесвером адмирала Дитера Веллерсхофа, профессора Михаэля Залевски и профессора Вячеслава Дашичева. Райнишер Меркур, 16.04.1999.

165. Единая Германия в единой Европе. Свободная мысль, № 7, 1999.

166. Билл Клинтон против Иммануила Канта. Независимая газета, 7.12.1999.

167. В действительности всем управляют деньги. О чеченской войне и наследнике Ельцина. Фленсбургер тагеблат, 12.01.2000.

168. О том, как это было. Размышления по поводу новой книги Горбачева. Свободная мысль, 2/2000.

169. Рецензия на книгу Михаэля Залевски «История Европы. Государства и нации от античности до современности». Изд-во «Бек», Мюнхен, 2000. В журнале «Историко-политическая книга», 4/2000.

170. Европейский федерализм и Россия: опыт прошлого и настоящего. Выступление на международной конференции, проведенной Институтом Европы РАН совместно с Фондом им. Фридриха Эберта. Современная Европа, № 1, 2001.

171. Принцип «или – или». Вячеслав Дашичев о советской политике в германском вопросе. Нойес дойчланд, 25.04.2001.

172. Москва должна была в конце концов отпустить ГДР. Из воспоминаний Вячеслава Дашичева о Второй мировой войне, Сталине и советской политике в германском вопросе. Нойес Дойчланд, 5/6 5. 2001.

173. Путь России. Вайкерсхаймер Блеттер, 11.2001.

174. Рецензия на книгу «ГДР и Запад. Транснациональные отношения», Берлин, 2001. В журнале «Историко-политическая книга», 4/2001.

175. Россия между прошлым и будущим: от Горбачева к Ельцину. Социально-гуманитарные знания, 4/2002.

176. Россия между прошлым и будущим: от Ельцина к Путину. Продолжение. «Социально-гуманитарные знания», 5/2002.

177. Трагическая цепь отвергнутых возможностей. Теория конвергенции и реформирование России. Литературная газета, 23–29.10.2002.

178. Своеволие. (Передовая статья.) О политике США. Литературная газета, 19–25.02.2003.

179. Горе гегемону! О политике США. Литературная газета, 9–15.7.2003.

180. Воспоминания «серого кардинала». Рецензия на мою, изданную в Германии, книгу «Горькие плоды гегемонистской политики», Юнге вельт, 3–7.3.2003.

181. Останется ли Россия на плаву? Националь-цайтунг, 1.8.2003.

182. Кто правит Россией? Националь-цайтунг, 8.8.2003.

183. Вернуть счастливое время в российско-германских отношениях. Националь-цайтунг, 15.8.2003.

184. Горбачев и объединение Германии (Gorbatchev et la reunification allemande). Numero special de Nouvelles de Synergies Europeenne, 8.2003.

185. Эра американизации Европы идет к концу. Проишише альгемайне цайтунг, 2.11.2003.

186. Участие в круглом столе «Война в Ираке: причины и последствия». Власть, 5/2003.

187. Россия и Беларусь в новых геополитических реалиях. Власть, 11/2003.

188. Загадки американской трагедии. О теракте 11 сентября. Власть, 2/2004.

189. Советско-американский диалог в конце 1980-х. Меняющаяся Европа: советский и американский подходы. Мир перемен, 3/2004.

190. Как отвратить угрозу новой мировой войны? В соавторстве с проф. Зайфертом (ФРГ). Власть, 4/2004.

191. «Деньги России попали в неверные руки» – изложение выступления В.И. Дашичева «Куда идет Россия?» в Торгово-промышленной палате Аахена. Аахенер нахрихтен, 12.3.2004.

192. Возможные сферы внешнеполитического взаимодействия России с Белоруссией. Панорама содружества, 5/2004.

193. Чего мы боимся? Отповедь американской радиостанции «Свобода». Россия, 3-9.6. 2004.

194. Опыаненные мощью. Литературная газета, 27 октября 2004.

195. Господствует ли в Кремле деспот? Националь-Цайтунг, 8.10.2004.

196. Почему Америка препятствует сближению России и Германии? Там же. 15.10.2004.
197. Кто стоит за побоищем в Беслане? Там же. 22.10.2004.
198. Россия не останется безучастной в случае вторжения США в Иран. Там же. 5.11.04.
199. Всегда впереди развития. Националь-цайтунг, 11.02.2005.
200. Вашингтон должен извлечь для себя урок из падения Советского Союза. К чему приводит политика гегемонии. Там же. 8.04.2005.
201. Москва и Париж должны взаимодействовать с Германией. Как Европа может освободиться от американского диктата. Там же. 05.08.05.
202. Франция, Германия, Россия – новая европейская концепция. Там же. 12.08.2005.
203. План «Ост» в современном исполнении. Литературная газета. 22–28.06.2005.
204. Концепция будущей Европы. К германо-французско-российской встрече в «верхах» в Восточной Пруссии. Националь-цайтунг, 15.07.2005.
205. «Тихое завоевание» России. «Ди прессе», 01.11.2005.
206. Как нам отвоевать Россию у Америки? Трибуна, 25.11.2005.
207. Парадоксальные страсти. Метаморфозы германо-российских отношений. «Пройсише альгемайне цайтунг, 7.01.2006.
208. США: «Держать немцев в узде». Там же. 14.01.2005.
209. Иммануил Кант и «новый американский век». Националь-цайтунг, 20.01., 3.02., 10.02.2006.
210. Когда запрещено запрещать. Запад обрушил на Россию целый вал громких обвинений в нарушении прав и свобод личности. Литературная газета, 5–11.04.2006.
211. Имеет ли будущее «ось» Париж – Берлин – Москва? Мысли к визиту канцлера Меркель в Россию, Националь-цайтунг, 05.05.2006.
212. О российской политике канцлера Меркель. Там же. 19.05.2006.
213. Речь идет о мировом господстве. Истинные цели политики США. Националь-цайтунг. В четырех номерах газеты за 6.2006.
214. Мемуары о дипломатической миссии в России. Рецензия на книгу воспоминаний бывшего посла ФРГ в Москве Андреаса Майера-Ландрута. Литературная газета, 1–7.08.2006.
215. Куда идет Европа? Мир перемен, 1/2006.

216. Статья перепечатана под названием Quo vadis Europa в немецком Ежегоднике важнейших событий «Дейче аннален», № 1/2007.

217. Глобальные ответы на глобальные вызовы. Литературная газета, 14–21.03.2007.

218. Политика Сталина в отношении Германии. Дойче гешихте. 2.2007.

219. Свобода и мораль в политике США. Националь-цайтунг, 26.01. и 2.02.2007.

220. Россия между прошлым и будущим. Цайт-фраген, 12.02.2007.

221. Совместное противостояние. Директор (Белоруссия), 3/2007.

222. Битва за Россию. Наше время, № 31/ 8.2007.

223. Кто кого шантажирует? Мысли о битве за Россию. Националь-цайтунг, 13.07.2007.

224. Для чего существует НАТО? Националь-цайтунг. Две статьи: 20.07.2007 и 27.07.2007.

225. Америке не нужна сильная Европа. Килер нахрихтен, 19.07.2007.

226. Битва за Россию. Цайт-фраген, 16.07.2007.

227. Россия между прошлым и будущим. Новый порядок, № 7, 2007.

228. Конвергенция. Экономическая и философская газета, 25.09.2007.

229. Свобода против нравственности. Дойчланд-журнал, № 74, 2007.

230. О путях России в будущее. Левое крыло, № 2, 11.2007.

231. Неужели Европа упустила свой шанс? Российская Федерация сегодня, № 24, 12.2007.

232. Указанная выше статья перепечатана в трех номерах – Националь-цайтунг, № 51–53, 12.2007.

233. Европа стоит перед ответственной задачей. Цайт-фраген (Швейцария), 3.01.2008.

234. Новый мировой порядок. Европа по-прежнему пребывает в заложниках у США. Левый фланг, № 1(4), 02.2008.

235. Адекватные ответы на угрозы безопасности России. Российская Федерация сегодня, № 4, 02.2008.

236. Парижская хартия 1990 года. Как США торпедировали общеевропейский дом. Дойче гешихте, № 1, 2008.

237. Перестройка и объединение Германии. Свободная мысль, № 1(1584), 2008.
238. О путях России в будущее. Альтернативы, № 1, 2008.
239. Новое документальное издание по германскому вопросу. 1986–1991. Протоколы бесед М.С. Горбачева с государственными деятелями. Новая и новейшая история, № 2, 2008.
240. Какая модель общественного развития нужна России. Социально-гуманитарные знания, № 2, 2008.
241. Будущее России: оптимальные сценарии. Выступление на круглом столе. Левое крыло, № 3, 06.2008.
242. По стопам Гитлера. Генеральный план «Ост» и современность. Свободная мысль, № 8, 2008.
243. Политика США на постсоветском пространстве. Национальные интересы, № 6, 2008.
244. Политику глобального господства под запрет. Российская Федерация сегодня, № 18, 2008.
245. Проект Конвенции о запрещении и наказуемости политики глобального господства. Экономическая и философская газета, № 37 (721), 10.2008.
246. План «Ост» в американском исполнении. Экономическая и философская газета, №№ 37–39, 10.2008.
247. Германия-Россия: взаимоотношения в разные времена. Ост-Вест-Панорама, 1.10.2008.
248. Кому помешал немецко-российский марш мира? Ост-Вест-Панорама, 04.2008.
249. Белорусское направление. Литературная газета, 28.01.2009.
250. Если капитализм отжил свое... Литературная газета, 15–21.04.2009.
251. Уроки 1939 года. Что скрывалось за пактом Гитлера и Сталина 70 лет тому назад. Националь-цайтунг, 24.07, 31.07, 7.08.2009.
252. Классовая недалёковидность. Что скрывалось за пактом о ненападении между Гитлером и Сталиным. Политический класс, № 47, 11.2009.
253. Недогрузили... Литературная газета, 12.09.2009.
254. Надо заботиться о собственных национальных интересах. ВПК – Военно-промышленный курьер, 14.10.2009.
255. Пример СЭВ поучителен. Российская Федерация сегодня, № 16, 2009.
256. Интервью о падении Берлинской стены. Юнге фрайхайт. 9.11.2009.

257. Удалось ли Гитлеру бежать от возмездия? Красная звезда, 12.11.2009 и ВПК – Военно-промышленный курьер, 03.11.2009.

258. О путях России в будущее. Российская Федерация сегодня, № 2, 2009.

259. Спасет ли нас социализм? Националь-цайтунг, 8.05.2009.

260. Марш мира? Запретить! Литературная газета, 20–26.05.2009.

261. Какая «перезагрузка» российско-американских отношений нужна России. Российская Федерация сегодня, № 18, 2009 и в ВПК – Военно-промышленный курьер, 20.09.2009.

262. Накануне войны. Уроки предвоенного политического кризиса. Мир перемен, № 3, 2009.

263. Трудные судьбы российских немцев. В соавторстве с проф. Вольфгангом Зайфертом и председателем Союза российских немцев Гуго Вормсбехером. Свободная мысль, № 8, 2009. Перепечатана в журнале «Ост-Вест-Панорама», 10.2009.

264. «Наш Бисмарк» в России. Дойчланд-журнал, 06.2009.

265. Что выявил кризис. Российская Федерация сегодня, №2, 2009.

266. Надо заботиться о собственных национальных интересах. О том, как российское руководство помогает снабжать войска США и НАТО в Афганистане. ВПК-Военно-промышленный курьер, 14.10.2009.

267. Неудавшиеся попытки реформирования СЭВ. Социально-гуманитарные знания, № 5, 09.2009.

268. Пакт о ненападении между Гитлером и Сталиным. Анализ с позиций современности на основе советских исследований и источников. Специальный выпуск журнала «Немецкая история», № 1, 2009.

269. Как Германия воспринимается в России. В книге «Германия в представлениях международной общественности». Берлин: «Немецкое общество исследования Германии», 2009.

270. Результаты фатальной переоценки своих сил. Безысходность войны США против Афганистана. Junge Freiheit, 29.01.2010.

271. Проект «Звезда» – в поисках путей выхода из холодной войны. Новая и новейшая история, № 2, 2010 и Социально-гуманитарные знания, № 1, 2010.

272. Немеркнувший подвиг народа. Как был положен конец фашистской экспансии. Социально-гуманитарные знания, № 3, 2010.

273. Удалось ли Гитлеру бежать от возмездия? Социально-гуманитарные знания, № 2, 2010.

274. Рецензия на книгу К.Н. Брутенца «Закат американской гегемонии». Литературная газета, 31.3–6.4.2010; Национальные интересы, № 3, 2010; Проблемы национальной стратегии, № 3, 2010; Экономическая и философская газета № 15, 4.2010.

275. Как Соединенные Штаты перенапрягли свои политические и экономические силы. National-zeitung, № 15–17, 4. 2010.

276. Русских должно было остаться всего лишь 14 миллионов. Крах нацистских планов в войне против Советского Союза. Независимое военное обозрение, 23–29.4.2010.

277. Высшая инстанция. Рецензия на книгу экс-канцлера ФРГ Гельмута Шмидта «После отставки. Подведение итогов». Литературная газета, 23–29.04. 2010.

278. Высшая инстанция. Расширенная рецензия на книгу Гельмута Шмидта «После отставки», Zeit-fragen (Швейцария), 24.07.2010.

На эту рецензию был получен отзыв от бывшего министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера следующего содержания:

Sehr verehrter, lieber Herr Daschitschew,

herzlichen Dank für Ihre Buchbesprechung, die den Kern des Denkens von Helmut Schmidt trifft. Auch wenn sich unsere Wege politisch trennen mussten, so stimmen doch in den wesentlichen Fragen Helmut Schmidt und ich weitgehend überein. So ist in meinen Augen Ihre Rezension nicht nur eine zutreffende, sondern auch dem Autor und dem Buch eine angemessene Würdigung.

Ich grüsste Sie herzlich

Ihr

Hans-Dietrich Genscher

Den 30. Juli 2010

Перевод отзыва:

«Глубокоуважаемый, дорогой господин Дашичев,

сердечное спасибо за Вашу рецензию, которая попала в самую сердцевину мышления Гельмута Шмидта. Хотя наши с ним пути политически разошлись, тем не менее наши позиции по существенным вопросам совпадали. Поэтому Ваша рецензия в моих глазах не только верно отражает вещи, но и достойно оценивает автора и книгу.

Я приветствую Вас сердечно

Ваш Ганс-Дитрих Геншер».

280. Как бы Гельмут Шмидт правил сейчас страной? «Nationalzeitung», 2.7.2010

281. Социалистическая реформация. Размышления о книге «1968 год. Пражская весна. Историческая ретроспектива». Литературная газета, 1–7.09.2010.

282. Набег финансовой саранчи. Как американские монополии скупают европейские предприятия. Литературная газета, 14–20.07.2010.

283. Стратегия финансовой саранчи. Национальные интересы, №3, 2010.

284. Новая доктрина российской политики США? Экономическая и философская газета, № 47, 11.2010. (Прогноз В.И. Дашичева об изменении американской политики в отношении России – «доктрина вовлечения» ее в евроатлантическое сообщество – был подтвержден З. Бжезинским в его книге «Strategic Vision», 6.2012.)

285. Образ США в мире сильно дискредитирован. Националь-цайтунг, 19.11.2010.

286. Почему Ассанж заслуживает похвалы, а НАТО должно быть отправлено на свалку истории. Националь-цайтунг, 07.01.2011.

287. Россия и судьбы социализма. В книге «Хроника смутного времени». Отв. ред. Афанасьев В.В. М.: изд-во «Канон-Плюс», 2011.

288. Процесс самоликвидации. Рецензия на книгу Т. Сарацина «Самоликвидация Германии. Как мы рискуем своей страной». Литературная газета, 9–16.2.2011.

289. Против разрушения государствообразующей нации. Российская Федерация сегодня, № 4, 2.2011.

290. Внешнеполитическая доктрина Горбачева и международные отношения. Мир перемен, № 1, 2011.

291. Крах плана «Барбаросса. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. Пространство и время № 1, 2011; Социально-гуманитарные знания, № 3, 2011; Геополитика, 10.5.2011.

292. Самоликвидация. Как разрушается государственность. Социально-гуманитарные знания, № 2, 2011.

293. Стратегические планы агрессии Германии против Советского Союза. Мир перемен, № 2, 2011.

294. Германия не суверенна. Zuerst, 8–9.2011.

295. Социализм и капитализм в судьбах России. Национальные интересы, № 2, 2011.

296. Европа отечеств. Российская федерация сегодня, № 12, 6.2011.
297. Почему социализм? Белорусская думка. Минск, № 5, 2011.
298. Путь к немецкому единству. Доклад на заседании «Общества Бисмарка» в день Национального праздника 3.11.2010. Ежегодник Общества Бисмарка, 2011.
299. Россия: испытание на прочность. Геополитика, 24.10.2011.
300. Россия и Германия: взаимоотношения в разные времена. В книге: Гельмут Вагнер, «Россия и Германия», Москва, 2011.
301. Провокации на службе политики США. Социально-гуманитарные знания, № 5, 2011.
302. Умрет ли капитализм? Мысли, навеянные мировым экономическим кризисом. National-zeitung, 28.10. и 4.11.2011.
303. Угрозы России. Как им противостоять? Социально-гуманитарные знания, № 6, 12.2011. Геополитика, 24.01.2011.
304. Война и мир в прошлом и настоящем. Геополитика, 24.11.2011.
305. За мир на земле. National-zeitung, 23.12.2011.
306. Теория конвергенции и путь России: от ошибок прошлого к выбору будущего. Пространство и время, № 4(6), 12.2011.
307. Свобода против нравственности. Геополитика, № 2, 2012.
308. Жажда глобального господства. Геополитика, № 2, 2012.
309. Германия в силовых полях великих держав. National-zeitung, 10.02.2012.
310. Загадки ноты Сталина от 10 марта 1952 г. National-zeitung, 24.02.2012.
311. Трактат Иммануила Канта «К вечному миру» и современные международные отношения». Социально-гуманитарные знания, № 1, 2012.
312. Война и мир в прошлом и настоящем. Мир и политика, № 2, 2012; Пространство и время, № 1, 2012.
313. Продолжение политики холодной войны в новых условиях. Социально-гуманитарные знания, № 2, 2012.
314. Какая модель общественного развития нужна России. Геополитика, 7.2012.
315. России нужен «Третий путь» развития. National-zeitung, № 23, 25.6.2012.
316. Судьба России еще не решена. National-zeitung, № 31, 26.7.2012.

317. Пора вернуться к принципам Парижской хартии. Геополитика, 15.8.2012; и в сборнике статей «Геополитика. Теория, история, практика. Труды международной научно-практической конференции». Научно-издательский центр «Пространство и время». М., 2012.

318. Парижская хартия: шанс на будущее для Европы. Экономическая и философская газета, № 36(926), 9.2012.

319. Из Европы должен исходить только мир. Неиспользованная Парижская хартия актуальна как никогда ранее. National-zeitung, 21.9.2012.

320. Иммануил Кант и современные проблемы международных отношений. Пространство и время, № 3 (9), 2012.

321. Глобальное господство и превентивный удар. Экономическая и философская газета, № 38 (928), 9.2012.

322. Угрозы России: как им противостоять? Геополитика, № 1, 2012.

323. Американская трагедия. Правда о теракте 11 сентября 2001. Мир и политика, № 10, 10.2012.

324. Война и мир в прошлом и настоящем. Экономические стратегии, № 8, 11.2012.

325. Россия: испытание на прочность. Социально-гуманитарные знания, № 5, 2012.

326. Какая модель общественного развития нужна России. Социально-гуманитарные знания, № 6, 2012.

327. Обвал России. Причины и последствия в оценках современников. Мир и политика, 6.2.2013.

328. XXI век будет самым опасным со времен рождения Христа. Пространство и время, № 1, 2013.

329. СССР не был обречен. Литературная газета, 24–30.4.2013.

330. Сотрудничество вместо конфронтации. О будущей роли России в европейском концерте. National-zeitung, 28.6.2013.

331. Холодная война: начало 1980-х. Об одной аналитической записке, представленной на рассмотрение Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова. Геополитика, № 1, 2013.

332. XXI век будет самым опасным со времени рождения Христа. Социально-гуманитарные знания, № 1, 2013.

333. Современная Россия: взгляд со стороны. Социально-гуманитарные знания, № 2, 2013.

334. Об анализе ошибок во внешней политике и предупреждении их повторения. Социально-гуманитарные знания, № 3, 2013.

335. Германия не суверенна. DipKurier/Russlanddeutsche Allgemeine, №38, 2013.

336. Что будет с российской наукой. Экономическая и философская газета, № 37, 8.2013.

337. Европа проиграла XX век Соединенным Штатам Америки. Мир и политика. The Scientist, № 10, 10.2013.

338. Обвал России в 1990-е годы. Причины и последствия в оценках современников. Экономические стратегии, № 5, 2013.

339. Евроазиатская шахматная доска. Новая холодная война против России. Рецензия на книгу Б. Роде. Мир и политика. The Scientist, № 11, 11.2013; Социально-гуманитарные знания, №6, 2013. Литературная газета, 21.07.2013.

340. Страны СНГ и Запад (соавтор И.И. Орлик). Новые независимые государства в современных международных отношениях. Вестник научной информации, РАН, Институт экономики, № 1, 2013.

341. Проект нового американского века. Геополитика, № 2, 2013.

342. В поисках нового европейского порядка и прекращения конфронтации между СССР и США. Доклад с комментариями на заседании советских и американских политологов в 1988 г. Социально-гуманитарные знания, № 1, 2014.

343. В терниях советской исторической науки. Новая и новейшая история, № 2, 2014.

344. Почему и как был разрушен Советский Союз. Социально-гуманитарные знания, № 2, 2014.

345. Роковой геополитический просчет Сталина. Уроки военно-политического кризиса накануне Второй мировой войны. Социально-гуманитарные знания, № 3, 2014.

346. «Политика господства Вашингтона» и крымский кризис. National-zeitung, 7.5.2014.

347. Россия: испытание на прочность. Вестник научной информации, РАН, Институт экономики, 2014. 170 с.

**СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ
НА МУЛЬТИПОРТАЛЕ КМ.RU
(Публицистика, спецпроекты, 2009–2014 гг.)**

Статьи:

1. «Политика господства: от XX к XXI веку (21.04.2014).
2. «Что будет с российской наукой?» (05.08.2013).
3. «Обвал России в 1990-е годы. Причины и последствия в оценках современников» (05.02.2013).
4. «20 лет разрушения России» (04.01.2013).
5. «Пора вернуться к принципам Парижской хартии» (15.08.2012).
6. «Какая модель общественного развития нужна России» (22.06.2012).
7. «Модель дикого капитализма, навязанная России, оказалась губительной» (14.04.2012).
8. «Выдержит ли Россия дальнейшее испытание на прочность?» (26.10.2011).
9. «Политика США на постсоветском пространстве в исторических сравнениях» (25.06.2011).
10. «Крах плана “Барбаросса”» (20.06.2011).
11. «Провокации на службе политики США» (27.05.2011).
12. «Самоликвидация (Как разрушается государственность)» (11.03.2011).
13. «Новая доктрина российской политики США?» (11.11.2010).
14. «Россия и судьбы социализма». Ч. 1–2 (23.07.2010).
15. «Русских должно было остаться всего лишь 14 миллионов» (6.05.2010).
16. «Закат американской гегемонии» (8.04.2010).
17. «Нужно было наложить запрет на вывоз российского капитала за рубеж» (25.01.2010).
18. «Из истории разрушения основ национальной безопасности России» (21.12.2009).
19. «Нужно национализировать банковскую систему РФ» (14.12.2009).
20. «Удалось ли Гитлеру бежать от возмездия?» (6.11.2009).
21. «Это – общий кризис капиталистической системы» (19.10.2009).
22. «Накануне Второй мировой...» (27.08.2009).

23. «Надо заботиться о собственных национальных интересах» (13.08.2009).

Статьи, обсужденные на мультипортале KM.RU:

1. 27.05.2011. «Провокации на службе политики США» *Самой грандиозной провокацией явился теракт, организованный американскими спецслужбами 11 сентября 2001 года.*

2. 14.04.2012. «Модель дикого капитализма, навязанная России, оказалась губительной»
Сначала необходимо поставить диагноз, чем же больно наше общество.

3. 25.06.2011. «Политика США на постсоветском пространстве в исторических сравнениях»
Россия на протяжении многих веков неоднократно была объектом военного воздействия внешних сил.

4. 22.06.2012. «Какая модель общественного развития нужна России»
За прошедшие 20 лет наш народ сполна испытал внезапно свалившиеся на него «прелести» новоявленного капитализма.

5. 8.04.2010. «Закат американской гегемонии»
Гегемонистский курс США представляет собой угрозу национальной безопасности и существованию России.

6. 19.06.2009. Россия выталкивает Белоруссию на Запад
Лукашенко оказался между двух огней – между НАТО – Соединенными Штатами и Кремлем.

7. 20.06.2011. «Крах плана “Барбаросса”»
На рассвете 22 июня 1941 г. германские войска обрушили удар колоссальной силы против Советского Союза.

8. 21.12.2009. «Из истории разрушения основ национальной безопасности России»
За годы господства Ельцина основы национальной безопасности и независимости России были разрушены.

9. 23.07.2010. «Россия и судьбы социализма». Ч. 1–2
Положение России заставляет задумываться: а в правильном ли направлении движется наша страна?

10. 11.03.2011. «Самоликвидация (Как разрушается государственность)»
Основные объекты разрушительной политики США.

Научно-публицистическое издание

Дашичев Вячеслав Иванович

ОТ СТАЛИНА ДО ПУТИНА

*Воспоминания и размышления
о прошлом, настоящем и будущем*

Издатель Леонид Янович

Корректоры: *Иннокентий Гридин, Лариса Касьянова*

Верстка и макет: *Ксения Пагирева*

Технический редактор: *Евгений Янович*

Художник: *Ксения Пагирева*

Налоговая льгота -

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2;

953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»

Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,

по вопросам реализации 8-985-427-9193

E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве

в Интернете: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати 27.11.2014

Формат 60x90/16. Бумага офсетная №1

Печать офсетная. Усл.-печ. л. – 38

Тираж 550 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»

428019, г.Чебоксары, пр. И. Яковлева,15

НОВЫЙ ХРОНОГРАФ

9785948812670